ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ ЗОЛОТОЕ ПЕРО

14

АЛЬФРЕД ЭЛТОН ВАН-ВОГТ

Библия ПТА

А.Э. ВАН-ВОГТ

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 14

АЛЬФРЕД ЭЛТОН ВАН–ВОГТ

Библия ПТА
Слэн
Империя атома
Война против рулл

Перевод с английского

Москва
«Топикал»
1993

ББК 84.7
В 74

Оформление серии
Владимира Катина
Иллюстрации
Александра Яцкевича

Ван-Вогт А. Э.
В 74 Библия Пта: Романы / Пер. с англ.— М.: Топикал, 1993—544 с., ил.— (клуб «Золотое перо»: Любителям фантаст.; Вып. 14).

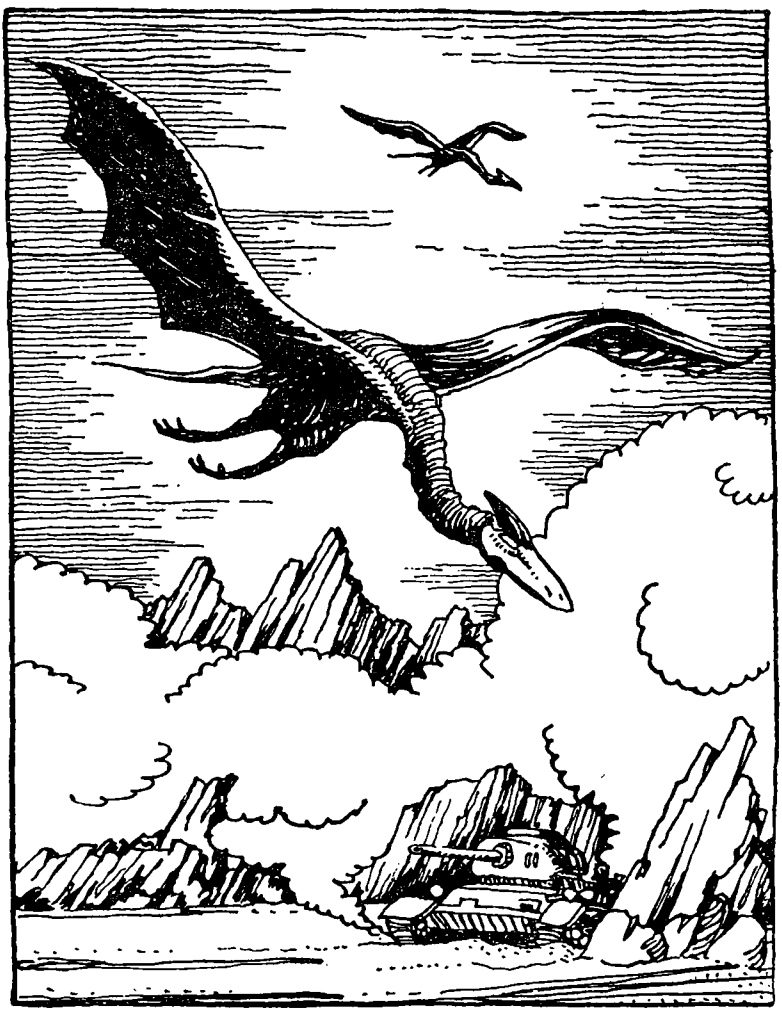
ISBN 5-85256-005-7

В книгу вошли романы «Библия Пта», «Империя атома», «Война против рулл» и «Слэн», представляющие для любителей фантастического жанра несомненный интерес.

ISBN 5-85256-005-7

© Художественное оформление серии, иллюстрации, составление: «Топикал», 1993

Библия ПТА



Глава 1

Возвращение Пта

Он был ПТА.

Не то, чтобы он подумал, что это его имя. Просто это было в нем, частью его, как тело и руки, как ноги и земля, по которой они ходили. Нет, последнее неправильно. Земля не была частью его. Несомненно, связь была, но весьма неясная и запутанная. Он был Пта, и он шел по земле, направляясь к Пта, возвращаясь в столицу Пта, в столицу его империи Гонволан после долгого отсутствия.

То немногое, что было ясным, с чем можно было согласиться, не размышляя, было очень важным. Он чувствовал необходимость этого пути, который он покрывал ровным быстрым шагом, чтобы увидеть следующий изгиб реки и повернуть к западу.

К западу простиралось огромное пространство, поросшее травой, изредка деревьями, и вдали, подернутые дымкой тумана, высились горные пики — его конечная цель.

С досадой он смотрел на реку, которая, все время петляя, преграждала путь, отнимая у него силы и время. Всеми своими силами и смутным знанием он жаждал добраться до тех гор, смеяться, весело кричать, прыгать, когда достигнет их.

Тут же он поймал себя на том, что не до конца уверен в себе.

Он — Пта, возвращающийся к своему народу. Но на кого похож его народ? Как выглядит Гонволан?

Этого он не мог вспомнить, хотя изо всех сил старался найти ответ на эти вопросы, и это было вне его возможностей.

Сейчас он должен пересечь эту реку. Дважды он ступал уже на мелкий мокрый песок берега — и каждый раз отступал назад, ошарашенный чуждостью. Неожиданно он почувствовал боль от сознания, что он что-то знал прежде, до того, как вышел из темноты. В замешательстве он смотрел на горы, которые лежали у самого горизонта на юге, востоке и севере. Они выглядели так же, как горы на западе, с одним лишь существенным отличием: они его не интересовали.

Опять поглядел на западные горы. Ему нужно идти к ним, мешает река или нет. Ничто не может остановить его. Через реку, вперед... Величественный мир манил.

Он ступил в воду, отступил на мгновение, затем вошел в темное, крутящееся течение. Река охватила его, казалось, что она живая. Она тоже двигалась по земле и не была частью ни его, ни земли.

Его размышления закончились, когда он провалился в глубокую яму. Вода жадно взметнулась вверх, хлынула в уши, рот, нос. Судорожно сжало дыхание. Он присел и резко оттолкнулся руками и ногами от дна, стремясь выбраться на более мелкое место. После нескольких судорожных попыток это ему удалось.

Он не испугался, просто почувствовал некоторое неудобство — он хотел идти к горам, а река пыталась остановить его. Но он не позволит ей задержать себя. Если кому-то и будет больно — то ей. И смело шел вперед.

Он не обращал внимания на спазмы в горле, шел прямо через тьму воды, которая сдерживала его. Наконец, его надежды оправдались, боль ушла. Вода поддерживала его и омывала, ноги погружались в мягкое дно, и каждый раз, когда он выныривал, видел, что значительно продвинулся вперед.

Резкая волна боли вновь охватила его, когда он уже почти достиг берега. Вода попала ему в рот, он судорожно откашлялся и, выйдя на берег, упал на траву.

Когда приступ закончился, он встал и некоторое время смотрел в темноту крутящегося потока. Когда он отвернулся, то уже знал точно: он не любит воду.

Дорога озадачила его, когда он ступил на нее. Почти прямой линией она уходила на запад. Совершенно очевидно, что у нее есть цель, но она ему непонятна. Он начал

думать о реке, которая бурлила, вращалась, но в то же время создавалось впечатление, что она никуда не течет. Тут он решил, что разбираться в этом не имеет смысла, нужно идти дальше. И когда остановился на этом решении, откуда-то послышался неясный звук.

Он прислушался. Звук приближался. Он шел с севера, откуда тянулась дорога, скрывавшаяся за поросшим деревьями холмом. Вначале он ничего не увидел, затем источник шума оказался у него на виду. Он имел тело, подобное ему.

У верхней части были руки и ноги, тело и голова, точь-в-точь как у него. Лицо было светлым, а все остальное более темного цвета. Но на этом сходство и заканчивалось. Ниже была непонятная штуковина из дерева, ограниченная по краям большими кругами, а впереди всего этого возвышалось большое алое существо, четырехногое, с большим рогом, торчащим из лба.

Пта двинулся прямо навстречу этому зверю, глаза широко раскрыты, а мозг цепко фиксирует все детали. Он услышал, как верхняя часть этого странного сооружения что-то пронзительно крикнула ему и затем морда, с возвышающимся над ней рогом, ткнулась ему в грудь. Животное остановилось.

Пта почувствовал растущее раздражение. Человеческая часть сооружения все еще орала на него; это он понимал. Наконец до него дошло, что это сооружение не является единым целым. Оно состояло из ч а с т е й. И он ясно понял, что́ оно говорит ему.

— Что с тобой? Лезешь прямо под повозку! Ты болен? Что за идиотская мысль расхаживать нагишом? Хочешь, чтобы солдаты богини увидали тебя в таком виде?

Слишком много смысла было заложено в том, о чем он говорил, слишком много слов громоздилось одно на другое. Он с трудом улавливал их смысл. Его злость увяла от усилия связать набор слов в одно целое.

— «Повозка»?— повторил он наконец.— «Болен»?..

Человек насмешливо уставился на него.

— Ты — болен,— еще раз сказал он.— Тебе следует отправиться со мной в Линн, в замок. Это в пяти канбах отсюда. Там тебя накормят и окажут медицинскую помощь. Иди сюда, я тебе помогу.

Когда повозка двинулась, человек сказал:

— А где твоя одежда?

— «Одежда»?— смешно переспросил Пта.

— Определенно,— сказал человек, вглядываясь в него,— ты хочешь сказать, что не знаешь, что раздет? Да? Посмотри на меня.

Пта тяжело повернулся. В тоне, каким это было сказано, чувствовался особый смысл, который ему не нравился, а именно предположение, что с ним что-то не в порядке.

— «Раздет»? «Одежда»?

— Не волнуйся,— заторопился путник.— Присмотрись... одежда... как вот эта!

Он ухватил собственный грубый пиджак и потянул его.

Ярость окончательно покинула Пта. Он всматривался в человека, пытавшегося объяснить, что он вовсе не темный ниже головы, просто что-то темное покрывало его тело. Он снял пиджак и повернул в разные стороны, давая возможность лучше рассмотреть его. Этот кусок одежды издавал шуршащий звук и свободно мялся в пальцах Пта. Он усмехнулся.

Тут человек закричал:

— Эй, ты, что это...

Пта озадаченно глянул на него. Ему пришло в голову, что это создание, такое шумное и крикливое, остановило его, чтобы показать свою одежду. Внезапно, инстинктивно, он тронул дыру на спине, плохо прикрываемую заплатой, и широко улыбнулся.

Глаза человека сузились, губы сжались, он прошипел:

— А ты знаешь, что такое одежда. Ты вовсе не болен. Ты дурачишь меня...

На его лице отразилось созревшее решение. Неожиданно, он хлестнул пиджаком животное, и оно рванулось вперед. Повозка подпрыгнула на кочке, и Пта, не готовый к этому, вылетел из нее.

Он лежал на дороге, а тележка быстро уносилась на запад. Все дальше и дальше на запад, а возничий стоял прямо, непрестанно нахлестывая быстро несущееся животное.

Пта пошел по дороге, думая об экипаже и животном. «Перемещаться на них довольно приятно»,— со злостью подумал он.

Прошло достаточно много времени, прежде чем на дороге, впереди, появились огромные звери. Он следил за ними с нарастающим интересом, особенно когда заметил, что сверху на них сидят люди. Сидя на животных, наездники передвигались очень быстро, покрывая значительное расстояние. Он ждал, подрагивая от нетерпения. Полно-

стью он рассмотрел их лишь тогда, когда четверо животных приблизились достаточно близко.

Они были значительно крупнее, чем он ожидал. Они возвышались над ним, были вдвое выше его и несоизмеримо массивнее.

Их длинные ярко-желтые шеи заканчивались маленькими, злобными на вид трехголовыми лошадиными мордами и резко контрастировали с зелеными телами и пышными, длинными, причудливого фиолетового цвета хвостами.

Они нетерпеливо перебирали ногами и все время крутились, осаживаемые седоками. Несмотря на большие размеры и массу, они двигались легко и быстро в клубах пыли, взбитой ими же.

— Это он,— сказал один из седоков.— Фермер его так и описал.

— Малый прекрасно выглядит,— добавил второй.— Точно так, как и нужно, чтобы мы могли его задержать.

Третий нахмурился.

— Где-то я его видел! Наверняка! Не могу только вспомнить, где.

Они пришли за ним потому, что им его описали. Безусловно, это сделал человек в повозке, его враг. Почему-то это было вне его понимания, но это только подтвердило его догадку.

Длинный волочащийся хвост представлял прекрасную возможность взобраться на зверя, и, очевидно, это прекрасно понимали наездники. Воспользоваться животным, которое несло одного из наездников, было бы неплохо.

Он сказал:

— Не поможете ли вы мне? До Линна пять канб. В замке меня накормят и окажут медицинскую помощь. Спуститесь и помогите мне взобраться наверх. Я болен и раздет.

Это показалось убедительным даже ему. Он ждал, наблюдая за их реакцией на его слова, изучая каждое ответное слово и жест, отмечая фразы для будущего использования. Один наездник посмотрел на другого, затем улыбнулся. Наконец терпеливо сказал:

— Будь спокоен, парень, мы понимаем тебя. Для этого мы и здесь.

Другой добавил:

— Ты только немного напутал, незнакомец. Линн в трех канбах, а не в пяти,— усмехнулся он.— Твое сча-

стье, что ты безобиден... Мы думали, что ты — мятежник. Вот тебе одежда... Дальярд!

На траву у дороги упал сверток. Пта недоуменно смотрел на части одежды, рассыпавшиеся на траве, в то же время краем глаза изучая, как одеты стражники. Но, к несчастью, их одежда отличалась от той, которая была рассыпана перед ним.

— Ты — тупоголовый идиот!— грубо сказал один из наездников.— Не знать ничего об одежде! Вон то — верхняя одежда, а это — белье. Его одевай первым.

Мозг Пта соображал уже быстрее. Теперь у него было больше фактов, которые он мог связать воедино. Подгоняемый сердитыми понуканиями, он через несколько минут оделся. Подошел к одному животному и протянул руку солдату, тому самому Дальярду, который бросил ему одежду.

— Подняться,— сказал он.— Помоги мне подняться.

Предположение, что ему помогут, оправдалось.

— Держись за мою руку и взбирайся в седло.

Это было легко. Совершенно легко. Пта помогал себе мускулами одной руки, держась другой за предложенную ему руку. Как только он очутился в седле, то вышвырнул своего помощника оттуда. И тот, проделав полет по длинной траектории, ударился о землю.

С проклятьями тот стал подниматься на ноги, а Пта, нахлестывая скакуна, направился на запад. Он двигался в том же направлении, куда уехал его обидчик в повозке.

Быстрая езда привела его в восторг. Не было ни тряски, ни раскачивания, ни скачков вверх-вниз, как в повозке. Это был медленный, плавный и убаюкивающий ритм. Таким образом он, несомненно, пропутешествует весь оставшийся ему путь.

Он с интересом поглядывал то на галопирующие ноги животного, то на его колышущийся в воздухе хвост, который, казалось вздымал клубы пыли, повисшие сзади.

Так продолжалось до тех пор, пока он случайно не оглянулся. По дороге за ним неслись преследователи, он успел отметить, что на последнем животном два седока.

Это было красивое зрелище — скачка наперегонки. Но постепенно преследователи стали неотвратимо настигать беглеца. Они приближались все ближе и ближе, и он почувствовал, что сделал ошибку и вряд ли успеет нагнать человека в повозке. Их крики уже были ясно слышны ему. Они были уже рядом.

С нарастающим раздражением он следил, как звери окружают его. Возможно, его животное было не очень резвым, а может быть, преследователи знали способ увеличить их прыть.

Двое животных вытянули длинные шеи и уже почти касались его своими мордами.

Внезапно его животное стало на дыбы, так что он чуть не вылетел из седла, и замерло на месте.

Пта сидел, сердитый и неподвижный, ожидая, когда преследователи приблизятся. Ситуация для него была абсолютно странной и новой. Беспомощному, ему оставалось лишь думать о предстоящих решительных действиях, когда эти люди постараются что-то предпринять, чтобы стащить его с животного.

Один из них сказал:

— Ну, мы его поймали. Что дальше?

— Дайте мне отплатить ему,— заверещал Дальярд.— Я превращу его смазливую физиономию в кровавое месиво.

Пта уставился на него. Он не был уверен, что правильно понял его слова, но его мускулы напряглись и он подобрался, ожидая чего-то необычного. Смутный план зародился у него в голове: он вышибет их всех из седел, направляя свое животное им всем в бок.

Он увидел, как один из стражников вытянул из продолговатого кожаного чехла, который лежал поперек седла за ним, характерную длинную вещь. Когда он поднял ее вверх, ее конец вспыхнул ярким светом на солнце.

— Слезай!— закричал он.— Слезай на дорогу, или я нанижу твою бестолковую голову на копье!

— Почему бы не проткнуть его?— настаивал Дальярд.— Научи его не перечить стражникам.

Мозг Пта захлестнуло недовольство, постепенно перешедшее в ярость, и это увеличивало его возможности. Он увидел вариант, который мог бы использовать. Прежде всего он был направлен против Дальярда и человека, с которым тот делил седло.

Животное, на котором они сидели, можно было легко достать рукой. Схватить его пальцами, сбить ударами ног седоков и...

Затем ему следует напасть на человека с копьем, и уже после него расправиться с оставшимся, но ясно, что это будет потом. А вначале ему нужно управиться с этими двумя...

Кулак опустился ему на лицо.

Это было неприятно, не потому, что больно, ему не было больно, просто это было необычно для него, но в то же время это вынудило его к решительным действиям. Его нога вошла в лицо человека позади Дальярда.

Хрустнули кости, брызнула кровь. Человек с диким криком откинулся назад и вывалился из седла на землю. Тот же эффектный способ Пта применил и по отношению к Дальярду. Тот вывалился из седла, грохнулся о землю и с криками стал кататься по ней.

— Проткни его, Бир, проткни! Он убил Сэна!

Пта отклонился в седле. Он ожидал боли, но ничего не произошло. Человек с копьем был уже далеко впереди них. Пта подстегнул свое животное и попробовал догнать беглеца, но когда он достиг большой лощины, куда умчался преследуемый, то увидел, что его силуэт мелькнул меж деревьями.

На выходе из лощины дорога плавно поворачивала направо. Вблизи в поле работали люди, выпалывая сорняки.

Изумленный, Пта остановил свое животное. Перед ним было явно ненормальное зрелище. Дорога разделялась на две, совершенно одинаковые. Этот абсурд привел его в недоумение.

Напряжение отступило перед этим неожиданным фактом, он расслабился. Только что здесь была одна дорога. Теперь же она раздваивалась. Одна ее часть плавно шла направо, а другая вела на запад, к огромной равнине.

Наконец он опомнился и направился к своей цели. Он уже довольно долго ехал по западной дороге, когда в небе послышался звук.

Над ним пронесся летящий зверь, едва не задев. Его огромные, серо-голубые крылья резко вздымались, длинная треугольной формы голова свешивалась вниз, всматриваясь в него яростными, огненного цвета глазами. Пта заметил на его спине двоих людей, и один из них — Бир. Пта застыл.

Его враг на необычном летающем чудовище, который, ничего не опасаясь, будет надоедать ему. Это упорное преследование становится невыносимым. Пта потряс кулаком и закричал, что их ожидает то же, что и всадников на животных.

Летающий зверь сделал еще один круг, затем поднялся выше и медленно полетел в западном направлении. Вот он стал точкой в небе, а затем и вообще исчез.

Пта продолжал скачку. Внезапно солнце, которое он едва замечал, так как оно было уже над горизонтом, вовсе исчезло в облаке пыли. Пыль приближалась, пока наконец не превратилась в длинную лаву животных, таких же, как у него, и на каждом был наездник. Над скачущими животными парило множество серо-голубых существ.

Огромная толпа неслась прямо на него; сплошная волна животных окружила его. Что-то длинное и тонкое, похожее на очень длинные вожжи, захлестнуло его. Рывок, и он слетел на землю. Он упал на руки и колени, и в тот момент смятение охватило его. Звери крутились вокруг, крики, шум, гам — даже при желании трудно было устроить такой бедлам.

Наконец, оправившись, он встал.

Затем Пта ухватил лассо руками и скинул его с себя. Освободившись, он понял, что его спешили и что весь «процесс» приобретения верхового животного придется повторить снова.

Пта стал присматриваться, стараясь увидеть среди всадников Бира. Его не было видно, это хорошо. Значит, они еще не знают его уловки. Он задумался на мгновение, подыскивая подходящие слова, затем сказал:

— Спуститесь и помогите мне взобраться. До Линна всего три канба. Там меня накормят и окажут медицинскую помощь. Я...

Он остановился, его взгляд упал на... не мужчину. Это создание походило на остальных, но вместо шорт на нем было длинное темное платье и вместо того, чтобы сидеть в седле, оно размещалось в небольшом ящике, закрепленном на спине животного. Перед ящиком сидел человек, который управлял животным. Женщина заговорила звучным контральто.

— Мой лорд,— сказала она,— что за странная речь? Он сумасшедший?

Высокий мужчина с волосами серо-стального цвета ответил:

— Думаю, да. Хочу тебе сказать, дочь, что повстречавший нас стражник предупредил, что этот парень — убийца. Капитан, передайте принцессе донесение.

Пта с интересом прислушивался к объяснению. В нем было много интересного для него. Слова, которые он не мог ни с чем связать, ни с каким образом, но сквозь которые проскальзывала угроза.

Тот факт, что, начиная с человека в повозке, его все

время пытались задержать, раздражал его, но это было уже столько раз, что ему не следует обращать внимание. Он пойдет дальше. Решение принято, он повернулся и, пройдя мимо зеленой туши животного, пошел по дороге дальше.

Дул прохладный ветерок, который немного освежал его. Пта не успел отойти, как вдруг что-то пронеслось мимо него, и он отлетел в траву, сбитый животным. Снова он был окружен.

Женщина сказала мягко:

— Даже для сумасшедшего его логика необычна. Что ты намерен делать с ним, мой лорд?

Человек пожал плечами.

— Казню. Убийца есть убийца,— он кивнул капитану.— Выдели шесть человек. Оттащите его в поле и заройте там. Трех футов будет достаточно для могилы.

Пта насмешливо смотрел, как шестеро спешиваются. Для него слова «мой лорд» наконец приобрели какой-то смысл, но все же в словах было заложено столько информации, что он еще не увязал их в единую картину. А серьезный тон указывал, что его положение угрожающее.

Действительность пришла к нему неожиданно, когда двое наездников, незамеченные им, подошли к нему сзади и схватили за локти. Действие было таким неприятным и оскорбительным, что он молниеносно расшвырял их в стороны, и они полетели в грязь. Пта раздраженно повернулся — и в этот момент третий нырнул к его коленям. Когда одно его плечо опустилось и рука коснулась ноги Пта, тот яростно ударил его двумя сжатыми в кулак руками по голове. Бедолага рухнул на землю и остался неподвижно лежать.

Пта наступил одной ногой на грудь поверженного врага и в этот момент был схвачен двумя всадниками, которые обхватили его руки и грудь, третий упал в ноги и обхватил их. Они повалили его на землю, это уже совсем было невыносимо. Пта напрягся, высвободил одну ногу и пнул ею солдата, державшего его ноги. Затем разорвал объятья двух других, встал на ноги и, ухватив обоих, стукнул их друг о друга головами, после чего отшвырнул прочь.

Он посмотрел затем на лорда и перевел взгляд на женщину, затем опять на лорда. Так Пта переводил свой яростный взгляд с одного на другую, как бы примеряясь к расстоянию, разделявшему их. Все молчали, потрясенные таким концом, молчал и он, переводя дыхание.

Наконец женщина сказала:

— Кажется, я его прежде видела. Незнакомец, как тебя звать?

Вопрос остановил начало его действий. «Его имя? Ну, Пта, конечно. Пта из Гонволана, Трижды Величайший Пта». Он почувствовал изумление от этого вопроса. Он нетерпеливо потряс головой и произнес это, но из-за крика, который подняли товарищи пострадавших воинов, ничего не было слышно. Лорд кричал о каких-то стрелах и яростно жестикулировал руками; тут же какая-то боль пронзила левую часть груди Пта.

Он опустил голову и увидел, что в его груди торчит тонкая деревяшка. Недоуменно посмотрев на нее, Пта выдернул ее и выбросил. Вторая пригвоздила его руку к телу. Он выдернул ее и развернулся к человеку, который доставлял ему такое беспокойство. Он услышал, как женщина закричала:

— Мой лорд, останови их! Останови их! Неужели ты не слышал, что он сказал? Разве ты не видишь?

— Что?— Мужчина повернулся к ней.

Пта в бешенстве выдернул третью стрелу. Он услышал в ее голосе озадачившую его нотку.

— Разве ты не видишь?— ответила женщина.— Он — «чья сила неисчерпаема, кто не ведает усталости, не знает страха...»

Голос мужчины хлестнул:

— Что за дурацкая болтовня? Этот миф мы поддерживаем для толпы. Мы же с тобой говорили тысячу раз, что богиня Инезия использует имя Пта для пропаганды.— И добавил:— Ну, и это невозможно.

Она вскрикнула:

— Останови их! Он вернулся после веков отсутствия к расе. Присмотрись! Его лицо! Похоже на статую в замке.

— Или похоже на принца Инезио, любовника богини,— сказал мужчина.— Не вмешивайся! Дай закончить.

Паника отразилась на лице женщины, ее глаза сузились.

— Не здесь,— сказала она быстро.— Доставь его в замок.

Лорд отдал команду своим людям, а затем сказал Пта:

— Ты пойдешь с нами в замок Линн. Мы накормим и вылечим тебя, а затем дадим тебе летающего скрира, который доставит тебя, куда пожелаешь.

Глава 2

Богиня в цепях

В глубине большого дворца-крепости в городе Пта темноволосая величественная женщина мрачно вздыхала. Каменный пол, на котором она лежала, съежившись, был сырым и холодным. За все века своего заключения она еще ни разу не простудилась, хотя на ней и были тяжелые цепи.

С того места, где она лежала, было видно кресло, в котором сидела золотоволосая красавица с улыбкой торжества, она могла хорошо слышать этот мягкий звенящий смех, который закончился, когда женщина сказала приятным чистым голосом:

— Ты все еще сомневаешься в моих способностях, дорогая Лоони? Это ведь старая история. Помнишь время, когда ты не верила, что я смогу заточить тебя в темницу? И вот ты здесь...

...а помнишь, когда я впервые спустилась сюда сказать тебе, что намерена уничтожить могущество Пта, а ты напомнила мне, что только мы вдвоем можем отбросить его в прошлое, что я должна тебя использовать как полюс Власти и что для этого требуется твое согласие. Возможно, наконец, ты начинаешь понимать, что пока ты с простодушной надеждой ожидаешь своего Пта, проживающего миллиарды человеческих жизней, я изучала потенциальные пределы божественной силы, которую он предоставил в наше распоряжение.

Брюнетка шевельнулась и произнесла, выдохнув:

— Ты изменница, Инезия!

На губах другой женщины заиграла улыбка.

— Какая же ты наивная,— сказала она нежно.— Каждое твое слово показывает, что я не могу потерпеть поражение. Твои колючие слова в действительности пусты. Пта мертв, и ты мертва, навсегда.

Брюнетка приподнялась. Что-то придало ей силы, что было видно по огню, который появился в ее глазах.

— Никто из нас еще не умер. А то, что ты говоришь сейчас, означает, что ты чем-то встревожена. А, Инезия? Динамическая сущность Пта, несмотря на то, что ты его отправила в прошлое Гонволана, и то, что ты лишила его власти, совершила полнейшее насилие над его личностью, должно,— тут в ее голосе послышалась сардоническая нот-

ка,— должно, несомненно, причинить тебе некоторые сомнения.

После паузы она продолжала:

— И не забывай, дорогая Инезия, не забывай о чарах: в течение долгих лет он защищался от опасности, которой ты сейчас наслаждаешься. Семь защит прикрывают его, Инезия, ни больше, ни меньше. Но снять их без вреда может только он.

Закончила она насмешливо:

— Я могу проиллюстрировать твою попытку использовать неприручаемую сущность порывистого и неукротимого волевого Пта делать то, что ты хочешь. Пта, который становится все более искусным и ежечасно растет в умственном отношении. Время проходит, Инезия, драгоценное, необратимое время.

В тот момент, когда она закончила, в небольшой каменной темнице зазвучал издевательский смех. Звук угас. Внезапное сознание, что она зря тратит свои силы, заставило Лоони вернуться в прежнее положение.

Выражение лица Инезии изменилось. На детском личике ее была написана радость животного, которое преуспело в провоцировании мятежа со стороны практически беспомощной жертвы.

— Как странно,— сожалела Инезия,— на все твои догадки у меня есть ответы. Я играла бы с огнем, если бы позволила Пта свободно развиваться и изучать все обычным образом. Возможно, ты забыла, что у него много человеческих личностей. Последнюю из них я перенесу поближе сюда и буду господствовать над ней, запутывать, лишать воли...

...Ох уж эти наивные чары, как легко они будут разрушены! Ты знаешь, что во дворце Нушира Нуширванского есть божественный трон. Чтобы достигнуть его, Пта следует завоевать Нуширван. Я лишу его человеческую личность изобретательности, окружу его огромными армиями. У меня несколько альтернативных планов. До тех пор, пока этот трон существует, я не могу обладать абсолютной властью в Гонволанс. А это — скрытый признак его главенства!

...Я должна убедить его или заставить пересечь реку кипящей грязи, которая все эти годы мешала мне в достижении трона. Должна тебе сказать, что, когда я доберусь до трона, мне понадобится несколько часов, чтобы уничтожить его.

...Чарами я сплету для него великий узор. Он должен полюбить меня, признать мою божественность. Испытывая могущественную волну молитвенного экстаза, он лишит себя гарантий смерти, пройдет через царство тьмы и, как я уже сказала, пересечет реку кипящей грязи.

...А теперь, дорогая Лоони, я вынуждена оставить тебя. Часть сказанного мною исполнилась. Процессия, сопровождающая Пта, приближается к замку. Мне нужно подчинить мозг принцессы и быть там, в гуще событий, управляя ими...

Лоони проследила, как Инезия удобнее устроилась в кресле и закрыла глаза. Давление присутствия ее личности ослабло. В подземной тюрьме наступали более густые сумерки. Два тела, сидящей Инезии и лежащей прикованной Лоони, казалось, молчаливо изучали тьму в помещении.

Опускалась ночь. День проходил.

Глава 3

Человек из 1944 года нашей эры

Замок был угрюмым, с низкими потолками и ограниченным обзором изнутри. Встревоженный сознанием близости стен и давлением на него потолка, Пта смотрел на пищу, стоящую на столе.

От нее исходил туман, тепло и острейший аромат, который приятно щекотал его ноздри. В дальнем конце стола послышался голос «моего лорда», который предложил ему сесть. Озадаченный, Пта подчинился.

Он ничего не упускал в течение этого рейда в замок Линн. Его чувства, отточенные тяжелым опытом, обогащенные новыми мыслями, зарегистрировали все. Замок был сложен из белого камня, который приобрел со временем грязно-серый цвет, и окружен редкими деревьями, которые в свою очередь были окружены зданиями города. Замок давно не ремонтировался и производил неприятное впечатление.

Он увидел других людей, сидящих за столом. Среди них присутствовала принцесса, чьи волосы сверкали как вода, которая причинила ему боль, отличие было лишь в том, что он не чувствовал ни малейшего неудобства. Он отметил также несколько мужчин, сидящих в глубине

комнаты. Это были безымянные существа, которые бесшумно сидели на своих местах. Они с бесстрастными лицами следили за ним одинаковыми черными глазами.

— Все в порядке...— Это сказала женщина.— Он никогда прежде не видел пищу.

Пта быстро взглянул на нее. Что-то в манере, с которой она произнесла это, ему не понравилось. В ответ он получил такую ослепительную улыбку, что его раздражение отступило.

Лорд сказал:

— Осторожно! Давай есть, поглядим, будет ли он подражать нам.

— Я уверена,— сказала женщина,— что нет необходимости шептаться между собой. Назад он вернулся без памяти. Он же ничего не знает! Взгляните на него.

Это был первый вкус, который он ощутил. Пта поглощал пищу бездумно, не обращая внимания на остальных. Она была хорошей и теплой. Каждый кусок волновал его язык. Он даже не заметил приборов у тарелки. Закончив, Пта отставил тарелку в сторону.

— Где скрир?— спросил он.— Теперь я полечу в Пта.

Женщина улыбнулась.

— Вон там...

Лорд положил руку ей на плечо.

— А ты уверена...

— Мы можем лишь потерять свои головы,— быстро ответила она.— Если же нам повезет, то наградой будет превращение нашего замка в королевский, в столицу огромной империи. Кроме того, заверяю тебя, я знаю, что делаю.

Принцесса улыбнулась Пта, который следил за ними, не совсем понимая.

— Сюда!— сказала она; ее голос был таким сильным и взволнованным, что ему больше не захотелось спрашивать.— Скрир ждет тебя внизу, у входа. Нужно спуститься по ступенькам!

Ее улыбка привлекла его. Он нравился ей, но причина ему не была ясна.

Он согласился. Он уже почувствовал себя летящим по воздуху, как это делал Бир. Этот образ был очень ярким.

Ступеньки вели их ниже, чем ему запомнилось, когда они входили сюда, и наконец закончились на этаже с грубым каменным полом. Через равные интервалы вдоль ши-

рокого коридора из стены торчали горящие факелы, кроме них в нем было много закрытых дверей. Женщина остановилась перед открытой дверью.

— Входи,— улыбнулась она. И мягко прикоснулась к нему ладошкой. Ее тело было мягким и теплым. Это заставило его сущность проникнуться расположением к ней.

Пта переступил через дверной проем и оказался в крохотной комнатке с низким потолком. Кроме факела в комнатке ничего не было. Трах! Звук раздался за спиной. Пта повернулся и увидел, что дверь закрыта, а небольшое отверстие в двери открывается. В нем появилось женское лицо.

— Не беспокойся, Пта,— сказала она.— Мы изменили свое решение. Мы послали за твоей женой, величественной Инезией. Она прибудет и заберет тебя в великую столицу.

— К Аккадистрану!— раздался в коридоре голос лорда.— Уж не надеешься ли ты, что он останется так спокойно...

Окошко мгновенно захлопнулось. Голос прервался на середине высказывания. Внезапно потух свет. Наступила тишина. И темнота.

Пта неуверенно стоял в темноте. Он надеялся, что дверь откроется и объявят о прибытии величественной Инезии,— это имя назвала принцесса, а он помнил каждое ее слово,— она прибудет забрать его в Пта.

Время шло. Нетерпение нарастало в нем, убеждая, что он мог бы уже достигнуть Пта, если бы отправился пешком. Мысль о путешествии привела его к мысли о необходимости сесть. Пол был холодным и жестким, но он сел и стал ждать.

Мысли, как дым, проходили через его мозг. Мысленные образы поступали непрерывно, беспорядочные, странные, незаконченные, не имеющие смысла, и одна невероятная ясность: это безумие, говорила она.

Что-то было неверным. Он должен что-то делать. У него ушло много, очень много времени, чтобы решить это. Наконец он встал, необыкновенная злость охватила его. Он попробовал дверь, налегая на нее со всей своей огромной силой. Но она держалась. Она даже не шелохнулась под весом его тела.

Удивленный, он опять сел на пол... удивленный, потому что не помнил, что когда-то сидел так.

Время шло. Темнота и тишина разделялись, неведомые

силы раздирали его тело надвое, несмотря на сопротивление его воли, и принесли очередные мысли.

— Не останавливай танк. Следи за двигателем... Мы почти... Мы почти у... у... Осторожнее... Пикировщик... он над нами...

Чернота.

В течение веков тело Холройда боролось против тьмы, в которой не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, а только доспехи из сырого камня, которые сжимали его тело и давили слепо, беспощадно. Неумолимая сила против его плоти. Медленно, но уверенно безжалостный холод тьмы высасывал из него тепло.

Холройд очнулся. Он ощутил усталость после кошмарного сна. Словно он вовсе и не спал. Его пальцы нащупали грубый, каменный пол, который он не видел, окруженный темнотой этого помещения.

Он попытался сесть, но сразу не получилось, так как разум отказывался признать эту черноту и реальность этого помещения. Наконец он окончательно пришел в себя и, оторвавшись от пола, сел.

Внезапно волна ярости начала подниматься в нем. Бешенство, неистовая ярость основывались на осознании того, почему он находится здесь.

— Черт бы его побрал!— произнес он.

Поначалу у него не было слов, но они всплывали из темноты его сознания, и он разразился тирадой.

— Почему здесь ничего не напоминает Америку? Или часть Германии, где мы дрались? Может, Северная Африка?.. Нет!

Здесь безумие, фантастическое безумие, которое заключено в замках, мыслях, действиях. Его мозг не выключался ночью. Неопределенные, не связанные мысленные образы теснились в нем. Это был комплекс воспоминаний о событиях, названиях мест, знакомых и незнакомых языках. Наиболее часто возникали слова Америка, Германия, Северная Африка, которые, как тяжелый, всесокрушающий молот, били его в мозг.

— Отзовись, ты, который зовет себя Пта!— Это был мужской голос, глубокий и мелодичный, раздавшийся в темноте.

Это обращались к нему.

Холройд резко повернулся. Но холод обволакивал его, словно он был вморожен в глыбу. Мозг лихорадочно подбирал слова. Губы двинулись, и он пробормотал:

— Холройд Пта! Нет, неправильно. Должен быть Пта Холройд. Нет, Холройд — американец. Питер Холройд, капитан, 29 танковая бригада... Но кто же Пта?

Вопрос был ключом, открывшим дверь памяти. Пришло воспоминание. Удивленный, он громко произнес:

— Я — сумасшедший?

Пта, трижды великий бог Гонволана, чье последнее человеческое воплощение было Питером Холройдом, капитаном танковых войск США, всплыл из глубин подсознания под действием стресса.

— Черт побери!— сказал он.— Я — Холройд. И я...

Холройд остановился, потрясенный глубоким ужасом, непередаваемым страхом перед своей неизвестной сущностью.

«Это безумие!— подумал он.— Безумие!»

Но через минуту успокоился; темная комната, другой мозг, осознание того, что он жив, хотя попал под прямое попадание бомбы в танк. И еще более неясное знание чего-то еще, напоминающее голос, который говорил ему, что он — Пта.

Нет, это неправильно. Голос не называл его Пта. Голос сказал: «Ты, который зовет себя Пта!»

В этом было неуловимое отличие, которое Холройд тем не менее уловил. Он лежал на полу и спокойно обдумывал все увиденное Пта по пути в замок. Все его существо начало дрожать от удивления. Ужас раздирал его мозг. Через несколько секунд к нему пришло спокойствие и сознание двойного существования, которое было внутри него.

Физически это не затрагивало его. Это было частью его, или, скорее, он был частью этого. Но по какой-то причине он господствовал, его мысли, его личность, он... сам. Он почувствовал себя лучше. Его могучие мускулы расслабились.

Тишина нарушалась лишь прерывистым дыханием.

— Где же свет? Должно быть в углу... Ага!

Вспыхнул белый свет, осветив небольшую комнату с простым каменным полом. Не совсем простым. Возле дверей находилась небольшая каменная плита. Очевидно, это был вход в туннель.

Медленно, с усилием повернулся Холройд к источнику света. Низенький человечек как раз стоял перед плитой, всматриваясь в него.

Он был в шортах, рубашка навыпуск. Блестящие глаза

на округлом, добродушном лице, обежали помещение и остановились на Холройде.

— Вижу,— сказал он,— вы паршиво выглядите. Я не знал, куда вас поместили, а то пришел бы раньше. Ждал, пока принесут еду?— Он сжал губы.— Прекрасно. Не принесли. Ну что ж, не беспокойся! У меня есть суп, он тебе понравится,— он развернулся, нырнул в дыру и через какое-то время вынырнул.— Он тебя подкрепит.

Суп был теплым и живительным. Он щекотал язык и огнем растекался по всему телу. Он облегчил, успокоил ужасное чувство холода в его плоти и принес успокоение. Насытившись, Холройд стал прислушиваться к нагромождению слов, изливаемых на него.

— Меня зовут Тар, я представляю всех узников в замке Линн, добро пожаловать в наши ряды. Наша организация объединилась с мятежниками, и предательство у нас карается смертью. Это тебе следует знать. Конечно, мы все знаем о тебе,— сказал человечек.— Ты требуешь, чтобы тебя считали Пта... Это хорошая линия поведения. Это ново. Никто прежде не додумывался до этого. Возможно, мятежники и смогут использовать тебя, если ты подтвердишь свои претензии. Но, скорее всего, у тебя потеря памяти, как уже говорил фермер.

Некоторое время, переваривая пищу и упиваясь состоянием сытой удовлетворенности, Холройд не слушал слов незнакомца. Но внезапно в него вторглось знание странной и ужасной вещи. Что-то внутри него... что-то... слушало посредством его мозга то, что произносил Тар. Слушало внимательно, с пониманием всего того, что было сказано. Наконец он понял, что это «что-то» было им самим.

Холройд ощутил холод камня, на который опирался. Его пальцы были теплым продолжением супа. А все вокруг было темной и, определенно, ужасающей тюрьмой.

Знание его окружения было более острым, чем когда-либо с момента его первоначального осознания этого, и все это было затемнено мрачным фактом, что другой, более великий, некоторым образом слился с его личностью. Двое стали одним целым, и в то же время двумя одновременно. Холройд глубоко вздохнул; это было похоже на потерю памяти... когда ты помнишь другую половину. Он сосредоточился на проблеме распутывания, раскрытия идентичности личности, которого требовала другая его половина, и воспоминаниях о вещах, которые это сделали.

Принцесса сказала, что она послала за кем-то, кого

называли богиней Инезией. До этого мгновения имя было погребено в его памяти как обычное воспоминание. Но теперь мозг замер. Послали за к е м?

Появилась новая проблема для размышления — богиня Инезия!

Титул перекатывался из одного уголка его ума в другой, и тут любопытная маленькая догадка пронзила его сущность, как остро заточенный нож пронзает плоть.

Он должен выбраться отсюда.

Неважно, кем был Пта, Питер Холройд не мог влиять на ситуацию, подобную этой. Он должен выбраться... Если уже не слишком поздно.

Его глаза широко раскрылись. От страха его начало лихорадить. Каждый мускул напрягся, он свирепо вглядывался в человечка.

— Сколько времени,— его голос эхом отозвался в собственных ушах,— я нахожусь здесь?

Когда он произнес это, то понял, что прервал говорившего, но понял, что Тар уже готов отвечать.

— Вот что я скажу... вам. Говорят, что вы сильны как гримб и уже семь дней ничего не едите и не пьете... Я не склонен оспаривать это утверждение. Практически мертвый...

Он говорил еще что-то, но Холройд не слышал.

«Семь дней,— размышлял он.— В течение семи дней бог Пта лежал здесь как безумный, и наконец потрясение стало так велико, что он вернулся в свое последнее воплощение. Мозг запротестовал, потому что... сильно истощен... через семь дней? Невозможно».

Прошло более семи лет или даже семисот лет. Пта, который не имел представления о времени, лежащий во вневременной темноте, мог испытать время быстрее, чем его окружающие. Было возможно только такое объяснение этого грандиозного окончательного результата. Но снова мысль Пта была насильно прервана. Он сел, удивленно прислушиваясь к себе, удивленный тем, что у него было такое объяснение. Что за безумие нахлынуло на него? Семьсот лет за семь дней? Он облизнул губы и сосредоточился на семи днях.

— Сколько займет,— сказал он громко,— займет времени...— его мозг двадцатого столетия запнулся перед словом, и затем с усилием произнес: — путь на летающем скрире в Пта и обратно?

Яркие глаза Тара внимательно изучали его.

— Ты парень с юмором,— сказал он наконец.— Говорят, что ты шел в Пта. Но это только доказывает, что ты был совсем плох, когда тебя поместили сюда...

Он покачал головой, и Холройд внезапно почувствовал, что Тар расстроился. У него появилось желание схватить собеседника и силой вытрясти из него необходимый ему ответ. Мозг боролся с этим диким желанием. Потом он определил, что в нем разгорается совершенно не характерная для Холройда дикая ярость. Сдерживая себя, он угрожающим тоном сказал:

— Сколько времени... Сколько времени уйдет на это?

— Вы не понимаете,— ответил человечек.— Это бессмысленный вопрос. Нет такого скрира, который мог бы долететь из Линна в Пта по прямой. Это слишком далеко. Принцесса была уже там. Вначале она летела до прибрежного города Тамардин, затем в Лаписар, в великолепный Гей и так вдоль побережья. И тем не менее путешествие заняло два месяца. Хотя,— продолжал Тар,— существуют действительно очень быстрые птицы. Рассказывают, что некоторые из посланцев богини на специально обученных птицах долетают в другой конец Гонволана за восемь дней без остановки. А до Пта за шесть дней. Но послушай...

Холройд вздохнул.

«Шесть дней туда, шесть обратно. Богиня уже знает, и знает целый день. Через пять дней она будет здесь».

У него только пять дней, чтобы сбежать отсюда.

Глава 4

Через 200 миллионов лет в будущем

Какое-то время он вовсе не чувствовал себя угнетенным. Холройд не чувствовал необходимости двигаться или думать, пока Тар не принес ему еще супа. Его удивил запах супа и другой пищи, которую ему давал Тар. Наконец понимание, которое пришло к нему, испугало его.

Одна часть его не беспокоилась. Она ожидала прибытия богини. Холодная и полная решимости, она ждала — неприрученная сила неизвестных возможностей, включающая сознание Холройда в такой же мере, в какой и его возможности.

Чувство было сильным и безошибочным. Холройд не сомневался в этом. Пта, дитяподобный бог Гонволана, и

Питер Холройд были заключены в одно и то же тело, и бог считал Холройда одним из сегментов своей сути, которой он был. Холройд вздрогнул, а затем почувствовал ярость.

— Ты — идиот!— закричал он.— Не ты ли определил, что беспорядок, который смешал нас вместе, создал ты, позволив хорошенькому улыбающемуся личику заманить нас в эту темницу? Самому распоследнему олуху достаточно было взглянуть один раз на эту тираническую систему с удельными замковыми принцами, королями, императорами и какой-то богиней на вершине этой иерархии, чтобы понять, что твое прибытие все равно что чистая взрывчатка под ее основание. Ты не можешь...

Он остановился.

Его голос отражался в узком пространстве от потолка. В наступившей тишине Холройд подумал: «Что за взрыв безнадежности, безумно криком советовать себе?» Но от этого он почувствовал себя лучше, более того, внезапно осознал, что его водворили в собственное тело; его мозг мыслит, управляет живыми струнами.

Это было осознание божественной основы Пта, там не было боли. Не было боли и во время перелома, когда он узнал, что является лишь частью себя. Не было сомнения в собственных способностях, чтобы жить с уверенностью во всех своих правах. Вовсе не больно чувствовать себя бессмертным.

Тар принес еще супа и больших, зеленого цвета фруктов, цитрусовых. Они были на удивление сочными и сладкими, приятными на вкус и не напоминали ничего, что Холройд пробовал прежде. Пробуя фрукты, он поймал себя на мысли, которая до этого у него ни разу не возникала, даже в зачаточном состоянии. Где находился Гонволан? Где располагалась земля с городами под названием Пта, и Тамардин, и Лаписар, и Гей? Прекрасный Гей, сказал Тар. Холройд попробовал представить его себе, и не смог. Для него они не значили ничего, картина, вставшая у него перед глазами, отображала города, виденные им в 1944 году на Земле, с их трущобами, с пустыми улицами, с угасающей коммерческой жизнью. Он громко, нараспев, повторил их названия: Гонволан, Пта...— в них был ритм, странная сладость звука, подобного музыке.

Необходимость узнать больше становилась сильнее. В нетерпеливом возбуждении он повернулся спросить Тара и увидел, что он — один. Камень находился на месте.

Холройд пролежал на месте длительное время, когда, наконец, камень сдвинулся и появился Тар. Он принес еще фруктов, немного хлеба, мягкого белого хлеба, только недавно испеченного. Холройд схватил драгоценную знакомую пищу и слезы застлали его глаза. Он почувствовал изумление, короткий стыд. Но стыд увял. Было неплохо узнать, что где-то в Гонволане, может быть, имеются бесконечные горы хлеба... Он представил себе, что и в прошлом и сейчас огромные поля Земли заняты под хлебные нивы на многие тысячи миль, которые кормят огромное количество людей. Он открыл рот, но первым заговорил Тар.

— Удивительна для меня,— констатировал факт маленький человечек,— эта амнезия. Вы выглядите внешне крепким, как стальная цепь, но что с вашим мозгом? Если бы вы могли читать, это помогло бы решить многие проблемы.

— Читать?— эхом отозвался Холройд. И почувствовал необъяснимое удивление. Ему даже в голову не приходила мысль о существовании книг в Гонволане.

— Несомненно. Смотри!— и Тар резко выдернул брошюру из внутреннего кармана своей одежды. Холройд взял шелковистую гладкую, еще не согнутую бумагу и вгляделся в слова, которые были точь-в-точь как в коммунистических манифестах.

ВОЗМОЖНОСТЬ НАПАДЕНИЯ НА АККАДИСТРАН

«...Грязная акция Зард Аккадистрана в использовании отложившегося Нуширвана для похищения граждан Гонволана требует освободительной войны самого широкого масштаба. Правительство богини Инезии должно ответить ударом на эту подлость.

Наши усилия должны быть сконцентрированы на том, чтобы помочь людям изменить их обетам, которые представляют угрозу божественной власти богини. Люди должны...»

— Отлично, вы умеете читать,— маленький человечек отвел руки Холройда, державшие листок.— Я вижу, как вы двигаете губами. У меня найдется здесь несколько книг.

Он нырнул в дыру. Вернулся он очень быстро, неся

под мышкой две совершенно обычно выглядевшие книги.

— Я буду приносить их вам после завтрака, поэтому читайте, пока не уснете. Может быть, они и не дадут вам ничего, но стоит воспользоваться любым шансом. Дайте мне кожуру фруктов.

Минутой позже Холройд рассматривал, перелистывая дрожащими пальцами, оба тома. Первый он просто перелистал. Он чувствовал такое горячее нетерпение увидеть что-нибудь и только бросал жадные взгляды на страницы с рисунками после страниц с текстом. Это был печатный текст, отчетливые черные буквы, напечатанные на белом фоне. Бумага была негнущимся, но не слишком глянцевым материалом, а страницы были соединены чем-то, напоминавшим клей.

Все иллюстрации были цветными фотографиями или рисунками с таким четким выделением деталей, что производили впечатление фотографии. Впечатление оставалось даже после тщательного изучения их.

Книга была озаглавлена:

«ИСТОРИЯ ГОНВОЛАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН».

Чисто механически Холройд перевернул страницу и прочитал:

«В начале был Сияющий Единственный Пта, бог Земли, моря и пространства, которые были смешаны, и бесчисленные верующие уже миллионы лет надеются, что он вернется, чтобы слиться с народом и многое сделал бы для величия людей и для развития их духа. О Дайан, о Колла, и божественный Рэд».

Холройд вглядывался в слова, ничего не понимая, затем перечитал вновь намек на миллионы лет. Наконец он медленно усмехнулся. Автор слишком тонко цинично иронизировал. Второй параграф подтверждал его вывод.

«Земля — древняя планета, издавна заселенная человеческими существами. Континенты и моря претерпели многочисленные катаклизмы, наименьшим из которых является разделение древнего материка Гондваны и постепенное расползание его частей в разные стороны...»

Холройд прочитал весь том от начала до конца на одном дыхании, затем отложил его в сторону и взялся за другую книгу с неослабевающим вниманием. Заголовок гласил:

«ИСТОРИЯ МИРА В КАРТАХ С ПОЯСНИТЕЛЬНЫМ ТЕКСТОМ».

Картографы показали Землю с отдаленнейших времен, но искусные, отделанные рисунки континентов в древнейшие эпохи имели неправдоподобное качество, на котором он не мог сконцентрироваться. В конце был изображен современный Гонволан. Это был длинный и широко вытянутый континент, который занимал почти половину южного полушария, грандиозно вытянувшись по направлению на север и оканчивающийся в точке на востоке, в которой более чем сто миллионов лет назад, следуя тексту, располагалась древняя «Австралия».

Гонволан протянулся на одиннадцать тысяч канб в длину и пять тысяч канб в ширину и был ограничен на севере узким, всего лишь тысячу канб шириной, гористым перешейком Нуширваном. После несложных подсчетов Холройд пришел к выводу, что один канб равен миле с четвертью. Затем он снова вернулся к странице.

Земля к северу от Нуширванского перешейка, где находились когда-то огромные древние континенты Америга и Бретония, называлась Аккадистран. Только группа крупных озер находилась в том месте, где был Атлантический океан. Водное пространство между Аккадистраном и Гонволаном носило название море Тета. Население Гонволана составляло пятьдесят четыре миллиарда человек. Аккадистрана — девятнадцать миллиардов человек, а Нуширвана — пять миллиардов человек. Нуширван был наиболее молодым государственным образованием планеты, вынырнувшим из моря всего лишь около тридцати миллионов лет назад.

Замковый город Линн, как определил Холройд, находился на крайнем востоке огромной южной части континента. Город Пта отделялся от него восьмьюдесятью тремя сотнями канб к северо-западу, если лететь на скрире. Могучий Пта находился в бухте Большой скалы моря Тета в двенадцати сотнях канб от ближайшего выступа Нуширвана.

Удивление его все более возрастало. Холройд вскочил на ноги и стал расхаживать по камере, держа в руках книгу, пораженный прочитанным. Он перечитал все части истории с описанием империи, управляемой богиней, такой огромной, что его мозг содрогался от картины, представшей перед ним. Убеждение формировалось и заполняло его мозг, и здесь уже не было солдата из 1944 победного года. Он был мертв. За исключением этого, воскресшего в теле бога. Тот лежал в сожженном танке на поле боя,

так долго забытый, что душа, воспоминания, мысль об этом казались уже смешной и немыслимой историей.

Его размышления были нарушены звуком. Камень двигался. Медленно, рывками. Холройд подошел, нагнулся и без усилия сдвинул камень. Его мозг был холоден и готов к действиям. У него был настолько простой план, насколько это было возможно.

Голова Тара просунулась в отверстие.

— Благодарю,— пропыхтел он.— Это дерганье дается мне нелегко. У меня для вас завтрак.

— У тебя для меня... что?!— воскликнул Холройд. Вся его воля сконцентрировалась только на плане. Он не спал, читал всю ночь, даже не вспомнив о сне. Он глубоко вздохнул. Причина была, конечно, очевидной. Ноги не спят, или по крайней мере они не нуждаются в сне. Возможно, он мог бы уснуть, если бы устал. Он увидел, что Тар смотрит на него с удивлением.

— В чем дело?— спросил Тар.

Холройд потряс головой.

— Ничего. Я не разобрал... Спал слишком долго.

Маленький человечек усмехнулся.

— Это хороший признак. Вы выглядите значительно лучше. Пока я оставлю вам завтрак. Потом мне бы хотелось поговорить с вами.

— Мне тоже.

Тар нырнул обратно в туннель и, остановившись, обернулся к Холройду. Он вгляделся в него. Какое-то время он пристально изучал его, а затем сказал:

— Для человека, который еще вчера был почти мертв, вы проявляете слишком большой интерес к жизни. Что у вас на уме?

— Я отвечу тебе после еды,— насмешливо сказал Холройд.— Это связано с тем, о чем ты уже упоминал.

— Я упоминал только одно,— с удивительным отчуждением сказал Тар,— в чем вы особенно заинтересованы, учитывая ваше положение: я сказал, что восставшие могут найти вас и использовать то, что вы выдаете себя за Пта. Не так ли?

Холройд молчал. Он не думал о пудинге, принесенном маленьким полнеющим человечком, он был действительно поражен. Одно время он удивлялся, что Тар в заключении. Ему следует более тщательно все обдумать. Тар был связан с внешним миром.

— Что еще?— спросил Холройд.

Тар вздрогнул.

— Извините, что я упомянул это впервые. Потому что этому есть причина. Они не заинтересовались. Они не знают, как это можно использовать в практических целях, и для вас было бы слишком просто исчезнуть потом. Я совершенно искренен.

— Они могут освободить меня?

Человечек окаменел, словно увидел смерть в словах, которые только что были произнесены. Его глаза настороженно изучали Пта. Наконец, он неохотно кивнул.

— Ладно,— сказал Холройд.— Скажи им, чтобы они меня забрали этой ночью.

Тар рассмеялся. Смех разрушил тягостную тишину. Он нырнул в дыру, напоследок вновь обернувшись к Холройду. Его глаза были сощурены, а рот стал тонким, словно прорезанный ножом. Стоя там, он казался большим животным, готовым к действию. Колючим тоном он сказал:

— Прекрасный способ рассказать потом, каким образом наша организация спасла тебе жизнь.

Справедливость слов жалила. Но Холройд знал совершенно точно, что мораль у них здесь не пользуется особой популярностью. Это было отличием. Пта, Трижды Величайший, выше любой ограниченной этики.

— Послушай,— сказал он,— вожди восставших отказали слепо, без рассмотрения моего характера или моей личности, которая, согласно их суждению, страдает недостатком воображения, кажется невменяемой и, следовательно, ничего не стоит.

Он перевел дыхание и продолжил:

— Передай им, что я могу играть роль Пта на высшем уровне, что, если они достаточно сильны, чтобы захватить замок, я сделаю его своей штаб-квартирой. Передай им, что у них никогда не будет армии, которая была бы столь же могущественной, как та, что сплотится вокруг меня. Солдаты будут идти в бой, как мои последователи. Я знаю достаточно, чтобы одурачить всех, включая...

Он остановился. Он уже собирался сказать «включая богиню». Но такое экстремистское заявление не имело бы веса.

— Включая людей самого высокого интеллекта.

— Это пустая болтовня,— холодно произнес Тар,— человека, который в опасности.

— Я был болен,— сказал Холройд.— Очень болен.

Тар нахмурился и сказал:

— Я постараюсь связаться с ними. На это может уйти неделя.

Холройд отрицательно покачал головой. Перспектива вражды между ним и Таром была для него нежелательна. Но было бы безумием затягивать срок его бегства, когда вот-вот должна прибыть богиня.

Она прибывает. Он был уверен в этом. Она могла приехать еще раньше.

— Этой ночью,— непреклонно сказал он.— Это должно произойти этой ночью,— его взгляд остановился на туннеле.— А что, если через него?

Ответа не было. Тар исчез в дыре. Как только он исчез из виду, Холройд нагнулся, исследуя дно камня, затем выпрямился, мрачно улыбаясь. Мгновением позже Тар выставил немного фруктов, стакан жидкости и хлеб.

— Помоги мне опустить камень,— сказал он спокойно.— Я погляжу, что я смогу сделать для тебя.

Удивленный, Холройд улыбнулся.

— Извини,— сказал он спокойно,— но я заметил, что там есть зубцы для ускоренного опускания его вниз. Я буду чувствовать себя безопаснее, если камень останется на прежнем месте.

Ответа не последовало. Тар бросил на него долгий пристальный взгляд и ушел. Но он вернулся. Он приходил назад с обедом, ужином, но игнорировал действия Холройда с тупым молчанием, которое не оставляло никакого выхода, кроме действия.

Глава 5

Секреты за́мка

Туннель был воплощением темноты и света. Крохотные факелы торчали у потолка, который был таким низким, что Холройду приходилось сгибаться почти вдвое, когда он шел. По сторонам были проходы — темные дыры, недостаточно большие даже для человеческого тела. Холройд игнорировал их. Обращать на них внимание не следовало, чтобы не потерять направление движения в лабиринте дорог. Он должен придерживаться лишь главного коридора.

Холройд озадаченно изучал первый факел. Как и другие, он был изготовлен из дерева. И был холодным. Чтобы

проверить это, он слегка коснулся его. В ответ он мигнул и погас, как будто повернули выключатель. К потолку факел был прикреплен деревянным шарниром. Но свет не лился до тех пор, пока он не повернул палку в исходное положение. Должно быть, сила, заставлявшая его работать, шла из земли.

Холройд уже собирался пройти мимо, когда заметил табличку, прикрепленную к шарниру. На ней было написано:

Камера 17

Заключенный: *случай амнезии*
Отметки: *никаких*

Таблица на другом светильнике гласила:

Камера 16

Имя: *Нрад*
Отметки: *пытался напасть сзади на стражника*

Помрачневшими глазами Холройд изучал лаконичное описание. Ошибка Нрада была единственной, которую он мог оценить.

В конце линии светильников, в темноте за камерой 1 была крутая лестница. Холройд крался через тускло освещенные коридоры, но мысленный образ, который беспокоил его, был картиной его самого в этом подземном мире замка, который высился в темно-голубом небе Земли, отделенной от его дня рождения двумя сотнями миллионов лет. Запутавшееся время ничего не значило и было более враждебно, чем смерть. Забавно, когда прошлое не значит ничего. Оставалось только вскарабкаться по потайной полуосвещенной лестнице, красться через... десять, одиннадцать, двенадцать этажей.

Он достиг двенадцатого и последнего, пошарил с большим напряжением выход, который мог бы вывести его отсюда, и, ничего не обнаружив, осторожно двинулся в проход. Потолок здесь был достаточно высок, чтобы он смог выпрямиться. Но здесь, как и на нижнем этаже, были ответвляющиеся туннели, на которые он не обращал внимания, следуя правилу, что если он будет придерживаться прямых коридоров, то не заблудится.

«Садра, кухарка, сочувствующая мятежникам, один из ее любовников младший сержант Гэн. Смотровая щель, входа нет».

Это была стереотипная надпись. В каждой комнате жила служанка, большинство из них имели любовников, все сочувствовали восставшим и все спали, как отметил Холройд.

Беззвучно Холройд спустился по узкой лестнице. Одиннадцатый этаж был занят слугами, тоже спящими. Общественный гезос занимал восьмой этаж, общественный фезос — седьмой. Темные одежды, сложенные на стульях и краях кроватей, позволили определить их: монахи и монахини! Четвертый этаж занимал удельный князь и прямо напротив, как гласила таблица — четыре со штрихом — его дочь Гия, замковая принцесса.

«Надутая Гия,— думал Холройд,— коварная, опасная, изворотливая, алчущая власти Гия». Со сцепленными зубами он всматривался через глазок, который показывал часть ее апартаментов. Ему понадобился один взгляд, чтобы запечатлеть открывающуюся картину. В видимом пространстве была большая, убранная коврами комната. Она была заставлена креслами, столами, тумбами. Открытая в дальнем конце дверь вела в спальню, и то, что там происходило, было по-настоящему интересно.

В конце кровати у длинного, узкого полированного стола с привинченным зеркалом стояло кресло, которое отражалось в зеркале. В кресле, находившемся ближе к правой стороне двери, сидела принцесса. Ее губы двигались.

Холройд приложил ухо к отверстию и прислушался. Бессмысленные невнятные слова потянулись к нему в едином мелодичном, но монотонном звуке. Минуту вслушивался, но потом он оставил это занятие. Кто бы она ни была, говоря, что не может помочь ему отыскать проход к пернатым скрирам, ему нужно улететь во что бы то ни стало из этой темной вселенной в Гонволан.

Какое-то время он крался вдоль прохода, не будучи абсолютно уверен, что не сбился с пути. Двумя часами позже, когда он обнаружил, что вновь оказался на четвертом этаже, принцесса все еще говорила. Приятно озадаченный, Холройд пошел вдоль коридора, который привел к ее спальне. Он глядел на нее с изумлением. Она была одна. Ее губы шевелились, артикулируя, и голос доносился ясно и четко.

— ...сделай, чтобы его минуты стали днями, часы — годами, дни — столетиями. Дай ему узнать бесконечность времени, пока он лежит в темноте... его минуты, дни... его часы... годы...

Слова произносились с ударениями, и вначале Холройд подумал, что это молитва, одна из тех, которые повторяются без конца, бессмысленные модели, которые заучены накрепко.

Затем Холройд почувствовал головокружение, удивление, ужас, понимание — всеобъемлющее и такое же смертоносное, как сталь, вонзенная в плоть. Что она говорит? Что она говорит?

«Пусть дни его будут столетиями». Они уже были ими... для Пта.

Слишком поздно Холройд осознал, что его собственный мозг перестал контролировать тело и управление им захватил другой, не ведающий ошибок и страха. Когда он осознал, что его руки возятся с тайным замком в комнату, дело было уже сделано, и он стал действовать. Он вошел через вход, однако наделал достаточно шума, потому что женщина вскочила и повернулась с тигриной быстротой и нечеловеческой легкостью в движениях.

«Смешная у нее наружность»,— подумал Пта-Холройд. Он не видел ее тела в глазок и даже не подозревал того, чему стал очевидцем. Трудно вообразить точно, когда имело место преобразование. Это, должно быть, произошло в пути. Вспышка узнавания должна была пронестись через восемь тысяч триста канб к городу Пта и мгновенно перенести богиню, завладевшую телом принцессы. Когда это произошло, теперь уже точно не представляется возможным узнать.

Это не имеет значения. Он предал Тара и тайну подземных переходов. Он почувствовал ярость по отношению к дикой силе внутри себя, что использовала его понимание и знание с таким жгучим пренебрежением к опасности и последствиям. Потом злость ушла.

Оставалась только богиня Инезия.

Она отличалась от той, которую память Питера Холройда рисовала после первой встречи. Из этого воспоминания он вынес мысль о божественной уступке женщине, что первой улыбнулась ему. Ему уже было известно, что Пта не просто поразить каким-либо очаровательным человеческим существом, и в то же время у него не было четкого знания о тех, кто поразил его своенравный мозг.

Женщина пылала жизнью. Как бы удивился повелитель замка, если бы увидел такую перемену в дочери. Ее глаза были кругами пламенеподобной интенсивности; ее тело теряло свои очертания в ауре такой сильной, что

затмила бы пламенеющий огонь. Лишь голос, который раздался в комнате, был мягким, хотя и необычно звучащим, со странной страстью и гордостью, которые не имели связи с действительностью.

— Питер Холройд,— пылала она.— О, Пта, это величайший момент в нашей жизни. Не бойся того, что я узнала твою личность. Знай только, что мы одержали победу. Мы одержали победу, хотя еще не исключено, что богиня Инезия уничтожит тебя.

Они притянули тебя из параллельного мира для того, чтобы убить тебя по-настоящему. Без знаний, лишенный могущества, ты был бы материализован во дворце крепости и уничтожен.

— Подожди! Не говори!— ее голос стал внезапно сильным и звонким, как натянутая струна. Холройд, открывший было рот, чтобы выразить удивление, вновь закрыл его. «Не богиня»,— подумал он. Это была не богиня. Женщина произнесла скороговоркой:

— Все ее первоначальные планы я расстроила. Используя свой тщательно накопленный остаток божественной силы, о которой она не знала, я поместила себя в эту отдаленную точку Гонволана, захватив тело принцессы, поместив твой мозг в глубины под постоянным напряжением от давления личности твоего последнего воплощения. Это было с успехом осуществлено. И поэтому, Питер Холройд,— ее голос гремел как колокол,— начинается твоя борьба за жизнь. Действуй, как будто ты на враждебной территории. Будь сверхподозрительным, но держись подальше от всех своих прежних концепций, что бы ты ни намеревался предпринять.

А сделать ты должен вот что. Ты должен завоевать Нуширван любыми средствами, которые только доступны тебе. Думай о том, что ты летишь в Пта этой ночью. Тебе понадобится мало времени, чтобы понять необходимость этого нападения.

Это все,— она подарила ему необычайно печальную улыбку,— что я могла сказать тебе. Кроме того, мои губы запечатаны такой же паутиной, которая держит мое тело в темнице дворца крепости вот уже многие века, которые я даже не способна пересчитать. Пта... Питер Холройд... твоя вторая жена, давно уже забытая Лоони, попытается сделать для тебя больше, чем защитить от происшествий. Но теперь поторопись через мой балкон во двор, к пернатым скрирам и...

Ее голос дрогнул. Глаза расширились и глядели через плечо Холройда. Он повернулся и увидел голову Тара, выглядывавшую из узкого хода и сверлящего взглядом женскую грудь. Мгновенно она стала жестче, хотя и улыбалась Холройду мягкой и нежной улыбкой. Холройд схватил ее, и она шепнула:

— Хорошо, что это тело умрет. Иначе оно запомнит... слишком много. Удачи!

Сзади Тар закричал:

— Поторопись, парень! Мы уносим ноги!

В отдалении послышались другие крики.

Как он определил, она была пухленькой молодой женщиной, которую покинуло пламя жизни. Лежала она очень спокойно на коврике. Это понимание оставалось с ним до тех пор, пока он не вскочил на спину замершего скрира по примеру, запомнившемуся из прошлого.

Молотообразные удары, словно ветряная мельница, крыльев разнесли ветер, когда птица взмыла в ночное небо. Этот образ отложился у него в мозгу. А затем...

Это был воющий крик погонщика скрира, который уносил Холройда.

— В меня попали,— вскрикнул человек. Он покачнулся в седле и подался вперед по спине птицы. Когда Холройд добрался вперед, где сидел человек, седло уже было пустым. А снизу доносился душераздирающий крик.

Он был один на неуправляемом скрире в странном фантастическом мире.

Глава 6

Полет сквозь ночь

Луна выглянула из-за необычных облаков. Эта огромная лунная сфера была несравненно больше, чем та, что когда-либо Холройд видел. Она была очень близко, как будто Земля и ее сверкающая серебристая дочь сближались друг с другом с того, такого далекого двадцатого века. Снизившийся шар выглядел десяти футов в диаметре. В его свете Холройд последний раз взглянул на Линн.

Замковый город мягко светился в лунном свете, который омывал его. Сам замок возвышался, белый и чистый, как колонна, вырисовываясь в собственном свете. От него тянулись деревья парка, темного и таинственного. Первый

круг зданий начинался за парком. Постепенно сцена размывалась из-за расстояния. Город становился нереальной тенью на огромной, неясно очерченной земле. Эта картина осталась с Холройдом: крошечность города, сливающегося с землей.

Он перестал думать о нем. Его внимание было опять сосредоточено на прошлом, в котором осталась та женщина. Он почувствовал печаль, которая охватила его с такой силой, что все эти минуты он боролся с собой, выбрасывая из своей памяти изображение человеческого тела, распростертого на коврике в ночи. Он был гораздо больше потрясен, чем признавался себе. Смерть приятелей и врагов, которых он повидал на своем веку немало, не вызывала такого ощущения, потому что, даже отправив врага в ад, он знал, что он лично не ответствен за это.

Но это был друг, хотя лично и не известный. Даже более чем друг, освободитель, который отдал свою жизнь в благородном акте. «Еще одно тело,— мрачно думал Холройд,— еще одна разбитая на куски плоть нашла свой традиционный и ужасный союз с земным прахом. Как много людей падало столь же неохотно с высот на землю в таком же неестественном сиянии? Сколько же за двести миллионов лет?»

Мысль отступила перед свистящим ветром, создаваемом мускулистыми крыльями. Ночь казалась бесконечной.

«Черт бы тебя побрал, Пта, ты что же пытаешься делать... балансировать семьсот лет в темноте?»

«Кажется это вызвало сон,— равнодушно подумал Пта-Холройд.— Но почему население замка заснуло?» А он бежал оттуда на огромном летательном аппарате — птице. Но ночь продолжалась. Что-то было не так, определенно неверным в его немыслимом полете сквозь эту бесконечную ночь.

В несущейся навстречу темноте Холройд тяжело ворочался в седле. Лоони, кем бы она ни была, обещала ему помогать. Был ли какой-нибудь подвох в той помощи? Это казалось маловероятным. Она тоже говорила ему, что он должен напасть на Нуширван и уничтожить отложившихся предателей. Мозг Холройда с напряжением обдумывал все это. Он должен напасть на Нуширван, с населением пять миллиардов человек, бесконечными горами, могучими и коварными бойцами. Он насмешливо ухмыльнулся. Резкий звук его смеха на ветру сорвался с губ и унесся в огромную бесконечную ночь. Но мысль оставалась; через мгно-

вение он уже знал, что она подразумевала и почему это было возможно.

Во все века существовало несколько человек с железной волей, способностью править и принимать решения, на основе которых массы строили свою жизнь. Все очень просто, совершенно логично, полубог Пта-Холройд должен идти к границе Нуширвана, захватить там управление над всеми армиями и разгромить Нуширван прежде, чем богиня Инезия узнает, что случилось.

Холройд задышал глубже. Он должен войти в соприкосновение с группой мятежных офицеров. Это несомненно. И узнать, что означает фраза из памфлета Тара, что верующие всегда были источником божественной силы богини. Потому что, если все это правда, где же скрыл свою силу Пта?

Он почувствовал необъятность того, что было здесь скрыто, и от всего этого пришел в возбуждение.

«Мозг 1944 года,— подумал он дрожа,— доминирует в теле бога Гонволана».

Эта мысль всплыла, подавив удивление, все его существо наполнилось этой сенсационной мыслью. А странная долгая ночь все еще продолжалась.

Рассвет пришел с тропической быстротой. Солнце вздыбилось из-за горизонта и забрызгало своим светом деревни, фермы, посадки, которые напоминали скорее джунгли. Эта земля была зеленой и плодородной. Далеко на севере сверкало темное море, а впереди был город. Город был очень далеко в стороне и так смутно виден, что угасал уже почти на середине расстояния. За ним, казалось, возвышался чудовищный, башнеобразный утес. Утес? Холройд нахмурился. Пта был городом огромного утеса, и не существовало скрира, способного преодолеть расстояние в семь дней полета за одну ночь.

Даже когда пришла эта мысль, Холройд остался при первом впечатлении. Бесконечность этой ночи подсказала ему верный ответ. Кто-то подтолкнул его к Пта. Может быть Лоони?

Он знал, что не может даже придумать, как ему использовать представившийся шанс. Он должен посадить зверя на землю. Здесь. Сейчас. В эту же минуту. Но заколебался. В следующее мгновение, похожий на необычного гигантского ястреба скрир направился вниз, по направлению к краю джунглей.

Земля внизу казалась необитаемой. В последний мо-

мент Холройд разглядел маленький, с красной крышей под защитой распростертых ветвей деревьев, напоминающих пальмы, домик. Затем массивная птица спланировала и оказалась за линией джунглей. Она опустилась легко, немного помогая себе ударами крыльев. Когда скрир окончательно остановился, Холройд увидел хохолки перьев на ее рубчатой, кожаной шее. Зрелище потрясло его, приведя в глубокое изумление, что предок скрира из двадцатого века. Но различие плоти и кости было слишком радикальным. Физическое строение требовало более детального научного изучения. Но только не им, потому что он никогда не был в состоянии различить по внешним признакам более чем дюжину птиц. Задумчивое лицезрение было прервано серебристым смехом, прозвучавшим сзади.

— Было бы более разумным, Питер Холройд-Пта, слезть вниз.

Холройд заерзал в седле. Девушка стояла на узкой тропинке футах в двадцати пяти от него. В ее темных глазах светилась уверенность, а лицо смуглого оттенка несло печаль и огонь личности, которую он распознал безошибочно.

— Быстрее!— произнес голос этой новой Лоони.— Летающий скрир не имеет привычки долго задерживаться в одном месте. Будь осторожен и не оказывайся прямо перед ним. Он без колебаний заклюет тебя. Кроме того,— закончила она скороговоркой,— мы, я и ты, Пта, имеем в своем распоряжении только час. Не стоит попусту тратить время.

Когда Холройд очутился на земле, он почувствовал некоторое затруднение. Трудно было определить однозначно это необыкновенное чувство, но через мгновение он понял: это ее восприятие его как Пта, без Холройда, который господствовал теперь над телом Пта. Это господство было таким совершенным, что он не чувствовал каких-либо неудобств. Пта был Холройдом. Возможно, это был Холройд, который взял от настоящего хозяина чуть больше, чем следовало. Холройд, который был на пути в гонволанскую разновидность сумасшедшего дома, если он действительно был в своем собственном теле. Но поскольку слияние бога и человека внутри человека было таким, божественная память стала весьма туманной. Это было превосходством его личности, которое вызывало женскую интимность, принявшую его смущение, которое он ощутил, когда медленно подходил к ней.

Она оставалась недвижимой. Ее темные глаза светились. Черные волосы волнами спадали на спину. Они были небрежно расчесаны. Ее лицо было лицом обычной сельской девушки. Хорошо сложенное тело полно юности. Холройд видел, что она наблюдает за тем, как он изучает ее, со слабой загадочной улыбкой.

— Не обращай внимания на эту форму, Холройд,— сказала она наконец.— Это крестьянская девушка по имени Мура, которая живет поблизости с отцом и матерью, в четверти канбы отсюда.

Не обращать на нее внимания — легче было сказать, чем сделать. Она полна жизни, а когда повернулась, чтобы пойти по тропинке, ее движения были наполнены такой весенней молодостью, такой грацией, что Холройд был очарован. Затем, поспешив, он пристроился за ней, несколько минут двигаясь молча. Наконец он сказал:

— Куда мы идем? Что делать со скриром?

Она не ответила. Они вошли в глубь леса. Тропа вилась среди деревьев. И такой густой была крона деревьев над ними, что длинные косые лучи утреннего солнца не проникали вниз. Это был молитвенный, полуосвещенный мир.

— Каким образом случилось,— спросил Холройд,— что я достиг города Пта за один ночной перелет?

— Погоди с расспросами,— последовал ответ.— А что касается скрира, то он тебе уже не нужен.

Она продолжала идти. Холройд думал о том, как тянулась ночь. Ощущение опасности усиливалось; понимание того, что каждая проходящая минута может принести невероятный сюрприз, росло. Был ли он тем, кого завлекли в западню, тем, кто следовал за женщиной, заманивающей его в ловушку?

— Послушай...— начал было Холройд. Тропинка, которая была так узка, расширилась. Открылось свободное пространство, и справа Холройд увидел маленький домик, который он заметил сверху во время полета. И никаких признаков жизни. Только тишина вокруг.

Молчание исходило даже из дома. Это была простая, приятная на вид постройка из тесаного дерева. Она выглядела опрятно, как будто здесь жили приятные люди. Жили. Эффект запустения усиливался ковриком. Стоя на пороге, Холройд заглянул в жилую комнату и там увидел склонившуюся девушку.

— Я рада,— нетерпеливо сказала она,— что ты колеб-

лешься перед входом. Но рассуди! Было необходимо, чтобы я заманила Пта внутрь замковой темницы в надежде, что Холройд переродится. Что касается остального, будь уверен, что я пойду первой туда, куда попрошу пойти тебя.

«Действительно,— сказал про себя Холройд,— она не ошиблась, все так и было. Но зачем я попал сюда?»

Он потряс непонимающе головой. Затем сосредоточил свое внимание на том, что его окружало.

Жилая комната была обставлена скудно: только кресла, ковер, сундук, стол. Деревянный светильник-факел свисал с потолка, в одном углу на помосте сверкал металлический стержень. Он выступал из центра помоста и сиял тусклым фиолетовым светом. Холройд увидел, что глаза девушки поймали его взгляд.

— Молитвенный жезл!— сказала она.

Молитвенный жезл. Он был источником божественного могущества богини Инезии. Холройд подошел к помосту. Как с ним обращаться? Как заставить его действовать? Он растерянно повернулся к девушке и понял, что она все еще продолжает говорить:

— Родители Муры отсутствуют, и мы одни, Пта. Ты и я, одни впервые...

Она заколебалась, потом вздохнула.

— Время,— продолжала она утомленно,— не имеет значения. Оно так долго длилось, что я умирала сто миллионов раз ради тебя.

Ее голос, теперь более страстно, продолжал:

— Еще раз я стану всеми женщинами для тебя. Сегодня ты можешь претендовать на меня, как на крестьянскую девушку по имени Мура, завтра я буду прелестной девушкой из серебряного города Тринано, которую ты повстречаешь на улице; днем позже изысканная придворная леди будет лежать в твоих объятиях, и все это в действительности буду я, твоя счастливейшая жена. И это будет так же, как и в старые времена, это повторится вновь. Если только не помешает эта негодяйка Инезия.

Холройд с трудом разобрал последнее высказывание. То, что она сказала. Слова вошли в его мозг, значение каждого из них было ему мало понятно, как и знаки в нише.

— Послушай,— услышал он свой голос,— ты хочешь сказать, что и в самом деле используешь возможности другой женщины...

Он не смог продолжать. Он видел, что девушка пристально вглядывается в него. Гримаса разочарования скривила ее губы.

— О, Пта,— рассердилась она,— неужели ты изменился настолько, что считаешь неправильным то, чем мы занимались прежде? Ты всегда был волокитой. Я же не противилась твоим желаниям. Как ты хотел, так я и исполняла твою волю.

Он молчал, потому что ничего не мог произнести в ответ. Справедливость отповеди была вызвана необычной уступчивостью характера, обнаруженного признанием. Женщина, которая выполняла любую, даже ненормальную прихоть своего супруга... «Лоони,— думал Холройд,— Лоони, которая считает своей чужую плоть. Не удивительно, что твое настоящее тело лежит, закованное, в дворцовой темнице. Заключенная, которая не чуждается получить хотя бы немного удовольствия».

— Послушай,— медленно произнес Холройд,— а не перенесла ли ты меня сюда только для того, чтобы мы здесь занимались любовью? Мне бы хотелось узнать, как ты это сделала, чтобы скрир летел прямо сюда, где в одиночестве меня ожидает крестьянская девушка? И кроме того,— с нажимом сказал он,— несчастный случай с погонщиком, свалившимся со скрира... Был ли он на самом деле несчастным случаем?

— Постой! — Ее голос стал неожиданно сильным. Он уловил, что свечение на помосте усилилось.

— Молитвенный жезл! Как им пользоваться? Выглядит, во всяком случае, как стальной. И кроме того, самое смешное, что это первый металл, который я вижу с момента прихода в Гонволан,— закончил он.— Ну?

Выражение ее лица было спокойным. Тень улыбки коснулась ее глаз и исчезла. Но Холройд не пропустил слабого изумления. «Нужно быть внимательнее,— сказал он себе.— Женский характер неизмеримо сложнее, чем может показаться на первый взгляд».

Какую-то минуту она не отвечала, рассматривая его, и в ее глазах было неуловимо-насмешливое выражение. Словно она изучала его реакцию на что-то, что было у нее на уме. Неожиданно она вскочила на помост, из которого торчал молитвенный жезл и подозвала Холройда, а в ее голосе слышалась командная нотка:

— Возьми мою руку, я покажу тебе, как молятся крестьяне. Это очень важно, чтобы ты научился делать это,

потому что из миллиардов подобных жезлов это тот, что устанавливает наличие божественной силы.

Холройд кивнул. Не было смысла делать прямой вывод. Воля, знание выросли в нем, теперь он знал, что не сделает шага, который вовлек бы его в связь с кем-то, и не примет на веру ничьих заявлений. И стремительно направился к двери. Прежде всего ему нужно было несколько дней, чтобы сориентироваться и спланировать свои будущие действия. Он сознавал, что Лоони должна понять причину его нежелания. Она поспешила к нему.

— Не будь дураком,— нетерпеливо сказала она.— Нет времени ждать. Промедление любого рода может быть фатальным.

К этому не надо было ничего добавлять. Ошибка увеличивала опасность, что не способствовало делу. Было просто не в его натуре продолжать изменяться дальше в неизвестно что. Его молчание, должно быть, показалось колебанием. Девушка нетерпеливо ухватила его за руку и потянула к себе.

— Подойди,— принуждала она.— Дело не в том, что тебе можно делать. Ты должен научиться этому.

Сила ее была удивительной, но Холройд сдерживал себя.

— Я думаю,— сказал он,— что оплачу визит к городу Пта прежде, чем совершу что-то еще.

Он повернулся и, не говоря ни слова, не ожидая ее, вышел через прихожую из дома. Дважды он обернулся, но сзади не было ни движения, ни следа жизни. Тишина, как в жилище дьявола, стояла в свете утреннего солнца, которое исчезло, как только он вошел под кроны деревьев.

Глава 7

Область тьмы

В джунглях было тепло и душно, и Холройд непрерывно шел на запад, делая короткие остановки, чтобы выбраться из них. Он вышел на открытый холм, и длинная цепь таких же холмов предстала перед ним, не давая возможности разглядеть город Пта. На севере темнело поблескивающее море, но он едва различал его.

Его внимание привлекла долина внизу. Там размещался военный лагерь, кишащий мужчинами и животными... и

женщинами. Женское присутствие привело его в замешательство. Но через какое-то мгновение это удивление улеглось. Ну, конечно! Это же постоянное поселение, с удобствами для женатых мужчин.

Маневры, всевозможного вида тренировки проходили тут же, неподалеку. Он внимательно вглядывался в непривычные действия. Все было пропитано чем-то необыкновенно трогательным. Слоноподобная кавалерия галопировала как-то буднично-равнодушно, всадники, держащие длинные деревянные пики, отклоняли линию своих животных к группе женщин, чтобы перекинуться одной-другой фразой, а затем возвращались к основному отряду. На расстоянии это выглядело возмутительно, хотя наездников можно было понять.

Как мог видеть Холройд, в другом конце долины располагались солдаты и их казармы, отсвечивающие на солнце белым. Ничего не оставалось, как только пересечь эту долину. Если он прибегнет к привычной тактике Пта, он может пройти, никем не замеченный. Он оценил все расстояние в пять миль — где-то на полтора часа ходу.

Он прошел уже треть пути и проходил мимо группы мужчин и женщин, когда раздался топот тяжелых ног. Длинная линия гримбов взревела в десяти футах от него. Всадники с насмешкой разглядывали его. Один из них, высокий, красиво одетый, с цветными перьями на шляпе, глядел на него в немом изумлении, затем выехал на своем огромном звере из строя. Он склонился в седле.

— Принц Инезио!— крикнул он.— Ваш беспрецедентный удивительный визит взволнует армию. Я тотчас проинформирую маршала.

Он умчался прочь, оставив Холройда с воспоминанием, что Пта похож не только на статую во дворце, но и на человека по имени Инезио. Принц Инезио. До этого момента упоминание этого имени сулило угрозу.

Холройд изучал положение, прищурив глаза. Долина была миром движущихся животных и людей. Кроме того, здесь были здания и солдаты, выстроившиеся с каждой стороны от них. А поблизости от него толпились офицеры и их женщины.

Пути, чтобы вырваться отсюда, не было. Ничего не оставалось, как и дальше разыгрывать роль принца Инезио. Он мог детально изучить армию, управление ею, а затем — прямо на Нуширван. Внезапно он почувствовал нетерпение, смешанное со страхом и предостережением, и

жгучее возбуждение. Детали перевоплощения были не важны. Почти наверняка его голос не отличался от голоса Инезио, но дело не в этом. Он был Пта, Трижды Величайший Пта; П т а Гонволана. Отождествление вспыхнуло у него в уме. Он смело следил за группой офицеров и женщин, окруживших его и ждавших приказаний.

Холройд огласил громко:

— Я здесь буду наблюдать за маневрами и подготовкой к войне. Продолжайте!

Это было сделано превосходно. Это сказал не Холройд, а Пта. Даже не совсем Пта. Это была мысль лично Пта. С каждым часом Пта становился более опытным. Он видел, что группа, узнав его, оставалась непринужденной. Женщины были молодыми и хорошенькими; одна глядела на него с нескрываемым интересом. Один из офицеров, с десятью белыми и пятью красными перьями на шляпе, вышел вперед. Средних лет, с волевым лицом, он спокойно сказал:

— Мы польщены, повелитель. Вы не помните, наверное, нашей встречи во дворце, когда меня представили вам. Я — маршал Нанд, командующий 9430-ю усиленными корпусами, которые вскоре будут отправлены на границу с Нуширваном.

Его голос продолжал звучать, но, несмотря на желание Холройда, слушать он не мог. Всплеск личности Пта начал угасать. Его мозг был подобен пробке, которая была однажды захвачена крутящимся водоворотом. «Девять тысяч четыреста тридцать армейских корпусов. В его время армейский корпус состоял из сорока—девяноста тысяч человек. На его взгляд, в этой зеленой, сочной долине было больше. Но и это была явно небольшая цифра. Сорок тысяч человек в одном корпусе из девяти тысяч четыреста тридцати в грубом приближении означало четыреста миллионов человек».

Потрясение проходило. Действительно, это была небольшая армия для страны с населением в пятьдесят четыре миллиарда человек. Один Нуширван с пятью миллиардами населения был способен выставить на поле боя один миллиард бойцов. Холройд сдержал бурное дыхание. Как солдат он был восхищен военными возможностями таких огромных армий. Он думал: они могут изучить тактику блицкрига — со скрирами вместо аэропланов и гримбами вместо танков.

Каждую минуту необъятность этой огромной земли ста-

новилась все более очевидной; нужно остаться живым и жить, действительно, он должен жить здесь. Холройд-Пта, божественный правитель Гонволана...

— И если вы пожелаете пройти сюда, ваша светлость,— говорил маршал,— я проведу перестроение типовой единицы для вашего удовольствия. Из трехсот пятидесяти тысяч офицеров и солдат...

— Из чего?— спросил Холройд. Он произнес это не слишком громко. Знание буквально придавило его, мозг был выбит из привычной колеи мышления. Результаты его расчетов следовало умножить еще в девять раз. Три и шесть десятых миллиарда солдат входило в эту армию. Солдат здесь было едва ли не вдвое больше, чем человеческих существ на Земле в 1944 году,— величайшая армия на величайшей земле, которая когда-либо была. Его армия, его земля, если бы он смог захватить ее, расстроить планы богини, ее амбиции и взять то, что было его по праву.

Мягкий женский голос произнес из-за спины:

— Я здесь, Пта, в новом теле, чтобы помогать... советовать... тебе.

Эти слова имели странный эффект. Они принесли нездоровые мысли. Питер Холройд, американец, владыка мира — чертовски недемократичная бессмыслица! Но мог ли он надеяться разгромить сильную и мельчайшую часть его, которая имела такие устремления? Сомнение успокоило его, он уставился сердито в новое тело Лоони. Ее новая форма была пухлой, среднего возраста женщиной и заинтересовала его. Перед тем, как он что-то сказал, Лоони снова прошептала:

— Я — жена маршала Нанда. Его любовница слева от тебя. Пта, армия должна быть преобразована и реорганизована. Пта, женщинам не разрешали находиться в армии, пока Инезия не решила уничтожить тебя. Она хотела, чтобы армия была не в состоянии атаковать Нуширван, и довела ее до такого положения. Но недовольные офицеры сопротивлялись этому и поддерживают армию в лучшем состоянии, чем думает богиня.

— Моя дорогая,— раздался голос маршала,— ты не должна шептать его высочеству.

— Я говорю кое-что весьма важное,— скривилась женщина.— Правда, принц Инезио?

Улыбнувшись, Холройд кивнул. Он вдруг почувствовал себя несравненно лучше. Удачный ответ женщины удов-

летворил его. Это была жизнь, открывающаяся ему. В характере Лоони было много такого, что ему не нравилось, но она п ы т а л а с ь помочь ему. Он попробовал понять, что бы это значило. Она сказала, что ее настоящее тело в темнице. Было смешно представлять это. Он должен был рисковать из-за нее. Смутно это было понятно ему, так же, как и его нападение на Нуширван. Но он даже не знал, где она заточена. А она не могла сказать. Действительно, нападение на Нуширван не было близким. Но оно было возможным. Возможно противостояние происходило из уважения к телу Лоони.

— Пта!— Это снова была Лоони.— Ты не должен оставаться здесь дольше. Ты увидел все, что важно. Ты знаешь главные недостатки армии. Слабая дисциплина, сильно страдающая из-за присутствия любовницы в каждой солдатской хижине, а положение ухудшается из-за стремления богини уничтожить тебя. Теперь ты знаешь истину. Ты не можешь тратить время здесь, с одной тысячной армии, которая должна быть изменена. Я клянусь тебе, что каждый час, каждая минута жизненно важны.

Помни, Пта, мое тело лежит во мраке темницы все это время. Если она найдет мою плоть без души, она может уничтожить ее — и тогда только ты в своем полном могуществе сможешь вернуть мне мои способности. Пта, для моего спасения, так же, как и для твоего собственного, позволь мне взять тебя в следующую фазу, которую ты должен изучить в своей борьбе за спасение наших жизней. Позволь, Пта, провести тебя через область тьмы.

Холройд слушал ее напряженно, наполовину уверенный в том, что он сам видел главные недостатки армии и был несогласен лишь с деталями. Теперь он глядел на нее с изумлением.

— Область тьмы?— эхом отозвался он.

Она сделала нетерпеливый жест.

— Это способ отъезда из этой долины. То, что ты открыл сегодня, ты мог бы узнать еще вчера. Пта, это утро началось, и тебя ждет открытие двух фактов: недостатков в армии и того, что у Инезии есть субъект, необыкновенно похожий на тебя даже звуком своего голоса. Я не могла рассказать тебе об этих фактах за две минуты. Пта, останься в это утро со мной, выслушай то, что я должна сказать. Выслушай, чему я должна научить тебя. А затем иди своим путем. Пта, скажи, что ты будешь делать, проходя через область тьмы? Ты должен сказать это. Я слиш-

ком слаба, чтобы принудить тебя; иначе я бы сделала это немедленно.

Холройд заколебался, заинтересованный. Она была права. Из всех его проблем с момента прибытия в Гонволан самой большой была нехватка информации. Его собственное нежелание продолжать тур не исключало проведения утра в вопросах и ответах. Возможно, он поспешил, оставив ее таким невежливым образом. Маршал Нанд, стоявший за ним, произнес:

— Мы здесь, принц. Назовите подразделение, которое вы хотели бы увидеть в действии.

Назвать подразделение! Холройд ухмыльнулся. Да, назвать его. Дать технически правильное название, чтобы сразу выяснилось его полное невежество. Он обернулся к женщине и поспешно прошептал:

— Я согласен пройти через область тьмы. Что теперь?

Ответом стала действительность.

Во-первых, была сплошная темнота. Она была густой и непроницаемой. А еще через мгновение он понял, что Лоони рядом с ним. Тени, подумал он, он и женщина были тенями в ночи.

К а к д а л е к о ?

Слова коснулись его мозга, хотя они были беззвучными и не адресованными ему. Он не мог понять, точно также как не мог понять, как ухватил ее мысль. Все было очень ясно. Его мозг был восприимчив выше всяких человеческих возможностей; и он ждал, напрягшись, как струна, ее ответа.

Ответ пришел с расстояния. Все пространство и время выдохнули отвечающую мысль, отзвуки ее наполнили черный водоворот, погружаясь в него быстрее, чем затемненная тень мужчины и женщины.

Д а л ь ш е — р а б !

Н о г о д ы в с е г д а д л и н н ы .

О н и б у д у т д л и н н е е .

Ночь времени углублялась. Века растворились в темноте, и к Холройду пришло бесконечное чувство, что вечность так же близка, как и эта всесокрушающая ночь. Он чувствовал, как часть мозга женщины пугающе возросла. Это было его первое знание, что ее сознание было в двух отчетливых формах. Одна часть корчилась в бессильной ярости, заставляя тело подчиняться; другая часть была рабской, не сопротивляющейся, зависящей от приказов хозяина. Лишенная светлого пятна, Вселенная кача-

лась в страхе, который горел в подчиненной части ее мозга, что все было потеряно, что надежда должна умереть в этом черном нигде; и эта мысль пришла резче, отчетливее.

Как далеко?

Дальше, дурак!

Но мы шли сто миллионов лет.

Дальше, о, гораздо дальше.

Все же его ум, порабощенный женским, чувствовал лучше, спокойнее, более доверчиво — и тогда длинная ночь закончилась.

Это была странная греза темноты. Холройд балансировал на теневом краю сознания, приведенный в замешательство знанием, которое было в нем. Что случилось? Он слабо толкнул что-то, стряхивая непостоянное чувство необычности; толкнул сильнее, в ночь, которая омывала его. Наконец, он открыл глаза.

Он вовсе не лежал, как ему показалось. Его ноги упирались в пол, и отсюда он мог видеть крестьянскую девушку — Муру. Он обежал ее взглядом, она стояла все в той же знакомой позе, лицом к нему, в домике среди джунглей, как и несколько часов назад. Мозг Холройда окунулся в воспоминания. Назад, сюда... Она перенесла его назад — через область тьмы. Но каким образом?

Он спросил растерянно:

— Я сплю?

— Это было воспоминание,— сказала девушка.

Казалось, это не имеет никакого значения. Холройд тщательно изучал ее, но девичье лицо было бесстрастным. Через мгновение она добавила:

— Это было воспоминание, как Пта был впервые перенесен в Гонволан. Только с твоего разрешения и в течение короткого периода времени могу я показать тебе то, что случилось. Ты ведь согласишься, что это ценное знание?

Холройд выждал, перебирая воспоминания.

— Но ты была в нем!— сказал он наконец, и на мгновение у него появилось убеждение, что он пробил фатальную брешь во всей истории.— Факт в том, что ты одна перенесла меня.

Он замолчал, припоминая, как часть ее мозга поработила другую часть, корчущуюся в боли в неистовом мятеже против команд, которые отдавал хозяйский голос. Он услышал, как девушка мягко произнесла:

— Да, я была в нем, но не по своей воле. Возможно,

теперь ты имеешь более четкое представление о могуществе, которое противостоит тебе...

Холройд кивнул, и неприятная дрожь пробежала по его нервам. Объяснение сходилось с тем, что он уже знал, но то, какова реализация, было забыто и принято.

Женщина, существо оттуда, из пространства, которое приказывало. Богиня Инезия! Это было совершенно точно. Впервые Холройд понял, что он дрался за свою жизнь.

Холройд подошел к помосту, из которого торчал молитвенный жезл. Достигнув его, он вопросительно оглянулся на девушку. Затем еще ближе приблизился к жезлу. Она кивнула и вышла вперед. Ее быстрая реакция заставила Холройда внутренне усмехнуться. Возможно, он извиняется за свое поспешное бегство от нее. Очень уж она стремилась продемонстрировать этот молитвенный жезл с особой божественной властью в действии. Ничего не зная об обстоятельствах его бегства, она решила, что он намерен извиниться. Существовал определенный риск, но он едва просматривался, ее добрая воля была выражена тем, что она сделала. Очутившись возле него, девушка сказала:

— Молитвенный жезл важен. Но прежде всего мне хотелось бы объяснить тебе настоятельную необходимость твоего пребывания в Гонволане,— продолжала она.— Ты можешь, конечно, удивиться, что для тебя жизненно важно завоевание Нуширвана. Это важно из-за Великого Трона Власти. Раньше трон был во дворце крепости, но — и заметь, что это к лучшему,— его перевезли, потому что в тот момент, когда ты сядешь в кресло, ты возвратишь свое могущество.

Он был перевезен Инезией в столицу Нуширвана по разрешению Нушира. Она верит, что сможет уничтожить тебя раньше, чем ты достигнешь его и овладеешь им. Пта, это мое мнение, без каких бы то ни было консультаций: только вторжение, используя величайшую, самую могущественную армию, поможет достигнуть таинственной и безымянной столицы Нуширвана и претендовать на божественный трон Пта.

Девушка умолкла, как будто задохнулась под тяжестью слов, затем с воодушевлением сказала:

— Пришло время для более решительных действий. Это нужно делать, мы должны быть более инициативными. Как только я продемонстрирую тебе действие молитвенного жезла, я объясню, что ты должен делать в дальнейшем. Теперь возьми меня за руку.

Холройд осторожно взял ее за руку. Она была теплая, пульсирующая, живая, словно жизненная сила билась в ней электрическим, колеблющимся огнем. Неожиданно он подумал: а что, если поцеловать женщину, которая была такой живой! Он резко глянул на девушку. Было ли это тонко замаскированное внушение, переданное из ее мозга через его руку? Он решил, что вряд ли. Он и сам был в состоянии подумать об этом.

С интересом он следил, как свободной рукой девушка коснулась молитвенного жезла. Прикоснувшись к нему, она на мгновение застыла и полуобернулась.

— Мне бы хотелось напомнить тебе, что ты должен быть более уверенным, у тебя большое сходство с принцем Инезио, даже оттенок голоса тот же.

— Что,— спросил Холройд,— делать с...

Он застыл. Он замер потому, что в неотвратимом движении пальцы девушки достигли металлической подставки. В какое-то мгновение у него возникло чувство, будто он держит не руку девушки, а живую молнию.

Холройд корчился в молчаливой агонии. Он попытался высвободиться, но его усилие не имело успеха. Всю силу поглотила энергия, переливающаяся в его тело.

У него хватило времени сообразить, что его опять обманули...

Глава 8

Лиана на утесе

С тюремного пола дворца, где она лежала, Лоони могла видеть форму богини Инезии. Полуосвещенное тело покоилось в огромном кресле, которое Инезия приказала принести сюда несколько дней назад. Небольшое, прекрасно очерченное тело Инезии выглядело неподвижным. Золотые кудри, которые венчали ее голову, слабо сияли. Она нагнулась, голова ее бессильно опустилась, руки неподвижно свисали вниз — ее сущность покинула тело.

Когда Лоони смотрела на это безвольное тело, в ней стало нарастать напряжение, словно ментальный ветер подул в огромной ночи. Он нарастал. Могущество пронеслось по помещению. Стало светлее, более отчетливо можно было разглядеть человеческое тело на цементном полу. Тело коснулось пола с мягким стуком. Одновременно золотово-

лосая женщина в кресле шевельнулась. Она открыла глаза и улыбнулась.

Раздался звонкий голос, довольно музыкальный. Инезия глянула вниз и остановила свой взор на темноволосой женщине. Ее голос был наполнен триумфом.

— А, милая Лоони, мой план осуществляется. Он думает, что я — это ты, и он позволил мне взять себя в область тьмы. Таким образом, важные чары, необходимые для объяснения, каким образом его перенесли в Гонволан, устранены. В добавок ко всему этому Пта узнал могущество молитвенного жезла, но не так, как ему следовало бы узнать это: посредством прямого течения, а отфильтрованное моим телом, лишенное двух разновидностей энергии, которые были созданы, чтобы оживлять его память.

Ее смех зазвучал громче, пока не угас. И намеренно громко она сказала:

— Я собираюсь нарушить его умственное равновесие. Три и даже больше уровней его чар разрушено. Но это уже не важно. Я могу заставить его снять их еще до нападения на Нуширван. Так будет и с седьмым, когда я положу руку на трон. Не думаю, что Пта придется сесть в него...

Она закончила:

— Я почти забыла, дорогая Лоони. Я включила твое имя в большой список людей, которые будут казнены. Этот список он подпишет. У списка другое назначение: обеспечить еще одну причину, из-за которой он будет вынужден напасть на Нуширван.

Лоони насмешливо вглядывалась в свою мучительницу. Детское личико ее выражало бесконечное торжество. Глаза Инезии расширились, губы вытянулись в тонкую нить. Увлеченность передавалась каждой черточке ее лица, хотя она и пыталась придать ему маску безразличия, силы и значительности.

Лоони сухо заметила: две защиты сломаны. Две из семи. Она могла вообразить, насколько это искусно сделано. Инезия, выступая как Лоони, привлекла Пта признанием, каким образом она разрушила одну за другой чары, спасавшие его от смерти.

Лоони заставила говорить себя, как и прежде: насмешливо, с сарказмом в голосе.

— Так ты хочешь стать мною? Бедная Инезия! Какая это, должно быть, трудная роль! И он уже любил тебя, Инезия? Можешь ли ты разрушить эту чару Пта?

Светловолосая женщина тряхнула своей головкой.

— Я не собираюсь скрывать от тебя свою неудачу. Этот идиот — моралист.

— Но ведь таким и был Пта. Неужели ты не помнишь?— голос Лоони стал слегка наигранным.— Он никогда не пользовался украденными тобой чужими женскими телами.

В глазах Инезии загорелся огонь. Она тяжело дышала. Ее глаза излучали голубое пламя гнева.

Затем она рассмеялась звонким и грубым смехом.

— Ты, кажется, не понимаешь, Лоони, что Пта здесь, во времени Гонволана, где он нормально умирает. Больше того, он управляется человеческим умом, сильным умом, будь уверена, но таким, который не сможет приспособиться к Гонволану вовремя, чтобы вмешаться в мои планы... Он проснется завтра с мыслью, что я велю ему быть моим любовником, принцем Инезио, и что ты изменила приказ, чтобы показать ему настоятельную необходимость нападения на Нуширван. Долго сопротивляться психологическому нажиму, который я приберегла для него, он не будет. Что касается упомянутых тобой чар, то, чтобы Пта узнал мои права, он переспит со мной...

Ее смех стал прерывистым и доверчивым. В нем была грустная, с небольшим юмором нотка.

— Ты думаешь, что он будет сопротивляться мне, м н е, когда мы одни, в моих апартаментах? Он будет думать, что единственная его надежда, пока он во дворце, называется принцем Инезио. Возможно, теперь ты начинаешь понимать, почему я баловала этого идиота Инезио все эти годы, даже позволила ему зваться моим именем. Его сходство с Пта до мельчайших черточек сослужило хорошую службу. А теперь, Лоони, я должна идти. Я перенесу его в апартаменты принца Инезио. Там он некоторое время будет приходить в себя. Мне это нравится даже больше, но меня беспокоит время и необходимость бороться за равновесие.

Она повернулась, каменная дверь отворилась, вошли четверо мужчин. Они упали на колени, затем встали и подняли тело Холройда. Богиня последовала за ними к двери, затем остановилась и повернулась.

— Я хочу предостеречь тебя,— сказала она мягко.— Я вынуждена использовать тебя как круг власти, и в результате этого, впервые за многие века, ты обладаешь небольшой силой. Не оставляй свое тело. Время от времени я

буду возвращаться, и, если найду тебя отсутствующей, я уничтожу твою оболочку. Не буду говорить, насколько это будет фатально для тебя. В этом случае ты будешь зависеть от силы, которую ты имела и которая постепенно ослабнет. И в конце концов у тебя не останется сил, чтобы оставить любое тело, в которое ты войдешь, поэтому тебе придется умереть с ним после длительного периода агонии. Как ты понимаешь, ты не сможешь вселиться ни в чье тело во дворце без того, чтобы я этого не узнала...

И еще!— Улыбка Инезии была насмешливо-обещающей.— Я знаю, что ты тешишь себя призрачной надеждой, что Пта приведет в порядок свои чары с тем, чтобы поймать меня в западню. Если я обнаружу такую ловушку где-нибудь вдоль линии — а я уверяю тебя, что узнаю немедленно,— я тотчас уничтожу настоящее тело Пта и попытаю успеха вновь, в его следующем перевоплощении. Но я не потерплю неудачи. Я буду единственным и вечным правителем Гонволана. Я оставляю тебя наедине с этой приятной мыслью.

Последние слова она бросила, уже выйдя за дверь. Помещение вновь погрузилось во тьму.

В течение длительного времени Лоони лежала почти без сознания на полу, ощущая только сырой камень и гнетущую тяжесть цепей. Наконец сформировалась мысль: хвастливая дура Инезия! Итак, он в апартаментах принца Инезио. Да, Инезия, ты права. Сейчас у меня появилась небольшая сила. Достаточная, чтобы убить его сейчас с тем, чтобы он мог родиться снова.

Тяжело было выходить из тела, тяжелее, чем она надеялась. Усилие сберечь свою человеческую оболочку поглотило слишком много сил из ее истощенных ресурсов. В тюрьме было слишком холодно. Каждая минута жизни, каждый градус тепла должен был оплачиваться. Но она вышла, и сознание того, что ее тело лежит внизу, в непроглядной темнице, охватило ее радостью. В этом мраке бесполезны были глаза, уши, даже прикосновения, существенно было только то великолепное, полное жизненной радости могущество, которое было самой сердцевиной ее сущности. Было время, очень давно, когда ее тело оставалось контролируемым на расстоянии, если она выходила из него. Но сила, дававшая ей такую возможность, покинула ее.

Пройти сквозь стены было достаточно легко. Дорогу она знала. Как часто в далеком прошлом она выплывала

через ту глубину утеса, вонзаясь в воду, которая подхватывала самоубийц и благополучно опускала их на скалистый берег, вынося из моря на высоком приливе...

Теперь медленнее! Чувство воды было теперь ближе и сильнее. Слишком сильным. Она должна быть дальше. Вот и береговая линия, вода тянула ее дальше в море, а потом на берег. Дважды происходило еще что-то, чувства отличались. Но каждый раз оно было таким слабым, смерть наступила слишком давно.

И затем... у нее появилось тело. Невозможно было сказать, как долго девушка была мертвой, но аура жизни, которая истекала из ее бесчисленных клеток, была сильной, почти грубой, по сравнению с мягким давлением моря и суши... Лоони парила невидимо и затем оказалась внутри нее, ее существо растеклось по мертвым нервам. Тело облегало ее, сопротивляясь жизни всей силой вялого механизма. Это было похоже на движение в растекающемся песке. Смерть для человеческого существа была окончательной и завершенной.

Как долго она лежала там, в безвременной ночи, она не могла определить. Не было времени, только это бедное, истерзанное тело и успокаивающая определенность смерти.

Сознание жизни перешло в неровное пульсирование воды, разбивающейся о скалистый берег. Затем появилась пульсация, которая была болезненной, так как она поддерживала ее своим сознанием и ждала. Теперь она чувствовала гальку, камни, песок, давящие на ее новое тело. Затем пришло движение. Ноги подтянулись под действием сокращения мышц, руки напряглись. Множество обычных функций пробуждалось от неподвижности смерти.

Последним вернулось зрение. Она видела ночь, искажающую заполненное облаками небо и возвышающийся утес. Риф удерживал ее тело между утесом и бушующей бездной, которой являлось море; были там и другие формы тел. А через залив горели огни города. Она справилась с ностальгией, которую навеял вид города, и усиливающимся действием ее сопротивляющихся членов. А пока она оставалась качаться, прижимаясь к утесу, который возвышался над ней. Потом подумала, что не существует человеческих мышц, которые были бы способны взобраться вверх из этой фантастической пропасти.

Но избежать этого подъема было невозможно. Она должна убить, чтобы спастись. Она нашла оружие на месте,

где скрывала его в течение всех этих вынужденных меланхолических экскурсий, когда ей надоедала темница и она гуляла вдоль этого скалистого берега, где так много утонувших людей делали вынужденную остановку для бездумного отдыха, прежде чем быть поглощенными древним океаном. Как давно она вот так гуляла!

Она проверила свои приспособления и начала взбираться. Ночь продолжалась. Облака дрейфовали над морем на северо-запад. Звезды светили ей, помогая взбираться по гигантскому утесу. Внезапно резко закружил ветер. Облака повернули вспять, став теперь темными, словно, собрав дождя сколько могли, они вернулись, чтобы помучить ее. Дождь обрушился вниз. Он омыл ее лицо и сделал холодными и мокрыми ее тело и руки. Когда он наконец закончился, начало светать.

Солнце пришло в блестящих красных лучах, появившихся из-за горизонта. Она преодолела уже большое расстояние, но еще огромный отрезок пути ей предстояло одолеть, напрягая все силы утомленного тела. Смерть для человека — только надежда. Долгий, долгий путь, казалось, заканчивался наконец.

Глава 9

Дворец-крепость

Время для Холройда остановилось. Немедленно он начал бороться против энергии, которая текла с такой пугающей силой в его тело из рук девушки. Следующим пришло знание того, что он лежит на полу большой комнаты, необычной, залитой солнцем комнаты.

Она была шириной в сто футов и длиной по меньшей мере в двести, но через мгновение он уже не ощущал величин. Только подчеркнутая изысканность, великолепие, которое смешивалось с потоками ослепительного солнечного света, льющегося через проем окна. Мебель пылала, пламя играло розовым отблеском на креслах, шкафах и столиках превосходной работы, замечательных тканях. Отделанные панелями стены сияли мягким цветом ценных пород дерева. В дальнем конце этой потрясающей комнаты было несколько напоминающих драгоценности дверей со стеклянными проемами. Свет струился и через эти проемы, создавая иллюзию деревьев за ними,— иллюзию, по-

тому что стеклянные двери не давали на расстоянии четкой видимости...

Восхищенный, Холройд глядел в том направлении, затем медленно отвел взгляд, ошеломленный видом движения, которое попало в поле его зрения. Тот, кто подходил к нему, оказался самым замечательным в этой комнате — юной золотоволосой женщиной. У него не осталось времени обозревать комнату, его привлекла женщина, в глаза бросились голубые глаза и совершенное тело, облаченное в плотно облегающее снежно-белое платье; а затем донесся голос, сладко-настоятельный и тревожный.

— Инезио!— сказала она.— Что случилось? Ты рухнул, как ошеломленный врил.

Она стояла, ожидая ответа, а Холройд получил время сосредоточиться на серии сведений. Инезио! Его мозг ухватился за имя. В агонии, он думал: «Она доставила меня во дворец вместо принца Инезио».

Пришло воспоминание о том, что Лоони сказала о необходимости решительных действий. Понимание раздуло пламя мужества. Какое-то время он был растерян, затем к нему вернулось самообладание. Он сказал:

— Я отключился. Извини.

Он встал. Молодая женщина, пальцы которой были мягкими и белыми, помогла ему. Она была сильной. «Как тигрица»,— подумал Холройд, следя за ее походкой, когда она пошла в сторону одной из дверей. Она задержалась в дверном проеме на фоне мраморного зала и сказала:

— Этим утром Бенар собирается принести тебе список подлежащих казни. Я надеюсь, что ты подпишешь его,— ее глаза сверкнули.— Я хочу, чтобы мы, наконец, покончили с этими так называемыми патриотами, которые толкают Гонволан к войне с Нуширваном, а затем и с Аккадистраном. Я вернусь, чтобы позже обсудить этот вопрос.

Она ушла. Холройд опустил руки, словно любое действие могло вернуть ее назад, как будто это движение способно было растолковать ему то, что она сказала: списки подлежащих казни. Долгое время он еще не понимал. Лоони перенесла его во дворец, заменив им принца Инезио. Для чего? Чтобы предотвратить казнь? Или чтобы дать понять ему, насколько важным было балансирование на грани жизнь — смерть? Одно только он знал точно. Он сам, собственной персоной, был во дворце-крепости.

Холройд вышагивал по устланному ковром полу. Его основным теперешним поведением должна управлять, оче-

видно, покорность. Он должен был выяснить что следует, узнать о своем положении, прежде чем составить план действий. Вышагивая по комнате, он подошел к дальнему ее концу и заглянул через дверь.

Разноцветное стекло смягчало сияние солнечных лучей, которые лились со стороны террасы, с цветами, травой, деревьями и возвышающимися над ними очертаниями города.

Холройд открыл одну из дверей и вышел. Ветерок дул с террасы. Он ласкал его лицо и вносил аромат сада в легкие, и в этом аромате чувствовался привкус соленой воды. Но особенно его внимание привлек город. Часть его, которую он мог видеть, лежала вдоль берега зелено-голубого океана. Все сверкало, глаз выделял в изменяющемся мелькании конструкции, частично сплетающиеся с зеленой кроной деревьев.

Он остановился у небольшого ручейка, который был коротким. Вода просто стекала с каменистого края и исчезала. Он осторожно двинулся вперед, спотыкаясь. За садом был камень фута в три высотой, а ниже... бездна.

Пропасть начиналась за барьером из камня и падала ниже, ниже, ниже... Холройд не мог видеть путь ручья, как он изливался в потрясающую бездну в полмили глубиной. Никогда не существовало пучины, которой более точно подошло бы название Великий Утес. В отдаленном основании был усеянный скалами язык моря. Ничего пригодного для гавани там не было, только потрясающий рев хлещущей воды бил в уши. Вода сбегала пенящейся массой меж двух скалистых уступов и образовывала залив. Он был небольшой — две на три мили, и на его противоположном берегу начинался город.

Море и утес, который принимал на себя его ярость, запечатлелись в виде ярчайшего образа в его памяти. Но до какого-то момента главным из них был город. Он был белым, и голубым, и зеленым, и красным, и желтым, и еще невообразимо разноцветным. Под лучами солнца он сверкал, как драгоценный камень, хотя, может быть, и не совсем так. Он был огромным, со своими колокольнями, куполами, сводами, шпилями, уходившими за горизонт. Он изгибался вдоль моря, повторяя форму берега, казался его проекцией, искаженной расстоянием. За ними маячили смутные очертания леса; где-то там, должно быть, находился домик в джунглях, откуда его перенесли.

Холройд коротко хмыкнул. Ему следует остерегаться

этой женщины, Лоони. Дважды она подвергала его опасности.

В камень возле него ударилась стрела и на какое-то время как бы прилипла к нему, а потом медленно, со все возрастающей скоростью полетела вниз, в бездну, из которой она прилетела. Холройд глянул туда. Он был ошарашен.

Немного ниже камня, футах в пятидесяти, вверх по краю пропасти ползла небольшая фигурка. Вторая стрела должна была попасть ему в голову, но он вовремя нагнулся. Затем опять высунулся. С первого же взгляда он определил, что нападавшим была высокая, худощавого сложения молодая женщина.

Когда потрясение прошло, тревога Холройда улеглась. Он разлегся на камне и стал внимательно, с любопытством рассматривать ее. Он увидел, что женщина цепляется за различные темные корни, которые тянулись перпендикулярно из стены утеса. Лук, который только что звенел, был перекинут через плечо. Ремень, опоясывающий ее, поддерживал саблю в ножнах. Как он заметил, ее пальцы искали новые точки для опоры, и таким напряженным был момент и так велика была опасность для нее, что Холройд инстинктивно напряг мышцы и потянулся к ней.

Он позвал:

— Кто ты? Что тебе надо?

Ответом ему было хриплое тяжелое дыхание, с которым фут за футом женщина подбиралась к нему. Внезапно Холройд почувствовал себя изолированным. У него появилось чувство одиночества человека против всего чуждого мира. Город на фоне смутно вырисовывающегося залива казался отдаленным и чужим. Непроизвольно он оглянулся назад, на дворец. Он мог видеть только часть его, просвечивающую через зеленую крону сада: длинное, приземистое здание белого цвета. Нигде не было никакого движения. Ни звука не исходило оттуда, никаких признаков жизни. Словно старый и безжизненный реликт забытых веков, возвышался он над неуспокаивающимся морем. Старый и мертвый. И только он с этой женщиной, пытавшейся убить его, были реальными и живыми.

Он увидел, что женщина отдыхает, придерживаясь одной рукой за выступ. Она изучала его; ее лицо, вырисовывающееся не более чем в шестнадцати футах от него, выглядело таким враждебным, что Холройд поморщился.

Женщина обратилась к нему резким тоном:

— Не удивляйтесь моему появлению. Я устала от долгого подъема. И пожалуйста, прими мои извинения. Я не узнала тебя. Я думала, что меня обнаружил стражник.

Холройд полуулыбнулся. Физически бессмертный Пта не боится стрел. Проблема заключалась в том, почему эта женщина хотела убить принца Инезио и к чему ей вообще извиняться. Он наблюдал за ней, она изучала его. Она была в десяти футах — грязное, исцарапанное, неприглядно выглядевшее создание. Ее взъерошенные волосы были испачканы, серые шорты и блузка измазаны грязью и тиной, покрывавшими скалы, кроме того, все было мокрым от воды, стекавшей вниз. Общее впечатление было таково, что силы ее были на пределе. Холройд нахмурился. Что он намерен делать с ней? Он не мог не учитывать, что она опять начнет стрелять в него. Тело Пта неуничтожимо, но оно испытывает боль. Когда женщина достигла нижнего края каменной стены, он спокойно сказал:

— Лучше будет, если ты забросишь свое оружие сюда, на утес. Я не сумею тебя вытащить с ним. Давай быстрее, и я помогу тебе.

Женщина отрицательно покачала головой. Ее голос звучал довольно решительно, когда она ответила:

— Саблю я не отдам. Лучше прыгну со скалы, чем попаду живой в лапы дворцовой охраны. Я отдам тебе лук и стрелы, и тогда ты будешь в безопасности от меня на расстоянии. Но саблю я оставлю...

Он не мог перечить таким доводам. Взял ее лук и стрелы, и через минуту странная женщина была возле него.

Вряд ли существовало животное более быстрое, чем она, или более проворное. Она подалась в направлении тропинки, но это действие было уловкой, прикрывавшей вытягивание клинка и стремительное движение в его направлении. Холройд отпрыгнул назад и от удивления уронил лук и рассыпал стрелы. Она подхватила их и швырнула себе за спину, за скалу. Они полетели вниз, в бездну. А затем оказалась на нем. Ее худое тело извивалось, когда она вонзала свое оружие. Удар не удался, она промахнулась, потому что Холройд отвел его в сторону. Он хорошо управлял своими ногами. Но, к его удивлению, она оказалась еще проворнее, чем он. Она проскочила мимо его расставленных рук. Даже тогда, когда она промахнулась, Холройд уже знал удивительный факт. Ее сабля была сделана из полированного дерева. Д е р е в а!

И то, что оружие не металлическое, замедлило его реакцию. Острие вонзилось в его правый бок. Боль была незначительной. Она была инстинктивной, а не настоящей, поэтому заставила Холройда схватиться за лезвие. Он перехватил его на полпути и толчком вырвал из ее пальцев. Он увидел, что женщина дико вглядывается в оружие. В смущении она пробормотала:

— Магический прокол... он не повредил тебе.

— К а к о й ? — спросил Холройд. Затем понял, что она имела в виду. Лезвие сабли пульсировало в его пальцах. Оно было живым, со своеобразным внутренним движением. Оно вибрировало. Оно теплело, затем обожгло его пальцы. Он почувствовал то же, правда в значительно меньшей степени, что он уже чувствовал через руку Лооны, передававшую ему что-то от молитвенного жезла. Холройд отдернул руку, когда почувствовал жар. Сабля упала, женщина подняла ее и бросила в пропасть. Она вгляделась в его лицо.

— Слушай внимательно,— сказала она.— Прокол мог бы убить тебя. Тот факт, что этого не произошло, свидетельствует, что некоторые женщины там,— она указала рукой на далекий горизонт, на юго-восток,— молятся у своих молитвенных жезлов. Незначительное количество, но,— ее интонация стала задумчивой,— рассматривая огромное время, которое прошло с того момента, когда женщины перестали молиться за своих мужей, это вселяет надежду. Пта, ты должен думать об этом. Ты должен...

— Пта!— повторил Холройд. До этого момента он считал, что женщина принимает его за принца Инезио. Он был озадачен: как принц Инезио должен принять эти слова? Это имя, кажется, разнеслось по всему саду.

Незнакомка знала его секрет, и это потрясло его до глубины души. Он угрюмо вглядывался в женщину, и уж очень, наверное, неестественным стало его лицо, так как она быстро сказала:

— Не будь дураком! Убив меня, ты ничего не добьешься. Прийди в себя и слушай. Я могла бы... помочь... тебе. Не здесь и не теперь. Я должна оставить дворец. Поэтому, если ты дашь мне документы на перьях скрира...— она закончила: — Бланки документов в твоих апартаментах. Следуй за мной.

Холройд последовал. У него было чувство, что это сон. Эта женщина, пытавшаяся убить его, знает его и знает

совершенно точно, что он должен делать. Она заставила его безоговорочно подчиниться ей.

Он смотрел, как женщина совершенно свободно прошла через двери в знакомую ему комнату. Она быстро вышла оттуда с листком жесткой, украшенной гербами бумаги, смешной стеклянной ручкой и массивным металлическим кольцом.

— Лучше надень вот это,— сказала она, протягивая ему кольцо.— Это большая печать принца Инезио, и оно дает ему вторую власть после самой Инезии.

Холройд импульсивно попытался узнать ее по твердому предположению о том, что он, без всяких сомнений, не принц Инезио. Было слишком поздно отрицать. Он взял кольцо. Педантично он отметил, что она назвала богиню просто по имени.

Он думал:

«Кто она? Не Лоони. Ее личность была слишком человечной, гораздо менее драматичной и совершенно не укладывалась в привычные схемы Лоони».

Женщина закончила писать.

— Поставь свою печать здесь,— спокойно сказала она.

Холройд подчинился без слов. Он думал об опасности, которая была здесь. Женщина знала его секрет. Он будет в огромной опасности, если ее подослали. Он был совершенно твердо уверен, что не даст ей уйти, пока не узнает, кто она. Он взял документ, держа его подальше от ее пальцев, и уже хотел задать вопрос, когда раздался шум открывающейся двери.

Когда Холройд начал оборачиваться, он почувствовал, что документ вырвали у него из рук. Он сделал резкий протестующий жест. Но женщина быстро побежала к другой двери. Та была открытой. Холройд огляделся, а женщина остановилась, полуобернувшись. Она стояла в проходе — высокая, худая, одетая в изорванные шорты и рубашку, с голыми, грязными ногами. Она сказала:

— Извини, Пта, что я могу сказать тебе так мало. Мои губы опечатаны, так опечатаны, что... что...— казалось, что она почти запнулась, не в силах справиться со своим голосом. Затем она продолжала, правда более поспешно: — Пта, она более опасна, чем любое ее действие или слово могут показаться. Будь осторожен! Пта, или кто ты там есть, ты определишь свою личность, свое я, если сможешь открыть всю мощь своей божественности. Пта, это будет твоя собственная мощь. Ты сможешь с ней делать

то, что хочешь. Но то, что ты прежде всего должен сделать, это открыть могущество первым. Думай...

Казалось, снова ее заклинило. Она потрясла головой, слегка улыбнулась виновато.

— Видишь,— закончила она,— что я не могу помочь тебе... здесь. Удачи, Пта.— Дверь закрылась за ней.

Холройд снова услышал стук в дверь. Нетерпение поднялось в нем, раздражение от того, что его отвлекают ради мелочных дел. Какая разница, кто стучит в дверь. Он — Пта. Впервые с момента его прихода во дворец, впервые за все это время знание принесло ему его собственный путь. Холройд был Пта. Любая победа ради Пта была его победой. Он должен победить. Внезапно по телу пробежала нервная дрожь от такой грандиозной судьбы; дрожь закончилась со вторым стуком. Он вздрогнул.

— Войдите,— сказал он.

Вошла высокая плотная женщина с копьем. Она отдала честь и, щелкнув пятками своих сандалий, произнесла:

— Великий Инезио, торговец Миров заявил, что богиня послала его к вам. Пригласить его?

Холройд стоял холодный, холодный, как сталь. Его безразличие становилось почти реальной физической силой. Торговец. Посылая его сюда, Лоони знала, что придет Миров. Она, должно быть, имела в виду, что он встретит его и научится чему-то. Он будет учиться.

Глава 10

Книга смерти

Приход Мирова начался со звука, напоминавшего сопение неисправного сопла. Звук исходил из некоей, невидимой Холройду зоны, двигающийся все ближе и ближе, и издавался тучным мужчиной, страдающим одышкой. Человек переполз через дверь, подполз ближе с грацией слона и услужливо сказал:

— Принц Инезио...

Холройд холодно поглядел на него.

— Ну?

Изменение, которое совершилось с этим созданием, было поразительным. Вежливость слетела с него, как маска, как будто он получил разрешение обнаружить личность, что скрывалась за этой маской. Он прикрыл дверь,

через которую вошел, а затем, как какой-то огромный ленивец, бочком приблизился к Инезио и стал жалобно бормотать:

— Мой повелитель Инезио, вы твердый человек, что касается обещаний. За три дня я имел здесь почести Зард. Только сейчас я встретил богиню в коридоре. Ее божественность сказала, что вы уделите мне внимание сегодня. Могу ли я рассчитывать на это?

— Да,— ответил Холройд.

Он чувствовал одиночество и безразличие. Его мало касалось, что это за дело, и почему он должен заниматься им. Он не успел разобраться во многих деталях, чтобы добавить весу любому решению. Грушеобразный субъект улыбнулся и сказал:

— Если бы вы ввели меня в Торговую палату и поставили свою печать на передаточном свитке, как вы обычно делаете...

В коридоре стояли женщины-воины, охраняя двери, а в огромной белой комнате мужчины носили мешки к огромным каменным весам. Возле весов стоял человек с длинным носом, полуприкрытыми глазами и подхалимскими манерами, который сказал:

— Сюда, Ваша Светлость. Как только вы сядете, мы начнем.

Мужчины начали раскладывать перед ним различный хлам: грубые куски темно-коричневой металлической субстанции, которая была, как он видел, сырым железом. Интерес вернулся к Холройду.

Железо — ценность. Значит, его наблюдение имело смысл. В Гонволане был металлический голод. Металл использовали для религиозных целей, для жизненно необходимых молитвенных жезлов, которые поддерживали власть богини. За двести миллионов лет расточительный человек исчерпал рудные залежи планеты.

Он спросил Мирова:

— Где свиток, о котором ты говорил?

Его принес человек, напоминавший стервятника, и передал его со словами:

— О, высокочтимый лорд Инезио, он должен быть перенесен в одно из мест в ваших покоях, если следовать заведенным порядкам. Я вижу, что мы получим полную стоимость нашего железа.

Миров надоедливо преследовал его до самой двери.

— Я пошлю посыльного передать Зард, что вы обеща-

ли... Ах, здесь Бенар, военный министр. Он будет доволен не меньше Зард. Мои наилучшие пожелания, Бенар.

Холройд кивнул старику, который склонился перед ним. Частичка его мозга отметила: «Один из тысяч таких, как Миров, уже принят».

У старика обидчиво сжаты губы, щеки обвисли, а под глазами темные пятна. Встретил он его так же сухо, как и Мирова с его помощниками. Только вязкая ненавязчивая мысль отложилась в памяти Холройда после встречи с Мировым: Зард Аккадистрана будет довольна... его обещанием.

Он нахмурился, когда старик заговорил резким пронзительным фальцетом. Угроза со стороны Зард Аккадистрана, которая, если верить мятежному памфлету Тара, который он читал, ответственна за незаконные похищения людей. Возвращение за обещания...

Голос Бенара становился все более резким и неприятным.

— Я рад, что вы согласились. Истребить шайку — это единственный способ.

— А?— произнес Холройд резко.— О чем ты?

Старик глянул на него, а потом напыщенно произнес:

— Хирургическая операция, которая необходима. Список уже готов. Каждый офицер, который когда-либо дважды публично высказался о нападении на Нуширван, внесен в него. Это снимет с нас все обвинения. Это всего лишь эффективный путь выполнения наших обещаний. Наши войска не будут воевать, когда нанятые Зард войска захватят изменников вместе с их семьями.

Безразличие Холройда как ветром сдуло. У него появилась цель, хотя еще и неясная. В действительности она была столь неопределенна, что больше походила на сильное беспокойство: желание действовать — у него, человека, который в абсолютном мраке выступил против невидимой стены, через которую можно пройти, лишь разрушив ее.

Он направился в большую комнату. На стенах висели карты. Он узнал: Гонволан, Нуширван, Аккадистран,— все это было неизмеримо больше, чем показано в книгах. Но он бросил в их сторону лишь беглый взгляд. Он сел и взглянул на книгу размером с большой конторский гроссбух, которая лежала на столе.

Он посидел, чтобы мысленно взвесить все: Зард, которая прислала ценный подарок в обмен за похищенных

граждан Гонволана, чтобы не развязывать военный конфликт и смягчить предательство богиней людей, которыми она правила. Ему стало холодно и страшно без какой-либо видимой опасности. Это было то, что подразумевала Лоони. Она думала, что он не понял важности нападения на Нуширван. И это было верно. Он не понимал. Бенар говорил:

— Как видите, большой список. Мы не пропустили никого...

Напоминание, заподозрил Холройд, было рассчитано на ответный комплимент. Список, который предложил военный министр, был огромных размеров. Человек выглядел самодовольным. Его глаза изучающе следили за Холройдом.

Холройд раскрыл книгу приблизительно на середине. Обнаруженная таким образом страница была покрыта почти микроскопическими письменами — семь, восемь, девять, десять колонок имен. Он тщательно подсчитал одну колонку — сорок имен в каждом ряду. Это означало четыреста человек на странице. Он перевернул страницу и вздохнул. Другая сторона тоже была исписана, точно так же тщательно, со столбцами, заполненными многочисленными именами. Это не важно. При массовом убийстве, предлагаемом здесь, невозможно точно подсчитать численность. Тем не менее он спросил.

— Восемнадцать сотен страниц,— ответил старик.— Заверяю вас, лорд, мы были тщательны. Мы вытопчем эту нелояльность самым решительным образом.

«Четыреста умножить на тысячу восемьсот,— с болью думал Холройд.— Четыреста умножить...»

Ответ не приходил. Тысяча восемьсот на четыреста... нет, нет невозможно измерить это. Шестнадцать дюймов на десять дюймов и на четыре. Шестьсот сорок кубических дюймов мертвецов.

Холройд подался вперед и поднял том. Тяжелый, около восьми фунтов. Эта тяжесть книги в руках принесла идею. Он сказал:

— Я возьму книгу с собой,— он чувствовал, что это произошло совершенно случайно.— Есть несколько имен, как вы знаете, которые не должны оказаться здесь. Проверка не займет много времени.

Он повернулся и уже собирался уйти, в твердой уверенности, что все уже улажено, когда голос мужчины остановил его:

— Я уверяю вас, лорд, список был самым тщательным образом проверен относительно имен офицеров, которые были вхожи в высшие круги или удостоены вашего внимания. Лишь такие имена, как генерал Маарик, полковник Дилин, были введены в список.

— Тем не менее,— ледяным голосом произнес Холройд,— я возьму книгу в свои апартаменты. Я буду изучать ее у себя.

Он повернулся и ушел через коридор в свои покои и уже закрыл двери за собой, когда увидел золотоволосую богиню.

Она сидела у маленького столика, расположенного у огромных раскрытых окон. Стол был заставлен яствами. Богиня сказала:

— Садись, Инезио. Я хочу поговорить с тобой о наказании. Министр полиции недавно сделал предложение, которое восхищает меня. Поэтому я думаю послать тебя на Нуширванский фронт, чтобы начать там ложное нападение для удовлетворения всех недовольных. Посиди, мой дорогой, мы обсудим кампанию за чашечкой нира...

Глава 11

Круг власти

Холройду понадобилось какое-то время, чтобы прислушаться к предложению богини, к ее словам. В голове была полнейшая пустота, но затем прояснилось.

Теперь он видел ее по-другому. Прежде всего он был ошеломлен грубой манерой, которая выразилась в ее неожиданном появлении. А ее быстрое отступление оставило у него лишь мимолетное впечатление.

Оглядываясь назад, он оценивал свое прибытие во дворец как набросок, где постепенно новые детали дополняли нужную картину. Детское лицо, маленькое, красивой формы тело, голубые глаза — всего было много, как он помнил. Во дворце из белого мрамора богиня носила волочащуюся по полу мантию глубокого голубого цвета, который сочетался с цветом ее глаз. Но самое большое отличие то, что прежде она была нереальной фигурой. Теперь же она была реальна. Здесь она была живой, богиня Инезия.

Голос ее прозвучал мягко:

— Садись, Инезио. Ты очень необычен этим утром, глядишь на меня так задумчиво.

— Я обдумываю то, что ты сказала,— услышал свой голос Холройд. Действительно, он не совсем понял ее слова. Но ответ прозвучал правильно. В высшей степени осторожно он присел и увидел, что она рассматривает его глазами, в которых был загадочный, отнюдь не детский смысл. Он поймал себя на том, что напряженно пытается определить, в чем же заключается это новое отличие. И не мог.

Понимание пришло чуть позже, когда он вгляделся в нее снова. Он подумал: «Осторожней! Ты несусветный идиот! Это не просто женщина. Осторожней!» Предостерегающая мысль привела его в волнение, он не может соглашаться на «необычный» и не должен оставаться безмолвным.

— Поэтому ты хочешь отправить меня для ложного нападения на Нуширван?— Он не мог продолжать. Впервые он разобрался в том, что она сказала. Он шагнул вперед и почувствовал, что использует свои возможности. Наконец он подумал: «Это, должно быть, так легко».

Богиня говорила звенящим голосом:

— Я пошлю наемников, чтобы они объявили, что ты и твой штаб отправляются завтра на фронт. Всем замкам будет приказано поддерживать тебя своими силами, призвать и вооружить ополченцев. Огромный централизованный запас пищи и снаряжения начнет перемещаться всеми доступными средствами к фронту. Важной вещью в предполагаемом наступлении является стремление убедить всех, что начинается огромная война, и в то же время увериться, что все выявленные бунтовщики назначены на левый фланг, где они будут уничтожены противником или погибнут во время маршей по вулканам и горам, которые занимают сотни и сотни квадратных канб в том районе. Через минуту я покажу тебе, что я имела в виду...

Холройд слышал каждое слово, но не совсем ясно понимал их значение. Он находился в мягком, туманящем дурмане. В нем была радость и неприязнь — такая бурная, что причиняла боль. В нем была ледяная ярость, и было удовлетворение.

Удовлетворение пришло позднее, поскольку остальные эмоции обещали быть более насыщенными, они не были соединены в интенсивную дьявольскую радость, которая

выросла из предположения, сделанного ею: ложное нападение на Нуширван. О Дайан, о Колла, о божественный Рэд! Нападение на Нуширван под руководством богини... Необходимые приготовления нужно сделать, не вызывая чьих-то подозрений.

Мысль застопорилась. Стройная белая рука с указывающим пальцем протянулась через стол в направлении его головы.

— Пошли со мной,— ласкал голос богини,— я покажу тебе.

Палец парил над его лбом.

— Держи голову прямо и иди со мной.

Первым его порывом было дернуться назад. Но он не осмелился.

У него оставалось время сообразить то, что он уже знал: что богиня, божественная мощь которой так велика, что даже Лоони, способная искривлять материю времени, боялась ее. Палец коснулся его лба.

— И д и с о м н о й!

Все оставалось без изменений. Богиня глядела на него, твердая, кремовая плоть вокруг ее глаз собралась в морщинки.

— Странно,— сказала она.— Я чувствую сопроти...

Она оборвала фразу со сдавленным вскриком. Затем села и с удивлением уставилась на него.

Холройд услышал свой голос.

— Что случилось?

— Ничего, ничего,— нетерпеливо покачала она головой. Похоже, она пыталась убедить в этом саму себя.

Холройд ждал. Случившееся, то, на что она намекала, для него не было понятным. Но знание того, почему оно не было понятно, было: туман мог быть могуществом Пта, вдавленным теперь в личность Питера Холройда, но с этой непонятной комбинацией человека и бога нельзя было обращаться, как с обыкновенным человеком. Что бы она ни подразумевала, приказывая ему идти с ней, что бы она ни желала, по отношению к Пта и к Инезио это должны были быть различные вещи, спутавшие применение ее божественной силы. Он был на грани разоблачения. Он почувствовал жар, затем холод и спадающее напряжение.

— Инезио, что ты делал с тех пор, когда я тебя видела в последний раз?

Слова были сказаны резко. Ее глаза впились в него с

искрящейся интенсивностью, как танцующая голубая вода, смешанная с переплетением солнечных лучей. Было тяжело смотреть на нее. Ее лицо, казалось, теряется во мгле света: света, который пульсировал и прыгал. Казалось, у него нет источника, просто он растет из воздуха вокруг нее.

— С тех пор, как ты в последний раз видела меня?— эхом отозвался Холройд, и его тон был таким холодным, что он почувствовал дрожь.— Дай мне подумать! Во-первых,— начал он,— я выходил в сад. Вернувшись, я застал Мирова, ждавшего меня. Я вышел с ним проверить сокровища Зард, затем...

Он остановился. Ее глаза снова изменились. Они были круглыми, свинцовыми дисками, как море под небом, затянутом тучами, но с электрически-голубыми искрами в их глубине. И эти глаза вглядывались, но не в его лицо, а в его руку. Его левую руку.

— Кто дал тебе это?— спросила она с гневом.— Это кольцо.

— Кольцо,— сказал Холройд. Он вглядывался в простую форму, слишком удивленный, чтобы сказать большее. Он вцепился в теряющуюся мысль и начал:

— Почему это...

Его оборвал смех. Это был звенящий звук, и прекрасное женское лицо с удивительно юным телом оживилось и выглядело более тепло от этого восхитительного смеха. Одно лишь было не точным. Глаза ее вновь поменялись. Они все еще оставались голубыми, но теперь они были огненно-голубыми. Они сверкали адской нечеловеческой яростью. И ее голос в этом неистовом штормящем море хлестал дьявольскими меняющимися интонациями. Она пронзительно закричала:

— Кто дал его тебе? Кто? Кто?

— Зачем тебе, Инезия?— мягко сказал Холройд. Он почувствовал потрясение, но все же понимал, что владеет положением. Он глядел на нее насмешливо, искренне заинтересованный.— Все очень просто,— продолжал он и твердо знал, что один Холройд не мог бы быть таким спокойным перед лицом фантастически серьезного демонического взрыва негодования.

— Я продолжу с момента встречи с Мировым,— объяснил он,— когда он спросил у меня, почему у меня нет моего перстня-печатки. В спешке я, видно, перепутал.

Это прозвучало малоубедительно. Кольцо должно быть

там, в комнате, из которой худая женщина брала бланки приказов.. Хотя зачем такое опасное кольцо было поручать заботам принца Инезио — это другое дело.

Он видел, что незабываемое выражение глаз снова сменилось. Все еще голубые, теперь они были спокойными. Такими же ненормально спокойными, как и он сам. Ее голос также был мягким и спокойным.

— Я должна просить извинения, Инезио. Действовали те силы, о которых я не говорила тебе, и они мне недавно расстроили важное предприятие. Сними кольцо, а потом я тебя возьму в путешествие умов. Впоследствии,— она улыбнулась удивительно нежной улыбкой и ласково докончила: — впоследствии я скажу тебе «до свидания» так, как прощаются любовники. Ну, а пока, положи кольцо назад... где ты его взял.

Холройд медленно пошел в комнату, откуда худая женщина принесла кольцо. Переступив порог, он закрыл за собой дверь и почувствовал желание выбежать в другой коридор. Чувство было таким, как тогда, в маленьком домике в джунглях, как будто его кто-то стукнул. Слишком многие вещи торопили его. Он должен взять тайм-аут и оценить положение. Но только не теперь. Позднее.

Принятое решение помогло ему. Но он все еще не был уверен. Путешествие умов и любовь, которая последует за ним. Холройд подумал, что это нелегко. Последнее было, конечно, невозможным. До прихода в Гонволан ему было тридцать три года, и если составить список мужчин, которые оставались чисты, как ангелы, то имя Холройда явно отсутствовало бы в нем. Нет, любовная часть его не страшила, вопрос тела и женщин не мог его волновать. Беспокоило его путешествие умов. Что бы это могло быть?

Инезия говорила, что бунтарей поглотят марши по вулканам и горам Нуширвана. И потом она сказала... Что она сказала? Он точно не помнил. Он должен вспомнить, что же это было. Но времени обдумать это, когда множество других вещей работали ему на пользу, не было. Удовлетворенный, он положил кольцо в маленькую прозрачную ячейку в стене кабинета сразу за письменным столом и медленно пошел назад в комнату с огромными окнами.

Глава 12

Вырванная страница

Богиня сидела спиной к нему, когда Холройд шел к ней через комнату по покрытому толстым ковром полу. Он мог изучать ее с большей объективностью в отличие от того случая, когда они смотрели друг на друга. Она была маленькой, ростом не более пяти футов. Ее волосы придавали ей королевское величие, венчая словно короной. И она несла ее как школьница, их спадающие завитки мерцали мягким, шелковисто-зеленоватым блеском. Сидя, она выглядела, как ребенок. Ощущение мгновенно улетучилось, когда он увидел, что она держит у себя на коленях огромную книгу, содержащую имена тех, чьих смертей она недавно желала.

Холройд, проходя рядом, усмехнулся болезненно и сел в свое кресло. Богиня взглянула на него, ее глаза были задумчивы.

— Я вижу, что ты не подписал это, Инезио.

Прежде чем Холройд успел ответить что-либо в оправдание, богиня продолжила жалобным тоном.

— Ты никогда не понимал важности подобных действий против таких людей. Все наше молодое поколение крайне нерелигиозно, ничему не верит и склонно к индивидуализму сверх всякой меры. Разгром их и уничтожение главных вождей необходимо, а когда их руководители будут ликвидированы, наша военная тактика будет заключаться в следующем: сорвать их планы, не оставить им ни одной психологической лазейки. Искусно используя представившуюся возможность, мы можем провозгласить, что виной всему их пренебрежение молитвой, и поэтому вернем миллионы ослабевших духом назад, к их молитвенным жезлам. После этого все беспокойства будут позади. Я определила, что эти мятежные отступники никогда не продержатся больше нескольких поколений. Детали я предоставлю тебе.

Холройд сидел спокойно, потом взял свой кубок. Нир был еще горячим, и это было приятно. Но через минуту, после первого глотка, он уже не мог понять, что у него за вкус. Мысленно он мог видеть картину — мужчины, женщины, их души, раздавленные катастрофой, отброшены назад, в старые времена, в мрачные могилы, без надежды выбраться оттуда, пока золотоволосая бессмертная богиня

продолжает жить, пока замки и их принцы с императорами продолжают осуществлять свое железное правление людьми, безнадежно порабощенными так, что это было похоже... похоже на АД!

Почти физически, яростно, как лошадь, напрягшаяся в узде, которая была слишком тугой, его мозг боролся за определение, которого не было; его просто не могло быть.

Богиня продолжала:

— Для большей части, как ты можешь видеть, наказания теперь невозможны. Но,— ее голубые глаза изучали его,— здесь есть страница, Инезио, которую я хочу, чтобы ты подписал. Каждое имя на ней означает законченного убийцу. Пока они живы, закон попирается, мое правительство подвергается презрению. Ты подпишешь ее, не так ли?

Она заторопилась:

— Инезио, ты меня хочешь разъярить? Ты же прекрасно знаешь, что это мое решение разрешить тебе и другим доверенным людям управлять правительством. Я заинтересована только в крупных решениях, и это одно из них. Ты должен подписать этот список.

Холройд вгляделся в нее. Длинная, хотя и прерывистая речь давала ему возможность подготовить ответ. Он говорил медленно:

— А не думаешь ли ты, что наказание такого рода возбудит подозрения у большей части людей, чьи умы ты хочешь успокоить?

Ее ответ испугал его. Ручка лежала на столе. Она схватила ее и злобно ткнула в книгу, раскрытую на странице, которую, как она хотела, он должен был подписать. При этом она указала на пустое пространство внизу. Вцепившись в страницу, она рывком выдрала ее и, двинув поближе к нему, сказала:

— Там,— и, яростно сверкнув глазами, добавила: — это отсрочка всем заключенным на шесть месяцев.

Держа в руке ручку, она еще ближе придвинула листок. Ее глаза буквально сжигали его.

Не говоря ни слова, Холройд взял ручку. Он прочитал предложение, которое она написала, затем подписался простым именем Инезио и молча вернул листок назад.

Через шесть месяцев он будет сидеть в божественном кресле. Через шесть месяцев он может быть Пта, а может быть мертвым. Ничего не подписано, кроме одной страни-

цы из тысячи восьмисот. Он не мог выпутаться из такой ситуации более легким способом.

Палец коснулся его лба. Голос богини ласкал его уши:

— Пошли со мной..

Глава 13

Путешествие умов

Резкое движение! Это было первым впечатлением Холройда. Он пил, ожидая боль. Но ее не было. Текли секунды, чувство движения на громадной скорости увеличивалось, затем грубая остановка, сбившая дыхание. Теперь он глядел с высоты, обозревая горы. Горы, горы... и вулканы!

Насколько мог охватить взгляд с огромной высоты, внизу тянулись пики гор и дым вулканов, извергающих его в туманное небо. Сотни пиков, сотни вулканов предстали взору, и огромные долины, которые не мог охватить взгляд. Пар клубился из темных трещин угрюмой, истерзанной земли.

«Нуширван,— думал Холройд и почувствовал свою первую боль от ужасной ошибки.— Тебе не следовало посылать туда человеческие существа».

Но через мгновение он понял больше. Горы можно было захватить армиями, вулканическая страна была лучше, чем выглядела сначала. В действительности эта земля была очень богата, потому что виноградники и фруктовые сады простирались настолько, насколько хватало глаз. Очарованный, он начал искать взглядом поселения. И нашел их. Дома притаились у основания вершин, гнездились в долинах, примыкая к бурным потокам. А вдалеке, где долина уходила за горизонт, он мог видеть шпили и башни города. Он подумал, загоревшись: «Идем туда. Давай побываем там».

— Нет,— пришел ответ.— Это невозможно. Я не могу пересечь реку кипящей грязи.

— Но почему?

Ответа на это не последовало, и Холройд почувствовал острый укол нетерпения. И затем... Река кипящей грязи! Имя вызвало картину, захватив его воображение. Он всмотрелся вниз и сразу увидел: змееподобная темно-серая масса простиралась внизу. Она тянулась через огромную

долину. В среднем шириной около четверти мили, этот слабый поток протекал на огромном расстоянии.

Армии, придя с плоскогорий Гонволана, должны пересечь его. Снова шок удивления потряс Холройда, как удар: можно ли посылать людей в такой ад? И снова пришла уверенность, что они смогут пройти через него и должны пройти. Он мог даже зримо видеть тип понтонного моста, который можно было бы использовать для переправы, и достаточно тяжелый, чтобы выдержать тяжелые танки... или гримбов. Какой солдат или офицер, воевавший во Второй мировой войне, не пересекал сотни подобных мостов, часто под огнем.

А путешествие умов все продолжалось, исследуя широкую реку кипящей грязи в западном направлении. Холройд сумел оценить скорость передвижения, которая составляла приблизительно четыреста миль в час. Этого было достаточно, чтобы сохранить его интерес к высоким пятнам. Его остро наблюдательный мозг бдительно фиксировал увиденное. Он даже охватил взглядом город, плохо видимый на расстоянии. Но то, что лежало за рекой кипящей грязи, не преодолеть даже совершенным способом.

После того как они пересекли второй город, река резко повернула на север. Холройд почувствовал волнение. Легко было понять важность реки, которая противостояла Гонволану. Но зачем было следовать извивающемуся руслу горячего грязевого потока, который, казалось, окружает сердцевину Нуширвана? После часа полета он убедился, что именно это они и делали. Постепенно этот удивительный канал сворачивал на восток, затем, после недолгого пути...— Странно, но в нем сейчас проснулся военный.— ...он переместился на юг.

Солнце прильнуло к самому краю горизонта на западе. Его лучи бежали вдоль теней этой странной, ужасной горной страны Нуширван, когда последовал резкий, неожиданный рывок в скорости, точно такой же, как и в начале путешествия, и они вернулись во дворец. Путешествие умов, необъяснимое из-за странного курса, закончилось.

В комнате было значительно темнее. Огромные окна выходили на все еще освещенный восток, но сумрачный свет обычно приходит рано, по мере того как солнце погружается на запад. Холройд почувствовал, что он грохнулся в кресло и что богиня рассматривает его с забавной улыбкой на губах. Ее глаза были безмятежными. Она

глядела на него легко, удобно устроившись, удовлетворенная собой. Прежде, чем Холройд смог говорить, она сказала:

— Я показала тебе дальнюю часть Нуширвана, примыкающую к Аккадистрану, так как уверена, что знания о них помогут тебе при нападении.

Холройд совершенно не представлял, каким образом. Он попробовал сказать это, но изменил свое решение. Так как он ничего не знал о прошлых разговорах Инезио и богини, он мог задать много лишних вопросов помимо тех, которые он уже задал. Он сказал:

— Эта река кипящей грязи... Почему мы не можем пересечь ее?

Женщина покачала головой. Движение, произведенное ее волосами, рассыпало сноп света. В нем был очаровательный блеск золота, как огонь, вернувшийся к жизни. Голос ее звучал нежно, казалось, он вытекал из мрака.

— Есть вещи, Инезио, о которых даже ты не должен спрашивать, они лежат за пределами моих возможностей.

Она встала, обошла вокруг стола, и ее теплые мягкие руки обвились вокруг его шеи, когда она прогнулась назад. Сначала ее губы были прохладными, потом все более требовательными. Нелегкие вопросы, которые все еще мучили мозг Холройда, начали угасать.

«Позднее,— подумал он растерянно.— Я обдумаю все это потом...»

Холройд взял ручку и написал:

«Величайшим могуществом в Гонволане обладает богиня Инезия. Перед тем, как Пта был убит, она перенесла его сюда. Как это было сделано, мне показали».

Он вгляделся в этот параграф с удовлетворением. Только возможность видеть написанное заставила его почувствовать себя лучше. Вчера весь день он пытался прочувствовать это. Новое утро всегда замедляло темп его жизни. Сейчас он сидел у письменного стола один, обдумывая свои проблемы в привычной для него манере. В результате, кажется, общая картина прояснилась. Лоони против ее воли послали вернуть его назад в Гонволан, и она сделала это. Все началось так. Написанное на бумаге, это позволило ему связать некоторые кусочки и сделать важные заключения. Холройд обмакнул ручку, затем снова написал:

«Вторым величайшим могуществом в Гонволане, но теперь уже существенно ограниченным, обладает Лоони. Она

сорвала попытку богини Инезии захватить Пта во дворце. Как этот захват был совершен, мне показали и...» Холройд остановился. Он отложил ручку и вгляделся в предложение. Оно было неправильным. Ему не показали. Ему сказали. Он тихо присвистнул, затем очень медленно начал писать. И больше не было ни одной ошибки. Он записал свои выводы:

«Женщина, которую я принимал за Лоони, конечно же была Инезией. Соответственно все то, что мне говорили замковая принцесса, Мура, крестьянская девушка, и жена маршала Нанда, является искаженной версией, если не полной противоположностью правде. Худая женщина, которая пыталась убить меня, давшая мне кольцо и разговаривавшая с таким трудом, должно быть, настоящая Лоони».

Холройд откинулся назад и вгляделся в написанные слова. Он был потрясен, удивлен, тысячи новых вопросов теснились в голове, приводя его в полнейшее изумление. «Зачем, зачем она сделал так, как она сделала?»

На это не могло быть однозначного ответа. Инезия не пожелала дать ему ключ. Все это она делала потому, что должна была делать. Пта, совершивший свои приготовления для слияния с расой, не был абсолютным идиотом. Он ставил защиты. Холройд стал перечислять их одну за другой на листке бумаги:

«Первое: вызов прежней личности, предположительно разумной. Личности, возвращенной, чтобы быть Питером Холройдом.— Он сделал паузу, потом добавил: — Это кажется невероятным, чтобы Пта желал такого постыдного вызова. Но вызвать его — первая защита.

Второе — область тьмы должна быть показана. Третье — молитвенный жезл в действии. Четвертое: путешествие умов с его смешным открытием, что богиня не может проникнуть в Нуширван через реку кипящей грязи, которая окружает густо заселенную часть отложившегося государства, как ров. Пятое...»

Холройд остановился на пятом. Так как оно было наименее ясным, то нельзя было ошибиться, так как Инезия требовала этого. В маленьком коттедже она пыталась соблазнить его крестьянской девушкой Мурой. Холройд нахмурился, но вынужден был согласиться, что он поддался этому неосознанно, но это понятно.

Секс был великой основой. В мире, где было сделано странное и ужасное открытие, что, когда мужчина обожал

женщину в определенной строгой церемонии — или женщина мужчину,— женщина становилась богиней, а мужчина — богом. В таком мире секса должна быть близкая связь с необъятной великой ограниченной силой, которая порабощала нацию в пятьдесят четыре миллиарда душ. Ужасная мужская склонность воздавать почести героям, королям и несуществующим богам, имела в конечном счете сотворенное божество.

«Шестая защита,— писал Холройд,— должна относиться каким-то образом к странице с людьми, подлежащими истреблению. Она никогда бы не настаивала на моей подписи, если бы не была связана с этим».

Он нахмурился. Озарение пришло внезапно, световой молнией понимания. Как безумец, он вскочил на ноги и заметался по огромной комнате. Книга была все еще там, на столе. Он раскрыл ее и перелистал до «Л». И нашел обрыв. Последнее имя перед вырванной страницей было «Лин», имя, с которого начиналась следующая страница, было «Лотибар».

Ошибки не могло быть, он подписал полномочие на смерть Лоони. Он стоял мрачный и растерянный, оценивая последствия своего поступка и, что было более важным, надежду, которая оставалась. «Слава богу,— подумал он,— что его сопротивление заставило Инезию оттянуть дату исполнения на шесть месяцев».

Позже пришло понимание, что есть и другие надежды. Он не сел в божественное кресло, и должна существовать какая-то связь с рекой кипящей грязи, которая не подчиняется Инезии. А что с нападением на Нуширван?

Стук в одну из дверей оборвал его рассуждения. Стучалась женщина-гвардеец, которая сказала:

— Маршал Гора посылает свои приветствия и желает сообщить вам, что генеральный штаб готов отправиться на Нуширванский фронт.

Холройд прогремел речью, которую приготовил заранее, конструкция которой позволяла избежать конфуза при следовании через лабиринты необычных коридоров. Он сказал:

— Обеспечьте эскорт для моего отъезда из дворца. Я сейчас отправляюсь.

Он поспешно вернулся в комнату, где писал, собрал свои заметки, затем застыл, пораженный мыслью, которая пришла ему в голову. Его мозг становился холоднее, тверже. Он прошел в кабинет, за столом извлек кольцо, кото-

рое по требованию Инезии оставил там, и вышел в гостиную, где взял огромный том со списком бунтарей. Книга могла ему пригодиться.

Старый Пта не мог быть таким дураком, чтобы не расставить западню для заговорщиков. Следовательно, нужно подождать, пока появится более подходящий план. Нападение на Нуширван, захват так называемого божественного кресла и, если даже нет необходимости, не садиться в него, хотя можно и сесть, если не будет другого выхода.

Времени было мало, а осторожность никогда не выигрывает в сражении. Кроме этого, что еще нужно было сделать?

Глава 14

Триумф золотой богини

Ручей струился и пенился. Лоони сидела в траве за ним и собирала свои волосы. Она сняла одежду, и длинная, худая форма однажды умершего тела сверкала коричневым и белым на солнце. Лоони выжидала, потом склонилась над краем воды, всматриваясь в свое отражение. И рассмеялась, не совсем разочарованная.

Тело, которое она заняла, после недели прогревания под теплыми лучами солнца, начинало самостоятельную жизнь. Волосы, так щедро вычищенные и приглаженные гребнем, сверкали темным сиянием. Зеленые глаза оглядывали их крепнувшим взглядом, отраженные водой, они как два изумруда, сияли мягким светом. Лицо... Лоони вздохнула. Она сделает его получше, но этого недостаточно. Оно было скуластым и очень простым.

Она все еще вглядывалась в него, но неожиданно почувствовала чье-то приближение. Она подняла взгляд. В десяти футах от нее над водой мелькнула голубизна, крутящаяся тень света и цвета, и тень, пришедшая из ниоткуда, приняла жизненную форму богини Инезии. Маленькое, подтянутое, обнаженное тело, как бы уравновешивается на мгновение, а затем проявлялся весь процесс материализации.

Не спеша Инезия вышла на мель. Так как Лоони смотрела насмешливо, Инезия прошла на берег и села в траве в двух ярдах от нее. Потом сказала презрительно:

— Ты думаешь, что поступила очень умно, не так ли, дав ему кольцо власти?

Лоони пожала плечами. Она решила было ответить, потом переменила свое намерение. Большинство из заявлений Инезии были риторическими и направлены на то, чтобы вызвать ответы. Она изучила безмятежное лицо богини. Было что-то в нем такое, что говорило о торжестве. Лоони сказала мягко:

— Так он подписал приказ о моей смерти. Я знала момент, когда ты материализуешься. Как долго мне жить, Инезия, дорогая?

Безмятежность богини рассыпалась в звонком смехе.

— Не думаешь ли ты, что я скажу тебе это?

— Тогда,— сказала Лоони,— я буду продолжать, словно этого никогда не будет.

Следить за исчезновением выражения самодовольства на изнеженном лице Инезии было крохотной победой. Поэтому сочный голос огрызнулся:

— По крайней мере, я могу уничтожить твое истинное тело, если пожелаю.

Чувство победы угасло. Лоони задохнулась.

— Ты хочешь сказать, что еще не уничтожила его?

Она заставила себя остановиться. Она дрожала, похолодев от ужаса. Ее истинное тело! Глупо было даже думать об этом теперь, когда она не свободна оставить это, но она не могла помочь ему. Думая, что оно уже уничтожено, она отбросила все сомнения и руководствовалась действительностью. Теперь ее тело, представляющее огромную красоту, которая привлекала и удерживала могучего Пта и было полюсом божественного могущества,— теперь необходимо захватить его, если она успеет ударить достаточно быстро. Она сказала хмуро:

— Ты умнее, чем я предполагала, Инезия, не недостаточно умна. Я живу и умираю с Пта.

— Это будет смерть... скоро,— холодно сказала другая женщина.— Пять чар из семи уже разрушены. Я думаю, что его подозрительность пробудилась, но это уже не имеет значения. Моя сеть накинута на него; и даже шестая защита уже готова пасть. Для этого я разработала великолепный маленький план, аннулирующий любую независимую мысль, которую он захочет реализовать. Новый план... в действительности очень старый, он сформировался у меня в уме давно и будет осуществлен через день или два. Я полагаю,— закончила Инезия,— что таким образом

я положу конец любой твоей надежде переродиться на основе вернувшейся силы и свободы.

Лоони устало села. «Тет-а-тет» был путем для интервью, в котором принимала участие Инезия, путем к победе. Она позволила молчанию продлиться, пока не почувствовала себя лучше. Потому что ее победа не была настолько большой, насколько это могло показаться. За неделю, в течение которой она ждала прихода Инезии, вынужденно придерживаясь воды, потому что прийти оттуда легче, она измоталась. Характер золотоволосой богини был тщеславный. Собственная жизнь Лоони была бы невыносимой, если бы ее не скрашивали периодические посещения, во время которых Инезия рассказывала о своих победах.

Лоони сказала спокойно:

— По правде говоря, я не верю, что он сможет организовать успешное вторжение в этих вулканических горах. После всех мучений ты семь раз попытаешься достигнуть кресла Пта и семь раз армия потерпит неудачу.

Инезия сделала нетерпеливый жест. Ее горло издало звук, нарушивший тишину. Лоони прислушивалась к нему, только смутно догадываясь. В тоне было что-то другое: констатация достижения, которое уже свершилось и достигло сейчас кульминации, с ожидаемым триумфом.

«Через один или два дня, сказала Инезия, ее план сработает. Истиной должен быть один или два дня н а з а д. Или, возможно, это происходит сейчас, в это время, пока она говорит. Что она сказала?»

— ...он прочитал лекцию на следующий день после прибытия на фронт десяти тысячам маршалов и их женам. Я была одной из жен. Все, что он говорил, совпадает с моими собственными мыслями относительно военной стратегии: возможность усилить существующую пропорцию между числом грузовых скриров и гримбов. Это особенно интересно потому...

Инезия запнулась. Она заулыбалась. Затем произнесла сладчайшим голосом:

— Только ты, моя дорогая Лоони, знаешь об э т о м. А твой язык опечатан, не так ли, милая? Но ты узнаешь, что я имела в виду, когда сказала тебе, что ключевое слово — А к к а д и с т р а н.

С нескрываемой ненавистью Лоони сказала:

— Дьяволица! Ты чудовище, убийца!

Чудесный мелодичный смех прозвучал в ответ на ее слова. Смех перерос в грубый саркастический хохот, кото-

рый не оставлял сомнения, что его обладательница имеет безжалостные ум и душу. Холодно Инезия сказала:

— Какие мы сентиментальные! Что мы можем поделать, если человеческое существо умирает за несколько лет до своего конца.

Она лежала, откинувшись спиной на траву. Ее совершенное тело мерцало белым светом в лучах утреннего солнца. Но глаза напоминали голубые льдинки, когда она глядела вдоль ручья и долины, что простиралась до северных холмов. Она, казалось, углубилась в созерцание скрира Лоони, который стоял как какая-то огромная ловящая рыбу птица, раз за разом погружая свою длинную шею в поток и каждый раз извлекая оттуда серебристо-белую рыбу.

Лоони показалось, что она может прочесть мысли, которые были у Инезии, глядевшей на птицу. Но было очевидно, что золотая богиня решала что-то более сложное, чем попытка нарушить управление животным. Инезия вздохнула и сказала:

— Слишком плохо, что Пта сделал свой доклад после того, как назначил на высшие посты мятежных офицеров. Я чувствую уверенность в его нетерпеливой манере, его огромную уверенность, а сущность его слов рассеяла даже их подозрения. Я должна сказать, что была удивлена смелостью того, как он отдает приказы такой огромной армии. Я сомневаюсь, что человек Холройд определил, что только полуПта мог захватить такую власть, какую он уже имеет. Конечно, теперь это не имеет значения, так как мятежники падут благодаря моему небольшому трюку.

Она весело улыбнулась, когда взгляд Лоони коснулся ее. Несмотря на то, что торжество, по мнению Лоони, неискреннее и может только еще последовать, она все же почувствовала отчаяние.

— Трюк?— эхом отозвалась она.

Сочный голос Инезии продолжал:

— Вчера он отправился вместе с мятежными офицерами и художниками на скрирах на аэрорекогносцировку. Этим утром вместе с другой группой на гримбах он будет изучать ту же территорию и уточнять наброски, сделанные вчера.

— Но я не вижу...— начала Лоони.

— Увидишь, моя дорогая,— быстро проговорила богиня,— когда я скажу, что два дня назад я позволила попасть в руки генерала мятежников — теперь маршала —

Маарика документы, будто бы направленные от принца Инезио ко мне, в которых вторжение раскрывается как трюк, направленный на уничтожение мятежников.

Она лениво встала, от движения ее волосы запылали на солнце.

— Мятежники предпримут ответные действия уже этим утром. В результате моей контракции... разрушится шестая защита, и это произойдет сегодня. К вечеру божественное кресло будет в моей власти.

Ее улыбка предназначалась Лоони.

— Ты будешь счастлива узнать, что спешка, из-за которой я так действую, необходима для того, чтобы устранить любое препятствие, которое ты можешь поставить, поскольку обладаешь определенной силой, вынужденно предоставленной мной. Прощай, дорогая.

Она ступила в воду и скрылась.

Долгое время Лоони смотрела в точку, в которой исчезла Инезия. Неделю она дала тебе, неделю, которая позволит этому полуживому теду приблизиться к жизни, эта неделя оказалась слишком долгой. Она начала медленно одеваться. Трудно было сообразить, что же ей делать. Она подсчитала, что для нападения на Нуширван потребуется время на подготовку. Теперь ее собственный неопределенный план оказания помощи Пта в изучении истины, с которой он столкнулся, этот ограниченный план должен быть ускорен, приспособлен к новой ситуации. Ее ближайшая цель была очевидна. Она должна найти Пта. Где бы он ни был, она должна отыскать его. Его штабы могут быть на центральных холмах, противостоящих городу Три в Нуширване. Где-то в той бесчисленной безграничности долин и холмов с огромным количеством людей и животных был Пта... был в опасности. Она завязала свои сандалии, заставила скрира подойти ближе и через минуту взмыла в направлении севера.

Глава 15

Река кипящей грязи

— Отложившиеся от Нуширвана!— услышал Холройд крик.

Холройд развернулся в своем седле. Вглядевшись, он увидел длинную линию всадников, двигающихся через зе-

леную долину. Глаза его сузились. Противник здесь, за армейскими позициями, после всех предосторожностей, которые он принял?! Мягкий голос за его спиной сказал:

— Около пяти сотен. Это два к одному. Что чувствует великий лорд Инезио, когда вместо спокойного и методичного ограбления Нуширвана он столкнется с реальной опасностью, не предусмотренной планами ложного нападения?

Холройд пораженно взглянул на говорившего.

Мужчина был невысоким, в форме полковника, но в его манере говорить была дерзость. Очевидно, в другой организации он занимает несравненно более важную должность. Холройд вздохнул. Он настолько погрузился в свои собственные планы, что возможность измены со стороны людей неудержимых серьезно его не интересовала. Потому что восставшие, получив документ богини, сделали вид, что ничего не знают о предстоящем нападении. С мрачным юмором они договорились с нуширванцами взять в плен человека, которого считали принцем Инезио. Должно быть, ужас отразился у него на лице, потому что молодой полковник рассмеялся, затем стальным тоном произнес:

— За неделю, которую вы здесь провели, вы не смогли придумать ничего более умного, как назначить на командные посты людей, которые давно лелеяли мысль о нападении на Нуширван. Важной вещью в этом трюке является то, что они теперь имеют важные посты. Общие приказы знают все офицеры. Поддерживать глупость не в наших привычках, поэтому у нас есть настоящие письма, указывающие, что проводится проверочный смотр. Атака состоится, но она не будет поддельной. Через месяц армии двинутся.

Первое потрясение прошло. Мрачный Холройд сидел спокойно. Он быстро глянул на приближение линии противника. Они, казалось, не спешили, уверенные в своей победе. До них было с полмили. Такое расстояние приносило неудобство. Бог Пта с его нынешним могуществом не мог справиться с таким положением.

И еще, он не должен попасть в плен. Дать этим болванам понять, что гонволанская армия не готова для нападения на такую горную крепость, как Нуширван? По крайней мере нужно три, четыре, пять месяцев для перегруппировки. И нужно время для накопления запасов. Жизненно важна была организация транспорта, основанного на скрирах и гримбах, куда вошли бы два из трех миллионов

гримбов и скриров, вступивших на этот огромный континент. Скоростная и мобильная система явится ответом на ужасающие горы, жутко выглядящие вулканы, пузырящиеся темные зыбучие пески — все, что образовывало необычайно трудно проходимый массив Нуширвана. Сухой смех вырвался у него. Кто среди этого огромного числа офицеров знает, что делать со ста миллионами животных и птиц?

Сидящий за Холройдом полковник сказал:

— Глупо даже помышлять о сопротивлении. Осмотритесь. Их на пятьсот человек больше. Вы не сможете вырваться из этой западни.

Холройд даже не повернулся. Краем глаза он увидел движение на краю крутого склона на правом фланге этой зеленой долины. Всадники. Они прошли по краю склона и зарысили вниз с неровной горы. Это было сделано до великолепия отчаянно. Быстрый взгляд через левое плечо показал, что другой фланг тоже перерезан всадниками, вынырнувшими из узкого ущелья. Кольцо было совершенным и с блеском осуществлено превосходящими воинскими силами.

Не спеша, потому что теперь изменить что-либо вряд ли было возможно, Холройд проверил свою личную позицию. И определил, что существует два варианта. Он заставил своего гримба развернуться к стройному офицеру, который следовал за приближающейся линией гримбов. Офицер заметил его приближение и следил за ним с серьезной улыбкой, которая положила конец первой надежде. Но Холройд не ждал. Он остановился и резко сказал:

— Маршал Уубриг, прикажите людям рассыпаться во всех направлениях с целью запутать противника, тогда для некоторых появится возможность спастись.

Он увидел, что остальные смотрят на него насмешливо.

— Я, лорд?— наконец выдавил офицер и продолжил вежливо: — Думаю, будет достаточно сложно приказать людям: Как вы знаете, это специальная группа. Каждый из них потерял сестру или брата, мать или отца у отложившихся. Они знают, что Нушир недоверчив. Они убеждены, что, пожертвовав собой, они доверия не заслужат, но если вы сдадитесь, это будет достаточная цена. Как вы думаете, мой великий принц Инезио,— маршал Уубриг закончил иронически,— что значит для людей с таким образом мышления исполнять мои приказания, если я прикажу так, как вы распорядились?

Холройд молчал. Он пренебрег изучением мятежников. У себя в памяти он не нашел почти ничего касающегося Нуширвана. Он не знал их взглядов. Они были напористы, как немцы после первых успехов.

Нападн на Нуширван, сказала Лоони; и вызывающее трюкачество богини, ее неестественные попытки избежать такого нападения подстегнули его убеждение, что вторжение должно быть осуществлено. Оказалось, что это обычный трюк, чтобы заставить его самого напасть на Нуширван.

Он видел, что ближайшие всадники всего лишь в трех сотнях ярдов отсюда. Он должен поторопиться и найти кого-то, кто поможет ему осуществить его второй план. Он развернул свое животное и открыл рот, чтобы выкрикнуть требование, но заколебался. Это было воспоминание, которое Пта помнил.

Всадники были уже в сотне ярдов от него.

— Есть здесь кто-нибудь, кто проткнет мое сердце стрелой?— крикнул Холройд.

Никто не ответил. Никто не двинулся. Блестяще одетые офицеры переглядывались между собой, затем отводили глаза в сторону врага.

— Видите ли,— это был полковник, который снова оказался около него,— мы обещали передать вас живым. Наша надежда лишь в одном — выдать вас живым!

Сейчас у Холройда уже не было чувства безнадежности. Он почувствовал холод и решился. Ему нужно избежать этого пленения. Другого выхода не было. Должна быть смертельная опасность, которая приведет его в неистовую ярость.

Он видел, что полковник держит одну из трех превосходных тонких пик с каменным наконечником на основании из прочного дерева. Хотя офицер знал о его намерении, Холройд направил гримба к нему. Затем последовала короткая борьба за обладание оружием. Глаза офицера широко раскрылись, когда пика была вырвана из его рук, точно у маленького дитяти. С торжеством Холройд развернулся прочь. Он крутанул пикой вокруг и, поскольку времени не было, воткнул ее острием в левую половину груди, сильно и глубоко. Приближение более чем полутора тысяч мятежников он осознавал весьма смутно.

Какое-то мгновение боль была ужасной. Затем агония угасла. Холройд все еще чувствовал давление пики в теле в том месте, где она вошла. Это был неприятный, тяжелый

миг, который он должен был терпеть столько, сколько мог. Он позволил себе резко откинуться на круп животного и медленно сползать дальше, хотя кожаных стремян не выпустил. Кто-то поблизости разразился отборной бранью, но язык был гонволанским.

— Так вот каким образом вы передали тело. Нушир отплатит за это. Не отпускайте их, грязных предателей.

Полковник воспротивился.

— Это не наша вина. Вы сами видели, как он вырвал у меня копье и закололся. Кто ожидал от этого изнеженного любовника Инезио, что он поступит подобным образом?

Холройд почувствовал симпатию к этому человеку. Недовольные заговорщики были в основном правы. Какая еще группировка могла бы выступить против бессмертной женщины и религиозного рабства, поддерживаемого могущественными замковыми владыками? Каждый, кто принимал участие в этом заговоре, знал, чем для него это может кончиться.

— Мертвого или нет, я забираю его тело!— проревел вождь нуширванцев.— А теперь давайте убираться отсюда. У нас нет времени.

Раздался звук тяжелых когтистых лап, царапающих землю, а затем движение перешло в бег. Они могли бы, по крайней мере, извлечь пику из тела. Оружие раздражало его. Он не мог представить себе, что оно может весь день торчать из его груди. Структура органов тела Пта должна быть совершенной.

Холройд полуоткрыл глаза и глядел вверх. Он продолжал занимать все то же неудобное положение, обозревать небо, покрытое едва видимыми облачками, когда что-то темное закрыло на мгновение солнце.

Приглядевшись, он увидел большого скрира с одиноким наездником, держащего курс на север. Холройд подумал:

«Если бы только этот глупец на птице понял, что случилось, было бы время послать предупреждение и перехватить отряд раньше, чем они достигнут границы Нушрвана»,— но лишь молчаливо следил, как птица исчезла за холмом.

Чтобы избавиться от пики, Холройд начал медленно сдвигаться, словно мертвое тело перемещается во время движения. Это требовало осторожных манипуляций, но он преуспел, и наконец острие пики стало давить в незащищенное тело животного. Он начал давить сильнее, продавливая пику через свое тело. Хотя боль стала нестерпимой,

он стиснул зубы и продолжал давить. При движении конец пики раскачивался в воздухе, другим концом причиняя боль гримбу.

Краем глаза Холройд изучал положение. С обеих сторон скакали мятежники. «Ага, посматривает»,— определил он действия соседнего всадника. Сквозь боль он услышал голос.

— Эй, стой!— раздалась команда поблизости.— Вытащи пику, она раскачивает труп. Еще немного — и он свалится.

Чувство давления ушло. Теперь Холройд лежал спокойно. Он уже был готов праздновать победу. «Вечером,— свирепо думал он,— вечером под покровом тьмы и вулканического дыма, который прикроет бегство...»

Но тут раздался крик, а затем слова.

— Эй, поглядите! На пике нет крови. Что-то здесь не так.

Через минуту гримб Холройда остановился. Грубые руки схватили его, стащили на землю и стали ощупывать. Затем удовлетворенный голос старшего сказал:

— Ран нет. Я думаю, это шутка любовника богини, который притворился мертвым. Лучше вставайте, принц Инезио.

Не говоря ни слова, Холройд поднялся на ноги и влез на своего гримба. Все нуширванцы были крупными и рослыми мужчинами. Многие с усами и бородой. У всей компании неудача Холройда должна была вызвать улыбку. Но никто не смеялся. Они удивленно смотрели на него, но, когда Холройд оглядывался на глядевшего, они тут же отворачивались. Нуширванцы последовали тем же путем, которым и двигались. Было бы неплохо сделать их своими друзьями. Общая реакция казалась неестественной, даже когда он представил себе: человек с пикой в сердце едет как ни в чем не бывало!

Длинная колонна пересекла широкий холм, никто не останавливался. Небольшая деревянная корзинка фруктов была передана Холройду одним из мятежников, но другие пленные, как заметил Холройд, не получили ничего.

С интересом он изучил содержимое корзинки. В ней было три вида фруктов, один из которых он прежде не видел. Плод был круглым, около трех дюймов в диаметре, толстым, мягким, со шкурой красного цвета, снимавшейся как у банана. По вкусу этот плод напоминал виноград. Пакет в корзинке не содержал ни хлеба, ни другой пищи, только фрукты.

Увидев, что к нему подъехал нуширванский офицер, Холройд протянул ему корзинку и сказал:

— Если хотите, можете съесть это. Я могу обходиться без пищи в течение,— он запнулся, извинившись, улыбнулся, сетуя на плохую память,— в течение семисот лет.

Офицер выругался:

— Пошел ты в Аккадистран!

Долгий вечер заканчивался, а Холройд все еще не съел фрукты. Они были пищей, более желанной голодному человеку, чем идеалисту. Но он поделился фруктами со своим гримбом и обратился к другому офицеру — генералу Ситейлу. Холройд с трудом выговорил его имя.

— Генерал,— нетерпеливо сказал он,— не знаете, далеко ли отсюда река кипящей грязи?

Худощавый офицер с ястребиным носом, лет сорока, поколебался, затем произнес:

— Мы достигнем ее раньше, чем стемнеет,— сказал он.— Около двенадцати мостов ведут к городу Три, который лежит всего лишь в восьми канбах за рекой.

Холройд кивнул обеспокоенно. Он не должен пересечь эту реку. Невозможность для Инезии мысленно пересечь ее должна была что-то значить. Он должен это обдумать и быстро. Он изучал профиль нуширванского офицера, но в нем не было больше ничего, кроме того, что этот человек на дальнейшие его расспросы отвечать не будет. Сопротивляться было бесполезно, это было потерей времени, а время — единственная вещь, которой не хватало.

Наклонившись, Холройд вглядывался в горы. Теперь они были выше, чем в начале путешествия. И вблизи проглядывали новые шпили и выступы, прикрытые до этого густым смогом, извергаемым вулканами. Он мог чувствовать мир мглы, который был приближающимся Нуширваном. Он повернулся к офицеру.

— Эта еда,— сказал он настойчиво под топот тяжелых лап,— я клянусь, что не собираюсь есть. Если вы ее не хотите, то дайте кому-нибудь, кто не знает, что она от меня. Пища, знаете ли, не представляет ни ненависти, ни идеологии.

На этот раз человек взял корзину и передал другому всаднику. Холройд не смотрел за дальнейшим путем пищи. Он сказал:

— Полагаю, что если бы я поклялся, что прибыл на Нуширванский фронт драться и завоевать Нуширван, это бы не изменило бы отношение ваше и других?

— Не изменило,— прозвучало в ответ.— Принц Инезио — кукла в руках богини. Мы точно знаем, что он такое.

— Понимаю,— мрачно сказал Холройд.— Я скажу вам, что я не принц Инезио. Я — Пта.

Офицер повернулся и глянул на него оценивающим взглядом. Наконец он рассмеялся:

— Это умно. Однако неверно. Никто не сможет убедить нас, что такая личность существовала,— он оборвал разговор.— Кажется я недооценил нашу скорость. Впереди река кипящей грязи. К вечеру мы будем в городе Три.

Это произошло вскоре. Приближался каменный мост, перекинутый через грязевую реку. Холройд наклонился с гримба и почувствовал тепло, исходящее из кипящего потока. Через полчаса они пересекли его. И углублялись все глубже и глубже на территорию Нуширвана.

Глава 16

Город Три

Как только мост остался позади длинного каравана, в Холройде стало расти чувство радостного возбуждения — как у человека, подумал он, на пути к камере пыток. Но мрачное сравнение не задержалось у него в памяти. Это не годится. У него было чувство существа, стоявшего перед глобальными великими событиями. Мог ли простой смертный человек желать большего: быть в двухсотмиллионолетнем будущем полубогом в фантастической земле.

Пта! Могучий Пта! Если только он сможет вернуть великую власть, которая была у него, он разрушит ненавистную замковую цивилизацию. Мысль трепетала. В нем росло чувство, которого не было до тех пор, пока он не пересек мост. Он уселся свободнее на широком крупе гримба и постарался расслабиться, все его существо успокаивалось. Он ждал, высматривая приближающийся знак, который мог означать новую и ужасную личную силу. Но существовало только непрерывное движение огромного животного.

Холройд затрясся от ярости. Он почувствовал изменение, скорее нетерпеливое, чем сдержанное. Его взгляд упал на кольцо, что так мешало Инезии. На память пришли страшные истории его детства. С кривой ухмылкой он взялся за кольцо, крутанул его три раза и сказал:

— Этим кольцом я требую, чтобы меня немедленно перенесли в штаб в Гонволане.— Его улыбка стала шире через несколько секунд, когда ничего не произошло. Он попробовал снова, гнев забылся. Но опять ничего не произошло. Он знал, что так и будет. Божественная сила — это не просто фокус-покус. Она вырастает из глубочайших, наиболее устойчивых эмоциональных свойств человека. Этот импульс был старым-старым, и его слушалась масса. Когда-то, давным-давно, король по имени Пта раскрыл состояние гениальной божественности, которая стала возможной с того момента, когда первый вассал распростерся у ног первого первосвященника.

И как только эта катастрофическая сила была открыта, другие люди узнали о ней, определили ее небожественное происхождение и с невообразимой страстью боролись за то, чтобы овладеть величием, которое может подчиниться удачливому. Однажды открытая, великая сила могла только трансформироваться, она была неуничтожима. Новый божественный правитель занимал место свергнутого. Такая сила теперь никогда не исчезнет из жизни людей. Даже Пта верил, что окончательное успокоение он найдет в своем непостижимом слиянии с расой.

Но почему Пта сделал такую глупость в первом дворце? Ответить на это можно легко, имея перед собой события, которые теперь происходили. Но ответ не приходил к Холройду. Его мозг все так же оставался без ответа. Вопросы бесили его, и в конце их — все тот же бег гримба. Продолжая движение, конвой из тюремщиков и пленных подымался все выше и выше в горы.

Холройд увидел первый замок. Он представлял собой строение из темного камня, который присел, как необычная шишкообразная ведьма, в центре раскинувшихся зданий на вершине укрепленного холма. Вид заставил его задрожать, затем его охватило жгучее нетерпение и осознание военной тактики, которую следует использовать против такого обстоятельного препятствия в мире, который не имеет осадной артиллерии. Посаженные на скриров войска опускаются сверху большими массами в боевых порядках, которые разъединяют каждый защищающийся форт. Если провести все это достаточно быстро, потери должны быть небольшими. Такие силы могут напасть и парализовать коммуникации врага. В семи атаках, упомянутых в исторических книгах, ничего подобного не было описано. Слава Богу, что он набросал свой план нескольким высшим маршалам.

Тени в долинах начали удлиняться. Солнце пылало кроваво-красным, как бы погружаясь в жерло курящегося вулкана на западе. По дороге тащились телеги, поток полз и растекался среди фортов и зданий, которые усеяли каждый холм. Внезапно мощный крик разнесся над ними. Крик был подхвачен по всей линии.

— Нушир! Нушир летит из центрального форта! Нушир прибыл для допроса принца Инезио!

Минутой позже гримб Холройда взобрался на холм, и он увидел город Три, распростершийся перед ним. То, что весь Нуширван звал так группу зданий, было тайной, как говорил офицер несколько дней назад, имя города было Уит, или Уир, или Уик. Но на всех гонволанских военных картах он был обозначен просто — Три. Только два города отложившегося Нуширвана были ближе к границе: один из них был далеко на западе, а другой также далеко на востоке.

Три стоял на необычном плато и взобрался на холмы, упираясь в них тылом; в сумерках он был похож на город из легенд Эйм — темная, таинственно нездоровая мечта из древности. Ветер, который принес громыхание города к Холройду, обдувал его запахами, в которых к кухонным ароматам были примешаны запахи навоза гримбов и помета скриров. Этот аромат был всепроникающим, и когда длинная линия всадников прокладывала себе путь вдоль пыльных улиц, он стал воздухом, которым они дышали, нормальным и...— Холройд угрюмо усмехнулся — ...по всей видимости, здоровым.

— Принц,— раздался голос генерала Ситейла.

Холройд повернулся. Прежде чем он сказал что-то, он уже знал, что скажет офицер с ястребиным носом.

— Я думаю о том, что вы сказали там!

Генерал сделал движение головой.

— Если вы Пта, почему же вы не используете ваше могущество?

Холройд ответил не сразу. Он совершенно забыл о попытке победить этого человека. Забыл о том, что было сказано, когда они пересекали реку кипящей грязи. Он попытался сосредоточиться на генерале. Поняв, что ему необходимо объяснить ситуацию, он рассказал. Мужчина оборвал его, удивленный:

— Вы хотите сказать, что когда мы пересекли грязевую реку, разрушились чары, которые не пускали богиню в Нуширван?

— Я не знаю, каким образом это происходит,— сказал Холройд.— Я пытался обдумать это, несмотря на все ухищрения, к которым она прибегала, чтобы сохранить все в тайне.

Стало совершенно темно, так что он не мог видеть своего собеседника. Улицы были освещены смутным светом факелов, которые посылали скупой свет через мглистую тьму и туман, распростершийся над городом. Холод пришел с холмов, вея прохладой после жаркого дня, опустившаяся ночь показывала, что путешествие заканчивается. Холройд поспешно сказал:

— Генерал, что со мной будут делать в первом дворце?

Генерал молчал, и через минуту Холройду стало неловко. Молчание становилось тягостным, когда последовал ответ:

— Надеюсь, что, как и остальных, вас пошлют в Аккадистран. Что Зард делает с похищенными?

На этот раз в словах слышалась саркастическая нотка:

— Зард нужны колонисты. Но поскольку еще не было пленных, которые сумели бы бежать из подобной колонии, мы подозреваем худшее. Самые невероятные рассказы... Вот почему я говорил вам, что ваше утверждение о вашей идентичности с Пта может нас заинтересовать независимо от того, являетесь ли вы Пта или нет. Ваш рассказ о мятежнике Таре из замка Линн может быть проверен, вы знаете это.

Потом офицер закончил:

— Как я уже сказал, я думал об этом, и тогда я вспомнил наше положение... И пришел к выводу, что мы имеем предмет,— он мягко усмехнулся,— незаметно меняющийся. О, мы отстаем!

Это так и было. Прибытие было гладким, не резким, как было в начале путешествия. Огромные звери сами заняли свои места, для этого не понадобилось никакого принуждения или понукания. Они стояли неподвижно, давая возможность спешиться.

Люди окружили Холройда.

— Сюда, принц Инезио. Вас хочет видеть благородный Нушир.

Его ввели через большой мраморный коридор в огромную комнату, в дальнем конце которой сидел мужчина и две женщины.

Глава 17

Нушир Нуширванский

Нушир Нуширванский был крупным, пухлым молодым мужчиной с голубыми глазами. Тронные кресла его жен стояли чуть сзади его огромного трона — оба справа.

Когда Холройд вступил в зал, обе женщины автоматически переглянулись, зашептались, а затем в унисон закивали. Одна из них была стройной и темноволосой, а другая пухлой и белокурой, их жесты были такими слаженными, словно они думали и говорили в полном согласии, поэтому-то Холройд не мог оторвать взгляда от них. Ему стоило большого усилия, чтобы сконцентрироваться на том, что говорит Нушир. Смутно он понял, что стражники закрыли за ним дверь.

Пухлый мужчина произнес мягким голосом:

— Ты действительно принц Инезио?

В его словах слышалось очевидное нетерпение. Он сделал шаг вперед. Его глаза были бесцветными, с голубоватым налетом, что заставило Холройда насторожиться и кивнуть в ответ. Не было сомнения, что наследный вождь мятежников вступил в сговор с недовольными офицерами с тем, чтобы захватить Инезио. Холройд напряженно ждал, пока мужчина не сказал:

— И ты не желаешь нападать на мою страну?

Понимание пробежало по каждому нерву Холройда. Он вгляделся в своего излишне полного следователя сузившимися глазами, оценивая собственные возможности в данном положении. Если им руководят справа, он может освободиться через десять минут. Он набросал в уме картину, как это может произойти.

Бесцветно-голубые глаза излучали неприязнь, большие пухлые руки сжимались и разжимались, точно они хватали и сжимали желаемый объект. Толстые губы обвисли, рот раскрылся, мягкие тяжелые ноздри порывисто расширялись. Весь физический облик правителя выдавал его мысли. Нушир Нуширванский хотел знать правду о нападении. Несмотря на неудачу последнего вторжения, он был встревожен этой новой угрозой. Холройд сдержал дыхание и сказал:

— Если вы предприняли оборонительные меры, то вам нечего бояться.

— Что ты имеешь в виду?

— Нападение,— холодно объяснил Холройд,— собираются провести для умиротворения недовольных элементов. Довести его до конца не собираются. Захватив меня, вы сыграли на руку людям, которые хотят уничтожить вас.

— Он лжет.

Это говорила брюнетка. Ее голос был тонким и пронзительным. Она ухватила за руку своего хозяина.

— Он слишком долго колебался, прежде чем ответил, и, кроме того, его манера говорить скрывает в себе что-то. Прикажи пытать его. Мы должны все знать.

— Ага,— сказал Холройд.— Как я вижу, правительство в Нуширване такое же, как и в Гонволане.

Пустые голубые глаза пристально изучали его. В них была неуверенность и озадаченность. Наконец Нушир сказал:

— Объясни.

— Обе стороны управляются женщинами,— холодно произнес Холройд.

Обе женщины задохнулись от злости. Вновь они глянули друг на друга, почти автоматически, потом выпрямились расстроенные.

Нушир неподвижно сидел, бесстрастный, он только нетерпеливо повернул голову, когда брюнетка попыталась прикоснуться к его руке. Казалось, она не поняла настроения своего хозяина, поэтому говорила наполовину ему, наполовину Холройду.

— В Нуширване только один правитель. Но мы его жены. Его интересы в нашем сердце. Мы светимся лишь как отражение его величия. Когда мы советуем ему, то лишь как инструменты его тела. В этом смысле мы только орудия, изобличившие тебя во лжи. Поэтому мы рекомендуем пытки... и немедленно.

Она почти прошипела последнее слово и вперилась в Холройда, который пытался сдержать дыхание. Его попытка внести разлад между мужем и женами была с трудом отбита. Потом пришло удивление. Что могут сделать пытки с таким телом, как у него? Размышления оборвались, когда он увидел выражение лица, которое изменилось, лица блондинки. Казалось, она впервые поглядела на него доброжелательно; ее положение как второй за креслом Нушира указывало на нее, как на младшую жену. Она все больше менялась. Она вытянулась, ее глаза зажглись жизнью, краска прилила к щекам. Она уселась поудобнее, как будто обдумывая что-то, затем сказала звонким голосом:

— Послушай, Найа. Если принц говорит правду, учитывая подтверждение из Гонволана, тогда он наш союзник, а не враг, и в соответствии с таким обстоятельством завтра утром — завтрак. Я предлагаю, чтобы нашему гостю на ночь предоставили апартаменты и приставили угождать женщину.

Наступило молчание. Дважды Найа, брюнетка, пыталась говорить; дважды она поворачивалась к блондинке, но каждый раз удивление не давало ей возможности сказать что-либо. Наконец она уставилась на своего господина.

Нушир задумчиво потирал свой гладкий подбородок. Наконец тряхнул головой и сказал:

— Действительно, так и будет, я тоже пришел к такому выводу. Ввиду высокого ранга моего гостя он может выбрать одну из моих жен, присутствующих здесь. Утром мы поговорим, а затем, если все будет хорошо, эскорт скриров доставит лорда Инезио в его расположение.— Помолчав, он закончил: — Какую из двух моих жен ты выберешь, великий принц?

Об отказе нечего было и помышлять. Это было все равно, что подписать себе смертный приговор. А выбор не требовал долгих колебаний. Холройд смело сказал:

— Я выбираю ту, которую зовут Найа, и благодарю вас за эту честь, великий Нушир. Вы не пожалеете об этом.

Он подумал:

«Какую глупость я сделал бы, если бы оставил эту склочную брюнетку на ночь с мужем, дав ей возможность настроить его против себя».

— Я думал,— произнес Нушир заинтересованным тоном,— что, как и другие, кто удостоился подобной чести, ты выберешь блондинку Калию,— он поперхнулся и рассмеялся.— Это будет интересный эксперимент для тебя, Найа.

Он дернул за шелковый шнур, свисавший с потолка. Тотчас же в комнате зароились слуги. Через десять минут Холройд остался один с женой Нушира.

В дальнем конце главной комнаты было большое, украшенное орнаментом окно. С пристальным вниманием темноволосая женщина наблюдала, как Холройд подошел к нему и выглянул наружу. Город Три распростерся перед ним. Его смутно освещенные факелами и световыми трубками улицы создавали общий эффект старого европейского города с приглушенным освещением.

Чувство возбуждения, которое пришло после того, как

он пересек мост, становилось сильнее. Несмотря на все, щупальцы удовлетворения обвили его мозг. Правда, что он потерпел поражение, преодолев реку кипящей грязи, но он обрел свободу, чтобы вернуться в Гонволан. Только что за баланс был между победой и поражением? Он, кто знал так мало, не мог надеяться на суд. Возможно, он в опасности, но свободен по крайней мере, чтобы иметь шанс все обдумать и приготовиться для следующей яростной атаки. Верно, здесь, сейчас он должен провести черту и сказать: дальше ни шагу. Действие с этих пор должно основываться на информации и глубоком размышлении.

Холройд сухо рассмеялся. Одинокий человек в мире, о котором он не знает ничего, с большим желанием действовать, но который не в состоянии вовремя изучить важные вещи. И все же гораздо лучше чувствовать себя свободным!

Он выкинул из головы мысли и вспомнил о Найе. Естественно, ему следует овладеть ею, поскольку она предложена. Любое пренебрежение с его стороны не останется без внимания и о нем будет доложено, что будет рассмотрено как плохие манеры,— не стоит рисковать. Он отвернулся от окна и застыл, удивленный. Брюнетка стояла, прижавшись одним ухом к двери, ведущей в коридор, и прислушивалась. Она округлила глаза, приложив палец к губам древним жестом, глядя на Холройда. Наконец плавным изящным движением она скользнула к нему.

— Нам следует действовать быстро,— прошипела она.— Ты сделал неумно, выбрав Найу вместо Калии, в чье тело я вселилась, чтобы заставить ее поддержать тебя. Теперь мне пришлось переключиться на эту, а блондинка помнит, пусть и не отчетливо, что ее принуждали говорить в твою пользу. Поэтому времени у нас мало, нужно спешить.

Она смолкла, и Холройд сказал гневно:

— Что...

Он остановился, стоя точно камень, его глаза стали будто две щели. Затем продолжил, еще более грозно:

— Кто ты?

Женщина прошептала:

— Я та, кто вскарабкался по скале, кто пытался убить тебя и кто дал тебе кольцо Пта. Покопайся-ка у себя в голове: говорил ли ты кому-нибудь о том, что видел меня? Если нет, тогда ты должен знать, что я не Инезия.

Она жестом оборвала его попытку говорить.

— Мы не смеем медлить, клянусь. В этот самый момент Инезия в главном дворце Нушира пытается окончательно уничтожить божественное кресло Пта. Кресло — последняя...

Голос умолк. Язык ее стал слишком большим для рта. Она попыталась говорить, но это давалось ей с трудом. Закончила она быстро.

— Мы должны немедленно идти. Час, даже минута промедления могут быть решающими. Пта, я поняла, что ты слишком явно поглупел. А это не помогает.

Самое необычное было в том, что решение Холройда, которое казалось таким твердым, так глубоко обдуманным, растаяло перед этим словесным натиском. Но то, что она говорила, было правдой. Он не говорил никому о тощей женщине, и Инезия очень разъярилась, увидев кольцо. Инезия не знала, не знала, как эта женщина могла прийти к нему, даже если она догадалась, кто дал ему кольцо. Несомненно, это была Лоони, заключенная в темницу, и если Лоони говорит сейчас, что не стоит терять зря времени, то его действительно не нужно терять.

Теперь, когда он думал о своем похищении, инспирированным Инезией, он понимал, что кульминация ее планов уже не за горами. Защитное сооружение, которое Пта построил много веков назад, было разрушено. Безумием было оставаться здесь. Но он ничего не мог поделать. Его колебания и причины, вызвавшие его, были слишком важны, чтобы их игнорировать. Ему сказали, что он должен сесть в божественное кресло Пта и что таким образом он возвратит старую божественную силу Пта.

Это звучало нелепо, как детская игра. Но обе, и Инезия и Лоони, говорили ему, что это так. Почему Инезия среди множества мелкой лжи сообщила ему великую правду? Зачем она вообще говорила ему о кресле? Она должна была сказать ему об этом в силу каких-то причин, которые являются следствием ее действий, направленных словом и делом на уничтожение его защиты. И кроме того, говорить ему психологически точно. Это сфокусировало его мозг на ту отдаленную цель, пока она все приготовила. Но теперь она была финишной прямой. И были необходимы самые отчаянные действия.

Он видел, что... Лоони... следила за ним широко раскрытыми трагическими глазами. Он оценил то, что она не прерывает его размышления, затем быстро сказал:

— Как мы можем там очутиться?

— Если ты пойдешь на прогулку со мной,— ответила она.— Верхняя одежда приготовлена в седельных сумках скриров Найей — женой вождя. Как Найа, я могу приказывать охране скриров в любое время дня и ночи без лишних расспросов. Пошли!

Холройд двинулся за ней к двери, затем сказал:

— Погоди! Среди заключенных находится Ситейл. Нельзя ли обеспечить его скриром и позволить бежать? Думаю, он смог бы проделать в Гонволане ценную работу...

Лоони оборвала его:

— Это невозможно. Такие действия не свойственны ему. Пока же у нас вообще нет времени! Поторопись!

Через пятнадцать минут они взлетели.

Глава 18

Страна вулканов

Стало очень холодно. Впереди высоко темнели горы, темные, голые и дикие под чужими низкими звездами. Но все было темным в этом замерзшем мире: вулканические огни прыгали и пылали тысячами кратеров, делая ночь безобразной и ужасной, с красным пламенем и красно-черным дымом. Каждый конус огня, казалось, существовал в отдельности, а ночь вокруг была темнее, чем вулканические горы. Скриры облетали вулканы там, где было прохладнее и не выделялись испарения.

Холройд отчетливо чувствовал огромную борющуюся с ветром птицу-зверя, на котором находились они с Лоони, и нарастающую в ней медлительность и усталость. Дважды с беспокойством он видел, как другие скриры с наездниками пытались преодолеть отвесные склоны гор.

Когда началось снижение, у него появилось прозрение. Возможно, это произошло, когда его мозг начал инстинктивно тянуться вперед и стараться ознакомиться, чем закончится путешествие. Птицы стремительно опускались, воздух становился теплее. А город под ними разбрызгивал свои огни. Сначала один, затем другой, а потом еще один. Даже земля между большими массами огоньков не была совсем темной, а озарялась редкими пятнышками одиноких белых точек. Первые города гнездились в долинах между необычными вершинами, но скоро этот неровный

барьер перешел в плоскогорье, затем в равнину. Воздух становился успокаивающим, а города нескончаемыми. Очередной был все время в виду до тех пор, пока не появлялись смутные очертания следующего.

Прошло часа полтора, как они оставили за собой плоскогорье, и тогда Лоони повернулась в седле и крикнула Холройду:

— Котахей, столица!

Тон, которым она произнесла это название, имел экзотическую, чарующую музыкальность. Но ночью город выглядел так же, как и прочие, разве что был больше других и протянулся между горами на севере и очертаниями широкой реки на востоке. Лоони снова заговорила:

— Я почти прилетела вчера в Котахей, вместо...

Название, которое она произнесла, унес ветер.

— После неудачной попытки найти тебя у любого из двенадцати мостов, пересекающих реку кипящей грязи, я была в панике. Раз за разом я пыталась преодолеть себя, и когда мне это удалось, я узнала, что ты разрушил шестую линию защиты и что я пропустила тебя. Все, что я знала, так это то, что не смогу уследить за твоими многочисленными перемещениями.

Когда я летела над городом Три, без сомнения, почувствовала тебя. Определила направление на центральный форт и немедленно проникла в тело женщины-служанки. А уж из него легко было переправиться в тело Калии — белокурой жены Нушира.

Холройд внимательно прислушивался к ее объяснению. Картина, которую она обрисовала, осветила небольшие пробелы в ее жизненном потоке с тех пор, как он последний раз видел ее. Но вглядываясь теперь в приближающуюся столицу, он всеми своими помыслами устремился к ней. Там была Инезия. И кресло Пта.

Это тяжело было представить. Сильное, страстное создание, которое было златокудрой богиней, казалось нереальной здесь, в этой ночи, с воющим ветром, обтекающим его тело, с большими, темными крыльями могучего животного, которое он оседлал.

Божественное кресло не вызывало в нем никакого образа. Мозг отказывался набросать даже мысленный образ. Но оно должно существовать там, внизу! Лоони верит в это. И Инезия, планируя что-то, основывается на том, что кресло — реальность. Очень давно Пта, должно быть, рассказал им о нем. Хотя вполне возможно, что он ввел

их в заблуждение, впрочем, уверенности у него не было.

«Если бы я был Пта...»,— подумал Холройд, а затем улыбнулся с сознанием несоответствия. Он был Пта. По крайней мере, другого не было. «Если бы я был Пта,— повторил он,— и не доверял одной из женщин, или обеим, то не оставил бы ни единого шанса, чтобы обеспечить свою безопасность. Дело не в том, что было сделано для этого. Я должен попытаться просчитать все... продумать как расстроить враждебные планы, какую-либо схему. Мне не стоит пренебрегать ничем, в том числе сесть в кресло или сделать что-либо еще!»

Устремившиеся вниз скриры пронзительно завопили. Внизу замелькали огоньки; и в их свете открылся огромный двор. Одна за другой птицы опускались вниз и садились с небольшими пробежками, точно лайнеры при посадке.

Люди внизу узнали лицо Найи, захлопали двери, вынесли большие огни.

— Не нужно,— приказала Лоони-Найа,— будить дворец. Гость Нушира и я последуем без эскорта.

Вдоль весело мерцающего неровным светом коридора стояли солдаты-гвардейцы, которые оживились, завидя их, вытягивались по стойке смирно, точно жерди, когда они проходили мимо. Холройд прошептал наконец:

— Ты знаешь, где оно? Где кресло?

Он ощущал напряжение и удивление, почувствовав перелом во всем, что происходило в нем.

Лоони прошептала:

— Я знаю точно, где оно. Найа знала... где оно... дверь в конце этого коридора.

Это был большой украшенный вход, и двери были закрыты. Холройд попробовал их открыть. Тяжелый удар пришелся на прочное дерево, но дверь не шелохнулась.

— Погоди,— быстро сказала Лоони.— Конечно же, она внутри. Но у меня есть стражники, чтобы выломать дверь!— закончила она с удовлетворением.— На этот раз преимущество у нас. Во дворце нет тела, которое она могла бы занять и по этикету превзойти Найу. Я...

Она отшатнулась и тихо выдохнула:

— Ах!

Дверь открылась совершенно легко. Инезия стояла там, через порог. На черное бархатное платье золотым потоком спадали ее волосы. Улыбаясь, она сказала:

— Входите. Я ожидала вас.

Глава 19

Битва богинь

Голубые глаза богини Инезии искрились крошечными желтыми искорками, а ее улыбка была бледной и восковой, точно радость вошла в нее лучами струящегося счастья. Она проговорила:

— Я следила за вами. Но, конечно, без воды невозможно повелевать д у х о м, когда он в теле. Входите оба, я буду рада рассказать вам об этом.

Пта бросилось в глаза ее торжествующее настроение. Угрюмо улыбаясь, он ступил через порог и остановился. Не то чтобы он испугался, просто он удивился, а чувство нереальности стало сильнее. Он был убежден, что грезит. И стоял целую минуту, изучая это изнеженное лицо с мерцающей улыбкой. «Девушко-женщины выглядят непривлекательно,— мрачно думал он,— когда они злорадствуют».

Богиня снова произнесла:

— Какие мы мелодраматичные, Лоони. Конечно, что-то неправильно: неправильно поражение. Вот! Ты все еще колеблешься? Уверяю тебя, нас не побеспокоят. Вы действительно должны посмотреть на кресло, которым овладели бы, если бы успели на шесть часов раньше.

«Сказано пауком мухе,— подумал Холройд,— не будешь ли добра войти?» Ссылка на кресло едва ли задела его. Вместо этого его мозг сосредоточился на том, почему Инезия так уверена, что их не побеспокоят. Это было особенно сомнительно, потому что в уголках ее глаз он видел, что по коридору идут женщины. Догадавшись, Холройд уставился на Лоони.

— Меня совершенно потрясла ваша способность управлять человеческим телом. Можешь...

Лоони стояла, нахмурившись, словно она следила за чем-то, что ускользало от нее. Потом взглянула на него.

— Только женщинами или самками животных. Существует физический закон, который...

Она замолчала и смотрела, как Инезия опустилась на пол. И вдруг заплакала:

— Пта, она ушла в чье-то тело.

Женщины приближались. У одной из них что-то топорщилось под платьем. Блеснул каменный нож с тонким лезвием — и Холройд, улыбаясь своей догадке, оттолкнул Ло-

они, а нож дернул к себе. Продолжая улыбаться, он отшвырнул его в сторону Инезии; богиня не показывала признаков жизни. Она все еще была одной из пяти женщин и могла быть любой из них. Он чувствовал возрастающее чувство опасности, которая заполняла помещение.

— Быстрее, Лоони,— торопил он.— Прикажи женщинам уходить. Та, которая попытается убить Найу и попасть в более авторитетное тело, и будет Инезией. Т о р о п и с ь!

Она сообразила это быстрее, чем прозвучали его слова. Прозвучал резкий приказ. Покорно три женщины отправились туда, откуда пришли. Одна из двух оставалась стоять неподвижно, но другая закричала:

— Вернитесь назад! Это не королева Найа, а самозванка! Как все мы знаем, королева с нашим хозяином Нуширом.

Говорившая была женщиной мощного телосложения, очевидно своего рода суперинтендант. В ответ на ее призыв одна из трех спросила дрожащим голосом:

— Если это так, то почему бы не позвать гвардейцев?

Лоони прошептала Холройду:

— Что делать? Звать стражу?

Холройд заколебался. Его мозг не успел осознать немедленную угрозу. Наконец он понял те возможности, которые видел. Он не знал их раньше, но ужасная сила, которой обладали Инезия и Лоони,— это возможность перемещаться из тела в тело. Они могли вступить куда угодно: во дворец, крепость — везде, где были женщины, убивать направо и налево. Смущение было абсолютно опустошающим. Никакой возможности сопротивляться таким демоническим личностям не было. Целые крепости могут пасть без борьбы вследствие убийственного катаклизма внутри или загадочного убийства.

Ему стало ясно, что дни Нуширвана как независимого государства сочтены. Его долгий иммунитет был утрачен после того, как Инезия пересекла реку кипящей грязи. Вот почему она не распространила свое влияние на колоссальную территорию Аккадистрана, который был, вероятно, незащитим и был тем местом, куда он теперь должен был попасть!

Было совершенно ясно, что произошло. Они с Лоони прибыли раньше, чем Инезия реализовала свои возможности. Несмотря на все ее заявления, она не способна в короткое время лишить могущества божественное кресло. Она, должно быть, испытала страх, когда его тело с разма-

ху врезалось в дверь. Но открылась дверь необычно быстро. Она прибегла к варианту, по которому должна была занять тело какой-нибудь уважаемой женщины и послать по коридору других женщин. Затем вернуться в свое тело и, закрыв дверь, искусно использовать время. В результате пять женщин, которые, если ими соответственно руководить, могли уничтожить тело Лоони.

Вследствие этого, если бы все они кинулись на нее, они могли бы убить или вынудили бы ее убить себя. Одна из них, которая осталась в живых, сказала бы, что Холройд убил Найу, потому что хотел попасть в комнату с божественным троном. А тем временем Инезия осуществила бы свою цель.

Это была хорошая, хотя и упрощенная схема. Безжалостная со своими подданными в Гонволане, богиня не поколебалась бы и здесь.

Холройд прошипел Лоони:

— Зови стражу. Сейчас мы сможем доказать, что ты — Найа, ссылаясь на эскорт, который прибыл с нами.

Через минуту гвардейцы схватили женщин. Никто не пытался доказывать, что Лоони не была Найей. Когда Холройд проанализировал ситуацию, то пришел к выводу, что весь ее план был осуществлен под давлением неожиданных событий.

Лоони приказала:

— Заприте этих женщин в их комнатах, но утром освободите. Я потом найду случай наказать их за наглость.

Один из гвардейцев посмотрел на нож в руке Холройда, но тот глядел только на Инезию, которая подымалась на ноги. Гвардеец спросил:

— А что с этой?

Лоони улыбнулась, холодно ответив:

— Она потерпевшая. Оставь ее.

Через мгновение они остались втроем. Только Лоони улыбалась. Он прошел мимо женщин и вступил в комнату, ощущая, как пронизывающая интенсивность меняет его сознание. Он остановился, недоуменно переводя взгляд с одной женщины на другую. Лоони нарушила молчание. Неестественным голосом она произнесла:

— Н-у-у-у, дорогая Инезия, ты прыгнула выше головы, несмотря на все твои таланты.

Улыбка ее угасла.

— Одну минутку, Пта, я осмотрю порог этой комнаты. Если она из защитного материала...

Она опустилась на колени и пощупала пальцами ковер,

а когда снова подошла к двери, Инезия бросилась вперед и мгновенным движением сбила ее с ног. Со свирепой улыбкой Лоони пнула ее. Холройд бросился к Инезии и вежливо оттащил ее. Лоони понялась и пошла к двери.

Инезия прошипела:

— Когда пройдет шесть месяцев, я тебя сразу уничтожу.

Лоони негромко рассмеялась:

— Так у меня еще шесть месяцев, а? Благодарю, моя милая, что сказала мне.— Все еще нервно смеясь, она повернулась к Холройду.

— Насколько я могу видеть, теперь нам ничего не мешает идти в комнату.

Она вошла, и ее смех заглох.

— О Пта, Пта, победа, и все потому, что она испугалась моего бегства.

Удивление Холройда отразилось на его лице, а она быстро объяснила:

— Ее настоящая цель была в том, чтобы ты напал на Нуширван, а она переправилась через реку кипящей грязи. Чтобы преодолеть с армией эти горы нужно недели две и, возможно, месяцы, чтобы достигнуть дворца. И все это время она изучала бы кресло в этой комнате. Я уверена, что при таких обстоятельствах она могла бы его уничтожить.

Но это кольцо, которое я дала тебе, испугало ее. Это был всего лишь перстень-печатка Инезио, но когда я была в комнате, я влила в него часть своей силы. Она расценила это как объявление войны и не дала мне достаточно времени, чтобы нанести ей удар, поэтому она действовала так, как ты уже знаешь.

Лоони рассмеялась снова, резким, но веселым смехом Найи. Инезия стояла недвижимо в середине тронного зала. Ее лицо было цвета мела, но глаза оставались голубыми и холодными, мертвенными, когда она сказала:

— Ты поняла, я надеюсь, что ты скоро умрешь, Лоони. Любое могущество Пта не в состоянии извлечь из кресла полную силу. Сила приходит лишь от верующих, а я многие века делала все возможное, чтобы о нем забыли. И в дальнейшем оно не будет долго объединять вас в темнице.

Потом проговорила беспечно:

— Он, может быть, будет владеть большей силой, чем ты теперь владеешь,— она рассмеялась доверительно, и продолжила: — Сейчас я покоряюсь этому частичному поражению, остальное не так уж и важно. Снова я внушаю тебе ключевое слово. Аккадистран.

— Ты дьявольская зверюга!— сказала Лоони.

Они все еще стояли, вглядываясь друг в друга, брюнетка и блондинка. И, глядя то на одну, то на другую, несмотря на то, что он с трудом понимал, о чем они говорят, Холройд внезапно почувствовал уверенность в том, что ему не следует быть здесь. Ему не стоит видеть обнаженные души обеих женщин.

Ему пришлось затратить определенное усилие, чтобы сбросить оцепенение. Он встряхнулся — это было не только физическим, но и умственным движением — и остановился у порога в большую комнату. Он знал, что Лоони следит за ним, а Инезия обернулась, чтобы посмотреть, что произойдет. Тогда он забыл о них обеих.

Глава 20

Божественное кресло

Стены комнаты, в которую Холройд вошел, были, за исключением кресла, из камня: пол, стены, потолок, все было из камня. Несмотря на тщательную обработку, камень был серым. Это была работа великого, невероятного века. Комната была с т а р а.

Кресло занимало часть комнаты слева от Холройда. Оно светилось. Оно было таким ярким, что было больно глазам. Это была мистическая структура, нематериальная, мерцающая. Кристаллические прожилки светло блестели в нем: опаловый оттенок исполосован брызгами янтаря, а разводы из киновари переплетались с пятнами из бледной охры.

Оно блестело, как какой-то драгоценный камень, а форма была совершенным кубом с ребром в пятнадцать футов. Оно висело над полом. Оно дразнило ложными надеждами, оно наступало, оно не имело связи с твердой реальностью. Холройд подошел к нему, остановился, восхищенно вглядываясь в него. Оно было в в е р х у. Нижняя поверхность куба находилась примерно в десяти футах над его головой.

Он понял, что оглядывается по сторонам, изучая, что же помешает ему взобраться и усесться в великом, пылающем кресле. Разглядывая, он обратил внимание наконец на две пары глаз, каждая в огне собственного восхищения. Две пары глаз ожидали рождения бога.

Тяжело было разрушить их гипнотическую хватку, но Холройд покачал головой, и это было похоже на падение скалы на стеклянный круг, который являлся его мозгом. Расходящиеся круги ряби разрушали чары. Теперь он увидел каменные ступеньки, выбитые в каменной стене слева от кресла. Они тянулись вверх, к потолку, и вдоль него. Заканчивались они точно над креслом. Вскарабкавшись вверх, он мог, раскачивая себя от перекладине к перекладине, спрыгнуть прямо в кресло. Спортивный ребенок мог бы сделать это без тени колебаний. Тот Кто Владеет Силой делает это без секундного размышления. Но это размышление, колебание пришло уже тогда, когда он медленно шел по направлению к лестнице.

Мысль не изменила его намерения сесть в кресло. Он собирался сидеть в нем. Выбора не было. Даже если это докажет, что богиня управляет им, все равно он должен пройти через это, чтобы испытать тело Пта. Для него не было вопроса, должен ли он садиться в божественное кресло. Но теперь было совершенно ясно, что этого будет недостаточно. Теперь он знал, что божественная сила приходит от молитв и что одно кресло не в состоянии сделать из него Пта, Трижды Величайшего.

Кресло скорее фитиль, детонатор. Или даже аккумулятор запасенной силы, которая может дать начало другой, позже она будет наполнена и увеличена из источника божественной силы молящимися миллиардами женщин. А молящиеся хитро подавлялись Инезией. И, скорее всего, сила не возобновлялась в любом размере в течение невообразимого периода времени. Религиозные обычаи имели в своей структуре консерватизм, не знающий подобия в любом другом человеческом институте.

Он начал взбираться вверх по каменной лестнице, когда подумал: «Победа будет обеспечена обороной». Его собственная жизнь будет спасена, но Лоони умрет и бездушная замковая цивилизация будет продолжать свое существование в веках.

Внезапно он почувствовал тщетность усилий. Через плечо он взглянул на двух женщин, глаза которых цепко впились в него. Трудно было представить, что они когда-то были его женами. Страстная и капризная золотоволосая женщина-ребенок, смуглая, крайне напряженная Лоони. Какой она была в настоящем своем обличии? Он не видел ее с момента своего изгнания из Гонволана. Это он знал.

Возможно, это было потому, что он качался, рука сме-

няла руку вдоль потолка, а кресло приближалось. Ближе... затем оно оказалось точно под ним. Оно светилось, как огромное зеркало, излучающее бриллиантовый свет. Через мгновение он будет богом.

Долго он висел так, глядя вниз. Затем прыгнул. И тотчас же он начал тонуть в кубе... Он исчезал... Проходили долгие минуты... Его нога первой высунулась из куба... Он упал на пол. Еще мгновение куб мерцал. Затем издал слабый хлопнувший звук и исчез, как бы взорвавшись мыльными пузырями. Холройд лежал на полу без движения, точно мертвец.

Молчание было нарушено звенящим смехом Инезии. Лоони резко обернулась, глядя на золотоволосую богиню. Ее глаза расширились, когда она увидела неприкрытое веселье на детском лице. Со слабым вскриком она бросилась к телу на полу, полупадая-полулетя к нему. Она дергала и тормошила тело Холройда, пока он лежал на спине. Положив пальцы на его веки, она открыла ему глаза. Они, подрагивая, закрылись, когда она отдернула трясущуюся руку. Смех Инезии маниакально гремел у нее в ушах, пока она пыталась пробудить его к жизни.

Цвет возвращался к ее щекам.

— Он жив!— выдохнула она. И склонилась на коленях, изумляясь все больше и больше. Смех за спиной оборвался на визгливой ноте.

— Конечно он еще жив,— сказала Инезия.— Я не смогла найти единственную смертоносную энергию во входной структуре кресла, когда искала какой-либо метод уничтожить его.

В тоне золотой богини было удовлетворение, которое привело Лоони в состояние возбуждения. В ярости она вскочила.

— Только не претендуй на то, что это твоих рук дело!

— Я ни на что не претендую,— холодно сказала Инезия.— Я удивлена не меньше тебя. Но, конечно, теперь, когда это произошло, совершенно очевидно, что имело место мое вмешательство.

Для Лоони это не было очевидным. Если бы она что-то подозревала, то наверняка бы предотвратила катастрофу. Она уже собиралась просить объяснения, но один вид этого алчного изнеженного лица напоминил, что Инезия никогда не отвечала на вопросы. Она хвастала. Это было несложно.

— Ясно,— произнесла Инезия тем же тоном,— что Пта

никогда не осмелился бы испытать силу кресла до того, как войдет в свою полную молитвенную силу. Благодаря моей изоляции он временно перегорел,— она нахмурилась.— Трудно найти сравнение, но меня крайне удивило бы, если бы он смог вновь стать в круг власти.

— Зачем ему кресло, если он надеется привлечь на свою сторону миллиарды верующих женщин? На это трудно ответить, но было бы неплохо вспомнить, что Пта всегда оставался более великим, чем любая оппозиция против него.

Инезия грациозно пожала плечами. Глядя на нее, Лоони думала, что богиня-правительница имела собственные затруднения, отличные от нее. Главное из них заключалось в том, чтобы не закричать от счастья. Женщина пылала. Она делала слабые быстрые движения своими пальцами, и даже ее тело казалось дрожащим, словно трепет, сравнимый с трепетом экстаза, охватил ее. Все ее существо было охвачено радостью. Было даже удивительно, как ей удавалось сохранить свой голос таким тихим, каким она продолжала говорить:

— Естественно, если бы он прекратил опасаться меня, я лишилась бы всех шансов. Теперь я перевезу его в свою великую столицу Гадир, в Аккадистран, и дам ему пройти тропой гонволанцев, которые были похищены и увезены в Аккадистран.

Смех ее прозвенел, как звон металла о камень, так резок он был.

— Интересно было бы увидеть, что случится, когда божественное тело расчленят на куски. После того,— издеваясь, она выждала,— как эти идиоты-бунтовщики начнут нападение на Нуширван, я прикажу своим небесным всадникам действовать.

Побелевшая Лоони уставилась на Инезию. Дважды она пыталась говорить, но каждый раз только глотала свой ужас. Инезия рассмеялась, потом свирепо сказала:

— Не пытайся убеждать меня, что это не необходимость. Существует только один род союза, который Гонволан будет поддерживать с Аккадистраном,— союз сокрушительного разгрома.

Напоследок она добавила:

— Пока мои боевые летуны поблизости, я буду следить, чтобы каждый молитвенный жезл в Гонволане стал их добычей. Я не оставлю ему шансов. Я позволю молящимся аккадистранцам поддерживать мою силу до послед-

ней возможности, но верующих женщин в Гонволане искореню. Пта, конечно, к тому времени уже будет мертв.

Она умолкла, ее глаза были звездами, а лицо безмятежным, пока она наконец не выкрикнула:

— Я не решила еще о форме правительства, которое я поставлю, когда последний очаг сопротивления будет сокрушен! Замковая система имеет как слабые, так и сильные стороны. К недостаткам следует отнести большое количество бунтовщиков, взращиваемых ею. Эти наглые негодяи осмеливаются противостоять мне!

Она опять умолкла, затем мрачно продолжила:

— Я не выношу, когда мне прекословят. Если бы не это и если бы у меня были способности старого Пта координировать действия масс людей, я могла бы даже соблазниться возвращением нелепого типа правительства, которое он терпел. Я никогда в совершенстве не понимала его внутреннего смысла, но оно было весьма впечатляющим в бытность Пта, но без него оказалось совершенно неуправляемым и нетерпимым. Помнишь, Лоони, дорогая, что было в первое время после того, когда я свергла тебя? Это было в результате нашей ссоры в тот период, когда я поняла, что правление двух суверенных богинь является немыслимым парадоксом.

Смутно Лоони поняла, что Инезия подкрадывается ближе. Теперь она распознала намерение богини. Она повернулась, выпрямилась — слишком поздно. Инезия бросилась на тело Пта-Холройда. И цеплялась за него, пока Лоони грубо не оторвала ее.

— Смотри, дура,— яростно выдохнула Инезия,— или идем...

Она н е м о г л а предупредить что-либо. Она чувствовала перемену. Без воды это был медленный процесс, необычный, но через минуту началось движение сквозь тьму. Почти мгновенно она оказалась лежащей на земле, и это был день.

Глава 21

Зард Аккадистрана

Она почувствовала ужас. Но не свой собственный. Он шел от рыдающих и стенающих женщин, кричащих детей, высоких надломленных голосов мужчин. Бесчисленные

женщины и дети, мужчины кричали от страха и отвращения.

Лоони встала, поспешно изучая происходящее, и вздохнула с надеждой. Инезии не было и следа. Но неподвижный Пта лежал на подстилке у ее ног. Он выглядел мертвым. Он лежал совершенно недвижимо. Лоони еще раз внимательно огляделась вокруг.

Они с Пта были внутри окруженного стенами пространства. Загон был размером около квадратной канбы, и забит людьми. Вдали, на небольшом расстоянии, за одной из стен, она могла видеть обученных скриров Зард, которые маневрировали, улетая, одно подразделение за другим, исчезая из виду. Она содрогнулась от отвращения. Здесь, в одной из тысячи тренировочных баз для скриров, похищенных из Гонволана ждала смерть.

Она стала оглядываться и впервые заметила, что подстилка с лежащим Пта находилась внутри отгороженной площадки и на каждой из подобных подстилок лежало одно или даже несколько человеческих существ. Отдельные люди подымались, изумленные, и уходили, но всегда находились другие, которые приходили на освободившееся место...

Дети, женщины, мужчины...

Лоони сидела на краю подстилки Пта и ждала. Она думала в отчаянии: Инезия не станет медлить, особенно теперь. Она видела Пта убитым в момент, когда можно было определить, сознает он что-то или нет. Прежде всего она вернула истинное тело Лоони назад, в столицу Пта — она не могла рисковать э т и м в городе, где металл был особенно распространен. Затем она послала свою сущность назад, во дворец Гадира, войдя в тело женщины Зард Аккадистрана и отдавая необходимые приказания. И немедленно, как только могли лететь скриры и скакать гримбы, солдаты бросились исполнять их.

В паническом волнении Лоони вцепилась в неподвижное тело и затрясла его.

— Очнись, Пта!— кричала она приглушенным голосом.— Очнись!

Тело оставалось неподвижным. Оно лежало в смерти подобном трансе, безвольное, податливое в цепких пальцах ее рук. Если бы он по-настоящему был безнадежен, она оставила бы его, оставила бы тело Найи и отправилась назад, в Нуширван. Была одна вещь, которую она не могла сделать, даже если могла бы предотвратить террор и

смерть, которые Инезия замышляла. Она не могла оставаться здесь, когда континенты находились на краю гибели. Тем не менее она не решалась. Солнце, которое лежало низко на востоке, заняло характерное для середины утра положение. Пыль от полумиллиона неустающих ног поднялась в воздух, как серый туман. День обещал быть жарким и душным. Двое мужчин тащились к ней, неся третьего. Один из них сказал:

— Здесь, кажется, не будет места для моего больного брата.

Другой наклонился к тому, который был без сознания, и сказал устало:

— В чем дело? Он выбрал значительно лучший путь, по сравнению с нами.

— Я займу подстилку,— сказал первый из говоривших.— Мой брат в очень плохом состоянии. Он...

Заметив, что говорит, стоя спиной к женщине, он замолчал, затем повернулся к Лоони.

— Я надеюсь, что вы не будете возражать, если я стащу его,— он указал на Холройда,— с постели. Мой брат без сознания.

Лоони посмотрела на него. Требование было таким вызывающим, и она подумала, что плохо расслышала. Она собралась ответить, но мужчина уже наклонился и стал стаскивать Холройда с подстилки.

Она схватила его за руки и оттолкнула. Его пальцы впились в ее кисти, он опрокинулся назад, увлекая ее за собой. Он был сильным, его воля была упорной и непреклонной. А ее желание оттолкнуть его было погребено под тяжестью мужского тела. Через мгновение тело любимой изнеженной жены Нушира было изрядно помято. Она уже истощилась в борьбе, когда его шепот достиг ее ушей:

— Отправляйся в Нуширван!— прошипел он.— Отправляйся в Нуширван! Я встречу тебя во дворце Котахей... позже...

Лоони похолодела. Затем стала трясти мужчину в неистовом удивлении, но он внезапно посмотрел на нее расширившимися глазами, в которых светился ужас. Он задохнулся в изумлении.

— Я, должно быть, обезумел. Не знаю, что это нашло на меня. Прошу прощения.

Она была слишком обессилена, чтобы чувствовать сожаление. Она откинулась назад, на подстилку, и тотчас же выпрямилась в испуге — тело Пта исчезло.

Через некоторое время потрясение от удивления прошло. Она узнала мужчину, который произнес те слова, о Нуширване. Пта обдумывал их все то время, пока Инезия могла услышать, находясь рядом. Он не хотел, чтобы Инезия знала, что он может перемещать себя из тела в тело. Он не хотел, чтобы Инезия заподозрила, что он — божественный Пта, и поэтому у него была причина организовать это происшествие и незаметно скрыться.

— Если вы не будете возражать,— сказал знакомый мужской голос,— я сейчас положу своего брата на эту подстилку.

Лоони пристально вгляделась в усталое лицо. Но его лицо не выказывало никакого признака того, что она высматривала. Возможно, мужчина служил Пта. И у нее теперь были инструкции. О т п р а в л я й с я в Нуширван! Тем не менее она все еще колебалась, потому что Инезия должна убедиться, что она здесь.

Мысль подобна сверкнувшему кинжалу. Справа от нее, на высокой стене, что-то двинулось. Затем слева.

Приставные лестницы с солдатами замельтешили внизу. Минут через пять они перетекли в «больничный» район, перекрыли ворота и выстроились вдоль «больничной» изгороди, безжалостно растаскивая со своего пути подстилки вместе с людьми. В действие были приведены большие светлые пилы. Главная стена начала осыпаться. Не более чем через десять минут снизу до самого верха в ней было проделано отверстие шириной в пятнадцать футов. Через него въехала женщина на чудовищном гримбе.

Женщина была высокой и стройной. Ее карие глаза были яркими, почти янтарными. Лицо худощавое, тонко очерченное и спесивое. Это выражение непомерной гордости и позволило Лоони узнать величественное создание. В выборе Инезии не было ничего удивительного. Зард Аккадистрана каждым дюймом своего тела давала понять, что она королева, полностью отвечающая задаче быть правительницей более чем двадцати миллиардов человек. Вопрос заключался лишь в том, была ли действительно Инезия в этом теле?

Гримб остановился. Солдаты двинулись вперед, образуя кольцо, внутри которого грациозно двигалась Зард Аккадистрана, улыбаясь мужчине, лежащему на подстилке. Она вгляделась в лицо Лоони, затем отшатнулась назад, а ее глаза расширились в испуге.

Она попыталась говорить, потом сделала непроизвольный жест в сторону незнакомца, который лежал на под-

стилке, как будто хотела изменить эти чужие черты на обличье, которое желала бы увидеть. С заметным усилием она сдержала себя, прожужжав низким, злым голосом:

— Где он, этот невероятный идиот? Где он? Несколько минут назад он еще был здесь.

Теперь, подумала Лоони, *теперь*, в эту минуту, она должна убедить обезумевшую правительницу, что ее собственные ложные выводы о том, что случилось с Пта, когда он побывал в божественном кресле, были верными. Дрожа, она произнесла те слова, которые доставили Инезии большое удовольствие, потому что впервые за все длительные годы заключения Лоони наконец победила.

Грубо, коротко, насколько можно было сказать без какой-то подготовки, позволявшей легче разыграть позор, следовало ответить. Встряхнувшись, она сказала:

— Так ты столкнулась со своим старым затруднением, Инезия. Даже богиня не может быть в двух местах одновременно.

Это позволило ей легче сделать очередной шаг. Она продолжала утомленно:

— Ну, не в этом дело, я подумала, что предоставлю ему такой же шанс, как и у этих бедных негодяев. Я отправила его в толпу. Инезия...

Она умолкла. Ее лицо выражало явную внутреннюю борьбу. Она думала: «Ты самодовольная дура, а это дело жизни или смерти. Тот факт, что Пта не хочет, чтобы Инезия знала, доказывает, что у него нет достаточного могущества, чтобы открыто противодействовать ей. Он нуждается во времени, чтобы планировать свои действия, обдумывать их. Дело не в том, чего это будет стоить,— она должна видеть чего добьется». И сказала натянутым, задыхающимся голосом:

— Инезия, благодарю тебя. Ты понимаешь, я благодарю тебя за то, что ты не начала эту ненужную войну. Ты победила. Если ты хочешь властвовать над Аккадистраном и Гонволаном, чтобы слить их в одну империю, ты можешь осуществить это десятком обычных способов, например смешанными браками, заставляя, если это будет необходимо, но только без массовых убийств. Пожалуйста, Инезия, пожалуйста, не начинай эту войну...

Она видела, что глаза женщины, подобные мерцающим дискам, изменились — изменение было таким явным. Теперь эти глаза вглядывались в нее. Донесся насмешливый голос Инезии-Зард:

— Бедная Лоони! Как всегда, ты не способна подняться над своей человечностью. В твоих словах видна плохо скрытая истеричность, приближающаяся к сентиментальности. Знай, моя дорогая, что богиня должна быть подобна ветру, который несет дьявольские запахи, такие, как аромат полевых цветов. Уверяю тебя, я не своенравное грубое существо. Просто чуждые народности не поглощаются естественно, и я теперь заявляю, что дни этих народов сочтены. Это свершится.

Лоони сказала тускло:

— Это то, чего уже в прежние дни боялся Пта; он видел, что это росло вокруг него: жесткое отношение к человеческим слабостям, безжалостное пренебрежение расой, из которой мы, все трое, вышли. Это препятствовало тому, чтобы появился звероподобный бог, объединившийся с расой. Он...

Она умолкла, так как увидела, что женщина не слушает ее. Зард, чье тело заняла Инезия, повернулась, вглядываясь в массу людей, которые рассыпались на огромном пространстве, потом медленно сказала:

— Так он ушел? Ну, ему не удастся убежать. Еще никто не убегал отсюда. Я покажу портрет Инезио стражникам, и, когда его вернут, меня предупредят. Я хочу лично увидеть его мертвым,— она оглядела Лоони, и улыбка скривила ее губы.— Ты будешь рада узнать, что этим утром я отдала приказ о нападении на Гонволан. Никто не в состоянии остановить те силы, которые я привела в движение. Даже я не могу остановить их.

Ее улыбка стала дикой.

— А теперь мы посмотрим, что произойдет, когда один генерал в двух телах планирует стратегические операции обеих враждующих армий. Ну, прощай, Лоони, дорогая. Я сохраню твое тело для тебя. Я хочу уничтожить вас вместе.

Она повернулась и энергичными шагами пошла назад к гримбу. Через десять минут каменщики заделали дыру в ограждении.

Лоони не могла решить, что же ей делать. Она стояла вблизи ворот, борясь с желанием броситься к людям, заполнявшим внутреннее пространство. Конечно, это было бесполезно. Даже Инезия, с ее желанием найти Пта, только поглядела на то бескрайнее море людских голов и поняла тщетность попыток искать среди них одного человека. Она не должна заниматься глупостями. Она должна отпра-

виться в Нуширван, для того чтобы выполнить то, что она запланировала,— и ждать Пта. Невероятно важно дать знать ему об объявлении войны Инезией. Она не могла рассказать об этом Пта, пока они не встретятся в условленном месте. Что он будет делать, когда узнает правду, она понятия не имела. Нападение казалось окончательным решением, способным уничтожить даже молитвенную силу Пта, которой он сейчас не имел.

Безнадежность охватила ее. События становились слишком трагичными для любого человека. Приказ о нападении был отдан, назревала кульминация злодейства богини. Ночью тренированные скриры-убийцы Зард перелетят через узкое древнее море Тета. Лоони выбросила эти мысли из головы и почувствовала жалость к Найе, которую должна была покинуть здесь. И послала себя к Нуширвану.

Глава 22

Меж стен смерти

Несмотря на занятые подстилки, Холройд преодолел расстояние от собственной до ближайших ворот секунд за пять. Достигнув ворот, он втиснул себя с безжалостной силой в людскую массу, которая волновалась на краю «больничной» территории.

Бросив назад последний взгляд, он увидел, что Лоони все еще борется с человеком, который пытался положить своего брата на подстилку Холройда. Никто больше, особенно женщины, не двигались. Если Инезия была там, в каком-то больном женском теле, она не смогла бы увидеть, куда он делся.

Похоже, что он в безопасности. Он попробовал выйти на более открытую местность. Вместо одного человека на один квадратный фут поверхности здесь был один на каждые два квадратных фута. Разница была несущественной, тем не менее он двигался более свободно. Казалось, он движется в песке или море. Но отличие было. Оно преследовало его в течение двух фантастических часов, которые последовали за этим. Медленно созревало решение найти тайное убежище. Это должно быть место, где он мог бы безопасно оставить свое тело. Бессмысленно это было делать здесь, в океане бесчисленных дрейфующих людей.

Пришла ночь. Часом позднее он все еще боролся меж тем, оставаться ли ему у высокой главной стены, которая ограждала один из флангов «больницы», чтобы быть затоптанным толпой, или поискать что-то другое. Наверняка существовали входы и выходы, ведущие в лагерь, которые, естественно, охранялись, но не в этом дело. Он подошел, наконец, к мужчине, который выглядел скорее разумным, чем запуганным. Холройд крикнул:

— Как нам отсюда выбраться? И куда?

Мужчина мельком глянул на него.

Десятки других людей бросили на него бессмысленные взгляды. Было похоже на то, что он бьется головой о массивную стену, стремясь доказать свою правоту. Он перестал сопротивляться движению толпы и позволил себе медленно двигаться круговыми движениями, оценивая местоположение.

Он должен найти такое место, где его тело не будут топтать. Физически он был захвачен этим людским потоком, по крайней мере до тех пор, пока не найдет места, защищенного от внешнего воздействия. Свою сущность он мог сберечь, но телесная оболочка, если она достанется Инезии, не будет уже в его власти. А сейчас он был захвачен... захвачен этой чудовищной массой людей. Должен существовать какой-то выход, должен. Он снова вглядывался, когда расслышал голос.

Потребовалось мгновение, чтобы запеленговать его направление. Он увидел человека, стоящего наверху главной стены, футах в пятидесяти в стороне, с мегафоном в руках. Так как звук проносился над толпой, он слегка угасал. Вдали он совершенно не был слышен, но Холройд смог разобрать, что человек говорит:

— Плотники... и люди, умеющие обращаться с боевыми скрирами, пусть подойдут к столярным ямам, за тем скатом.

Человек прошелся по стене, а затем повторил свой призыв. Сосед Холройда сказал:

— Это уловка, чтобы заманить нас к крутому скату. Я останусь здесь.

«Трюк,— подумал Холройд, нажимая в направлении, указанном диктором,— и очень остроумный. Жертвы обдумывали способы, чтобы убить или защитить себя от скриров, потому что генеральный штаб Аккадистрана придумал тренировочные способы для больших птиц в максимально приближенных к реальным условиях».

Плотничья яма была идеальным местом, откуда ночью можно было отправить свою сущность в Нуширван. Кроме того, не принесет вреда узнать кое-какие вещи о боевых скрирах на практике. Чтобы достигнуть дальней стены, ему потребовалось значительно меньше времени, чем он ожидал. Толпа здесь была не такой уж густой. Более смелые мужчины и женщины слонялись поблизости от крутого ската, но их храбрость выражалась в том, что они были первыми. Копьеносцы разбили их на группы по сто человек и повели каждую группу к отверстию в стене. Это были сильные люди, те, которые выходили из-за этого ската. И если там в агонии стенали жертвы, звук их голосов был невнятным из-за гама будущих жертв.

Теперь Холройд смог видеть то, что называлось плотничьей ямой: пространство с высокими стенами, построенными напротив главной стены. Дважды, когда он глядел на них, копьеносец пытался включить его в группу-сотню. Бесстыдно и с безрассудной скоростью он побежал, протискиваясь через редеющую толпу. Прямо перед входом в яму, откуда доносился звук деревянных и каменных молотов, стояла толпа. Негодование, проснувшееся в Холройде, бросило его к воротам. Послышался резкий крик:

— Назад, в линию! Жди своей очереди! Я продырявлю тебя!

Пришли удары и принуждения-подталкивания. Но его сила была сравнима с бульдозером. Через пять минут он уже был у ворот. Там стояла дюжина мощных мужчин, половина из них была вооружена легкими пиками с каменными наконечниками, другая половина с луками и стрелами, готовыми слететь. Они носили на голове украшения с перьями — знаки различия. Судя по наибольшему количеству перышек, один из них был офицером. Холройд педантично отметил, что перышек четыре. И направился в сторону офицера. Поначалу его встретило яростное сопротивление личности... затем:

— Этот человек следующий!— крикнул он глубоким голосом и указал на свое собственное тело, которое стояло, высокое, худое, с загорелым лицом, зажатое между несколькими другими телами. Он подождал, пока два копьеносца схватят его тело, затем вернулся в него и оказался в плотничьей яме.

Плотничья яма была площадью около двухсот квадратных ярдов. И, как он заметил, протянулась под массивной главной стеной шириной сто ярдов. Холройд сделал паузу,

позволяя своему мозгу схватить общую картину. Там были скамейки, ряды из них, и у каждой скамейки — один-два человека, которые работали. Они, казалось, должны были бесконечно заменять дерево и камень. А их орудия состояли из горшков с клеем и светлых пил.

Холройд следил, очарованный, как человек на ближайшей скамье пилил один камень. Инструмент не оставлял никаких следов на пальцах, но проходил через камень, как горячий нож сквозь масло. Впервые он увидел отличие инструментов во вспомогательных подразделениях гонволанской армии. Тогда он не осмелился проявить особый интерес, теперь же у него было время.

Когда он повернулся, чтобы уйти, толстый мужчина заспешил к нему.

— Ты новенький, а?— резко спросил он.— Сюда, пожалуйста. Мы покажем тебе, над чем мы бьемся, и ты будешь работать. Это твой номер, триста сорок семь.

Номер был на ленте, которую человек быстро привязал на левую руку Холройда, под локтем. И нетерпеливо проговорил:

— Не потеряй это. Не позволяй кому-нибудь другому сорвать его. Любой человек, который не хочет работать или которого застанут без номера, когда нас будут отбирать для жертвы, пойдет первым. В противном случае идут по очередности,— закончил он.— Нас здесь две сотни. И, за исключением боссов, мы совершаем оборот каждые два месяца. Отличие между нами и другими в том, что мы получаем пищу три раза в день, они же получают только утром и никогда не протягивают дольше, чем один месяц. Мы идем, запомни: сто сорок седьмой был с последней партией. Вопросы есть?

Холройд понял, что пристально смотрит на номер этого человека — сто пятьдесят три. Он означал то, что, возможно, это был последний день его жизни. Он глядел еще и еще, холодея, чувствуя горячее нетерпение.

— Добрый человек,— сказал Холройд,— я вижу, ты не трусишь даже перед лицом ада. Как тебя звать?

— Кред, сэр,— ответил мужчина и разразился грубым смехом.— Чтобы я делал в Нуширване, зовя вас сэр! Идите прямо.

Хохотнув, Холройд последовал за ним. Он не сделал ошибки, когда разыграл незнание могущества своего тела после того, когда оно побывало в божественном кресле. Он очнулся после длительного процесса напряженного позна-

ния, как зверь, с чувствами, заостренными в агонии. Только там не было и не могло быть никакой агонии. И не было зверя. Только Питер Холройд, капитан, танковый корпус США, приобретший необычную и специфическую возможность проецировать свою сущность куда бы то ни было.

Это было грандиозное могущество: его ранние анализы уязвимости Нуширвана убеждали его в этом. Но его собственное могущество отвечало необходимости справиться с управляемым Инезией правительством и с ее способностью посылать собственное тело через пространство.

К тому же он определил, что его прежняя логика также была корректной. Кресло было всего лишь источником запасенного могущества, которое, однажды использованное, могло пополняться из источника божественной силы лишь искренними молитвами женщин. Он сразу же определил, что должен практически раздвоиться. Для того, чтобы слышать беседу между Инезией и Лоони, оправдывающейся в своем обмане. Никогда запечатанные губы Лоони не были способны сказать ему так много. Теперь у него вырисовывался смутный, достаточно мрачный план: так она намерена напасть? Если бы ему удалось предотвратить атаку, то Инезия была бы обречена на гибель.

Она могла оставаться колдуньей, но одну вещь о людях она забыла. Или презирала. Или, возможно, никогда не знала: человеческий характер уничтожит богиню Земли, е с л и...

— Мы на месте,— сказал Кред.

Холройд видел, что высокий сероглазый и седоволосый человек стоял у парапета. Мужчина повернулся, когда Кред сказал:

— Командир, это — новенький. Я покажу ему.

— Да,— сказал старик равнодушно.— Покажи!

Глава 23

Пища боевых скриров

Поначалу Холройд видел только скриров, летающих взад и вперед над огромной ареной. Огромное пространство вокруг нее было заполнено людьми, следящими за спектаклем. Но это было только окружение, которое он мельком заметил. Рои скриров, стаи скриров. Потом увидел,

что только одна из каждых десяти летающих чудовищных птиц несла на своей спине наездника, но летели они слаженно, как самолеты в строю. Внезапно, точно по сигналу, группа из десяти птиц метнулась вниз и упала на поверхность арены. И только сейчас Холройд заметил, что внизу были жертвы. Сотни мужчин и женщин, в основном мужчин, но женщины там тоже были. Холод сжал его мозг, как металлический обруч, а глаза были прикованы к душераздирающему зрелищу. Холройд внимательно наблюдал сражение внизу. Жертвы защищались. У них были грибообразные щиты, которые они держали над собой и из-за которых тыкали в своих прожорливых врагов длинными пиками. Птицы уклонялись от пик с натренированным проворством, и как малиновки выдергивают червяков из земли, так и они выхватывали мужественных бойцов. Это продолжалось минуты четыре. Наконец сотни детенышей скриров зароились у их жилища справа, в высоком каменном доме, и приступили к трапезе.

— Они откармливают свой молодняк мясом?— спросил Холройд упавшим голосом. Казалось, командир не расслышал, но Кред, взглянув на Холройда, решил ответить. Но прежде чем он успел что-то сказать, Холройд свирепо прорычал:

— Невероятно! Хотел бы я знать, что за дьявол выдумал эти грибообразные щиты?

Еще более удивленный, Кред открыл рот, чтобы возразить, но в это время седовласый человек, который стоял тут же, произнес угрюмо:

— А я могу спросить...

И умолк. Повернувшись, он, казалось, увидел Холройда впервые. Его глаза расширились. Он покрутил головой, словно потрясенный невероятностью увиденного, затем выдохнул:

— Принц Инезио! Принц... Инезио?

Он упал на колени. Слезы градом покатились по его лицу. Он схватил руку Холройда и начал ее целовать.

— Я знал это,— шептал он.— Я знал, что богиня рано или поздно кого-то пришлет. Я знал, что это бесчинство не может продолжаться долго. О, хвала богине, хвала богине!

Холройд заставил себя стоять спокойно. Это было очень тяжело, потому что ярость переполняла его, ярость такая беспредельная, что, казалось, его тело готово было разлететься вдребезги. До этого мгновения он был спокоен и

холоден, как ледяные горы Нуширвана — такие холодные снаружи и такие горячие внутри, колеблющиеся под действием двух ужасных противоположных сил. Теперь это равновесие было нарушено. Хвала богине! Что за чудовищное бесстыдство?! Благодарить богиню! Гнусную, бесстыдную и похотливую ведьму! Негодную, распущенную и кровожадную дьяволицу!

Безумная ярость угасла, погашенная пониманием того, что командир узнал в нем Инезио и его вера в богиню может оказать помощь в его собственном плане.

Он сказал мягко:

— Встаньте, маршал, и храните свою веру в течение предстоящих дней. Богиня действительно послала меня,— он произнес это без малейшего колебания,— и наделила огромным могуществом для борьбы с ужасным грехом здесь.

И закончил:

— Но неужели, маршал, вы не могли изготовить более подходящее оружие против этих птиц-убийц, чем эти деревянные зонтики?

Маршал выпрямился. Удивительно, как изменилось выражение его лица. На нем еще оставались слезы, но он решительно вытер их и звонким голосом сказал:

— Изготовили, сэр. В самом деле. Я здесь с самого начала похищения граждан Гонволана, семь лет. И уже собирался дать испытать этим,— он сделал жест рукой в направлении арены и копошащихся на ней птиц,— чтобы попробовать одну из моих неплохих идей в действии. Взгляните!

Он быстро сбежал по ступенькам и принес шест с зазубренным наконечником.

— Этот длинный, легкий и крепкий шест из обычного гандового дерева, имеет один раздвоенный конец. Защищающийся захватывает крюком шею скрира, когда тот мчится к нему, затем мгновенно втыкает его в землю. Летающий скрир очень любопытная птица, не слишком умная, с ограниченными способностями к усваиванию инструкций. Те, кто,— офицер указал на небо,— тренирует их уклоняться от ударов пик, считают, что если они ошибаются, то падают вниз, давя людей своими жесткими кожистыми панцирями, защищающими их.

Тех, кто захватит крюком скрира, раздавит их массой, но общий эффект заключается в том, что птицы окажутся на земле и их будет гораздо легче поразить пикой или стрелой. Конечно, многие погибнут, но, как вы можете

видеть, появится определенная возможность для обороны. Если вы желаете, со следующей сотней я пошлю несколько человек, вооруженных У-образными шестами.

— Пошлите двух,— сказал Холройд.— Они не смогут продержаться против миллиардов скриров, но есть причина для предосторожности.

«Не следует,— думал он,— чтобы богиня связывала изменение в тактике жертв-гладиаторов с его исчезновением в толпе». Губы растянулись в усмешке, обнажив зубы, когда он глядел, как вооруженные У-образными шестами бойцы убили четырех скриров, прежде чем были атакованы с различных направлений птицами и убиты.

Это было то, что нужно.

Через час он уже был уверен в этом. Пройдет много времени, прежде чем успеют сделать необходимые приготовления; существовали и другие вещи для изучения и приобретения командирского опыта. Но были и определенные ограничения. Этой ночью он должен бежать. Каждый лишний час в столь малом районе давал богине гораздо больше шансов обнаружить его. И это будет фатальным для него. Ночью он должен бежать, этой же ночью!

Глава 24

Море Тета

Носилки приготовили для его тела. Предупрежденный Кред и командующий не выказали удивления и страха. Затем Холройд занял тело старшего офицера, командовавшего людьми, приносившими пищу,— это было только начало. Спокойно офицер-Холройд приказал, чтобы подняли носилки. Двое солдат выполнили это распоряжение без колебаний, остальные тоже ничего не сказали.

Потом был коридор, затем ярко освещенное здание, в котором сильно пахло готовящейся пищей. Коридор делился надвое — одна часть направлялась на сорок пять градусов вправо, другая — точно на такой же угол влево. Большинство людей шло в левый коридор, но Холройд направил несущих его тело вправо. Они подошли прямо к двери и уже начали спускаться по каменным, освещенным тусклым светом ступенькам, когда находившийся там офицер встал и взглянул на тело. Он попытался что-то сказать, когда существо Холройда перетекало в его мозг.

Офицер вступил в здание решительной походкой и возглавил процессию, двигаясь по коридору к открытой двери, которую Холройд заметил, когда он и двое его носильщиков проходили мимо нее. Внутри комнаты с открытой дверью сидели люди: они пили какую-то бледно-пурпуровую жидкость, которая могла быть виноградным соком. Он оставил тело старшего офицера и перескочил в мозг другого. Человек, в которого он перескочил на этот раз, ждал на ступеньках, слишком напыщенный, чтобы управлять собой. Под руководством Холройда он заторопился за несущими носилки копьеносцами.

Они вышли на длинную, широкую и плохо освещенную улицу, которая ограничивалась с одной стороны огромной стеной. Вид барьера привел его в нервную дрожь. Стена! Внешняя стена лагеря для людей. С удивлением он заметил, что сверху ее патрулируют солдаты. Один из них задержался и насмешливо глянул на неподвижную фигуру Пта.

— Вниз по этой улице!— приказал Холройд копьеносцам, которые вопросительно ждали.— Там есть двуколка, которая приберет эту падаль.

Он шагал уверенно во главе двух солдат, изучая окружающую местность быстрыми цепкими взглядами. Они находились на холме; необычная арена тоже была на холме, а справа было открытое пространство. Слева виднелось много дорог с рассыпанными домами вдоль некоторых. Дороги тянулись прямо к городу, за которым была гавань, заполненная кораблями. Город высился слева, но Холройд позволил себе бросить в ту сторону только один небрежный взгляд.

Гавань располагалась в той части города, которая лежала прямо. Путь до нее займет много времени. Он может достичь берега, овладеть телом капитана и... Нет, подожди! Он почувствовал нетерпение. Черт побери! Он забыл о своем сверхъестественном могуществе, которое давало ему возможность проецировать свою сущность в других. В самом деле овладеть кораблем? Лучше захватить скрира, чтобы долететь до Гонволана за несколько часов. Нет времени для медлительных кораблей или любых других средств передвижения...

Его мысль оборвалась, когда он увидел, что стоит с копьеносцами и носильщиками у открытого пространства. Холройд указал на группу деревьев.

— Положите его там, внизу,— сказал он и отпустил

солдат, которые ушли по дороге с обычной для нижних чинов уверенностью, что они сделали все как полагается, а иначе и быть не может.

Как только люди исчезли из вида, Холройд заставил офицера последовать за ними. Весь путь назад к стене и в здание он оставался с офицером, а затем вернулся назад, в тело Пта. Ухмыльнувшись про себя, он вскочил на ноги и начал спускаться вниз по холму. Темнело и это сулило большую удачу здесь, на открытой местности, где не было освещения.

Он удивился тому, что офицер думал, выполняя приказы. Должно быть странно, когда тобой управляют. Должно оставаться какое-то смутное воспоминание о совершенных действиях. Парень мог убедить себя, что его действия никем не направлялись. В глубине души Холройд надеялся на это.

Он свернул на ту дорогу, вдоль которой он мог видеть дома, похожие на фермы. Беглый взгляд на запад — и он понял, что через полчаса кромешная тьма распластается над землей. Одно за другим Холройд изучал здания, и в одном из небольших домиков заметил признаки постоянного движения.

Холройд долго возился с замком на двери загона для скриров, наконец открыл его и проскользнул внутрь. Пара пылающих глаз раскачивалась, глядя на него. Сдерживая нетерпение, Холройд подошел ближе. Птица не сопротивлялась, когда он оседлал ее и надел удила... Понятное дело, это было домашнее животное, а не боевой убийца-скрир. Он вывел ее наружу. После нескольких попыток он все-таки взобрался на нее. Необычная луна показалась над восточным горизонтом, когда он взлетел, держа курс через море Тета.

Утро наступило, когда птица приближалась к поросшей лесом береговой полосе. Нескончаемые холмы и леса, или это только так казалось после двух часов полета на скорости, которая не могла быть меньшей, чем сто миль в час.

Если бы только, наконец подумал Холройд, ему удалось найти какое-либо убежище, любого рода место, где он был бы уверен, что его тело не будет побеспокоено, пока он спроецирует свою сущность в Нуширван! Прошло уже полчаса, а подходящего места все еще не было. Внезапно необычная мысль пришла в голову. Холройд откинулся на хвост скрира. Обвив его лапы стременами и развалившись на широкой спине, он мог бы находиться в безопасности лучше, чем где бы то ни было. Через минуту после такого

умозаключения, его тело осталось уже далеко позади него.

Сквозь тьму он зондировал пространство своей сущностью, покрывая огромные расстояния в ночи, окружавшей его. Теперь он знал, что это движение отличается от любого, и понимал, в чем это отличие. Короткие путешествия были простыми движениями через пространство в несколько ярдов. А это было совсем другим.

У него было особое чувство, подталкивающее его вперед, ж а ж д а движения, которую приносило само движение. Холройд сделал привал и уравновесился, исследуя окружающее пространство, ожидая впечатлений. Но вокруг не было света, звука или давления какого-либо рода. Вселенная состояла из черной пустой тишины, и он был один в огромной пустоте.

Поколебавшись, он позволил себе вернуться в собственное тело. Некоторое время лежал спокойно, затем повернул голову в том направлении, где должен был быть Нушырван, и снова стал зондировать.

Потом задал себе вопрос: что ему нужно? Откуда он это знает? Что сказала Инезия? Что невозможно почувствовать присутствие сущности, когда она в теле. Но когда она была вне тела, так, как сейчас, изучая зондированием непроницаемую ночь? Возможно, подумал Холройд, он был слишком высоко в воздухе.

Он поглядел вниз. Было такое впечатление, что он падает, но он пересилил себя. Наконец он почувствовал что-то. Давление? Оно было знакомым и становилось все сильнее и сильнее. «Вода?»— подумал он. Но не был в этом уверен. Он вспомнил о том, как входил или покидал тела, управляемые им. Это была значительно более глубокая сила, это было грубо и одинаково неприятно; приглашение к контакту было недоброжелательным или насильственным в некотором роде. А сейчас, должно быть, вода... Он все еще над морем Тета.

Убедившись, Холройд заспешил. Он должен быть очень близко от земли, потому что только несколько мгновений прошло после того, как он почувствовал отличие. Земля!

Нельзя было останавливаться, нужно было преодолеть горы, которые простирались еще на сотни миль между ним и великой столицей Котахей. Он точно оценил расстояние, снизившись там, где клубок очень грубых, сильных давлений указывал на присутствие жизни. Он остановился на ближайшем и почувствовал потрясение, сходное с ударом электрическим током.

Женщина! «Внимание»,— подумал Холройд. Ко второму давлению он приблизился более осторожно, но там не было чуждой ауры, не было сопротивления. Он вошел в тело, и очутился в маленькой городской конторе. Холройду было достаточно незначительного изучения, чтобы понять, что он находится в двадцати пяти милях к северу от столицы.

Второе его тело оказалось солдатом, идущим по рыночной площади в пригороде Котахея. У него появилось стесняющее чувство от разноцветных зданий и детских голосов, затем он поменял тело. Третье тело было во дворце Нушира. Это был один из секретарей Нушира, очень крупный усатый юноша, который знал, что в данный момент Нушир в комнате рядом со своей женой Калией.

Со своей женой Калией, улыбнулся Холройд, когда заставил юношу уйти по коридору. Через минуту он вглядывался в Калию глазами Нушира. Она говорила:

— Важно ввести в твоих крепостях и фортах порядок, когда женщин размещают отдельно и лишают всякого оружия. Немедленно пошли своих полномочных представителей к вождям мятежников: маршала Маарику, Дилину, Ларго, Сарату, Клауду и других. Предложи им отпустить всех похищенных и дать им свободно пройти через нашу страну. Объясни, что ты не в состоянии противостоять Зард Аккадистрана, которая одновременно является Инезией.

Холройд оборвал ее мягко:

— Лучше повремени с инструкциями, Лоони. Я могу оставаться здесь только для встречи с тобой. Здесь мы можем встретиться физически.

Сказав это, он улыбнулся...

Глава 25

Свидание в Котахей

Ответ Лоони задержался на долгое время. Глаза пухленькой Калии увлажнились. Руки ее задрожали. Она подалась вперед и наконец прошептала:

— Пта!

Потом вскочила и бросилась к нему, схватив его за руку.

— Пта!— наполовину выкрикнула она.— Пта, она при-

казала напасть! Ты понимаешь? Она уже приказала напасть.

— Хорошо!— сказал Холройд.

В словах Нушира это прозвучало, по-видимому, несколько иначе, чем собирался сказать он сам. Блондинка отшатнулась и потрясенно глядела на него. Холройд смотрел на нее.

— Не будь дурой!— угрюмо сказал он.— Сейчас мы ничего не можем сделать, чтобы помешать ей осуществить свои замыслы. Но если мои выводы верны, то все это нам на руку. Мы можем чувствовать симпатию к этим дьяволам, которые намерены погибнуть, но мы не должны ввязываться в опрометчивые действия.

И тут же продолжил:

— Поскольку Нушир теперь знает наш секрет, нужно точно установить, на какой стороне он теперь и в будущем. Я надеюсь начать с того, что личность, которая может планировать дьявольское нападение Аккадистрана на Гонволан, не станет тратить времени и мыслей на Нушира Нуширванского.

А в конце я хочу дать ему понять, что он проживет до глубоких лет. Взамен он должен провести определенные перемены в своем правительстве. Я имею в виду ограниченную монархию в течение его жизни. А потом — я не знаю. Я не могу спокойно видеть парламент, представляющий восемьдесят или восемьдесят пять миллиардов жителей, члены которого, не важно сколько их, слишком далеко отошли от своего народа.

Местные правительства, кажется, в порядке. Я не вижу причины, почему бы потомкам Нушира надо играть отличную от других роль. Он может принять это или отвергнуть. Я уверен, у него есть резон принять это предложение.

Холройд сделал паузу, почувствовав на себе трагичный взгляд Лоони. Он вспомнил, что его тело находится на спине гигантской птицы и что он вряд ли стал бы привязывать его, если бы знал, что эскадроны летающих боевых скриров Зард выступили в поход. Он сказал поспешно:

— Главное то, чтобы нам соединиться физически. А чтобы это сделать, я должен определить, где точно находится мое тело, и для этого мне нужна твоя помощь.

Он объяснил, как он летел на юг с фермы, где похитил скрира, через море Тета и затем на запад, к необитаемым берегам Гонволана. Лоони оборвала его.

— Ну, конечно. Там есть огромный лес Пта, на востоке от города Пта. Если ты последуешь своим прежним курсом, ты вскоре окажешься над заливом, где три реки встречаются и текут в древнее море. Земля у южного берега представляет собой четыре или пять островов. Жди меня там. Я приду в теле, в котором ты меня видел, когда я вскарабкалась на Великий Утес,— улыбнулась она.— Это единственное законное свободное тело, которое я теперь занимаю.

Она замолкла. Потом сказала:

— Пта, у тебя есть план? Я имею в виду...— она сделала жест,— настоящий план, один из тех, которые по-настоящему уничтожат и низвергнут Инезию?

— У меня есть идея,— медленно сказал Холройд,— и непоколебимая вера в человеческий характер. У меня есть оборонительное оружие, которое сбережет миллиарды жизней. У меня есть возможность проникать в мозг каждого человека где бы то ни было, включая удельных императоров. Но если Инезия ухитрится завладеть моим настоящим телом, прежде чем я буду готов к действиям, это будет ударом для нас обоих. Только этот ответ я могу тебе дать.

Голубые глаза смотрели на него озабоченно, но пухлое лицо Нушира ничего не выражало, поэтому она спросила:

— Сколько времени пройдет, прежде чем ты начнешь действовать?

Холройд вздохнул. Ему бы хотелось, чтобы она не задавала этого вопроса. На него было слишком сложно ответить. Его первые расчеты относительно времени, которое должно было пройти, давали ему срок в четыре-пять месяцев. Если принять во внимание то, что он подписал полномочия на смерть Лоони, которые были отсрочены на шесть месяцев, и то, что часть этого срока уже прошла, оставалось не более пяти месяцев. Даже мысль об этом заставила его вздрогнуть. Через пять месяцев боевые скриры Зард учинят бойню на севере Гонволана. Мужчины, женщины, дети будут гибнуть сотнями миллионов. Города падут под пятой захватчиков, оставив ужасные сцены, и это будет концом мира, превышающим всякое воображение.

Возможный размер бедствия не будет сильно отличаться от того, который люди испытали во время Второй мировой войны. Нужно убить страх, не поддаться ему; терпеливые приготовления осуществить за час до событий, когда с дьяволом можно еще покончить одним решительным и сокрушительным ударом.

Холройд выбросил ужасные картины из своей головы.

— Я увижу тебя в дельте и объясню все. А теперь, до свидания.

Через десять минут он вернулся в свое тело и увидел серебряное сверкание трех рек, описанных Лоони. А через два дня Лоони тоже прибыла туда.

Глава 26

Вторжение в Гонволан

Остров был зеленым идиллическим миром. Его холмы и прогалины жили своей маленькой жизнью: в каждом кусочке джунглей на деревьях зрели фрукты. Не было опасности для двоих: тощей загорелой женщины и высокого, темноволосого мужчины, скрывавших свои тела. Они ждали, когда могущество потечет к Холройду, могущество, которое означало бы, что женщины молились и что победа возможна. Проходили дни и недели.

Время было нескончаемо. Они проецировали себя в чужие тела на всех континентах Земли, тела значительных людей: правителей, маршалов, высокопоставленных чиновников и чиновниц, удельных владык и мятежных командиров.

Это было медленное, кропотливое дело, похожее на копание траншей; континент был слишком велик, слишком много людей имели порабощенные умы и придерживались консервативных взглядов. Слишком много людей в отдаленных городках яростно говорили:

— Но ведь богиня не объявила о войне с Аккадистраном. Где же свиток с Имперским указом? Ты говоришь неправду!

Богиня не предупреждала нас!

Да, она не предупреждала! Слухи просачивались, подобно болезни: торговцы, чьи караваны междугородних гримбов и скриров возвращались с неудачей и которым нелегко было заткнуть рот, сообщали о том, что творится на границах страны. Беженцы стекались на юг, разнося весть о терроре. Но от богини не было ни одного слова. Где-то, представил Холройд, Инезия плетет интриги или хохочет, когда думают о ней.

Лоони и Холройд были в Пта.

Ночью город стал жертвой нападения. Они стояли на

холме, с которого открывался вид на море и город, и занимали тела супружеской пары, читая афишу, уже виденную ими раньше:

«Этой ночью не должно быть света в городе из-за босвых скриров Зард. Бедствие обрушилось на наши земли в результате призывов безбожных мятежников и их бездумному нападению на Нуширван. Верьте в богиню! Верьте в богиню! О Колла! О Пта!»

Холройд сказал нетерпеливо:

— Удивительно, что она не поняла раньше, что темнота сыграет на руку захватчикам и затруднит оборону. Мы увидим многое из этого как раз перед нападением.

Лоони тянуло ближе к тени дверного прохода, но она ничего не сказала. Темнота сгущалась. Облака плыли через бездымное небо над головой. Город под ним был объят тьмой. Передние массивы зданий смутно росли в кромешной ночи. Но город в ней был — невидимый уже, но осязаемый. Вечный Пта. Город света, древний дом Сверкающего, Божественного Короля Веков.

Этот Пта — в темноте! Впервые за всю его грандиозную историю в нем не было света. Пта растворился в ночи, стал бесформенным подобием холмов на западе.

Из темноты пришла Лоони. Пятна звезд, которые пробивались через окна в облаках, придавали странное, печальное выражение ее еле различимому лицу. Она прошептала:

— Можем ли мы сделать что-то? Должны ли мы оставаться простыми зрителями? Пта, девять золотых городов на западе нало. На востоке Лира, Гали, Ристерн, Танис и сорок три города на северо-востоке страны; и все на восточном побережье, и на севере, кроме величественного Калурна.

— А ночью и сам город Пта,— монотонно сказал Холройд.— Нет, Лоони, мы ничего не можем сделать. Даже в случае, если мы вмешаемся, мы будем действовать с минимальной пользой и...

Он остановился. Она почувствовала, как его тело напряглось. Его темная тень повернулась, вглядываясь на север, в темноту.

— Слушай!

Лоони тоже прислушалась. Подобно тому, как громкий ветер предупреждает о циклоне, донесся звук, правда, не похожий на ветер. Ужасающий звук несся с черного неба на севере:

— С-к-р-р-и-и-и-р-р...

.....

Звук был похож на сигнал. Грубый, чужой, ужасный крик огромных прожорливых птиц разнесся по Вселенной. Сто тысяч, пятьсот тысяч, десять миллионов летающих скриров пронзительно вопили в полуночном небе. Ночь стала безумной бойней.

Позже, когда все осталось позади и они очутились на острове, Холройд неистовствовал:

— Я разорву ее на мелкие кусочки. Я...

Его ярость утихла. Потому что он и в самом деле знал, что собирается сделать с Инезией, дикой женщиной.

Но так было не везде. Большие и малые группы войск сражались при помощи У-образных шестов и копий... подошла армия. Холройд следил за большими успехами на востоке, наблюдал, как некоторые подразделения летали на скрирах, чтобы защитить города от захватчиков. Иногда они побеждали, держались день, неделю, пока генеральный штаб нападавших не собирал превосходящих масс боевых скриров, которые подавляли любое сопротивление.

В истории войн, казалось Холройду, не было такой армии, которую удалось создать Гонволану. Ее снабжение пищей могло продолжаться не более нескольких дней. Огромные массы людей обезумели от голода и ели своих гримбов и скриров, с подозрением поглядывая друг на друга. Дважды Холройд видел, как люди ели людей.

И все же ничего не оставалось делать, как ожидать и ОЖИДАТЬ. Много раз они обговаривали свои планы и положение, женщина в мертвом теле и мужчина, чьи темные глаза пылали неистовством, увеличивающимся день ото дня по мере возрастания того ужаса, который он видел. Яростное негодование росло в его душе.

— В действительности оно очень просто, это божественное могущество,— вздохнул Холройд однажды ночью, когда они сидели на траве, сплошь покрывающей остров.— Прежде всего, ты можешь проецировать свою сущность; давай будем звать ее душой. Далее — это возможность перемещать свое тело через пространство. Мало чего еще можно добавить к этому. Решающим дополнением является возможность перемещаться сквозь прошлое время, медленно в непосредственное прошлое, но с помощью другого круга божественной власти быстро пересекать парал-

лельные точки от одной спирали времени к другой, прыжки через двести миллионов лет.

Можно добавить и другие виды могущества на расстоянии, а именно путешествие умов, в которое Инезия брала меня. Удивительно для меня то, что чары Пта не представляют ничего большего, чем гипноз, мысли, помещенные в обоих умах — твоем и Инезии, которые даже она, несмотря на все ее могущество, не была способна преодолеть.

Мягким голосом в темноте Лоони сказала:

— Старый Пта знал человеческие возможности. Он открыл, что нет мозга, который бы прочно удерживал более шести команд-вопросов в течение большого периода времени. Если ты подумаешь над шестью, отобранными тобой, то поймешь, как тщательно он делал свой выбор.

Холройд устало кивнул, но той ночью не сказал ничего больше. Через месяц он нарушил долгое молчание между ними.

— Твой прежний Пта, что он любил? И почему он сливался с расой? Из всех внешних проявлений это была величайшая ошибка, которую он когда-либо делал.

Худая женщина покачала головой и громко сказала:

— Погляди на себя, Питер Холройд. Ты — Пта, я знаю, прежний Пта, великий, горячий, знающий Пта. Погляди на себя, говорю я, и ты увидишь Пта таким, каким он был,— потом добавила тихим голосом: — и каким он будет.

Прежде чем Холройд смог что-либо сказать, она печально продолжила:

— Как будто слияние с расой значит то, что кажется бедствием. Но он говорил, что мог чувствовать в себе темные, чужие, бесчеловечные понукания, которые он должен отбросить возвращением источника — жизненной силы людей. Если его страхи были справедливы, если он становился более греховным, тогда то, что мы сейчас видим — не бедствие, а перерождение надежды. Я могу сказать себе, что все, что желал Пта, я могу видеть в тебе. Подспудное знание, что есть правда, что грех не будет процветать, возможность приспособиться и ударить врага его собственным оружием и не потерять ничего, что будет добротой. Не терпеть порока, не уменьшать честных устремлений.

Почти не дыша, она ждала. Затем выдохнула один вопрос:

— Пта, ты чувствуешь себя сильнее? Ты чувствуешь рост?

И, как всегда, с мрачным удовлетворением Холройд ответил:

— Да... да, чувствую.

На сто двенадцатую ночь их ожидания произошло что-то реальное.

Ежедневный тест сработал. Он мог перемещать свое тело через пространство. А на сто тринадцатое утро он смог взять Лоони с собой без использования воды в качестве катализатора. После этого они поглядывали друг на друга, довольные результатами. Наступило время действий.

Глава 27

Падение богини

Подобно духам, они материализовались в темнице, где было заковано настоящее тело Лоони.

Много времени ушло на то, чтобы расковать цепи. Пилы не могли перегрызть металл.

Время уходило на то, чтобы заменить тело мертвой женщины, которую поместили на место Лоони, чтобы в скудном освещении казалось, что цепи удерживают ее.

— Не кажется ли тебе,— сказала Лоони,— что мое тело не так уж важно, чтобы с такими трудами освобождать его от оков? Ты сможешь сделать другое тело, которое я займу в круге власти. Но я уверена, она придет сюда, когда узнает, что ты жив. Она придет сюда, чтобы уничтожить меня.

— Не будь слишком смелой и неосмотрительной,— стал бранить ее Холройд.— Твое тело играет важную роль, потому что мы будем подстерегать ее сразу после нашего выступления против нее. Но теперь давай получим эту личную собственность и наши тела поместим в соседнее помещение. Мы снова будем нуждаться в них, когда закончится наше путешествие. Оставлять наши тела где попало — опасно, но...

«Следующая остановка,— думал он,— тело высокопоставленного чиновника во дворце Гадира, в Аккадистране».

Человек стоял у окна, которое выходило на могучую

столицу Аккадистрана, когда Холройд, оказался в его теле. Перед ним простирался город. Холройду, который видел слишком много городов, он представлялся всего лишь одной из многих конструкций из бетона и мрамора. Уголком своих глаз он увидел, что одна из женщин в комнате лениво сместила пальцы. Холройд повернулся от окна и посмотрел на нее более пристально. Теперь ошибки не могло быть, ее пальцы подавали знаки: «Лоони!» Они договорились, что оба должны делать при появлении, и сделали это уверенно.

Улыбаясь, Холройд подошел к Зард и, как только она узнала его, вонзил ей в сердце нож. Это был безжалостный и коварный удар, но он помнил о тех миллионах людей, которых рвали на куски скриры. И знал, что неважно, как будет уничтожено это тело, занимаемое Инезией, важно было сделать это!

Человек за ним закричал:

— Дельд, ты — убийца!

Холройд не сделал никакой попытки защитить тело, которое он занимал. Копья пронзили его, вызвав ужасную боль. Его мозг вибрировал от ужасных ран, нервы кричали.

Ошеломленный, он переместился из умирающего тела в тело главного министра Зард, который спешил к месту действия и который вскрикнул от изумления. На какое-то время Холройд воздерживался от слов, затем сделал заявление:

— Необходимо немедленно собрать кабинет. Маршал, соберите генеральный штаб для обсуждения вопроса о выводе наших армий из Гонволана. Стража, убрать всех из помещения за исключением брата и сестры Зард; особенно уберите всех женщин.

Лоони была сестрой Зард.

Только одна из женщин оказала сопротивление. В ярости она прокричала:

— Слишком поздно, Лоони, ты слишком опоздала. Ты выжидала слишком долго. Через три месяца весь Гонволан будет оккупирован. Прямо сейчас я отправляюсь во дворец-крепость и уничтожу твое настоящее тело, дура!

«Женщина,— с удовлетворением подумал Холройд,— тебе даже не удалось определить, что за человек убил Зард и что он не кукла в руках Лоони».

Для окружающих же он громко произнес:

— У нее, должно быть, истерика!

Лоони в теле сестры Зард подошла к нему и быстро прошептала:

— Я никогда не думала, что она не подозревает, что ты жив. Это упрощает дело. Она отправит свое тело в опечатанную комнату во дворце, затем пойдет в темницу. Мы должны оказаться там раньше ее. Этих людей можно оставить на время.

Проделано это было настолько быстро, насколько это вообще было возможно. В своих собственных телах они ждали во тьме темницы. Ждали Инезию. Внезапно в комнате стало светлее. Когда кружащаяся тень материализовалась и успокоилась, она оказалась прямо перед ними.

— Как мило, дорогая Инезия,— сказала Лоони,— что ты не обманула наших надежд и пришла сюда.

Голубые глаза золотистой богини расширились. Она вгляделась в Лоони, затем в Холройда. Ужас отразился на ее лице.

— И не пытайся покинуть свое тело и отправиться за помощью,— мрачным голосом сказала Лоони.— Мы расставили во внутренних помещениях стражу и приказали не пропускать никого, кроме богини. Все они мужчины.— Она повернулась к Холройду.— Поторопись, Пта! Цепи! Она пытается растаять.

Мгновение казалось долгим. Безумие отразилось на лице Холройда, вслед за тем он вцепился в нее. Круг за кругом ее извивающееся тело обвивалось холодными неразрушимыми цепями. Тошнота подступила у него к горлу, когда Лоони поднесла раскаленное металлическое звено, и он заклепал его на месте и остудил холодной водой, чтобы закалить. Это была неприятная работа, теперь не существовало человеческих мускулов, которые были бы в состоянии разорвать цепь.

Лоони сказала:

— Не пугайся, дорогая. Ты будешь здесь, в заточении, до тех пор, пока Пта не станет достаточно сильным, чтобы уничтожить твою способность быть в круге власти. Смертной снова, тебе будет разрешено жить так, как ты пожелаешь, в мире и удобстве. Могла ли ты надеяться на более достойное наказание?

— Идем отсюда,— пробормотал Холройд.— Мне плохо.

Но на выходе он вгляделся в пустые глаза создания в цепях.

— Ты забыла одну вещь, Инезия,— сказал он.— В слу-

чае великой опасности люди сами приходят к своей религии. Бессмысленны попытки твоих солдат лишить их молитвенных жезлов; просто их более тщательно прятали.

Религия, как ты видишь, это не просто обожание бога или богини. Религия — это страх. Религия — это искра, которая высекается, когда мысль о смерти или опасности поражает человека. Она — мина. Она вырастает из тьмы и неуверенности.

В большом кризисе, который ты так безнравственно развязала, было естественно, что женщины молились за солдат, своих мужей и любимых. Они никогда не пожалеют об этом, я уверен.

Сказав это, он повернулся и вышел за дверь, где его ожидала Лоони.

Вместе они закрыли и опечатали дверь.

Вместе они вышли из темноты к свету.

Империя атома

1

Младшие ученые всю ночь дежурили у веревок колоколов, готовые возвестить новость о рождении. Ночью они обменивались грубыми шутками о причине задержки. Однако следили, чтобы их не услышали старшие или посвященные.

Ребенок родился за несколько часов до рассвета. Он был слабый и худой, а некоторые его особенности привели в отчаяние отца. Его мать, леди Таня, проснувшись, некоторое время слушала жалобный плач, а затем ядовито заметила:

— Кто напугал маленького негодяя? Он как будто боится жить.

Ученый Джоквин, старший во время родов, принял ее слова за дурное предзнаменование. Он считал, что мать не должна видеть уродца до следующего дня, но теперь он считал, что должен действовать быстро, чтобы отвратить бедствие. Он торопливо приказал рабыням прикрыть колыбель со всех сторон, чтобы отразить любую злую радиацию, которая может проникнуть в спальню.

Когда удивительная процессия входила в комнату, леди Таня, приподнявшись, с удивлением, переходящим в тревогу, смотрела на нее. Она терпеливо выносила мужу четверых детей и поэтому знала, что происходит нечто необычное. Леди Таня не была кротким существом, и даже присутствие ученого в комнате не остановило ее.

Она с яростью спросила:

— Что происходит, Джоквин?

Джоквин в отчаянии посмотрел на нее. Ну разве она не знает, что каждое слово, произнесенное в этот период со злым настроением, обрекает ребенка на несчастную судьбу? Он испуганно заметил, что она собирается продолжать, и обратился с мольбой к атомным богам спасти его.

Он сделал три быстрых шага к ней и ладонью закрыл ей рот. Как он и ожидал, женщина была так изумлена его поведением, что не начала отчаянно сопротивляться. И к тому времени когда она пришла в себя, колыбель наклонили, и через ее рукоять она впервые увидела ребенка.

Собиравшаяся в ее голубых глазах буря рассеялась. Мгновение спустя, Джоквин мягко убрал руку и медленно отступил к колыбели. Он стоял там, дрожа от того, что он сделал, но постепенно, так как словесная молния не ударила в него с кровати, сознание правильности сделанного возобладало в нем. Он обрадовался и впоследствии всегда утверждал, что спас положение, насколько его можно было спасти. И почти забыл о ребенке.

Он пришел в себя от вопроса, заданного леди Таней опасно спокойным голосом:

— Как это случилось?

Джоквин чуть не допустил ошибку, пожав плечами. Он вовремя удержался, но прежде чем он смог ответить, женщина сказала уже более резко:

— Конечно, я знаю, что это атомные боги, но когда это случилось, по-твоему?

Джоквин был осторожен. Ученые храмов обладали достаточными данными, чтобы знать, что контролирующие боги могут действовать случайно и их трудно ограничить датами. Тем не менее мутации не совершаются, когда плоду в чреве матери исполняется месяц, поэтому время приблизительно можно определить. Не позднее января 533 года после варварства и не раньше... Он помолчал, вспоминая дату рождения четвертого ребенка леди Тани. И вслух закончил подсчеты:

— Несомненно, не раньше 529 года после варварства.

Женщина теперь более внимательно посмотрела на ребенка. И Джоквин тоже. И удивился, поняв, как много он раньше не позволял себе видеть. Сейчас впечатление у него было даже хуже. У ребенка была слишком большая голова по сравнению с хрупким телом. Плечи и руки подверглись наиболее заметной деформации. Плечи опуска-

лись от шеи под острым углом, отчего тело казалось почти треугольным. Руки перекручены, как будто кость, а с нею мышцы и кожу повернули на 360 градусов,— каждую руку нужно будет развернуть, чтобы привести в порядок. Грудь ребенка была чрезвычайно плоской, и все ребра торчали сквозь кожу. Грудная клетка опускалась вниз гораздо больше, чем у нормальных детей.

И все. Но вполне достаточно, чтобы леди Таня с трудом проглотила комок. Джоквин, взглянув на нее, понял, о чем она думает. Она допустила ошибку, за несколько дней до родов похвастав шись в тесной компании, что пятеро детей дают ей преимущество перед сестрой Чрозоной, у которой только двое, и над сводным братом лордом Тьюсом, которому его язвительная жена родила только троих. Теперь преимущество будет на их стороне, потому что, очевидно, у нее не может быть больше нормальных родов и они догонят или даже перегонят ее.

Будет также немало остроумных замечаний по ее адресу.

Все это Джоквин прочел на ее лице, пока она твердеющим взглядом смотрела на ребенка. Он торопливо сказал:

— Это худший период, леди. Через несколько месяцев или лет результат будет относительно... удовлетворительный.

Он чуть не сказал «человеческий». И почувствовал на себе ее взгляд. Он беспокойно ждал, но она только спросила:

— Лорд-правитель, дед ребенка, видел его?

Джоквин склонил голову.

— Лорд-правитель видел ребенка через несколько минут после его рождения. Единственное его замечание сводилось к тому, что я должен установить, если это возможно, когда вы были поражены.

Она ответила не сразу, но глаза ее сузились еще больше. Тонкое лицо застыло. Наконец она взглянула на ученого.

— Я полагаю, вы знаете,— сказала она,— что причина может быть только в небрежности одного из храмов?

Джоквин уже подумал об этом, но теперь взглянул на нее с беспокойством. Раньше ничего не предпринималось по поводу так называемых «божьих детей», но сейчас Джоквину пришло в голову, что Линны будут рассматривать это как особый случай. Он медленно ответил:

— Пути атомных богов неисповедимы.

Женщина, казалось, не слышала. Ее холодный голос продолжал:

— Я полагаю, ребенок будет уничтожен. И можете быть уверены, что в течение месяца столько ученых вытянут шеи, сколько свет не видел.

Рассерженная, она была не очень приятным человеком, леди Таня Линн, сноха лорда-правителя.

Источник мутации легко установить. Прошлым летом леди Тане надоело отдыхать в одном из имений на западном берегу, и она вернулась в столицу раньше, чем ее ожидали. Ее муж, главнокомандующий Крег Линн, проводил дорогостоящую реставрацию своего дворца. Ни сестра, живущая на другом конце города, ни мачеха, жена лорда-правителя, не пригласили леди Таню к себе. Волей-неволей она вынуждена была остановиться в городском дворце.

Этот комплекс зданий, хотя он по-прежнему содержался государством, не использовался в качестве жилья уже несколько лет. Город сильно разросся, и уже давно вокруг дворца выросли коммерческие дома. Из-за недостатка предвидения у предыдущих поколений окружающие дворец земли не были объявлены государственной собственностью, а теперь было бы неразумно отбирать их силой. Особенно Линнов раздражало неумение предвидеть выгоды одного участка. На нем был расположен храм, примыкавший к крылу дворца. Он не раз вызывал головную боль у леди Тани. Оказавшись во дворце, она обнаружила, что единственная пригодная для обитания его часть примыкает к храму, а три лучших дворцовых окна выходят прямо на свинцовую стену храма.

Ученый, построивший храм, принадлежал к группе Рахейнла, враждебной Линнам. Весь город был возбужден, когда об этом стало известно. И то, что участок в три акра оставался во владении храма, делало оскорбление еще более явным. Линны до сих пор не забыли его.

Агенты лорда-правителя при первом же обследовании установили, что небольшой участок свинцовой стены радиоактивен. Они оказались не в состоянии определить источник радиации, потому что стена в этом месте оказалась требуемой толщины. Но они доложили своему хозяину. К полуночи следующего дня после рождения ребенка было принято решение.

Незадолго до двенадцати вызвали Джоквина и предло-

жили изложить ход событий. Еще раз Джоквин держал в руках собственную жизнь.

— Правитель,— сказал он, обращаясь к великому человеку,— ваше справедливое негодование ведет вас к серьезной ошибке. Ученые — это люди, которые, обладая полным контролем над атомной энергией, выработали независимость ума и поэтому не воспримут легко наказание за случайный проступок. Мой совет: оставьте ребенка в живых и спросите мнение Совета ученых. Я порекомендую им покинуть храм рядом с городским дворцом, и, думаю, они согласятся.

Сказав это, Джоквин взглянул на лица сидевших перед ним. И понял, что с самого начала допустил ошибку. В комнате находилось двое мужчин и три женщины. Мужчины — серьезный, строгий лорд-правитель и полный лорд Тьюс — единственный сын леди Лидии от первого брака. Лорд Тьюс в отсутствие лорда Крега, мужа Тани, сражавшегося на Венере, исполнял обязанности главнокомандующего.

Женщины — леди Таня, еще в постели, ее сестра Чрозона и жена лорда-правителя Лидия, мачеха двух младших женщин. Леди Таня и ее сестра не разговаривали друг с другом, но общались через лорда Тьюса. Тот легко справлялся со своей ролью посредника и, как казалось Джоквину, искренне забавлялся этим.

С надеждой смотрел Джоквин на леди Лидию, пытаясь понять ее мнение. Он считал ее необыкновенно злобной женщиной. Из-за нее общий характер поведения семьи Линнов радикально изменился. Красивая, средних лет женщина с прекрасными чертами лица, она была опаснее любого хищника. Постепенно ее интриги, как щупальца спрута, охватили все правительство, и каждый, затронутый ими, учился, как иметь с ней дело. Контринтриги, заговоры, планы, постоянное насилие, сознание неизвестной опасности, которая может обрушиться в любое время,— такова была цена. Постоянное напряжение отрицательно сказалось на Линнах. Они были полны ядом. Напряженные и нервные, несчастливые и медлительные, сидели они в комнате; мысли их скрыты, но поступки предсказуемы — и все из-за этой женщины.

Тем не менее именно в леди Лидии искал Джоквин ключ к тому решению, которое будет принято. Высокая, стройная, поразительно хорошо сохранившаяся, она была главным двигателем разрушения. Если у нее есть мне-

ние — а у нее всегда есть мнение,— значит, она уже начала действовать. И если она убедит своего склонного к компромиссам мужа предпринять какие-либо действия, сцена готова для разрушения.

И хотя он определил по их манерам, что его вызвали по чисто психологическим причинам, Джоквин заставил себя верить, что с ним советуются. Но эту веру трудно было сохранять. У него было впечатление, что они слушают его слова как пустую формальность, не обращая на них ни малейшего внимания. Лорд Тьюс взглянул на мать, слегка улыбнулся. Она опустила веки, как бы скрывая мысль. Две сестры с застывшими лицами продолжали смотреть на Джоквина. Лорд-правитель ослабил напряжение, кивком отпустив ученого.

Джоквин вышел, дрожа. У него появилась дикая мысль предупредить оказавшихся в опасности храмовых ученых. Но он отказался от этой мысли, как от безнадежной. Его послание не выпустят из дворца. В конце концов он прошел к себе, но не мог уснуть. Наутро ужасный приказ, которого он боялся всю ночь, был вывешен для всеобщего сведения. Джоквин посмотрел на него — приказ был прост и безоговорочен.

В соответствии с приказом все ученые храма Рахейнла должны быть повешены до темноты. Имущество храма конфискуется, само здание сравнивается с землей. Три акра храмовой территории превращаются в парк.

В приказе не говорилось, что парк отходит к городскому дворцу, но оказалось именно так. Приказ был подписан твердой рукой самого лорда-правителя. Прочитав его, Джоквин понял, что участь храмовых ученых решена.

2

Ученый Олдин вообще не испытывал предчувствий, тем более их не было у него, когда он медленно шел к храму Рахейнла. Вокруг него расцветало утро. Взошло солнце. Мягкий ветерок веял на улице Пальм, на которой стоял его новый дом. Мысли ученого представляли собой обычный калейдоскоп счастливых воспоминаний и спокойной радости, что простой деревенский ученый за десять лет сумел стать главным ученым храма Рахейнла.

В этих воспоминаниях был единственный случай и ставший истинной причиной его быстрого продвижения.

Более одиннадцати лет назад он как-то сказал другому младшему, что, поскольку атомные боги передали некоторые тайны механической силы людям, стоит подольститься к ним экспериментальными методами, чтобы выведать и другие тайны. И, очевидно, есть зерно истины в легенде о городах и планетах, сверкающих атомной энергией и светом. Олден невольно вздрогнул при этом воспоминании. Только с течением времени понял он размеры своего богохульства. А когда на следующий день тот младший холодно сообщил ему, что проинформировал главного ученого, это казалось концом всех его надежд.

Но, к его удивлению, это было началом нового этапа в его карьере. Через месяц его вызвали для разговора с приехавшим ученым Джоквином, который жил во дворце Линнов.

— Мы поощряем молодых людей, чьи мысли не идут по проторенным дорогам,— сказал Джоквин.— Мы знаем, что для молодежи характерны радикальные идеи, а по мере того, как человек становится старше, он обретает равновесие между своей внутренней сущностью и потребностями мира. Другими словами,— закончил ученый, улыбаясь младшему,— имейте свои мысли, но держите их при себе.

Вскоре после этого разговора Олден был назначен на восточный берег. Оттуда год спустя он перебрался в столицу. Становясь старше и приобретая все большую власть, он обнаружил, что радикализм среди молодежи встречается реже, чем говорил Джоквин. Годы власти принесли понимание глупости его тогдашних слов. В то же время он гордился ими, как будто они отличали его от других. Став главным, он понял, что радикализм — единственный критерий, по которому отбираются кандидаты для продвижения. Рассматривались только те рекомендации, в которых у кандидата указывались хоть малейшие отклонения от стандартного мышления. Это ограничение имело одно счастливое последствие. Вначале жена Сидена, решившая быть властью за властью храмов, объявила себя единственным судьей в деле продвижения. Юные храмовые поэты навещали ее, когда Олден отсутствовал, и читали свои стихи.

Когда они обнаружили, что ее обещания ничего не стоят, их визиты прекратились. Олден обрел мир в доме, а жена его неожиданно стала более пылкой...

Его размышления кончились; Олден увидел, что люди

собрались вокруг храма Рахейнла. Толпа, крики и гул имели в себе что-то неприятное. Он подумал: «Несчастный случай?» И заторопился вперед. Он даже рассердился, когда ему не уступили дорогу. Разве они не понимают, что он главный ученый? Увидев в нескольких десятках футов от себя стражников дворца, он уже открыл было рот, чтобы позвать их на помощь, когда что-то остановило его. До сих пор все его внимание сосредоточивалось на храме. Теперь, повернувшись, он увидел окружавший его парк.

Пятеро юных поэтов Сидены висели на ветвях дерева на краю храмовой территории. На большом дереве шестеро младших и трое ученых еще судорожно дергали ногами. Олден застыл, парализованный. И тут же несколько посвященных, кому на шею набросили веревки, закричали. Их крик оборвался, как только повозка, на которой они стояли, выехала из-под них.

Ученый Олден поспешил из толпы на ватных ногах. Он наталкивался на людей, шатался как пьяный и лишь смутно сознавал окружающее. Если бы он единственный в толпе вел себя так, его тут же заметили бы и потащили на виселицу. Но казнь захватила толпу врасплох. Каждый новый прохожий, подошедший, чтобы посмотреть, что происходит, испытывал ужас. Женщины падали в обморок. Некоторых тошнило, другие стояли с остекленевшими глазами.

Выбравшись из толпы, Олден вновь приобрел способность мыслить. Он увидел открытую калитку, нырнул в нее и поплыл — совершенно новое ощущение в ногах — сквозь кусты, и тут только сообразил, что находится на территории городского дворца лорда и леди Крег Линн.

Это было самым ужасным моментом за все утро. В ловушке, и по собственной вине! Олден упал за густыми кустами и лежал в полуобмороке от испуга. Придя в себя, он понял, что впереди длинное надворное строение и что путь к нему защищен деревьями. Олден не смел вернуться тем путем, каким пришел сюда, не смел и оставаться на месте. Он поднялся на дрожащих ногах и вскоре уже лежал, съежившись, в длинном узком примыкавшем к конюшне, амбаре, где хранилось сено.

Это тоже было не очень хорошее укрытие. Амбар оказался почти пустым, и только в дальнем конце, ближайшем к конюшне, лежало сено. В него он и забился. Едва он успел улечься, как дверь конюшни открылась. Сверкнули

вилы с четырьмя остриями — и унесли груду сена. Конюх пинком затворил дверь, послышался удаляющийся звук шагов. Олден лежал, затаив дыхание. Он только начал приходить в себя, как — бум!— открылась другая дверь, вилы выхватили еще одну груду сена и исчезли.

Несколько минут спустя произошло новое вмешательство. За тонкой стеной, отделявшей это помещение от конюшни, остановились рабыня и конюх. Конюх, очевидно, солдат, а не раб, спросил:

— Где ты спишь?

— В западной рабской казарме.— Она отвечала с неохотой.

— Какой матрац?

— Третий.

Он, казалось, задумался. Потом:

— Я приду в полночь и лягу с тобой.

— Это против правил,— дрожащим голосом сказала девушка.

— Не будем думать о правилах,— грубо сказал солдат.— Пока.

Он ушел, насвистывая. Девушка не двигалась. Потом послышались чьи-то быстрые шаги. Девушка зашептала что-то, но слова ее были неразборчивы. Ответила другая женщина:

— Это второй раз с момента его появления на прошлой неделе. В первый раз мы подсунули ему старую Эллу. Он в темноте и не заметил, а она охотно пошла. Но, очевидно, придется им заняться. Я скажу мужчинам.— Они разошлись в разные стороны.

Олден, которого разгневало поведение солдата, теперь рассердился еще больше... «Эти ничтожные рабы! Заговор против граждан!»

Его поразило, что между рабами существует связь. Он слышал и раньше, что многие мелкие рабовладельцы стали очень осторожны из-за убийств. И вот он получил доказательство, что слухи эти справедливы.

Олден стал думать: «Мы должны повышать мораль владельцев и,— глаза его сузились,— с помощью силы сломить организацию рабов. Нельзя допускать такие нарушения!»

Гнев его мгновенно исчез, когда в ста футах от него открылась еще одна дверь. Олден инстинктивно сжался и больше не думал о проблеме рабов.

Несмотря на нервное потрясение, к полудню он вер-

нул способность нормально размышлять. Вначале он понял, почему ему удалось избежать облавы, в которую попали все остальные. Лишь две недели назад он переехал в новый дом на улице Пальм. Солдаты, очевидно, явились по старому адресу, а затем им нужно было пересечь весь город, в результате он вышел из дома до их посещения.

От такой случайности зависело его спасение! Олден задрожал, потом в нем поднялся гнев несправедливо осужденного. Ярость подкрепила его силы, и он наконец оказался способным к характерному для него четкому логическому мышлению. Очевидно, он не может оставаться в пределах городского дворца. На помощь пришли воспоминания, незначительные детали, которые он замечал в прежние годы, не сознавая этого. Он припомнил, что через каждые несколько ночей в ворота дворца привозят сено. Судя по пустоте амбара, новый запас скоро прибудет. Значит он должен выбраться до этого.

Олден начал пробираться направо, припомнив, что там имелись ворота. Однажды он мельком видел сквозь них конюшню. Если проникнуть в конюшню, а потом в те ворота... Хорошо бы переодеться! В конюшне должны висеть рабочие комбинезоны. Лучше бы женскую одежду из-за длинных волос, которые отращивали ученые.

То, что ему нужно было, он нашел в правом углу конюшни, отведенном для дойных коров. И он и животные молчали, пока он торопливо натягивал рабочую одежду, которую молочницы надевают поверх платья.

Городской дворец, переставший быть резиденцией Линнов, превратился в сельскохозяйственный и чиновничий центр. У ворот дежурили солдаты, но они не стали расспрашивать неуклюжую рабыню, вышедшую уверенным шагом, как будто ее послали с важным поручением.

Вечером Олден с тыла подходил к храму Ковиса. Когда перед ним показались свинцовые стены, он снова начал нервничать. Он боялся, что сейчас, когда безопасность уже рядом, может что-нибудь случиться. Робко постучал он в боковой вход и, дрожа, стал ждать.

Дверь открылась неожиданно, но Олден был так напряжен, что отреагировал немедленно и мимо удивленного младшего шмыгнул в затемненный коридор.

Лишь когда тот закрыл дверь, так что они остались почти в полной темноте, Олден назвал себя удивленному молодому человеку.

3

Медрон Линн, лорд-правитель, шел по улице Линна. В последние годы он реже выходил в город, но, как и всегда, он испытывал любопытство и возбуждение, когда у него была определенная цель. Только так мог он оправдать затраченное время и усилия.

Его окружало обычное количество телохранителей, но они были специально обучены для таких выходов: как солдаты в увольнительной, они шли впереди и за ним, как будто их совсем не интересовал худой болезненный человек с кремниевым лицом, любой приказ которого становился законом на Земле и других планетах.

Лорд-правитель отыскивал рынки в наиболее населенных районах. Вид многоцветных товаров напоминал ему о его молодых годах, когда эти части города были тусклыми и мрачными, а уровень мастерства ремесленников был чрезвычайно низок. Торговцы ворчали и сердились, когда в начальные годы своего правления он приказал, чтобы дома сдавались лишь тем, кто будет их ярко раскрашивать, а торговые лицензии получали лишь те, кто торгует высококачественным товаром. Под давлением конкуренции весело раскрашенные дома повлияли на внешность всего города, а требование на товары хорошего качества вызвало повышение мастерства ремесленников.

Лорд-правитель Линн вынужден был пробиваться сквозь толпу покупателей и продавцов. Рынок был заполнен людьми с холмов и из-за озера, было также значительное количество жителей других планет с удивленными глазами. В такое время лучше всего завязываются разговоры.

Он заговаривал только с теми, кто не узнавал в этом небритом человеке в мундире отставного солдата правителя. Потребовалось немного времени, чтобы выяснить, что тысячи агентов, которых он разослал с заданием пропагандировать его точку зрения, проделали хорошую работу. Он и сам встретил семерых таких агентов, и трое завязали с ним разговор. Пятеро фермеров, трое торговцев и два работника, с которыми он заговорил, на критические замечания лорда-правителя ответили проправительственными лозунгами, которые они могли услышать лишь от его людей.

Неплохо, сказал он себе. Значит, первый вызванный

им кризис разрешился благополучно. Лишь одно поколение отделяло Линнскую империю от длительной гражданской войны, которая и привела семейство Линнов к власти. Сборщики налогов все еще приносили мало денег. Одной из причин тяжелого финансового положения были храмы. Ученые держали народ так прочно, как никто в прошлом. Так казалось лорду-правителю. Храмовые обряды обладали гипнотической властью, а специально подготовленные люди внушали собравшимся необходимость пожертвований. В особенности этому подвержены были женщины, так что храмы даже сдерживали их, иначе они отдали бы все свое имущество. Мужчины же, часто занятые на войне, менее поддавались власти храмов. За счет огромных доходов храмы содержали орды ученых, старших и младших, и посвященных. Армия храмов была так огромна, что почти в каждой семье был хотя бы один родственник, который учился, чтобы стать ученым.

Лорд-правитель пришел к мысли — и совсем не нужно было, чтобы об этом напоминала Лидия,— что нужно попытаться нарушить эту гипнотическую власть. Пока этого не произойдет, финансовое положение империи останется напряженным. В самом Линне торговля расцветала, но в других городах она восстанавливалась гораздо медленнее.

Продолжались несколько завоевательных войн, три из них на Венере против венерианских племен. Цель, которую он перед собой поставил — объединение Солнечной системы,— требовала, чтобы такие экспедиции обеспечивались любой ценой. Что-то нужно было принести в жертву. И лорд-правитель выбрал храмы, как единственного реального конкурента правительства в получении доходов.

Лорд-правитель остановился перед лавкой керамики. У хозяина была внешность линнца. Он, несомненно, гражданин. Только мнение граждан имеет значение. Хозяин был занят обслуживанием покупателя. Ожидая, лорд-правитель снова подумал о храмах. Ясно, что ученым не удалось восстановить престиж, утерянный во время гражданской войны. За немногими исключениями, они все поддерживали Рахейнла до того самого дня, когда он был схвачен и убит. Ученые тут же присягнули на верность новому режиму, а тогда у него не было достаточно сил, чтобы отвергнуть присягу. Однако он никогда не забывал, что их временная монополия на атомную энергию чуть не приве-

ла к восстановлению прогнившей республики. И если бы им удалось это, то казнен был бы он.

Торговец заключил сделку и двинулся навстречу потенциальному покупателю. Но тут лорд-правитель заметил, что один из прохожих узнал его. Ни слова не сказав торговцу, лорд-правитель торопливо отвернулся и зашагал по улице.

Члены Совета ученых ждали его, когда он, убедившись в прочности своей позиции, вернулся во дворец.

Встреча была нелегкой. Из семи членов Совета присутствовало шестеро. Седьмой, поэт и историк Коурайн, как сообщил Джоквин, заболел. На самом деле он испытал приступ страха, узнав об утренних казнях, и немедленно выехал в отдаленные храмы.

Из шестерых по крайней мере трое явно не надеялись выйти живыми из дворца. Оставались только трое: Мемлис, историк, воин, смелый седовласый старик лет восьмидесяти; Тиор, логик, волшебник арифметики, который, как говорили, получал сведения о числах непосредственно от богов; и, наконец, сам Джоквин, который много лет служил посредником между храмовой иерархией и правительством.

Лорд-правитель своими желтыми глазами оглядел собравшихся. Годы власти придали его лицу сардоническое выражение, которое сохраняли даже скульпторы, опасаясь нарушить сходство с оригиналом. Ему в это время было около пятидесяти лет, и несмотря на худобу, он обладал отличным здоровьем. Он начал с холодного, обдуманного и уничтожающего обвинения храма Рахейнла. А кончил так:

— Завтра я выступлю перед Патронатом с объяснением по поводу своих действий относительно храма. Надеюсь, Патронат примет мои объяснения.

И впервые за все время чуть улыбнулся... Никто лучше него не знал, что раболепный Патронат в политическом смысле не осмеливается даже мигнуть без его разрешения.

— Я сделаю это,— продолжал он,— а также попрошу рассмотреть многочисленные петиции о реорганизации храмов.

Молчаливые члены Совета зашевелились. Трое, ожидавшие смерти, со слабой надеждой взглянули друг на друга. Один из них, Горо, человек средних лет, сказал: «Ваше превосходительство может рассчитывать на нас...» Его ос-

тановил гневный взгляд Мемписа. Он подчинился, но постепенно храбрость вернулась к нему. Он сказал: лорд-правитель знает, что он на его стороне, и от этого испытывал огромное внутреннее напряжение и облегчение, как человек, спасший свою шкуру.

Джоквин учтиво говорил:

— Как уже подчеркнул Горо, мы все будем счастливы выслушать ваши слова.

Лорд-правитель угрюмо улыбнулся. Он достиг критического момента в своей речи и заговорил с точностью юриста.

— Правительство,— сказал он,— согласно наконец разделить храмы на четыре обособленные группы, как давно того хотят ученые.— (Они впервые услышали о таком плане, но ни один из них не возразил.)— Как давно уже утверждают ученые,— продолжал лорд-правитель,— противоестественно, что четырем атомным богам: Урану, Плутонию, Радию и Эксу,— поклоняются в одних и тех же храмах. И соответственно ученые разобьются на четыре самостоятельные организации и распределят между этими организациями все храмы.

Каждая группа будет поклоняться только одному богу и его атрибутам, продолжая выполнять свои практические функции по поставке превращенной божественной энергии в соответствии с распоряжениями правительства. Каждая группа будет возглавляться не Советом равных, как в современных храмах, а единым руководителем, для которого будет подобран соответствующий титул. Руководители четырех групп будут избираться пожизненно объединенным комитетом из представителей правительства и делегатов храмов.

Речь продолжалась, но дальше шли детали. Совету был предъявлен ультиматум. И Джоквин уже не тешил себя никакими иллюзиями. Четыре раздельные группы храмов, каждая управляемая ученым, ответственным только перед лордом-правителем, навсегда покончат с надеждами, которые питали наиболее просвещенные ученые. Сам Джоквин считал храмы собранием знаний, и у него были собственные мечты о той роли, которую храмы смогли бы сыграть в будущем. Он торопливо встал, чтобы никто из испуганных членов Совета не заговорил первым, и серьезно сказал:

— Совет будет счастлив рассмотреть ваше предложение. Мы считаем огромной удачей, что правителем является че-

ловек, который посвящает свое время заботам о благополучии храмов. Ничто не может...

Он надеялся получить отсрочку. Лорд-правитель решительно перебил его:

— Поскольку я лично буду завтра делать сообщение Патронату, Совет ученых сердечно приглашается остаться во дворце для обсуждения подробностей реорганизации. Я полагаю, что на это потребуется от недели до месяца, может и больше, и приказал для всех вас приготовить помещения.

Он хлопнул в ладоши. Открылась дверь. Вошли дворцовые стражники. Лорд-правитель сказал:

— Покажите почтенным господам их помещения.

Так был арестован Совет.

На четвертый день ребенок был еще жив. Главная причина заключалась в том, что Таня не могла принять решение.

— Я выдержала тяготы беременности и боль родов,— гневно говорила она,— а ни одна женщина не может не принимать это во внимание. К тому же...

Она умолкла. Правда заключалась в том, что, несмотря на бесчисленные препятствия, она могла определенно представить судьбу сына, которого боги переделали по-своему. И в связи с этим уговоры Джоквина не остались без внимания. Большую часть четвертого утра Джоквин посвятил этой теме.

— Ошибочно считать, что дети богов — это идиоты,— говорил он.— Это пустая болтовня безмозглой толпы, которая преследует эти бедные создания на улицах. Им не дают возможности получить образование, и они постоянно находятся под таким сильным давлением, что неудивительно, что мало кто из них доживает до зрелого возраста.— Потом его аргументы приняли более личный характер.— В конце концов,— мягко сказал он,— он — Линн. В худшем случае он будет вашим верным помощником, который никогда не захочет уйти от вас и жить самостоятельно, как все нормальные дети. Тайно сохраняя его для себя, вы получите лучшего из всех возможных рабов — преданного сына.

Джоквин знал, когда остановиться. В тот момент, когда он увидел, что глаза женщины задумчиво сузились — она взвешивала его аргументы, он решил предоставить ей самой разрешать оставшиеся сомнения. Он вежливо удалил-

ся, а позже присутствовал на утреннем совете лорда-правителя и здесь продолжал уговоры.

Глаза великого человека оставались настороженными, пока Джоквин говорил. Постепенно сардоническое выражение сменилось удивлением. Наконец лорд-правитель прервал Джоквина:

— Старик, с какой целью ты защищаешь жизнь урода?

У Джоквина было несколько причин. Одна чисто личная. Другая — он верил, что продолжение существования ребенка может принести, пусть небольшую, но пользу храмам. Логика была проста. Рождение ребенка ускорило кризис. Его смерть лишь усилит этот кризис. Напротив, если ребенок будет жить, мстительные действия Линнов до некоторой степени смягчатся.

Но Джоквин не стал говорить об этом, не упомянул и о своих личных надеждах, связанных с ребенком. Он сказал:

— Никогда раньше ребенка богов не убивали намеренно. Всегда считалось, что у богов есть свои тайные причины для создания чудовищ в облике человека. Смеем ли мы сейчас подвергать это сомнению?

Этот аргумент заставил его собеседника изумленно взглянуть на него. Войны, которые вел лорд-правитель, дали ему контакты и с передовыми мыслителями и со скептиками на нескольких планетах, и он стал считать богов лишь средством сохранения контроля за мятежными подданными. Он не отрицал их существования, но сомневался в их сверхъестественной власти.

— Ты на самом деле веришь в то, что говоришь?

В жизни Джоквина было время, когда он уже ни во что не верил. Постепенно, однако, он полуубедил себя, что могучие невидимые силы, вызываемые крошечными радиоактивными частицами, не могут иметь другого объяснения. Он осторожно сказал:

— В молодости я путешествовал и видел первобытные племена, поклоняющиеся богам дождя, богам рек, богам деревьев и разнообразным богам животных. Видел и более развитые народы, в том числе и здесь, на Земле, чей бог — невидимое, всемогущее существо, живущее где-то в пространстве, которое они называют небом. Я все это наблюдал и слушал, как в каждом племени рассказывали о начале Вселенной. В одной легенде говорится, что все вышло из пасти змеи. Таких змей я не видел. В другой легенде говорится о потопе, затопившем все планеты. Не знаю, можно ли это сделать имеющейся в мире водой. Третья

легенда — человек сделан из глины, а женщина сделана из мужчины.

Он взглянул на своего слушателя. Лорд-правитель кивнул.

— Продолжай!

— Я видел народы, обожествляющие огонь и воду. И после всего этого я посетил долину, где, как говорят, живут боги. Я находил их резиденции на всех планетах — обширные и опустошенные пространства в несколько миль глубиной и много миль в длину и ширину. И в этих пространствах с безопасного удаления из-за свинцовых укрытий я видел невероятно яркие огни, которые до сих пор горят в своей бесконечной ярости в фантастических глубинах планет. «Правда,— сказал я себе,— что боги Уран, Радий, Плутоний и Экс — самые могучие боги во Вселенной. Конечно,— решил я,— никто в здравом разуме не станет их оскорблять».

Лорд-правитель, который в ходе своих странствий тоже осматривал некоторые дома богов, сказал только:

— Гм... м... м... м...

У него не было времени для дальнейших замечаний. Откуда-то — казалось, с ужасно близкого расстояния — послышался резкий звук, громче самого громкого грома. Полминуты спустя за ним последовал рев, такой оглушительный, такой яростный, что весь дворец задрожал.

Наступила пауза, но не молчание. Со всех сторон слышался звон стекла — разбивались окна. Потом послышался третий взрыв и почти немедленно за ним четвертый.

Этот последний взрыв был настолько силен, что всем стало ясно: наступил конец света.

4

Когда Олден в полдень на третий день после рождения ребенка Линнов вошел в большой храм Ковис, это был усталый, голодный, загнанный человек, думающий только о бегстве. Он упал в кресло, предложенное младшим. И пока молодой человек осознавал ситуацию. Олден приказал никому не сообщать о своем присутствии, за исключением Горо, главного ученого храма Ковис.

— Но Горо отсутствует,— возразил младший.— Он совсем недавно отбыл во дворец правителя.

Олден стал быстро снимать женское платье. Усталость быстро покидала его. Отсутствует, радостно думал он. Это означает, что до возвращения Горо он главный ученый в храме. Для человека в его положении это была как отсрочка смертного приговора. Он приказал, чтобы ему принесли еду. Занял кабинет Горо. И стал задавать вопросы.

Впервые узнавал он объявленную народу единственную причину казней в храме Рахейнла. Олден обдумывал эту причину весь вечер. И чем больше он думал, тем больше негодовал. Он смутно сознавал, что мысли его весьма радикальны, если не еретичны; он чувствовал также глубокую обиду из-за того, что богам нанесли такое оскорбление в их храмах. С абсолютной ясностью, в которой, однако, не было неверия, он знал, что боги сами по себе не проявят своего недовольства. Мысли бежали, автоматически переключались на практические последствия. К концу вечера он уже рассматривал разные возможности.

С незапамятных времен боги одобряли некоторые процессы. Командиры и владельцы космических кораблей дарили храмам железо. После совершения предписанного церемониала это железо помещалось в непосредственной близости к закрытому божьему веществу и оставалось там ровно сутки. Через четверо суток — один на каждого бога — энергия божьего вещества перемещалась в железо. Тогда его возвращали на корабль, где помещали в металлический отсек. Там с помощью фотоэлектрических ячеек — это приспособление было известно с древних времен, как огонь, меч, копье и лук,— можно было начать и прекратить серию взрывов заданной мощности.

Когда использовалось достаточное количество таких металлических отсеков, самые большие из созданных людьми кораблей поднимались в воздух так легко, будто были сделаны из ничего. С самого начала времен божье вещество во всех храмах содержалось в четырех различных помещениях. И было известно, что, когда богов соединяют, они начинают сильно гневаться.

Олден тщательно взвесил небольшое количество каждого типа божьего вещества. Потом велел младшим перенести металлический цилиндр из испытательной пещеры в сад позади храма. И тут ему пришло в голову, что остальные храмы тоже должны участвовать в протесте. Он знал, что шестеро из семи членов Совета ученых все еще во

дворце, и у него было сильное подозрение, что их удерживают там насильно.

В богато украшенном кабинете Горо он написал приказ исполняющим обязанности главных ученых храмов отсутствующих членов Совета. Он приказал делать то же, что делает и он. Он подробно описывал свой план и кончил: «Полдень будет часом протеста». Каждое письмо было отослано с вестником — младшим.

У него не было сомнения. К полудню следующего дня он поместил зерна урана, радия, плутония и экса в систему фотоэлектрических реле. С безопасного расстояния, он нажал кнопку, последовательно соединяющую все вещества. Когда удивительный и мощный экс присоединился к другим веществам, последовал страшный взрыв. За ним последовало еще три. Только два храма не подчинились приказу беженца. И им повезло. Первый взрыв до основания разрушил храм Ковис, оставив лишь груду камней.

Ни в одном из четырех храмов не уцелел ни один человек. От Олдена не осталось ни клочка плоти, ни капли крови.

К двум часам у подножия дворцового храма собрались толпы. Дворцовая стража сдерживала напор, постепенно отступая к воротам, а окружение правителя приготовилось к осаде.

Когда полчаса спустя ад был в самом разгаре, Джоквин, находившийся в городе и вернувшийся во дворец по туннелю, ведущему непосредственно через холм, попросил разрешения говорить с толпой. Лорд-правитель долго и внимательно смотрел на него. Наконец кивнул. Толпа зашумела, когда ворота открылись. Джоквин протиснулся вперед. У него был скорее пронзительный, чем сильный голос, но площадка, выступающая из холма, была так искусно сооружена, что говоривший мог обращаться к толпе через множество мегафонов.

Прежде всего Джоквин развязал ленты и распустил волосы по плечам. В толпе поднялся крик:

— Ученый! Это ученый!

Джоквин поднял руку. И наступившая тишина показала ему, что вспышка близка к концу. Толпа становилась управляемой.

Со своей стороны он не имел иллюзий относительно этой толпы, надвигающейся на дворец. Он знал, что уже посланы почтовые голуби в казармы трех легионов, расположенных сразу же за городскими стенами. Скоро по ули-

цам пройдут войска, проскачет кавалерия далеких племен, чей бог — гигантская мистическая птица Эрплан. Важно, чтобы толпы рассеялись до появления этих тренированных убийц.

— Жители Линна,— сказал он ясным уверенным голосом.— Сегодня вы видели доказательство мощи богов.

Крики и стоны последовали за его словами. Джоквин продолжал:

— Но вы неправильно истолковали данные нам сегодня знаки.

На этот раз только молчание встретило его слова. Он овладел аудиторией.

— Если бы боги не одобряли лорда-правителя,— продолжал Джоквин,— они так же легко уничтожили бы его дворец, как уничтожили четыре храма. Боги недовольны не лордом-правителем и его действиями. Некоторые ученые хотели расколоть храмы на четыре отдельные группы, чтобы каждая группа поклонялась только одному богу. Это и только это — причина гнева богов.

Послышались крики:

— Твой храм тоже уничтожен!

Джоквин колебался. Ему совсем не хотелось становиться мучеником. Он видел два письма Олдена в два храма, не подчинившиеся его приказу,— и лично уничтожил их. Теперь он не знал, как ему использовать то, что чисто механическое соединение божественного вещества производит взрыв. Но одно было несомненно: боги не возражают против того, чтобы всем четверым поклонялись в одном храме. И поскольку только сохранение существующего положения оставляло храмы сильными, возможно, именно так боги выразили свое отношение.

Джоквин понимал, что его рассуждение — софизм. Но сейчас не время для утраты веры. Он опустил голову.

— Друзья,— покорно сказал он.— Каюсь, я был среди тех, кто отстаивал раздельное поклонение. Мне казалось, что боги будут приветствовать, если каждому из них будут поклоняться в особом храме. Я ошибался.

Он полуобернулся ко дворцу, где его слушал гораздо более могущественный человек, чем вся эта толпа.

— Я знаю, что всякий, кто, подобно мне, верит в сепаратистскую ересь, отныне убежден, что нужно поклоняться вместе четырем богам. А теперь, чтобы не было больше неприятностей, идите по домам.— Он повернулся и медленно ушел во дворец.

Лорд-правитель был человеком, признающим неизбежное.

— Остается один нерешенный вопрос,— сказал он позже.— Какова истинная причина, по которой ты хочешь сохранить жизнь ребенку моей невестки?

Джоквин просто ответил:

— Я давно хотел посмотреть, что произойдет, если ребенку богов дать нормальное обучение и воспитание.

И все. Но этого было достаточно. Лорд-правитель медленно кивнул.

5

Еще ребенком Клэйн постоянно думал: «Я никому не нужен. Меня никто не любит».

Рабыни, ухаживающие за ним, переняли отвращение его родителей. Они прекрасно видели, что отец и мать редко навещают новорожденного. Бывало, часами маленький мутант оставался один. А когда ребенка обнаруживали плачущим в мокрых грязных пеленках, они не проявляли терпения.

Руки, способные на нежность, грубели, прикасаясь к нему. И тысячи случаев грубого обращения с мышцами и нервами становились частью привычного восприятия окружающего. Он приучался раболепствовать.

Странно, но когда слова начали приобретать смысл, в условиях его жизни наступило некоторое изменение. Клэйн вполне невинно обронил несколько слов, из которых Джоквин заключил, что рабы не выполняют его приказов. Несколько вопросов при каждом посещении прояснили картину, и рабы тут же поняли, что неразумные действия несут за собой наказание кнутом. Мужчины и женщины узнали, что, когда ребенок становится старше, он может рассказать о том обращении, которому подвергается.

Однако способность ребенка понимать имела и свои неприятные последствия. В возрасте между тремя и семью годами Клэйн понял, что он не такой, как другие. Между четырьмя и шестью его рассудок терпел ужасные удары, а стареющий ученый каждый раз пытался ликвидировать их последствия. Вскоре, однако, Джоквин понял, что, если он хочет спасти рассудок мальчика, нужны более решительные действия.

— Это все другие дети,— сказал однажды Джоквин, белый от гнева, лорду-правителю.— Они мучают, стыдятся его. И сводят на нет все, что я делаю.

Линн Линнский с любопытством посмотрел на него.

— Но я тоже стыжусь его, стыжусь самой мысли, что у меня есть такой внук.— И добавил: — Боюсь, Джоквин, твой эксперимент не удался.

Теперь Джоквин с любопытством посмотрел на правителя. За шесть лет, прошедших со дня храмового кризиса, он научился по-новому смотреть на лорда-правителя. Ему пришло в голову, что перед ним величайший гражданский администратор с легендарных времен. Иногда сквозь спокойствие, с которым лорд-правитель смотрел на мир, проглядывала его главная цель — объединение империи. Перед Джоквином был человек, достигший почти полной объективности во взглядах на мир. Если Клэйн будет спасен, то только с помощью лорда-правителя. Лорд понял, что посещение Джоквина имеет особую цель, и угрюмо улыбнулся.

— Что же я должен сделать? Отослать в провинцию, где он вырос бы в изоляции и окруженный рабами?

— Это было бы смертельно,— ответил Джоквин.— Нормальные рабы презирают мутантов так же, как свободные рыцари и патроны. Борьба за разум должна вестись здесь, в городе.

Правитель нетерпеливо ответил:

— Ну что ж, забирай его в храм и делай там с ним, что хочешь.

— Храмы полны шумных посвященных и младших,— ответил Джоквин.

Лорд-правитель сердито взглянул на него. Он медлил, это значило, что Джоквину трудно будет получить согласие.

— Боюсь, старик,— серьезно сказал правитель,— что ты в этом вопросе не проявляешь мудрости. Мальчишка похож на оранжерейное растение. Нельзя из детей выращивать мужчин таким путем. Они должны выдерживать тяготы существования еще в молодости.

— Но ведь ваши дворцы как раз и есть такие теплицы, где молодые люди растут, не зная тягот существования,— возразил Джоквин.

Старый ученый махнул рукой в сторону окна, которое выходило на столицу. Правитель улыбнулся, признав правоту сравнения.

— Скажи, чего ты хочешь? Если можно, это будет сделано.

Джоквин не колебался. Он коротко заявил, что во дворце у Клэйна должно быть убежище. Святыня, куда другие дети не смогли бы входить под страхом сурового наказания.

— Вы здесь, во дворце, растите всех своих внуков,— говорил Джоквин.— И вдобавок несколько десятков других детей — сыновей заложников, союзных вождей и патронов. Против этой толпы нормальных детей, грубых и бесчувственных, как все мальчики, Клэйн совершенно беззащитен. Они все спят в одной спальне, поэтому у него нет убежища, нет даже своей комнаты. Пусть ест и спит по-прежнему с остальными, но у него должно быть место, где его не смогут беспокоить.

Джоквин замолчал, лишившись дыхания, голос был уже не тот. Да и понимал, насколько необычна его просьба. Он просил, чтобы на высокомерных, гордых маленьких людей, из которых в будущем вырастут руководители Линна — патроны, генералы, вожди и даже лорды-правители,— чтобы на них было наложено ограничение. И ради чего? Да чтобы бедный мутант мог показать, есть ли у него разум?

Джоквин видел, что лорд-правитель хмурится. Сердце его сжалось. Но он неверно понял причину сердитого выражения. В действительности он не мог бы выбрать для своей просьбы более подходящий момент. Накануне, гуляя по саду, лорд-правитель обнаружил, что его преследует непочтительно ржущая группа мальчишек. Такое случалось уже не впервые, и именно это воспоминание заставило его нахмуриться.

Он решительно поднял голову и сказал:

— Этим юным негодяям необходима дисциплина. Небольшое ограничение пойдет им на пользу. Строй свое убежище, Джоквин. Я поддержу тебя.

Дворец правителя размещался на Капитолийском холме. Поверхность холма была искусно преображена. Всю ее территорию заняли террасы с садами и кустарниками, так что старики, такие, как Джоквин, почти не узнавали прежнего холма.

В западном углу территории дворца на возвышении находилась голая скала. Чтобы добраться до нее, нужно было пройти узкой тропой по крутому склону и затем подняться по вырубленным в скале ступеням. Скала оставалась

голой, пока ею не занялся Джоквин. Под его руководством рабы быстро нанесли почву, садовники насадили кусты, траву и цветы, чтобы была защита от горячего солнца, приятная зелень, на которой можно было полежать, и прекрасный вид. Была поставлена прочная ограда поперек тропы, а у ворот стоял солдат, свободный, шести футов шести дюймов ростом и соответственно мощной комплекции. Этот солдат был выбран еще и потому, что четыре года назад его жена тоже родила ребенка богов. Солдат оказался веселым добродушным парнем, который не разрешал самым настойчивым мальчикам проходить, просто загородив своим телом ворота.

Несколько недель после завершения строительства орлиного гнезда и введения запрета на его посещение мальчишки руганью и криками выражали свое негодование. Они часами стояли у ворот, выкрикивая угрозы и оскорбления. Но невосприимчивость добродушного стражника в конце концов заставила их отступить. И тогда дрожащий мальчик в орлином гнезде смог успокоиться и перестать чувствовать себя вечно преследуемым и при первом же знаке опасности находил убежище. С этого времени на него перестали обращать внимание. Никто не играл с ним, и, хотя это равнодушие тоже было жестоким, оно по крайней мере оставалось пассивным. Он мог жить своей собственной жизнью.

Его мозг, этот раненный, испуганный и тонкий комплекс интеллекта и эмоций, медленно выходил из тьмы. Джоквин выманивал его оттуда тысячами уловок. Рассказывал ему о великих деяниях, больших сражениях, рассказывал длинные волшебные сказки с продолжением. Он давал мальчику вначале тщательно смягченные, а потом все более правдивые сведения о политической атмосфере внутри дворца и снова и снова с нарастающей убедительностью внушал, что рождение мутанта — очень важное, особое событие. Любой человек может родиться нормальным, но мало кто бывает избран богами атома.

Джоквин знал, что это опасный путь: мальчик — над другими членами семьи Линнов.

— Но он быстро узнает свои возможности, когда станет старше,— объяснил как-то Джоквин лорду-правителю.— Самое важное, что теперь его восьмилетний мозг может противостоять вульгарному преследованию со стороны других мальчиков. Он все еще запинается и заикается, когда пытается ответить, и любой контакт со взрослыми для него

болезнен. Но если его не захватить врасплох, он научится справляться с собой. Я хочу,— заключил Джоквин,— чтобы мальчик мог изредка навещать вас.

Он часто повторял эту просьбу и всегда получал отказ. Эти отказы беспокоили Джоквина, которому уже исполнилось восемьдесят лет. И он часто думал о том, что будет с мальчиком после его смерти. Чтобы не погубить мальчика, он связался со многими известными учеными, поэтами и историками. Он убеждал их своими аргументами, а потом приставлял к мальчику как платных учителей. Он тщательно следил за этими людьми и быстро отсылал тех, кто не понимал всей важности предпринимаемой им попытки.

Обучение мальчика оказалось чрезвычайно дорогостоящим: содержание, которое давали дед мальчика, лорд-правитель, и его отец, лорд Крег, не покрывало платы многочисленным учителям, нанимаемым Джоквином. Когда Джоквин умер, как раз перед одиннадцатилетием Клэйна, почти весь доход с его имений шел на содержание мальчика.

Джоквин оставил десять миллионов сестерций младшим, посвященным и старшим различных храмов. Пять миллионов он завещал своим личным друзьям, еще два миллиона — историкам и поэтам, чтобы они завершили начатые им работы, и наконец его пятеро правнуков получили по миллиону сестерций каждый.

Эти суммы почти полностью составляли все денежное наследство. Около пятисот тысяч сестерций оставалось по имениям и фермам до следующего урожая. Так как все имения, вместе с тысячами рабов, были завещаны Клэйну, был короткий период, когда новый владелец, сам того не зная, оказался на грани банкротства.

Об этом было доложено лорду-правителю, и он выдал из своего собственного состояния заем для поддержания этих имений. Он предпринял и другие шаги. Он узнал, что рабы Джоквина недовольны тем, что принадлежат мутанту. Он разослал своих шпионов, чтобы выявить зачинщиков, и потом для примера повесил четверых. До лорда-правителя дошло также, что правнуки Джоквина, рассчитывавшие получить имения, распространяют угрозы по адресу «узурпатора». Лорд-правитель конфисковал часть их наследства и отправил всех пятерых в армию лорда Крега, которая готовилась к вторжению на Марс.

Закончив все это, старый правитель забыл о своем

внуке. Лишь два года спустя, когда мальчик случайно прошел мимо окна его кабинета, он почувствовал любопытство.

В тот же день он отправился к орлиному гнезду, где жил самый странный отпрыск семьи Линнов.

6

Он тяжело дышал, добравшись до основания скалы. Это удивило его. «Клянусь четырьмя атомными богами,— подумал он,— я старею». Через два месяца ему исполнялось шестьдесят четыре года.

Шестьдесят четыре. Он взглянул на свое худое тело. «Ноги старика, не такие слабые, как у некоторых в этом возрасте,— подумал он,— но, несомненно, расцвет позади. Крег был прав,— подумал он ошеломленно.— Пришло время экономии. Больше никаких войн с Марсом, за исключением оборонительных. И пора произвести Крега в наследники и соправители». Мысль о наследнике напомнила ему, где он. Там, наверху, один из его внуков с учителем. Он слышал бормочущий баритон мужчины и отдельные замечания мальчика. Все звучало нормально, по-человечески.

Лорд-правитель нахмурился, думая об обширности мира и малочисленности семьи Линн. Стоя здесь, он понял, почему пришел сюда. Все Линны нужны, чтобы удержать власть. Даже тупоумные, даже мутанты должны исполнять обязанности, соответствующие их способностям. Ужасно сознавать, что он приближается к самой одинокой вершине своей жизни, когда можно доверять только кровным родственникам. Но даже они держатся вместе только из-за честолюбия.

Старый человек сухо и угрюмо улыбнулся. Что-то в форме его челюстей и подбородка говорило о стали. Это была внешность человека, выигравшего кровавую битву при Атмуме, которая отдала ему Линн; улыбка человека, который смотрел, как его солдаты боевыми топорами разрубили на куски Рахейнла. «Вот это был человек!— подумал он, еще и через тридцать лет удивляясь упорству противника.— Почему он отказывался от всех моих предложений? Впервые в истории гражданской войны была сделана такая попытка перемирия. Я предложил ему компромисс. Он хотел весь мир, а я нет, во всяком случае не

таким путем, но волей-неволей пришлось взять его, чтобы спасти свою жизнь. Почему человеку нужно все или ничего?»

Конечно, Рахейнл, холодно и спокойно ожидавший первого удара топора, должен был осознать тщетность своих стремлений. Должен был знать, что ничто его не спасет; что солдаты сбежали, а терявшие кровь и боявшиеся за свои жизни не будут милосердны к своему главному врагу. Правитель с пристальной ясностью помнил свой выбор палачей. Он приказал, чтобы первый же удар был смертельным. Толпа хотела пытки, зрелища. Они как будто получили его, но на самом деле перед их взорами разрубили на куски мертвеца.

Зрелище смерти великого Рахейнла всегда вызывало холод в душе правителя. Сам он никогда не чувствовал себя убийцей. Убийцей была толпа. Безмозглая толпа, с ее эмоциями, с ее силой численности, которую ни один человек не может игнорировать, не подвергая смертельной опасности себя и свою семью. Толпа с ее примитивной кровожадностью пугала его, хоть он и презирал ее; она влияла на него, хотя он всегда использовал ее в своих целях. Ужасно думать, что каждый шаг в его жизни делается с учетом мнения толпы.

Он родился в мире, опустошенном двумя могучими враждующими группами. Не возникало вопроса, к какой группе присоединиться. Когда оппозиция захватывала власть, она старалась убить, обесчестить или изгнать всех членов семей другой партии. В такие периоды детей многих известных семей тащили по улицам крючьями и швыряли в реку. Позже, если вам удалось выжить, вопросом жизни и смерти становилось захватить власть и влияние в своей группе. И это тоже зависело от случая или чувства. Существовали группы среди групп, убийства тех, кто мог быть соперником в борьбе за власть. Убийства и предательства становились все изощренней.

Лорд-правитель с трудом оторвался от своих раздумий и начал взбираться по ступеням на скалу. Вершина скалы — площадка длиной в двадцать футов и почти такой же ширины. Рабы Джоквина натаскали туда плодородную почву, на ней цвели кусты; два из них достигали пятнадцати футов в высоту. Мутант и его учитель сидели в легких креслах в тени самого высокого куста и не заметили появления лорда-правителя.

— Хорошо,— говорил ученый по имени Неллиан,— мы

согласились, что слабость Марса в его водной системе. Различные каналы, по которым поступает вода с северного полюса,— единственный источник водоснабжения. Неудивительно, что в марсианских храмах поклоняются воде, как мы атомным богам. Другое дело,— продолжал он,— знать, как использовать эту слабость Марса. Каналы Марса так широки и глубоки, что их невозможно, например, отравить, даже временно.

— Микроскопически рассуждая,— сказал мальчик,— это верно. Молекулярный мир представляет мало возможностей.

Лорд-правитель вздрогнул. Правильно ли он понял и расслышал? Неужели тринадцатилетний мальчик может так рассуждать? Он хотел уже войти, но теперь передумал и, заинтересованный и удивленный, ждал продолжения.

Клэйн продолжал:

— Беда моего отца в том, что он слишком доверчив. Я не знаю, почему он считает, что ему просто не везет в этой войне. На его месте я внимательно отнесся бы к возможности предательства и тщательно проверил бы свое ближайшее окружение.

Неллиан улыбнулся.

— Вы говорите с убежденностью юности. И если вам когда-нибудь доведется побывать на поле битвы, вы убедитесь, что мыслями трудно охватить реальность. Смутные теории опрокидываются под дождем стрел и копий, под ударами мечей и топоров.

Мальчик невозмутимо сказал:

— Никто не сумел сделать правильное заключение из взрывов космических кораблей, перевозящих воду. Джоквин знал бы, что думать об этом.

Разговор, как показалось лорду-правителю, приобретал детский характер. Правитель сделал шаг вперед и кашлянул.

При этом звуке ученый повернулся и, увидев подошедшего, с достоинством встал. Реакция мутанта была более быстрой. При первом же звуке он повернул голову. И все. Несколько мгновений он сидел неподвижно. Вначале выражение его лица оставалось прежним — спокойным. У лорда-правителя было время рассмотреть внука, которого он не видел со дня его рождения.

Голова мальчика была нормальной с явно линнским носом и голубыми глазами Линнов. Но было и нечто большее. Тонкая красота матери отразилась в этом лице. Ее

рот, ее уши и подбородок. Лицо и голова были прекрасными, почти ангельскими. Но все остальное отличалось от нормального. Общая форма очень человеческая. Тело, ноги, руки — все было на месте, но все искажено.

Лорду-правителю пришло в голову, что, если мальчик наденет длинную одежду ученого, а руки спрячет в складки платья — кисти у него нормальные,— никто не заподозрит правды. Не было ни малейшей причины, почему бы это лицо не изобразить на серебряной или золотой монете, которые разойдутся среди отдаленных и высокоморальных племен. Ангельское лицо Клэйна согрело бы сердца варваров.

Слава богам, что у него не четыре руки или ноги, подумал правитель.

И в это мгновение мальчик очнулся от оцепенения. (Лишь тут лорд-правитель сообразил, что Клэйн почти буквально замер на месте.) Произошла мгновенная трансформация. Прекрасное лицо изменилось. Глаза остекленели, рот дернулся, утратил свою форму. Все лицо стало таким идиотским, что на него было больно смотреть. Тело мальчика медленно сползло со стула, и он застыл, полусогнувшись и глядя на деда. Он начал скулить, а потом что-то неразборчиво бормотать.

Неллиан резко сказал:

— Клэйн, возьмите себя в руки.

Эти слова были подобны ключу. С криком мальчик метнулся вперед и промчался мимо лорда-правителя. С огромной скоростью, почти скользя, сбежал он по каменным ступеням и исчез на тропе.

Наступило молчание. Немного погодя Неллиан спокойно спросил:

— Можно ли мне сказать?

Лорд-правитель заметил, что ученый не обращается к нему по форме, и мимолетная улыбка коснулась его губ. Антиимпериалист. Через мгновение он почувствовал раздражение — эти проклятые республиканцы!— но коротко кивнул в знак разрешения.

Неллиан сказал:

— Он так же вел себя со мной, когда Джоквин впервые привел меня к нему. Это возвращение к эмоциональному состоянию, которое он испытывал ребенком.

Лорд-правитель ничего не ответил. Он смотрел на город. День был туманный, и дымка затягивала пригороды. С высоты они, казалось, расплывались в дымке — дома,

улицы. Но все же за ними он видел вьющуюся реку и местность, частично скрытую вуалью тумана. Там виднелись крупные ямы, теперь пустые: большая война истощала человеческие ресурсы Земли, население которой достигло громадного числа в шестьдесят миллионов жителей. За время его жизни население Земли почти удвоилось. Удивительно, как раса, будто на невидимой привязи, устремлялась вперед, глядя своим коллективным взглядом в ослепительно яркое будущее, скрытое за горизонтом.

Лорд-правитель вернулся мыслью и взглядом на скалу. Не глядя на Неллиана, он спросил:

— Что он имел в виду, когда сказал, что мой сын, лорд Крег, должен проверить возможность предательства в своем окружении?

Неллиан пожал плечами.

— Вы слышали это? Я думаю, что мальчик окажется в серьезной опасности, если кто-нибудь услышит о его словах. Откровенно говоря, я не знаю, где он получает информацию. Но у него очень хорошее представление о дворцовых интригах и политике. Он очень скрытен.

Лорд-правитель нахмурился. Скрытность он мог понять. Люди, слишком много знающие о делах других людей, имеют обыкновение умирать неожиданно. Если мутант действительно знает, что в ход марсианской войны вмешалось предательство, даже намека на такое знание достаточно для его гибели. Правитель колебался.

— А что он говорит о космических кораблях с водой, взрывающихся перед посадкой? Что он знает об этих вещах?

Теперь настала очередь ученого колебаться. Наконец Неллиан сказал:

— Он говорил об этом несколько раз. Несмотря на свою осторожность, мальчик тоже нуждается в товарище, так как хочет произвести впечатление, сообщая свои мысли людям, которым доверяет. Вроде меня.

Ученый украдкой взглянул на лорда-правителя.

— Естественно, я держу такую информацию при себе. Я не занимаюсь политикой.

Великий человек слегка поклонился.

— Я вам очень признателен за это,— сказал он.

После небольшой паузы Неллиан заметил:

— Он много раз говорил о происшествии в храме Рахейнла, случившемся при его рождении. Тогда взорвалось

четыре храма. Я узнал, что Джоквин рассказывал ему об этом. Джоквин оставил в своем имении тайный архив, к которому мальчик имеет доступ. Он трижды навещал главное имение после смерти Джоквина.

Лорд-правитель смутно припомнил, что давал по просьбе Неллиана разрешения на эти поездки.

— Мне нет необходимости говорить,— продолжал Неллиан,— что у мальчика, несмотря на эмоциональное состояние, вполне взрослый интеллект — на уровне девятнадцати лет.

— Гм...— буркнул лорд-правитель. Потом решительно произнес: — Мы должны вылечить его от этой эмоциональной слабости. Есть несколько методов.

Он улыбнулся, вспоминая.

— На войне, когда мы хотим покончить со страхами солдата, мы подвергаем его повторяющейся опасности в сражениях. Конечно, он может быть убит. Но если выживет, то приобретает уверенность и храбрость. Точно также оратор вначале тренирует свой голос, но только настоящие выступления дают ему уверенность.

Правитель задумчиво улыбнулся.

— На войну его, пожалуй, не пошлешь. Солдаты, к сожалению, считают мутанта среди войск дурным признаком. Что касается публичных выступлений, то можно поместить его в один из отдаленных храмов. Одетый в одеяние ученого, он сможет читать ежедневную службу, вначале только наедине с атомными богами, потом в присутствии младших ученых и посвященных и, наконец, перед публикой. Я прикажу, чтобы подготовку начали завтра же. И ему вовсе необязательно жить в храме. Примерно через год мы отведем ему отдельную резиденцию и закрепим за ним привлекательных рабынь. Я отберу кротких, мягких девушек, которые не будут пытаться управлять им. Я их сам отберу и хорошо поговорю с ними.

И добавил:

— Позже их можно будет продать в отдаленные районы.

Лорд-правитель помолчал и пристально взглянул на Неллиана.

— Что вы думаете о таком начале?

Ученый кивнул, соглашаясь.

— Прекрасно. Я рад, что вы лично заинтересовались мальчиком.

Лорд-правитель был доволен.

— Будете сообщать мне о нем раз в три месяца.

Он уже отворачивался, когда взгляд его остановился на чем-то полускрытом в кустах на краю скалы.

— Что это?— спросил он.

Неллиан выглядел смущенным.

— Это... гм... это... прибор, сооруженный Джоквином.

Замешательство ученого удивило правителя. Он подошел ближе и увидел металлическую трубу, уходящую вниз. Ее почти скрывали лианы, но кое-где на склоне ее можно было разглядеть.

Правитель все еще рассматривал трубу, когда из нее послышался хриплый женский голос:

— Целуй меня, поцелуй меня снова.

Лорд-правитель прикрыл травой открытый конец трубы и встал.

— Будь...— начал он.— Подслушивающее устройство, а другой конец размещен где-то в месте свиданий.

Неллиан сказал:

— По другую сторону еще одна.

Лорд-правитель уже хотел уходить, когда заметил возле трубы блокнот. Он поднял его и просмотрел. Страницы чистые. Вначале он удивился, но потом в траве увидел бутылочку чернил и ручку.

Теперь он по-настоящему заинтересовался. Взяв бутылочку, он вытащил пробку. Вначале разглядывал чернила, потом понюхал. Наконец с улыбкой закрыл бутылочку и поставил ее в траву.

Спускаясь, он думал: «Джоквин был прав. Мутант может быть нормальным, даже сверхнормальным».

7

К этому времени марсианская война велась уже два года и оказалась наиболее дорогостоящей из всех войн. С самого начала, еще на стадии планирования, она вызывала невероятный накал страстей. Воевать или не воевать. Три года назад этот вопрос расколол правительство на две группы. Лорд Крег Линн, отец Клэйна, был с самого начала против войны.

Он прибыл в город с Венеры три года назад в своей космической яхте в сопровождении всего штаба. И затем целые месяцы спорил со своей семьей и различными влиятельными патронами.

— Пришло время империи прочно стоять на своих границах,— говорил он слушателям.— Из города-государства мы превратились в государство, охватывающее всю Землю, за исключением некоторых горных территорий. Четыре из одиннадцати основных континентов Венеры — наши союзники. И нам не нужно беспокоиться из-за обитаемых спутников Юпитера, потому что они населены варварами. Марсиане, правда, управляют своей планетой по своим диким обычаям, но будет разумно оставить их в покое. Племена, завоеванные ими, постоянно восстают, и поэтому марсиане все время заняты. Следовательно, для нас они не опасны, а это должно стать нашим единственным соображением, касающимся всех следующих войн.

Если сообщения верны, многие патроны и рыцари были убеждены его доводами. Но, увидев, что лорд-правитель склоняется к войне, они тут же изменили свои взгляды, по крайней мере публично.

Жена лорда-правителя Лидия и лорд Тьюс, сын Лидии от предыдущего брака, особенно настаивали на вторжении. Их аргумент, постепенно ставший и аргументом лорда-правителя, заключался в следующем: марсиане сами обрекли себя на войну, полностью отказываясь от торговых и иных сношений с остальной частью Солнечной системы. Кто знает, какие планы они вынашивают, какие армии тайно готовят, сколько космических кораблей строится на планете, которая уже свыше десяти лет не допускает посетителей извне?

Аргумент убедительный. Сухое предположение лорда Крега, что, возможно, метод, используемый империей при вторжении на венерианский остров Кимбри, вызвал такое отношение марсиан, не убедило сторонников войны. Метод был простой и безотказный... Кимбри населяло подозрительное племя, которое в конце концов согласилось принять посетителей. Они очень забеспокоились, когда в течение нескольких месяцев около тридцати тысяч дюжих молодых мужчин прибыли в одиночку или группами. Беспокойство оказалось оправданным. Однажды ночью прибывшие собрались в трех главных кимбрийских городах и одновременно напали на центры управления. К утру было перебито около ста тысяч венериан и остров был захвачен.

Этой экспансией командовал Тьюс; по настоянию его матери, устыдившийся Патронат проголосовал за триумф для лорда Тьюса.

Естественно, что группа Лидии — Тьюса рассматривала высказывания Крега как результат зависти. Одни говорили, что такие слова недостойны такого выдающегося человека. А другие, что собственные его войны велись неудачно. Некоторые заходили так далеко, что вообще не верили в боевые качества линнских армий, возглавляемых лордом Крегом, и тут же добавляли, что он просто трус.

Для лорда Крега, упорно придерживающегося своего мнения, величайшим потрясением оказалось открытие, что жена поддерживает его противников. Он так рассердился, что тут же послал ей приказ о разводе. Леди Таня, которая поддерживала партию войны, только чтобы ускорить карьеру мужа, испытала сильнейшее нервное потрясение. Неделю спустя она частично оправилась, а состояние ее духа подтверждал тот факт, что она приехала в лагерь мужа на окраине города в обеденный час и на виду у сотен высших офицеров на коленях подползла к нему и умоляла взять ее обратно. Изумленный Крег ввел ее в дверь, и они помирились.

С этого времени леди Таня изменилась, ее высокомерие исчезло. Она отошла от политической деятельности и посвятила себя дому. Ее гордая ослепительная красота перешла в стадию просто хорошей внешности.

Заботливая жена поцеловала мужа на прощанье в начале весны и смотрела, как его яхта взлетела, чтобы присоединиться к космическому флоту, ожидающему на другой стороне Земли вылета к Марсу.

Космические корабли, подобно известному с легендарных времен транспорту, как инструмент и оружие войны имеют свои ограничения. Они самое быстрое средство сообщения, доступное человеку, но насколько быстрое, никто не знал. Во время вторжения на Марс считалось, что космические корабли способны развивать огромную скорость в тысячи миль в час в безвоздушном пространстве. Поскольку полет к Марсу требовал от сорока до ста дней, в зависимости от взаимного расположения планет, самое короткое расстояние до Марса расценивалось в миллион миль.

Ученые подозревали, что это число не соответствует действительности. Если оно верно, то звезды должны быть удалены на сотни миллионов миль. Это казалось настолько невероятным, что многие сомневались в способностях и знаниях храмовых ученых.

Космический корабль длиной в сто пятьдесят футов мог

перевезти двести человек, не больше, в поездке на Марс, длящейся шестьдесят дней. В корабле было больше места, но не хватало бы воздуха. Воздух очищался, но до определенного предела.

Двести человек в корабле — столько вез каждый транспорт в первом флоте. Всего во флоте было пятьсот кораблей. Пункт назначения — большая пустыня, известная как Киммерийское море. По краям пустыни проходил канал шириной в милю, а на сотни миль по обе его стороны тянулась зеленая равнина, питаемая тысячами крошечных распределительных каналов. Ослин, один из пяти крупнейших городов марсиан, располагался в большой долине, там, где канал изгибался, как река.

В определенном смысле каналы и были реками. Весной вода по ним перемещалась с севера на юг, постепенно замедляясь, и к середине лета совсем останавливалась. Численность населения Ослина превышала миллион. Его падение означало бы сильнейший удар по марсианам и давало большие выгоды завоевателям.

Флот достиг Марса в установленное время, лишь один корабль не явился к месту встречи, хотя его ждали сорок восемь часов. В полночь на второй день корабли группами по десять устремились к каналу и городу. Была выбрана площадка примерно в пяти милях от города, и один за другим корабли выстроились среди кустарников и открытых полей. Они немедленно начали разгружаться; были выгружены войска, большая часть лошадей, оборудование и запас пищи.

Это было опасное время. Разгружающиеся корабли весьма уязвимы для нападения особого типа судов, снабженных длинными металлическими таранами, которые легко пробивают тонкую металлическую обшивку корпусов космических кораблей. Для атакующего корабля застать транспортник в воздухе тоже означало удачу. Атакующий, приблизившись сбоку, ударял тараном и переворачивал транспорт. Поскольку на верхней стороне транспортника не было двигателей, поддерживающих корабль в воздухе, он обычно падал как камень. Периодические попытки установить двигатели вверху или внизу корабля вызывали радиоактивные ожоги у экипажа и пассажиров, и никакое количество свинцовых прокладок не спасало.

Шесть часов прошли спокойно. Примерно за два часа до рассвета армия начала двигаться вдоль канала по на-

правлению к городу. Через час авангард поднялся на холм, за которым лежала большая долина, а за ней — Ослин. Солдаты остановились, осадив коней. К лорду Крегу был отправлен курьер с невероятным сообщением. В долине расположилась марсианская армия, такая огромная, что ее палатки и сооружения терялись вдали.

Командующий выехал вперед, чтобы самому видеть неприятеля. Сопровождавшие утверждали, что он был совершенно спокоен. Но надежды на легкую скорую победу рассеялись в это мгновение. Впереди стояла основная марсианская армия численностью шестьсот тысяч человек. Ею командовал сам король Винатгин.

Лорд Крег решил немедленно атаковать, когда небольшой вражеский флот пролетел над холмом, осыпав стоящих там дождем стрел и ранив около пятисот солдат. Командующий остался невредим, но противник знал слишком много. Лорд Крег быстро отдал необходимые распоряжения.

Цель его была проста. Король Винатгин и его штаб, несомненно, знали о готовящемся нападении. Но одно дело иметь информацию, совсем другое — передать ее огромной, разбросанной по широкой долине армии. Это была единственная причина, ставившая под сомнение исход сражения. Марсиане численно превосходили атакующих в шесть раз. Оборона вначале была неуверенной, но затем усилилась за счет численности. Позже стало известно, что в этом сражении марсиане потеряли сто тысяч убитыми и ранеными, а в маленькой линнской армии тридцать тысяч было убито, ранено или пропало без вести. И когда к полудню не удалось продвинуться вперед, лорд Крег приказал отступать с боем.

Но беды на этом еще не кончились. Когда его войско растянулось вдоль канала, пятитысячный кавалерийский отряд противника ударил в тыл, отрезал армию от лагеря и повернул отступавших от канала в сторону пустыни.

Наступление темноты спасло армию от полного уничтожения. Отступление длилось до полуночи, только потом солдаты смогли отдохнуть. Но для лорда Крега отдыха не было. Он связался с флотом, ожидающим в космосе. Сто кораблей осторожно приземлились, выгрузив дополнительное оружие и продовольствие. Ожидалось, что корабли подвергнутся нападению, однако этого не произошло, и кораблям удалось благополучно взлететь до рассвета. И

вскоре защитная темнота сменилась ярким дневным светом.

Привезенные запасы помогли выдержать этот день. Вражеская армия теснила их час за часом, но лорду Крегу было ясно, что король Винатгин не очень умело использует свои силы. Наступление велось неудачно и нерасторопно. Врага удалось перехитрить, и к вечеру, оставив защитный кавалерийский заслон, линнская армия оторвалась от противника.

Ночью удалось отдохнуть, и у лорда Крега появилась надежда. Он понял, что в случае необходимости сумеет погрузить на корабли свои войска и убраться с планеты без дальнейших потерь. Это была соблазнительная перспектива. Она соответствовала его убеждениям, что марсианская война не имеет шансов на успех.

Но он сознавал, что возврат линнской армии невозможен. Его будут считать несостоявшимся полководцем. Ведь в конце концов это он выбрал место нападения, хотя и не одобрял кампанию в целом. И еще могли подумать, что он противился войне и поэтому сознательно проиграл сражение. Нет, он не мог возвращаться в Линн. К тому же нужно было ждать, когда второй флот доставит через две недели еще сто тысяч человек.

Две недели?! На четвертый день тонкие нити распределительных каналов начали пересыхать. К вечеру солдаты увязали в песке. Впереди расстилалась красная пустыня. На востоке, примерно в девятнадцати днях пути, находился другой канал, но лорд Крег и не думал о таком опасном пути. Семьдесят тысяч человек требовали много воды.

Впервые армия Крега оказалась отрезанной от воды. Положение стало угрожающим, когда одиннадцать из двенадцати космических кораблей, посланных за водой, взорвались при приближении к лагерю и залили пустыню и несчастных, оказавшихся под ними, кипятком. Один корабль приземлился, но вода в нем закипела, и его удалось спасти, только срочно выпустив воду в песок.

Почти сварившийся командир с трудом выбрался из рубки и доложил лорду Крегу:

— Мы выполнили ваш приказ, сэр. Выбросили почти все оборудование и погрузили корабль в канал, используя его как танкер. Вода немедленно начинала нагреваться.

И выругался.

— Это проклятые водяные боги, которым поклоняются марсиане.

— Чепуха,— ответил лорд Крег и приказал отвести командира на собственный корабль под арест.

Тщетная предосторожность. У других солдат появилась та же мысль. Марсианские боги заставили воду кипеть, поэтому-то корабли и взорвались. Лорд Крег в горячей речи, обращенной к легионам, указал, что в баках остальных кораблей ничего с водой не произошло.

Его прервал голос:

— Почему же тогда не привезти в них воду?

Солдаты подхватили замечание, и после этого не имело смысла отвечать им, что нельзя рисковать флотом.

На седьмой день армия начала испытывать жажду. Лорд Крег понял, что не может ждать прибытия второго флота. Он начал осуществлять свой план, о котором думал еще тогда, когда выбрал Ослин для нападения.

Ночью он вызвал двести кораблей и погрузил в них армию, почти по триста пятьдесят человек на корабль. Он предполагал, что шпионы марсиан надели мундиры мертвых линнских солдат и кружат вокруг лагеря, и поэтому не сообщал пункт назначения до вылета кораблей.

План его был основан на наблюдении, которое он сделал, когда юношей посетил Марс. Во время путешествия по каналу в Ослин он приметил город Магга. В этот город, расположенный в труднодоступных горах, можно было пройти по четырем узким дорогам, которые легко было защищать. Двадцать лет назад в нем был гарнизон. И лорд Крег справедливо решил, что легко справится с этим гарнизоном, если тот не укреплен. Был и еще один благоприятный фактор. Король Винатгин не поверил полученной информации, что ему противостояла главная экспедиционная армия Линна. Ежечасно ожидая высадки больших сил, он удерживал свои войска у Ослина.

Магту захватили вскоре после полуночи. Воды было множество. Когда неделю спустя прибыл второй флот, он тоже высадился в Магге — и экспедиция была спасена.

Даже сторонники Крега не сумели оценить его оборонительную победу. В Линне видели только, что армия была зажата в маленьком городке и казалась обреченной. И даже лорд-правитель приказал тайно проверить утверждение сына, что войско в безопасности.

Армия оставалась в Магге все лето и зиму. Весь год она была в осаде, и лорд Крег упрямо требовал от Пат-

роната еще двести тысяч солдат. Патронат отказывался слать войска на верную гибель. Однако лорд-правитель наконец понял, что положение Крега прочное, и лично потребовал посылки подкреплений. В тот день, когда лорд-правитель задумчиво спускался из убежища своего внука-мутанта, на пути к Марсу находились еще четыре легиона.

8

Лорд-правитель не очень удивился, когда две недели спустя Неллиан передал ему письмо от Клэйна. В письме говорилось:

«Моему деду, почтеннейшему лорду-правителю.

Я крайне сожалею, что не справился со своими эмоциями, когда Вы пришли ко мне. Позвольте заверить, что я горжусь оказанной мне честью и что Ваше посещение изменило мое мнение относительно многих предметов. До Вашего прихода в орлиное гнездо я не считал, что у меня есть обязательства перед семейством Линнов. Теперь я решил поддержать имя Линнов, которое Вы сделали великим. Приветствую Вас, мой высокодостойный дед, величайший из живших когда-либо людей.

Ваш восхищенный и скромный внук Клэйн».

В письме звучали мелодраматические нотки, и лорд-правитель не мог согласиться с утверждением, что он величайший из людей. Он даже не второй, хотя, может быть, и третий.

«Мой мальчик,— подумал он,— ты забыл моего дядю, полководца из полководцев, и его противника, яркую личность, которому в двадцатилетнем возрасте был присужден триумф и которому в еще более раннем возрасте было официально разрешено пользоваться титулом «великий». Я знал их обоих и знаю, чего стою я».

Тем не менее письмо было приятно лорду-правителю. Но оно и удивило его. В нем был некий подтекст, будто решение было принято человеком, обладающим властью и правом принимать решения.

Он отложил письмо в раздел семейной корреспонденции и начал им новый подраздел: «Клэйн». И забыл о нем. Но неделю спустя вспомнил, когда жена показала ему два по-

слания. Одно — адресованное ей, второе, незапечатанное,— лорду Крегу на Марс. Оба послания были от Клэйна. Лидия забавлялась.

— Тебя здесь кое-что заинтересует,— заметила она.

Лорд-правитель прочел адресованное ей письмо:

«Моей благородной бабушке.

Досточтимая леди, чтобы не обременять своими просьбами Вашего мужа, моего деда, почтительно прошу Вас отправить письмо обычной почтой моему отцу, лорду Крегу. В нем молитва, которую я прочту на следующей неделе в храме, молитва о даровании победы над марсианами. В следующей почте моему отцу будет послана металлическая капсула, освещенная на этой церемонии прикосновением богов — металлов Радия, Урана, Плутония и Экса.

Почтительнейше Ваш Клэйн».

— Ты знаешь,— говорила Лидия,— получив письмо, я сначала не поняла, кто такой Клэйн. Мне почему-то казалось, что он мертв. Но, похоже, он вырос.

— Да,— с отсутствующим видом ответил лорд-правитель,— да, он вырос.

Он внимательно рассматривал молитву, которую Клэйн посылал лорду Крегу. У него было странное чувство, что есть в этом что-то, что он пока не понимает. Почему письмо передается через Лидию? Почему не через него непосредственно?

— Ясно,— сказала Лидия,— что, поскольку будет посвящение в храме, письмо должно быть отослано.

Именно так, подумал лорд-правитель. Ничего не оставлено на волю случая. Они должны послать письмо. Они должны послать металл, освященный богами.

Но почему же все-таки информация передавалась через Лидию? Он прочел молитву, на этот раз поражаясь ее особенности. Такая заурядная, такая незначительная... И именно такие молитвы заставляют старых солдат думать, что они сражаются ради... слабоумных. Строчки располагались широко, и именно это заставило глаза правителя слегка сузиться.

— Что ж,— рассмеялся он,— я сам отошлю письмо.

Придя к себе, он зажег свечу и подержал письмо над огнем. Через две минуты между строками появилась запись, сделанная невидимыми чернилами. Шесть строк из

тесно подогнанных слов между каждыми двумя строками молитвы. Лорд-правитель, поджав губы, прочел подробную точную инструкцию. Это был план действий марсианской армии, не столько военный, сколько магический. И несколько раз упоминался взрыв храмов много лет назад.

В конце было оставлено место для его подписи. Он не стал сразу подписывать, но в конце концов подписал, положил письмо в конверт и приложил большую государственную печать. Потом сел и снова подумал: «Но почему Лидия?»

В сущности не нужно было долго гадать о размерах предательства, которое преследовало легионы лорда Крега в течение трех лет.

В такой семье, как наша, угрюмо подумал лорд-правитель, заговорщики договаривались здесь, в шестидесяти футах под орлиным гнездом, где ребенок богов прижимался ухом к трубе, слушал их слова и записывал невидимыми чернилами на страницах как будто чистого блокнота.

Лорд-правитель знал, что его жена бесконечно интригует за его спиной. Он женился на ней, чтобы оппозиция была представлена в правительстве. Она была дочерью одной из благороднейших семейств Линна; все взрослые мужчины этой семьи погибли, сражаясь на стороне Рахейнла. Двое из них были захвачены и казнены. Ей было девятнадцать лет, она была замужем и имела сына, впоследствии лорда Тьюса, когда Лорд-правитель организовал самый скандальный в истории Линна бракоразводный процесс и последующий вторичный брак. Лорда-правителя это не беспокоило. К тому времени он уже принял название города и государства как фамилию для своей семьи. Следующий шаг — залечить раны, нанесенные гражданской войной. Этим шагом была женитьба на Лидии, и шаг этот оказался мудрым.

Она служила клапаном для всех сжатых сил оппозиции, о намерениях которой он узнавал по действиям Лидии. И шел ей навстречу, насколько это было возможно. Будто бы следуя советам жены, он привлек на свою сторону сотни способных администраторов, солдат и патронов, которые помогали ему управлять все возрастающим населением Земли и ее колоний. В последующие годы все больше и больше оппозиционных членов Патроната поддерживали его законы. Они смеялись над его привычкой читать главные речи. Они высмеивали его любимые словечки: «Быстрее, чем сварить спаржу», «Слова изменяют

мне, господа», «Будем довольны синицей в руках». И другие. Но снова и снова в интересах империи они поддерживали его. И когда его агенты докладывали о готовящихся заговорах, дальнейшее расследование показывало, что в этих заговорах не участвует ни один влиятельный человек.

Не раз винил он Лидию в интригах. Она не могла не быть в оппозиции, как и он не мог, еще будучи юношей, не быть втянутым в водоворот политических амбиций своей группы. Ее убили бы сами оппозиционеры, если бы она показалась им слишком «нейтральной».

Нет, он не винил ее за ее действия в прошлом. Но этот случай был особым. Огромные армии уничтожались, чтобы качества полководца лорда Крега проигрывали в сравнении с лордом Тьюсом. Тут действовали личные интересы, и лорд-правитель понял, что перед ним главный кризис. Самое главное спасти Крега, но при этом не встревожить Лидию и остальных. Несомненно, у них есть возможность просматривать его личную переписку с Крегом. Посмеет ли он остановить их? Поступать так было бы неразумно.

Все должно казаться нормальным и разумным, иначе в испуге они могут предпринять попытку убить лорда Крега. Пока армия лорда Крега держится, группа не будет делать решительных шагов.

Сумка с почтой для лорда Крега попадет в их руки, как и в предыдущих случаях. Если письмо будет вскрыто, вероятно, будет предпринята попытка убить Клэйна... Следовательно, что?

Лорд-правитель разместил стражников во всех местах свиданий, окружив ими также основание орлиного гнезда. Он вывесил такой приказ, чтобы оправдать появление стражников:

«Мне надоело постоянно наталкиваться на бесстыдно целующуюся пару. Это настолько распространилось, что требуются решительные действия. Стражники будут сняты примерно через неделю. Я рассчитываю на здравый смысл всех, особенно женщин, и надеюсь, что в будущем такие спектакли не повторятся».

Неделя, чтобы защитить Клэйна до посвящения в храме.

Интересно было бы посмотреть, что станет мальчишка делать с металлом, но, конечно, его присутствие невозможно. В день посвящения лорд-правитель сказал Неллиану:

— Я думаю, он должен поездить по Земле. Без всякого заранее намеченного маршрута. И инкогнито. И пусть выедет завтра же.

С Клейном все. Лорд-правитель также посетил лагерь солдат за пределами города. Для солдат это был прекрасный день. Правитель роздал миллион сестерций. Были организованы бега, состязания в скорости и в других видах спорта; победители получили награды, и даже побежденные, которые честно боролись, получили значительные суммы.

Очень хороший день. Уезжая, лорд-правитель до самых городских ворот слышал приветственные крики. Потребуется несколько недель, если не месяцев, чтобы вызвать у этих солдат недовольство.

Приняв все возможные меры предосторожности, лорд-правитель отправил почту и стал ждать результатов.

Группа Лидии действовала быстро: рыцарь опустошил почтовую сумку, рыцарь и патрон просмотрели каждое письмо, разложив их в две стопки. Одна из стопок была снова помещена в сумку. Вторую просматривал лорд Тыос. Отобрав несколько писем, он передал их матери.

Лидия просматривала их одно за другим и протягивала те, которые нужно было распечатать одному из рабов, искусных в обращении с химикалиями. Именно эти рабы распечатывали письма.

Седьмым из отобранных было письмо Клейна. Лидия взглянула на надпись на конверте, увидела имя адресата, и губ ее коснулась легкая улыбка.

— Скажите мне,— проговорила она,— может быть, я ошибаюсь, но разве в армии карлики, мутанты и другие уроды не считаются дурным предзнаменованием?

— Именно так,— ответил один из рыцарей.— Увидеть одного из таких накануне битвы — значит проиграть ее. Иметь дело с одним из них — значит потерпеть неудачу.

Леди-предводительница улыбнулась.

— Мой благородный муж не интересуется такими феноменами. Нужно проследить, чтобы армии стало известно, что лорд Крег получил послание от своего сына-мутанта.

Она бросила письмо в сумку.

— Я уже читала его.

Три четверти часа спустя, курьер был на пути к кораблю.

— Ничего важного,— сказала Лидия сыну.— Твой от-

чим, по-видимому занимается только сохранением морали во дворце.

Лорд Тьюс задумчиво сказал:

— Хотел бы я знать, зачем ему понадобилось подкупать охранный легион.

Еще более удивили заговорщиков события следующего дня, когда лорд-правитель объявил объединенное заседание обеих палат Патроната. Как только об этом было объявлено, леди Лидия отправилась к мужу с расспросами. Но великий человек покачал головой, улыбнулся и сказал без явной хитрости:

— Моя дорогая, это будет приятным сюрпризом для всех. Ты должна позволить мне такие простые удовольствия.

Заседание должно было состояться через несколько дней. К этому времени шпионы Лидии ничего не сумели выяснить. И она, и лорд Тьюс встретились с отдельными лидерами Патроната в надежде, что у тех может быть «щепотка информации». Но поскольку ее саму искусно расспрашивали, Лидии стало ясно, что они были в таком же неведении, как и она. И вот впервые за много лет она сидела в своей ложе в Патронате, не зная какова повестка заседания.

Решающий момент наступил. Она видела, как ее муж прошел по проходу и поднялся на помост. В раздражении она схватила за руку лорда Тьюса и яростно прошептала:

— Что у него на уме? Вся эта история становится фантастической.

Тьюс ничего не ответил.

Лорд-правитель начал с предписанного обычаем обращения:

— Благородные члены моей семьи, мудрые и щедрые лидеры Патроната, благородные патроны и их достойные семьи, рыцари империи и их леди, почетные члены, представители доброго народа империи Линна, я с радостью объявляю вам о своем решении и не сомневаюсь в вашей единодушной поддержке...

Аудитория затихла. Лидия закрыла глаза. Слова ее мужа означали, что не будет споров, не будет обсуждения. Патронат формально ратифицирует решение, но на самом деле оно станет законом, как только правитель произнесет свое решение.

Тьюс склонился к матери:

— Обрати внимание, он же читает свою речь.

Лидия не заметила этого. А следовало бы, подумала она. Ее шпионы среди домашней прислуги сообщали, что не нашли ни клочка бумаги, никакого черновика в частных владениях правителя и в его кабинете.

На помосте Линн продолжал:

— Нелегко человеку, ведущему, подобно мне, активную жизнь, осознать, что годы проходят. Но не может быть сомнений, что я старею, физически я не так крепок сегодня, как было лет десять назад. Пришло время подумать о наследнике, причем я имею в виду не только преемника, но соправителя. Он будет соправителем, пока я остаюсь правителем, и станет единоличным правителем после моей смерти или отставки. Размышляя об этом, я сообщаю вам с радостью, что возлагаю эту важную должность на моего возлюбленного сына, лорда Крега, чье долгое и честное служение империи в последние годы было подкреплено значительными военными достижениями.

Одну за другой перечислил он заслуги лорда Крега. Затем продолжил:

— Его первым большим достижением в марсианской кампании, так злополучно начатой, стало спасение армии из тяжелого положения, когда по случайному совпадению в момент высадки ей противостояла намного превосходящая вражеская армия, в результате чего могло произойти небывалое поражение линнской армии. Почти чудом удалось ему провести армию в тайное место, где она могла защищаться. А теперь мы уверены, что он одержит победу, которую вырвал у него случай два года назад.

Он помолчал и, пока Лидия слушала, широко открыв глаза и осознавая глубину своего поражения, твердо сказал:

— На своего сына, лорда Крега, я возлагаю совместное со мной управление Линнской империей и даю ему титул лорда-соправителя. Этот титул не подчинен моему, как лорд Крег не подчинен мне, за исключением границ, связанных подчинением сына отцу.

Лорд-правитель снова помолчал и улыбнулся странной бледной улыбкой, потом добавил:

— Я знаю, что вы вместе со мной будете радоваться этому счастливому известию и быстро утвердите — я надеюсь, сегодня же — это назначение, так, чтобы мой сын обладал всей полнотой власти накануне решающей битвы.

Он поклонился и сошел с помоста. Наступила тишина. Аудитории, казалось, потребовалось время, чтобы понять, что он кончил. Но когда загремели аплодисменты, они звучали яростно до тех пор, пока он не покинул мраморный зал.

9

Лорд Крег читал письмо Клэйна с хмурой улыбкой. Он понял, что молитва была использована мальчиком, чтобы замаскировать более важное сообщение, и необходимость в такой уловке удивила его. Она придавала вес документу, с которым обычно такие планы не связываются.

Важной особенностью плана было то, что он требовал лишь незначительных изменений в расстановке войск. Целью плана была атака. Но добавлялся невероятный психологический фактор. В пользу плана говорил взрыв одиннадцати космических кораблей с водой. Со времени взрыва прошло два года, но феномен так и остался необъясненным.

Крег долго размышлял над тем местом письма, где утверждалось, что присутствие армии короля Винатгина в Ослине не было случайностью, но было вызвано предательством. «Я просидел взаперти два года,— горько подумал он,— сражаясь с превосходящими силами противника, потому что моя мачеха и ее толстяк-сын стремятся к неограниченной власти».

Он видел себя мертвым, а лорда Тьюса — наследником лорда-правителя. Мысль эта показалась ему отвратительной. Он резко и решительно вызвал к себе храмового ученого, прикомандированного к армии, человека, известного своим знанием Марса.

— Как быстро движется в это время года вода по каналу к городу Ослин?

— Примерно пять миль в час,— был ответ.

Крег обдумал его. Примерно сто тридцать миль в марсианский день. Достаточно трети или даже меньше. Если освященный металл бросить примерно в двадцати милях к северу от города, эффект будет достигнут как раз в момент планируемого наступления. Никакого вреда такое изменение плана не принесет, успокаивал он себя.

Армия все еще готовилась к наступлению, когда с Земли пришла новость, что Крег назначен лордом-соправите-

лем. Новый правитель Линнской империи сообщил об этом в скромном коммюнике и удивился результату. Куда бы он ни шел, солдаты встречали его приветственными криками. Служба безопасности уже доносила ему, что войско ценило то хладнокровие и мастерство, с каким он вывел армию из западни после первой высадки. Но теперь он чувствовал себя объектом личного преклонения.

В прошлом он изредка встречал офицеров, вызывавших у подчиненных дружеские чувства. Впервые он сам вызвал его. И сразу оказались оправданными годы тяжелой полевой жизни, напряженная работа среди множества измен. Как друг и старший товарищ, как главнокомандующий и собрат по оружию, лорд-соправитель Крег Линн в день наступления обратился к своим людям со специальным посланием.

«Солдаты Линна! День и час победы близок. У нас достаточно сил и вооружения для достижения любой цели. В эти мгновения перед решающей битвой вспомним еще раз, что цель победы — объединенная Солнечная система, один народ и одна Вселенная. Наша цель — немедленный и полный успех. Но помните: победа — всегда результат несгибаемой целеустремленности, соединенной с искусством бойцов. Поэтому прошу вас: ради вашей жизни и нашей победы стойте на месте прочно и, когда можете, идите вперед. Как солдаты, мы посвятили себя с самыми чистыми и правдивыми намерениями атомным богам и победе. Каждому из вас желаю успеха.

Крег Линн, лорд-соправитель».

Исход второй битвы при Ослине никогда не вызывал сомнений. В утро битвы жители города, проснувшись обнаружили, что канал шириной в милю и все мелкие каналы заполнены кипятком. Пар густыми облаками поднимался над городом. Он скрывал космические корабли, опускавшиеся прямо на улицы. Он скрывал солдат, выгружавшихся из кораблей. К середине утра солдаты короля Винатгина начали сдаваться в таких количествах, что королевская семья не могла бежать. Монарх, плача от стыда, попросил защиты у линнского офицера, который под охраной отвел его к лорду-соправителю. Побежденный король упал к ногам Крега и затем, помилованный, но закованный в цепи, стоял как пленник на холме рядом с победителем и смотрел на крушение военной мощи Марса.

Через неделю сдались все крепости, кроме одной, в далеких горах; так Марс был завоеван. В разгар триумфа в сумерках одного дня отравленная стрела вылетела из тени здания в Ослине и пронзила горло лорда Крега. Он умер через час в страшных мучениях, а убийца так и не был найден. И когда три месяца спустя известие о его смерти достигло Линна, обе стороны действовали быстро. Лидия приказала убить двух рабов — знатоков химии и курьера через несколько часов после известия о победе Крега. Теперь же она послала убийц к двум рыцарям и патрону, помогавшим ей вскрывать письма. Одновременно она велела Тьюсу покинуть город.

Когда солдаты старого лорда-правителя явились, чтобы арестовать Тьюса, предупрежденный, он уже находился на борту своего космического корабля. Его бегство вызвало первый приступ ярости у правителя. Он решил отменить свой визит к Лидии. Медленно тянулся первый день, и в нем постепенно крепло мрачное восхищение женой: он понял, что теперь, после смерти Крега, не может разорвать с ней отношения. Он решил, что не она организовала убийство Крега. Какой-нибудь испуганный приверженец, боясь за себя, действовал на свой страх и риск; а Лидия, прекрасно понимая ситуацию, лишь постаралась смягчить его. Для империи разрыв с ней мог бы оказаться роковым. Когда она со свитой явилась, чтобы выразить ему соболезнования, он уже принял решение. Лорд-правитель со слезами на глазах взял ее за руку.

— Лидия,— сказал он,— для меня это ужасный момент. Что ты предлагаешь?

Она предложила объединить государственные похороны и триумф. И добавила:

— К несчастью, Тьюс болен и не сможет присутствовать. Похоже, что болезнь удержит его надолго.

Лорд-правитель понял, что она смиряет свои честолюбивые устремления относительно Тьюса, по крайней мере на время. Это была большая и необходимая уступка в связи с его решением замять это дело.

Он наклонился и поцеловал ее руку. На похоронах они рядом шли за гробом. И поскольку мозг его мучился сомнениями относительно будущего, он продолжал спрашивать, что теперь? Это была агония нерешительности, сознание ограниченных возможностей стареющего человека.

Он все еще рассуждал в уме об этом, когда взгляд

его коснулся мальчика в траурном одеянии ученого. Мальчик шел рядом с Неллианом, и поэтому он узнал его. Клэйн.

Лорд-правитель шел за сверкающим гробом, в котором лежал его сын, и впервые за последнее время боль его слегка отступила. Он задумался. Кажется, особенно надеяться на мутанта нельзя. И все же он вспомнил слова Джоквина о том, что мальчику нужно дать возможность вырасти. «И тогда он себя покажет»,— говорил покойный ученый. Он предсказывал, что Клэйн займет свою нишу в линнском «зале славы».

Медрон Линн угрюмо улыбнулся. Обучение мальчика должно продолжаться. Нужно распорядиться об эмоциональной добавке.

Хотя Клэйн едва достиг половой зрелости, вероятно, пора ему знать, что женщины представляют собой клубок эмоций, опасный, но восхитительный. Опыт общения с женщинами поможет ему достичь физического и душевного равновесия, иначе его существование станет односторонним.

10

— Семья Даглет, позже переименованная в Линн,— говорил ему Неллиан,— вступила в банковское дело около пятидесяти лет назад.

Стоял теплый летний день. Прошло несколько недель после похорон лорда Крега. И учитель, и ученик сидели под большой смоковницей во дворе имения, унаследованного Клэйном от Джоквина. Четырнадцатилетний мальчик, не отвечая, приподнялся со своего кресла. Он смотрел на дорогу, которая вела в Линн. На горизонте виднелось облачко пыли, один раз солнце блеснуло на металле. Возможно, повернулось колесо, но было еще слишком далеко, чтобы разглядеть подробности.

Клэйн понял это и сел, а слова его были ответом Неллиану:

— Разве не правда, что основатель семьи сидел на углу улицы и давал проходящим деньги в обмен на заклад — драгоценности, кольца?

— Я считаю, что ваш предок,— ответил старый ученый,— был проницательным ростовщиком и знал толк в благородных металлах. И постепенно он завел свое дело.

Мальчик хихикнул.

— Однокомнатное деревянное сооружение, очень плохо защищенное от дождя и холода.

— И все же это был собственный дом,— сказал учитель,— с которым связано представление об определенном достатке. История говорит, что позже, когда он смог покупать рабов, он построил себе несколько домов разнообразных по размерам и в каждом проводил по одному дню, переодеваясь соответственно. Так он в разные дни недели встречался с разными слоями населения. В один он, сидя на скамье, ссужал деньги работнику, в другой день имел дело с рыцарской семьей, которая закладывала свои замки, чтобы продолжать вести жизнь, которую им не позволяли средства. Ваш предок понял неразумность ложной гордости и с объективностью использовал ее в своих целях. Вскоре он владел большим количеством домов и имений и имел врагов, которые неразумно закладывали свою собственность, чтобы на месяц-два оттянуть выплату долгов.— Неллиан помолчал и вопросительно взглянул на ученика. Потом сказал: — Выражение вашего лица свидетельствует, что вы задумались над моими словами, молодой человек.

Клэйн молчал, слегка покачивая головой.

— Я думаю о гордости, которая послужила причиной падения многих семей и империй.— Он вспомнил свою склонность к оцепенению в присутствии некоторых людей. Может, так он выражал свою гордость?

Он объяснил это Неллиану.

— Как я понимаю, тем самым я сохраняю самоуважение, как будто мной овладело что-то внутри меня. При таких обстоятельствах я могу жалеть себя, но не стыдиться.

Он покачал головой, потом вспомнил и посмотрел на зеленые холмы, где в облаке пыли теперь постоянно блестел металл. Но разобрать что-либо все еще было нельзя, и Клэйн сказал:

— Я думаю, что раньше это случалось со мной так часто, что теперь я с собой не справлюсь.

— Но вы с каждым разом все лучше владеете собой,— быстро сказал Неллиан.

— Это верно,— мальчик кивнул и оживился.— Я как солдат, который с каждой битвой все больше становится ветераном.— Он нахмурился.— К несчастью, есть войны, в которых я не участвовал.

Неллиан улыбнулся.

— Вы должны продолжать преодолевать ограниченные препятствия, как вы давно решили с Джоквином. И, все об этом свидетельствует, такова политика вашего деда.

Клэйн взглянул на него сузившимися глазами.

— Почему мой дед стал заниматься этим только с недавнего времени?

Длинное морщинистое лицо учителя осветилось насмешливой улыбкой.

— Это вполне закономерно.

— Закономерно?

— Ваш статус после провозглашения вашего отца лордом-соправителем соответственно изменился.

— Ах это!— Клэйн пожал плечами.— Но это не имеет практического значения. Как мутант, я в своей семье подобен горбуну, которого терпят лишь из-за кровного родства. Когда я вырасту, то смогу интриговать за сценой... В лучшем случае выполнять роль посредника между храмами и правительством. Мое будущее стереотипно и стерильно.

— Тем не менее,— возразил Неллиан,— у вас, как у одного из трех сыновей лорда-соправителя Крега Линна, имеются законные права в правительстве, и вам придется ими воспользоваться, хотите вы этого или нет.— И сварливо закончил: — Позвольте сказать вам, что вы пренебрегаете своими правами. Мы с Джоквином зря тратили на вас время. В беспокойной Линнской империи вы либо будете жить в соответствии со своим рангом, либо погибнете от руки убийцы.

Мальчик холодно сказал:

— Старик, продолжайте урок истории.

Неллиан улыбнулся.

— В другой манере, но ваши перспективы напоминают перспективы вашего предка. Вы презренный мутант. Он презренный ростовщик. Перед ним стояли не меньшие, если не большие препятствия, чем перед вами. И все же, мой мальчик, мы говорим о человеке, который основал семью Линн. Когда вы заглядываете вперед, вы видите только трудности. Оглядываясь назад на его карьеру, мы видим, как просто все было для храброго человека, действовавшего среди неразумных людей. Благородные семьи, занимавшие у него деньги, лишь старались как можно дольше сохранить видимость богатства. И, конечно, когда истекал срок, они винили не себя, а молодого Гована

Деглета. Но тот лишь нанимал добавочных телохранителей и отнимал у должников имущество. К тридцати годам он был уже настолько богат, что смог взглянуть на почти разоренные семьи патронов в поисках невесты. Его предложение потрясло патронов до глубины их аристократических душ. Но патрон Сеппер был человек, считавшийся с реальностью. Чтобы спасти себя от гибели, он согласился на брак своей прекрасной дочери Пиикарды Сеппер с презренным ростовщиком. И она делила с ним постель и рожала ему детей, хотя всю жизнь не любила их. Она называла их, включая вашего прапрадеда, «рабьим отродьем».

Тонкое лицо мальчика исказила циничная усмешка.

— Если она была так настроена, думаю, что дети были не его. Вспомните, Неллиан, в своем убежище во дворце я годами был свидетелем любовных свиданий самых известных придворных дам. Внешне все они респектабельны, все замужем, но переходят от одной связи к другой. Не раз я слышал признания, что ребенок, которого носит дама, совсем не от ее мужа. Конечно, неважно, являемся ли мы, Линны, прямыми потомками Гована Деглета. Мы унаследовали его деньги, а кровь Сеппера дала благородство... Но...— Он пожал плечами.

— Гован знал аристократок и их мораль. Он все время следил за женой; будучи страстной женщиной, она вскоре поняла, что единственным источником ласки для нее является муж. История утверждает, что он был счастливым и довольным мужем.

Ученый встал.

— Молодой человек, я думаю,— сказал он,— пора прекратить урок. Через несколько минут здесь будет ваш дед, лорд-правитель.

— Мой дед!— Клэйн, дрожа, вскочил. Мгновенно самообладание покинуло его. Крайним напряжением овладев собой, он спросил: — А чего он хочет?

— Он везет с собой несколько недавно захваченных на Марсе девушек. Они будут вашими любовницами. Мне сказали, что девушки очень хорошенькие.

Он замолчал. Клэйн его не слышал.

Для Клэйна слова Неллиана превратились в бессмысленные звуки, а потом...

Чернота!

Позже, может быть, в тот же вечер, он осознал себя. Он лежал на полу в своей спальне. С кровати на

него смотрела испуганная девушка. Она истерически кричала:

— Не хочу! Убейте меня, но он ненормальный! Я не хочу!

Откуда-то, вне поля зрения Клэйна, донесся холодный голос лорда-правителя.

— Выпорите ее. Четыре хлыста. Но не калечьте.

Когда в следующий раз Клэйн пришел в себя, девушка склонялась над ним:

— Бедный! Тебе так же плохо, как мне... Иди в постель. Придется пройти через это.

Жалость в ее голосе снова вызвала его беспамятство. Жалости он не выносил.

Он чувствовал, что проходило время. У него было несколько любовных видений, которые казались ему нереальными. В этих видениях он был яростным и ненасытным, а девушка робкой и нежной.

Потом другие видения. Появилась другая девушка. Он слышал слова Неллиана.

— Поразительно! Я не знал, что у мужского тела такие огромные возможности для любви.

Но все это было как сон. Он узнал, что первую девушку зовут Селк. Имя второй он так и не узнал, не узнал имен других, да и не был уверен, что они были. Потому что вскоре ему нужна была только Селк. В этот момент он достиг наибольшей остроты сознания. Его поучал дед, одну из фраз он запомнил навсегда. «Мой мальчик, если ты настаиваешь, чтобы она была только одна, тогда тебе придется приспособиться к ее возможностям».

Клэйн смутно помнил, что согласился с лордом-правителем. Он приспособился.

Он полностью пришел в себя за обедом. Клэйн остановился, поднеся ложку ко рту... Что-то в нем привлекло внимание ученого.

— Что, Клэйн?

Мальчик кивнул.

— Я хотел бы продолжить разговор, начатый в тот день,— сказал он,— о моем предке Говане. Что было с его детьми?

Неллиан облегченно вздохнул и мысленно продиктовал письмо лорду-правителю: «Ваше превосходительство,— сочинял он.— Через год и восемь месяцев лорд Клэйн полностью оправился от эмоционального шока, вызванного зна-

комством с женщиной. Мозг действительно странный инструмент».

Вслух он сказал:

— Ваш прапрадед Гован Деглет был банкиром и патроном. У него были отделения во всех главных городах...

Историю семьи Деглет-Линн изучал и другой, более взрослый учащийся. Семь лет после убийства Крега лорд Тьюс прожил в Аваях на Норе.

У него было небольшое имение на главном острове архипелага, и после случившегося мать посоветовала ему избрать именно его для жительства, а не большие поместья на материке. Умный, осторожный человек, Тьюс новая ценность Совета. Если он хочет остаться живым, его удел — власяница и пепел.

Вначале это был сознательный обман. В Линне Лидия напрягала мозг в поисках объяснения и в конце концов заявила, что ее сын устал от политики и удалился, чтобы на покое предаться размышлениям. Долгое время ее вздохи были убедительными, она так описывала его чувства, как будто сама стремилась избавиться от обязанностей своего положения. И ей верили.

Патроны, губернаторы и послы на пути из Линна через океан останавливались, чтобы отдать дань уважения сыну Лидии. Но постепенно они начали сознавать, что он в немилости.

Напряженное молчание лорда-правителя при упоминании имени Тьюса вскоре стало известно всем администраторам и политикам. После этого все стали умными. Вспомнили, как торопливо удалился из Линна Тьюс, когда было получено сообщение о смерти лорда Крега — сына лорда-правителя. В то время его отъезд был едва замечен. Теперь об этом вспомнили и сделали выводы. Большие корабли, несущие правительственных чиновников, перестали останавливаться на острове.

Изоляция глубоко повлияла на Тьюса. Он стал наблюдателен. Впервые он заметил, что островитяне выходят в океан. В воду, которая была с легендарных времен отравлена атомными богами. Значит, вода больше не смертоносна? Он отметил это для будущих исследований и впервые заинтересовался тем, что жители острова называют океан Тех. Жители континентов передвинулись подальше от берегов, чтобы уйти от смертоносных испарений моря и забыли древнее название.

Он размышлял о возрасте цивилизации, которая пре-

терпела такую ужасную катастрофу, что забыты даже названия океанов. Сколько? Он мог предполагать: тысячи лет.

Однажды он писал матери:

«Ты, знаешь, раньше это меня не интересовало. Но теперь я впервые задумался над происхождением нашей культуры. Возможно, вместо того, чтобы заниматься бесконечными интригами, мы должны были бы поинтересоваться своим прошлым и выяснить, какие смертоносные силы высвободились давным-давно на этой планете. Меня беспокоит вот что: те, кто действовал против Земли, готовы были буквально уничтожить планету. Такая безжалостность для меня неожиданна, и хотя это все отвлеченные рассуждения, я с некоторым беспокойством смотрю в будущее... Возможно ли, чтобы борьба за власть между группами достигала такого размаха, что весь мир содрогнется от безумия этой борьбы? Я предполагаю внимательнее всмотреться в эти проблемы, чтобы выработать здравую философию власти».

В другом письме он заявлял:

«Мне всегда досаждала примитивность нашего оружия. Я склонен верить сказкам о существовании в древности различных типов огнестрельного оружия. Как ты знаешь, в нашей истории имеется очень странный парадокс. Мы владеем машинами, которые так тщательно сконструированы, что могут быть герметично закрыты для путешествий в безвоздушном пространстве. Знание металлов, которые делают это возможным, унаследовано Линном, но его истинное происхождение неизвестно. С другой стороны, наше оружие — луки, копья, стрелы. Я думаю, в прошлом это примитивное оружие было заменено другим, совершенно новым типом оружия, которое, в свою очередь, сменилось еще более новым. Это означает, что промежуточные виды вооружения просто исчезли из нашей культуры, тайны их производства забылись. Эти сложные устройства трудно было производить — я все еще рассуждаю,— и поэтому умение передавалось от отца к сыну, как произошло со знаниями в металлургии. Мы знаем, что даже во времена варварства храмы были хранилищами производственных знаний, и похоже, что кто-то сознательно уничтожил некоторые виды древних знаний. Мы знаем также, что с древ-

них времен храмы противятся войнам. Возможно, в них сознательно была уничтожена информация, касающаяся оружия».

Среди прочего Тьюс тщательно изучал происхождение семьи Линн. Как и Клэйн, изучавший ту же историю, Тьюс отметил, что Косан Деглет, сын основателя династии, был изгнан из Линна врагами семьи. Изгнанный формально, со своей собственностью он переселился на Марс, и потом с помощью отделения своего банка сумел возобновить дело и на Земле. Как и многие проницательные люди до него, он предвидел изгнание; когда захватили его дома, там нашли удивительно мало сокровищ.

Враги Косана были вынуждены повысить налоги. Эти налоги оказались столь обременительными, что деловые люди все сильнее хотели возвращения Косана Деглета. Это желание, отметил Тьюс, мудро стимулировалось с Марса самим Косаном. В нужный момент представители народа формально пригласили Косана вернуться из изгнания, подавили попытку части благородных семей силой захватить власть и провозгласили Косана лордом-правителем.

В течение тридцати лет Косан был фактическим повелителем Линна. Тьюс вспомнил, как однажды посетил дом, где жил Косан Деглет. Теперь это было торговое здание, но у входа висела медная доска с надписью: «Прохожий. Когда-то это был дом Косана Деглета. В нем жил не только великий Человек, но само знание обитало в этом доме».

Погоня за знаниями и банковское дело — таковы были краеугольные камни власти Деглетов. Так решил лорд Тьюс. В ключевые моменты банковские интересы семьи были такой притягательной силой, что подавляли всякое сопротивление. И во все годы их роста страсть к собиранию произведений искусства и связь с учеными приносили им уважение и восхищение, что помогало уменьшить влияние случайных ошибок.

В течение долгих месяцев изучения и одиночества, последовавших за изгнанием, Тьюс много думал об этом и постепенно стал критически оценивать свою жизнь в Линне. Он увидел ее безумие и бесконечное надувательство и со все большим удивлением читал письма матери. Это был рассказ о бесконечных обманах, заговорах и убийствах, написанный простым кодом, эффективным, поскольку был

основан на значениях слов, известных только его матери и ему самому.

Удивление перешло в отвращение, а отвращение вызвало понимание величия семьи Деглет-Линн по сравнению с ее противниками. «Нужно что-то делать с этой бандой невежественных воров и рвущихся к власти негодяев,— решил Тьюс.— Мой отчим, лорд-правитель, предпринял решительные действия, расправляясь с ними».

Его озарило. Такой подход больше не является правильным. Для объединения Вселенной больше не нужно сосредоточивать власть в руках одного человека или одной семьи. Старая Республика также невозможна — ее губили бесконечные раздоры. Но теперь, после десятилетия всеобщего, но разделенного на партии патриотизма под руководством лорда-правителя, можно восстановить республику, и, весьма вероятно, она уцелеет, если не заниматься интригами.

Особую опасность представляла леди Лидия, жена Медрона Линна.

Лорд-правитель остановился, лицо его стало задумчивым.

— У нас странная семья,— сказал он.— Сначала ростовщик, потом проницательный Косан Деглет, который сумел стать лордом-правителем. Можно опустить Парили-старшего: его слабость позволила вырасти оппозиционным силам. Но кризис наступил в большой битве за контроль над храмами во времена Парили Деглета и его брата Лорана. Их не любили, потому что они действовали деспотично и потому, что они заметили то, чего почти никто тогда не замечал,— растущую власть храмов. Жрец, политик, действуя через легко поддающуюся воздействию храмовую конгрегацию, все более и более влиял на государство, и почти всегда его влияние было нереалистичным и узколобым, направленным только на усиление храмов. Парили и Лоран совершенно сознательно — я в этом не сомневаюсь — вели затяжные войны, главной целью которых было удержать большие массы людей подальше от храмов и одновременно придать им солдатскую философию, противостоящую власти храмов. Группа, позже связавшая себя с Рахейнлом, в это время пользовалась поддержкой, открытой и тайной, храмовых ученых, и следует отдать должное Лорану, моему отцу, и его брату: они сумели удержать власть и влияние, хотя все их ненавидели и против них

непрерывно действовали храмы. Вспомним: они были изгнаны на пятнадцать лет и вернулись уже в тридцатилетнем возрасте. Во время этих пятнадцати лет в Линне действовал закон, по которому смертной казни подлежал каждый, кто хотя бы предложил разрешить Деглетам возвращение в Линн. По этому обвинению были повешены и обезглавлены некоторые друзья нашей семьи.

Лорд-правитель угрюмо помолчал, как будто чувствовал боль за смерть давно изгнанных. Немного погодя он оторвался от своих раздумий и сказал:

— Парили и Лоран вернулись в Линн во главе армии шестьдесят лет назад. Они были решительными и жестокими правителями. Они отказались хоть в чем-то полагаться на толпу, истерически приветствующую их возвращение, в атмосфере убийств и казней они удерживали свою власть безжалостным контролем. Парили был замечательным полководцем, Лоран — выдающимся администратором,— естественно, именно он вызывал гнев врагов семейства. Как сын Лорана, я много раз наблюдал его методы. Они были жестоки, но необходимы, и неудивительно, что, несмотря на все предосторожности, он был убит. Дядя братьев удержал власть до возвращения с Венеры Парили с несколькими легионами. Парили быстро восстановил положение нашей семьи, став лордом-правителем. Первое, что он сделал,— встретился со мной. Мне было тогда семнадцать лет, и я был единственным прямым наследником Деглетов. То, что сказал Парили, встревожило меня. Он предвидел свою смерть, так как был серьезно болен, а это означало, что я буду еще очень молод, когда наступит кризис.

И вот в семнадцать лет я стал лордом-соправителем со всей полнотой власти. Мне было двадцать два, когда он умер, и через несколько месяцев начались ожидавшиеся волнения. Из-за дезертирства части армии они оказались даже опаснее, чем мы думали. Потребовалось восемь лет гражданской войны, чтобы выйти из тупика.

Усталый, стареющий правитель помолчал, а потом сказал:

— Если возможно, нужно предотвратить такую катастрофу, когда придет мое время. Поэтому необходимо использовать всех членов семьи. Клэйн тоже должен сыграть большую роль.

Неллиан, который терпеливо ждал, когда же правитель скажет о цели вызова, спросил:

— Что же вы ему предназначили?

Лорд-правитель колебался, потом глубоко вздохнул и резко сказал:

— Мы не можем ждать, пока храмовые ученые завершат его образование. После смерти Джоквина присутствие Клэйна не вызывает у них энтузиазма — это следы старых восстаний и современных интриг. Спроси Клэйна, готов ли он немедленно надеть мантию главного ученого и тем самым стать членом внутренней храмовой иерархии.

— В шестнадцать лет!— выдохнул Неллиан, все, что он мог сказать.

В сущности он не видел ничего плохого в предложении сделать шестнадцатилетнего юношу одним из руководителей храмов. Представление о правах семьи укоренилось в нем не менее прочно, чем в лорде-правителе. Но как старый сторонник храмов он чувствовал беспокойство от явного стремления использовать Клэйна для подчинения храмов семье Линнов.

Он с тревогой подумал: «Если я правильно учил мальчика, он не будет полностью на стороне семьи, а будет самостоятельно использовать свое положение в храмовой иерархии». Тем не менее это была лишь возможность. Клэйн по-своему высокомерен.

Вслух Неллиан наконец сказал:

— Ваше превосходительство, интеллектуально мальчик готов. Эмоционально...— и он покачал головой.

Лорд-правитель, присевший ненадолго, вскочил и остановился прямо перед учителем, глядя на него сверху вниз. Он сказал тоном, не терпящем возражений:

— Клянусь атомными богами, он должен пройти и через это. И передай ему, что я не позволю оставлять единственной любовницей эту девушку Селк. Нельзя допускать, чтобы он оставался влюбленным в одну женщину. Это не значит, что он должен отослать ее, просто должны быть и другие. Передай ему, что когда через десять дней он войдет в храм Джоквина, то войдет как главный ученый, и я хочу, чтобы он действовал соответственно.

Он отвернулся, показывая, что решение окончательное. Потом снова повернулся к учителю и добавил:

— Напоминаю тебе об опасности убийства. Посоветуй ему держаться в стороне от Лидии. Все. Можешь идти.— И вышел из комнаты.

Через три месяца Неллиан вторично был приглашен в

Капитолийский дворец; на этот раз лорд-правитель казался менее напряженным.

— Я кое-что слышал о мальчике,— сказал он.— Но предпочитаю информацию из первых рук. Что за лечебные методы, которые он пользует в своем главном храме?

Учитель нахмурился.

— Весьма предосудительная практика,— холодно сказал он.— Однако лорд Клэйн заверил меня, что у него чистые эксперименты, поэтому я остаюсь наблюдателем.

Лорд-правитель, расхаживавший по комнате, взглянул на старого ученого. Он вспомнил, что Неллиан в прошлом республиканец и сохранил республиканские взгляды, поскольку приверженцы республики связали себя пагубной храмовой практикой массового внушения, и неодобрение чего-либо было совершенно неприемлемо для лорда-правителя. Особенно важно это было в делах, связанных непосредственно с храмами.

Он уже хотел так и сказать, но передумал и спокойно спросил:

— Что же случилось и что ты не одобряешь?

Неллиан тепло ответил:

— Ваш внук давно интересовался храмовыми ритуалами и их воздействием на множество людей. В качестве эксперимента он поместил в храме Джоквина, который он, как вы знаете, теперь возглавляет, причудливую машину, которую он извлек из древних раскопок. На машине множество циферблатов и движущихся частей, так что она вызывает суеверный страх. К моему удивлению, ваш внук заявил, что он будет лечить больных и раненых, но предварительно их должна зарегистрировать эта машина. Это просто значило, что больной должен был сидеть и смотреть на циферблаты, очевидно, настраиваясь на их целительную силу. Я сам слышал, как лорд Клэйн говорил одному больному, что с этого момента все его ощущения будут исходить из машины и что он будет днем и ночью ощущать ее целительную силу.

Старый ученый помолчал.

— Ваше превосходительство, мне больно видеть, как ваш внук использует почтение людей к храму. Меня беспокоит такой цинизм.

— И каков же результат?— спросил лорд-правитель.— Я не верю услышанным рассказам, слишком они благоприятны. Лечит ли машина больных и раненых?

— Конечно, нет.— Неллиан говорил нетерпеливо.—

Но, ваше превосходительство, вы не поняли. Использование преклонения перед храмами для таких мирских целей явно...— он запнулся в поисках слова,— ...кощунственно.

Медрон Линн с любопытством взглянул на него.

— Вы говорите, что Клэйн использует храмовые ритуалы внушения. А как, по-вашему, их можно использовать?

Неллиан был тверд.

— Только в духовных целях. Чтобы привести мужчин и женщин к большему почитанию богов. Использовать это в целях лечения...— Он содрогнулся, покачал головой и сказал решительно: — После нового года я не хочу иметь ничего общего с этим экспериментом.

Линн Линнский прохаживался у окна, пытаясь скрыть улыбку. Потом остановился и спросил:

— Сам ли Клэйн исполняет ритуалы? Кажется, это слишком трудная задача для одного человека?

Учитель, неожиданно повеселев, покачал головой.

— Вначале он так и делал. Но вы, наверное, знаете, что он давно слыл чем-то вроде покровителя мутантов. Самых разумных из них он обучил ритуалам, связанным с машиной. Теперь они работают с машиной долгие часы, ваш же внук посещает храм лишь раз в неделю. Что хорошо в этой истории, так это изменившееся отношение к мутантам. Потребуется немало времени, чтобы изменения проникли в низшие классы, поскольку Линн полон циников. Уже наблюдается постоянное движение к терпимости, правда пока еще очень медленное. Но должен существовать и другой способ изменить отношение к мутантам.

— Что ты предлагаешь?— мягко спросил у него лорд-правитель.

— У меня в данный момент ничего нет,— ответил Неллиан,— но я не сомневаюсь, что может быть найден метод, который не будет связан с таким святотатством.

Правитель задумчиво кивнул и сказал серьезным тоном:

— Я глубоко уважаю тебя, Неллиан, как ты знаешь. Но меня очень беспокоит проблема мутантов. Я хочу, чтобы ты с терпимостью отнесся к деятельности моего внука, а тем временем подумал о другом методе... Принятие мутантов населением... Не будем волноваться об отношении высших классов.— Он ровно закончил: — Как только разработаешь альтернативный метод, приходи ко

мне, и, если он окажется практичным, я полностью поддержу тебя.

Неллиан угрюмо кивнул.

— Очень хорошо, ваше превосходительство. Я не хочу казаться негибким. Всем известна моя терпимость, но это слишком для принципиального человека. Я разработаю такой метод и должным образом представлю его вам. Желаю вам всего наилучшего, сэр.

Медрон Линн окликнул его:

— Скажи Клэйну, чтобы он не попадался на глаза моей жене.

Учитель остановился в дверях, повернулся и серьезно ответил:

— Хорошо, ваше превосходительство.

Лорд-правитель сухо сказал:

— Что же касается лечащей машины, единственное мое сожаление, что я нелегко поддаюсь внушению, ибо немного упрощенности сейчас мне бы не помешало.

Неллиан сказал:

— Почему бы вам не посетить храмы обычным порядком, сэр? Я уверен, что боги дают успокоение даже благороднейшим умам.

— В этом мы с тобой не согласимся,— последовал сардонический ответ.— Хорошо известно, что атомные боги интересуются только невежественными, простыми, верящими и, конечно, своими верными слугами — храмовыми учеными. До свидания.

Он повернулся и быстро вышел из комнаты.

11

Однажды, идя по улице Линна в сопровождении рабыни Селк — охранник незаметно шел в пятидесяти футах сзади,— Клэйн увидел молодого художника за работой и остановился.

Художник улыбнулся зрителям и продолжал наносить быстрые искусные мазки на полотно. Картина представляла веселый калейдоскоп красок, создающий впечатление городской улицы. Клэйн, чье художественное образование было исключительно религиозным, удивился.

— Сколько?— спросил он.

— Пятьсот сестерций.

Мутант заплатил половину и сказал:

— Когда картина будет закончена принеси ее мне домой.

Он написал на карточке свое имя и адрес и протянул художнику. У того поднялись брови при виде подписи, но он ничего не сказал.

На следующий день он пришел в городской дом Клэйна в сопровождении темноволосой подвижной девушки и приземистого встрепанного человека. Все они были очень привлекательны, увлечены живописью и готовы были бесконечно обсуждать, в какую раму нужно поместить картину. Клэйн, повинуясь неожиданному порыву, пригласил их остаться на обед.

В ожидании обеда он следил за девушкой. Она непрерывно двигалась, смешивая и разнося выбранные в баре напитки, отказавшись от услуг рабов.

— Я не верю в рабство,— холодно сказала она в присутствии трех рабов.— Я считаю это отвратительным варварским обычаем.

Клэйн ничего на это не ответил. Он был знаком с доводами противников рабства, но знал, насколько политически опасна эта тема. Поэтому он продолжал наблюдать за гостьей и заметил, что она внимательно осматривает дорогие занавеси и мебель. Приподняв конец бесценного ковра и щупая его, она почувствовала на себе его взгляд. Подойдя к нему, она сказала:

— Я хочу спросить. Все равно это будет оставаться барьером между нами. Вы мутант, Линн?

Его охватил озноб. Но ее манеры были так привлекательны, что оцепенение длилось недолго. Он склонил голову и впервые в жизни вслух рассказал о своей беде:

— Атомные боги отметили меня узкой грудной клеткой, перекрученными руками и покатыми плечами.

— Вас это беспокоит?— спросила она.— Меня нет.

Прежде чем Клэйн смог ответить, объявили, что обед подан. Поскольку он полностью обслуживался рабами, Клэйн следил за реакцией девушки. Но если она и поняла парадокс, то ничем не проявила этого. Очевидно, высказав свое мнение, она не могла требовать невозможного.

Во время обеда выяснилось, что непричесанный молодой человек — композитор.

— Если хотите,— сказал он,— я сочиню музыку по этому случаю и посвящу ее вам?

Клэйн заинтересовался.

— Какие инструменты будут преобладать в вашем сочинении?

— Струнные.

— Сочините,— сказал Клэйн.— Я буду счастлив заплатить за это и велю, чтобы для нас сыграл лучший оркестр.

— Заплатить!— воскликнул молодой человек. Казалось он рассердился.

Девушка быстро сказала:

— О, мы можем сами собрать оркестр, но будет прекрасно, если вы заплатите Медде. Он ничего не смыслит в деньгах. Его родители торговцы, и с тех пор, как отец отрекся от него за то, что Медда стал музыкантом, он говорит, что деньги ничего не значат.

Медда нахмурился и повернулся к Клэйну.

— Ваше превосходительство,— сказал он,— у этой девушки прекрасный голос и великолепная фигура. Она чудесно играет на всех струнных инструментах. Но она так и не научилась не вмешиваться в чужие дела.

Девушка не обратила на это внимания. Она обратилась к Клэйну:

— Сколько вы заплатите за десятиминутное сочинение, приятное и мелодичное?

Клэйн улыбнулся.

— Пятьсот сестерций.

Девушка захлопала в ладоши.

— Договорились,— сказала она.— Медда, у тебя на месяц есть еда.

Медда что-то пробурчал, но не выглядел недовольным и согласился через неделю представить композицию.

Позже, когда они уходили, девушка чуть задержалась и сказала Клэйну:

— Я слышала, вы ведете очень замкнутый образ жизни ученого и окружены стариками и рабами. Почему бы вам не встречаться чаще с молодыми художниками? Вы узнаете, что люди создают красоту и сегодня.

Клэйн уже подумывал об этом. Он не сделал ошибки, отказываясь от своего прошлого, но вечер был для него приятным сюрпризом. И прежде чем он смог ответить, девушка снова заговорила, на этот раз негромко:

— В городе немало талантливых художников и очень талантливых и привлекательных девушек, включая меня.— Она улыбнулась и отступила на шаг, чтобы он смог взглянуть на нее.

Она была настолько новым типом личности и настолько

привлекательна физически, что Клэйн был потрясен. Наконец он с усилием произнес:

— Очень привлекательны.

Она с удовольствием улыбнулась.

— Я уверена, что девушки с радостью включат вас в нашу группу. Но у нас есть правило, ваше превосходительство, и мы ни для кого его не нарушаем. Пока вы дружите с нами, у вас не должно быть рабынь. До свидания.

Она повернулась и легко вышла из комнаты к ожидавшим ее товарищам.

Клэйн, оставшись один, думал о своих посетителях. Он догадался, что встретился с представителями безденежной артистической колонии, и предположил, что человек, имеющий возможность платить по пятьсот сестерций, будет с радостью принят в их ряды.

Может ли он позволить себе это? Теоретически, как главный ученый, предполагается, что он живет в аскетическом воздержании.

Но как мутант Линн, чья главная задача приобрести контроль над собственным поведением, он вполне может стать покровителем искусств. И он улыбнулся такой несовместимости.

Клэйн тщательно и осторожно избегал встреч с Лидией. Когда она находилась в Линне, Клэйн целые месяцы проводил в своих имениях, чтобы не рисковать встречей с женой лорда-правителя. А когда она уезжала в один из отдаленных дворцов, он возвращался в свой городской дом.

Сохраняя такую дистанцию, он старался избегать опасности. Он знал, чего от нее ожидать, и действовал соответственно.

И продолжал учиться. Ресурсы храмов и библиотеки Джоквина истощились. Знаменитые ученые, которых приглашали одного за другим, отдавали ему свои мысли и знания. Среди многих других интересных сведений он узнал, что величайшим хранилищем знаний в империи является библиотека его деда в Капитолийском дворце.

Там, сказали ему, хранится много недоступных древних книг, которые агенты Деглетов и Линнов собирали сотни лет по всей Солнечной системе. Некоторые из этих книг никогда не были прочитаны за последние поколения. Происходило это потому, что лорд-правитель сохранял их для себя, надеясь когда-нибудь пополнить свое образование. Но, как и следовало ожидать, у такого занятого человека это время никак не наступало.

Клэйн подождал, пока леди Лидия уедет из города на отдых, вернулся в Линн и попросил разрешения лорда-правителя читать редкие книги. Великий человек, который давно перестал интересоваться ими, дал разрешение, и Клэйн в сопровождении трех секретарей-рабов (двух мужчин и одной женщины) ежедневно в течение нескольких недель приходил в дворцовую библиотеку. Книги были написаны после золотого века, но прежде, чем многие подробности забылись или были объявлены бессмысленным вымыслом.

Книги добавили немногое к тому, что он уже знал, но их авторы передавали слухи, которые через отца к сыну прошли через многие поколения от самых туманных дней. И они указывали направление. Они прибавили ему самоуверенности, что он на правильном пути и впереди еще более ценные открытия.

Однажды он увлеченно читал, когда краем глаза заметил входящую в библиотеку свою неродную бабушку. Он не знал, что она в городе.

Для леди Лидии встреча была такой же неожиданностью, как и для Клэйна. Она почти забыла о его существовании, а вернулась в Линн потому, что получила сообщение о болезни лорда-правителя. Получив это сообщение, она поняла, что больше нельзя тратить время. Нужно добиться возвращения Тьюса из изгнания.

Она увидела Клэйна в благоприятных для его внешности условиях. Он был скромно одет в одежду храмового ученого. Этот костюм очень хорошо скрадывал его физические недостатки. Складки костюма искусно скрывали изуродованные руки. Ладони казались продолжением нормального тела здорового юноши. Плащ был перевязан у шеи узкой красивой лентой, закрывая шею и грудь. А над воротником возвышалась прекрасная юная голова Клэйна.

Такая голова заставляла любую женщину взглянуть на нее вторично — красивая, благородная, с изумительно чистой кожей. Лидия, никогда не видевшая внука своего мужа, разве что на расстоянии — Клэйн заботился об этом,— почувствовала страх.

«Клянусь Ураном,— подумала она,— еще один великий человек. Как будто мне мало забот вытягивать Тьюса из изгнания».

Кажется, не было необходимости заботиться о гибели мутанта. Но если она хочет, чтобы Тьюс унаследовал им-

перию, нужно присматривать за всяким прямым наследником. И она добавила этого нового родственника к списку наиболее опасных родных больного лорда-правителя.

Она видела, что Клэйн смотрит на нее. Внезапно лицо его изменилось, и она вспомнила то, что слышала о нем. Его легко вывести из себя эмоционально, и эта перспектива заинтересовала ее. Она с тонкой улыбкой на губах подошла к нему.

Он дважды пытался уйти и не смог. Все краски сбежали с его щек, лицо исказилось, исчезли последние следы красоты, губы шевельнулись, но только нечленораздельные звуки донеслись до нее.

Лидия заметила, что стоявшая рядом юная рабыня почти так же встревожена, как и ее хозяин. Девушка умоляюще смотрела на Лидию и наконец сказала:

— Можно мне говорить, ваше превосходительство?

Это шокировало Лидию. Рабы говорят только тогда, когда к ним обращаются. Это не просто установленный порядок, это закон государства, и всякий, кто сообщит о таком поступке, получит половину штрафа, налагаемого в таком случае на владельца. Леди Лидию поразило, что именно она стала предметом такого унижения. Она была настолько ошеломлена, что девушка сумела выговорить:

— Вы должны простить его. У него бывают приступы нервного паралича, когда он не может ни двигаться, ни говорить. Неожиданное появление его благородной бабушки...

И тут к Лидии вернулась речь. Она выпалила:

— Плохо, что у рабов нет подобного паралича. Как ты смеешь обращаться ко мне?

Но тут же спохватилась. Не так часто она выходила из себя. Девушка отшатнулась, как будто ее ударили. Лидия теперь с любопытством посмотрела на нее. Может быть только одно объяснение, почему рабыня так смело говорит в присутствии хозяина. Должно быть, это его любимая наложница. Странно только, что сама рабыня как будто довольна этими отношениями, иначе она не беспокоилась бы так о нем.

«Похоже, этот мой родственник-мутант может быть привлекательным, несмотря на свое уродство. И привлекателен не только для рабыни, побуждаемой обстоятельствами».

В этом скрывались какие-то возможности.

— Как тебя зовут?— спросила она.

— Селк,— хрипло ответила молодая женщина.

— А, марсианка.

Марсианская война дала несколько тысяч юношей и девушек для школ рабов.

В голове Лидии сложился план. Девушку надо убить и тем самым вселить в мутанта страх. Этот страх удержит его, пока ей не удастся вернуть Тьюса из изгнания. В конце концов мутант не так уж важен. Невозможно презренному мутанту стать лордом-правителем. Но все же его нужно убрать, так как партия Линнов сможет как-нибудь использовать его в борьбе против Тьюса и нее самой.

Она снова взглянула на Клэйна. Тот сидел неподвижно, с остекленевшими глазами, с бесцветным и неестественным лицом. Лидия не пыталась скрыть своего презрения, когда, шурша оборками, повернулась и вышла в сопровождении свиты и личных рабов.

Рабов иногда делали убийцами. Выгода их использования заключалась в том, что рабы не могли быть свидетелями в суде, выступать ни за, ни против обвиняемого. Но Лидия давно обнаружила, что рабам не хватает решительности в преодолении препятствий. При малейшей опасности рабы отступали, а вернувшись, сочиняли фантастические истории о вставших перед ними препятствиях. Лидия использовала чаще бывших рыцарей и сыновей рыцарей, чьи семьи из-за безденежья были лишены званий. Такие люди отчаянно нуждались в деньгах, и когда их постигала неудача, то для этого всегда были достаточно веские основания.

Лидия любила узнавать подробности. Больше тридцати из шестидесяти лет жизни ее мозг был ненасытной губкой, впитывавшей подробности и подробности подробностей. Поэтому необычайный интерес для нее представлял случай, когда два рыцаря, нанятых ею для убийства любовницы внука ее мужа — Селк, доложили, что не смогли найти девушку.

— В доме лорда Клэйна такой нет.

Ее информатор, стройный юноша по имени Меерл, говорил с ней самоуверенно, но и почтительно, с какой наемные убийцы говорят со своими высокопоставленными нанимателями.

— Леди,— продолжал он с поклоном и улыбкой,— я думаю вас перехитрили.

— Думать буду я,— резко сказала Лидия.— А ты лишь нож с приданной к нему крепкой рукой. И больше ничего.

— И хороший мозг, чтобы направлять руку в цель,— добавил Меерл.

Лидия почти не слышала. Ответ ее был автоматическим. Потому что... может ли это быть? Возможно ли, чтобы Клэйн догадался, что она хочет сделать?

Ее удивила решительность и быстрота действий, предпринятых на основе одного подозрения. Мир полон людей, которые ничего не делают по поводу своих подозрений. Если Клэйн сознательно обманул ее, значит, он гораздо опаснее, чем она думала. Следующий шаг придется спланировать более тщательно.

Поняв, что двое убийц все еще стоят перед ней, она взглянула на них.

— Ну, чего вы ждете? Вы не знаете, что за неудачу не платят?

— Великодушная леди,— сказал Меерл,— но неудача не наша, а ваша.

Лидия колебалась, пораженная правдивостью и прямотой ответа,— некоторые убийцы вызывали у нее уважение.

— Пятьдесят процентов,— сказала она и бросила им кошелек.

Он был искусно пойман. Мужчины быстро поклонились, сверкнули зубами, звякнули металлом, повернулись и исчезли за тяжелым занавесом, что скрывал вход.

Лидия погрузилась в мысли, но ненадолго. Послышался стук в другую дверь, вошла одна из ее фрейлин с запечатанным письмом.

— Письмо пришло, мадам, когда вы были заняты.

Лидия слегка подняла брови, увидев, что письмо от Клэйна. Поджав губы, она прочла.

«Моей благородной бабушке.

Благородная леди.

Приношу искренние извинения за оскорбление и расстройство, причиненные вам вчера в библиотеке. Могу лишь винить свою болезнь, хорошо известную в семье. Когда меня настигает приступ, я не могу себя контролировать.

Приношу также свои извинения за действия рабыни, заговорившей с вами. Первым моим намерением было отослать ее к вам для наказания, но мне пришло в голову, что вы чрезвычайно заняты. Соответственно я продал рабыню в сельскую местность, где ее, несомненно, отучат от наглости.

Еще раз приношу извинения и остаюсь вашим послушным внуком.

Клэйн».

Лидия неохотно призналась, что восхищена этим письмом. Теперь она так никогда и не узнает, что на самом деле ее перехитрили.

«Возможно,— сухо подумала она,— потратившись, я сумею определить, действительно ли он продал ее или просто отослал в имение, пока я не забуду о случившемся и о том, как она выглядит. Могу ли я это сделать?!»

Она задумалась. Придется послать на расследование кого-то, видевшего девушку. Когда? Она подняла голову.

— Далат!

Женщина, принесшая письмо, присела.

— Да?

— На кого похожа вчерашняя рабыня в библиотеке?

Далат была обескуражена.

— Ну... я не помню, ваше превосходительство... Кажется, блондинка.

— Блондинка! Ну, ты тупоумная! У девушки были прекрасные золотистые локоны, а ты и не заметила.

Далат пришла в себя.

— Я не привыкла запоминать внешность рабов,— сказала она.

— Убирайся отсюда!— Но Лидия произнесла это спокойно, без эмоций. Она признала свое поражение.

И потом ее главная задача — возвращение Тьюса в Линн. Лорд Клэйн, единственный мутант в семье лорда-правителя, может подождать.

Тем не менее досада от поражения осталась.

12

В течение года лорд-правитель превратился в больного старца. К семьдесят первому году он почти ослеп на левый глаз, и лишь голос его оставался сильным. У него был громовой баритон, который вселял ужас в сердца преступников, когда он занимал свое судейское кресло — обязанность, которую он благодаря сидячему образу жизни исполнял все чаще и чаще по мере того, как мелькали месяцы.

Но делами он тоже продолжал заниматься. Иногда,

приняв решение, хотя в Совете продолжался спор, он позволял себе задуматься о будущем своей семьи.

«Я должен сам увидеть молодых людей и оценить, кто из них со временем сможет стать лордом-правителем»,— решил он однажды.

Совершенно сознательно он включил в число тех, кого собирался посетить, и Клэйна.

В этот вечер он слишком долго просидел на балконе без одеяла, простудился и весь следующий месяц провел в постели. Беспомощно лежа на спине, остро сознавая слабость своего тела, ясно понимая, что жить ему осталось немного, лорд-правитель окончательно понял, что не может больше откладывать выбор наследника. И хотя не любил Тьюса, он начал прислушиваться к словам своей жены, вначале неохотно, затем с большим вниманием.

— Вспомни свою мечту об объединенной империи,— говорила она ему снова и снова.— Ты не должен в последнюю минуту давать волю своим чувствам. Лорды Джеррин и Дрейд еще слишком молоды. Джеррин, конечно, самый выдающийся молодой человек в своем поколении. Он будущий лорд-правитель и так должен быть назван в твоем завещании. Но сейчас еще рано. Нельзя вручить Солнечную систему 24-летнему юноше.

Лорд-правитель беспокойно зашевелился. Он заметил, что она ни словом не упомянула о причине изгнания Тьюса. И не позволила ни малейшего намека на тот факт, что Тьюс ее сын.

— Конечно,— продолжала Лидия,— есть еще дяди юношей с материнской стороны, оба способные администраторы, но им не хватает воли.

Она помолчала.

— И есть еще твои дочери и зятья и их дети.

— Забудь о них,— лорд-правитель слабо махнул рукой. Второе колено родства его не интересовало.— Но ты забыла Клэйна.

— Мутант?!— удивленно воскликнула Лидия.— Ты это серьезно?!

Лорд-правитель молчал. Пришлось неохотно согласиться. Но он знал, почему сделал это предложение. Отсрочка. Он понял, что его упорно толкают к признанию наследником толстого сына Лидии от первого брака.

— Если ты будешь рассматривать только своих кровных родственников,— настаивала Лидия,— это будет лишь наследование, обычное для наших подчиненных монархов и

варваров Венеры и Марса. Политически это бессмысленно. Но если ты примешь во внимание интересы группы, то твои действия будут свидетельствовать об истинном патриотизме. Нет другого способа убедить мир, что у тебя в сердце лишь интересы империи.

Но старый правитель, хоть его дух и разум ослабили болезни и возраст, был не так прост. Он знал, что о нем говорят за спиной: будто Лидия делает с ним все, что хочет. Подобное мнение его не очень волновало. Больше пятидесяти лет слушал он непрестанную пропаганду врагов и сплетни друзей и выработал к ним иммунитет.

В конце концов решающим фактором оказалось отчаянное сознание того, что у него нет выбора. Неожиданным было посещение больного младшей из двух дочерей от первого брака. Она попросила разрешения на развод со своим мужем и позволения выйти замуж за изгнанного Тьюса.

— Я всегда любила Тьюса,— заявила она,— и теперь хочу присоединиться к нему в его изгнании.

Перспектива открылась столь ослепительная, что старик был озадачен. Ему не пришло в голову, что Лидия целых два дня уговаривала осторожную Гудрун, что это ее единственный шанс стать первой леди Линна.

— В противном случае,— сказала ей Лидия,— ты вечно будешь лишь одной из родственниц, зависящей от каприза жены лорда-правителя.

Линн Линнский не подозревал об этих закулисных переговорах. Его дочь выйдет замуж за лорда Тьюса! Эта возможность согревала его холодную кровь. Конечно, она слишком стара, чтобы иметь еще детей, но она будет служить Тьюсу, как Лидия служила ему, будет совершенным фоном, совершенным представителем его собственной политической группы. Его дочь!

«Я должен узнать, что думает Клэйн,— решил он.— А тем временем пошлю за Тьюсом».

Но не сказал этого вслух. Ни один из членов семьи, кроме него самого, не сознавал, какие огромные знания давно умерший храмовый ученый Джоквин завещал Клэйну. И лорд-правитель предпочел сохранить эту информацию при себе. Он знал привычку Лидии нанимать убийц, а Клэйн и так подвергался опасности из этого источника.

Он рассматривал мутанта как неожиданную стабилизирующую силу во время хаоса, который может последовать

за его смертью. Он написал письмо, приглашающее Тьюса вернуться в Линн, а неделю спустя, оправившись наконец от болезни, приказал отнести себя в резиденцию Клэйна в западном пригороде. Там он провел ночь, а вернувшись на следующий день, сместил два десятка ключевых чиновников, которых Лидия умудрилась протащить во время его болезни: он тогда слишком уставал, чтобы вчитываться в бумаги, которые ему давали на подпись.

Лидия ничего не сказала, но заметила последовательность событий. Посещение мужем Клэйна, затем действия против ее людей. Она размышляла над этим несколько дней, а затем, накануне возвращения Тьюса, сама впервые отправилась в скромно выглядевший дом лорда Клэйна, позаботившись, чтобы ее не ждали.

По пути ей пришло в голову, что такая ситуация ее не устраивает. Десяток ее планов близок к завершению, а тут вмешивается совершенно неучитываемый фактор — лорд Клэйн. Думая об этом, она удивилась. Какую опасность для нее, спрашивала она себя снова и снова, может представлять мутант?

В глубине души она сознавала: в этом что-то есть. Старик не стал бы беспокоиться из-за пустяка. Он либо спокоен спокойствием усталости, либо абсолютно нетерпелив. Молодые люди особенно легко выводили его из себя, и если Клэйн — исключение, то для этого должна быть причина.

С расстояния жилище Клэйна выглядело небольшим. Вначале кусты, а затем сплошная стена деревьев окружали подножие холма. Крыша дома виднелась за соснами и другими вечнозелеными деревьями. Когда ее носилки приблизились, Лидия решила, что дом трехэтажный, что значительно меньше дворцов других Линнов. Носильщики, тяжело дыша, поднимались мимо прекрасной рощи и наконец остановились у низкой массивной изгороди, не видной снизу. Лидия, всегда обращавшая внимание на защитные устройства, подняла голову.

Она вышла из носилок, почувствовав прохладный ветерок вместо жара летнего дня. Воздух был полон запахов сосен и цветущих кустарников.

Лидия медленно шла вдоль изгороди, отметив, что она искусно скрыта растительностью, так что снизу, с улицы, ее нельзя увидеть. Материал похож на тот, из которого сооружены храмы ученых, только здесь заметна свинцовая оболочка. Высота изгороди примерно три фута, а толщи-

на — три с половиной. Толстая, низкая и бессмысленная для обороны.

«В молодости я могла бы через нее перепрыгнуть»,— подумала Лидия. Раздраженная, она вернулась к носилкам, ибо так и не могла понять цели этой изгороди и в то же время не верила, что у нее нет цели. Еще более обескураженно почувствовала она себя, когда поняла, что ворота представляют собой простое отверстие в стене, причем не было видно никакой охраны. Через минуту носильщики по туннелю из разросшихся кустов пронесли ее мимо деревьев за ограду и вышли на открытую лужайку. И здесь начались настоящие сюрпризы.

— Стойте!— приказала леди Лидия.

Перед ней раскинулось нечто среднее между лугом и садом. Приблизительно пятьдесят акров расстилались перед ней. Веселый ручей пересекал луг по диагонали. Вдоль ручья выстроились десятки гостевых домиков — стройных сооружений, каждый под навесом деревьев. Справа стоял главный дом. В дальнем углу луга аккуратно в ряд выстроились пять космических кораблей. И повсюду люди — мужчины и женщины, в одиночку и группами, сидели и прогуливались, работали, читали, писали, чертили, рисовали. Лидия задумчиво подошла к художнику, который сидел неподалеку. Она не привыкла к тому, что на нее не обращают внимания.

Она резко спросила:

— Что это?— И взмахом руки указала на луг.— Что тут происходит?

Молодой человек пожал плечами. Он задумчиво добавил несколько легких мазков и, все еще не глядя на нее, ответил:

— Здесь, мадам, сердце Линна. Здесь создается мысль и мнение империи и затем передается общественности. Здесь идеи рождаются и потом, распространяясь, становятся обычаями народов по всей Солнечной системе. Быть приглашенным сюда — большая честь; это означает, что ваша деятельность в искусстве или науке получает признание, какое только могут дать власть и деньги. Мадам, кем бы вы ни были, я вас приветствую в интеллектуальном центре мира. Вы бы не были здесь, если бы у вас не было непревзойденных достижений в какой-либо области. Но прошу вас, не рассказывайте об этом до вечера. Тогда я счастлив буду выслушать вас. А сейчас, старая, добрая, мудрая женщина, добрый вам день!

Лидия задумчиво отошла. Она подавила в себе желание приказать раздеть и выпороть наглеца. Ей неожиданно захотелось как можно дольше оставаться инкогнито, пока она не исследует этот странный салон под открытым небом.

Это была вселенная незнакомцев. Ни разу не встретила она знакомое лицо. Какими бы ни были их достижения, эти люди не принадлежали к знати империи. Патронов не было, и лишь у одного мужчины она заметила на плаще герб рыцаря. Подойдя к нему, Лидия поняла по чуждому религиозному символу, что его рыцарство провинциального происхождения. Он стоял у фонтана, выпускавшего струи воды и дыма. Прекрасное зрелище — дым, поднимающийся тонким, подобным ручью, облаком. Когда она остановилась у фонтана, прохладный ветерок на мгновение стих, и волна жара окутала ее. Лидия сосредоточилась на рыцаре и на своем желании получить информацию.

— Я здесь недавно,— очаровательно сказала она.— Давно ли действует этот центр?

— Около пяти лет, мадам. В конце концов нашему юному принцу всего двадцать четыре года.

— Принцу?— переспросила Лидия.

Рыцарь, бородатый краснолицый мужчина, извинился.

— Прошу прощения. В моей провинции это древнее слово означает предводителя высокого рода. В своих путешествиях в ямы, где живут атомные боги, а некогда существовали города, я обнаружил, что это слово встречается в легендах. Так утверждают старые книги, найденные мной в развалинах зданий.

Лидия, ошеломленная, спросила:

— Вы спускались в дома богов, где горит вечный огонь?

Рыцарь рассмеялся.

— Некоторые из них совсем не вечные, как я установил.

— А вы не боялись?

— Мадам,— пожал плечами рыцарь,— мне 50 лет. К чему мне беспокоиться, если моя кровь будет повреждена сиянием богов?

Лидия заколебалась, заинтересованная. Но позволила себе отвлечься от своей цели. «Принц»,— угрюмо повторила она. Применительно к Клэйну титул этот имел отзвук, который ей не нравился. Принц Клэйн. Странно подумать, что есть люди, считающие его своим руководителем. Что произошло со старыми предрассудками относительно му-

тантов? Она хотела снова заговорить, но тут впервые по-настоящему взглянула на фонтан.

И отшатнулась, подавив крик. Вода кипела. От нее поднимался пар. Взгляд ее упал на отверстие — и она поняла, что это был не дым, а пар. Вода шумела, булькала. Она нигде не видела столько кипящей воды из искусственного источника. Лидия вспомнила почерневшие котлы, в которых рабы грели воду для повседневных нужд. И почувствовала зависть. Какая роскошь, фонтан кипящей воды.

— Как это получается?— спросила она.— Тут подземный горячий источник?

— Нет, мадам, вода поступает из ручья. Вот здесь,— рыцарь указал.— Она вытекает отсюда по трубам в дома для гостей.

— Ее нагревают углем?

— Нет, мадам.— Рыцарь явно наслаждался.— Под фонтаном есть углубление, вы можете заглянуть сами, если хотите.

Лидия хотела. Она была очарована, она понимала, что позволила себе отвлечься, но в данный момент это было неважно. Лидия сверкающими глазами следила за тем, как рыцарь открывает дверцу. Наклонившись, она заглянула туда и разглядела массивное основание, куда уходила труба, подающая воду. Лидия медленно распрямилась. Рыцарь закрыл дверцу. Когда он повернулся к ней, она спросила:

— Но как это действует?

Рыцарь пожал плечами.

— Некоторые утверждают, что марсианские водяные боги покровительствуют ему, с тех пор как они помогли его покойному отцу победить в войне с марсианами. Вы помните, что вода канала вскипела и тем самым привела в ужас марсиан во время атаки. Ну а другие говорят, что атомные боги помогают своему любимому мутанту.

— Ох!— сказала Лидия. Такие разговоры она могла понять. Никогда в жизни она не беспокоилась из-за того, что подумают боги о ее действиях. И, выпрямившись, она величественно взглянула на рыцаря.

— Не будьте глупцом!— сказала она.— Человек, осмелившийся побывать в домах богов, должен иметь достаточно ума, чтобы не повторять старые бабские сказки.

Тот раскрыл рот. Лидия повернулась, прежде чем он смог заговорить, и пошла к своим носилкам.

— К дому!— приказала она рабам. Те поднесли ее ко входу в дом, и только тут она сообразила, что так и не выяснила секрет кипящей воды.

Она захватила Клэйна врасплох. В своей пышной манере вошла она в дом и, когда раб увидел ее и побежал в лабораторию доложить хозяину, было уже поздно. Она показалась в двери в тот момент, когда Клэйн отвернулся от анатомируемого им трупа. К ее крайнему разочарованию, он не оцепенел. Она не ожидала этого и хотела спокойно и без помех осмотреть лабораторию.

Но Клэйн подошел к ней.

— Благородная бабушка,— сказал он и наклонился, чтобы поцеловать ее руку. Двигался он с легкой грацией.— Надеюсь, у вас найдется время и желание осмотреть мой дом и мою работу. И то, и другое имеет интересные особенности.

У него были такие свободные, человеческие манеры, что она была обескуражена. Не часто приходилось ей испытывать это ощущение. Она нетерпеливо отбросила слабость. Его слова подкрепили то желание, с которым она явилась сюда.

— Да,— сказала она,— я буду счастлива увидеть твой дом. Уже несколько лет я собиралась навестить тебя, но все время была занята.— Она вздохнула.— Государственные обязанности очень утомительны.

Прекрасное лицо смотрело на нее с сочувствием. Стройная рука указала на мертвое тело, над которым работали эти тонкие пальцы. Мягкий голос сообщил ей, что целью вскрытия было установление взаимного расположения органов, мышц и костей.

— Я вскрываю мертвых мутантов,— говорил Клэйн,— и сравниваю их с нормальными людьми..

Лидия не вполне поняла его цель. Ведь каждый мутант отличается от других, в зависимости от того, как поразили его боги. Она так и сказала. Сверкающие голубые глаза мутанта смотрели на нее с почтением.

— Известно,— сказал он,— что мутанты редко живут больше тридцати лет. Естественно,— продолжал он со слабой улыбкой,— поскольку до этого момента мне осталось шесть лет, меня это беспокоит. Джоквин, мудрый старый ученый, к несчастью, покойный ныне, считал, что смерть происходит в результате внутреннего напряжения из-за того обращения, какому подвергаются мутанты. Он полагал, что, если это напряжение снять, как он пытался сделать со

мной, мутант проживет нормальный срок и будет обладать нормальным интеллектом. Он считал, что мутант, если дать ему возможность, сможет реализовать нормальные для себя возможности. И возможности эти могут быть сверхчеловеческими.

Клэйн улыбнулся.

— Пока я не замечал в себе ничего необыкновенного.

Лидия вспомнила кипящий фонтан и похолодела. «Этот старый дурак Джоквин!— подумала она с яростью.— Почему я не обращала внимания на то, что он делает? Он создал чуждый мозг в самом центре правящей семьи империи».

Тревога ее нарастала. «Смерть,— решила она,— через несколько часов после смерти старика. Нельзя рисковать, имея дело с таким созданием».

И дальше ее интересовала только доступность для убийц различных комнат дома. Клэйн, казалось, понял ее настроение, потому что после короткого осмотра лаборатории, причем она почти ничего не запомнила, он повел ее из комнаты в комнату. Ее внимание заострилось. Она заглядывала в двери, осматривала окна и с удовлетворением заметила, что полы повсюду покрыты коврами. Меерл сумеет напасть без шума.

— А твоя спальня?— спросила она наконец.

— Мы идем туда,— ответил Клэйн.— Она с лабораторией рядом. Вначале я не был уверен, что покажу, но теперь,— у него была ангельская улыбка,— решил показать.

Коридор, ведущий в спальню, был настолько широк, что мог выполнять роль приемной. Стены от пола до потолка были увешаны коврами. Странно. Лидия приподняла ковер и заглянула под него. Стена, сооруженная из храмового камня, была чуть теплой. Она вопросительно взглянула на Клэйна.

— У меня в доме немало божьего металла. Естественно, я не хочу случайностей. Из рабочей лаборатории в спальню ведет другой коридор.

Лидия заметила, что обе двери в спальню не имеют замков. Она напряженно думала об этом, идя вслед за Клэйном в лабораторию. Ей казалось, что он должен был принять меры защиты. Убийца должен ударить раньше, чем Клэйн поднимет тревогу. Покончить с ним, и чем быстрее, тем лучше. К сожалению, подумала она, это произойдет только после утверждения Тьюса наследником.

Лидия вдруг заметила, что Клэйн остановился возле черного ящика.

— Джело Гриант,— сказал Клэйн,— привез мне это из своего путешествия в царство богов. Я войду в него, а вы пройдите вперед и загляните в темное стекло. Вам будет интересно.

Лидия повиновалась. Мгновение после исчезновения Клэйна стекло оставалось темным. Затем оно начало слабо светиться. Лидия отшатнулась от этого чуждого сияния, затем, вспомнив, кто она, вернулась к стеклу.

И закричала.

Сквозь стекло виднелся светящийся скелет и тень бьющегося сердца, тень сжимающихся и расширяющихся легких. Она смотрела, окаменев. Скелет поднял руку, опустил. И тут ее осенило: она смотрела на внутренности живого человека — Клэйна. Неожиданно она заинтересовалась. Как молнии, ее глаза скользили по костям. Она видела ребра вокруг сердца и легких. Она заглянула в область почек, но тут свет погас. Клэйн вышел из ящика.

— Ну,— спросил он, довольный,— что вы думаете о моем маленьком подарке от богов.

Эта фраза удивила ее. Всю дорогу домой она думала о ней. Подарок от богов! В некотором смысле так и есть. Атомные боги послали своему мутанту способ заглядывать в себя, изучать свое тело. Какова их цель? У нее сложилось убеждение, что если боги действительно существуют и если, как кажется очевидным, они помогают Клэйну, значит боги атомов снова, как и в легендарные времена, вмешиваются в человеческие дела.

Только одна мысль не давала ей покоя. Убить. И быстро. Быстро.

Но проходили дни. Требования политической стабильности отнимали все ее внимание. Тем не менее среди множества забот она не забывала о Клэйне.

Курьер лорда-правителя, привезший Тьюсу приглашение вернуться в Линн, передал ему также письмо матери. Написанное, казалось, в страшной спешке, оно объясняло, как было получено разрешение. Цена поразила Тьюса.

«Как,— думал он,— жениться на Гудрун?»

Потребовался целый час, пока он смог успокоиться и обдумать предложение. В конце концов, решил он, его план слишком грандиозен, чтобы позволить ему потерпеть неудачу из-за отвращения к женщине, интерес которой к мужчинам определялся не их качеством, а их количеством.

Он не был привязан к другой женщине. Его жена семь лет назад, обнаружив, что изгнание из Линна может стать постоянным, быстро убедила отца развести их. Да, он свободен для нового брака.

Возвращение Тьюса стало триумфом дипломатии его матери и великим мгновением для него самого. Корабль его опустился на площадь, и тут, под непрерывные приветственные крики, его встретили лорд-правитель и весь Патронат. Последовавший парад открыли пять тысяч кавалеристов, за ними десять тысяч пехотинцев, тысяча инженеров и десятки машин для метания камней. Дальше следовали лорд-правитель, Лидия и Тьюс, триста патронов и шестьсот рыцарей. Завершал парад еще один пятитысячный кавалерийский отряд.

С ростры над зданием Патроната лорд-правитель, чей львиный голос не ослаб с возрастом, приветствовал приемного сына. Все сплетни, распространявшиеся о причинах изгнания Тьюса, подтвердились. Он удалился для рассуждений. Он устал от хитростей и интриг, государственной деятельности. Возвратился он только после повторявшихся просьб своей матери и лорда-правителя.

— Как вы знаете,— заключил лорд-правитель,— семь лет назад я лишился наследника в момент высшего военного триумфа, какой когда-либо испытывала империя,— завоевания Марса. Сегодня, когда я стою перед вами, уже не молодой, не способный нести бремя военного и политического руководства, для меня большая радость заявить с уверенностью: я прошу вас верить этому скромнейшему и достойнейшему члену моей семьи, сыну моей дорогой жены Лидии. Солдатам я скажу, что это не ослабление. Вспомните Кимбри, завоеванный, когда командующему было всего двадцать пять лет. В особенности я обращаюсь к ветеранам Венеры, где подлые правители склонили дикие венерианские племена к восстанию. Вскоре Тьюс будет там с величайшей армией, какую видела империя после завоевания Марса. Я хочу предсказать, что не пройдет и двух лет, как вожди венерианского восстания будут повешены на столбах, которые они сейчас используют для казни пленных. Я предсказываю, что их повесят по приказу лорда-соправителя, главнокомандующего Тьюса, которого я назначаю своим наследником и преемником. И пусть его опасаются те, кто замыслил зло для империи. Вот человек, который разрушит их планы.

Ослепленный Тьюс, который до сих пор во всем следовал советам матери, вышел вперед, чтобы ответить на приветствие и сказать несколько слов. «Немного,— предупредила его мать.— Будь уклончив». Но у лорда Тьюса были другие планы. Он тщательно продумал план своих будущих действий и хотел сделать заявление.

— Я уверен,— сказал он толпе,— и вы согласитесь со мной, что титул лорда-правителя принадлежит исключительно первому и величайшему человеку Линна. Поэтому прошу — и пусть это будет обязательным титулом,— чтобы ко мне обращались как к лорду-советнику. Я с радостью буду служить советником как лорду-правителю, так и Патронату, и в этой роли я хочу быть известным народу великой Линнской империи. Спасибо за внимание, а теперь я советую устроить трехдневные игры и раздачу пищи по всему городу за мой счет. Идите и развлекайтесь, и пусть атомные боги пошлют вам удачу.

Целую минуту после того, как он кончил, Лидия стояла пораженная ужасом. Неужели Тьюс сошел с ума, отказываясь от титула лорда-правителя? Радостные крики толпы несколько успокоили ее, а потом, идя вместе с Тьюсом и старым правителем по аллее, ведущей к воротам дворца, она начала осознавать мудрость нового титула. Лорд-советник, прекрасный щит против тех, кто пытается возбудить народ и внушить вражду к абсолютным правителям Линна. Ясно, что долгое изгнание обострило туповатый мозг ее сына.

Лорд-правитель, которому по мере того как проходили дни становился все яснее новый характер Тьюса, начал испытывать сожаление. Определенные ограничения, наложенные на приемного сына во время его пребывания на Аваях, оказались излишне суровыми и сослужили ему плохую службу. Не следовало давать жене Тьюса разрешение на развод. Нужно было настоять, чтобы она последовала за ним.

Ему казалось, что теперь остается только одно решение. Он ускорит брак Тьюса с Гудрун, затем отправит их в медовый месяц на Венеру, послав в качестве предосторожности с ним четверть миллиона солдат, так, чтобы будущий лорд-правитель мог совместить любовь с войной.

Решив главную проблему, лорд-правитель занялся вопросом, как уберечь других наследников от смерти, которую заботливая Лидия им, несомненно, готовит.

Но очень скоро, вопреки предосторожности своей и

врачей, лорд-правитель заболел неизлечимо. Он долгие часы проводил в постели. Все уловки врачей, включая ледяные ванны, его любимое лекарство, не смогли помочь ему. За несколько часов был извещен Патронат, и руководители государства были приглашены к постели умирающего. Лорд-правитель несколько лет назад ввел закон, по которому правителю не разрешалось умирать в одиночестве.

Это была предосторожность против отравления, которую в своей семье он считал весьма разумной, но сейчас, когда он смотрел на толпу, вливавшуюся в двери его спальни, и слушал приглушенный гул голосов, она казалась уже менее разумной.

Он подозвал Лидию. Та кивнула, услышав просьбу закрыть дверь. Люди в спальне беспокойно переглядывались, когда она выпроваживала их, но спокойный голос лорда-правителя повторил приказание, и они вышли. Потребовалось около десяти минут, чтобы очистить комнату. Лорд-правитель лежал, печально глядя на жену. Ему предстоял неприятный разговор, а близость смерти не делала его менее противным. И он начал без предисловий.

— В последние годы я не раз намекал тебе, что опасаюсь за здоровье своих родственников. Твоя реакция не оставляет у меня сомнений, что в твоем сердце нет нежных чувств, присущих женщине.

— Что это?— удивилась Лидия. Она знала, что последует.— Дорогой муж, не сошел ли ты с ума?

Лорд-правитель спокойно возразил:

— Сейчас, Лидия, не до дипломатических тонкостей. Не вздумай осуществлять планы убийства моих родственников, как только я умру.

Эти слова ошеломили ее. Краска сбежала с ее щек.

— Я убью твою родню!— выдохнула она.

Некогда серо-стальные, теперь водянистые глаза смотрели на нее безжалостно.

— Я обезопасил Джеррина и Дрейда. Они командуют сильными армиями, и в моем завещании обеспечено их будущее. Некоторые из администраторов защищены аналогично. Женщины не так счастливы. Я думаю, обе мои дочери в безопасности. Старшая бездетна и лишена честолюбия, а Гудрун теперь жена Тьюса. Но я хочу, чтобы ты пообещала, что не будешь пытаться повредить ей и будешь воздерживаться от таких действий относительно троих ее детей от первого брака. Я хочу, чтобы ты так же относи-

лась и к детям моих троих двоюродных братьев. Наконец, я хочу такого же обещания относительно леди Тани, ее двух дочерей и сына Клэйна.

— Клэйн!— повторила Лидия. Пока он говорил, мозг ее продолжал работать. Она вновь произнесла, громче: — Клэйн!

Глаза ее стали бездонными омутами. Она пристально смотрела на мужа.

— Если ты считаешь меня способной на такие преступления, почему ты думаешь, что я выполню обещание, данное умирающему?

Старик оживился.

— Потому, Лидия,— сказал он,— что ты не просто мать, защищающая ребенка. Ты руководитель, чья политическая прозорливость и ум сделали возможным создание такой огромной империи, которую теперь унаследует Тьюс. В глубине души ты честная женщина, и если ты дашь мне обещание, я думаю, ты его сдержишь.

Теперь она знала, что он только надеется. И к ней вернулось спокойствие.

— Хорошо, мой дорогой,— успокоила она его.— Я обещаю тебе. Ни один из тех, кого ты упомянул, не будет убит.

Лорд-правитель в отчаянии посмотрел на нее. Он понял, что даже отдаленно не тронул ее. Внутренняя сущность этой женщины недоступна эмоциям.

— Лидия,— сказал он,— не рассерди Клэйна, пытаясь убить его.

— Не рассердить его?— удивилась Лидия. Она говорила резко. С изумлением смотрела она на мужа, как будто не могла поверить, что правильно расслышала его слова.— Не рассердить его?

— Пойми,— объяснял лорд-правитель,— что после моей смерти тебя ожидает пятнадцать-двадцать лет жизни, если ты сбережешь физическую энергию. Если ты проведешь эти годы, пытаясь править миром за Тьюса, он быстро и легко отстранит тебя. Ты этого еще не понимаешь. Ты должна искать власть в других людях. Джеррин не нуждается в тебе, а Дрейд нуждается только в Джеррине. Тьюс сможет и будет обходиться без тебя. Из всех великих остается Клэйн. Он сможет тебя использовать. Через него ты сможешь сохранить часть своей власти.

Ее взгляд не отрывался от него. Она слушала, а голос его становился слабее, пока не затих окончательно. В на-

ступившей тишине Лидия обдумывала его слова. Ей казалось, что словами умирающего деда говорил Клэйн.

Этот Клэйн хитро предположил, что она будет опасаться за свое собственное будущее.

Глядя на умирающего, она в глубине души смеялась. Три месяца назад, распознав признаки окончательного распада в своем муже, она настояла на том, чтобы Тьюс был отозван с Венеры, а на его место назначен Джеррин. Все получалось даже лучше, чем она предполагала. Пройдет не меньше недели, прежде чем корабль Тьюса достигнет Линна. В течение этой недели вдова Лидия будет всемогуща.

Возможно, ей все же придется отказаться от своих планов относительно других членов семьи. Но они по крайней мере нормальные люди. Клэйн, чужак, нелюдь, должен быть уничтожен любой ценой.

Длинный напряженный разговор окончательно истощил последние силы лорда-правителя. За десять минут до захода солнца огромные толпы, собравшиеся вокруг дворца, увидели, как открылись ворота. Вышла Лидия, опираясь на руки двух старейших патронов, в сопровождении толпы дворян. Через мгновение всем стало известно, что Линн Линнский умер.

13

Наутро после смерти лорда-правителя Лидия проснулась, потом потянулась и зевнула, открыла глаза и взглянула на потолок. Яркий солнечный свет врывался в окна. У постели стояла Далат.

— Вы просили разбудить вас пораньше, благородная леди,— сказала она.

В голосе Далат звучала такая почтительность, которой Лидия не замечала раньше. И поняла причину. Линн мертв. На неделю она фактический правитель города и государства. Никто не посмеет возразить матери правителя... гм... матери лорда-советника Тьюса.

— Вернулся ли Меерл?

— Нет, благородная леди.

Она нахмурилась. Он имел доступ в ее спальню в любой час дня и ночи. И она удивилась, что, получив такое важное задание, он до сих пор не доложил об исполнении.

Далат заговорила снова.

— Я думаю, мадам, вам нужно сказать ему, что с его стороны неразумно оставлять свой адрес для посылок, которые должны быть переданы вам.

Лидия взглянула удивленно и гневно:

— Грязный дурак, зачем он это сделал? Покажи посылку.

Она яростно сорвала упаковку и увидела урну, полную пепла. К основанию была прикреплена записка.

«Дорогая мадам! Ваш убийца был слишком влажен. Атомные боги, будучи предупрежденными, становятся яростными в присутствии влаги. Уран, от имени совета богов».

Бах! Звук разбившейся вазы вывел ее из оцепенения. Широко раскрытыми глазами смотрела она на кучку пепла. На этот раз ее привлекло не содержание, а подпись: Уран.

С ужасом смотрела она на пепел, который был когда-то Меерлом, ее самым надежным убийцей. Она поняла, что переживает эту смерть острее, чем смерть мужа. Старик и так слишком зажился. И пока в нем теплилась жизнь, он обладал властью. Когда он перестал дышать, она впервые за многие годы вздохнула спокойно. Как будто с ее души сняли груз.

А теперь груз вернулся. Она тяжело дышала, с яростью пнула пепел. Как мог Меерл потерпеть неудачу? Осторожный, искусный, храбрый, дорогой Меерл!

— Далат!

— Да, леди.

Лидия обдумывала дальнейшие действия, но недолго.

— Вызови полковника Мелджана. И пусть явится немедленно.

У нее неделя, чтобы убить человека. Пора действовать в открытую.

Лидия, закрыв лицо густой вуалью, приказала отнести себя к подножию холма. Носильщиками были рабы, с которыми она никогда не появлялась в общественных местах, а старые носилки принадлежали одной из фрейлин. Глаза ее возбужденно горели.

Утро было необычно жаркое. Порывы теплого воздуха доносились с холма, от дома Клэйна. У подножия Лидия увидела, что солдаты, пройдя вверх около ста ярдов, остановились. Остановка становилась долгой и удивительной. Лидия собиралась выйти из носилок, но увидела спешащего к ней полковника Мелджана. Он был весь в поту.

— Мадам, мы не можем приблизиться к ограде. Она как будто в огне.

— Я не вижу никакого огня.

— Это невидимый огонь.

Лидия удивилась, заметив, что полковник дрожит от страха.

— Здесь что-то сверхъестественное,— сказал он.— Мне это не нравится.

Лидия вышла из носилок, охваченная ознобом предчувствия поражения.

— Ты дурак?— яростно спросила она.— Если ты не можешь преодолеть ограду, высади людей с космических кораблей!

— Я уже послал за ними,— ответил он,— но...

— Но!— произнесла Лидия как проклятие.— Пойду, сама взгляну на эту ограду.

Она стала подниматься, но остановилась в том месте, где залегли солдаты. Жар становился нестерпимым, от него захватывало дыхание. В мгновение горло пересохло. Она спряталась за куст, но это не помогло. Лидия увидела обожженные скрюченные листья и отвернулась пораженная. К ней пробирался Мелджан. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог говорить.

— Корабли,— сказал он.

Она следила, как они вылетают из-за деревьев. Вот они пролетели над оградой и исчезли за деревьями. Пять кораблей пролетело и исчезло. Лидия увидела, как приободрились при их появлении солдаты.

— Пусть люди спустятся вниз,— хрипло приказала она, и сама спустилась быстрее всех. Улица внизу была пустынна. Несколько человек задержались при виде необычных маневров солдат, но их разогнали караульные. Операция должна считаться частным делом.

Лидия ждала. Но ни звука не доносилось из-за деревьев, где исчезли корабли. Как будто они упали в какую-то пропасть. Прошло около получаса, затем неожиданно показался корабль. Лидия затаила дыхание, глядя, как он пролетел над деревьями и опустился на дорогу. Из него вышел человек в мундире. Мелджан помахал ему и побежал навстречу. Последовал очень горячий разговор. Наконец Мелджан вернулся и сказал негромко:

— Дом тоже покрыт непреодолимым горячим барьером. Но они разговаривали с лордом Клэйном. Он хочет поговорить с вами.

Она выслушала его внимательно. Теперь она начала понимать, что такое положение может тянуться не один день.

«Если бы подобраться к нему поближе,— безжалостно подумала она,— под предлогом, что нужно обсудить его предложение...»

Казалось, все идет нормально. К тому времени, когда корабль перенес ее через изгородь, жар от стен дома сменился вполне терпимым теплом. К тому же Клэйн согласился, чтобы она взяла с собой дюжину солдат. Когда она вошла в дом, ее охватило странное чувство. Никого не было видно, даже рабов, и ничего не двигалось. Она направилась к спальне, двигаясь все медленнее. Ее охватило восхищение. Казалось невероятным, что была сделана такая тщательная подготовка. Ни разу за все время общения с ней он не допустил ошибки.

— Бабушка, дальше не подходите.

Она застыла. И увидела, что находится в ярде от коридора, ведущего в его спальню. В дальнем конце коридора стоял Клэйн. Он казался одиноким и совершенно беззащитным.

— Если подойдете ближе,— пояснил он,— смерть настигнет вас автоматически.

Она не видела ничего необычного. Коридор был таким, каким она его помнила. Ковры сняты со стен, обнажив храмовый камень. И все же она чувствовала слабую теплоту, неестественную и смертоносную. С усилием она отбросила это чувство.

Она уже хотела отдать приказ, но Клэйн заговорил первым.

— Бабушка, не поступайте опрометчиво. Подумайте, прежде чем бросить вызов силам богов атома. Разве случившееся сегодня не убедило вас? Вы, конечно, понимаете, что тому, кого любят боги, не могут повредить смертные.

Однако женщина не отказалась от своей цели. Ее поражало, что он продолжает стоять менее чем в тридцати футах от нее, безоружный и беззащитный, со слабой улыбкой на губах.

— Ты неправильно процитировал пословицу,— сказала она.— Тот, кого любят боги, умирает молодым.

И все же она колебалась. Как многого он добился, подумала она. Совершенно поборол свою болезнь. И какое прекрасное лицо, уверенное! Неужели за ним действительно боги?

— Предупреждаю вас, бабушка, не двигайтесь. Если хотите доказательства, что боги за меня, пошлите солдат, но сами не двигайтесь!

Она почувствовала слабость, ноги ее подкашивались. Она поняла, что он не обманывает. В то же время понимала, что не может отступить. И все же придется. Хотя чувствовала, что ее нерешительность безумна. Нужно смириться, признать свое поражение. Она раскрыла рот, чтобы отдать приказ, когда это произошло.

Не известно, чем руководствовался солдат. Возможно, им овладело нетерпение. А может, надеялся на продвижение. С неожиданным криком: «Я перережу ему глотку!»— он устремился вперед. Миновав Лидию, он пробежал всего несколько футов и начал распадаться — только мелкий пепел опускался на пол. Страшно горячий ветер лишь чуть коснулся Лидии, которая сделала несколько шагов назад, но ударил по солдатам. Послышались сдавленные крики, началась свалка. Хлопнула дверь, и они остались одни. Лидия выпрямилась, чувствуя, что из коридора по-прежнему несется горячий воздух. Она окликнула:

— Клэйн!

Тот отозвался немедленно:

— Да, бабушка?

Она испытывала чувства проигравшего сражение полководца. Наконец спросила:

— Чего вы хотите?

— Прекращения нападения на меня и полного политического сотрудничества. Но люди не должны как можно дольше подозревать об этом.

Ей стало легче дышать. Она боялась, что он потребует публичного признания.

— А если я не соглашусь?

— Смерть!

Сказано было спокойно. Но она не усомнилась. Правда, остался еще один нерешенный вопрос.

— Клэйн, ты стремишься к посту лорда-правителя?

— Нет!

Ответ был слишком быстрым. Она почувствовала недоверие. Но через мгновение обрадовалась, что он отказался. Это в каком-то смысле его связывало. Мысли ее обратились к возможным ситуациям.

— Хорошо,— сказала она, чуть вздохнув,— я согласна.

У себя во дворце она прежде всего вызвала убийц, чтобы устранить свидетелей ее поражения. К полудню она

получила новости. Первая заключалась в том, что корабль лорда Тьюса неожиданно прибыл раньше времени и сам Тьюс направляется во дворец. Вторая, более приятная: полковник Мелджан найден мертвым в саду.

И только тут Лидия поняла, что находится именно в том положении, которое покойный муж советовал ее занять для собственной безопасности и благополучия.

Слезы и сознание великой потери наконец пришли к ней.

На могиле лорда-правителя народ Линна отдал ему дань, какая раньше никогда не отдавалась человеку:

МЕРДОН ЛИНН — ОТЕЦ ИМПЕРИИ.

14

В правительственных и военных кругах Линна и Венеры последовательность битв с венерианскими племенами называли соответствующим словом — война! Но в целях пропаганды при любой возможности использовалось слово «мятеж». И враги сражались с яростью людей, отведавших рабства.

Люди противостоящие опасностям, едва ли сознавали, что все беды вызваны предателями империи. Лорд Джеррин, исключительно честный человек понимал, что линнцы — угнетатели, и временами чувствовал себя по-настоящему больным из-за необходимости поддерживать это угнетение. Но у него не было выбора.

Венерианцы были второй по могуществу, после землян, расой Солнечной системы. Эти два народа боролись друг с другом триста пятьдесят лет, и перелом наступил лишь около сорока лет назад, когда армии Рахейнла высадились на одном из островов Венеры. Юному военному гению было всего восемнадцать лет во время битвы в Казукских болотах. Вскоре были завоеваны еще два острова, но затем ослепленные сторонники Линна вызвали гражданскую войну, которая закончилась казнью Рахейнла. Линн Линнский с холодной яростью продолжал захват четырех главных островов Венеры и на каждом установил особое правительство, оживил старые языки.

Так продолжалось много лет, а потом неожиданно одновременным выступлением венерианцы захватили главные города пяти основных островов. И обнаружили, что

лорд-правитель более предусмотрителен, чем они предполагали. Военные крепости находились не в городах, как все были уверены. Центры Линнских властей размещались в большом количестве небольших крепостей, разбросанных в болотах. Эти крепости всегда казались слабыми, и ни один венерианец не догадался сосчитать их. Внушительные городские крепости, нападение на которые было тщательно подготовлено, оказались пустой скорлупой. Когда они решили напасть на крепости в болотах, было уже поздно. Быстрый удачный ход превратился в затянувшуюся войну, и скоро венерианцы поняли, что не смогут победить.

Месяц за месяцем стальные тиски, подкрепляемые флотами космических кораблей, заметно сжимались. Венерианцам не хватало продовольствия. Мужчины были угрюмы и раздражительны, женщины плакали. Страх передавался детям. Ужас порождал жестокость. Пленных линнцев вешали на столбах, причем их ноги не доставали до земли всего несколько дюймов. Искаженные ненавистью лица убийц. Выжившие знали, что за каждую смерть будет заплачено.

Шесть месяцев назад перспектива неизбежного триумфа Джеррина обеспокоила лорда-советника Тьюса. Он размышлял о том, что эмоции толпы могут измениться под воздействием его победы. Нельзя поставить под угрозу свои планы. После долгих размышлений Тьюс вспомнил присланную больше года назад просьбу Джеррина о подкреплениях. Тогда Тьюс счел нецелесообразным ускорять конец войны. Теперь он громогласно заявлял о своей заботе о Джеррине. Он представил его просьбу Патронату и добавил свои настоятельные рекомендации, чтобы не менее трех легионов были посланы на помощь «нашим доблестным армиям, противостоящим искусному и коварному врагу».

Он мог бы добавить, что именно он дает подкрепления и тем самым обеспечивает победу. И Патронат не отказался бы от проведения такого же триумфа, какой планировался для Джеррина. Тьюс обсудил готовящуюся ловушку с матерью, которая в соответствии со своим политическим соглашением с Клэйном, передала всю информацию мутанту. Лидия не считала, что предает сына. Но она знала, что Тьюс сам собирается на Венеру, и сообщила об этом Клэйну.

Его реакция удивила ее. На следующий день он попро-

сил аудиенции у Тьюса. И тот, державшийся очень любезно с внуком покойного лорда, тут же разрешил Клэйну организовать собственную экспедицию на Венеру.

Он удивился, узнав, что экспедиция вылетела через неделю после полученного разрешения, но, подумав, решил, что присутствие Клэйна на Венере создаст затруднения для Джеррина. Рождение в семье Линнов мутанта вызвало сенсацию двадцать пять лет назад. Его рождение заставило семью отбросить всякие страхи, но невежественное простонародье было пронизано суевериями. При соответствующих обстоятельствах люди забросают его камнями. И солдаты могут впасть в панику при мысли о неудачах, преследующих армию, которая накануне сражения увидит мутанта.

Он объяснил Лидии свои соображения:

— Это даст мне возможность установить, замешан ли Джеррин каким-либо образом в трех заговорах против меня. И если это так, я смогу использовать присутствие там Клэйна.

Лидия ничего не говорила, но ее беспокоила логичность этих рассуждений. Она тоже в свое время замышляла против Клэйна. Теперь она спрашивала себя: зачем слепая материнская любовь заставила ее добиться власти для Тьюса. Руководимое Тьюсом правительство бездействовало, а сам он дергался в причудливой пародии на либеральное правление. Его планы на переходный период оказались слишком смутными. Сама она была опытным тактиком и легко различала зародившееся в сыне лицемерие.

«Он начал ощущать вкус власти,— думала она,— и понял, что наговорил слишком много».

Она беспокоилась. Для политика естественно дурачить других, но что-то отвратительное и опасное есть в политике, обманывающем самого себя. К счастью, опасность вряд ли его подстерегала на Венере. Ее собственные расследования убедили ее, что в заговорах против Тьюса не замешаны влиятельные семьи. К тому же Джеррин не из тех, кто ускоряет ход событий. Он будет раздражен прибытием Тьюса, поймет, что нужно ему, но ничего не предпримет.

После отлета Тьюса с тремя легионами, она взяла на себя управление империей. У нее были планы восстановления прежнего контроля над Патронатом. К тому же было около ста человек, которых она хотела убить.

За весь период кризиса на Венере жизнь в Линне протекала слишком спокойно.

15

Вначале поверхность внизу была только тенью. Но по мере того как три космических корабля экспедиции лорда Клэйна погружались в двухтысячемильную атмосферу, дымка исчезала. Горы, ранее похожие на карту, приобрели объемность. Обширное море ушло за горизонт. потянулись болота, холмы и леса. Местность становилась все более дикой. Но яма теперь находилась прямо по курсу — гигантская черная дыра на большой равнине.

Корабли опустились на зеленый луг. Из них вышло шестьсот мужчин и женщин, половина из них — рабы. Было выгружено огромное количество оборудования. К ночи были сооружены жилища для Клэйна и обслуживающих его трех рабынь, для двух рыцарей и трех храмовых ученых. Вдобавок для рабов был построен загон, а вокруг лагеря разместились два отряда солдат.

Были расставлены часовые, и космические корабли поднялись на пять тысяч футов. Десятки костров, за которыми следили преданные рабы, освещали тьму. Наступил рассвет, и лагерь ожил. Сразу после завтрака были оседланы лошади; в сопровождении двадцати пяти человек Клэйн направился к ближайшему дому богов.

Все двадцать пять были отъявленными безбожниками, но не прошли они и нескольких сотен ярдов, как Клэйн заметил, что один из всадников побледнел. Клэйн подъехал к нему.

— Съел что-нибудь за завтраком?— спросил он мягко.— Лучше вернись в лагерь и отдохни сегодня.

Те, кто должен был продолжать путь, следили за счастливцем.

Местность становилась неровной. В земле появились трещины, устремленные в сторону ямы. Трещины были слишком прямыми, как будто давным-давно отсюда под разными углами вылетали предметы и разрывали землю.

Клэйн имел свою теорию относительно ям. Атомная война могучей цивилизации. Атомные бомбы вызвали реакцию в земле, и лишь постепенно эта реакция прекратилась в сопротивляющемся грунте. Столетиями ямы полыхали смертоносной активностью. Сколько это продолжалось? Никто не знал. Клэйн предполагал, что если отыскать старые звездные карты, то можно было бы оценить промежуток времени. Период этот должен был быть очень большим.

Божьи огни умирали. Наступало время для разумных смелых людей исследовать эти ямы. Те, что придут первыми, найдут бесценные сокровища. Большинство ям было расположено в пустынной местности, заросшей травой и кустарниками. В некоторых виднелись развалины зданий, обвалившиеся стены, загадочные пещеры. Туда осмелились спуститься несколько человек и принесли несколько старинных механизмов, большей частью сломанных, но некоторые работали. Яма на Венере, к которой они сейчас приближались, всегда возбуждала воображение авантюристов. Когда-то безымянные города были построены в глубине земли. Дно ямы представляло собой мешанину бетонных дамб, усеянных черными дырами, которые вели в бездонные глубины. Свита Клэйна застыла. Солдат, ехавший перед ним, закричал, натянул поводья и указал вперед. Клэйн заставил своего коня подняться на пригорок, где стоял солдат. И остановился. Он глядел на полого уходящую вниз насыпь. За ней была низкая бетонная стена.

А дальше — яма.

Вначале они были очень осторожны. Использовали стену как защиту он возможной радиации. Клэйн был исключением. С самого начала он не прятался и смотрел вниз в бинокль. Остальные постепенно утрачивали осторожность и наконец все стоят, смело глядя в самый знаменитый дом богов.

Утро не было ясным. Слабый туман поднимался со дна ямы. Но с помощью бинокля можно было разглядеть подробности и увидеть дно пропасти.

К середине утра туман заметно рассеялся, большое солнце Венеры освещало глубины ямы. Два художника, уже зарисовавшие общие очертания, принялись наносить подробности. Их выбрали за умение составлять планы и карты, и теперь Клэйн видел, что они работают хорошо. Его собственное терпение, результат изолированного воспитания, было больше, чем у них. Целый день осматривал он глубины ямы с помощью бинокля, сравнивая реальность с рисунками.

К вечеру работа была завершена с удовлетворительным результатом. Они обнаружили не менее трех возможных выходов из ямы на случай необходимости.

Ночь прошла спокойно. На следующее утро Клэйн вызвал один из кораблей, и сразу после завтрака на борт поднялись два храмовых ученых, один рыцарь, три худож-

ника и дюжина солдат. Несколько минут спустя корабль повернулся носом к яме и направился вниз.

Корабль не делал попытки приземлиться, а просто кружил в поисках радиоактивных участков. Задача была рискованной. Корабль был их единственным инструментом для определения наличия атомной энергии. Давно было замечено, что, когда один космический корабль проходит точно над другим, верхний лишается движущей силы и падает. Правда, корабли обычно движутся с такой скоростью, что тут же минуют друг друга и, как только они расходятся, к верхнему возвращается движущая сила.

Военные пытались использовать это явление для борьбы с космическими кораблями противника. Но эти попытки ни к чему не привели, так как корабль, находящийся на высоте пятисот футов над источником энергии, почти не испытывал помех.

Девять раз их корабль начинал падать, и каждый раз они кружили над районом, определяя его границы, нанося их на карты и отмечая опасные зоны, затем зоны со средней радиацией и наконец безопасные. День кончался, а работа еще не была завершена. Поскольку приземляться было уже поздно, они вернулись в лагерь, чтобы снять накопившуюся усталость.

Было решено, что первую высадку произведут сто человек, взяв с собой на неделю припасов. Место высадки было выбрано Клэйном после консультации с рыцарями и учеными. С воздуха было видно бетонное сооружение. Главной ее особенностью было то, что оно располагалось поблизости от выхода, по которому люди могли покинуть яму.

Космический корабль благополучно сел. Подойдя к выходу, Клэйн был ошеломлен необыкновенной тишиной. Он переступил через край и впервые ступил на насыпь. Остальные стали спускаться вслед за ним.

Менее чем через час Клэйн уже смотрел, как космический корабль поднимается в воздух и уходит. На высоте пятьдесят футов он выровнялся и начал кружить над исследователями.

Без какой-либо спешки были установлены палатки и обозначен защитный круг. Пищу спрятали в укрытие из бетона. Немного перекусив, Клэйн, один рыцарь, один ученый и шесть солдат покинули лагерь и направились к «зданию». Вблизи оказалось, что это вовсе не здание, а выступ из бетона и металла — остатки глубокого укрытия, сооруженного людьми. Вид этого убежища угнетающе подейст-

вовал на Клейна. Тысячелетия оно стояло здесь вначале в кипящем океане неукротимой энергии, а теперь в глубокой тишине, ожидая возвращения человека.

Сам Клэйн считал, что со времени великой войны прошло около восьми тысяч лет. У него было достаточно данных из других ям.

Он остановился, осматривая частично открытую дверь, потом приказал двум солдатам открыть ее. Однако они не смогли даже пошевелить ее; отстранив их, он протиснулся мимо проржавевшего косяка и оказался в узком коридоре, оканчивавшемся другой дверью. На этот раз дверь была закрыта. Пол, стены и потолок бетонные, но дверь металлическая. Клэйн и рыцарь открыли ее.

Они стояли, пораженные. Внутренность оказалась слабо освещенной. Свет исходил из ряда небольших отверстий в потолке. Шары не прозрачные, закрытые чем-то похожим на медь, и свет проходил сквозь это покрытие. Ничего подобного в Линне не знали. Клэйн подумал, что свет загорелся, когда они вошли. После короткого обсуждения они закрыли дверь. Ничего не произошло. Очевидно, он горел много столетий.

С трудом Клэйн подавил желание немедленно снять сокровища и отнести их в лагерь.

Необыкновенная тишина, ощущение невероятной древности говорили, что нет необходимости торопиться. Клэйн медленно, почти неохотно обратил внимание на само помещение. В углу стояли сломанный стол и стул с одной сломанной ножкой и полоской дерева на месте сиденья. Тут же груда какого-то хлама, включая череп и несколько ребер. Останки человека лежали на вершине металлического стержня. Больше ничего в комнате не было. Клэйн прошел вперед и вытащил стержень. Череп и ребра рассыпались в пыль, и беловатый туман осел на пол. Клэйн повернулся и, держа в руке стержень, вышел.

Снаружи все было по-другому. Он отсутствовал пятнадцать минут, но многое изменилось. Принесший их корабль все еще кружил над головой. Но другой корабль садился рядом с лагерем.

Клэйн направился в лагерь. В это время люк открылся, и оттуда вышли три человека. Один, в мундире офицера генерального штаба, протянул Клэйну пакет. В пакете было письмо от его старшего брата лорда Джеррина — главнокомандующего линнской армией. В завещании лорда-правителя указывалось, что Джеррин станет соправителем

Тьюса, достигнув тридцатилетнего возраста, и сферой его деятельности станут планеты. Письмо было коротким.

«Мне стало известно, что ты прибыл на Венеру. Вряд ли нужно говорить тебе, что присутствие здесь мутанта в критический период войны против мятежников имеет неблагоприятные последствия. Мне сказали, что ты получил разрешение на эту поездку лично от лорда-советника Тьюса. Если ты не понимаешь сложных мотивов, которыми руководствовался Тьюс, давая это разрешение, то это значит, что ты не осознаешь и последствий этого для нашей семьи. Я хочу и приказываю тебе немедленно вернуться на Землю.

Джеррин».

Клэйн прочел письмо и, подняв голову, заметил, что капитан корабля, привезшего послание, делает ему знаки. Клэйн отвел капитана в сторону.

— Я не хотел бы беспокоить вас,— сказал тот,— но мне следует известить вас, что сегодня утром, после того как ваша экспедиция углубилась в яму, мы видели большой отряд к северо-западу от ямы. Они не двигались в этом направлении, но рассыпались, когда мы пролетали над ними. Значит, это венерианские мятежники.

Клэйн постоял и, нахмурившись, поблагодарил за информацию. Он прошел в свою палатку и написал брату ответ, который должен оттянуть кризис между ними, пока большой кризис на Венере не заставит Джеррина забыть о его присутствии.

Этот кризис должен был обрушиться на ничего не подозревающего Джеррина через неделю.

16

Тьюс поселился во дворце давно умершего венерианского императора Уеркеля в другом конце города, далеко от штаба Джеррина. Ошибки такого рода делают историю. Тьюс привез с собой отряд генералов и высших офицеров. Некоторые умные люди из лагеря Джеррина нашли возможность проехать через весь город, но даже они не могли выдержать медленных церемоний, связанных с представлением правителю.

Шла война. Фронтовые офицеры считали, что их

взгляды будут поняты. Они были далеки от мирной пышности Линна. Только те, кто посещал Землю, сознавали крайнее равнодушие населения к венерианской войне. Такие войны велись империей постоянно, менялась только их сцена.

Буквальная изоляция обострила подозрительность к намерениям, с которыми высадился Тьюс. Он не сознавал, как широко распространилось недовольство. Заговор, должно быть, зашел настолько далеко, что тысячи офицеров знали о нем и не хотели, чтобы их видели с человеком, который должен был проиграть. Они видели вокруг себя огромные армии под командованием Джеррина. Конечно, никто не может победить человека, которому верны легионы превосходных солдат.

Тьюсу казалось, что необходимы быстрые, решительные действия. Когда неделю спустя после его прибытия Джеррин нанес ему официальный визит, он поразился тому, с каким холодом встретил Тьюс его просьбу, чтобы подкрепления немедленно были посланы на фронт.

— А что ты будешь делать, одержав победу?— спросил Тьюс, отмечая недовольство Джеррина.

Вопрос, но не тон, подбодрил удивленного Джеррина. Он много думал о будущей победе и решил, что именно за этим Тьюс явился на Венеру — обсудить политические аспекты завоевания. Манеры Тьюса он объяснял его обретением власти.

Джеррин коротко высказал свои идеи. Казнь тех руководителей, которые ответственны за политику убийства пленников, обращение в рабство тех, кто непосредственно участвовал в казни. Остальным можно позволить вернуться домой. Вначале каждый остров будет управляться как особая колония, но даже в течение первой фазы будет восстановлен общий язык и разрешена торговля между островами. Вторая фаза начнется через пять лет, и ей будет предшествовать обширная реклама. На каждом острове появится самостоятельное правительство, но все они будут частями империи и будут содержать оккупационные войска. Третья фаза начнется через десять лет и будет включать создание одной центральной венерианской администрации с федеральной системой правления. Эта система не будет иметь собственных войск и будет существовать исключительно в рамках империи.

Еще пять лет спустя начнется четвертая и последняя фаза. Все семьи с двадцатилетним стажем верности полу-

чат линнское гражданство со всеми привилегиями и возможностями продвижения.

— Иногда забывают,— сказал Джеррин,— что Линн начинался как город-государство, завоевывая соседние города и удерживая их в своей власти путем постепенного распространения гражданства. Нет причин, почему бы эту систему не распространить на планеты.— И закончил: — Все вокруг нас свидетельствует, что система абсолютной власти потерпела полную неудачу. Пришло время для более прогрессивного государственного устройства.

Тьюс чуть не встал, слушая Джеррина. Теперь он видел всю картину. Покойный правитель в сущности вручил планеты Джеррину. И это был план превращения планет в мощную военную силу, способную, если понадобится, завоевать весь Линн.

Тьюс улыбнулся холодной улыбкой.

«Еще нет, Джеррин,— подумал он.— Я все еще абсолютный правитель, и еще три года все будут делать то, что я прикажу. К тому же твой план может помешать моему плану восстановления республики. Я абсолютно уверен, что ты со своими либеральными разговорами не захочешь восстанавливать конституционное правительство. А именно этот идеал должен быть достигнут любой ценой».

Вслух он сказал:

— Я рассмотрю ваши рекомендации. Но пока я хочу, чтобы в дальнейшем, все перемещения по службе утверждались мной. Любой приказ, направленный вами полевым офицерам, должен быть вначале передан мне для внимательного изучения, а я отправлю его по адресу.— Он решительно закончил.— Причина в том, что я сам хочу познакомиться с положением всех частей и с именами людей, командующих ими. Приятно было побеседовать. До свидания.

Но это было только начало. Все приказы и документы Тьюс изучал с прилежностью чиновника. Его мозг упивался бумажной работой. Он знал эту венерианскую войну. В течение двух лет он жил во дворце в нескольких сотнях миль от этого и был в должности главнокомандующего. Поэтому ему не нужно было изучать ситуацию с самого начала. Нужно было ознакомиться лишь с развитием событий за последние год-полтора.

С первого же дня он начал осуществлять свою основную цель: заменять офицеров, показавшихся ему сомнительными, подхалимами, которых он привез с собой. Тьюс

иногда стыдился своих действий, но оправдывался необходимостью. Самое главное — добиться, чтобы армия не начала действовать против него.

В качестве дополнительной предосторожности он изменил расположение некоторых частей армии Джеррина. Это были легионы, привезенные Джеррином с Марса и, должно быть, наиболее преданные ему. Хорошо, если Джеррин не будет знать их расположения в течение ближайших критических недель.

Через двадцать дней он получил ожидаемое от шпиона донесение. Джеррин, уехавший в инспекционную поездку на фронт, возвращался в Меред. У Тьюса был всего час на подготовку. Он еще готовил сцену для предстоящего свидания, когда объявили о прибытии Джеррина.

Громким голосом он сказал:

— Сообщите его превосходительству, что в данный момент я занят, но, если он немного подождет, я с радостью его приму.

Эти слова вместе с подобающей улыбкой произвели сенсацию в комнате. К несчастью, Джеррин не стал ждать ответа. Он был уже в комнате. Он не остановился, пока не оказался против Тьюса. Тот оглядел его с ленивым высокомерием.

— Ну, в чем дело?

Джеррин спокойно ответил:

— Мне неприятно, милорд-советник, сообщить вам, что необходимо немедленно эвакуировать все гражданское население Мереда. В результате служебного несоответствия ряда офицеров венерианцы прорвались севернее города, уличные бои начнутся еще до утра.

Многие присутствующие издали тревожные возгласы. Последовало общее движение к выходу. Рев Тьюса остановил постыдное бегство. Тьюс тяжело опустился в кресло и кисло улыбнулся.

— Надеюсь,— сказал он,— виновные офицеры понесли заслуженное наказание.

— Тридцать семь человек казнены,— ответил Джеррин.— Вот список, можете посмотреть сами.

Тьюс выпрямился.

— Казнены!

Ему вдруг пришло в голову, что Джеррин не стал бы казнить людей, долго служивших под его командованием. Он рывком выхватил листок. Все имена принадлежали тем, кого он назначил в последние дни.

Он поднял голову и посмотрел на Джеррина. Взгляды их встретились. В серых глазах Джеррина светилось презрение.

— Ваше превосходительство,— негромко сказал он,— один из моих марсианских легионов изрублен в куски. По моему мнению, людям, ответственным за это, лучше убраться с Венеры к удовольствию Линна, или то, чего они так боятся, произойдет.

Слова его ошеломили Тьюса. Огромным усилием воли он подавил гнев и выпрямился.

— Ввиду серьезности ситуации,— сказал он,— я остаюсь в Мереде и принимаю на себя командование войсками. Вы немедленно передадите мне вашу штаб-квартиру.

— Если ваши офицеры явятся в мою штаб-квартиру, их высекут прямо на улице. И это относится ко всем в данном районе города.

Он повернулся и вышел. У него не было ни малейшего представления, что предпринять в развернувшихся фантастических обстоятельствах.

17

Клэйн провел три недели до крушения венерианского фронта, исследуя многочисленные отверстия в яме. И хотя угроза венерианских отрядов не материализовалась, он для безопасности перевел весь отряд в яму. У трех главных выходов были поставлены часовые, и два космических корабля постоянно кружили над ямой. Эти предосторожности не были полной гарантией безопасности, но все же действовали. Появление любого отряда в окрестностях лагеря не смогло бы остаться незамеченным, и у людей Клэйна было достаточно времени, чтобы погрузиться на корабль.

Были и другие преимущества у экспедиции. Хотя венериане поклонялись морскому богу Сабнерху, после пятидесяти лет линнского владычества они уважали и атомных богов. Сомнительно, чтобы они стали рисковать божественным недовольством, вторгаясь в один из домов богов.

Днем один из кораблей отправлялся в Меред, а когда возвращался в яму, Клэйн поднимался на борт и обходил каюту за каютой. Его осторожно впускали мужчина или женщина, и между ними происходил разговор. Шпионы Клэйна никогда не видели друг друга. В сумерках корабль

возвращался в Меред и высаживал их в различных районах города.

Шпионы не все были наемниками. В высших кругах империи были люди, считавшие мутанта прямым наследником лорда-правителя. Для них Тьюс был лишь временным правителем, которого в нужное время можно будет отстранить. Клэйн знал положение лучше, чем его информаторы. Хотя он производил впечатление на интеллигентных людей, но факт оставался фактом: мутант не мог стать правителем. Уже давно Клэйн оставил давние стремления, преследуя лишь две политические цели.

У него было преимущество, поскольку семья принадлежала к правящей группировке. Хотя среди родственников у него друзей не было, в его интересах, чтобы они оставались у власти. В случае кризиса он должен сделать все возможное, чтобы помочь им.

Целью номер два было участвовать во всех главнейших политических решениях. Он был честолюбив, хотя никогда не надеялся удовлетворить его. Он хотел быть полководцем. В детстве он изучал военную стратегию и тактику, стараясь добиться, чтобы битвы выигрывались одним непобедимым маневром.

Он прибыл в Меред на следующий день после столкновения Тьюса с Джеррином и поселился в доме, который был заранее подготовлен для него и его свиты. Он старался поселиться как можно незаметнее. Хотя знал, что его прибытие не окажется незамеченным. Другие тоже хитры и тоже содержат армии шпионов. Все планы, рассчитанные на секретность, рано или поздно будут раскрыты. И то, что они иногда удаются, лишь доказывает неразумность жертвы. Одно из удовольствий — делать необходимые приготовления на виду у противника.

Он начал готовиться.

18

Когда Тьюсу впервые доложили о прибытии Клэйна в Меред — спустя час после того, как это произошло,— он почти не заинтересовался этим сообщением. Поступали и более важные сведения о распоряжениях Джеррина по обороне города и размещению войск. Тьюса более всего поразило, что некоторые распоряжения приходили в виде копий приказов, посланных самим Джеррином.

Неужели Джеррин хочет восстановить их отношения. Неожиданный маневр, и он означает, что кризис наступил раньше, чем Джеррин к нему подготовился. Его быстрые действия привели противника в смятение. И нетрудно будет захватить штаб-квартиру Джеррина тремя легионами.

К трем часам Тьюс разослал необходимые приказы. В четыре его особый шпион сообщил, что Клэйн послал вестника к Джеррину с просьбой о свидании в тот же вечер. Почти одновременно другие шпионы доложили о деятельности в резиденции Клэйна. Среди прочего в дом были доставлены несколько маленьких круглых предметов, завернутых в ткань. В бетонную пристройку перенесли в мешках более тонны медного порошка. И, наконец, металлический куб такого же размера и типа, какими пользуются при строительстве храмов, осторожно опустили на землю. Он был не только тяжелым, но и горячим, потому что рабы действовали при помощи рычагов и асбестовых рукавиц.

Тьюс задумался над этими фактами, и сама их бессмысленность встревожила его. Он вдруг вспомнил разные слухи о мутанте. Сейчас не время для случайностей. Взяв с собой пятьдесят охранников, он направился к Клэйну.

Увидев дом Клэйна, Тьюс удивился. Космический корабль, об отлете которого ему доложили, вернулся. С кораблем толстым кабелем соединялась гондола. Такие гондолы прикреплялись к кораблям для перевозки дополнительного груза. Гондола лежала на земле, и вокруг суетились рабы. Приблизившись, Тьюс увидел, что они делают.

Рабы подносили в мешках порошок. При помощи какой-то жидкости им покрывали корпус гондолы.

Тьюс вышел из носилок. Он медленно обошел вокруг гондолы и чем дольше глядел, тем бессмысленнее казалось ему это занятие. Никто не обратил на него внимания. Были два стражника, но они, видно, не получили приказа относительно зрителей. Они не подозревали, что рядом с ними находится лорд-советник.

Тьюс не стал просвещать их. Удивленный, он нерешительно пошел к дому. Не было сделано никаких попыток помешать ему. В большой прихожей разговаривало и смеялось несколько храмовых ученых. Они с любопытством взглянули на Тьюса.

— Лорд Клэйн в доме?

Один из ученых кивнул.

— Найдете его в берлоге. Он работает над благословением.

В комнате было еще несколько ученых. Тьюс был готов к решительным действиям. Но неблагоразумно было арестовывать Клэйна в присутствии такого количества храмовых ученых. А в доме слишком много стражников. К тому же он не мог придумать повода для ареста. Похоже, что здесь готовят религиозную церемонию. Он отыскал Клейна в небольшой комнате, выходящей во дворик. Клэйн спиной к нему склонился над кубом из храмового строительного материала. На столе лежали шесть полушарий из медного вещества. У Тьюса не было времени их рассматривать, потому что Клэйн повернулся, чтобы посмотреть, кто пришел, и с улыбкой выпрямился.

Тьюс стоял, вопросительно глядя на Клэйна. Младший подошел к нему.

— Мы надеемся,— сказал он,— что этот стержень, который нашли в яме богов,— легендарный стержень. В соответствии с легендой, главное требование к просителю — чистота сердца. И тогда боги по своему усмотрению, но при определенных обстоятельствах, активизируют стержень.

Тьюс кивнул и указал рукой на куб.

— Я доволен, что ты интересуешься религиозными вопросами. Я считаю важным, чтобы член нашей семьи занимал высокое положение в храмах, и хочу заявить: что бы ни произошло,— он многозначительно помолчал,— ты всегда можешь рассчитывать на меня как на своего покровителя и друга.

Он вернулся во дворец, но оставил шпионов следить за возможной враждебной для него деятельностью.

Тьюсу доложили, что Клэйн был приглашен Джерриком на ужин, но принят с той холодной формальностью, которой отличались отношения братьев. Один из шпионов рассказал, что за едой Клэйн просил, чтобы его космические корабли были отозваны с патрульных полетов для какой-то задачи, суть которой раб не понял.

Говорилось еще об открытии на северо-востоке, но настолько неясно, что лорд-советник не думал об этом, пока после полуночи не проснулся от криков и звона оружия за стеной своей спальни.

Не успел он сесть, как дверь распахнулась, и в спальню ворвалась толпа венерианских солдат.

Фронт на северо-востоке был прорван.

Наступила третья ночь его плена. Ночь повешения. Тьюс дрожал, когда с наступлением сумерек его повели на

освещенную площадь. Он будет первым. И когда его тело закачается в петле, двадцать тысяч венериан затянут петли на шеях десяти тысяч линнских солдат.

Ночь, на которую глядел Тьюс, была ни на что не похожа. Бесчисленные огни горели на обширной равнине. Поблизости он видел столб, на котором будет повешен. Дальше рядами стояли столбы, а между ними площадка для костров.

Осужденные уже стояли у костров со связанными руками и ногами, с веревкой на шее. Тьюс ясно видел только первый ряд. Первая линия жертв были офицеры, все они стояли спокойно.

Некоторые разговаривали друг с другом, но, когда привели Тьюса, разговоры прекратились.

Никогда в жизни не видел Тьюс столько ужаса на лицах. Тьюс не ожидал, что его узнают. Трехдневная борода и ночные тени делали это трудным. Никто ничего не сказал, когда он поднялся на эшафот. В свое время Тьюс приказал повесить немало людей, но совсем другое ощущение быть жертвой, а не судьей.

Гнев, охвативший его, был основан на том, что он понимал: он не оказался бы в таком положении, если бы против него действительно готовился заговор. Напротив, он рассчитывал, что Джеррин будет удерживать врага, а он со своими легионами отберет власть у Джеррина.

В глубине души он верил в честность Джеррина. Он хотел унизить его, свести к нулю заслуженные почести. Теперь он понял, что Джеррин никогда не готовил против него заговор. И тут, случайно посмотрев вниз, он увидел у эшафота в группе венерианских руководителей Клэйна.

Шок был слишком велик, чтобы все понять. Тьюс смотрел на молодого человека, и перед ним постепенно вырисовывалась картина. Между Джеррином и венерианами было заключено предательское соглашение. Тьюс видел, что мутант в одежде храмового ученого держит в руках металлический огненный стержень. Всплыло воспоминание. Он забыл о благословении богов. Тьюс поднял голову. Если корабль с гондолой находится наверху, он был частью ночи, невидимый и недосягаемый.

Тьюс взглянул на мутанта и собрался заговорить, но Клэйн сказал:

— Ваше превосходительство, не будем тратить время на взаимные обвинения. Ваша смерть возобновит граждан-

скую войну в Линне. Мы меньше всего хотим этого и докажем это сегодня ночью, вопреки вашим подозрениям.

Тьюс быстро овладел собой и стал обдумывать шансы на спасение. Если космические корабли попытаются высадить войска, венерианам нужно только подтянуть веревки и повесить связанных, ну а потом их огромная армия будет сдерживать атаки. Это единственно возможный маневр, следовательно, слова Клэйна — ложь.

Мысли Тьюса были внезапно прерваны: венерианский император с угрюмым лицом взобрался на платформу. Несколько минут стоял он, пока не наступила тишина. Потом подошел к микрофонам и заговорил на общем языке Венеры.

— Друзья венериане, в эту ночь мщения за все преступления, совершенные против нас империей Линн, здесь присутствует агент главнокомандующего армии нашего подлого врага. Он явился к нам с предложением, и я хочу, чтобы он вышел сюда и рассказал вам о нем. И вы рассмеетесь ему в лицо, как это сделал я.

Во тьме послышались крики:

— Повесить его тоже!

Тьюс был потрясен этим яростным криком, но в то же время вынужден был восхититься хитростью венерианского вождя. Это был человек, последователи которого, должно быть, не раз сомневались в его способности к борьбе. У него было упрямое лицо полководца, ожидающего резкой критики. Какая возможность для него приобрести популярность!

Клэйн поднимался по ступеням. Он подождал тишины, и затем сказал удивительно сильным голосом:

— Атомные боги Линна, чьим посланником я являюсь, устали от этой войны. Я призываю вас покончить с нею. Сейчас!

Император смотрел на него.

— Ты не это собирался говорить!— воскликнул он.— Ты...— и замолчал, потому что взошло солнце.

Взошло с о л н ц е .

Несколько часов назад оно зашло за горизонт. И вот одним прыжком взлетело прямо вверх и повисло над головой.

Необыкновенно яркий свет залил сцену множества неизбежных смертей: столбы с привязанными к ним жертвами, сотни тысяч зрителей-венериан, обширная равнина, прибрежный город в отдалении — все ослепительно осве-

щено. Тени начинались на другой стороне равнины. Город освещался более слабыми отражениями.

Видя эту тьму, Тьюс понял, что вверху вовсе не солнце, а огромный огненный шар — источник света.

Послышался крик сотен тысяч глоток. В нем был и страх, и отчаяние, и испуганное почтение. Мужчины и женщины упали на колени. Венерианский вождь понял всю глубину своего поражения. Он тоже испустил ужасный крик и прыгнул к рычагу, открывающему люк, над которым стоял Тьюс. Краем глаза Тьюс заметил, как Клэйн поднял стержень.

Вспышки не было, но император исчез. А Тьюс так и не мог решить, что же произошло, но у него сохранилось воспоминание о человеке, буквально превращающемся в жидкость. Картина была такой невероятной, что Тьюс закрыл глаза и даже себе потом не признавался в увиденном. Когда он наконец открыл глаза, с неба спускались корабли. Для лежащих ниц венериан появление пятидесяти тысяч линнских солдат должно было показаться очередным чудом.

Вся основная армия венериан была пленена в ту же ночь. И хотя война на других островах продолжалась, большой остров Укста был полностью захвачен в течение нескольких недель.

Неделю спустя, в полдень, Клэйн в числе других влиятельных людей провожал флотилию кораблей, которые сопровождали лорда-советника на Землю. Прибыл Тьюс в сопровождении свиты. Группа храмовых посвященных затянула гимн.

Возвращение на Землю, предложенное Клэйном, полностью устраивало Тьюса. Ему первому достанется слава победы на Венере. У него будет достаточно времени, чтобы замять слухи об унизительном пленении самого лорда-советника. И к тому же он первый настоит на триумфе для Джеррина.

Ясно, что атомные боги тоже довольны...

19

В своем обращении к Патронату после возвращения с Венеры Тьюс среди прочего заявил:

— Нам сейчас трудно это осознать, но у Линна не осталось значительных противников. Наши войска нанес-

ли решающее поражение нашим недругам на Марсе и Венере, и теперь мы оказались в уникальном историческом положении: мы единственная сила человечества. Впереди неизбежен период неограниченного мира и созидания.

Он вернулся во дворец, вспоминая восхваления. Шпионы уже донесли, что патроны считают победу в этой войне его заслугой. В конце концов до его прибытия война тянулась бесконечно. Все кончилось. Тьюсу не нужно быть мудрецом, чтобы понять, что в таких обстоятельствах он вполне может допустить триумф для Джеррина и при этом ничего не потеряет.

Несмотря на собственное заявление Патронату, сам он все более поражался этим словам: никаких врагов. Нечего опасаться. Трудно поверить, что Вселенная принадлежит Линну и что ему, лорду-советнику, подчиняется больше людей, чем кому-либо. Такое положение ослепило Тьюса.

Он будет заботливым вождем, уверял он себя. Он предвидел великие деяния, которые озарят славой золотой век Тьюса в истории Линна. Видение было таким благородным и вдохновляющим, что Тьюс долгое время лишь играл величественными планами, не предпринимая никаких конкретных действий.

Вскоре ему доложили, что Клэйн вернулся с Венеры. Через несколько дней он получил письмо от мутанта.

«Его превосходительству лорду-советнику Тьюсу.

Мой благородный дядя. Я хотел бы навестить вас и передать результаты нескольких бесед с моим братом Джеррином, а также мои собственные соображения относительно потенциальных опасностей для империи. Нас обоих тревожит преобладание рабов над гражданами Земли, а также наша полная неосведомленность относительно ситуации на спутниках Юпитера и Сатурна.

Поскольку это единственные возможные пока опасности, то чем скорее мы обсудим все аспекты, тем увереннее будем, что Линну ничто не сможет угрожать.

Ваш послушный племянник Клэйн».

Прочитав письмо, Тьюс почувствовал раздражение. Оно казалось надоедливым. Оно напомнило, что блестящее будущее, которое он предвидел для империи, и свой контроль над Линном были неполными, что племянник может при-

нудить его к компромиссу, который затмит его славу. Тем не менее он дипломатично ответил.

«Мой дорогой Клэйн!

Приятно было получить твое письмо. Вернувшись с гор, я буду счастлив принять тебя и обсудить дела самым тщательным образом. Я приказал собрать данные, так что, встретившись, мы сможем рассуждать, опираясь на факты.

Тьюс, лорд-советник».

Он действительно отдал такой приказ, а также вызвал чиновника—эксперта по спутникам Юпитера и Сатурна и выслушал его. Спутники населяли племена, стоящие на разных ступенях варварства. Доклад основывался на опросе жителей спутников и торговцев, навещавших определенные порты. Все свидетельствовало о том, что старые приемы интриг и убийств среди вождей продолжались.

Убедившись, что ситуация не внушает опасений, Тьюс отправился на отдых в горы в сопровождении трехсот придворных и пятисот рабов. Он все еще был там, когда месяц спустя пришло второе письмо от Клэйна.

«Благородному лорду-советнику Тьюсу.

Ваш ответ на мое письмо принес мне большую радость. Не могу ли я получить сведения относительно ваших агентов, сколько их и где они сосредоточены? А причина моего вопроса вот в чем: я обнаружил, что несколько моих агентов на Европе, величайшем спутнике Юпитера, были неожиданно казнены год назад. Вся моя информация об этой территории основывается на докладах, как минимум, двухлетней давности, да и те сведения довольно туманны. Похоже, что около пяти лет назад некий вождь начал объединение Европы. С тех пор с каждым месяцем доклады моих агентов становятся все более смутными. Я подозреваю, что мои агенты стали жертвой тщательно подготовленной пропаганды. Если это так, то меня чрезвычайно беспокоит, что кто-то сумел перехватить мои каналы информации.

Это, конечно, только подозрения, но было бы желательно, чтобы ваши люди произвели расследование, имея в виду, что их нынешние источники информации могут оказаться ненадежными.

Ваш верный слуга и племянник Клэйн».

Письмо напомнило Тьюсу, что он живет в мире шпионов. «Я полагаю,— устало подумал он,— что уже сейчас обо мне распускают слухи. Люди представить себе не могут, какие планы я разрабатываю для государства во время так называемой «увеселительной» прогулки. И о том, не сделать ли серию заявлений о блестящем будущем?»

Весь день он испытывал раздражение, потом снова прочел письмо Клэйна и решил, что необходим спокойный и дипломатичный ответ. Он может заявить, что принимает все предосторожности против любой случайности.

Он отдал необходимые распоряжения, посоветовал Клэйну поступить так же и начал серьезно обдумывать положение, которое сложится, когда с Венеры за триумфом приедет Джеррин. Будущее уже не казалось ему таким безоблачным: племянники стремятся вмешиваться в государственные дела и имеют на это законное право — у каждого был совещательный голос, хотя прямо вмешиваться в управление они не могли.

«Клэйн во всем прав,— неохотно признал Тьюс.— Но моя мать однажды сказала: «Тот, кто постоянно использует свои права, не мудрец». И он рассмеялся.

Вечером перед сном Тьюса озарило: «Да, я снова начинаю испытывать те же страхи, что беспокоили меня на Венере. Проклятая дворцовая атмосфера действует на меня».

Он считал себя неспособным к низменным мыслям. Он был убежден, что для него подлинное наслаждение — исполнение своего долга. И именно это заставляло его следить за возможными заговорами, хотя самому ему они были отвратительны.

Сознание безупречной честности успокаивало Тьюса. «В конце концов,— думал он,— я могу иногда ошибаться, но не серьезно, если буду внимателен к опасностям со всех сторон. И даже мутант с его научными знаниями — это вопрос, которому я должен уделять особое внимание с учетом интересов государства».

Он уже не раз думал об оружии, которое Клэйн использовал на Венере, и в продолжение следующих дней пришел к выводу, что должен действовать. Он продолжал уверять себя, что делает это неохотно, но в конце концов написал Клэйну:

«Мой дорогой племянник!

Хотя ты не просил о покровительстве, которое заслужил как своим происхождением, так и своими работа-

ми, я уверен, что ты будешь счастлив услышать, что государство готово принять под охрану материалы, добытые тобой из ямы богов и из других древних источников.

Самое безопасное для них место — твоя резиденция в Линне. Поэтому я приказываю перевести в город все оборудование из твоего сельского поместья. Через неделю в поместье прибудет отряд с соответствующим транспортом, а другой отряд сегодня же приступает к охране твоей городской резиденции.

Командир отряда, ответственный передо мной, создаст тебе все условия для работы.

Я рад, мой дорогой Клэйн, что оказал тебе столь дорогостоящее, но заслуженное внимание.

Вскоре я лично навещу тебя, осмотрю твои сокровища, чтобы в дальнейшем использовать их для всеобщего благоденствия.

С самыми сердечными пожеланиями Тьюс,
лорд-советник».

Отправив письмо и отдав необходимые распоряжения командирам отрядов, Тьюс подумал: «По крайней мере все материалы будут собраны в одном месте. Позже всегда возможен более строгий контроль, если, конечно, возникнет необходимость». Мудрый руководитель предусматривает любую случайность. Даже действия любимых родственников нужно рассматривать объективно».

Тьюсу сообщили, что Клэйн не сопротивлялся, и все материалы благополучно доставлены в Линн. Он все еще находился в горном дворце, когда пришло третье письмо от Клэйна. Сжато сформулированное, оно представляло собой социальный трактат. В предисловии говорилось:

«Нашему дяде, лорду-советнику.

Лорды Джеррин и Клэйн Линн полагают, что в Линне существует опасное преобладание численности рабов. Они полагают далее, что рабство нежелательно в любом здоровом государстве. Поэтому они предлагают, чтобы лорд-советник Тьюс во время своего правления придерживался следующих основных принципов и сделал их основополагающими для будущих поколений:

1. Всякое законопослушное человеческое существо обладает полным контролем над собственной личностью.

2. Там, где такого контроля сейчас не существует,

он будет предоставлен постепенно, причем первые две ступени свободы вводятся в действие немедленно.

3. Первая ступень: ни один раб не может быть физически наказан без постановления суда.

4. Вторая ступень: продолжительность рабочего дня раба не должна превышать десять часов».

Далее описывались следующие ступени постепенного освобождения рабов, так что спустя двадцать лет только «неисправимые» будут несвободны, да и те будут контролироваться непосредственно государством, причем с каждым из них в соответствии с законом будут обращаться как с индивидуумом.

Тьюс читал этот документ, удивляясь и забавляясь. Он вспомнил другое высказывание своей матери: «Не беспокойся из-за идеалистов. В нужный момент толпа перережет им глотки». Но его благодушие быстро растаяло. «Эти мальчики вмешиваются в дела государственного управления». И к концу лета Тьюс приготовился вернуться в город. При этом он не переставал хмуро думать об угрозе государству, которая, по его мнению, возрастала.

На второй день после возвращения в Линн, он получил еще одно письмо от Клэйна. В письме сообщалась просьба о свидании, чтобы «обсудить вопросы, касающиеся обороны империи».

Тьюса разъярило то, что мутант даже не дал ему прийти в себя после возвращения. Конечно, ему при переселении делать было нечего, но все же вежливость требовала подождать. Тьюс с гневом решил, что настойчивость Клэйна носит все признаки сознательного оскорбления.

Он послал в ответ короткую записку:

«Мой дорогой Клэйн.

Я приму вас, как только освобожусь от более важных дел. Подождите извещения.

Тьюс».

Спал он спокойно, уверенный, что занял твердую позицию и сделал это вовремя.

И проснулся, чтобы узнать о катастрофе.

Единственным предупреждением послужил стальной блеск металла в небе. Захватчики высадились в Линне с трехсот космических кораблей, а с каждого корабля — по двести странных воинов. Должно быть, предварительно вы-

садились шпионы, потому что захватчики сразу оказались у ворот.

— Шестьдесят тысяч солдат!— воскликнул лорд-советник Тьюс, изучив донесения. Он отдал приказы о защите дворца и разослал почтовых голубей в три легиона, размещенных вне города, приказывая двум легионам начать наступление.

Все было смутным и нереальным. Большинство нападавших кораблей скрылись за большими зданиями. Некоторые лежали на открытых площадках, но казались мертвыми. И трудно было представить, что поблизости от них идет битва. В девять часов принесли послание от леди Лидии:

«Дорогой сын.
Есть ли у тебя новости? Кто на нас напал? Это ограниченное нападение или на всю империю? Связался ли ты с Клэйном?»

Первого пленника привели, когда Тьюс хмурился из-за неприятного предложения искать помощи у Клэйна — мутант был последним, кого он хотел видеть. Пленник, бородатый гигант, гордо признался, что он с Европы и не боится ни человека, ни бога. Рост пленника и его физическая сила поразили Тьюса. Но его наивный взгляд на мир действовал ободряюще. Следующие пленники были точно такими же.

Это было вторжение варваров с Европы. Очевидно, лишь с целью грабежа. Если не действовать быстро, Линн в два дня останется без сокровищ. Кровавые приказы посыпались из уст Тьюса. Пленных не брать. Разрушать их корабли.

Медленно тянулось утро. Тьюс хотел осмотреть город, но отказался от этого намерения, подумав, что при этом командиры не смогут посылать ему донесения. По той же причине он не мог перевести свою резиденцию. Около полудня пришло успокоительное известие, что два легиона наступают у главных ворот.

Новости успокоили Тьюса. С неудовольствием он вспомнил письма Клэйна. Он созвал экспертов и выслушал их доклады.

Данных собралось множество. Европу населяли яростно соперничающие племена. Говорили, что обширная атмосфера Европы создана искусственно учеными золотого века

с помощью атомных богов и что она содержала большое количество газа, пропускающего свет, но не позволяющего теплу уходить в пространство.

Пять лет назад путешественники начали рассказывать о вожде по имени Чиннар, который объединил все враждующие племена в одну нацию. Потом путешествия стали опасными, а торговцам разрешали посадку только в определенных районах. При этом им говорили, что попытка объединения не удалась. Хитрый Чиннар перехватил все каналы информации и продолжал укреплять свое положение, снабжая мир дезинформацией.

Чиннар. В этом имени было что-то зловещее. Если такой человек уйдет отсюда хотя бы с горсткой приверженцев и с частью богатств Линна, Солнечная система взорвется.

Тьюс колебался. В голове у него возник план, который лучше осуществить ночью, но это значило дать варварам еще несколько часов для грабежа. Он решил не ждать, но приказал третьему легиону войти в туннель, ведущий во дворец.

В качестве предосторожности и с целью отвлечения внимания неприятеля он послал с пленным офицером письмо к Чиннару. В письме он указывал на безрассудность нападения, результатом которого будут лишь кровавые репрессии на Европе, и говорил, что есть еще время для почетного отступления. Только одно было неверно в его рассуждениях. Чиннар собрал большие силы и сдерживал их, надеясь установить, находится ли лорд-советник во дворце. Освобожденный пленник и сообщил о местонахождении Тьюса.

В последующей атаке варвары овладели центральным дворцом и захватили врасплох легионеров, находящихся в туннеле. Люди Чиннара вылили масло из огромных дворцовых цистерн и подожгли его.

Так погиб целый легион.

В эту ночь сотни резервных варварских космических кораблей высадились позади линнских солдат, осаждавших ворота. А наутро два легиона были изрублены на куски.

Лорд-советник Тьюс ничего не знал об этом событии. Накануне его череп был отдан любимому златокузнецу Чиннара, и тот залил его золотом, награбленным в Линне, и изготовил кубок, чтобы отпраздновать величайшую победу столетия.

20

Для лорда Клэйна Линна, занимавшегося проверкой счетов по своему имению, новость о нападении на Линн и его падении была тяжелым ударом. За незначительными исключениями, все его атомные материалы находились в Линне. Он отпустил посланника, который неблагоразумно сообщил свои новости при открытых дверях, и задумался, сидя за столом.

Когда он осмотрел комнату, где трудилось множество ученых, ему показалось, что по крайней мере один из рабов не сдержал радости. Он не стал откладывать и немедленно позвал этого человека к себе. У него была неизменная система обращения с рабами, унаследованная от Джоквина вместе с имением.

Работа, верность и положительное отношение давали рабам лучшие условия, более короткий рабочий день, свободу в действиях, право после тридцати лет жениться, а после сорока обрести полную свободу. Лень и другие отрицательные свойства, такие, как обман, наказывались. Не будучи в состоянии изменить законодательство страны, Клэйн не мог представить себе лучшую систему при существовании рабства. И вот сейчас, несмотря на свое беспокойство, он поступал, как Джоквин в подобных случаях, если нет явных доказательств вины. Он сказал рабу Органу, что тот вызвал его подозрения, и спросил, оправданы ли они.

— Если ты виноват и сознаешься,— сказал он,— то получишь мягкое наказание. Если не сознаешься, а позже окажется, что ты виноват, будет три наказания, что означает тяжкую физическую работу.

Раб ответил с насмешкой.

— К тому времени Чиннар покончит с вашими линнцами, и ты будешь работать на меня.

— Полевые работы,— сказал Клэйн,— на три месяца по десять часов в день.

Не время для лицемерия. Все, что можно истолковать как слабость, теперь губительно.

Когда стражники уводили раба, тот закричал:

— Злобный мутант, Чиннар покажет тебе твое место!

Клэйн не ответил. Он считал сомнительным, что новый завоеватель был избран судьбой для наказания Линна за все его злодеяния. Он выбросил эти мысли из головы. У входа он остановился, посмотрел на десяток преданных рабов, которые сидели за столами.

— Не поступайте опрометчиво,— серьезно сказал он.— Если вы испытываете такие же чувства, сдержите их. Падение города от неожиданной атаки не так уж важно.— Он остановился, поняв, что обращается к инстинкту их осторожности. Разум говорил ему, что в периоды больших кризисов люди не всегда осмысливают все возможности.

— Я понимаю,— закончил он наконец,— что быть рабом небольшое удовольствие, хотя и есть свои преимущества — экономическая безопасность, бесплатное обучение мастерству. Но слова Органа доказывают, что, если молодым рабам предоставить свободу поступков, они потрясут общество. К сожалению, люди разных рас лишь постепенно учатся жить вместе.

Он вышел довольный тем, что поступил наилучшим образом в данных обстоятельствах. Он не сомневался, что поведение Органа в миниатюре отразило всю проблему империи рабства. Если Чиннар завоюет хоть сколько-нибудь значительную территорию, автоматически последует восстание рабов.

Снаружи он увидел первых беженцев. Они прилетали в многочисленных разноцветных экипажах. Удивительно то, что они ждали до полудня второго дня. Люди просто отказывались верить, что город в опасности. хотя, конечно, более ранние беженцы могли уйти в других направлениях. И не показываться вблизи его поместья.

Клэйн начал решительные действия. Он подозвал раба и отправил его к беженцам.

— Пусть те, у кого есть средства транспорта продолжают движение. Здесь, в восьмидесяти милях от Линна, мы сможем позаботиться только о пешеходах.

Он прошел в кабинет и позвал командиров своих войск.

— Мне нужны добровольцы,— объяснил он.— В особенности люди с сильными религиозными чувствами, которые ночью полетят в Линн и заберут все оборудование из моей лаборатории.

План, который он обрисовал пятидесяти добровольцам, был прост. В смятении, охватившем город, пройдет, вероятно, несколько дней, прежде чем варварская армия займет все действительно важные резиденции. Варвары в эти первые дни вполне могут пропустить дом, стоящий за деревьями.

Если все же дом занят, то там, вероятно, мало солдат противника. Храбрые люди легко перебьют врагов и выполнят свою задачу.

— Я хочу подчеркнуть важность вашего задания,— продолжал Клэйн.— Как вы все знаете, я член храмовой иерархии. Мне доверили священные божественные металлы и оборудование, включая материалы. Если драгоценные реликвии попадут в нечистые руки, произойдет катастрофа. Если вы попадете в руки врага, не открывайте цели вашего рейда, а говорите, что пришли за собственным имуществом.

Помня об охране, оставленной Тьюсом, он закончил свои инструкции:

— Возможно, оборудование охраняют линнские солдаты. В таком случае отдайте командиру отряда письмо.

Он протянул документ. Это был приказ, подписанный Клэйном и заверенный печатью. После смерти Тьюса такой приказ не будет оставлен без внимания.

Когда добровольцы стали готовиться, Клэйн отправил один из своих кораблей-посланцев в ближайший город Гарам. Он спрашивал у коменданта города, своего друга, какие контрдействия принимаются против вторжения.

— Проявляют ли власти города понимание, что от них требуется в подобных обстоятельствах. Нужно ли с самого начала объяснить им старый закон?

Ответ пришел в кратчайшее время. Генерал отдавал свои войска в распоряжение Клэйна и советовал отправить вестников во все главнейшие города империи именем «его превосходительства лорда Клэйна Линна», временно занявшего место Тьюса, покойного лорда-советника, защищавшего город Линн от внезапного нападения варварских орд звероподобных людей, которые стремятся уничтожить прекрасную цивилизацию.

В письме было еще многое в том же духе. Его удивило предположение, что его именем будет организована армия.

Перечитав письмо, он пошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение. На нем было представительное платье храмового ученого. Складки скрывали его уродство от взглядов посторонних.

Потребуется три месяца, чтобы достичь лорда Джеррина на Венере, и четыре — лорда Дрейда на Марсе, так как обе планеты находятся по ту сторону Солнца, столько же времени уйдет для ответа. Только член правящей семьи может получить поддержку других городов империи. О семье лорда-советника не было никаких сообщений. К тому же там одни женщины. Остается лорд Клэйн, младший брат Джеррина, внук покойного лорда-правителя. В тече-

ние по крайней мере нескольких месяцев он будет исполнять обязанности лорда-правителя Линна.

Подходил к концу второй день вторжения. К сумеркам свыше тысячи человек разместились лагерем вдоль дороги. Над головой курсировали небольшие экипажи и большие боевые корабли.

Сами дороги были пустынны. Разведчики доложили, что из Линна движутся толпы беженцев. Но они пока еще не появились. В последний час перед сумерками патрули доложили, что ворота закрываются одни за другими. А поток беженцев сократился до ручейка. По-видимому те, кто мог заплатить, уже находились в безопасности.

В полночь солдаты-проводники отправились в боевую экспедицию на десяти скутерах и одном космическом корабле. Первым распоряжением Клэйн усилил их сотней солдат регулярной армии. Он присутствовал при отлете кораблей, потом отправился на встречу собравшихся высших офицеров. Все генералы поднялись при его появлении и приветствовали его салютом.

Клэйн застыл. Он хотел быть спокойным и деловым, уверял себя, что все происходящее естественно. Но испытывал он и нечто другое: он чувствовал, как в нем оживает опасная детская паника. Мышцы его лица сокращались, он трижды с трудом сглотнул и ответил на салют. И только потом прошел к столу.

Клэйн подождал, пока все усядутся, и попросил доложить об имеющихся в его распоряжении войсках. Он записывал числа по каждой провинции и затем суммировал их.

— Без четырех провинций, представители которых еще не прибыли,— объявил он,— на сегодня восемнадцать тысяч обученных солдат, шесть тысяч резервистов и около пятисот тысяч пригодных к воинской службе граждан.

— Ваше превосходительство,— сказал его друг Моркид.— Линнская империя обычно содержит армию в миллион человек. На Земле главные силы располагались вблизи Линна, теперь они уничтожены. Около четырехсот тысяч находятся на Венере и чуть больше — на Марсе.

Клэйн подсчитал.

— Это не дает миллиона.

Моркид кивнул.

— Впервые за многие годы численность армии сократилась. Завоевание Венеры, казалось, уничтожило всех по-

тенциальных врагов Линна, и лорд-советник счел, что пришла пора экономить.

— Понятно,— сказал Клэйн и побледнел, чувствуя слабость, как человек, который не может самостоятельно передвигаться.

21

Лидия с трудом выбралась из носилок, сознавая, какой старой и непривлекательной кажется она варварам. Она не беспокоилась из-за этого. Самое главное, что Чиннар согласился принять ее во дворце.

Старая женщина невесело улыбнулась. Она больше не ценила кожу и кости. Была даже какая-то радость от сознания, что она идет навстречу смерти. Несмотря на возраст и некоторое отвращение к самой себе, она не хотела забвения. Но Клэйн просил ее рискнуть. Лидию смутно удивляло, что мысль о мутанте, исполняющим обязанности лорда-правителя, больше не смущали ее. У нее были свои причины верить в способности Клэйна. Она медленно шла по коридорам и знакомым комнатам. Повсюду были рослые и бородатые воины. Глядя на них, она стала считать оправданными все безжалостные действия, которые предпринимала в свои дни.

Когда она вошла в тронный зал, мрачные мысли покинули ее. Она острым взглядом огляделась в поисках загадочного вождя. На троне или поблизости никого не было. Мужчины стояли группами и разговаривали. В одной из групп выделялся молодой высокий человек. Все были бородаты, а он гладко выбрит.

Он перестал слушать говорившего, и все замолчали. Тишина передалась остальным группам. Не прошло и минуты, как все смотрели на нее, ожидая, когда заговорит командир. Она тоже ждала. Чиннар не был красив, но у него была внешность сильного человека. Но этого было мало. Лидия, ожидавшая выдающихся качеств, была поражена.

Лицо Чиннара было скорее чувственным, чем грубым. И этого тоже было недостаточно для объяснения того факта, что он стал абсолютным повелителем огромных недисциплинированных орд.

Великий человек выступил вперед.

— Леди,— сказал он,— вы просили меня о свидании.

И тут она поняла в чем его власть. За всю жизнь она не слышала такого сочного баритона, такого прекрасного голоса, привыкшего повелевать. Она поняла, что ошиблась относительно его внешности. Она ждала красоты, а этот человек был прекрасен.

Ее охватил страх. Такой голос, такая личность...

Она усилием воли разорвала очарование и сказала:

— Ты Чиннар?

Ответ снова вызвал у нее оцепенение. Но на этот раз она пришла в себя быстро. И теперь полностью овладела собой. Глаза ее сузились. Она враждебно посмотрела на вождя.

— Я вижу,— сказала она,— что пришла сюда напрасно.

— Естественно.— Чиннар склонил голову. Он не спросил ее, зачем она пришла. Стоял и вежливо ждал, пока она кончит говорить.

— Пока я не увидела тебя,— угрюмо говорила Лидия,— я считала тебя талантливым полководцем. Но теперь вижу, что ты считаешь себя орудием судьбы. И вижу, как тебя укладывают в могилу.

В комнате послышался гневный ропот. Чиннар жестом восстановил тишину.

— Мадам, ваши слова оскорбляют моих офицеров. Говорите, зачем пришли, и тогда я решу, что буду делать с вами.

Лидия кивнула, но заметила, что он не сказал, что сам оскорблен. Она внутренне вздохнула. Мысленно она уже составила представление об этом человеке и испугалась. Истории были известны прирожденные вожди, порождаемые немыми массами. В них была воля править или умереть. Воздействие их на свое время было колоссально. Такие люди даже в смертных муках тащили за собой древние династии. А этот уже убил законного правителя Линна и нанес ошеломляющий удар в сердце империи.

Лидия спокойно сказала:

— Я буду говорить коротко, поскольку вы планируете новые политические и военные кампании. Я пришла по просьбе моего внука лорда Клэйна Линна.

— Мутант.— Чиннар кивнул. Его замечание было уклончиво, просто констатация факта.

Лидия поразилась, насколько хорошо он знает семью Линнов, включая и Клэйна, который всегда старался держаться незаметно. Она продолжала:

— Лорд Клэйн храмовый ученый и в течение многих лет занимался научными экспериментами. Большая часть его оборудования, к сожалению, в Линне.— Лидия пожала плечами.— Оно абсолютно бесполезно для тебя и твоих людей, но будет большой потерей для цивилизации, если оно исчезнет или испортится. Лорд Клэйн просит дозволения послать рабов в свой городской дом, чтобы перевезти оборудование в сельское имение. В обмен...

— Да,— повторил Чиннар,— в обмен...

Голос его прозвучал насмешливо, и она поняла, что он играл с ней.

— В обмен,— сказала она,— он заплатит и драгоценными металлами, и камнями любую названную тобой сумму.

На лице вождя появилось задумчивое выражение.

— Я слышал об экспериментах лорда Клэйна с так называемыми божьими металлами. Очень любопытные рассказы. Освободившись от своих военных обязанностей, я осмотрю его лабораторию. Можете передать своему внуку, что его план возвращения величайших сокровищ Линна и всей империи был обречен на неудачу. В первые же минуты нападения пять космических кораблей сели у дома лорда Клэйна, чтобы я был уверен, что его загадочное оружие не будет обращено против моих воинов. Я считаю большой неудачей, что его самого не было в это время в городе. Можете передать ему, что нас не застала врасплох ночная попытка захватить оборудование.— И закончил: — Большое облегчение сознавать, что его оборудование в наших руках.

Лидия ничего не сказала. Она не осознавала, в каком напряжении находилась. Ей казалось, что стоит заговорить, она покажет, как велико ее облегчение. «Можете передать ему?» Значит, ей позволено будет уйти. Снова она ждала.

Чиннар прошел вперед и остановился прямо перед ней. В его манерах появилось что-то варварское, до сих пор тщательно скрывавшееся. Намек на насмешку, презрение физически сильного человека, чувство превосходства над утонченностью Лидии. Когда он заговорил, было ясно, что он сознательно проявляет милосердие.

— Старуха,— сказал он,— я позволил тебе прийти, потому что ты оказала мне услугу, добившись для своего сына поста лорда-советника. Это событие, и только оно, дало мне возможность осуществить свой план нападения на

Линнскую империю.— Он улыбнулся.— Можешь идти и не забывай об этом.

Чиннар медленно поднимался по холму к низкой уродливой изгороди, окружавшей городской дом Клэйна. Он задержался у изгороди, узнав храмовый материал, из которого она была сложена; потом пошел дальше. Через несколько минут он рассматривал фонтан кипящей воды. Затем подозвал к себе инженера, руководившего строительством космических кораблей.

— Как это устроено?

Инженер осмотрел основание фонтана. Он не торопился, рослый толстый человек с репутацией сквернослова. Он уже обосновался в одном из линнских дворцов с тремя линнскими девушками-рабынями. Это был счастливый человек, совсем не тщеславный и не гордый. Инженер обнаружил дверцу в основании и опустился на колени в грязь, как простой рабочий. Тут же к нему присоединился Чиннар, не отдавая себе отчета в том, как шокировали его действия высокородных линнцев, принадлежащих к рабам его личной свиты.

— Храмовый материал,— сказал Миван, инженер.

Чиннар кивнул. Они без слов встали, такие вопросы они обсуждали уже на протяжении многих лет. В доме несколько минут спустя вождь и его помощник приподняли ковры, закрывавшие стены коридора, ведущего в лабораторию. Как и вся ограда, стены были теплыми на ощупь.

Вошли в лабораторию и от изумления переглянулись. Помещение было значительно расширено сравнительно с первоначальным планом, хотя они этого не знали. Одна из стен была убрана. Почти на каждом квадратном ярде обширного пола стояли машины — непрозрачные и прозрачные, большие и маленькие, некоторые явно законченные, другие — из отдельных фрагментов.

Чиннар задумчиво прошел вперед, осматривая машины и ни разу не задержался, чтобы подробно рассмотреть каждую. Потом краем глаза уловил движение.

Сияние. Он наклонился и вгляделся в длинный черный ящик, напоминающий по форме гроб, покрытый разноцветной и дорогой на вид облицовкой. Внутренность ящика представляла узкий туннель. По нему катился огненный шар. Он спокойно повернулся, за минуту покрыв расстояние от одной стены до другой. У дальней стенки он неторопливо остановился, казалось, размышляя над последующими действиями, и начал обратное путешествие.

Сама бессмысленность этого движения очаровала Чиннара. Он осторожно протянул руку к шару. Ничего не произошло. Несмотря на нападение на Линн, он не признавал риска. И он поманил стражника.

— Приведите раба,— приказал он. По его приказу бывший линнский дворянин, потея каждой порой, коснулся пальцем движущегося шара. Палец прошел через пустоту.

Он отшатнулся, испуганный. Чиннар не кончил еще. Снова неохотно, хотя и не так испуганно, раб протянул руку. Чиннар задумчиво смотрел на раба. Что-то отразилось в его взгляде, потому что раб воскликнул:

— Хозяин, я ничего не понял из увиденного. Ничего!

— Убейте его,— сказал Чиннар.

И, нахмурившись, снова повернулся к машине.

— Должна же быть какая-то причина его движения и существования,— упрямо сказал он.

Полчаса спустя, он все еще осматривал машину.

22

«Если бы я только мог...»— много раз думал Клэйн. И знал, что не осмелится пока.

Он с некоторым цинизмом позволил присланному лордом Тьюсом отряду перевести в Линн оборудование. В том числе и лучшую свою находку — огненный шар, открытие золотого века, которое потрясло прошлые столетия. Именно из-за этого шара он позволил Тьюсу захватить контроль над этим созданием древней удивительной культуры.

Необходимо было присутствие шара и, зная его действие, настроиться на него. К тому же он мог контролировать его мысленно на расстоянии — в течение трех дней. И вся необычная мощь шара будет в распоряжении Клэйна. В какой-то момент третьего дня — точно его определить не удалось — шар перестал «приходить», когда он «звал» его.

Из действий Тьюса вытекало, что он не собирается запрещать Клэйну доступ к оборудованию. Поэтому неважно, что шар будет находиться в Линне под охраной солдат. Несмотря на все предосторожности, Клэйн не предвидел, что Линн будет захвачен. И вот оружие, которое помогло бы покончить с войной, находится вне пределов его досягаемости. Разве что он решится на какой-нибудь отчаянный ход.

Но линнские силы еще недостаточно мощны для захвата чуда.

В линнской армии говорили: в первый месяц новичок служит причиной гибели своих опытных товарищей. Во второй месяц он мешает отступлению, вызванному его же паникой. И лишь на третий месяц он становится пригоден для гибели в первой же стычке.

Клэйн, глядя на группу новичков после нескольких недель обучения, сознавал, насколько верно это изречение. Умение хорошо стрелять из лука требовало полного единства мысли и тела. Топор или меч немыслимы без учета действий товарищей. А владение копьем — само по себе искусство.

В этот вечер Клэйн доложил командному составу план действий, являющийся попыткой скрыть слабость. План предусматривал использование необученных людей в первой линии обороны. Он говорил:

— Не предупреждайте их. Выведите их на открытую местность и учите простейшим приемам пользования оружием. Сначала лук и стрелы, потом копья и, наконец, мечи.

После совещания он изучил сообщения городов Норрис и Ралф, которые сдались буквально без борьбы. Когда началась атака варваров, рабы просто перебили своих хозяев. Примечание генерального штаба рекомендовало массовую казнь всех пригодных к воинской службе мужчин-рабов.

Клэйн разослал приглашения собравшимся торговым и промышленным деятелям на утреннюю встречу и унес с собой в постель проблему рабов. В десять утра он открыл совещание и сообщил собравшимся, что армия рекомендует смерть всех мужчин-рабов. Это заявление вызвало гул.

Один из присутствующих сказал:

— Ваше превосходительство, это невозможно. Нельзя уничтожить такое ценное имущество.

За двумя исключениями это оказалось общим мнением. Оба исключения представляли собой молодых людей. Один из них заявил:

— Господа, это необходимое действие.

Другой сказал:

— Я надеюсь, что кризис делает возможным осуществление большого прогрессивного дела — конец рабства в Линне.

Клэйн вышел вперед и поднял руку. Когда все смолкли, он начал:

— Сейчас не время для полумер. Нужно принять одно решение.

После завершения переговоров между группами торговцев, их представитель сказал:

— Ваше превосходительство, собравшиеся здесь деловые люди считают возможным о б е щ а т ь рабам свободу.

Клэйн долго смотрел на улыбающуюся аудиторию, потом повернулся и вышел. В этот день он подготовил специальный бюллетень.

«Свобода за верную службу по приказу его превосходительства лорда Клэйна Линна, правителя Линна, храмового ученого, возлюбленного самих атомных богов.

Приветствую всех добрых мужчин и женщин, верно служивших защищаемой богами Линнской империи. У вас есть возможность получить полную свободу, которую вы заслужили своими действиями и отношением за прошлые годы.

На империю налетели жестокие и грубые варвары. Их успех может быть лишь временным: непреодолимые силы собираются против них. Линнская миллионная армия на пути с Венеры и Марса, а тут, на Земле, готовится к сражению армия численностью более чем в два миллиона.

У противника меньше чем шестьдесят тысяч солдат. И к этой маленькой армии, чей первоначальный успех объясняется внезапностью нападения, поторопились присоединиться некоторые неразумные мужчины и женщины. Всем женщинам, если только они не замешаны в преступлениях, обещаю прощение. Для мужчин, которые перешли на сторону врага, остается лишь одна надежда: немедленно бежать из варварской армии и явиться в один из сборных лагерей, перечисленных в конце этой прокламации. В лагере не будет стражи, и раз в неделю будет проводится перекличка. Каждый мужчина, чье имя будет регулярно появляться в списках, получит полную свободу после разгрома врага.

Для непокорных наказание — смерть!

Тем мужчинам и женщинам, которые продолжают свою верную службу, я, лорд Клэйн, приказываю:

Все женщины и дети должны оставаться на прежних местах и служить, как и раньше.

Все мужчины должны явиться к хозяину и сказать: «Я

хочу исполнять приказ лорда Клэйна. Дайте мне недельный запас пищи, чтобы я смог добраться до сборного пункта».

Получив пищу, немедленно уходите, не задерживайтесь ни на час.

Если по какой-то причине вашего хозяина нет дома, берите пищу и уходите без разрешения. Никто не помешает вам покинуть город.

Всякий мужчина, к которому относится этот приказ и который будет найден в городе спустя двадцать четыре часа после объявления этой прокламации, будет заподозрен в измене.

Наказание — смерть!

Чтобы спастись, идите в сборные лагеря, чтобы ваше имя регулярно появлялось в недельных списках. Если варвары нападут на ваш лагерь, рассыпьтесь по лесам и холмам и прячьтесь, а потом идите в другой лагерь. Все лагеря будут снабжены пищей.

Все, доказавшие свою верность, получат свободу, немедленно получат право вступить в брак, им будут предоставлены земли для поселения, а через пять лет они получат права гражданства.

Наступает конец рабства в Линнской империи.

БЛАГОРАЗУМИЕ — БЕЗОПАСНОСТЬ — СВОБОДА».

Документ имел свои слабые места, и прежде чем опубликовать его, Клэйн обсуждал его достоинства с группой сомневающихся офицеров. Он не обращался к торговцам — они слишком заинтересованы в выгоде, чтобы рассуждать объективно. Клэйн указал, что невозможно сохранять в тайне приказ о массовых казнях. Большинство рабов сбежит и станут опасны. Он признал, что прокламация содержит немало лжи. Только в Линне миллионы рабов перешли на сторону Чиннара, который использует их для несения гарнизонной службы в городах. А его армия всегда готова к битве. Спор кончил Моркид.

— Господа,— сказал он,— вы как будто не сознаете, что наш главнокомандующий одним ударом покончил со всеми нашими иллюзиями и ложными надеждами и сразу занялся самым основным в том положении, в котором мы очутились. По самому обсуждению ясно, что у нас нет выбора. Мы счастливы, что, во время катастрофы наш предводитель — гений, наметивший дорогу, которая приведет нас к победе.

Господа, да здравствует лорд Клэйн Линн, исполняющий обязанности лорда-правителя Линна!

Аплодисменты длились пять минут.

23

Клэйн следил за битвой при Гараме с патрульного корабля, перелетавшего из одного пункта в другой. Вражеские корабли все время старались перехватить его, но у его корабля были хорошая скорость и маневренность.

Варвары испробовали и обычный трюк — стараясь занять положение над кораблем. Но ожидавшейся реакции не произошло. Маленький корабль даже не нырнул, как обычно.

Тем не менее эти попытки обеспокоили Клэйна. Чиннар, конечно, понимал, что его противник знает больше о металлах богов, чем он и его техники. Но плохо, если он заключит по поведению корабля, что на его борту находится сам Клэйн. А Клэйн хотел увидеть битву.

Оборона была непрочной. Необученные угрюмо сражались не на жизнь, а на смерть. Стрелы косили нападающих, копья, направленные неумелыми руками в достаточной степени отчаянных людей, причиняли раны, а иногда и смерть. Худо было в бою с мечами. Мускулистые могучие варвары легко справлялись со своими более слабыми физически противниками.

Первая линия обороны погибла. Началось сражение у второй линии. Вперед выдвинулся резерв варваров и был встречен волной стрел, затмившей небо. Ржание лошадей, проклятия раненых поднимались к кораблю. Защитники держались стойко. Таковы были указания. Отступили к центральной площади, которая оборонялась от напавших с тыла.

В последнюю минуту космические корабли возьмут на борт теснимую, но теоретически все еще действенную армию бывших штатских. Через полтора месяца обучения она была слишком ценной, чтобы дать ей погибнуть в битве.

Такое упорное сопротивление определит ход войны. Подсчитывая потери после очередной битвы, Чиннар призадумается. Его армия, усиленная рабами, росла с каждым днем. Но чем больше она становилась, тем труднее было ею управлять.

Но относительно исхода этой битвы или судьбы этого

города не было никаких сомнений. Когда темный прибой почти нахлынул с востока, победные костры загорелись на всех главных улицах. Дым поднимался к небу. И линнцы, первыми испытавшие варварскую оккупацию, не могли оценить тот факт, что именно это поражение послужит поворотом в войне.

Пришло время решать, где, когда и при каких условиях главные линнские силы дадут решающее сражение за власть над планетой. И еще одно решение, включающее огромный риск,— приблизиться к огненному шару. Клэйн поежился и плотнее запахнул плащ.

Он все еще размышлял об этом, когда принесли послание. Его доставил пленный линнский дворянин, освобожденный варварами. В послании Чиннара была лишь одна фраза: «Задумывались ли вы когда-нибудь, мой дорогой лорд Клэйн, как была уничтожена цивилизация золотого века?»

Над этой проблемой Клэйн ломал голову много лет. Но откуда может знать ответ варвар?

Клэйн расспросил посланника относительно условий в Линне. Ответы были неприятные. Множество рабов отомстило прежним хозяевам. Бесчисленное количество линнских женщин превратилось в проституток.

Расспрашивая о новостях, Клэйн узнал, что Чиннар публично пригласил храмовых ученых позаботиться о «некоторых реликвиях, ранее принадлежавших Клэйну».

— Он действительно назвал меня?

— Ваше имя было в объявлении,— ответил дворянин.— Я читал его во время выполнения одного поручения вне дворца.

Клэйн долго обдумывал этот разговор. Он заподозрил ловушку — и все же Чиннар не мог знать ценности огненной сферы. Даже если он заглянул внутрь, он мог только удивиться. Но это ничего не дало бы ему. Допустим, что это ловушка. Но для его целей достаточно на мгновение приблизиться к шару. Решится ли он на такой шаг?

Он все еще размышлял, когда другой освобожденный дворянин принес второе послание Чиннара:

«Я хотел бы поговорить с вами и показать вам нечто, ранее вами не виданное... Можете ли вы придумать, как организовать такую встречу?»

На следующее утро лорд Клэйн показал это послание

своему штабу. Все единодушно выступили против такой встречи, но согласились, что есть возможность отправить формальное послание вождю варваров.

Клэйн, у которого были свои причины проявить твердость, уже написал ответ. И прочел его офицерам:

«Вождю варваров Чиннару.

Ваша трусливая попытка получить прощение за свои кровавые преступления путем личного обращения ко мне бесполезна! Убирайтесь с планеты вместе со своим войском. Только немедленное отступление может спасти вас и Европу от гибели.

Клэйн, исполняющий обязанности лорда-правителя».

Послание было одобрено и отправлено с пленным варваром. Клэйн немедленно начал подготовку к наступлению на Линн. И этот план неоднократно обсуждался штабом. Офицеры считали, что высадка десантов смутит противника и даст возможность линнской армии овладеть городом. Предполагалось, что удержать город невозможно и уже на следующую ночь после наступления из него придется уйти.

Клэйну этого было достаточно. Накануне наступления он сам отправился в Линн, проделав основную часть пути в воздушном скутере. В уединенном месте он выгрузил из скутера осла и телегу с овощами и прошел с ними последние двадцать миль.

В своей одежде храмового посвященного он ничем не выделялся из толпы. Армия рабов, удерживающая Линн, была так многочисленна, что силам Чиннара пришлось допустить нормальный приток продуктов в город во избежание голода.

Клэйн вошел без помех через ворота, которые охраняли рабы. Внутри он вызвал еще меньше подозрений, и никто не остановил его на улице по пути к городскому дому. Он поднялся на холм. Единственный солдат-варвар, охранявший ту часть изгороди, позволил ему проехать.

С озабоченным видом, как будто выполняя обычное дело, Клэйн направился к черному входу в дом, передал овощи женщинам и спросил:

— Кто начальник сегодня?

— Глидон.

— Где он?

— В кабинете.— И старшая из двух женщин указала

на главный вход, проходящий через центральную комнату, где размещалась большая часть его бесценного оборудования.

Войдя в большую комнату, Клэйн заметил у всех входов в нее солдат-варваров. А в центре комнаты увидел контейнер с огненным шаром.

Он мог, проходя мимо, коснуться его.

Не торопясь, он пошел вперед, коснулся пальцем поверхности сферы и продолжал идти по кабинету.

Ему очень хотелось больше не допускать риска. Если он будет действовать наверняка, то захватит дом, и ящик окажется в его власти.

Но если ящик переместят в течение трех дней, он не сможет отыскать его...

На него произвели впечатление послания Чиннара. У вождя варваров имелась какая-то важнейшая информация. Каким образом он раздобыл такой ценный предмет, что, рискуя уважением, установил связь с Клэйном.

Если поторопиться, то знание может быть утеряно.

Идя по комнате, мутант укрепился в своем решении. Минуту спустя он говорил офицеру, что пришел позаботиться о реликвиях атомных богов.

Огромный варвар посмотрел на него, ахнул и подозвал двух солдат.

— Лорд Клэйн Линн, вы арестованы!

Одному из офицеров он приказал принести веревку и связать его.

Мутант послушно дал себя связать.

24

Получив сообщение, Чиннар немедленно направился в Линн. На крыше центрального дворца его встретил Миван. Его полное лицо улыбалось.

— Ваше предположение подтвердилось,— сказал он.— Вы говорили, что он предпримет попытку в критический момент вторжения. Он явился сегодня утром.

— Расскажи мне все подробно,— прозвучал прекрасный голос. Чиннар слушал. Когда рассказ был окончен, он стал задавать вопросы. Каждый ответ, казалось, вызывал у него новые вопросы. Наконец Миван ворчливо проговорил:

— Ваше превосходительство, я не сомневаюсь, что наши люди выполнили все лучшим образом. Они клянутся,

что захватили его при входе в здание, прежде чем он успел что-либо сделать или чего-нибудь коснуться. Но какое это имеет значение? Что вас смущает?

Чиннар промолчал. Он сам не сознавал, какое напряжение охватило его. В конце концов ситуация ясная. Он открыто пригласил храмовых ученых позаботиться о «реликвиях божественного металла».

Предложение было тщательно сформулировано и должно было вызвать одобрение побежденных, даже если приводило к поражению одного интересовавшего его храмового ученого. Единственное условие: ученые должны были в обмен на возвращение реликвии продолжать эксперимент.

«Боги,— ханжески писал Чиннар в приглашении,— выше человеческих рыцарей».

Очевидно, эта цель достигнута. Мутант сам предоставил себя для этой работы. Чиннар размышлял о дальнейших шагах.

— Приведите его сюда,— сказал он.— Нельзя рисковать, оставляя его в своем доме. Мы знаем слишком мало, а он слишком много.

Отдыхая, он осматривал огненный стержень — один из немногих в доме действовавших образцов. Чиннар не торопился в своих выводах. То, что стержень действовал неделю назад, не означало, что он будет действовать сейчас. Чиннар испытал его, направив на крону ближайшего дерева. Не было ни звука, ни света, но верхняя часть дерева обрушилась на тропу. Чиннар испытал удовлетворение человека, чья логика оказалась верной. С самой юности, когда он был писцом в захолустье, до дней власти он шел на риск, который считал необходимым, но не больше. Он не мог быть уверен, что атомный колдун Клэйн не нанесет ему поражение при помощи какой-нибудь уловки. Несколько минут он размышлял над этим, затем приказал принести из дворца ящик. Содержимое ящика прибыло с Европы, упакованное в лед. Чиннар указывал рабам, куда поставить ящик, когда в тронный зал вбежал запыхавшийся офицер.

— Сотни космических кораблей!— крикнул он.— Нападение!

Глядя из окна на снижающиеся корабли, Чиннар понял, что его подозрения были оправданы. Появление Клэйна в городе было частью плана, который теперь осуществлялся. Приятно осознавать, что сам Клэйн попался в ловушку.

Чиннар не стал тратить времени на битву. Все равно из дворца он не увидел бы важнейших подробностей. Не было у него мысли, что командиры должны знать его местонахождение на всех этапах схватки. Он написал записку Мивану и приказал нести за собой ящик. Потом под усиленной охраной направился в штаб резервной армии.

Ядро резерва составляли варвары, но основные защитные силы города состояли из рабов. Появление Чиннара было встречено ревом. Приветственные крики звучали долго после того, как он вошел в здание.

Он обговорил ситуацию с некоторыми командирами рабов и нашел, что те сохраняли спокойствие и уверенность. Согласно их оценке, в первой волне высадились шестьдесят тысяч линнских солдат. Рабам, по-видимому, и в голову не пришло, что совпадение с первоначальным числом варваров не случайно. Чиннар призадумался, не имеет ли оно какое-либо символическое значение. Такая возможность вызвала у него усмешку. Не символы, а мечи говорят на языке победы.

К полудню нападение было отбито во всех пунктах. Все еще капающий ящик доставили из дворца к трем часам. Поскольку больше опасности не было, Чиннар отправил курьера к Мивану. В три тридцать появился Миван. За ним рабы несли носилки, в которых находился связанный по рукам и ногам Клэйн. Опустив носилки, рабы удалились. Наступила тишина.

Клэйн с истинным интересом рассматривал вождя варваров. Мнение леди Лидии поразило его больше, чем он признавался себе. Вопрос в том, можно ли убедить этого сильного военного гения в том, что атомные боги существуют. Убедить в течение получаса. К счастью, как храмовый ученый Клэйн чувствовал свою могучую силу. Он увидел, что безразличное выражение на лице Чиннара сменяется отвращением.

— Клянусь большими ямами, вы, линнцы,— сказал он с отвращением,— все одинаковы, все слабы.

Клэйн ничего не ответил. Он часто с сожалением смотрел в зеркала и видел то, что видит сейчас Чиннар: стройного молодого человека с бледным женственным лицом... что ж, это от него не зависит.

Выражение лица Чиннара снова изменилось, на нем появилась ирония.

— Я говорю с Клэйном Линном?— вежливо спросил он.— Мы не ошиблись?

— Не ошиблись,— спокойно ответил Клэйн.— Я явился сюда с единственной целью — поговорить с вами, пока длится битва. И вот я здесь.

Вероятно, это прозвучало смешно из уст связанного человека. Охранники фыркнули, а Миван хихикнул. Только Чиннар не прореагировал. Его голос был спокоен, когда он сказал:

— У меня нет ни времени, ни желания играть словами. Я вижу, вы рассчитываете на что-то. Вероятно, это имеет отношение к вашим знаниям атомной энергии.

Он взял в руки стержень.

— Насколько я понимаю, мы можем убить вас в секунду.

Клэйн покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Убить меня невозможно.

Миван не выдержал. Выступив вперед, он сказал:

— Чиннар, этот человек невыносим. Позволь мне ударить его по лицу, и мы посмотрим защитят ли его атомные боги от такого бесчестья.

Чиннар отстранил его. Другими глазами он смотрел на пленника. Его поразила быстрота, с какой в комнате воцарилось напряжение, невероятно, но пленник перехватил преимущество. «Меня невозможно убить»,— этими словами он бросил им вызов.

Чиннар нахмурился. Он, руководствуясь здравым смыслом, а не предчувствуя опасность, обращался с Клэйном осторожно. Но сейчас счел, что этот человек ведет себя ненормально. В словах мутанта звучало убеждение. Его вторжение в Линнскую империю может оказаться безрезультатным.

Он сказал настойчиво:

— Я должен кое-что показать вам. Пока вы не увидите этого, не будет сделано попытки убить вас. Со своей стороны не торопитесь применять то, что есть в вашей власти, пока вы не увидели.

Он заметил удивленный взгляд Мивана.

— Власть!— воскликнул инженер, и это прозвучало как проклятие.— Его власть!

Чиннар не обратил на это внимания. Тут была его собственная тайна и откладывать он не мог.

— Принесите сюда ящик,— приказал он.

Ящик был насквозь мокрым. Он оставил грязный след на ковре, а там где его поставили, образовалась лужа. Прошло некоторое время, пока потеющие рабы снимали

крышку. Даже стражники вытягивали шеи, пытаясь увидеть содержимое. Возгласы ужаса прервали напряженное ожидание.

Внутри находилось нечто восьми футов в длину. Ширину его определить было нельзя, но складки тела создавали впечатление большого размера. Оно, очевидно, погибло незадолго до того, как его поместили в лед. Выглядело свежим, почти живым, это нечто нечеловеческое, глядящее мертвым взглядом в расписной потолок.

— Откуда оно у вас?— спросил Клэйн.

— Найдено на одном из спутников... через несколько часов после того, как там видели чужой корабль.

— Давно?

— Два земных года.

— Похоже, что корабль улетел.

Чиннар покачал головой.

— Семь месяцев назад шахтеры нашли точно такое же в космическом костюме на метеорите.

Клэйн долго разглядывал существо, наконец, поднял голову и встретился с взглядом Чиннара. Потом спросил:

— Как вы это объясняете?

— Нечеловеческая раса с огромными научными знаниями. Безжалостная, враждебная... До того, как было найдено тело, меня удивляли доклады о катастрофах в отдаленных районах Европы... Я думаю, что это второе посещение Солнечной системы. Не могу вам сейчас изложить все доводы, но я считаю, что цивилизация золотого века погибла при первом посещении.

Клэйн спросил:

— Я рад, что вы показали мне это, но с какой целью?

Чиннар перевел дыхание и сделал второй ход, чтобы предотвратить катастрофу, о которой свидетельствовали действия и манеры необычного пленника. Он сказал:

— Будет большой ошибкой, если мы с вами продолжим взаимоуничтожение.

— Вы просите о милости?

Это было слишком. Варвар зарычал:

— Я обращаюсь к здравому смыслу.

— Невозможно,— сказал Клэйн.— Людям нужна месть. Они поймут победу, если она придет с вашей смертью.

Эти слова вызвали ругательства Мивана.

— Чиннар!— закричал он.— Что за вздор, я никогда вас не видел таким! Не признаю людей, заранее обреченных на поражение. Я покажу вам, что нужно делать с

этим... Стражники, проткните его копьем!

Никто не двинулся. Напряжение вождя передалось воинам. Они неуверенно переглядывались. Миван выхватил у одного из них меч и бросился на связанного пленника.

И исчез. На его месте вспыхнул огненный шар.

— Попробуйте использовать против меня огненный стержень,— послышался голос Клэйна.— Попробуйте, вам это не повредит.

Чиннар поднял стержень и нажал активатор. Ничего не произошло... Нет! Пламя шара засверкало ярче.

Голос Клейна нарушил тишину.

— Вы по-прежнему не верите в богов?

— Я поражен,— ответил Чиннар,— что вы распространяете суеверия, а не знания. Мы, варвары, гордо презираем вас за эту попытку оставить преграды на пути человеческого духа. Мы свободные мыслители, и вся ваша атомная энергия не сможет закрепостить нашу мысль.

Он пожал плечами.

— Что же касается вашего управления огненным шаром, не буду делать вид, что понимаю это.

Наконец он прорвался сквозь ледяную оболочку мутанта.

— Вы действительно не верите в атомных богов?— недоверчиво спросил Клэйн.

— Стражники!— пронзительно выкрикнул Чиннар.— Нападите на него со всех сторон!

Огненный шар полыхнул. Стражников не стало.

— Теперь верите?— спросил Клэйн.

Варвар выглядел усталым и постаревшим.

— Я проиграл войну,— пробормотал он.— Я только это признаю. Можете подобрать мантию, упавшую с моих плеч. Во имя ваших богов, что это за шар?

— Он содержит в себе всю звездную Вселенную.

Чиннар наморщил лоб и наклонился, как бы пытаясь понять.

— Какую Вселенную?— спросил он.

— Когда смотришь внутрь через пустую трубу,— терпеливо объяснил Клэйн,— видишь звезды. Как окно. Только это не окно. Это сама Вселенная.

Вождь варваров казался искренне смущенным.

— Это Вселенная?— переспросил он.

Клэйн кивнул. Даже зная древние объяснения, ему было нелегко свыкнуться с этой мыслью.

Чиннар покачал головой.

— И Земля здесь?— Он указал на сверкающую сферу.

— Это четвертое измерение,— по-прежнему терпеливо ответил Клэйн. Он видел перед собой ошеломленного человека и не хотел использовать свое преимущество.

Варвар прищурил глаза и спросил:

— Как поместить больший предмет в меньший?— Он требовал логичного объяснения.

— Когда размер есть лишь иллюзия, зависящая от точки зрения, проблемы не существует.

Чиннар поразмыслил над этим.

— Я полагаю, что на данном этапе наших отношений вы говорите правду. Очевидно, вы не собираетесь мне рассказывать о вашем оружии. А ваш фантастический рассказ я отвергаю.

Клэйн покачал головой, но ничего не сказал. Он дал единственное научное объяснение, которое натолкнулось на здравый смысл противника. Он не винил варвара. Сам он только постепенно примирился с мыслью, что материя и энергия отличны от того, чем кажутся.

А теперь настало время действовать, заставлять, убеждать. Он встал — и огненный шар поднялся над его головой, повторяя все его движения.

Чиннар упрямо сказал.

— Ошибка убивать человека, даже раба.

Клэйн ответил.

— Боги требуют абсолютной покорности.

Чиннар воскликнул в ярости:

— Вы глупец! Я предлагаю вам Солнечную систему! Неужели это чудовище в ящике не повлияло на ваши намерения?

— Повлияло.

— Но тогда...

— Я не верю в объединенное руководство.

Пауза. Потом Чиннар сказал:

— Вы далеко зашли. Раньше вы использовали атомную энергию, чтобы спастись.

— Да, я далеко зашел,— согласился Клэйн.

Чиннар взглянул на существо в ящике.

— Подлинная опасность для Линна здесь... Обещаете ли вы стать лордом-правителем?

— Я ничего не обещаю.

Они взглянули друг другу в глаза, два человека, понимающие друг друга. Тишину нарушил Чиннар.

— Я сдаюсь,— сказал он со вздохом.— Сдаюсь вам, одному, со всеми своими силами в надежде, что у вас хва-

тит храбрости и здравого смысла не уклоняться от ваших новых обязанностей как защитника Солнечной системы... Эту роль,— угрюмо закончил он,— я предназначал себе.

В хорошо охраняемой комнате в отдаленном пригороде Линна сгусток энергии равномерно двигался взад и вперед. По всей Солнечной системе не было ничего подобного этому сгустку. Он выглядел маленьким, но то был обман человеческих чувств. Книги, описывавшие его, и люди, написавшие их, знали лишь часть его тайны.

Они знали, что внутри микровселенной пульсируют многообразные отрицательные силы. Они реагировали на космические лучи и атомную энергию, как ненасытная губка. Никакая субмолекулярная энергия, высвобожденная в присутствии сгустка, не могла уйти от него.

Лишь одна слабость была в сгустке, и люди ухватились за нее. Сгусток имитировал мысль. Так казалось.

Наблюдая за этим удивительным феноменом, Клэйн, как и древние мудрецы до него, задавал вопрос: означает ли это, что человек контролирует Вселенную, или же Вселенная контролирует человека?

Война против рулл

1

Когда звездолет исчез в клубящемся тумане атмосферы Эристона-II, Джемисон достал бластер. Его мутило, голова кружилась от болтанки, его били и бросали мощные струи корабля. Чувство опасности не покидало его, несмотря на прочность тросов, которыми он был прикреплен к антигравитационной платформе, тихо раскачивающейся над ним.

Прищурившись, он рассматривал эзвала, который в свою очередь пристально разглядывал его с края платформы. Он смотрел на Джемисона своими тремя серыми как сталь глазами, и его огромная голубая голова, настороженно выглядывающая из-за края платформы, была готова — Джемисон знал это — мгновенно отпрянуть, едва прочитав мысль о выстреле.

— Ну,— резко сказал Джемисон,— вот мы и здесь, вдвоем, в тысяче световых лет от наших планет. Под нами пекло, которого вы, судя по тому, в какой изоляции живет ваша раса на планете Карсона, и представить себе не можете, хотя вы и читаете мои мысли. Даже 6000-фунтовому эзвалу не выжить там, внизу, в одиночку.

Огромная когтистая лапа высунулась из-за края платформы и дернула один из трех тросов, на которых висел Джемисон. Раздался резкий металлический щелчок — и трос лопнул. Джемисона по инерции подбросило на несколько футов. Затем он снова начал раскачиваться на двух оставшихся тросах, как на качелях. Подняв бластер, он приготовился к защите.

Но эзвал больше не предпринимал попыток нападения, и по-прежнему над платформой возвышалась лишь его го-

лова с тремя глазами, разглядывающими Джемисона. Внезапно Тревор Джемисон ощутил мысль, холодную и неспешную:

«Сейчас меня беспокоит только одно. Из сотни с лишним человек экипажа в живых остались только вы. И только вы из всей человеческой расы знаете, что эзвалы с планеты, которую вы называете планетой Карсона, не примитивные животные, а разумные существа. Ваше правительство испытывает огромные трудности с колонизацией нашей планеты именно потому, что нас принимают за животных. Это убеждение мы хотим сохранить. Ведь как только вы поймете, что мы разумны, то поведете против нас безжалостную войну. А это помешает нашей цели — выдворению из нашего мира всех пришельцев. Вы знаете нашу тайну и потому, чтобы не дать вам удрать вниз, в джунгли, я прыгнул на эту платформу, как только вы выбрались из люка».

— Неужели вы думаете,— спросил Джемисон,— что если отделаетесь от меня, то и делу конец? А не забыли вы про второй корабль с детенышем эзвалов на борту? Он благополучно ускользнул от крейсера рулл, и теперь на пути к Земле.

— Я не забыл,— презрительно возразил эзвал.— Я помню выражение лица командира корабля, которому вы намекнули на то, что эзвалы возможно разумны. Те, кого вы поймали, не продадут свою расу.

— Ну не такие уж они альтруисты, как вы меня уверяете,— цинично ответил Джемисон.— Да вы и сами спасли себе жизнь, прыгнув на платформу. Вы не умеете ею управлять, так что мы находимся в одинаково бедственном положении, и я сомневаюсь, что ДАЖЕ ЭЗВАЛ способен...

Его голос оборвался на полуслове. Эзвал вскинул вверх свою чудовищную лапу со странными когтями и схватил огромную птицу. Отчаянно взмахнув парусообразными крыльями, та метнулась вниз. Но ей это не удалось. Джемисон на мгновение увидел ее выпученные глаза и серпообразные когти, занесенные для удара.

От этого удара платформа закачалась, как лодочка в бурю. Джемисона кидало на его тросах из стороны в сторону. Порывы ветра и грохот крыльев создавали впечатление, будто вокруг него бьют молнии. Задыхаясь, он вскинул бластер. Белое пламя ударило в одно из крыльев и выжгло в нем черную дыру. Удары крыльев ослабели, и

вскоре эзвал скинул птицу с платформы. Та медленно падала вниз, пока не затерялась в чаще джунглей.

Джемисон поднял голову. Эзвал, качаясь, стоял на краю платформы, четыре его лапы беспомощно хватали воздух, а оставшиеся две вцепились в металлические пластинки на поверхности платформы в последней попытке удержаться. И он удержался. Огромное тело опустилось, и вновь только голова торчала над платформой. Джемисон опустил бластер и усмехнулся.

— Ну вот,— сказал он,— даже с птицей вам не справиться в одиночку. Я вас легко мог пристрелить, но вы мне нужны, так же как и я вам. Ситуация такова: корабль погиб над островом в двадцати милях от материка, они разделены проливом Дьявола. Мы выбрались из корабля вовремя — минутой позже это стало бы невозможно. Однако, чтобы спастись, нам снова надо найти корабль. В нем запас воды, еды, и он защитит нас от наиболее смертоносных существ, открытых человеком. Кроме того, я наверное смогу починить субпространственный передатчик, а может даже и спасательный бот.

Но для этого каждый из нас должен приложить усилие, максимум усилий. Надо будет преодолеть 15—20 миль джунглей, чтобы выйти к проливу Дьявола. Затем построить плот, чтобы нам обоим переправиться на материк, плот, который защитит нас от морских чудовищ, каждое из которых может проглотить нас целиком. Ваша сила, телепатические способности, моя ловкость и оружие — вот наша ставка в борьбе за жизнь. Ну, что вы на это скажете?

Но ответа не было. Джемисон сунул бластер в кобуру. Вероятно, этого не следовало делать. Джемисон мог теперь надеяться лишь на то, что эзвал оценит разумность его предложения. Теплый влажный ветер овевал его, приносил первый слабый запах земли. Платформа была еще достаточно высоко, так что можно было различить сквозь туман пятна джунглей и морей на поверхности планеты. Со временем картина становилась все грандиознее. Стала видна грива лесов:— спутанные колыхающиеся растения, тянущиеся к северу насколько хватало глаз. Где-то там, внизу, лежал пролив Дьявола, материк, затаившаяся смертельная опасность, называемая Эристоном-II.

— По вашему молчанию я должен предположить, что вы хотите идти в одиночку. Учтите, что ваша жизнь и существование вашей расы стали возможны только благо-

даря естественному отбору, создавшему ваше племя. Пока мы, люди, тряслись в пещерах, добывая огонь, отчаянно изобретая оружие, всегда на волосок от гибели, все эти сотни веков вы бродили по своим владениям, бесстрашные, непревзойденные в силе и разуме, не нуждающиеся ни в одежде, ни в убежище, ни в огне, ни в оружии, ни...

— В приспособлении к среде,— холодно оборвал его эзвал,— главной задачи разумных существ. Человечество создало то, что оно называет цивилизацией,— материальный барьер между собой и средой. Этот барьер настолько сложен, громоздок, что попросту препятствует развитию. Собственно, человек — это раб, всю жизнь пресмыкающийся перед техникой и погибающий от малейшей неполадки в своем болезненном теле. Но его высокомерие в сочетании с ненасытной жаждой власти — величайшая опасность для других рас Вселенной.

Джемисон усмехнулся.

— Неужели раса, успешно борющаяся против своих врагов, овладевшая знанием Вселенной, достигшая звезд, не достойна ни малейшей похвалы?

— Чепуха!— раздраженно откликнулся эзвал.— Человек с его идеями — это злокачественная опухоль. Вот вы уже пять минут подряд изощряетесь в попытках убедить меня в своем превосходстве и в то же время взываете к моей помощи. Это ли не пример человеческого коварства! Остальное очевидно. Скоро мы приземлимся. Учтите же, я не причиню вам вреда, несмотря на то, что мог сделать это в любой момент. Я достаточно силен — вы этого не отрицаете. И пусть внизу есть звери сильнее меня — разница в силе покрывается разумом. Неужели эти примитивные твари одновременно и сильнее и умнее меня?

— Ну, таких тварей там нет,— медленно сказал Джемисон, встревоженный тем, что не все его аргументы возымели нужное действие.— Поймите, ваша родная планета — необитаемый остров по сравнению с этой. Даже до зубов вооруженный солдат бессилен против толпы.

Ответ последовал мгновенно:

— Тогда тут и двое бессильны. Особенно, если один — наследственный урод, калека и больше мешает, чем помогает второму. Несмотря на свое оружие, которым он так гордится и на которое так надеется.

— Я не переоцениваю своего оружия, хотя мощь его на самом деле велика. И столь важная вещь...

— Как ваш могучий разум, надо понимать,— подсказал

ему эзвал.— Тот, который принуждает вас высказывать эти бессмысленные аргументы.

— Не мой разум,— продолжал Джемисон упрямо,— а ваш. Я имею в виду то преимущество...

— Неважно, что вы там имеете в виду. Вы меня упорно убеждали, что сможете в одиночку выбраться с этого острова. Ну что ж...

Огромные лапы сделали быстрое движение. Два оставшихся троса лопнули, словно струны. Удар был так силен, что Джемисона подбросило вверх и он описал 100-футовую дугу, прежде чем начал падение в густом влажном воздухе.

Холодная, полная иронии мысль настигла его:

«Вы запасливый человек, Тревор Джемисон. У вас есть не только аварийный запас за спиной, но и парашют. Теперь вы и сами достигнете земли. С этого момента вы можете демонстрировать свои разрушительные способности на всех обитателях джунглей, которых вам посчастливится встретить. Прощайте!»

Джемисон дернул вытяжной трос парашюта и замер в ожидании. Время шло, но его падение не замедлялось. Он завертелся, пытаясь выяснить, что произошло с парашютом, не запутался ли он в тросах, оборванных эзвалом. Но первый же взгляд принес облегчение. Парашют медленно выползал. Он тормозился из-за большой скорости, и потом, когда он раскрылся, прошло несколько секунд, прежде чем падение закончилось. Джемисон отстегнул ненужные теперь тросы и выбросил их. Он медленно летел теперь сквозь плотный воздух — около восемнадцати футов на кубический дюйм на уровне моря. Джемисон усмехнулся. Скоро и он будет на этом уровне.

Но под ним было отнюдь не море. Всего лишь несколько луж да заросли. Нечто вроде вырубки, но только это была наверняка не вырубка. Поверхность имела серый, отталкивающий вид. Догадка молнией пронзила его и заставила сильнее забиться сердце. Болото! Бездонное море жидкой, чавкающей грязи. В отчаянии он задергал стропы парашюта, как будто с помощью этого маневра мог очутиться в джунглях — джунглях, которые были так близко и в то же время так далеко,— по его подсчетам примерно в четверти мили. Он застонал и сжался в ожидании...

Предчувствие близкой гибели заставило его напрячь все силы. Джемисон подтянул стропы парашюта так, чтобы его сносило в сторону. Но деревья были слишком дале-

ко, в 500 футах к северу, столько же было и до земли. Чтобы достичь деревьев нужно было падать под углом 45 градусов, что невозможно без ветра. Когда он думал об этом, то чувствовал дуновение бриза, теперь же и тот стих. Но это уже не имело значения.

Развязка была близка. До земли 200 футов, 100, 50... и вот его ноги провалились в серо-зеленую жидкую грязь. Джемисон забарахтался, вытаскивая ноги и дергая за стропы у самого пояса. С большим трудом, обмотав стропы вокруг кистей рук, он протащился несколько футов. Слишком мало. До ближайшего участка твердой почвы было теперь 30 футов.

Он распластался на податливой поверхности, раскинув ноги, руки, чтобы распределить свой вес равномерно. Но, лежа в грязи, он начал задыхаться. Джемисон размахнулся и бросил несколько строп что есть силы вперед. Это был его последний шанс.

Фортуна еще не покинула его. Стропы запутались в кустарнике. Он дергал — они держали. Рванув еще несколько раз для верности, Джемисон потянул изо всех сил и продвинулся немного вперед и вверх. Двигаться стало легче. Но неожиданно раздался треск рвущейся материи и стропы ослабли. Джемисон выбрал слабину и снова бросил стропы вперед. После нескольких попыток болото выпустило его из своих тисков. Он подтягивался, перебирая стропы, до тех пор, пока не ощутил в руках корень куста. Потом рванулся из последних сил и влетел в кустарник, ломая ветки. Кусты, качаясь, согнулись под его тяжестью.

Несколько минут он лежал ничком, не зная даже, где находится. А когда пришел в себя, то почувствовал разочарование — тем большее, чем больше была надежда.

Он находился на маленьком острове, в сотне футов от берега. Остров был шириной 20, длиной 30 футов, на нем было пять деревьев, максимум в 30 футов высотой, неизвестно как ведущих жалкое существование на столь непрочной почве.

Но разочарование сменила надежда. Общая длина деревьев превышала 100 футов. Этого было достаточно. Но надежда снова погасла — у него есть только маленький топорик. Он представил себе, что должен свалить им деревья, обтесать их, потом перенести на берег. Жуткая работенка.

Джемисон сел. Только теперь он почувствовал, как

печет солнце. Оно было почти в зените. Значит так, планета вращается медленно, до захода солнца еще часов двенадцать, можно подождать с реализацией плана и отдохнуть.

Поэтому он разыскал укромное местечко в кустах — он помнил еще о той птичке, которую ему недавно пришлось пристрелить, блаженно вытянулся на мягкой почве и нагреб на себя листья.

Здесь было прохладно, меньше пекло. Небо было чистым.

Сияние солнца жгло глаза, и Джемисон закрыл их.

Когда он проснулся, солнце заметно склонилось к горизонту. Он проспал несколько часов. Джемисон встал, потянулся и почувствовал себя бодрее. Внезапно он замер, увидев нечто невероятное.

Мост, толще и прочнее, чем любое дерево на его острове, пролег между ним и противоположным берегом. Это было похоже на то, что кто-то выставил из джунглей колоссальную ногу. Мозг Джемисона бешено заработал. Но пока догадка лишь оформлялась в его голове, он уже увидел поднимающееся из кустов голубое ящерообразное тело эзвала. Прямо перед ним появились три знакомых серых глаза.

— Не бойтесь, Джемисон. Подумав, я решил что вы правы. Я помогу вам...

Джемисон прервал его со смехом.

— Ха, то, что вы прибежали ко мне, означает ваше поражение. Что ж, я еще подумаю над этим.

Он вскинул на плечи рюкзак и шагнул на мост.

— Путь будет долог.

2

В 50 футах от эзвала, почти перешедшего мост, из леса выползла гигантская змея. Первым колыхание высокой фиолетовой травы заметил Джемисон, балансирующий на середине моста. Из травы поднялась широкая уродливая голова, венчавшая восьмиметровое пиявкообразное тело почти с метр толщиной. Голова уставилась на него своими поросячьими глазками. Джемисон чертыхнулся, проклиная свою судьбу, подсунувшую ему эту тварь в столь неподходящий момент. Он был парализован сверкающими глазками, сковавшими каждый его мускул. Это его и спасло.

Страшная голова отвернулась и сконцентрировала свое внимание на эзвале. Джемисон расслабился, страх уступил место гневу. Он мысленно обратился к эзвалу:

— А я-то думал, что вы чувствуете приближение опасных животных.

Эзвал не откликнулся. Чудовищная змея тихо скользнула, плоская голова раскачивалась над длинным извивающимся телом. Эзвал медленно пятился назад, чувствуя свое бессилие.

— Может, вам будет интересно узнать, что как эксперт Межзвездной Военной Комиссии я недавно подал рапорт об Эристоне-II. Там я писал, что использование этой планеты в качестве военной базы весьма сомнительно. Это объясняется двумя причинами: здесь самые прожорливые во Вселенной растения-людоеды и вот эти милые существа. Их миллионы. Они чрезвычайно плодовиты, их численность регулируется лишь качеством пищи, которой на этой планете может служить почти все. Поэтому их невозможно истребить. Самые крупные змеи достигают 100 футов длины и веса порядка трех тонн. В отличие от других хищников они охотятся днем.

Эзвал продолжал отступать. Змея была метрах в десяти от него. Он коротко ответил:

— Она меня не застала врасплох. В ее мыслях есть еще что-то, кроме жажды убийства. Впрочем, это неважно. Меня ей не убить. Вся проблема в вас.

Джемисон поморщился.

— Ну, не будьте так уверены в своей безопасности. Если потребуется, эта тварь может растянуться на сотни футов.

В ответе эзвала скользила самоуверенность.

— Я пробегу 400 футов, прежде чем вы сосчитаете до десяти.

— В этих-то джунглях? Да там сплошные лианы, а не нормальный лес. Вы прорветесь, но вряд ли быстрее, чем змея. Такую маленькую добычу, как я, она может не заметить, а вот вас...

— Неужели,— прервал его эзвал,— вы считаете меня глупым и ожидаете, что я буду прорываться сквозь джунгли? Я могу обогнуть их с краю.

— И попадете в ловушку. Насколько мне известно, джунгли дальше суживаются, закрывая проход. Змея воспользуется этим.

Эзвал помолчал, а потом спросил:

— Что же вы не примените свой хваленый бластер?

— Чтобы обратить на себя ее внимание? Невозможно с первого раза поразить ее мозг, а эти твари полжизни проводят в болотах и движутся так же быстро, как и на суше. Спасибо за совет.

Несколько секунд прошло в молчании. Надо было что-то делать, и в первую очередь эзвалу. Джемисон услышал его недовольный голос:

— Что ж, приказывайте и БЫСТРЕЕ!

Джемисон был доволен, что эзвал попросил его помощи без всякого договора. Но времени для торжества не было, и он приказал:

— Действовать будем вместе. Сначала змея попытается вас загипнотизировать, это стандартный прием рептилий. В это время она ослабит внимание, и я воспользуюсь этим. Я выжгу ей глаза, а вы быстро прыгните ей на спину. Режьте ее позади этого большого рога. Там мозг. Я буду отвлекать ее огнем. Начали!

Голова змеи качнулась. Джемисон медленно, усмиряя дрожь в руке, поднял бластер и спустил предохранитель.

Змея рванулась в атаку, свою последнюю атаку... Через несколько секунд ее дымящиеся останки, продолжавшие извиваться, были сброшены в болото. Джемисон устало соскочил с моста и рухнул на землю. Эзвал поджидал его впереди. Он пристально посмотрел на Джемисона, но тот выдержал его взгляд.

— Где платформа?— спросил он.

— В 30 ваших милях к северу...

Джемисон помолчал, потом докончил:

— Мы должны к ней вернуться. Я почти израсходовал аккумулятор бластера, нужно его подзарядить. Вернуться необходимо.

Эзвал молчал. Джемисон выдержал паузу, затем решительно продолжил:

— Было бы неплохо, если бы вы перенесли меня на своей спине. Из парашютных строп можно сделать упряжь. Нужно добраться до платформы как можно быстрее.

Прошло немало времени, прежде чем гордый эзвал неохотно согласился.

— Да,— сказал он с презрением.— Лучшего способа транспортирования столь беспомощного существа не придумаешь. Я согласен.

Джемисон подошел к эзвалу и расстелил на земле парашют. Вблизи эзвал оказался даже больше, чем он

предполагал: расстояние и легкость движения скрадывали размеры. Джемисон по сравнению с ним выглядел пигмеем.

Каждый раз, касаясь тела эзвала, Джемисон чувствовал волну отвращения.

— Это необходимо,— сказал он, как бы извиняясь. Потом обмотал стропы и пропустил их между лапами, чтобы не стеснять движения, а сверху положил парашют. Переброшенные через шею обрывки строп образовали примитивные стремена. Наконец он взгромоздился на свою лошадь.

— Почему бы вам не изменить свое отношение ко мне,— начал он мягко,— мне кажется...

От первого толчка он подскочил, и потом ему оставалось лишь приложить все силы, чтобы не вылететь из седла. Эзвал, со своей стороны, ничего не делал, чтобы облегчить ему дорогу. Джемисон, однако, скоро приспособился к причудливому аллюру своей шестиногой лошади и даже стал находить удовольствие в этой бешеной скачке. Слева от него проносилась стена деревьев, похожих на гигантский тростник, смыкающий вверху свои кроны.

Внезапно Джемисон услышал команду:

— Держитесь!

Он мгновенно натянул поводья и упал на шею эзвалу, изо всех сил вцепившись в стропы. Эзвал пошел боком, потом снова вышел на прямую.

Когда ритм скачки возобновился, Джемисон оглянулся. Мельком он увидел двух больших четвероногих животных, похожих на огромных гиен. Они не преследовали их. «Что, впрочем, весьма мудро с их стороны,— подумал он.— С эзвалом им не совладать». Что-то заставило его взглянуть вверх. В небе двигалась какая-то точка, в которой, присмотревшись, он узнал звездолет рулл!

Он мог бы узнать его с первого раза. Тем временем огромный корабль, напоминавший чем-то меч-рыбу, опустился в чащу джунглей и пропал из виду. Нечего было и думать скрыть этот сюрприз от эзвала. Гибель была неотвратима.

Он воспринял торжествующую мысль эзвала:

— Джемисон, вы предпочитаете застрелиться, лишь бы не попасть в лапы рулл, которые выбьют из нас все наши секреты. Такой героизм я видал у рулл и у землян. Но вам это не удастся. Не вздумайте прикасаться к бластеру, иначе я приму меры.

У Джемисона застрял в горле ком. Надо же было такому случиться.

Делать было нечего. Пришлось подчиниться.

— Безумец,— произнес он наконец безжизненным голосом.— Неужели вы думаете, что руллы вас отблагодарят?— Тема была довольно заезженной, а вопрос столь очевидным, что Джемисон даже не изощрялся в красноречии. Но зато он осторожно напрягся, наблюдая за местностью. Факты скажут сами за себя.— Руллы вероломны и нетерпимы к прочим расам.

Но ему не удалось скрыть свой замысел. Эзвал на ходу повел плечами, и Джемисон оказался зажатым его мускулами. Он задергался, пытаясь сохранить равновесие, а ветки били его по голове и рукам. Эзвал как танк ломился сквозь заросли. Через мгновение они были уже на берегу океана и остановились на коричневом песке у кромки воды.

Эзвал спросил как ни в чем не бывало:

— Насколько я понял вас, они засекли излучение платформы?

Когда Джемисону удалось восстановить дыхание, он ответил:

— Скорее всего. Если вы не остановили реактор, как я на звездолете...

— Вот почему они сели. Но если они зафиксировали огонь бластера во время стычки, то знают, что кто-то выжил. Мне лучше самому сдаться им, пока и меня не приняли за врага.

— Глупец!— воскликнул Джемисон.— Все равно они убьют вас. Мы их враги только потому, что мы не руллы. Неужели нельзя понять...

— Правильно, правильно,— сардонически заметил эзвал,— так и продолжайте. Но я им кое-чем обязан. Во-первых, тем, что они подбили ваш корабль, и я выпал из клетки. Во-вторых, они отвлекли команду, и я мог перебить людей. Не думаю, что они отвергнут мое предложение выгнать людей с планеты Карсона. И сведения, которые мы извлечем из вас, помогут нам в этом.

Внутри Джемисона бушевала черная ненависть. Лишь гигантским усилием воли он сумел подавить ее. Необходимо убедить эзвала в бессмысленности его плана. Он не вправе отступать.

— И что же, когда вы выполните все это, вы думаете, что руллы уберутся восвояси и предоставят вам наслаждаться свободой?

— Пускай остаются.

Джемисону опять стоило большого труда подавить раздражение, вызванное этим самонадеянным замечанием. «В сущности,— сказал он себе,— эзвал дитя не технической цивилизации и не знает что творит». И он продолжал:

— Вероятно, вам известно, что всего несколько лет назад люди разбили рулл вблизи нашей планеты. В то время, как мы выбивались из сил, защищая планету Карсона от самых жестоких созданий, когда-либо обитавших в Галактике, вы сделали все, чтобы помешать нам закрепиться на планете и создать там базу. Вы знаете, что наши корабли примерно равны по мощности. Но руллы превосходят нас в некоторых отношениях. Их цивилизация, а следовательно, и техника старше. Вдобавок они могут принимать любой облик и улавливать электромагнитные волны с помощью особых органов, унаследованных ими от своих предков — хамелеонообразных червей. Поэтому они становятся отличными шпионами. Никогда еще нам не удалось захватить планету, служащую опорным пунктом рулл. Наоборот, они в первый же год вышибли нас с трех важнейших баз, это было сто лет назад. А вы собираетесь взять их в союзники, чтобы победить людей.

— Теперь да,— последовал ответ, тем более ошеломительный, что Джемисон верил в убедительность своих аргументов.

Время уговоров прошло. Все дальнейшее произошло настолько быстро, что Джемисон не успел ничего подумать. Это и способствовало успеху.

Он выхватил свой бластер и разрядил его в спину эзвала. Белое пламя вылетело из дула, но ничего не встретило на своем пути. Секундой позже он почувствовал, что летит в воздухе.

Джемисон с треском врезался в заросли. Жесткие ветки рвали его одежду, царапали лицо и руки. Джунглям доставалось все: клочки материи, куски кожи, вещи, все, кроме бластера, который Джемисон держал мертвой хваткой.

Он упал в траву и покатился, мгновенно выкинув вперед руку с оружием, изготовленным к бою. Эзвал, мчавшийся на него, затормозил в трех шагах от бластера с гримасой удивления на широкой морде, прыгнул в сторону и исчез в джунглях.

Израненный и чуть живой от потрясений, Джемисон сел и принялся размышлять над плюсами и минусами своей победы.

3

Вокруг стояли странные причудливые деревья чужих джунглей, да и не деревья вовсе, а пестрые желто-коричневые грибы, вытянувшихся на десятки футов вверх, пробив сплетения лиан, лишайников и красноватой травы. Эзвалу они были нипочем, но для человека, у которого к тому же разряжен бластер, это было непреодолимое препятствие. К тому же эзвал сменил направление, видимо, для того, чтобы сократить путь, и не ясно было, куда идти.

Одно лишь было неплохо — его, по крайней мере, не волокли к руллам. Руллы! Джемисон вскочил на ноги. Предательски мягкий покров спружинил под ним. Он перескочил на твердую почву. Джемисон знал, что где-то невдалеке, скрытый буйными красками джунглей, прячется эзвал, который слышит каждую его мысль:

«Времени нет. Руллы, несомненно, засекли выстрелы и будут здесь с минуты на минуту. Вы еще можете передумать. Это безумно — брать в союзники рулл. Учтите, наши разведчики, которым удалось вернуться с занятой противником территории, доносят, что ни на одной из планет, на которых они были, нет никого, кроме рулл. Я имею в виду достаточно разумных существ. Но ведь они были там! ГДЕ ЖЕ ОНИ?»

Джемисон сделал паузу, чтобы эзвал мог осмыслить вопрос, затем продолжил:

«Несколько раз нам приходилось встречать враждебные цивилизации. Что же мы делали в этих случаях? Объявляли карантин, организуя защиту планеты от рулл, тратили уйму времени на то, что, по мнению рулл, не стоило выеденного яйца: пытались установить мирные отношения с туземцами. Изучали их культуру и психологию, пытаясь найти корни конфликта. Если же это оказывалось бесполезным, мы самым бескровным путем свергали их правительство, а потом осторожно ревизовали их культуру, очищая ее от элементов нетерпимости. После этого восстанавливалась автономия, и они могли сделать выбор: присоединиться ли им к федерации, насчитывающей около 5000

планет, или нет. И не было случая, чтобы огромная кропотливая работа была проделана впустую. Можете теперь сами представить, какова разница в методах людей и рулл. Нам не требуется совершать переворот на планете Карсона. Вы достаточно разумны, чтобы понять, кто ваш друг. Лично вы здесь и сейчас сможете сделать настоящий первый шаг».

Больше ему нечего было сказать. Некоторое время он стоял и ждал, однако ответа не последовало. Джемисон удрученно пожал плечами. Был уже вечер, солнце проникало сквозь нижние ветви «деревьев» и лиан. Вдруг он понял, что его почти безнадежное положение может стать еще хуже.

Через два часа выйдут на охоту ночные хищники, днем скрывавшиеся в своих убежищах. Против них ему не устоять. Если бы найти НАСТОЯЩЕЕ дерево с прочными ветвями!

Джемисон двинулся вперед, избегая больших кустов, где мог спрятаться эзвал. Это была трудная работа: всего лишь через несколько сотен метров он едва мог шевелить руками и ногами. И тут он услышал первый отклик эзвала:

«Кто-то летает надо мной. Он меня видит. Какое-то насекомое, крылья у него совсем прозрачные. Я его слышу, но мысли бессмысленные... я...»

— Не бессмысленны,— прервал его Джемисон,— чужды, вот подходящее слово. Руллы больше отличаются от нас обоих, чем мы друг от друга. Существует, правда, недоказанная теория, что они совсем из другой Галактики. Не удивлюсь, если вы не сможете читать их мысли.

Джемисон медленно двигался через джунгли, держа бластер наизготовку.

«Руллы пользуются антигравитационной машиной, в их изготовлении они достигли совершенства. То, что вы принимаете за крылья — это аура, световые волны. Вам выпала столь редкая, сколь и опасная возможность видеть рулла в его естественном состоянии. Не многим это удалось, и еще меньше выжило после этого. Видимо, он думает, что вы дикий зверь; может быть, вы и уцелеете. Впрочем, нет, на вас же упряжь».

В ответе эзвала скользило отвращение:

— Эту вещь я сбросил сразу же.

Джемисон кивнул сам себе.

«Ну, превосходно. Ведите себя как зверь, рычите на

него, даже кидайтесь, но уносите ноги, как только он выдвинет сбоку сетчатый отросток».

Эзвал не ответил. Джемисон напряженно пытался уловить какие-нибудь отзвуки того, что происходит где-то в чаще. Может быть, эзвал старается установить контакт с руллом без телепатии? Хуже всего, если он вернется к этой идиотской мысли о сексе. Джемисон содрогнулся, представив себе, что произойдет в этом случае на планете Карсона.

Он вслушивался в происходящее в джунглях и слышал отовсюду слабые шорохи: далекий треск растений, ломавшихся под тяжелым громоздким телом, прерывистый низкий вопль где-то совсем близко. Он втиснулся в заросли, осторожно выглядывая оттуда. Он знал, что случилось: эзвал поступил по его совету. Джемисон спросил:

— Он преследует вас?

— Да,— последовал быстрый ответ,— он хочет меня изучить. Стойте на месте, у меня есть план.

Джемисон устроился поудобнее.

«Ну, я вас слушаю».

«Я приведу его к вам. Вы его убьете, а за это я помогу вам добраться до корабля».

Джемисон вскочил на ноги. Несомненно, эзвал отказался от союза с руллами. Неважно, из-за его аргументов или сам почувствовал, насколько руллы ему чужды. Важно то, что эзвал на его стороне. Но, может, это всего лишь хитрость?

«Сейчас я с вами, Джемисон, но берегитесь! Все-таки мы заключили союз с руллами против главного врага — человека. Не знаю, как отреагируют на это мои соплеменники, думаю, многие будут против... Впрочем, будьте готовы, скоро я буду у вас».

Слева от него послышался треск. Джемисон прицелился. На мгновение он успел увидеть сверкающие глаза эзвала, мчащегося в пятидесяти футах от него. Над ним неслась плоская темная тень.

«Поздно, не двигайтесь, не шумите. Их уже дюжина надо мною, и...»

Ослепительная вспышка прервала его мысль. Ослепленный Джемисон опустился на траву и приготовился к смерти. Но... прошла минута — и ничего не произошло. Когда он прозрел, то понял, что его спас туман, совсем уже не прозрачный. Раз или два над ним мелькнули какие-то тени. Эзвала не было слышно. Что могло так быстро и без

шума обезвредить его? Скорее всего, его парализовали с помощью вспышки света. Руллы применяли этот метод для поражения животных и примитивных форм разума, не привыкших к подобным вещам. Ничто иное не могло парализовать эзвала так быстро, так как он, несмотря на свой разум, был близок к животному и потому очень чувствителен к механическим формам гипноза. Да, скорее всего, они приняли эзвала за зверя, иначе они не вели бы себя столь неосторожно. Они поймали эзвала, чтобы выяснить, как он здесь очутился, ведь на Эристоне-II эзвалы не водились.

Планета была в сфере человеческого влияния, но доступна для рулл, которые, видимо, бывали тут не однажды. Джемисон усмехнулся. Руллы тоже думают, что эзвал всего лишь животное — тем хуже для них. Если эзвал сумел уничтожить человеческий корабль, то чем лучше звездолет рулл?

На севере в мутном небе что-то вспыхнуло, и через несколько секунд Джемисон услышал раскаты грома. Он вскочил на ноги. Это была не буря. Это были стодюймовые пушки человеческого линкора!

Линкор! Скорее всего, он прилетел с базы на Криптере-4 или заметил вспышки боя при патрулировании района.

Ответные вспышки были куда слабее. Крейсеру рулл очень повезет, если он сумеет убраться с планеты.

Но лично для него это ничего не меняло. Ночь со всеми ее ужасами ему предстоит провести здесь. Если патрульный корабль вернется, Джемисон не сумеет подать ему сигнал, пока не зарядит бластер. Но руллы по крайней мере ему не грозят.

Джемисон уже ничего не видел, а опасность возрастала с каждой секундой. Единственное спасение — бластер. Но надолго ли его хватит? Он напряженно всматривался во тьму. Того и гляди наткнешься на какое-нибудь чудовище. Смочив палец и определив направление ветра, он направился в ту сторону, вскоре поняв, что если днем по джунглям ходить трудно, то ночью невозможно. Через каждые несколько ярдов приходилось заново ориентироваться. От его движения по джунглям шел такой треск, что он подумывал над тем, стоит ли вообще двигаться. Но перспектива остаться здесь, во тьме, окончательно была в тысячу раз хуже. Тут он споткнулся и его пальцы наткнулись на что-то твердое и шероховатое. ДЕРЕВО!

4

Огромная тварь топталась внизу, алчно рассматривая Джемисона огненными глазами. Семь раз такие твари бросались на дерево, визжа и пуская слюни, и каждый раз бластер Джемисона выплевывал тонкий луч всесокрушающей энергии, и зверь шлепался на землю.

Прошло около восьми часов. Если так пойдет дальше, заряда не хватит до утра, не то что на следующую ночь. И ведь не известно, сколько раз ему придется ночевать в джунглях, пока он будет искать платформу, и найдет ли ее вообще?

Сколько минут он проживет после того, как иссякнет заряд?

А ведь победа была так близка... Опять кто-то топтался под деревом... Гигантские когти терзали кору, потом два сверкающих глаза, на секунду отдалившись, понеслись к нему с невероятной скоростью. Сначала Джемисон схватился за бластер, но, передумав, быстро полез вверх, к тонким ветвям. Каждую секунду можно было ожидать, что ветки обломятся, и он полетит вниз, прямо в пасть к зверю, но еще больше он боялся, что челюсти вцепятся ему в пятки. Зверь почти настиг его, когда снизу послышался еще более ужасный рев, и на дерево полез еще кто-то. Схватка происходила в абсолютной тьме и закончилась внизу, в кругу таких же тварей. Внезапно появился какой-то длинношеий монстр с шестифутовыми челюстями и, как таран, врезался в клубок дерущихся убийц. Он оттащил свою добычу в сторону и сожрал в мгновение ока, после чего удалился. К утру Джемисон остался совсем один. Он уже не надеялся дожить до вечера.

Если бы эзвал не припер его тогда к стенке в контрольном отсеке, он сумел бы запастись пилюлями против сна, патронами, часами. Он даже улыбнулся при мысли, что у него могла быть спасательная шлюпка. Слава богу, что удалось захватить спасательных пилюль на месяц. Джемисон подкрепился и слез с дерева. Насколько он мог судить по скорости эзвала, платформа была в десяти милях к северу. Учитывая болота и джунгли, до нее не менее дня пути. Притом, пройдя эти десять миль, платформу придется разыскивать, прочесывая лес кругом. Да и что он получит, найдя ее. Только полный заряд бластера. Платформа сама по себе была лишь сверхпарашютом, способным лишь поднимать и опускать тяжести. Ему предстояло

осмотрительно, с одним лишь бластером, преодолеть сто миль моря, болот, джунглей, кишащих хищниками, сто миль, которые лежали между ним и кораблем.

Но другого пути не было, и он двинулся вперед.

К полудню Джемисону удалось пройти, по его подсчетам, не более трех миль. Белое пятно на небе не позволяло определить время. Он решил немного отдохнуть, тем более что поблизости поднималось дерево. Джемисон привязался к ветке и... кромешная тьма окутала его.

Когда он проснулся, под деревом завывала стая ночных хищников. Неизвестно сколько времени прошло, но видимо ночь только началась.

Гигантская лапа ударила по стволу, и дерево дрогнуло. Джемисон отвязался и вскарабкался выше, зная уже, как много значит несколько футов. Сквозь туманную полосу этой атмосферы не было видно звезд, и поэтому ночь растягивалась вдвое. Нескольким похожим на кошек тварям удалось довольно близко подобраться к нему, но только однажды ему пришлось применить бластер. Луч был тонок, и сердце у него екнуло. Но животное, дернув обожженными лапами, свалилось вниз, где его немедленно разорвали на части.

Рассвет наступал так медленно, что, казалось, ночи не будет конца. Джемисон увидел внизу несколько гиенообразных тварей, копошащихся над грудой костей. Внезапно из кустов вынырнула огромная рогатая голова и двенадцать метров толстого туловища змеи — и ближайшая «гиена», коротко взвизгнув, превратилась в кусок мяса. Остальные растаяли во мгле. Змея спокойно занялась пожиранием своей пищи, а потом улеглась в траве, пока вздутие на теле медленно передвигалось к хвосту. Джемисон сидел на дереве ни жив ни мертв. Кто знает, может, ей ничего не стоит добраться до него, и тогда никакой бластер не спасет. Пролежав у дерева длиннейший час в жизни Джемисона, змея убралась восвояси. Прошло несколько минут, прежде чем он спустился пониже, убедившись, что охота закончена. День только начинался, и солнце, вероятно, не достигло зенита. Он проверил направление и продолжил свой путь.

За этот день он продвинулся немного дальше, в основном за счет отдыха. Он сильно устал, но перспектива провести еще одну ночь на дереве с бездействующим бластером заставила его прочесывать лес.

Некоторое время он изучал окрестности, чтобы запом-

нить отправной пункт. Радиус первого круга был 50 футов. Это был оптимальный вариант — найти металлический предмет размером с платформу. Конечно, много времени он потратил впустую, но другого пути не было. Через четыре часа он брел через заросли, заканчивая пятый круг. Темнело. Поиски ничего не дали, надо было вернуться, чтобы переждать еще одну кошмарную ночь.

С таким мыслями он закончил пятый круг. Глупо было надеяться найти платформу сегодня. Джунгли кончались лишь через несколько миль, и, чтобы прочесать эту площадь, нужна была как минимум неделя. Но он все еще шел вперед, упрямо пытаясь отсрочить конец, хотя опасность нападения продолжала увеличиваться с каждой минутой. Неожиданно джунгли расступились, открыв поляну диаметром 250 ярдов, поросшую кустарником. Едва он сделал несколько шагов по поляне, как из зарослей с противоположной стороны вылетел косматый зверь с горящими глазами и бросился к нему. Оцепенев, Джемисон замер на месте.

Но зверь не успел добежать. Его ноги запутались в кустарнике, и он не смог, несмотря на все свои усилия, выбраться. Джемисон понял, что произошло. Длинные, как веревки, ветви спутали зверя, а веретенообразные — как шприцы, вонзились в него. Громадное тело вздрогнуло, задергалось и рухнуло на землю. Ветви все глубже и глубже вонзались в него.

Это был ритт, кустарник, который вкупе со змеями делал планету непригодной для цивилизации. Правда, он рос не везде. Джемисон содрогнулся, представив себе, сколько таких кустов он миновал за последний час.

Был уже поздний вечер — время, когда хищники выходили на охоту. Дневная тишина кончилась. Джемисон поспешно направился к дереву, которое виднелось в туманной дымке.

«Не туда, Тревор Джемисон, левее,— услышал он мысль.— Я вас жду. Помогите мне».

Джемисон остановился в недоумении. Ведь эзвала поймали руллы. Значит ловушка? Но зачем?

«Руллы мертвы. Их машина невредима, но я не могу ею управлять. Помогите мне! Только быстрее, пока между нами никого нет!»

Резко повернувшись, Джемисон бросился к поляне. Все ясно: корабль рулл так торопился убраться, что бросил разведчиков. Эзвал их уничтожил. Остальное очевидно...

«Я их не убивал,— прервал его эзвал.— Это было ни к чему. Сейчас вы сами поймете.

Джемисон наконец выбрался из джунглей. Перед ним на конце одной полянки стояла стофутовая шлюпка рулл, на другом — теперь ненужная платформа. Между ними, среди серого кустарника, валялась дюжина рулл. Отростки кустарника протянулись к шлюпке, а некоторые даже заползли в открытый люк, как бы чувствуя, откуда могут появиться новые жертвы.

Джемисон сразу понял, что произошло.

«Медленно рассуждаете, Джемисон, хотя в логике вам не откажешь. Правильно, в рубке меня спасла дверь. Надеюсь, вы сожжете растения и освободите меня».

Джемисон прожег в кустах проход, поднялся на платформу, сдвинул крышку двигателя и вынул из бластера маленькую капсулу. Без нее бластер был бесполезным куском металла. Подняв еще одну крышку, он сунул капсулу в специальное гнездо. Теперь нужно ждать, пока капсула не зарядится энергией. Вообще-то зарядка длится не менее десяти минут, но ему хватит и трех.

Джемисон прислонился к платформе с таким расчетом, чтобы при малейшей опасности выхватить капсулу и вставить в бластер, хотя это было невозможно. Пока он сидел так, вглядываясь в чернеющие тени на поляне, эзвал молчал. Потом он заговорил сам.

«Значит руллы не знают о ритте. Оно и не удивительно: таких растений немного. Но как же они поступили так неосторожно, ведь никто не спасся. Можете вы объяснить?»

«В сознание я пришел при погружении в шлюпку. Но я им это не показал, у всех было оружие, я притворился спящим, пока меня не поместили в хранилище. Там я разорвал путы и стал ждать подходящего момента для бегства. Внезапно раздался взрыв, и они покинули судно. Потом все они пришли в необычайное волнение, и тут же все их мысли оборвались. Я взломал дверь, и, так как я вижу в темноте, понял, что все они мертвы».

Джемисону почудилось какое-то волнение на поляне. Может, это охотятся на него? Три минуты прошли давно, больше ждать нельзя. Взяв себя в руки, он вынул капсулу и вставил в бластер. Все.

Он пристально посмотрел на то место, где видел тень. Все спокойно. Вероятно почудилось... Но все же следует быть осторожным. Он произнес:

«Ну что же, вы рассказали достаточно. Я могу продолжить. Увидев, что руллы мертвы, вы остались на шлюпке, ведь если вы и боитесь чего-то на этой планете, то именно кустарника. Вероятно, вы от него спаслись с большим трудом и прекрасно знаете, что, чем дальше в джунгли, тем его больше. Тут вы струсили и поняли, что без меня, без моего бластера, вам не обойтись. Вы вернулись...»

Кустарник был светлее земли, Джемисон закрыл глаза рукой и нажал спуск. Послышался треск горящей земли. Бластер был заряжен полностью. Джемисон повел дуло из стороны в сторону, потом открыл глаза. Он стоял на краю черного пятна, следующая заросль была в двадцати футах от него.

«Значит вы уже два дня в шлюпке,— сказал Джемисон, сделав шаг вперед.— В первый день вы, скорее всего, возились с механизмом двери и проникли в рубку только вчера. И на другом ее конце увидели отросток кустарника. Держу пари, что вы задвинули все двери на засовы. Конечно, сквозь металл кустарнику не проникнуть. Вас он может поразить в сотни мест сразу, но перед дверью бессилен. Только поэтому вы и уцелели».

Джемисон сжег второй куст. Теперь ему осталось сжечь последний, убивший рулл. Он продолжал в том же тоне:

«Два дня вы пытались разобраться в механизме пульта, но потерпели поражение. Если бы вы поняли механизм управления, то давно бы уже удрали. Но вы не поняли... Появился я — и ситуация изменилась».

Он остановился в ожидании ответа эзвала. Тому не было что возразить, и он молчал. Джемисон продолжил себе путь дальше. Оставались лишь щупальца, проникшие в корабль. Он уменьшил мощность, чтобы не повредить обшивку.

«Сейчас я уничтожу последние отростки. После этого я поставлю бластер так, что он уничтожит вас, если вы сделаете хоть шаг из камеры. Думаю, вы будете благоразумны. До ближайшей базы две недели лета, а там мы доберемся до планеты Карсона, где я вас выпущу. Не знаю, правда, найдете ли вы что-нибудь съедобное в камере. Но утешайтесь тем, что, не будь астронавигации и гиперпутешествий, вы бы наверняка умерли с голоду и не добрались до родины. Вы проиграли. Но не беспокойтесь, пока я не открою тайны вашей разумности. Пока. А теперь отойдите от двери подальше — будет очень жарко».

5

Через два дня Джемисон сумел связаться с крейсером дружественной людям расы и через него подать сигнал бедствия на ближайшую земную базу. Но еще целую неделю они блуждали в космосе, прежде чем их подобрал земной корабль.

Командир согласился доставить их на планету Карсона. Он ничего не знал о сложившейся там ситуации и, проверив удостоверение личности Джемисона, поверил, что тот сопровождающий при эзвале.

Джемисон добился, чтобы корабль сел в необитаемом районе. Здесь состоялся последний разговор с эзвалом.

Планета была богатой. Бескрайний лес простирался к западу, на востоке сверкала река.

Эзвал легко соскочил на землю и оглянулся. Джемисон стоял у люка.

«Ну как, вы еще не передумали?»

«Убирайтесь с нашей планеты вместе с вашими сородичами!»— злобно ответил эзвал.

«Только когда у вас будет машинная цивилизация, способная противостоять руллам».

«Эзвалы никогда не станут рабами машин!»

Джемисон лишь кивнул. Он разработал другую концепцию. Взрослого эзвала ему не убедить, он слишком устойчив.

«Просто вы индивидуалист и хотите жить для себя».

«Да. Только от вас я узнал, что есть расы, живущие коллективно. Эзвалы лишь сотрудничают во имя общей цели. Но мы свободны. Почему-то, я не понимаю, вы считаете это слабостью».

«Слабостью. Мы на земле ничего бы не достигли без общества. Кстати, у вас ведь нет имени».

В ответе эзвала сквозило отвращение:

«Телепаты не нуждаются в кличках. Вы зря думаете,— продолжал он яростно,— что можете сделать из нас себе подобных с помощью имен».

Ярость сменилась презрением.

«Впрочем, сейчас ваша задача показать нашу разумность. Тут я вас покину».

Эзвал повернулся и побежал в лес. Джемисон окликнул его.

«Вы спасли мне жизнь и доказали, что между нами все-таки возможно сотрудничество. Благодарю вас за это!»

«Мне не нужна благодарность человека. Прощайте и не попадайтесь больше!»

«Прощайте!»— ответил Джемисон.

Как только люк захлопнулся, огромный корабль взлетел.

Перед отлетом на Землю Джемисон представил свой доклад Военному совету. Председатель оборвал его сразу же, едва стала ясна основная мысль:

— Мистер Джемисон, в этой комнате, да и на всей планете, вы не найдете человека, не пережившего горечи утрат, понесенных по вине этих чудовищ.

Джемисона это не касалось.

— Если верно то, что вы утверждаете, мы должны истребить их немедля. Бывают случаи, когда человек не может проявить милосердие к другой расе, и от нас трудно ожидать милосердия к эзвалам.

Послышался одобрительный ропот членов Совета. Джемисон обвел взглядом их лица и понял, что председатель прав.

Планета была слишком лакомым куском. В истории человечества лишь несколько раз встречались расы, столь ненавидевшие людей, как эзвалы. И надо же было этому случиться, ведь их планета была одной из трех баз, на которых держалась оборона Галактики. Ее нельзя было оставлять ни при каких обстоятельствах. В крайнем случае возможно даже полное уничтожение эзвалов.

Но эзвалов можно было уничтожить, только зная, что они телепаты, с других сторон они были неуязвимы. Они всегда первыми обнаруживали человека, поэтому их нельзя было застать врасплох. Но, зная эту их способность, ученые легко могли их уничтожить, создав машины, излучающие мысли. И с расой эзвалов будет покончено.

Джемисон понял, что рассказывать им о своих приключениях на Эристоне-II было бы преступлением. Пусть думают, что это всего лишь теория.

— Леди и джентльмены,— он поклонился трем женщинам, входившим в состав Совета,— мне остается лишь выразить благодарность Галактическому конвенту, пославшему меня, чтобы разрешить эту проблему. Я вынужден буду просить ее о проведении плебисцита по этому вопросу.

— Я считаю это оскорблением,— холодно сказал председатель.

— Я не имел намерения оскорбить вас, но думаю, что

члены Совета слишком пристрастны, чтобы решать вопрос о жизни и смерти расы. Благодарю за внимание.

Джемисон сел. Последовавший банкет прошел в полном молчании.

После него к Джемисону подошел вице-председатель Совета, сопровождаемый молодой девушкой. На вид ей было лет тридцать. Прекрасные голубые глаза и стройная фигура делали ее привлекательной, но не женская решительность в ее облике немного портила это впечатление.

— Миссис Уитмен хотела бы познакомиться с вами, доктор Джемисон,— вежливо произнес вице-председатель Совета и быстро ушел, представив их друг другу, словно в этом и заключалась его миссия.

Джемисон внимательно рассматривал женщину.

— Вы ведь доктор наук, мистер Джемисон?— спросила она.

— Да, я физик, но специализируюсь по небесной механике и космическим исследованиям.

— Так я и думала. А я вот осталась вдовой после гибели мужа. Меня всегда восхищали его познания,— сказала миссис Уитмен и потом добавила, как бы в раздумье.— Его убил эзвал.

«Видимо, у ее мужа были глубокие познания, если она вращается в высших кругах Совета»,— подумал Джемисон, а вслух сказал:

— Сочувствую вам.

— Я очень рада, что вы остались еще на несколько дней, и могу предложить вам другое решение проблемы, от которого зависит судьба планеты. Вы знаете, что у нас есть спутник?

— Вы хотите создать на нем базу,— медленно произнес Джемисон, видевший его из корабля.

— Не только.

«Что ж, этим стоит заняться,— подумал Джемисон,— в потоке бумаг, в водовороте мелких проблем это решение могло затеряться, а бюрократы неохотно пересматривали решения». Правда, он сильно сомневался, что это действительно решение, но в создавшейся ситуации любой компромисс был предпочтительней открытой вражды.

— Пойдемте,— сказала миссис Уитмен.

Джемисон в уме прикинул, что зафрахтованный корабль с эзвалами прибудет на Землю лишь через несколько недель, и он может уделить немного времени миссис Уитмен.

— Прекрасно, я согласен. А вы, как я понимаю, будете моим гидом?

Она рассмеялась, обнажив великолепные белые зубы.

— Но ведь больше с вами никто не станет разговаривать, не так ли.

Но как горько прозвучали ее слова для Джемисона!

6

Блеск космического скафандра гида то и дело грозил затеряться в звездном небе, и Джемисону приходилось непрерывно следить за ним, чтобы не остаться одному.

Он уже раскаивался, что согласился на этот полет. На пути к спутнику он просмотрел статью о нем в Космической Энциклопедии. С первого взгляда было ясно, что на спутнике было невозможно разместить миллионы людей.

Казалось, женщина нарочно старалась отвлечь его внимание, не давая размышлять, к тому же ее трудно было рассмотреть на фоне Солнца.

Милей ниже, на поверхности спутника, виднелись островки леса, выщербленные скалы, редкие участки травы, коричневой и пожухлой.

Джемисон не мог рассмотреть цифры на спидометре, вмонтированном в наружный шлем, так как свет дробился на стеклах и искажал картину на циферблате. Но что-то возбудило его подозрения. Он напряженно вглядывался в диск, и то, что он увидел, заставило его сжать губы. Он включил рацию:

— Миссис Уитмен!

— Да, доктор Джемисон,— слово «доктор» она произнесла как-то насмешливо и даже враждебно.— Слушаю вас, доктор!

— Вы сказали мне, что мы должны пролететь 521 милю или...

— Или около того!— смягчился голос, но враждебность даже усилилась.

— Итак, 521 милю. Цифра достаточно определенная, чтобы быть точной. Тем не менее мы уже пролетели 629 миль и все еще продолжаем лететь! С тех пор, как мы покинули Пять Городов, прошло два часа...

— Ну и что же,— прервала его женщина,— это не так страшно, доктор Тревор Джемисон.

Джемисон молчал, размышляя, чем это грозит. Снача-

ла он ей хотел ответить так же высокомерно, но мозг, ставший внезапно ясным, подавил это намерение в зародыше. Здесь крылась смертельная опасность. И, как всегда в таких случаях, мозг работал ясно и точно. Он всегда выходил победителем, и это придавало ему силы.

Джемисон начал снижать скорость. Времени было слишком мало, а опасность слишком велика. Но пока скорость была большой, ничего нельзя было сделать.

Он спокойно спросил:

— Скажите, убийство предпринято по приказу Совета или это ваша личная инициатива?

— Что ж, теперь это не важно,— ответила женщина.— Мы не предполагали, что вы решитесь на плебисцит. Конечно, мы давно знали, что спутник не годится для базы.

Джемисон рассмеялся, чтобы скрыть свое приземление. Перегрузка была так велика, что он едва сдержал стон. Теперь он остался один. Сверкающий скафандр сопровождающего исчез вдали. Скорее всего, она даже не обернулась... Стараясь скрыть это неприятное для нее открытие как можно дольше, Джемисон спросил ее:

— И как же вы меня убьете?

— Через десять секунд ваш двигатель...— она осеклась.— О, да вас тут нет... Хотите приземляться? Все равно я найду вас!

До скалы оставалось 60 футов, когда двигатель остановился. Пламя охватило его, жгучая боль пронзила все тело, он ударился о землю, непроизвольно сворачиваясь в клубок, и потерял сознание.

Пятнистая скала, кружащаяся и качающаяся,— вот что он увидел, очнувшись. Скафандра на нем не было, остался лишь костюм с электроподогревом. Он почувствовал на себе чей-то взгляд. Джемисон обернулся — за ним стояла Барбара Уитмен.

— Вам повезло, вы вовремя выключили двигатель, вам обожгло только ноги. Я уже вылечила их. Вы можете даже идти.

Джемисон посмотрел по сторонам, затем вопросительно взглянул на нее. Она поняла его мысли.

— Наверное, не стоило быть столь щепетильной по отношению к смертнику, но я не могу убить даже собаки, не дав ей шанса выжить. У вас тоже есть шанс.

Джемисон сел, не отрывая от нее взгляда. Он встречал жестоких женщин и до этого, но ни одна из них не

была столь честна и искренна в своих намерениях, как эта.

— Где ваш скафандр?— спросил он.

Она кивнула на небо.

— Видите черное пятно, справа от Солнца? Я заложила в него мину, через 300 часов остатки упадут на Солнце.

— Что-то не верится, что вы решили умереть вместе со мной. Люди умирают лишь за свою веру. Во что верите вы? У вас-то, скорее всего, есть шанс?

Лицо женщины потемнело от гнева.

— У нас нет ни одного шанса. Мы умрем вместе, ведь нам не дойти пешком до Пяти Городов, а до платиновых рудников тем более.

— Жалкая бравада. Во-первых, это доказывает, что вы глупы, а во-вторых, мне никогда не нравились авантюристки. Тем не менее я благодарен вам за лечение и... за общество.

Джемисон попрыгал на ногах, чувствуя легкую боль.

— Ммм, не больно, но еще плохо сгибаются... К ночи это пройдет...

— Однако вы спокойны,— язвительно сказала Уитмен.

Он кивнул.

— Конечно. Ведь я жив и у меня есть время убедить вас в своей правоте!

Она рассмеялась.

— Вы не понимаете нашего положения. Нам нужно идти две недели, делая по шестьдесят миль ежедневно, а это невозможно. Температура ночью падает до ста градусов ниже нуля, а иногда и до ста семидесяти, в зависимости от близости к раскаленному ядру спутника, благодаря которому здесь вообще возможна жизнь. Что вы на это скажете?

— Что надо идти,— ответил Джемисон, не колеблясь.

— Нас сожрет первый же попавшийся грип-кровосос, если мы не замерзнем. Запах крови, который они чувствуют на расстоянии, приводит их в бешенство. Им ничего не стоит сожрать человека целиком. Они способны рыть туннели в этих скалах. Единственная защита против них — бластер, а у меня остался лишь охотничий нож. Единственная пища на этом спутнике — огромные травоядные, удирающие быстрее лани при виде человека, но способные прикончить дюжину невооруженных людей, если их припереть к стенке. Учтите, что-то в воздухе возбуждает

зверский аппетит. Мы приближаемся к смерти с каждой минутой.

— Вы, кажется, этим довольны,— сухо заметил Джемисон.

— Во всех случаях на Землю вам не вернуться.

— Вы ошибаетесь. Мне только жаль видеть женщину в столь опасной ситуации. Хороши же, однако, ваши друзья. Но я вернусь.

— Чепуха. Это все равно, что убить грипа голыми руками,— рассмеялась она.

— Не только и не столько руками, а разумом и опытом. Мы дойдем до людей несмотря ни на что!

Наступило молчание. Джемисон огляделся. Насколько хватало глаз, кругом простиралось безжизненное плато. Впрочем нет! В одной стороне виднелся обрыв. Джемисон задумался на секунду, потом сказал:

— Придется идти к обрыву.

Глубокая тишина окружала их. Молчание было символом, духом этого холодного мира.

— Ну что же, начнем наше путешествие.

Они побрели через плато. Идти было нетрудно, сказывалось малое притяжение планеты. Женщина спросила:

— Что вы хотели сказать об эзвалах?

— Ничего. Если бы я вам что-нибудь сказал, вы бы их уничтожили.

— Вам надо было привести реальные факты, а не теоретические построения. В Совете здравомыслящие люди.

— Весьма здравомыслящие,— иронически подхватил Джемисон.

— Я не верю, что у вас есть факты. Хорошо, кончим на этом.

7

Через два часа солнце стояло высоко в небе. Все это время они пробирались по извилистому плато, лавируя между расщелинами, которые вели вниз — в раскаленные недра спутника.

Гигантская пропасть, ранее расплывчатая из-за расстояния, теперь предстала во всем своем величии. Она простиралась во все стороны неприступной стеной, уходящей вниз.

Джемисон с трудом произнес:

— Стыдно признаться, но мне ее не одолеть.

— Я ведь вам говорила. Еще голод. Мы умрем от голода.

Джемисон на секунду задумался и спросил:

— Эти травоядные, они ведь едят молодые побеги деревьев?

— Да, у них длинные шеи. А что?

— И это все, что они едят?

— Еще траву.

— И больше ничего?— Джемисон становился настойчивее. Барбара вскинула голову:

— Сбавьте тон. Для чего вам все это?

— Извините за тон. Что они пьют?

— Они лижут лед, что скапливается у рек. Там замерзает вода, которая образуется во время таяния снегов. Вспомнила, еще они едят соль. Совсем как земные травоядные.

— Соль это то, что нам нужно!— воскликнул Джемисон.— Давайте вернемся, мы проходили солончаки. Нам нужно набрать соли.

— Вернуться! Вы сошли с ума!

— Послушайте, Барбара. Я сказал, что не смогу спуститься. Но выход на самом деле есть. И от голода я не умру — я достаточно скопил жира на канцелярской работе. Но все-таки нам необходимо убить животное. Для этого нужна соль. Надо вернуться.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом Барбара отвела взгляд и сказала:

— Не знаю, что вы задумали, но все равно это безумие. Вы никогда не видели здешних травоядных. Они напоминают жирафов, только значительно выше. Зря вы надеетесь приманить их солью и убить. Это вам не удастся. Хорошо, мы вернемся. Не все ли равно, где умирать. Дай бог, чтобы нас учуял грип. Это лучше и быстрее, чем смерть от голода.

— Нет ничего страшнее женщины, решившей умереть во что бы то ни стало.

— Не думайте, что мне этого хочется!

— А как же ваш ребенок?

По выражению ее лица он понял, что не промахнулся. В ней нужно было пробудить любовь к жизни. Ее помощь была необходима.

От разговора с ней по дороге к солончаку Джемисон, сам того не ожидая, получил большое удовольствие. Он не

пытался убедить ее в чем-либо, говорил о проблемах человечества, об освоении чужих миров, о взаимопонимании различных рас, о том, как много решений было принято в результате разумного обсуждения.

— Вот наконец и солончаки!— прервала его Барбара.

Джемисон распихал по карманам куски соли, и они побрели обратно. Возвращение проходило в молчании. У Джемисона болел каждый мускул, каждая клетка. Отчаянно хотелось спать, но спать было нельзя, сон означал смерть. Джемисон взглянул вниз — и у него закружилась голова. Помутившимися глазами он посмотрел на женщину, на лице которой читались муки голода.

— Держитесь!— крикнул он.— Еще немного!

Они подползли к краю пропасти, слишком глубокой, чтобы они смогли спуститься вниз. Казалось, им оставалось только лечь и умереть от голода, глотая живительный воздух. Наконец Барбара прошептала:

— Что же нам делать? Неужели нигде нет спуска?

Но Джемисон уже нашел выход.

— Спуститься мы можем в любой момент. Смотрите,— он подтащил ее к краю,— внизу спасение. Там — стадо травоядных.

Слева, немного ниже их, виднелась долина. Спуск в нее был в нескольких сотнях футов от них, он весь порос лесом и вторгался в долину, подобно клину. Около него паслось стадо в сотню голов.

— Они постепенно приближаются к лесу. К ним можно подкрасться.

— А потом выбежать и насыпать им на хвост соли? У нас же ничего нет.

— Сначала,— сказал Джемисон как бы про себя, не оборачиваясь,— нужно подобраться к краю леса, причем так, чтобы животные нас не заметили. Мне потребуется ваш нож.

— Ладно, делайте как хотите. Вам к ним и на четверть мили не подойти.

— Я и не собираюсь. Если бы вы получше разбирались в жизни, то давно поняли бы, как просто убить зверя. Эта проблема давно решена на всех мирах. Пошли.

— Вы правы. Я тоже считаю, что эта смерть приятнее голодной. Около травоядных всегда околачиваются грипы, они подбираются к ним вечером, а утром убивают. Кстати, мясо травоядных довольно жестко. Сейчас как раз темнеет, значит грипы близко. Скоро они учуют нас и тогда...

— Если потребуется, мы сами к ним придем. Жаль, что я тут никогда не был раньше, тогда все давно было бы в порядке. Но пока наша цель — лес.

Его внешнее спокойствие было маской. Когда они достигли леса, он качался от усталости и голода и едва держал нож, когда подкапывал корни высокого дерева.

— Кажется этот корень так же тверд, как сталь, и упруг. Его можно свернуть в кольцо,— сказал он.— На земле это дерево используется в промышленности.

— Да,— ответила она.— Если вы делаете лук, то эта трава может служить тетивой.

— Нет, это не лук. К ним ведь нельзя подойти и на четверть мили.

Он выдернул дюймовый корень, отрезал двухфутовый кусок и заострил его концы (с очень большим трудом, так как дерево скользило в руках).

— Ну вот. Теперь подержите концы вместе, я их свяжу.

— А-а-а,— протянула она,— теперь я поняла. Животное заглотнет кольцо, в желудке трава разорвется, и острые концы проткнут желудок.

Он подобрался к поляне и принялся разбрасывать кольца.

— Этот метод известен на сотнях планет, на Земле его применяли эскимосы. Мы же не можем положиться на одно кольцо,— сказал он.

Мясо было чуть жестким, но все же очень вкусным. Приятно было ощущать, как к телу возвращается энергия. Джемисон проглотил последний кусок и встал, глядя на заходящее солнце.

— Если есть по четыре фунта в день, то шестидесяти фунтов нам хватит. Вообще-то вредно есть одно мясо, но за две недели вряд ли что-нибудь случится. Больше охотиться мы не сможем.

Джемисон вырезал филейную часть животного, лежавшего на траве, и упаковал мясо в два тюка, обвязав их травой. Получилось нечто вроде рюкзака. Барбара смотрела иронически.

— Вы просто сумасшедший,— сказала она.— Ночь мы как-нибудь переживем в пещере, но когда нас найдет грип — ему вы тоже скормите деревяшку?

— А почему бы и нет!— резко ответил Джемисон.

— А потому, что зубы у них тверже металла, когти — алмаза, желудок же не разрезать ножом. Именно из-за них здесь нет разумной жизни. У нас есть пища, голодная

смерть нам не грозит. Что же, пусть нас убьет грип — это произойдет мгновенно. Выбросьте из головы эту глупую идею — выжить. Грип настигнет нас в любой пещере, в любой щели и убьет. Естественных пещер здесь нет, все пещеры — это метеоритные воронки, перекрученные движением поверхностной коры спутника. Нужно найти такую пещеру, чтобы в ней ночью сохранялся воздух. Когда подуют холодные ветры, костюмы нам не помогут. Нужен костер.

Дерева вокруг было предостаточно. Они собрали большую кучу веток и стащили ее в пещеру на первый уровень. Потом спустились сами — сначала Джемисон, а потом весьма грациозно — Барбара. Джемисон ухмыльнулся — молодость есть молодость.

Они перетаскивали топливо на второй уровень, когда вход в пещеру перекрыла черная тень. Джемисон оглянулся — во тьме блеснули клыки и горящие глаза чудовища. Тонкий красный язык нервно облизывал губы в предвкушении добычи, слюна капала на стоящих внизу людей.

Джемисон почувствовал, как его дернули к провалу, и тут же очутился на куче веток внизу. Они сразу же принялись перетаскивать ветки на следующий уровень. Скрежет гигантских когтей, расширявших отверстие, и рев чудовища подгоняли их. Едва они кончили и спрыгнули вниз, как увидели в отверстии второго уровня морду чудовища, освещаемую полуторафутовыми глазами. Внезапно скрежет прекратился и наступила тишина.

— В чем дело?— спросил Джемисон.

— Он закупорил вход, ему не добраться до нас за те несколько минут, что остались до спячки, но и нам не выйти. Грип хитер на выдумки. За травоядными он не охотится, только преследует. Просыпается он на несколько минут раньше их и этим пользуется. То же он хочет проделать с нами. Ведь выйти мы не сможем, тут нам и конец.

Всю ночь Джемисон не сомкнул глаз. Он то засыпал, то ему чудилось что-то, тогда он вскакивал и метался по пещере. Тьма, как камень, придавила их к земле. Ни малейшего проблеска света. Блеклое искрящееся пламя костра было бессильно против этой тьмы и холода.

Сначала появился озноб, потом холод словно сцементировал его тело. Стены покрылись инеем. Скала трескалась с гулом и казалось, что вот-вот обрушится потолок. Шум падающих осколков вывел женщину из забытья. Она

вскочила на ноги и принялась ходить взад-вперед, согреваясь.

— А почему бы нам не поджечь грипа?— спросил Джемисон.— Ведь если он...

— Он проснется. К тому же его шкуру не проймешь огнем. Она похожа на металлоасбест: не горюча, не проводит тепло.

— Надо же было попасть в эту переделку мне — единственному человеку, знающему решение проблемы эзвалов. И вы еще вдобавок пытаетесь меня прикончить...

— Пыталась. Что толку в этих разговорах. Бесполезно. Через несколько минут грип проснется и прикончит нас. Нам его не остановить.

— Вы так думаете? Зверь, конечно, страшный, но помните: эта проблема решена давным-давно на всех планетах.

— Безумец! Его даже бластер не берет. Вас уже на свете не будет, прежде чем его шкура начнет испаряться. Что ему нож!

— Кстати, дайте-ка его мне, я его заточу.

Теплело. Иней местами подтаял, озноб прошел. Костер потухал, оставляя пепел, и как только он погас, пещеру заполнили клубы дыма, сквозь который ничего не было видно.

Внезапно наверху что-то зашевелилось, послышался треск и протяжный вой. Барбара вскочила с земли.

— Он проснулся.

— Вот мы и дождались своего часа.

— Теперь я вижу, что ваша смерть ничего бы не дала.

Между ними упал кусок скалы и с грохотом рухнул вниз, в глубину пещеры. Скрежет когтей был совсем близко.

— Он расширяет проход,— сказала она.— Спрячемся в расщелину, стена может рухнуть.

— Да, нельзя рисковать. Времени у нас мало.

Джемисон расстегнул и снял перчатку, содрогнувшись от холода, и подставил нож под затухающее пламя костра.

— Черт побери, ну и мороз, градусов под девяносто. Нужно нагреть нож, иначе ничего не выйдет.

Он накалил нож, сделал надрез на большом пальце левой руки и растер кровь по лезвию. Посиневшая от злого холода рука не кровоточила. Он надел перчатку и, ког-

да рука согрелась, боль возобновилась. Он пошел вдоль стены, как бы забыв о следующей за ним женщине.

— Ага!— воскликнул он торжествующе. Но даже эта радость показалась ему слишком искусственной. Он опустился на колени возле тонкой трещины.

— Это как раз то, что нужно, она как раз против прохода.— Он взглянул на женщину.— Знаете, почему я вчера спустился ниже? Потому, что в этой пещере грип может уместиться целиком. В нем ведь футов тридцать вместе с хвостом?

— Да.

— Отлично. Он тут свободно разместится, и есть куда укрыться нам, пока он не издохнет.

— «Пока не издохнет?»— эхом откликнулась она.— Из вас мог бы получиться лучший в мире клоун.

Джемисон промолчал. Он вставил в трещину рукоятку ножа и укрепил камнями.

— Ну, кажется, ничего, но нужна двойная гарантия.

— Быстрее нужно спрятаться на следующий «этаж», может быть, там есть выход в другую пещеру!— воскликнула Барбара.

— Я обследовал пещеру, пока вы спали, там еще два «этажа».

— Ради бога, через минуту будет уже поздно.

— Минута мне и нужна. Надо все-таки получше закрепить нож.

И он принялся за работу, в то время как она нетерпеливо пританцовывала. Наконец он укрепил камень, с которым мучился, и они спрыгнули вниз, успев увидеть приближающиеся глаза зверя.

Костер высветил неясные очертания темной клыкастой пасти с тонким извивающимся языком, и рассыпался искрами, когда на него плюхнулся тяжелый зверь. Больше Джемисон ничего не видел — он отпустил руки и рухнул с двадцатифутовой высоты. С минуту от боли он ничего не соображал, даже то, что скребущие звуки стихли. Вместо этого зверь взвыл от боли, потом послышался сосущий звук и довольное хрюкание.

— Что случилось?— недоуменно спросила женщина.

— Сейчас увидите!— прохрипел Джемисон.

Сосущие звуки доносились в течение пяти, десяти, двадцати минут, постепенно затихая. Вместе с ними стихал и вой. Наконец раздался вопль агонии и наступила тишина.

— Помогите мне,— сказал Джемисон.— Нужно посмотреть, что с ним.

— Кто-то из нас спятил, либо я, либо вы. Ради всего святого, скажите, что случилось.

— Он почуял кровь на ноже, лизнул его, порезал язык и пришел в бешенство, а рот заполнился его собственной кровью. Они ведь обожают кровь. Ну вот за последние полчаса он ею обожрался. Довольно простенький метод.

— Значит,— странным голосом спросила Барбара с усилием,— теперь нам уже ничто не препятствует дойти до людей?

Джемисон взглянул на нее.

— Ничего — кроме вас.

Молча они поднялись на один уровень. Джемисон вытащил нож из трещины.

— Отдайте нож,— резко сказала Барбара.

Джемисон поколебался, но подчинился. Снаружи было бледное утро. Кроме солнца, на небе сиял огромный красный шар, плывущий на западе,— планета Карсона.

Небо было ясное, светлое. Утром даже скалы были не так мертвы и черны. Дул сильный ветер. После ужасов ночи день казался ещё светлее и возвращал надежду.

«Ложную надежду,— мысленно уточнил Джемисон.— Спаси меня бог от этой женщины. Ого, она нападает».

Нападение было внезапным. Он уловил начало атаки по блеску ее глаз. Нож разодрал рукав его костюма. Джемисон едва устоял на краю пропасти.

— Вы сошли с ума,— пробормотал он.— И не ведаете, что творите.

— Не беспокойтесь об этом. Вы должны умереть несмотря ни на что. Вы — дьявол, но и вы умрете.

Она пошла на него, выставив перед собой нож, и Джемисон не препятствовал ей. Она, по-видимому, не разбиралась в борьбе. Свободной рукой она попыталась схватить его.

Этого он и ожидал. Он схватил ее за руку и рванул на себя, отскочив в сторону. По инерции она пронеслась мимо него и завертелась как волчок. Теперь она балансировала на краю пропасти, и ей не за что было ухватиться. Джемисон вовремя схватил ее за руку, чтобы она не свалилась вниз, и выхватил нож. Он увидел ее глаза, мокрые от слез. Она снова стала женщиной, а не орудием убийц. На далекой Земле у Джемисона была жена, похожая на

Барбару, и по опыту он знал, что она сломлена. Теперь она не опасна.

Все утро Джемисон глядел в небо. Он надеялся на помощь. Планета Карсона к этому времени скрылась за горизонтом, подчиняясь древним законам, ветер стих.

В полдень, он увидел в небе долгожданную точку. Она увеличивалась, приближаясь, пока не превратилась в шлюпку, и он узнал шлюпку своего линкора. Из распахнувшегося люка выпрыгнул лейтенант.

— Сэр, мы искали вас всю ночь, но сигнала не обнаружили.

— Несчастный случай, лейтенант,— спокойно произнес Джемисон.

— Вы ведь отправлялись на урановые рудники — это совсем в противоположную сторону.

— Ничего, все в порядке,— уклонился от ответа Джемисон.

Через несколько минут они уже летели в звездолете.

На борту линкора Джемисон обдумывал план мести за покушение на него. С одной стороны, эти люди слишком жестоки, чтобы оценить милосердие. Они примут это за слабость, с другой стороны...

Наконец он решил не делать ничего, оставив все как есть, не жаловаться и не обвинять. Это его личное дело. Бюрократы земной администрации вряд ли поймут, что врагами иногда бывают люди, а не руллы. Хотя, скорее всего, это была человеческая слабость. За это не наказывают. Может, и придумают когда-нибудь человеческий суд справедливости. И он обвинит людей в бесстыдстве и непонимании.

Барбара Уитмен вынесла что-то из происшедшего и, может быть, когда-нибудь она встанет на его сторону.

По пути к Земле Джемисон запросил, прибыл ли туда командир Мак-Леннан с эзвалами. Ему ответили, что этот медленный сухогруз еще не прибыл.

Но через неделю, когда до Земли оставался всего день пути, пришло ужасное известие:

«Два часа назад получено сообщение: корабль Мак-Леннана вышел из-под контроля над севером Канады. Предполагается, что животные погибли во время катастрофы. Об экипаже ничего не известно».

— О, господи!— простонал Джемисон, прочитав радиограмму. Листок выпал из его руки и плавно опустился на пол.

8

Командир Мак-Леннан повернулся к двум офицерам.

— Весь контроль полетел к черту. Через четверть часа мы грохнемся на Землю где-то возле Аляскинского залива. Мы обшарили весь корабль, но поломки не нашли. Карлинг, прикажите людям покинуть корабль в спасательных шлюпках. Потом сообщите на Алеутскую военную базу, что у нас на борту два эзвала, они могут уцелеть при крушении. Вспомогательные двигатели еще работают. Пусть определят место падения и прибудут туда как можно скорее. Неизвестно, сколько людей прикончат эти твари, если уцелеют. Ясно?

— Так точно, сэр!— Карлинг выбежал из каюты.

— Стойте!— остановил его Мак-Леннан.— Немедленно примите меры, чтобы они не вырвались из клеток, если уцелеют, и чтобы они пострадали как можно меньше. В них заинтересовано Правительство, и мы должны довезти их живыми! Ступайте! Бренсон!

— Да, сэр!

— Возьми пару человек и закройте люки главного трюма, тогда им не выбраться. Даю вам на все пять минут. Идите!

— Есть, сэр!— ответил тот и вышел.

Мак-Леннан сгреб в портфель кучу важных бумаг и пошел к хранилищу спасательных шлюпок. Карлинг, явно нервничая, отдал честь:

— Все люди в безопасности, сэр, кроме Бренсона!

— Где он болтается, черт побери?! Кто еще с ним?

— Скорее всего никого, сэр. Все остальные здесь.

— Что за черт... Пошлите кого-нибудь, впрочем я сам.

— Простите, сэр,— со страдальческим выражением лица сказал Карлинг,— но если через две минуты мы не стартуем, будет поздно. Встречный поток сметет нас. А насчет Бренсона... его нельзя было посылать вниз, сэр.

— Почему?— Мак-Леннан впился в него взглядом.

— Его старший брат был разорван в клочки эзвалом.

Детеныш услышал угрожающее рычание матери и ее твердую и ясную мысль:

«Спрячься под меня, скорее! Двуногий пришел, чтобы убить!»

Как молния, выскочил он из угла клетки, лишь когти щелкнули по металлическому полу, и вот он уже под ней в теплой темноте тела. Здесь в ложбине между ее муску-

лами он был в безопасности. Он снова услышал ее мысль:

«Помни, что я тебе говорила! Люди должны считать нас зверьми. В этом наше спасение. Ты любишь жизнь, но если долг потребует, ты должен будешь умереть».

Ее глазами он увидел толстые четырехдюймовые решетки и человека за ними.

— Вам больше никого не убить, проклятые чудовища!

Он выхватил металлический предмет и просунул его между прутьями решетки. Блеснуло белое пламя, и контакт с матерью оборвался. Он услышал рев и запах обгорелого мяса. Мать бросилась прямо на это беспощадное пламя, бьющее из-за решетки. Человек отскочил. Тьма, застилавшая мозг самки, исчезла.

— Черт возьми! Ну, держитесь!

Детеныш не почувствовал мучительной боли матери — она снова выключила контакт. Она носилась по тесной клетке, уворачиваясь от огня. Какая-то часть ее мозга работала по-прежнему, отыскивая пути спасения детеныша. И она нашла этот путь. Вместе с шипением огнемета послышался новый звук, похожий на протяжный вздох, становившийся все выше.

— Дьявол,— выругался человек,— ну и живучи же они. Нужно убираться, иначе будет поздно. Но куда же делся этот чертов детеныш? Не провалился же он сквозь пол?

Его мысли оборвались, когда 6500-фунтовое тело самки обрушилось на него, прорвавшись сквозь расплавленные огнеметом прутья клетки. Детеныш напряг все мускулы, чтобы его не расплющило. Он услышал протяжный вопль застывшего от ужаса человека. Огнемет выпал из его ослабевших пальцев, он рванулся к выходу, а непослушные пальцы едва ощущали трап.

В два прыжка самка настигла его, и тут детеныш увидел человека снова, крошечного, и снова услышал вопль, оборванный ударом могучей лапы. И тут мир погас для него.

Тьма обволакивала его мозг, невыносимо было чувство потери, вдвойне страшное, так как исчезла не только физическая, но и моральная поддержка матери. Только теперь детеныш понял, как сильно он от нее зависел. Теперь он был одинок, и одиночество было невыносимым. Он жаждал смерти.

Пока он выбирался из-под останков матери, он понял две вещи: что он с каждой минутой как бы теряет свой вес

и что высокий звук превратился в леденящий душу жуткий свист. Корабль с каждой секундой падал все быстрее. Древний рефлекс заставил детеныша выбраться из-под давящей массы. От свиста у него болели уши, к тому же ему все время казалось, что пол, вот-вот вырвется у него из-под ног.

Детеныш подполз к телу матери, подпрыгнул, стараясь попасть на спину, но промахнулся и угодил на пол с другой стороны. Со второй попытки ему удалось приземлиться на спину. И в этот момент все звуки, потеря веса, все исчезло во всесокрушающем ударе.

9

Прежде всего он почувствовал боль. Болела каждая косточка, каждый мускул, раскалывалась голова. Он снова хотел впасть в беспамятство, но что-то помешало ему, какое-то ощущение... Мысли. Чужие мысли. ОПАСНОСТЬ!

Он лежал на холодном металлическом полу трюма. Он сполз со спины матери, еще раз спасшей его. Корабль разваливался надвое и сквозь пролом виднелось сумеречное небо. Земля снаружи почему-то была белой, а сквозь дыру в стене бил резкий леденящий ветер. По белой земле бесшумно двигались к кораблю черные фигуры людей. Сквозь пролом в трюм проник луч света и белым пятном застыл на теле самки. Мгновенно детеныш скользнул под нее, увернувшись от луча света, и замер там.

Голоса людей, искаженные немыслимо изогнутыми стенками трюма, ничего не говорили ему, но мысли он понимал: «Порядок, командир! Они мертвы!»

Послышался лязгающий топот.

«Как это они мертвы,— ответил первому другой, чем-то раздраженный мозг,— самка, что ли? Эй, кто-нибудь, дайте свет!»

«Думаете, что детеныш...»

«Сами, что ли, не видите. В нем 500 фунтов, это вам не игрушка. Уж лучше я подерусь с матерым тигром».

Лучи света обшаривали трюм.

«Не дай бог, если он отсюда выбрался. Тут есть с дюжину ходов... Карлинг! Прикажите своим людям установить прожектор в проеме. И посмотрите, нет ли следов вокруг. В чем дело, Даниэл?»

Эзвал ощутил волну ужаса и отвращения.

«Здесь Бренсон, сэр, вернее, то, что от него осталось. Вот здесь, у лестницы».

Его эмоции мгновенно передались другим. Эзвал съежился от страха в своем убежище.

«Черт побери! Чепуха получается, но... Сэр! А ведь эта тварь подохла не от удара, она наполовину обожжена».

Последовала довольно правильная догадка о случившемся, а потом:

«Детеныш наверное спрятался... Он не мог на нее взобраться... С другой стороны... Паркер!»

«Да, сэр!»

Мысль эта прозвучала почему-то не в мозгу говорившего, а в голове командира.

— Подведите шлюпку к корпусу над трещиной, подцепите зверя тросом за среднюю ногу и поднимите. Карлинг, следы есть?

— Никак нет, сэр!

«Ну, значит, он под ней, живой или мертвый. Поставьте людей у каждого входа. Направьте прожектор так, чтобы не было тени. Объявляется боевая готовность! Стреляйте при малейшей опасности!»

Воспоминание об огне привело эзвала в трепет, и он еще сильнее вдавился в плоть матери. Но потом преодолел страх и принялся рассуждать. На его планете он удрал бы сразу, но здесь не было ничего, кроме слепящей белой пустыни. Правда, у него был шанс — уже почти стемнело. Но надежда пропала, когда он слегка приподнялся: слепящий свет залил все вокруг, а люди стояли с оружием наизготовку. Пятнадцать человек, насколько это было в их силах, постарались не оставить ему выхода. Детеныш закрыл глаза, защищаясь от света.

Внезапно закрывавшее его тело матери дернулось и приподнялось. Он подумал сначала, что она ожила, но это было не так, а его залило слепящее море огня. Он изо всех сил вцепился в мать, его захлестнула чудовищная боль, стало трудно дышать, легкие сдавил трос. Но вспомнил, о чем ему напоминала мать перед смертью: нужно бороться со страхом. Сама она нашла в себе силы броситься сквозь решетку на своего убийцу — и победила. Но здесь много людей и нет решеток.

В следующее мгновение движение прекратилось. Он ощутил перед собой что-то твердое, освободился и бросился к ближайшей группе людей в тридцати ярдах от

него. Словно волной, ударили его страх и паника многих людей.

«УБИТЬ! УБИТЬ!» Три бластера направленные на него, были каплей в море спешивших к ним на помощь. Полуослепший эзвал не видел трещины в палубе, покуда туда не угодила его нога. С непостижимой скоростью он свернул в сторону, освободив ногу, и влетел в какое-то отверстие.

Это его и спасло. Едва он упал на плиты, оказавшиеся под дырой секции, как воздух над ним запылал, подожженный дюжиной бластеров.

В одном из углов было достаточно большое, чтобы он мог туда пролезть, отверстие. Не известно куда оно вело: в тупик или на другую палубу, но выбора не оставалось, и он рванулся в отверстие.

В следующую секунду рядом оказались люди. Эзвал притаился, выжидая, пока первый из них не покажется в отверстии. И этот первый, словно кегля, полетел вниз, а бластер бесполезно разрядился в воздух.

Двое других не ожидали его атаки. Это их и погубило. Одного эзвал превратил в мешок с костями, а другому разорвал в клочья живот и грудь. На секунду он задержался и с хрустом перекусил обоих пополам, а потом бросился к ближайшему отверстию. Едва он успел выскочить и свернуть в сторону, как масса огня выскочила из дыры.

Снег. Странное мягкое, белое вещество обожгло ему ноги, наполовину сковав их.

Пляшущий луч света вырвался из корабля и наткнулся на эзвала. Длинная тень эзвала метнулась вперед. Вот прожектор осветил большой черный валун впереди, и эзвал метнулся на него. Тотчас передняя часть камня раскололась под ударом бластера. С душераздирающим скрежетом камень разлетелся на куски. Пламя метнулось за эзвалом, свалившимся в какую-то яму. Она была заполнена снегом, затруднявшим движение. Он рискнул пробежать вдоль небольшой каменной насыпи, ограждавшей впадину, оставаясь незамеченным с корабля.

Дважды ему приходилось падать в снег, чтобы его не нашел луч прожектора. Оглянувшись, он увидел несущуюся к нему спасательную шлюпку. Силы были неравны. С полдюжины прожекторов на ее днище обшаривали местность, и от них нельзя было укрыться. Ближайшая роща, единственное укрытие, было далеко, судно настигло бы его через несколько секунд.

Футах в двадцати от него громоздилась груда наполовину занесенных снегом камней. Собрав все силы, он перемахнул это пространство и очутился на вершине ближайшего валуна. Оттуда он спрыгнул в центр груды, спрятал голову в снег, выгнул спину и замер.

Он не видел, как над ним пролетела шлюпка, но мысли сидевших в ней людей он понял. Его не заметили. Шлюпка постоянно была связана с командиром.

«Разрази меня бог, командир, если я могу понять, куда он делся. Нигде никаких следов».

«Вы уверены, что он не выскакивал из-за насыпи?»

«Да, сэр! Снег чист по обе стороны. Он не мог уйти, не оставив следов. Спрятаться негде. О, одну минуту! Тут недалеко есть роща, не думаю, что он там, но...»

«Сядьте и обследуйте ее. Только, ради бога, будьте осторожны! Хватит с нас трупов».

Эзвал чуть расслабился. Снег вокруг него подтаял, его шесть лап, очутившись в холодной воде закоченели. В его мире воды почти не было, в худшем случае она была теплой. Как он тосковал по этому миру!

Он насторожился. Люди возвращались.

«Ничего нет, сэр! Мы обшарили каждый фут».

Пауза.

«Хорошо, Паркер. Но все-таки поднимитесь выше и сделайте еще пару кругов. Скоро прибудет вторая шлюпка. Скажите им, чтобы прислали охотничьих собак, как только раненые прибудут в госпиталь. Их должно быть с десяток. С ними мы его живо поймаем, есть следы или нет. Уж они его притащат!»

Эзвал увидел, как шлюпка, набирая скорость, полетела прочь. Едва она отлетела на безопасное расстояние, он стремглав бросился к роще и скрылся под нависшими ветвями деревьев. Здесь он был в безопасности, пока шлюпка обследовала окрестности.

Через пять минут он стоял на краю долины. Перед ним, насколько хватало глаз, расстилался лес. Слева от него небо странно светилось на горизонте. Это могло быть что угодно, но эзвал решил, что там живут люди. Туда путь закрыт. Он спрыгнул вниз и понесся к лесу. Снег был довольно плотным, и эзвал не оставлял заметных следов, особенно, если огибал сугробы. Теперь его не найти с воздуха. Люди будут ограничены скоростью собак. Он не знал, что такое «собака», но представлял, что они меньше и глупее его, только с таким же нюхом.

10

Серый день медленно занимался над лесистыми холмами, когда эзвал решил отдохнуть. На склоне он нашел себе пещеру. Долгие часы он боролся с непривычным холодом, а его чудесное тело не смогло выработать достаточно тепла. Теперь он поджал под себя ноги, стараясь согреть каменный пол пещеры.

Он слышал какие-то мысли: иногда странные, иногда страшные, а в большинстве они были примитивными. Сначала в полудреме он подумал, что это его подсознание, но потом понял, что это не так, это были чужие мысли. Он открыл глаза.

Неподалеку на склоне пасся олень, щипавший кустики коричневой травы, выглядывавшей из-под снега. Его мысли были смесью страха и голода. Еда? С вожделением эзвал рассматривал это существо, прикидывая, как бы его убить. Все зависело от внезапности атаки. Он приготовился к прыжку.

Очевидно мясо его было съедобно, и эзвал сглотнул слюну, представив его вкус. Тут он услышал звук. Лай! Вместе с ним он услышал мысли. Человеческие мысли. Он понял, что это собаки и они охотятся за ним! Он выскочил на холм, чтобы лучше видеть. Отсюда он увидел цепочку своих следов, оставленных вчера вечером. Она вела прямо к нему. Он спрыгнул вниз и тут же над ним пронеслась какая-то тень. Он похолодел. В четверти мили от него пролетел самолет и сел в лесу; оттуда выскочили пять собак. Сначала они разбежались в разные стороны, потом одна из них взяла след и лаем созвала остальных. А через минуту все пять мчались прямо к его убежищу.

Сначала эзвал хотел удирать. Но, подумав, начал подниматься вверх по склону. Это было тяжело. И каждую минуту он чувствовал — ищейки идут за ним. А следом их хозяева. Он еще раз увидел самолет, перенесший собак ближе к нему. Он резко свернул с гряды и понесся вниз по склону, потом поменял направление и по кратчайшему пути направился через долину к дальним горам. Но скрыться ему не удалось. Лай собак то приближался, то удалялся, но не исчезал. Эзвал изнемогал. Но когда наконец красноватое солнце закатилось за два далеких пика на горизонте, он решил, что спасен.

Этого он ждал. Собрав все силы, он понесся назад по старому следу. В долине он увидал два самолета и бродя-

щих между ними людей. Невдалеке кормили собак. Похоже, они решили ночевать.

Горящими глазами эзвал смотрел на этих собак, сбившихся в кучу и ночевавших на снегу.

«Как стая они опасны,— подумал он,— но если их убить, то, пока привезут новых, ему удастся скрыться».

Нужно быть предельно осторожным. Иначе люди раньше времени выскочат из самолетов и убьют его. И он ринулся вниз, быстрее, чем поднимаемая им лавина.

Первый пес увидел его. Эзвал услышал его визгливый лай и почувствовал тьму, опустившуюся на мозг собаки, когда он нанес удар. Эзвал резко повернулся и сомкнул челюсти на собаке, прыгнувшей ему на шею. Кровь хлынула ему в пасть, она была отвратительна. Он выплюнул ее, и тут на него ринулась вся свора.

Клыки пса сомкнулись на нем, пытаясь прокусить голубую кожу, но эзвал легко увернулся и нанес удар. Собака покатилась по снегу и осталась лежать бездыханной, со сломанной шеей. Эзвал обернулся к стае, та удирала, охваченная ужасом. Он вышел победителем. Рядом кричали люди, зажигались огни, но не это волновало его. Мысли собак. Сомнений нет. Они боятся его и не пойдут по его следу. И эзвал обратился в бегство. Люди, управляющие прожекторами, были неопытны и упустили его. Бластеры ударили в то место, где его не было. Он перескочил через хребет.

Эту ночь он спал спокойно, а утром снова был в пути. В полдень вновь послышался лай. Это поразило его как гром, ведь он думал, что сумел оторваться от преследователей.

Эзвал рванулся вперед. Он слишком устал, устал жить. Сумеет ли он напасть на эту стаю. Когда наступила ночь, он сделал попытку вернуться, но на расстоянии учуял ловушку.

Расстроенный, он улегся на снегу. Становилось все холоднее, по звездному небу мчались облака. Внезапно на него посыпались мягкие хлопья, сначала редко, а потом все гуще и гуще.

Это была безопасность, которой он так ждал. Теперь нужно как можно дальше оторваться от стаи, а к утру следы занесет снегом.

Утром буран стих. Голодный, замерзший эзвал нашел пещеру в скале и решил войти, но остановился на пороге. Внутри находился огромный черный зверь.

Удивление было взаимным. Эзвал почуял запах тепла, помета, услышал мысли животного и понял, что застал его спящего.

«Другой медведь... вошел... наглец... проснулся»,— таковы были мысли медведя. Наконец животное очнулось от спячки, пришло в бешенство и ринулось на эзвала, страшно рыча.

От его удара, эзвал полетел в снег, но тут же его лапы вцепились в землю, а сам он изо всей силы ударил медведя в могучее плечо.

Медведь взревел и хватил эзвала лапами так, что у того сперло дыхание. Эзвал попытался высвободиться, он слишком устал, чтобы драться.

Это было ошибкой медведя, он испугался, попытался оттолкнуть эзвала и убежать. Но как только эзвал дернулся в сторону, медведь пришел в себя и принялся рвать его когтями. И взревел в предчувствии победы. Теперь он был полон ярости, стремился к убийству. Освободив одну лапу, он нанес эзвалу страшный удар, от которого тот на мгновение потерял сознание. Но этот же удар привел его в чувство. Он отразил возвращающуюся лапу и движением челюстей перекусил сухожилие. Среднюю лапу он вонзил в живот зверя, разорвав длинными когтями желудок медведя.

Это решило исход битвы. Но медведь уже не помнил себя, он снова сжал эзвала, повторив ошибку, ибо до сих пор ему не приходилось встречать такого противника.

Эзвал медленно поднял средние лапы и так же медленно ударил ими медведя, внутренности которого вывалились прямо на него.

Страшно удивленный, медведь упал в снег, продолжая сжимать эзвала в своих объятиях, и умер.

Измученный эзвал продолжал лежать неподвижно, пока не разжались огромные лапы. Наконец он высвободился и вполз в пещеру.

Запах медведя не испугал его. Он зализал раны, свернулся клубком и заснул.

11

Эзвал проснулся с ощущением, что рядом бродят звери. Ощущение было столь острым, что он смог определить их размеры. Зверей было много, но они были меньше медве-

дя. Присутствие зверей успокоило его — значит, поблизости нет людей.

Звери пожирали медведя. Эзвал поморщился и снова заснул. Когда он проснулся вновь, большинство волков ушло, осталось только четверо, двое из них старались разгрызть толстую кость, один из зверей обнюхивал вход в пещеру.

Эзвал вскочил на ноги, он был полон энергии. Он подошел к выходу как раз тогда, когда волк хотел войти. Несколько секунд они рассматривали друг друга. Волк некоторое время утробно рычал, потом попятился, поджал хвост и исчез. Он не боялся эзвала, но уважал в нем силу. Он был сыт и не расположен к драке с огромным зверем, столь же сильным, как три-четыре волка.

Тут эзвал понял, что раскиданные кости, клочки шкуры, кровавый снег должны быть хорошо видны с воздуха. Он вышел из пещеры.

Два волка стояли у входа, а еще два — примерно ярдах в ста от них. Ближайшие яростно на него посмотрели, но отступили, оставив на снегу кости, которые грызли. Не обращая внимания на волков, эзвал закопал кости в снег и попятился в пещеру, заметая за собой снег.

Эту ночь он провел спокойно, но на следующий день проснулся, чувствуя голодное жжение в желудке. После полудня выпал снег. Когда он кончился, эзвал вышел наружу. Он вспомнил, что по дороге к пещере он пересек ручей, подо льдом которого копошились какие-то живые существа.

Эзвал проломил лед посреди ручья и замер в ожидании. Из ручья доносились примитивные мысли, дважды он видел на поверхности какие-то сверкающие существа. Он наблюдал за их движением и повадками.

В третий раз он быстро сунул правую переднюю лапу в ледяную воду и выхватил рыбу. Он разжал лапу, и рыба плюхнулась на лед. Эзвал съел ее с удовольствием. Она была приятна на вкус.

В течение часа он поймал четыре рыбки. Не так уж много, но он утолил голод. Когда стемнело, эзвал вернулся в пещеру.

Всю ночь он размышлял. Насущные проблемы были решены как нельзя лучше. У него было надежное убежище, источник пищи. И всего этого он добился сам, собственными силами, впервые в жизни. Его мать гордилась бы им, если бы была жива.

Но вот что беспокоило его — он обеспечил себя, но не отомстил за ее смерть. Но кому? Он не знал. На всей планете, вероятно, не хватило бы людей, по крайней мере в этой стране.

Из мыслей преследователей он уловил образы домов и городов. Ему следует добраться до одного из них и примерно подсчитать число жертв, прежде чем начать убивать.

Однако время для этого еще не пришло. Охота еще не кончилась.

На четвертый день все его планы рухнули.

По дороге к ручью он попал в бобровую ловушку. Как раз больной левой ногой.

Эзвал упал на землю и принялся изучать предмет, поймавший его. Разобравшись в механизме, он нажал на рычаг и освободил ногу, потом на пяти ногах поплелся к ручью. Вернуться в пещеру он не рискнул.

Вопрос был в том, когда люди придут проверять ловушку. Нет сомнения, что оставаться здесь опасно.

К рассвету он устроился на отдых под какой-то скалой и проспал весь день. К вечеру спустился к ручью, проломил тонкий лед и наловил рыбы. В эту и следующую ночь он шел по течению.

На третий день он проснулся от рева реактивных двигателей. На высоте нескольких десятков метров над ним пролетел маленький самолет. Когда он исчез из виду, эзвал услышал мысль:

«Немедленно покинь ручей. Ваши следы найдены. Вас преследуют. Меня зовут Джемисон. Я хочу сохранить вам жизнь. Немедленно покиньте ручей. Ваши следы найдены».

Скоро мысль ослабла и исчезла. Эзвал напряженно думал:

«Что это за ловушка? Куда его хотят заманить? Кто-то из людей знал, что эзвалы разумны. Его дружба, ничем не доказанная, слишком опасна».

Эзвал не хотел сдаваться без боя. Как стрела из лука, он рванулся вверх по течению. Утром он миновал ущелье — до него было недалеко.

Невзирая на боль в ноге, он карабкался все выше и выше, пока не очутился на гребне, на высоте нескольких сотен футов над землей. Нигде не было видно ни самолетов, ни людей. Облегченно вздохнув, эзвал спустился в ущелье.

С наступлением ночи он пересек холодную, бесконечную пустыню. Над ним светила горбатая луна, и было видно те странные огоньки в небе, которые, как он считал, были особенностью этой планеты.

Потом его коснулись первые лучи солнца. Перед ним открылся берег моря с разбросанными кое-где поселками. Эзвал нерешительно топтался на месте. А ведь он нашел то, что ему было нужно... Здесь были люди, которых можно было убить... Но сначала необходимо скрыться от охотников и залечить ногу.

Он хотел спуститься в долину и отдохнуть, но...

Внезапно из-за ближайшей рощи вынырнул низколетящий самолет и пронесся над ним.

Эзвал видел его лишь мгновение, но узнал тот, вчерашний. Теперь самолет преследовал его, повторяя каждое движение.

«Я не причиню вам вреда. Иначе вы были бы уже мертвы. Вас заметили. Весь район оцеплен, и самолеты ищут вас. Остановитесь, или вас обнаружат другие».

Эзвал был беспомощен. Но вопрос, что делать: бежать или остановиться, решился сам собой — впереди показался поселок и патрулировавшая в миле от него платформа. Эзвал скрылся в ближайших зарослях.

Самолет приземлился в пятидесяти футах от него. Открылся люк, но никто не вышел.

«Я думал, вы в пустыне, но вы оказались здесь. У вас только один выход. Войдите в отсек, и я отвезу вас туда, где вы будете в безопасности. Свободы я вам не гарантирую, но вы останетесь живы. Приближается платформа, люди на ней не знают, что вы разумны, и их не переубедить. Они вас убьют! Торопитесь!»

Платформа была в нескольких сотнях метров от них. На ней заметили эзвала. Она повернулась и полетела прямо к нему.

«Быстрее,— услышал он.— Они не должны заметить меня!»

Эзвал не хотел расставаться со столь трудно доставшейся ему свободой. Но тут он вспомнил, что сказал Джемисон:

«ЛЮДИ НА НЕЙ НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ВЫ РАЗУМНЫ...»

Значит, об этом знает только Джемисон. Если его убить, то знание умрет вместе с ним.

12

Прижимаясь к земле и прячась за зарослями, эзвал скользнул в люк. Щелкнула дверь, и отсек погрузился в тьму. Но перед этим он успел заметить, что в помещении нет ничего, кроме двух маленьких вентиляционных отверстий в стене.

Эзвал почему-то не чувствовал досады из-за того, что не мог убить Джемисона, наоборот, он даже обрадовался тому, что теперь не он решает свою судьбу.

Откуда-то снаружи корабля он услышал мысли:

«Доктор Джемисон! Мы тут совсем сбились с ног и ничего не нашли. А вы не видели где-нибудь этого маленького, бедного недооцененного монстра, а?» Это был голос командира, причем, командир был явно враждебно настроен. Ответ Джемисона был полон иронии:

«А я уверен, что он покинул этот район, Мак-Леннан».

«Вот как? Ну что ж, посмотрим. По следу идут шесть собак, след свежий и четкий. Мы не успокоимся, пока не поймаем его. Да-а-а, жаль, что вам не удалось доказать Верховному комиссару, что он совсем безвреден. Ну ничего, не расстраивайтесь, мы отдадим вам чучело».

Мысли становились все тише — корабль Джемисона набирал скорость. Но скоро Джемисон понял, что платформа настигает его.

— Джемисон!— раздался яростный голос Мак-Леннана.— Немедленно приземляйтесь! Иначе вы будете уничтожены!

Эзвал почувствовал, что Джемисон в раздумье — приземляться или все же попытаться уйти. Но эта нерешительность не отразилась на его ответе.

— Что все это значит?

— Знайте меру, Джемисон! Наш человек в доме на холме видел, как вы кружились над рощей и как забрали зверя. Бог знает, как вам удалось это, наверное, вы положили в отсек приманку. Это неважно. Мы держим вас на мушке, Джемисон! Считаю до трех! Если вы не сдадитесь, мы откроем огонь! Раз, два...

Корабль начал снижаться. Эзвал прочел в мозгу человека серию картин: разбитый корабль, мертвый пилот и убитый врагами зверь. Он почувствовал горечь человека, которому не удался важнейший план.

Вообще эзвал заметил, что у этого человека совсем

другие мысли, чем у людей, убивших его мать. В них не было желания убивать, уничтожать преследователей. И боялся он не за себя.

«Нет времени вдаваться в подробности,— понял эзвал,— вот суть. Вы знаете, что эзвалы скрывают свою разумность, потому что боятся, что люди уничтожат их. Это верно, но есть одно «но»: как животные вы не попадаете под действие межзвездных законов, но как разумное существо вы имеете право на защиту.

Силой вам не выгнать людей с планеты Карсона. Но вы можете потребовать, чтобы мы удалились, если докажете, что сможете защищать планету без нас. У нас нет другого выхода.

Чтобы доказать Правительству, что вы разумны и нам нужно сотрудничать, а не воевать, я пожертвовал своей репутацией и безопасностью. Но это невозможно без вашего сотрудничества».

В этот момент корабль коснулся земли. Эзвал попробовал стены на прочность, но они не поддались. Вентиляционные отверстия были размером с его коготь.

«Люди на другом судне — военные, которые шли по вашим следам все это время, чтобы поймать вас — живого или мертвого. Я опоздал к началу охоты, и мне не удалось договориться, чтобы это дело передали мне, так как я настаивал на сохранении вам жизни. Вас рассматривали как слишком большую угрозу, и тут я был против Мак-Леннана. Он считал, что армия лучше справится с этой задачей».

Эзвал услышал другие мысли, гневные и враждебные. Некоторые считали, что Джемисон играет не по правилам. Но все были восхищены тем, что Джемисон сделал невозможное.

Через пять минут люди подошли к самолету. Джемисон закончил:

«Ситуация вышла из-под моего контроля. Вы можете помочь нам обоим — сообщите мне все, что думает Мак-Леннан».

Эзвал ничего еще не решил. Он не хотел попасться на удочку людей. Но то, что Мак-Леннан наполовину поверил Джемисону, решило дело: эзвал понял, как ему поступить. Сейчас или никогда. Джемисон должен умереть, а Мак-Леннан убедиться, что эзвал всего лишь зверь.

13

Эзвал увидал, что Джемисон вышел из рубки к поджидавшим его людям с бластерами.

Из динамика донесся голос Мак-Леннана:

«Я настолько поражен вашими действиями, доктор, что еще не решил, что с вами сделать. Пройдите вперед».

Джемисон молча прошел, куда было указано.

«Порядок. Действуйте, Карлинг!»

Человек с маленьким металлическим цилиндром вошел в рубку. Последовала серия щелчков. Джемисон резко сказал:

«Предупреждаю, если с эзвалом что-нибудь случится, у вас будут неприятности с Правительством».

«Не беспокойтесь, Джемисон, с вашим сообщником ничего не случится. Я хочу лишь проверить, годится ли отсек для перевозки. А он уснет на несколько часов».

«Сомневаюсь. Вы его предупредили?»

«А,— иронически сказал командир.— Ваша излюбленная теория. Ну что ж, посмотрим, догадается ли он задержать дыхание на несколько минут. Готовы, Карлинг? Приступайте!»

«Есть, сэр!»

Эзвал задержал дыхание. Он не знал, сколько это, несколько минут, но решил держаться до последнего.

«Повторяю, если вы надеетесь его обезвредить, вы ошибаетесь».

«Вы хотите сказать, что этот зверь понимает вашу речь?»

«Он читает мысли».

Это поколебало уверенность Мак-Леннана. Он медленно сказал:

— Вы это серьезно, доктор?

«Никогда не говорил серьезнее. Эзвалы единственные в Галактике существа — телепаты, читающие и посылающие мысли».

«Хм, неплохо бы иметь такого на корабле».

«Естественно, но это лишь одно применение из тысячи».

Мак-Леннан приказал:

«Все равно газ не причинит ему вреда. Карлинг, продолжайте работу еще пять минут. Потом откройте дверь».

«Пять, десять, шестьдесят, не имеет значения. Эзвалы амфибии, и вам нужно по крайней мере полтора часа, чтобы усыпить его».

Эзвал приготовился действовать. Джемисон незаметно подобрался к машине.

«Командор, я требую прекратить анестезирование. Не известно, как подействует газ на эзвала».

«Газ применялся при поимке».

«Вам повезло».

«Ладно, Карлинг. Откройте дверь. Всем отойти».

«Позвольте мне»,— Джемисон направился к люку. Такого эзвал не ожидал. Враг сам лез ему в лапы. Он думал сначала прикинуться спящим, а потом наброситься на людей, но теперь...

Эзвал встал на ноги и двинулся к выходу.

Эзвал и человек стояли лицом к лицу. Эзвал чувствовал, как напряжены сейчас люди вокруг.

Но странно: несмотря на отсутствие препятствий, он колебался. Раньше он убивал людей без всякой жалости, потому что они относились к нему как к зверю и были врагами его расы. Но этот человек был другим. Эзвал смутно чувствовал, что между ними есть какая-то связь, несмотря на их отличия. Человек говорил негромко и спокойно, и хотя эзвал не всегда понимал слова, он понимал мысли.

— Я ваш друг. А эти люди ваши враги, потому что вы не хотите понять, что они могут быть друзьями. Вы можете меня убить, вы не дорожите своей жизнью. Но поймите, пока мы стоим здесь, люди и эзвалы на планете Карсона убивают друг друга. В нашей власти остановить их. Не думайте, что я предлагаю вам легкий путь к спасению. Это много труднее любого другого выхода. Слишком много людей и эзвалов верят в свою правоту, слишком многие считают животными тех, кто сильно от них отличается. Многие эзвалы будут считать вас предателем, так же как и меня люди, потому что они не знают истины, так же как и эти люди. Это трудная работа, но ее можно сделать с вашей помощью. Давайте же начнем!

Джемисон повернулся к остолбеневшему Мак-Леннану и сказал:

— Командир, прикажите, чтобы принесли сумку с медикаментами. У нашего гостя повреждена нога.

Мак-Леннан повел головой, и один из его людей бросился в рубку.

Эзвал стоял на пороге в нерешительности. Собственно, ничего не делая, он уже проиграл. Они уже поверили, что разумен. Пришел человек с сумкой и отдал ее Джемисону.

— Если вы ляжете, я смогу осмотреть вашу ногу и помочь вам,— сказал он.

Люди вокруг ахнули. Эзвал наконец принял неизбежное решение. Он лег и облегченно вытянул больную ногу.

14

Гигантский город выступал из тумана. Город Корабля. Еще с борта самолета Джемисон позвонил жене, она первая узнала о его прибытии. Она съездила в сад за Диди, и этот трехсторонний разговор заставил Джемисона почувствовать угрызения совести за то, что не позвонил раньше. Ведь он был в космосе четыре месяца, а, прилетев, целую неделю потратил на эзвала. Джемисон решил не огорчать больше жену. Таково было бремя века — война с руллами заставила отступить на второй план и любовь, и семью, и детей.

Через час он был дома. Когда прошли первые восторги встречи с семьей и пришли в порядок нервы, Джемисон снова втянулся в работу.

Он мог с закрытыми глазами перечислить все накопившиеся дела. Среди них не последним был вопрос об эзвале.

В силу некоторых обстоятельств этим делом пришлось заниматься ему, главе Научного департамента. Во-первых, идея о разумности эзвалов ни в ком не вызвала энтузиазма. И, во-вторых, планета Карсона была одной из трех опорных баз человечества. Поэтому эзвалом занимался лично Джемисон. Он не мог откладывать это дело.

Вскоре ему пришлось провести одну встречу на высшем уровне, сыгравшую впоследствии немалую роль.

— Вот здесь!— ткнул он концом зеленой ручки в область на карте.— Именно тут!— повторил он высокому жилистому человеку, стоявшему у стола.— Тут, мистер Клаги, и должен быть лагерь.

Айра Клаги с неодобрением посмотрел на пятно.

— Почему именно здесь?— спросил он раздраженно.

— А очень просто,— ответил Джемисон, которого тоже раздражало это занятие.— Ведь нам нужна вакцина от молодняка этих тварей с Миры-23, она нужна как можно скорее и в достаточном количестве. А в лесу молодняка больше всего. Поэтому лагерь должен быть здесь.

Могучие кулаки Клаги сжимались и разжимались. «Хо-

рошо, что не получил по носу»,— мрачно подумал Джемисон. Он понимал состояние звездолетчика, но ничем не мог ему помочь.

— Мистер Джемисон, вам, должно быть, известно, что нет там никакого леса. В джунглях кишмя кишит этот самый молодняк и еще бог знает что за звери.— Он встал и ткнул пальцем в другое место.— Вот здесь, в горах, можно, там тоже не сладко, но климат получше и от зверья забот поменьше. Результат будет тот же, а обойдется куда дешевле.

«Разумно,— подумал Джемисон.— Если Клаги агент рулл, то агент неплохой». (Все его реакции анализировались группой психологов в соседней комнате. В случае ошибки в действиях Клаги перед Джемисоном загорелась бы красная лампочка. Пока она не зажигалась.)

— Видите ли, Клаги, эта вакцина слишком важна для нас, чтобы думать о цене. Она нужна нам немедленно. За скорость вам будет выплачена премия. Теперь...

— К дьяволу ваши деньги!— заорал Клаги.— Не о них речь. Какого черта сотни отличных парней должны сложить голову ни за что ни про что!

— Ну, предположим, им есть за что сложить головы. Кроме того, я несу ответственность за свои решения.

Клаги медленно опустился в кресло. Сквозь загар проступила краска гнева. Но он еще держался.

— Посмотрите, мистер Джемисон, вот тут, где кончаются джунгли, есть большой холм. Я писал о нем в докладе. Это не бог весть что, но лучше, чем джунгли. Если Правительству — вернее вам — нужен лагерь, то мы его там построим. Но это зависит не только от меня, решать будут мои люди.

Джемисон явно скучал. Он, конечно, понимал, каким дураком выглядит в глазах инженера. Кажется, Клаги все-таки не агент рулл. Ему бы было все равно, где строить лагерь. Хоть на вулкане, ему бы и в голову не пришло заботиться о безопасности людей.

Джемисон щелкнул переключателем. На загоревшемся экране появились трое психологов.

— Ну,— сказал Джемисон,— кажется это он.

— Да,— улыбнувшись, сказал один из тройки,— характер у него тот же. Бьюсь об заклад, что он.

— Ну что ж, будем надеяться, что руллы не перехватят его до отлета,— сказал Джемисон.

В этой войне никому нельзя было верить, даже здесь,

на Земле. Шпионская сеть рулл раскинулась по всей Галактике, и на Земле был ее центр.

Как только руллы появились из сгустка тьмы откуда-то из-за Галактики, были потеряны тысячи систем, прежде чем гуманоиды смогли стабилизировать свои флоты и остановить противника. Равновесие поддерживалось несколько лет, затем руллы снова активизировались, сражения проигрывались одно за другим, так как у них имелись все тайные планы землян. Это означало одно: утечку сведений, шпионаж.

Сначала никто не догадывался, что руллы могут принимать любой облик, пока однажды тело «человека», убитого при попытке похитить секретные документы из Исследовательского центра, не превратилось в червеобразное существо с многочисленными отростками. Только тут человечество поняло, какой опасности оно подвергалось.

Через несколько часов полицейские машины блокировали все города на тысячах планетах, и каждый человек прошел проверку.

На одной только Земле было выявлено и расстреляно около ста тысяч шпионов. Однако руллы довольно быстро сумели адаптироваться и выявить их стало возможным лишь с помощью сверхсложных детекторов.

И вот теперь руллы, несмотря ни на что, продвигались вперед. Их ничто не брало: ни бактерии, ни вещества, смертельные для человека. Их организм был основан на фтористом обмене. Долгое время велись поиски бактерий, с помощью которых можно было вести войну. Вакцина из лимфы животных Миры-23 и была этим средством. Но об этом не знал даже Клаги. Ему сказали, что вакцина нужна для регенерационных установок на звездолетах. То же самое думали бы и руллы, заполучи они Клаги.

Звякнул коммутатор, прервав его размышления. Джемисон извинился перед психологами и включил приемную.

— Мистер Калеб Карсон,— сказала секретарша.

— Давайте.

На экране появилось изображение серьезного темноволосого юноши. Калеб Карсон был старшим сыном первооткрывателя планеты Карсона и его последователем.

— Получилось,— сказал Карсон.

— Ага, значит я был прав!— воскликнул Джемисон и снова включил приемную.— Я лечу в Исследовательский центр. Если будет звонить Клаги, соедините меня с ним немедленно.

— Хорошо, сэр.

Джемисон поднялся в лифте на крышу, где стоял его аэрокар. Два вооруженных охранника проверили его карманы и документы, потом сняли с него отпечатки пальцев — самый надежный метод выявления шпионов. Джемисон подошел к аэрокару. И тут ему в глаза бросился странный рисунок на его силиконовой поверхности, раньше его не было. Джемисон потряс головой и потер глаза. Рисунок не исчезал. Когда он закрыл глаза, рисунок по-прежнему не исчезал, он зажегся у него в голове.

Джемисон сел в аэрокар и направил его к одному из зданий. Что за черт, подумал он, посадив аэрокар на крышу высокого здания. Механически он выключил мотор и сидел, ожидая пока ему принесут пропуск. Он не узнал спешившего к нему служащего — вероятно, новый человек. Но тут он увидел нечто более потрясающее — это не было зданием Исследовательского центра! Джемисон повернулся к служащему, чтобы выяснить недоразумение. И замер. В протянутой руке был не пропуск, а пистолет. Джемисон почувствовал на лице холодную струю газа — и наступила тьма.

15

Первым его впечатлением был причудливый приторный запах гниющих растений. Он оказался лежащим на парусиновой койке, прогибавшейся под его тяжестью, но удобной. Что же случилось? Он — жертва... рулл? Или? Конечно, у него на Земле было много врагов, да и не только на Земле... Клаги? Что ж, это последний враг. Но похищать правительственного чиновника, чтобы доказать мне свою правоту? Чушь! Джемисон вспомнил: на рисунке в аэрокаре было что-то такое, парализовавшее его мозг. Новый способ гипноза? Однако слишком много вопросов. Так ему ничего путного не узнать.

Джемисон открыл глаза. Над ним сквозь сплетение лиан сияло зелено-голубое небо. Внезапно он почувствовал невыносимую жару. На него обрушился рев работающих машин. Он сел на койке и огляделся. Койка стояла в конце еще не законченной просеки. Вокруг рычали грейдеры, бульдозеры, лесовозы и прочая техника. Вдали были видны пластиковые бараки.

«Если это Мира-23 — здесь действует Клаги. Значит

Клаги? Да, сомнений нет. Ну, дай ему бог суметь оправдаться перед Землей!»— подумал Джемисон. Теперь он понял, что небо кажется голубоватым из-за энергетического экрана. Поэтому и верхушки деревьев получали слабое сияние. Экран отражал низкие световые волны, поэтому находившееся в зените красное солнце Миры казалось белым. Мимо Джемисона проехала машина, разбрызгивающая интеркоциды. Джемисон перескочил на необработанный участок почвы. Эти самые интеркоциды были вредней для человека, чем для насекомых. Перепаханная машиной земля кишела красными мухами, убивающими жертвы током и бог знает чем.

Джемисон подошел к уже построенному зданию и прочитал вывеску:

Мэридан К°
Айра Клаги
Главный инженер

Он вошел в барак. Сидевший за столом юноша лет двадцати с холодным раздражением взглянул на него.

— Мне нужен Клаги,— без предисловий сказал Джемисон.

— А кто вы такой? Что-то я вас не припоминаю,— ответил юноша.

— Меня зовут Тревор Джемисон. Это вам что-нибудь говорит?

Юноша даже не моргнул.

— Имя говорит. Босс, который платит нам деньги. Но вы-то не Джемисон. Ему в этой дыре делать нечего.

— Вы, кажется, Питер Клаги?

— А откуда вы знаете? Впрочем, это еще ни о чем не говорит. Как вы здесь очутились? Последний корабль улетел пять дней назад.

— Пять дней?— повторил пораженный Джемисон.

Юноша кивнул.

«Пять дней,— подумал Джемисон.— И дорога до Миры семь-восемь дней. Неужели Клаги все это время держал его без сознания?»

— Где ваш дядя?

Питер Клаги покачал головой.

— Сначала нужно установить вашу личность и как вы тут очутились.

Клаги поднял с пульта трубку и нажал на кнопку.

— Рост выше среднего, густые рыжеватые волосы, гла-

за — темные, широкий лоб, лицо выразительное,— описывал он внешность Джемисона. Потом помолчав ответил:

— Все-таки пришлите пару человек.

Он положил трубку и повернулся к Джемисону.

— Дядя говорит, что вы похожи на Джемисона, или... на рулла, похожего на Джемисона.

Джемисон улыбнулся и поднялся. Он шагнул вперед, протягивая руку.

— Ну, это-то я сумею доказать. Вашу руку, Питер.

Рука Питера Клаги, лежавшая ладонью вниз на столе, приподнялась достаточно, чтобы показать, что под ней лежит маленький бластер.

— Ни с места,— сказал он.— У вас еще будет время для доказательств.

Джемисон с минуту смотрел на него, пожал плечами и пошел к двери.

— Назад!— крикнул Питер.— Сядьте на место!

Джемисон, не обращая внимания на Клаги, рассматривал местность, стоя у двери. До сих пор он был слишком занят личными делами, чтобы обращать на нее внимание. Все-таки Клаги пошел на компромисс.

Холм возвышался на тысячу футов над джунглями, но не круто, а постепенно врезался в них, так что не заслонял величественного леса, простиравшегося во все стороны до туманных гор на горизонте. Холм был уже почти очищен от деревьев.

И тут он снова почувствовал тот знакомый, волнующий трепет восторга, который всегда ощущал при виде нового мира, новых звезд, таких же сказочных, как эта.

Однако вид трех вооруженных людей вернул его к действительности. Первым шел Айра Клаги. По мере приближения к бараку лицо его все более принимало вид недоумения. Но он ничего не сказал до тех пор, пока Джемисона бесцеремонно не обыскали.

— Ну, а теперь, мистер Джемисон, напишите здесь свое имя и подпишитесь, чтобы я мог сравнить с документами. Мне не потребовалось бы этого, если бы не ваше неожиданное появление здесь.

Джемисон зловеще улыбнулся.

— Как раз этот вопрос я хотел бы задать вам!

И сразу же понял, что из такой игры ничего не выйдет. Он рассказал Клаги о событиях, происшедших с ним с момента ухода Айры из его кабинета не утаив, однако, своих подозрений.

Клаги усмехнулся в ответ:

— Дать вам по физиономии я мог бы, но похищения — не мой стиль.

Клаги в свою очередь рассказал, что было с ним. Он пошел в клуб звездолетчиков и приказал своим людям возвращаться. Он как раз топил свою ярость в бокале вина, когда его разыскал правительственный чиновник и объяснил ему дело. Клаги отменил приказ, а на следующее утро подписал контракт и занялся вербовкой людей и загрузкой техники в корабль. Через два дня он стартовал на Миру.

— Вы можете связаться с Землей и проверить,— сказал он в заключение.

— Связаться с Землей я должен в любом случае,— ответил Джемисон.— Хотя ваш рассказ правдоподобен, все равно следует в этом разобраться. Мне будет нужен корабль.

Радиостанция с субпространственной кольцеобразной антенной на ней была неподалеку.

Из-за контрольной панели вынырнул расстроенный оператор.

— Мистер Клаги! А я уже собрался звонить вам. Опять сгорел конденсатор Мак-Лорена.

— Боюсь, Ландерс, мне придется арестовать вас,— жестко сказал Клаги.

Радиооператор был потрясен. Джемисон тоже.

— Видите ли, доктор,— сказал Клаги,— это был наш последний конденсатор. Мы остались без связи до следующего судна, а оно будет через шесть дней.

Это был серьезный проступок. Питер Клаги отдал бластер Джемисону, схватившему его с облегчением, и шагнул к оператору.

— Страхуйте меня, пока я его обыщу.

Клаги тоже достал бластер. Оператор протянул руки вперед. Питер схватил его за руку и с облегчением повернулся к Джемисону:

— Это человек, сэр!

Обстановка разрядилась. Джемисон спросил, нет ли на планете еще одной станции. Клаги ответил, что есть, в девятистах милях отсюда на урановых рудниках.

— Мы можем вместе слетать туда на аэрокаре.

Питер Клаги бросился к группе стоявших неподалеку аэрокаров и привел один. Через минуту они были в воздухе. Корабль вел Питер.

Айра Клаги молча смотрел в окно. Джемисон тоже решил поразмышлять.

«Видимо руллы хотят помешать нам получить вакцину. Это ключ ко всему,— думал он.— Они устроили ему ловушку с помощью этого дьявольского рисунка на аэрокаре и привезли сюда». Он содрогнулся, представив, что неделю провел на корабле рулл.

Но почему они его не убили? Видимо, потому, что, если бы был убит администратор, проект остался бы, а человека заменить можно. И в интригу вовлекся Клаги, от которого тоже зависел проект.

Значит, присутствие Джемисона на планете нужно по сценарию. Он вздрогнул. Ведь он ведет себя вполне естественно, значит, тоже по сценарию. По сценарию предусмотрено, чтобы они вместе с Клаги очутились здесь, над лесом, на полпути до ближайшего жилья. Так было задумано.

Джемисон встал. Нужно немедленно связаться с рудником.

На горизонте сверкнула точка — второй кар, более мощный. И вооруженный. Он настигал их.

Джемисон повернулся к пульту и замер: перед ним с бластером стоял Питер Клаги. Дуло бластера уперлось Джемисону в живот.

Айра крикнул:

— Питер, ты сошел с ума!

Он вскочил с места и бросился к Питеру. Но тот направил на него оружие.

— Сдать бластер! Живо!

Джемисон протянул к Айре руку:

— Мне остается надеяться, Клаги, что ваш племянник еще жив. Это не Питер Клаги и вообще не человек.

16

Теперь Джемисон все понял. Питер отказался пожать ему руку, мотивируя это тем, что Джемисон мог оказаться руллом. Джемисона с самого начала поразила свежесть Клаги в этом душном климате. Ясно теперь, откуда она. Теперь понятно, кем был радиооператор, чью человечность удостоверил Клаги рукопожатием,— руллом.

Джемисон внимательно разглядывал «юношу». Его всегда поражала совершенность маскировки, никогда не

разрушающейся в присутствии людей. Но ему всегда виделись червеобразные многорукие тела рулл.

Айра Клаги очнулся наконец от шока.

— Что вы сделали с моим племянником?— он угрожающе шагнул вперед.

Джемисон схватил его за руку.

— Спокойно, приятель. Ему ведь даже не понадобится бластер. Он убьет вас излучением.

Рулла молча протянул то, что казалось рукой, к пульту и щелкнул тумблером. Аэрокар начал падать в чащу леса.

Другое судно, как заметил Джемисон, тоже нырнуло в лес.

Странно, но второй кар не приземлился. Он завис над землей на высоте нескольких футов.

Вероятно, он не хотел оставлять след. Из машины выскочили двое в человеческом облике и направились к ним. Джемисон понял, почему они старались не касаться земли: ведь здесь в гуще леса, кишмя кишели юные лаймфы.

Может, руллы и не знали цели работ Клаги, может, это была просто превентивная операция против Земли. Их привели в замешательство лаймфы. Взрослые лаймфы были безобидны, они не двигались с места. Молодые же нападали на все, что двигалось. Но стоило движущемуся предмету остановиться, как они о нем забывали. Они бросались на все — на падающие листья, раскачивающиеся деревья, текущую воду... Миллионы их гибли от атак на мертвые предметы, почему-то двигающиеся. Но некоторым везло, и через два месяца они превращались во взрослых особей. Те представляли собой твердые ульеобразные конструкции, которые не могли двигаться. Эти ульи встречались на каждом шагу: на земле, на деревьях — везде, где молодые лаймфы настигали жертву. Взрослая особь жила меньше, но была весьма плодовита. Жила она за счет запасов еды, приобретенных до превращения. Всю свою короткую жизнь они проводили в непрерывном размножении. Но дети оставались в них. Они развивались в родителях и начинали их пожирать. Это останавливало размножение, но к этому времени детенышей было так много, что они пожирали друг друга. И несмотря на это, какая-то часть ухитрялась спастись.

Один из рулл парализовал его. Когда он падал, страшная мысль пришла ему в голову: что какой-то лаймф впился и теперь пожирает его!

Ослепительная вспышка света осветила уже темнеющие джунгли. Еще одна, еще! Джемисон только мог гадать, что произошло. Шли минуты, вспышки редели. Глаза резало. Он не мог их закрыть. И через секунду понял, что это хорошо. В поле его зрения появилась уродливая маленькая голова лаймфа, всего в нескольких футах от него. Лаймф просеменил на бесчисленных маленьких ножках мимо него.

Внезапно земля стала уходить из-под него. Он понял, что его подняли. Сначала он испугался, что это руллы, но нет — его нес на руках Айра Клаги. Тот помчался к кару и бросил его в люк. Прежде чем люк захлопнулся, Джемисон мельком увидел трех рулл в пятнадцати футах от корабля. Они потеряли свою человеческую форму, на их членистых многоногих телах тут и там блестели шишки излучателей, с помощью которых создавалась видимость людей. И повсюду в их тела внедрялись маленькие лаймфы.

17

— Как, говорите, назвали?— переспросил польщенный Джемисон. Он был в своей каюте, в корабле, летящем с Миры-23 на Землю.

— Он хотел взять ваше имя, но ему объяснили, что это будет нетактично. Так что его зовут Эфраим.

А в принципе это было из ряда вон выходящее событие. «Что в имени?»— сказал древний поэт. Это была одна из его немногих ошибок. Люди, выйдя в космос, обнаружили много рас, которые не имели имен. Ни одна из них не создала цивилизации. Джемисон понимал, конечно, что за сотню лет понятие «цивилизованность» было искажено до такой степени, что лишь тогда раса считалась «цивилизованной», когда активно боролась против рулл.

С практической точки зрения другого и не требовалось.

— Эфраим...— повторил он,— а второй?

— Джемисон.— Это было возможно.

— Ха, еще один родственничек.

— Жене сообщили?

— Да, я ей звонил. Но она была слишком расстроена вашим сообщением о моем исчезновении.

Джемисон был весьма рад, что он уже успел поговорить с Ведой. Поэтому принялся непринужденно болтать с

собеседником. В результате родилась идея: изготовить индикатор, который бы издавал мысленные импульсы «Меня зовут...», и каждому индикатору присвоить свое имя.

Миллионы таких индикаторов необходимо привезти на планету Карсона и там использовать их для обучения эзвалов. Делать метки можно из материалов, со временем растворяющихся в крови. Но к этому времени каждый эзвал уже будет знать свое имя. Несомненно, эту идею можно преподнести Межзвездному совету.

Затем Джемисон соединился с одним исследовательским институтом и сообщил о том странном рисунке, парализовавшем его.

Через несколько дней он снова был в своем кабинете.

— Вас хотят видеть,— позвонила секретарша.

— Да, включите,— откликнулся Джемисон. На экране появилось взволнованное лицо жены.

— Мне звонили из Сада. Диди ушел искать источник Звука.

— О-о-о...— протянул Джемисон.

Он любовался ее лицом. Она и в самом деле была привлекательна, хотя замужество и материнство все-таки повлияли на нее.

— Веда, тебе не следует волноваться,— сказал он.

— Но ведь он ушел. А кругом кишат эти руллы!

— Ведь в Саду его отпустили. Они знают, что делают.

— Но ведь его не будет всю ночь!

Джемисон медленно кивнул:

— Видишь ли, дорогая, так нужно. Это неотъемлемая часть процесса воспитания, и мы должны подчиниться. Мы этого долго ждали...

Он переменил тему разговора.

— Лучше развлекись. Пройдись по магазинам, купи себе что-нибудь, возьми... Ну, сколько хочешь денег. До свидания, дорогая, и главное не расстраивайся!

Он встал и подошел к окну. Перед ним были здания Бюро. Проспекта и Корабля он не мог видеть, они были по другую сторону здания. Дальше простирались пригороды, далеко-далеко, до туманного горизонта. Где-то внизу его сын искал источник Звука.

Темнело. Диди Джемисон шел по улице. Всю жизнь он размышлял, что такое Звук. Звук, который никогда не прекращался. Ему говорили, что где-то снаружи его нет. Может быть. Но он был уверен, что это не так. Ведь говорили же ему иногда неправду, чтобы проверить его.

Скорее всего, и это было ложью, которую он должен опровергнуть.

Звук был все время. В Саду, в его комнате, говорил ли он, заглушая его, или молчал, мамы и отца шум, когда они ели вместе, и даже во сне Звук не прекращался. Звук был привычен. И вот сегодня Диди решил поискать место, где нет Звука. Сначала на одной улице, потом на другой. Скоро он потерял им счет. Он поужинал в маленьком ресторанчике и снова вышел на улицу.

В ста футах от него стоял человек, которого он впервые заметил десять минут назад. Что-то в нем вызывало тревогу. Диди перешел улицу и, надеясь ускользнуть от человека, вышел на другую, более многолюдную улицу. Он еще надеялся, что это не рулл.

Но к первому человеку присоединился второй, и они направились к нему. Диди подавил желание повернуться и убежать. Если это руллы, то ему не убежать.

— Малыш!

Диди остановился и повернулся к двоим, как если бы он увидел их впервые.

— Ты что-то поздно гуляешь.

— Это моя ночь, сэр,— ответил Диди.

Человек полез в карман. Странное это было движение — как если бы рука перемещалась отдельно, сама по себе. Наконец человек вынул руку и протянул значок.

— Мы агенты Бюро,— сказал он.— Ты пойдешь с нами на Проспект.— И сунул значок в карман.

Сопротивление было бесполезным.

Сразу после обеда раздался звонок в дверь. Джемисон открыл дверь. На площадке стояло два полицейских в штатском.

— Доктор Джемисон?

— Да.

— Тревор Джемисон?

Джемисон кивнул.

— Отец Декстера Джемисона, девяти лет?

Джемисон схватился рукой за косяк двери.

— Да.

— Наш долг, согласно закону, сообщить вам, что ваш сын находится в руках рулл. В течение нескольких часов его жизнь будет находиться в смертельной опасности.

Джемисон ничего не сказал. Офицер рассказал ему вкратце всю историю.

— Мы знаем, что руллы скапливаются в районе Сол-

нечной системы, но не можем уследить за всеми. Сейчас мы производим лишь подсчет их числа. Вероятно, вы понимаете, что нам важнее узнать их конечную цель, чем выловить отдельные группировки. Видимо, сейчас мы имеем дело с особо крупным заговором. Но мы делаем пока первые шаги к разгадке. Нужна ли вам еще какая-нибудь информация?

Джемисон колебался. Веда сейчас мыла в кухне посуду. Она не должна знать, что приходили полицейские. Но он еще не узнал всего.

— Надо ли вас понимать так, что вы не будете освобождать Диди сейчас?

— Пока у нас нет информации о намерениях рулл. Ситуация должна созреть. Вам не следует вмешиваться. Это все, сэр. Вы можете звонить нам время от времени. Мы вам звонить не будем.

— Благодарю вас,— автоматически сказал Джемисон. Он вернулся в комнату. Веда крикнула из кухни:

— Кто приходил, дорогой?

— Кто-то искал человека по имени Джемисон. Ошибка.

— А-а-а,— ответила Веда.

Она сразу забыла о происшедшем и не вспоминала о нем. Джемисон пошел спать.

18

Диди знал, что не должен сопротивляться. Он должен сорвать планы рулл. Этому его учили в Саду. Нужно сначала выяснить, какой у них план. И ждать инструкции.

Пока они притворялись людьми, Диди покорно шел за ними. Улица становилась темнее. Вдали на черно-синем небе четким контуром выступил Корабль.

Здания вдоль Проспекта за день накопившие солнечную энергию, светились. Руллы и Диди подошли к барьеру проходной. Здесь около восьмифутовой ширины металлической плиты они остановились, глядя на расположенные под решеткой вентиляторы.

В начале войны охраняемые объекты окружали бетонные заборы с электрозащитой. Но вскоре выяснилось, что ток для рулл не преграда. Колючей проволоки они просто не чувствуют, бетон крошат своим излучением. А среди ремонтников всегда оказывались шпионы, саботирующие работу. Вооруженные патрули слишком часто убивали сво-

их. В результате несколько лет назад был создан вентиляционный барьер. Он окружил Пригород. Люди его не замечали, но рулл он убивал за три минуты. Конструкция барьера была строго засекречена.

Диди воспользовался нерешительностью своих спутников и сказал:

— Благодарю вас, дальше я могу пойти сам.

Один из шпионов рассмеялся. Его смех с небольшой натяжкой мог сойти за человеческий, но эта натяжка все портила.

— Слушай парень, ведь ты, наверное, неплохой спортсмен. Не хочешь ли ты нам помочь?

— Помочь?

— Видишь этот барьер?

Диди кивнул.

— Отлично. Мы тебе уже говорили, что служим в тайной полиции — знаешь, против рулл. Ну, и однажды мы с другом говорили о делах и обнаружили путь, который должен пройти рулла через барьер, прежде чем погибнуть. И такой страшный результат получился, что мы решили его проверить, прежде чем докладывать наверх. Сам понимаешь, куда. Коли мы ошибемся, нас засмеют. И мы решили сначала проверить.

«Никто... не должен... пытаться... нарушить... планы рулл». Этот приказ столь часто повторялся, что сейчас как эхо откликнулся в мозгу Диди. Он колебался, он не знал, что сказать: да или нет. Но годы учебы взяли свое.

— Все, что нужно,— пройти через барьер и вернуться,— сказал рулла.

Диди, не говоря ни слова, выполнил приказ. Секунду он стоял нерешительно: вернуться или побежать к зданию в тридцати футах от него. Но тотчас же понял, что руллы убьют его и он не пробежит этих тридцати футов. И он вернулся

По улице по направлению к барьеру шла группа людей. Руллы и Диди посторонились, уступая дорогу. «Полиция?»— подумал Диди. Ему отчаянно хотелось, чтобы все шло по плану. Люди неторопливо перешли барьер и скрылись за зданием.

— Нужно быть осторожным, чтобы нас не заметили,— сказал рулла.

У Диди было свое мнение на этот счет, но он промолчал. Они отошли в тень.

— Протяни руку.

Диди протянул руку. «Сейчас меня убьют»,— подумал он и чуть не заплакал. Но выдержка, которой его учили в Саду, и тут не изменила ему. Руку пронзила острая боль.

— Мы взяли у тебя кровь, парень. Видишь ли, мы думаем, что тут все дело в бактериях. Они разбрасываются пульверизаторами один раз в несколько секунд, поэтому мы этого не чувствуем. Бактерии смертельны для рулл, но безвредны для человека. Чтобы бактерии не разносились в воздухе, их засасывают обратно вентилятором. Одни и те же бактерии используются во многих циклах. Теперь ты понимаешь?

Диди был потрясен. Ведь там действительно могут быть бактерии, убивающие рулл. Мало кто знает, как устроены бактерии. Неужели руллы узнали это?

Второй рулла делал что-то в тени здания. Там вспыхнула вспышка света. Диди понял, что тот исследует его кровь, пытаясь понять, что там за бактерии.

— Бактерия, попавшая в человека, сразу же умирает. Видимо используется один вид бактерий, иначе было бы несколько циклов. Если бы руллы выработали иммунитет к этому виду бактерий, они легко прошли бы через барьер, как ты сейчас. И они могут делать внутри что угодно. Понял, как важна наша задача?

Он прервался:

— А, мой друг кончил анализ. Подожди немного.

Он подошел ко второму шпиону. Их разговор длился не более минуты. Рулла вернулся.

— О'кей, парень. Можешь идти. Мы тебя не забудем в случае чего.

Диди не поверил своим ушам:

— Разве это все?

— Все.

Диди вышел из тени здания и пошел к барьеру. Руллы шли за ним, но не пытались задержать его.

— Эй, парень! Смотри, тут еще двое ребят. Вы можете искать Звук вместе!

Диди обернулся. К барьеру бежали двое мальчишек.

— Кто последний добежит, тот рулла!— крикнул один.

Они молнией понеслись к барьеру. Диди последовал за ними.

— Меня зовут Джеки,— сказал один.

— А меня — Джил,— добавил второй.

— А я — Диди,— представился Декстер.

У каждого был свой Звук, но искать можно вместе.

К ним подкатил кар и остановился, как только его фотоэлементы заметили их. Они сели в него и помчались по Пригороду, между кранов и механизмов.

Диди никогда не был ночью на Проспекте, и в другое время был бы очень взволнован такой поездкой. Но теперь он размышлял. Кто эти ребята? Руллы? Они никогда не забирались так далеко. То, что они пробежали, а не прошли этот барьер,— это просто случайность. Но что бы ни случилось, он должен сотрудничать с ними. Таков закон. Так его учили.

Он стал искать источник. Но куда бы он ни заходил, в какой бы зал ни заглядывал, Звук не стихал. Они ни разу не пересекали больше барьера. Если здесь и была преграда для рулл, она была невидима. Двери всех зданий были широко раскрыты. Он надеялся, что в какой-либо закрытой комнате будет смертельный для рулл воздух. Но закрытых комнат не было.

Хуже всего было то, что кругом не было ни одной души, никто не мог помочь ему. Только бы узнать, руллы ли его спутники! Если это руллы, вдруг у них есть какое-то сверхмощное оружие, которое может повредить Корабль?

Они вошли в огромное площадью полквадратной мили здание. В здании не было пола — была гигантская пропасть, наполненная какими-то кубическими конструкциями. Вершина ближайшей из них была в четверти мили от пола, сделанного из прочнейшего пластика, прозрачного до такой степени, что сквозь многие мили можно было видеть вспышки гигантских ядерных реакторов.

И в центре этого здания, царства металла и пластика, была женщина. Она кивнула им и спросила дружелюбно:

— Ищите источник? А вы знаете, кто я? Я — Чувствующая.

Джеки и Джил помалкивали, а Диди сказал, что знает. Он слышал в Саду о таких людях. Они каким-то образом, кажется по изменению кальция в крови, могли следить за ходом ядерной реакции. Из-за того, что они могли регулировать количество кальция в крови, они жили очень долго, более века.

Диди был разочарован. Женщина явно не могла разрешить его сомнений, она не подала знака. Но, может быть, она что-то расскажет о Звуке? И он спросил:

— А эти реакторы, стоящие внизу, могут издавать звук?

— Конечно.

— Что-то не верится в это.

— Вы ребята неплохие, и я хочу вам помочь. Я шепну каждому на ухо ключ к разгадке. Ты будешь первым,— она двинулась к Диди.

— Не показывай удивления,— сказала она.— Под перекрытием металлического тротуара под Кораблем ты найдешь маленький бластер. Иди вниз по эскалатору семь и направо до бруса с буквой «П». Если понял, кивни.

Диди кивнул.

— Спрячь бластер в карман и не применяй без приказа. Счастливого пути!

Она выпрямилась.

— Ну, а дальше ты сам,— она подошла к Джеки.— Теперь ты.

Тот покачал головой.

— Мне подсказок не надо. Не люблю шептунов.

— Я тоже,— сказал Джил.

Женщина улыбнулась:

— Ну, ладно. Тогда слушайте: вы знаете, что такое миазмы?

— Туман, дымка,— ответил Джеки.

— Это ключ. А теперь идите — через четыре часа рассвет.

Когда Диди у входа обернулся, женщина снова выглядела как часть кресла, в своей неподвижности она казалась неживой. Но теперь он знал — Корабль в опасности. И они пошли к выходу.

19

Джемисон проснулся от того, что кто-то теребил его. Он вздрогнул и повернулся на другой бок. О господи, опять не дают поспать! Он открыл глаза, на его постели сидела Веда. Джемисон взглянул на часы. Двадцать две минуты третьего. «Черт возьми»,— подумал он,— могу я выспаться наконец!»

— Я не могу заснуть,— сказала Веда тревожным голосом.

Она выглядела очень расстроенной. Джемисон проснулся окончательно.

— Милый,— прошептала она.

Джемисон пошевелился.

— Любимый.

Он открыл один глаз.

— Дорогой, проснись, пожалуйста. Я так волнуюсь.

— Ты хочешь, чтобы я не выспался?

— Извини меня, пожалуйста, я не хотела тебе мешать.

Но было ясно, что все это она говорит для проформы и эти извинения тут же вылетели у нее из головы.

— Милый.

Он не ответил.

— Мы должны узнать.

Джемисон хотел было не слушать ее, но мозг уже начал анализировать ее слова. И выводы были поражающими.

— Что узнать?— спросил он.

— Сколько их?

— Кого?

— Ребят на улице...

Он ожидал худшего.

— Веда, ведь мне утром на работу.

— Работа!— презрительно сказала Веда.— Работа! Думаешь ли ты еще о чем-нибудь? Остались ли у тебя какие-либо чувства?

Джемисон молчал, но она не уходила. Ее тон изменился.

— Ты и люди, подобные тебе, слишком бесчувственны.

Дальше так продолжаться не могло. Он сел и включил свет.

— Если ты думаешь меня оскорбить, то совершенно напрасно. Дорогая, ты можешь радоваться. Ты своего добилась — я проснулся.

— И вовремя. Если бы не позвонил ты, это сделала бы я.

Джемисон щелкнул пальцами.

— Ладно, я позвоню, только не стой у меня над душой. Что обо мне подумают люди? Сиди здесь.

Он вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Затем позвонил по указанному номеру. На экране появилось солидное лицо человека в адмиральской форме. Этот человек был знаком Джемисону.

— Дело обстоит так, Тревор — ваш сын снова в лапах двух рулл, теперь уже других. Они прорвались сквозь барьер весьма оригинально. Сейчас в Пригороде около сотни рулл в человеческом облике, они стянулись со всей Солнечной системы, видимо, для какой-то важной дивер-

сии. За последние полчаса ни один рулл не пересек барьер — значит, все они там.

— А что с моим сыном?— спросил Джемисон.

— Пока он им нужен. Мы стараемся снабдить его оружием.

Джемисон понял, что адмирал не скажет ему ничего действительно важного.

— И что же, вы преспокойно позволили сотне рулл проникнуть на Проспект, не зная даже, зачем им это нужно?

— Нам нужно узнать, зачем они это сделали. Чего они хотят? Почему пошли на такой риск? Наш долг — дать им высказаться. Мы сделаем все, чтобы спасти жизнь вашему сыну, но обещать я ничего не могу.

Джемисон понял, что для этих людей смерть Диди не более чем прискорбный эпизод. Газеты напишут потом: «Потери минимальны». Впрочем, они даже могут сделать из мальчика сенсацию — на один день.

— Боюсь,— сказал адмирал,— мне надо идти. Сейчас ваш сын спускается к Кораблю. Я должен наблюдать. До свидания.

Джемисон сжал руки и постарался успокоиться. Он вернулся в спальню и сказал:

— Все в порядке. Можешь быть спокойна.

Она не ответила. Ее голова лежала на подушке, видимо, она прилегла на секунду и уснула. Но спала она тяжело, щеки были мокрыми от слез. И он решил помочь ей, ввел в кровь усыпляющее вещество. Она расслабилась, дыхание стало ровным и спокойным.

Джемисон позвонил Калебу Карсону и попросил его:

— Возьми Эфраима, скажи ему, что он нужен семье. Отвези его в штаб-квартиру Службы Безопасности около Корабля в хорошем контейнере, чтобы никто не заметил.

Потом Джемисон быстро оделся и помчался к зданию Службы. Он знал, что военные будут против привлечения эзвала. Но это было личной привилегией, которую он и тем более Диди заслужили.

— Что она тебе шептала?— спросил Джеки.

— Да то же, что и вам,— ответил Диди. Они спускались по эскалатору под Проспект. Джеки, казалось, задумался о чем-то. Наконец они достигли тротуара, и Диди увидел невдалеке брус с буквой «П». Джеки спросил:

— Но какой же смысл шептать на ухо, если она потом сказала все это вслух?

Диди вздрогнул, но взял себя в руки:

— А кто ее знает, наверняка решила пошутить.

— Пошутить?— переспросил Джил.

— Что мы тут потеряли?— перебил его Джеки.

— Я устал,— ответил Диди и сел на тротуар. Двое рулл стояли по другую сторону тротуара. Диди запустил руку под металлическое покрытие и нащупал бластер. Руллы, по всей видимости, говорили между собой или еще с кем-то. Диди незаметно спрятал бластер в карман. Только теперь он заметил, как дрожит под ним тротуар. Эта дрожь передалась ему. Какова же должна быть вибрация под Кораблем, подумал он. Город был построен из металла. Но все вибрационные покрытия не могли устранить дрожь, порождаемую сконцентрированными на малой площади источниками энергии, атомными реакторами, работающими на предельной нагрузке машинами, способными штамповать стотонные плиты.

Восемь с половиной лет назад был построен Город для колоссального Корабля. Каждая семья жила здесь либо потому, что кто-то из родителей был специалистом, необходимым для постройки Корабля, либо потому, что у них был ребенок, который мог на нем улететь. И не было другого пути для людей научиться владеть им, как не расти вместе с Кораблем.

В этом Корабле, высотой 10 000 футов, был сконцентрирован инженерный гений тысячелетий. Приезжие государственные чиновники лишь ошеломленно крутили головами, пораженные этими акрами машин, приборов и инструментов на каждом этаже.

И когда Корабль взлетит — Диди будет на нем! Пока он стоял, потрясенный восторгом предчувствия, за ним появились двое рулл.

— Пошли!— сказал Джеки.— Зря мы тут болтаемся!

Диди спустился с облаков.

— А куда?— спросил он.

— Как куда? Искать!— был ответ.

— Идемте!— не колеблясь, ответил Диди.

Неоновая надпись на здании гласила: «Исследовательский центр». На площадке перед зданием толпились мальчишки — группами и поодиночке. Среди них были такие, кто, казалось, только сегодня научился ходить. «Может это руллы?— подумал Джемисон-младший.— А может все здесь руллы? Нельзя давать волю таким мыслям»,— решил он.

«Исследовательский центр». Здесь была выведена бактерия, убивающая рулл. Но что здесь нужно руллам? Узнать секреты Центра и вывести его из строя? Ликвидировать защиту? О такой безопасности его предупреждали в Саду.

Все двери Центра в отличие от других зданий были закрыты.

— Открой, Диди!— сказал Джеки.

Тут к ним подошли двое. Один из них окликнул Диди.

— Привет, парень! Мы ведь уже встречались, а?

Диди повернулся к ним. Это были двое агентов Службы Безопасности. Но может, это не они, а другие? Что, впрочем, несущественно.

— Мы рады тебя видеть. Мы хотим провести другой эксперимент. Войди в дверь. Это поможет нам в борьбе в руллами. Как тебе это, подходит?

Диди кивнул. Он чувствовал такую слабость, что речь выдала бы его.

— Войди туда,— сказал рулл,— постой несколько минут, сделай вдох, задержи дыхание и выйди. Только и всего.

Диди вошел в Центр. Дверь автоматически захлопнулась за ним.

Он очутился в большой комнате, но здесь не было ни души. И потому Диди решил не убегать. Но почему же здесь никого нет — ведь все институты Пригорода работали круглосуточно?

Дверь распахнулась. За порогом стояли Джеки, Джил и остальные ребята, молча глядя на него.

— Выходи,— послышался голос,— только сначала вдохни воздух.

Диди вдохнул и вышел. Двери захлопнулись за ним. Один из рулл протянул ему стеклянный сосуд с резиновой трубкой.

— Выдохни,— сказал он.

Что Диди и сделал. Рулла отдал сосуд спутнику, и тот отошёл с ним за угол.

— Ты ничего не заметил в здании?— спросил оставшийся рулла.

— Какой-то там странный воздух, густой и тяжелый. И больше ничего.

— Мы снова должны взять у тебя кровь. Дай палец.

Диди подчинился.

К ним подошел Джил и спросил с энтузиазмом:

— Что я могу сделать для вас?

— Иди помоги моему другу,— ответил рулла.

Джил со всех ног помчался за угол.

Минуты шли, и вот из-за угла появилось двое. Диди смотрел на них с усмешкой.

Стоящий рядом с ним рулла быстро пошел им навстречу. Если они и разговаривали, то скорее всего не звуками. Потом рулла, который всегда разговаривал с Диди, снова подошел к нему.

— Ты нам очень помог, парень. Теперь и мы сможем внести свой вклад в войну. Оказывается, в воздухе примешан газ с фтористыми соединениями. Это само по себе безвредно, даже для рулл. Но рулла не сможет излучать в таком воздухе, так как возникают неустойчивые анионы, убивающие рулл.

Диди не совсем понял это объяснение. Химические реакции и соединения они проходили в Саду, но он мало что понял.

— Да, хитро,— сказал «агент» удовлетворенно.— Рулла сам себя убивает. Ребята, вы, кажется, хотите войти внутрь? Ну что ж, давайте, и я тоже приду, вот только потолкую немного с пареньком. Давай отойдем,— сказал он Диди.

Он отвел Диди в сторону, и «дети» потоком хлынули в здание, чтобы узнать все его секреты.

«Кто-то должен им помешать,— подумал Диди,— и чем быстрее, тем лучше».

— Могу сказать тебе по секрету конечно, ты сделал сегодня важную работу. Мы все время думали про Исследовательский центр. После полуночи люди отсюда уходят, и два монтера подключают какое-то оборудование и громкоговоритель у двери, который, если бы я был руллом, легко разрушил бы. Люди слишком надеются на свою бактерию.

Мы подумали вот что. Руллы хотят узнать, чем занимается Центр. Если бы они попали туда, то передать информацию труда не составило бы, а выбрались бы шпионы по одиночке. Это опасно, но возможно. Так уже делалось. Но теперь мы предотвратим эту возможность.

«...Диди,— услышал он шепот сверху,— не подавай виду, что ты меня слышишь».

Диди сначала напрягся, но потом расслабился. Он знал, что руллы не воспринимают шепота по каким-то физиологическим причинам.

— Ты должен войти в здание, стать у двери и ждать инструкций.

Диди понял, где источник голоса: выше двери. Рулла ведь говорил ему что-то про оборудование и о громкоговорителе над дверью. Наверное, шепот шел оттуда. Но как же войти внутрь, если рулла мешает? Тот говорит что-то о вознаграждении, но Диди думал только о том, как войти.

— Боже мой,— в отчаянии сказал Диди,— ведь уже наступает рассвет, а я ничего не нашел! Послушайте, лучше я пойду в здание.

— Верно, не будем тратить времени зря. Иди и будь осмотрителен там, понял?

Диди распахнул дверь. Но рулла остановил его.

— Подожди секунду,— сказал он.

Он привстал и дернул за что-то над дверью. Упали какие-то провода.

— Вот теперь можешь идти. Я отключил громкоговоритель. Можешь посмотреть, что делают другие ребята.

Дверь за Диди захлопнулась.

Адмирал огорченно пожал плечами.

— Мне жаль, Тревор, но никакой надежды нет. Они уничтожили связь. Мы бессильны.

— Что он должен был сделать, адмирал?

— Это не подлежит разглашению.

«Хотите связаться с Диди, Джемисон? Я прочел мысли адмирала»,— телепатировал из контейнера Эфраим.

«Да»,— ответил Джемисон.

«Диди сначала был напуган шепчущим голосом».

«Диди, руллы в здании безоружны, на излучение они не могут рассчитывать. Я вижу здесь двоих ребят».

Действительно, в дальнем конце комнаты склонились над столом двое. Диди очень удивился, но голос тут же сказал:

«Диди, возьми бластер и убей их».

Он сунул руку в карман и вынул бластер. Пять лет его готовили к этому моменту, и он был спокоен. Не было такого оружия, которым он не владел бы в совершенстве.

Из дула бластера вырвалась струя голубого пламени, и Диди направил ее на рулл. Те съежились, почернели и мягко осели на пол.

«Отличный выстрел»,— похвалил эзвал.

Только тут Диди понял, что голос звучит ВНУТРИ него.

Дети в комнате менялись на глазах, собственно, это

были уже не дети. Хоть Диди и раньше видел фотографии рулл, но все же он был потрясен происходящим.

«Все двери закрыты,— сказал голос.— Сюда никто не войдет. Снаружи никого нет. Обойди все здание и убивай каждого, кого встретишь. КАЖДОГО! Без всякой жалости. Здесь нет людей, только руллы. Убивай их без пощады!»

Через несколько минут эзвал доложил Джемисону:

«Ваш сын уничтожил всех рулл в Исследовательском центре. Он будет оставаться в здании до тех пор, пока не будут убиты те, кто снаружи».

«Спасибо,— сказал Джемисон,— Это было великолепно».

Потом адмирал рассказал Джемисону:

— Да, это была большая победа. Конечно, руллы снаружи пытались сопротивляться, но мы поменяли бактерию в барьерах и скоро им пришел конец.— Он поколебался и добавил: — Одного не пойму, как ваш сын догадался, что ему нужно делать?

— Я вынес ответ на этот вопрос в специальный раздел в моем рапорте.

— Как, вы написали рапорт?— спросил ошеломленный адмирал.

— Сами увидите,— ответил Джемисон.

В полутьме Диди сел в геликоптер в переулке 2 и полетел на вершину холма, откуда днем был виден Корабль. Здесь стояло и сидело несколько ребят. Диди не знал, люди они или руллы, но почти не испытывал в этом сомнения: руллам не было смысла участвовать в этом ритуале.

Диди уселся под кустом, рядом с каким-то мальчиком.

— Как тебя зовут?— спросил он.

— Март,— ответил ему резкий, но громкий голос.

— Ищешь источник?

— Ага!

— И я.

Наступал рассвет, и в его сиянии появился Корабль. Металл его оболочки постепенно запылал отраженным сиянием Солнца, которое еще не появилось. Сияние опускалось по металлу все ниже и ниже, пока из-за горизонта не показался край Солнца.

И чем выше вставало Солнце, тем больше, казалось, становился Корабль. Стоэтажный небоскреб Административного центра казался рядом с ним всего лишь подпоркой.

С гордостью и восторгом смотрел Диди на Корабль. Тот, казалось, плавал в солнечных лучах, поднимаясь все выше и выше.

«Нет,— подумал Диди,— еще рано. Но день придет. И величайший звездолет, созданный руками человека, устремится в пространство. И тогда война кончится».

Голод заставил Диди спуститься с холма. Он перекусил в ближайшем ресторанчике, а потом полетел домой.

Джемисон был в спальне, когда открылась входная дверь. Он сжал пальцы жены.

— Диди устал,— сказал он,— пусть отдохнет.

Веда высвободилась и ушла в свою спальню.

Диди прокрался через темную гостиную и включил свет. Одновременно вспыхнули лампочки на панели домашнего учителя-робота.

— Я понял, что такое Звук,— сказал Диди.

— Что?

Диди ответил.

— Ты оправдал мои надежды. Теперь иди спать,— сказал робот.

Скользнув под одеяло, Диди вновь ощутил вибрацию. Он слышал скрип пружин и дрожь пластикового окна. Вместе со всеми вещами дрожал пол.

Диди счастливо улыбнулся. Он не удивился появлению Звука. Это были «миазмы» Пригорода, туман вибрации.

Теперь Звук останется с ним навсегда, даже когда Корабль будет построен. Это часть его жизни. С этим он и заснул.

20

Проснулся Джемисон как обычно, сон мгновенно слетел с него при воспоминании о событиях прошедшей ночи.

Он взглянул на жену и облегченно вздохнул — все-таки она отдохнула. Ей вставать нескоро. Джемисон на цыпочках прокрался в ванную, умылся, в одиночестве съел завтрак и заодно прикинул варианты: как прошлая ночь повлияет на будущее.

Эзвал его не подкачал.

На работе Джемисон написал рапорт, где назвал происшедшие события не менее важными, чем постройка Корабля.

«Использование телепатии в качестве связи между различными расами — дело дальнейших исследований. Но сам факт существования такой возможности — величайшее событие в истории Галактики».

Он размножил доклад и разослал всем, кто был в нем заинтересован. Первый ответ прислал видный военачальник:

«Интересно знать, были ли приняты меры предосторожности при общении эзвала с людьми, причастными к Временным Исследованиям, это было обозначение «Совершенной секретности», и не следует ли в этом случае уничтожить эзвала в качестве предосторожности?»

Этот ответ вызвал у Джемисона чувство отвращения. Эти военные всегда трясутся над своими секретами. И ведь это тоже было размножено и разослано.

Джемисон написал ответ, в котором доказывал, что эзвал не имел контакта с людьми, располагающими СЕКРЕТНЫМИ СВЕДЕНИЯМИ. А сам он располагал лишь минимумом фактов, и те же сведения эзвал мог получить от агентов рулл.

Тут было слабое место: эзвал не умел читать мыслей рулл, но для игры в честность было не время.

«Кроме того,— продолжал он,— не известно, когда сложится аналогичная ситуация и к нам в руки попадет столь расположенный к сотрудничеству эзвал, не говоря уже о том, что от жизни Эфраима зависят отношения со всей расой эзвалов. Эти отношения будут прерваны навсегда, если они когда-либо узнают о случившемся».

Джемисон и эту бумагу размножил и отправил по адресам. Он перевел эзвала в другой отсек в целях безопасности, мотивируя это тем, что в данном месте эзвал не будет иметь контактов с носителями секретной информации.

До вечера пришло еще несколько откликов — все благожелательные, кроме одного, гласившего:

«Человек, что за чудовище выдал ты за ребенка?»

На этом закончилась неделя.

Джемисон ожидал сообщения из Информационного центра, которое он запросил о расах, с которыми невозможно установить контакт.

Он позвонил Калебу, пригласив на ленч, и попросил его съездить с ним в Центр.

Карсон был сильно похож на своего деда.

Вокруг него всегда сиял ореол успеха, деятельности,

казалось, он все время хранил какую-то тайну, которой ни с кем не имел права делиться.

В «Корабельной каюте», государственном ресторане для высших администраторов, Джемисон посвятил Карсона в свои правила:

— Необходимо совершить с Эфраимом путешествие на какую-либо планету, не поддающуюся контакту, и использовать его в качестве посредника.

Карсон кивнул.

— Это верная мысль. У нас появилась возможность вернуть Галактике целые миры.

Затем они принялись обсуждать детали освобождения эзвала. Покончив с ленчем, они кинули прощальный взгляд на силуэт Корабля за окном и вышли к лифту.

— Неужели на этом Корабле можно будет достичь родины рулл?

Этого говорить не стоило, как он понял по реакции Джемисона.

— Слушайте, бросьте сердиться, давайте задержимся у охранника и пройдем проверку.

Джемисон кивнул:

— Вот именно, нам обоим необходимо это сделать.

С полной серьезностью они прошли процедуру проверки и, естественно, оказались людьми, по крайней мере на время.

В этом шатком мире, полном шпионов, ясность вообще была понятием относительным. Один неверный вопрос, не так сказанное слово — и человек подвергался проверке. Конечно, желание Карсона пройти проверку говорило само за себя, но порядок есть порядок.

По пути к Центру Карсон сказал:

— Ну, по крайней мере теперь мы можем быть откровенны. Какими критериями пользуется компьютер при отборе рас?

— Явная несовместимость с человеком и возможность использования в войне с руллами. Необходимы экстремальные условия. У меня уже была осечка.

И он рассказал о неудаче с попыткой прочесть мысли рулл. Видимо, они в самом деле пришли из другой Галактики: в этой Галактике все жизненные формы, должно быть, чем-то схожи.

Вопрос был весьма важным. Человек посылал звездолеты в глубины Галактики, открывал новые миры, постигал тайны жизни, но так и не смог понять, что же это та-

кое — жизнь. Можно было лишь гадать об этом, и, совпадают ли эти догадки с действительностью, Джемисон не знал.

— А у вас уже есть какая-нибудь планета на примете?— спросил Карсон.

— Нет, все решит компьютер,— был ответ.

Они спустились в машинный зал. Защелкал перфоратор. Джемисон взглянул на ленту и присвистнул.

— Так я и знал. Конечно, ПЛОЯ. Что же еще!

— Плояне?— нахмурился Карсон.— Но ведь это же миф! Существуют ли они в действительности?

— Не знаю. Мы это узнаем.

Джемисон был доволен. Ему были важны не плояне, а идея сотрудничества между расами с помощью эзвала, и плояне были всего лишь пробным материалом.

Шлюпка Джемисона выскользнула из крейсера и по отлогой траектории скользнула к планете. Осторожно ввел он ее в верхние слои атмосферы, чтобы не сжечь обшивку. Затем установил нормальную скорость для этой высоты, а в двенадцати милях над поверхностью уменьшил ее до 30 миль в час и перешел на горизонтальный полет.

Открылся и закрылся люк. Джемисон выжидал.

Внезапно стрелки на всех приборах резко скакнули. Скорость падения резко возросла, судно бросало из стороны в сторону. Шлюпка больше не подчинялась Джемисону, бесполезно он нажимал на кнопки. Оставалось ждать. И вот на высоте 12000 футов судно вошло в заданный режим — качка прекратилась. В действие вступила система управления, основанная не на электросхемах. Все электричество было выключено. Люк был задраен наглухо.

Ракеты вынесли шлюпку в космос. Джемисон осмотрелся. Он не знал точно, почему захлопнут люк. Скорее всего, он поймал плоянина.

...Первая экспедиция высадилась на Плою около ста лет назад. И сразу же произошла катастрофа — все металлические части корабля оказались под напряжением. Очень интересное с точки зрения науки явление, которое, правда, никогда не заинтересует людей, погибших в первый же миг. В живых осталось 140 человек, не прикасавшихся к металлу, но 22 из них не поняли причины гибели остальных и тоже были убиты.

Прежде всего был выключен ток. Было ясно, что на борт корабля пробралось какое-то существо, замкнувшее энергосистему. Корабль был обработан спецсоставом, но

это не помогло. Не помогла даже промывка корабля водой, которую перекачали из ближайшей реки. Исследователи не могли даже улететь, так как существо почувствовало это желание, и выключило питание моторов. Системы корабля были под его контролем.

Отчаявшийся экипаж радировал обо всем крейсеру на орбите. Положение было проанализировано, и им ответили:

— Очевидно, аборигены не враждебны человеку, погибли лишь те люди, которые контактировали с энергосистемой. Изучение данной формы жизни следует проводить с помощью специальных электронных приборов, которые будут вам высланы.

На планету была доставлена научная экспедиция. Шесть месяцев прошли безрезультатно — контакта не было, не была даже определена форма жизни, вызвавшая катастрофу.

И тогда люди были вывезены на допотопных ракетах, работавших на реактивном топливе. Первая экспедиция на Плою кончилась ничем.

Обо всем этом Джемисон подумал уже в рубке управления своего крейсера, уносившего его прочь от планеты. Делать ему пока было нечего.

Эзвал доложил о присутствии чужого разума, но, кроме чувства страха и отчаяния, ничего определить не мог. Но даже это обрадовало Джемисона — он вообще сомневался вначале в наличии разума на Плое, и вот теперь эзвал докладывал, что разум все-таки существует.

Отлетев на сто световых лет от Плои, Джемисон выключил двигатели и вместе с эзвалом прошел в специально оборудованную каюту с дублирующим пультом управления. Оттуда он открыл дверь рубки и предоставил плоянину полную свободу действий.

Эзвал сообщил:

— Вижу картину главной рубки, причем с потолка. Плоянин оценивает обстановку.

Это было разумно. Джемисон представил себя в такой же ситуации. Уж он-то был бы начеку.

«Он в пульте управления»,— сказал эзвал.

«Внутри?»— изумленно спросил Джемисон. Корабль дернулся, сбился с курса. Курс Джемисона не волновал, но что, если плоянин замкнул цепь... Он представил себе аморфное существо, мечущееся среди массы приборов, проводов, закорачивая контакты реле...

Корабль снова лег на курс. Эзвал передал:

«Он выбрал направление и будет придерживаться его до конца. О субсветовых скоростях он и понятия не имеет».

Джемисон с сожалением покачал головой. Бедный плоянин! Он в ловушке! Его раса и представить себе не может того расстояния, на которое он удалился.

«Скажи ему, где он сейчас. Объясни ему разницу между движением в пространстве и подпространстве».

«Он в ярости».

«Расскажи ему о механизмах, через которые мы сможем общаться непосредственно. Да, что он ест?»

И на этот вопрос они получили первый ответ.

«Он говорит, что умирает с голоду, и мы в этом виноваты».

Джемисон узнал, что плояне живут за счет трансформации электромагнитных полей в приемлемую для них энергию.

Когда плояне замыкали контакты энергосистем, они могли питаться за счет корабля. Это объясняло все неудачи первой экспедиции. Гибель половины экипажа было побочным эффектом «попойки», устроенной плоянами.

И когда Джемисон выключил питание, плоянин начал умирать с голода.

Джемисон запустил газогенератор.

«Скажи ему: пока он не научится работать с коммутатором, есть не получит».

Через некоторое время плоянин стал понимать человеческую речь еще до того, как звуки поступали в коммутатор, и освоил основные команды за один день!

— Да-а,— сказал Джемисон скорее себе, чем эзвалу,— представляю себе, что у него за коэффициент интеллектуальности, если он так быстро смог выучить язык!

Эзвал ответил, мысленно, конечно:

«Все энергетическое поле, которым он является, пригодно для использования в качестве памяти, и он может расширять ее как угодно».

Пришел вызов с Земли. Калеб Карсон сообщил, что политическая обстановка на планете Карсона изменилась к лучшему, так что даже не требуется вмешательство Конвента. Источник информации — миссис Барбара Уитмен.

— Она сказала, что вы поймете, о чем пойдет речь.

— Было время, когда мы здорово не нравились друг другу. Но я уже тогда предвидел перемену и оказался прав,— ответил Джемисон.

Затем последовала весьма категоричная радиограмма:

«Следуйте в 18 район. Координаты планеты — 128-3-18-26-54-6. Лично обследуйте ее и доложите. Главнокомандующий космическими операциями».

Восемнадцатый район был одним из четырех важнейших пунктов обороны. Естественно, что к нему обратился сам Главнокомандующий.

Джемисону пришлось нарушить свои планы. Карсону он послал радиограмму:

«Ждите меня возле...— Он назвал планету, находящуюся одинаково близко от него и от Карсона.— Заберите эзвала и отправьте его на родину, а дальше действуйте в соответствии с планом».

Главнокомандующего он попросил прислать крейсер к месту встречи с Карсоном и захватить его шлюпку.

Оставался плоянин. Делать было нечего, пришлось взять его с собой. Церемониться было некогда.

«Если вы хотите когда-нибудь увидеть свою планету, выполняйте мои приказы»,— сказал он.

Плоянину оставалось только согласиться.

21

Когда Джемисон сидел в небольшой ложбине недалеко от своей шлюпки, записывая на диктофон свои соображения насчет Лаэрта-3, он заметил корабль. Планета была так близка к невидимой границе между людьми и руллами, что само по себе ее открытие было уже великим событием в войне.

— С этой планеты,— диктовал он,— можно нанести удар по любому из густо населенных объектов Галактики, рулловскому или человеческому, поэтому необходимо оборудовать ее оружием по классу АА. Наиболее мощные орудия следует в течение трех недель установить на горе Монолит.

Как раз тут он увидел чужую шлюпку. Что делать? Броситься к люку своего корабля, но его сразу обнаружат. А может это человеческий корабль?

Так он и сидел в нерешительности на месте, пока корабль приблизился настолько, что на борту стали различимы рулловские опознавательные знаки. Это был исследовательский бот. Руллы также открыли систему Лаэрта. За этим ботом могут стоять эскадры крейсеров — против него

одного, ведь его крейсер «Орион» даже не подходил к планете. Джемисон высадился в парсеке от нее, чтобы руллы не заметили крейсер, и теперь он ушел к базе за оружием для планеты и вернется лишь через десять дней.

Десять дней. Конечно есть шанс, что его шлюпку не заметят и ему удастся скрыться. Но дело даже не в этом...

До рулловского бота было всего сто футов, и он шел прямо на рощу, где находилась его шлюпка. Джемисон вскочил с места и нырнул в открытый люк. И только он захлопнулся за ним, как что-то огромное ударило по потолку и тот прогнулся, а пол наоборот вспучился, и воздух наполнился дымом.

Полуослепленный Джемисон скользнул за пульт управления и включил аварийную защиту. Скорострельные бластеры выползли на боевые позиции и плюнули огнем во врага. Взревели вентиляторы, и по каюте пошла волна холодного воздуха. Все это так подействовало на Джемисона, что он сначала не сообразил, что двигатели не работают и шлюпка вместо того, чтобы унести его в небо, лежит на земле.

Он бросил взгляд на экраны. Рулловский бот мелькнул в нижнем конце одного из них и исчез за деревьями в четверти мили от Джемисона. Через несколько секунд оттуда донесся грохот падения. Но траектория падения была слишком гладка. Взрыв не убил рулл! Значит Джемисону придется вступать в единоборство. Десять дней он будет стремиться отстоять одну из четырех важнейших планет Галактики.

Джемисон вышел из шлюпки. Времени на раздумье не оставалось. Темнело, и он пошел к ближайшему холму в ста футах от него, причем последние футы он прополз. Осторожно выглянул он из-за края: вершина представляла собой овал ярдов в восемьсот шириной, заросший кустарником и усыпанный камнями. Ничто не нарушало тишины.

Сумерки сгустились. Солнце спустилось за горизонт. Но что такое темнота для рулл? Чем вообще, кроме разума, может похвастаться человек перед руллом? Только по разуму он мог претендовать на равенство. Положение было безнадежным. Если бы он сумел добраться до корабля рулл до полной темноты и попытаться уничтожить их, пока они не пришли в себя... Тогда, может быть, у него и были бы шансы на спасение.

Он стал спускаться с холма, то и дело спотыкаясь о

кусты, камни, корни, падая на острые грани скал. До сих пор ему не приходилось бегать по столь пересеченной местности. За пять минут он прошел не более 250 ярдов. Потом остановился. Дальнейшее продвижение было бесполезным. Но он должен бороться — ведь проигрывает не он один, а все человечество!

Пахнуло холодом — в полночь температура падала до нуля. И он отступил. У него оставалось много дел на шлюпке. Всю ночь Джемисон просидел перед экраном, долгую, долгую ночь. Он не мог, он не имел права заснуть.

Часом позже он уже сидел перед экранами, вглядываясь в ночь. Что-то двинулось в углу одного из них. Джемисон схватился за рукоятку управления бластером. Но движение не повторилось. В таком положении и застал его холодный рассвет.

Джемисон проглотил вторую таблетку против сна, снова нажал на пуск двигателей. Они молчали, как и следовало ожидать. Починить их можно только на «Орионе». Значит, наверняка придется драться.

Впервые в истории человек и рулла встретятся лицом к лицу. Космические битвы не в счет — там бьются корабли. Пусть даже он проиграет, важна попытка. Он включил защитный пояс и вышел из корабля.

Судьбой было суждено провести этот поединок на одной из самых причудливых гор в Галактике — пике Монолит, 3200 футов высотой, отвесно вздымающемся ввысь над планетой. На сотнях планет побывал Джемисон, каждый раз снова уносясь в вечную тьму к голубым, красным, оранжевым, белым огонькам звезд, и вот теперь ему предстоит самая тяжелая схватка в его жизни с самым хитрым и жестоким врагом во Вселенной.

Джемисон сосредоточился. Нужно было сделать первый шаг — произвести разведку. И неизвестно, не будет ли это и последним шагом. Но другого выбора не было. Солнце Лаэрта уже поднялось над горой.

Джемисон взял с собой монитор с бластером, который должен отреагировать на любое движение противника. По дороге к месту падения рулл ничего не произошло, на него никто не напал. Это не понравилось Джемисону — значит, где-то должна быть ловушка. Вряд ли руллы погибли при падении.

...Корабль рулл лежал в долине, уткнувшись носом в стену песчаника. Джемисон внимательно осмотрел его че-

рез объектив монитора. Вокруг никого. Если это ловушка, то весьма искусная.

Тишину долины нарушило жужжание бластера, постепенно переходящее в рев — бластер набирал мощность. Корпус вражеского корабля задрожал и переменил цвет. И только. Через десять минут Джемисон выключил бластер.

Техника рулл оказалась на высоте. Включились ли защитные экраны сейчас или после его вчерашнего выстрела — неизвестно. Это и было самое плохое: он не знал противника. Даже если руллы мертвы, их оборона превзошла его усилия. Они могли быть и ранены и не способны бороться. Может, они оставили где-нибудь гипнотизирующий знак? Джемисон поймал себя на том, что избегает смотреть вокруг.

Еще один вариант — руллы просто дожидаются большого звездолета, из которого вылетел бот. Это был бы его конец. И он принялся изучать повреждения корабля. Пробоин нигде не было, только дно вспучилось в нескольких местах. Следовательно, реактор должен был дать течь. Насколько Джемисон разбирался в исследовательских ботах рулл, впереди была главная рубка, управляющая бластерами, сзади — машинный отсек, цейхгаузы, топливный отсек, отсек с запасами пищи и...

Запасы пищи! Этот отсек поврежден больше всех, пища заражена, руллы остались без еды!

Джемисон решил отступить. Он повернулся к скале, за которой скрывался от огня противника. НА ПОВЕРХНОСТИ СКАЛЫ БЫЛ ВЫРЕЗАН ЗНАК! Извилистые линии — результат изучения человеческой психики нечеловеческим разумом. Джемисон замер в ужасе.

«Где я»,— подумал он. После путешествия на Миру-23 он узнал, что эти линии заставляют двигаться человека в определенном направлении. Куда же сейчас? И не мог побороть в себе желания смотреть на скалу. Его просто тянуло увидеть его еще раз, он был бессилен что-либо сделать.

Пять волнистых линий по вертикали и три горизонтальных над ними — указывавших на восток, в пропасть. Джемисон двинулся туда. В отчаянии он попытался по дороге ухватиться руками за выступ скалы, цеплялся за край пропасти. Его воля была парализована, и медленно, но верно он сполз вниз. Последняя его мысль была: «РУЛЛЫ ВЫЖИЛИ».

Таков был смысл знака. И тогда наступила тьма.

22

Он пришел из далекой Галактики — холодный безжалостный вождь. Вождь вождей. ИЕЛИ, Мишли, Ниин Риа и прочая и прочая... О, велика была его власть над жизнью и смертью подданных, над кораблями Лирда.

Велика была его ярость, когда он узнал, что его приказ не исполнен. Давно уже приказал он завоевать еще одну Галактику. Но те, кто не был так совершенен, преступно медлили. Почему? В чем сила этих двуногих? Бесчисленными звездолетами, неприступными базами, сильными союзниками остановившие тех, кто обладал более высокой нервной системой.

«Доставить мне живого человека!»— разнесся по всем уголкам Галактики приказ. И человек был доставлен — тупой моряк с захваченного крейсера, с интеллектом равным 96, и с индексом страха — 207. После нескольких попыток самоубийства и судорог на лабораторном столе он умер при экспериментах, которые наблюдал сам Иели.

— Это не противник,— сказал он.

— Нам удалось захватить совсем немногих,— был ответ,— они убивают себя так же, как и мы.

— Значит, среда должна быть другой. Пленный не должен чувствовать себя пленным. Приступайте!

Приказ был выполнен. Иели прибыл к звезде, возле которой появился человек, уже наблюдавшийся семь периодов назад. «Человек в маленькой шлюпке,— рапортовали наблюдатели,— неожиданно появился из подпространства в районе звезды. Мы считаем, что это идеальная ситуация для эксперимента. Мы не высадили десанта на планету и наше присутствие не обнаружено. Люди уже высаживались на планету. Подопытный высадился на вершине странной горы. Повторяем, что обстановка идеальная для эксперимента».

Пространство вокруг планеты патрулировалось. Иели спустился в маленьком боте, без охраны — он презирал врага. Пролетев над горой, он вывел из строя шлюпку противника, но сам был подбит и выжил чудом. Радио вышло из строя, пища была отравлена.

Эксперимент вышел из-под контроля. Он решил убить человека, завладеть его пищей и выжить, пока патруль не спустится за ним.

Сначала он обследовал местность, затем прошелся по периметру, наконец вернулся к своему кораблю и нарисо-

вал на скале символ, подчиняющий человека. Это его спасло, теперь противник «пойман», «связан». Это великолепно, но... и он был в ловушке. Бластеры человека направлены на корабль. Они настроены на автоматический огонь, едва откроется дверь! Он заперт!

Рулла бросился к запасному выходу — но его заклинило! Когда он ночью проверял корабль, выход был свободен, а теперь закрыт. Что-то случилось с судном. Он не может выйти из него как раз тогда, когда это более всего необходимо. Вообще говоря, нет необходимости убивать человека сразу. Если он получит его пищу, то человека можно оставить в живых. Но, пока человек бессилен, нужно найти выход. Чертов случай! Как не любил Иели неожиданностей!

Корабли Лирда непрерывно раздвигали пространство жизни. Существа, жившие на этих территориях, подлежали уничтожению. Они могли создать угрозу для Риа. Случай, вот что было самое страшное для рулл.

Запасной выход нужно было открыть во что бы то ни стало. Рулла направил в щель луч бластера. Но работать приходилось медленно, то и дело он забирался в защитную камеру и выходил, когда уровень радиации снижался до приемлемого.

Солнце было в зените, когда плита наконец поддалась. Весь в пыли, злой и голодный, вышел он наружу. У него пропало желание продолжать эксперимент — нужно было спасать жизнь. Нужно убить человека и съесть его, чтобы выжить до прихода патруля. Дернул его черт так рисковать! Он подполз к обрыву, слез по ступенькам на равнину, но... внизу никого не было. Не было даже следов!

Осторожно, соблюдая дистанцию, подполз рулла к кораблю врага. Защитные мониторы были включены, правда не известно когда, может быть, еще утром. Есть вероятность, что человек свалился в глубокую пропасть, его разбитое тело лежит в сердце горы. Но скорее всего, он сидит в корабле и поджидает его, Иели. Ведь было же у него время оказаться в безопасности. Теперь рулла ничего не знал о человеке, преимущество было не на его стороне.

Пришлось вернуться на корабль. Голод рос час от часу. Вокруг никого. Так проходили дни.

Джемисон очнулся от боли. Сначала она была всепоглощающей, перекатывалась от головы к ногам, как волна, но постепенно сконцентрировалась в левой ноге.

Джемисон понял, что растянул связку. Это, конечно, было не главное. Когда он открыл глаза, то увидел солнце почти в зените. Долго же он лежал тут!

Сначала он бездумно смотрел на солнце, уходившее за нависающий край обрыва, и только когда на него легла тень скалы, он вспомнил, что смертельная опасность исчезла, и это привело его в сознание. Он лежал на краю пропасти на небольшом выступе. Видимо, при падении его нога запуталась в кустах — и это его спасло. Джемисон приступил к штурму горы: поначалу ему помогала шершавая почва и корни растений, но, когда до края оставалось всего десять футов, дала о себе знать растянутая связка. Он сделал четыре попытки — и каждый раз сползал вниз. Но наконец ему удалось зацепиться за корень и выползти на плато.

Оно расстилалось перед ним совершенно пустынное, без признаков жизни. Только звук его шагов нарушал тишину. На одном его краю виднелась шлюпка. Он направился к ней. Джемисон не знал, что с руллом, и, пока нога не заживет, он вряд ли это узнает.

Он подошел к шлюпке уже в темноте. Встретил его сварливый голос:

— Когда меня накормят? Когда меня вернут домой?

Это был плоянин с его коронным вопросом о возвращении домой.

Накормив его, Джемисон задумался над давно мучившим его вопросом: как объяснить этому наивному существу суть войны? А тем более их нынешнее положение.

— Не сердись,— наконец сказал он,— я верну тебя домой.

Этого было достаточно, и плоянин успокоился.

Между тем Джемисон думал над тем, как использовать плоянина против рулл. Но применения не было. Ну какой вред голодному рулле от того, что противник может контролировать полет его корабля?

23

Джемисон проснулся от сердцебиения. Подошел к пульту. Радио было мертво, даже фона не прослушивалось. Да и бесполезно оно на таком расстоянии. Он покрутил ручку настройки, зашел в район рулловских частот. Но и здесь молчание. Он отрезан от мира. А что, подумал он, если

провести эксперимент. МЫ ОБА ПЛЕННИКИ. Пленники случая, среды, друг друга. И каждый не обязан совершать самоубийство.

Идеальная среда. Много можно узнать: мотивы действия рулл, почему они уничтожают чужие расы, можно ли ими управлять, зачем бессмысленные жертвы. Мысль о таком эксперименте не оставляла Джемисона, заставляла его думать.

Иногда он садился у пульта и просматривал окрестности — бесплодную пустыню, скалы, пропасти. Западня. И он пойман в нее. Он, Тревор Джемисон, к чьему голосу прислушивается Галактический конвент! Он находился здесь, в разбитой шлюпке, больной. И готовил эксперимент.

На третий день его нога зажила. Он немедленно принялся работать над киноэкраном и закончил его на пятый день. Затем написал сценарий и ввел его в запоминающее устройство. Осуществление разработанного плана не составляло труда.

Джемисон установил экран в двухстах ярдах от шлюпки, позади деревьев, а рядом положил коробку с едой.

Прошел день, шестой по счету. Наступила ночь.

24

Скользящей тенью прошмыгнул рулла к экрану, единственной сияющей точке в беззвездной ночи Лаэрта-3. Он чуял пищу и одновременно ловушку.

Шесть дней он был без еды. Это отбросило его на несколько уровней назад. Он почти не разбирал цветов, потерял некоторые способности. Нервная система рулла походила на истощенный аккумулятор, от которого один за другим отключались приборы. Он знал, что, если еще промедлить, они никогда снова не подключатся. Он и так превратился в тень. Еще немного — и ему, Верховному Айишу Иели, придется покончить счеты с жизнью.

Он пристально смотрел на экран. На нем развертывалась картина всего происходящего на планете с момента, как шлюпка Джемисона покинула борт эсминца. Эсминец ушел к базе. Шлюпка приземлилась на горе. Затем развернулся бой, и так далее. Ситуация казалась безнадежной, но экран показал выход. А потом появился рулла, который подошел к ящику, открыл его и поел. Технология

была показана детально. Рулла знал, что это ловушка, возможно смертельная, но делать было нечего. Это был единственный шанс. Не известно, сколько будут ждать патрули, до каких пор командиры не посмеют нарушить его приказа. Но они его нарушат, так или иначе. Хотя бы тогда, когда к планете подойдут вражеские корабли. Тогда нарушение будет законным.

И рулла нажал на рычаг, открывающий ящик.

Джемисон проснулся. Ревела сирена. Снаружи была тьма — до рассвета оставалось три часа. Сирена означала, что ящик с пищей открыт. Она гудела минут двадцать, потом оборвалась. Однако он ошибся в том, за какое время рулла может проглотить три фунта еды.

Двадцать с лишним минут рулла подвергался гипнозу, точно так же, как в лаборатории пленные руллы. Но те после пробуждения убивали себя, поэтому не было доказательств о существовании у рулл восприимчивости к гипнозу. Теперь эти доказательства были.

Джемисон снова лег на койку, улыбаясь, но был слишком взволнован, чтобы уснуть. Произошло величайшее событие в войне с руллами — его нельзя было не отметить. И Джемисон выпил за удачу.

Каждая раса знала сильные и слабые стороны другой. Но по-разному применяли они эти знания. Руллы — для истребления прочих рас, люди — для установления хороших отношений с союзниками. Но друг с другом они были одинаково жестоки и беспощадны и постороннему наблюдателю было трудно отличить их друг от друга. Однако цели людей и рулл разнились, как черное от белого, как тьма от света. И цель оправдывала средства.

Джемисон вернулся в постель и обдумывал еще некоторые детали. Ничто нельзя сбрасывать со счетов, нельзя недооценивать рулла. Наконец он заснул сном человека, принявшего решение.

Утром он надел костюм с электроподогревом и вышел в зябкий туман. Ледяной ветер дул с востока, но он не замечал его. В это утро решалось многое, нужно быть осторожным.

Захватив монитор и бластер, он направился к экрану, стоявшему на возвышении, так что его было видно отовсюду. Джемисон еще раз проверил автомат спуска и поставил другой ящик с едой. На старом ящике что-то блеснуло — поверхность казалась отполированной.

«Странно»,— подумал Джемисон и присмотрелся по-

внимательнее. Металл был покрыт чем-то вроде лака. Он соскоблил немного субстанции и направился к шлюпке. «Что же это такое? Где я видел подобное вещество?»— думал он. Так он и стоял в замешательстве у люка, пока не увидел рулла.

Едва насытившись, рулла вспомнил все. Он вспомнил свою цель.

Рулла скользил по краю пропасти, заглядывая иногда вниз. До низа было далеко, очень далеко. С корабля эффект смазывался, пропасть казалась не столь глубокой. Рулла устремился к своему боту, где он почувствовал накануне антигравитационные волны, пульсирующие в одной из плит. Плита была крепко приварена к каркасу. Отсоединить ее было очень трудно. Но он сделал это, и через несколько часов плита со скрежетом отвалилась.

Плита сама по себе была безопасной. Ее мощности не хватило бы даже на то, чтобы подняться над землей. Но все-таки энергия не истощилась до конца. Ее хватит на одну попытку. Рулла не сомневался в успехе.

Теперь он жаждал лишь смерти двуногого. Рулла отнес плиту в заросли и притаился там. Он был уверен, что убьет человека — ведь на ящике остался лак. Убить было необходимо — под угрозой была не только его жизнь. Не зря человек кормил его — это входило в эксперимент. Единственный выход — убить. И рулла ждал.

То, что случилось с Джемисоном, произошло по его вине. Ведь он видел в Службе Безопасности аналогичные вещества. И вот результат, он парализован.

Тут-то и появился рулла. Он вылетел из рощи на плите. Джемисон был поражен, ведь в боте не осталось источника гравитации! Там вообще не было никакой энергии! Вот она ошибка! Вот он, рулла!

Движение плиты было основано на вращении планеты — она летела со скоростью около восьмисот миль в час, то есть с той же, с какой планета вращалась вокруг своей оси. Этого было достаточно. Рулла несся к нему. Джемисон поднял бластер и тут-то вступил в действие лак. «Не стреляй»,— приказал ему внутренний голос. И он не смог выстрелить. Он был парализован. Медленно, очень медленно он поднял бластер. Рулла был на расстоянии десяти футов. Джемисона спасло лишь то, что рулла не учел давления воздуха под плитой. Как падающий лист, накренившись, она пронеслась над Джемисоном, и он выстрелил наконец в нее, расплавив днище. Плита врезалась

в кустарник футах в двадцати от него. Джемисон не спешил. Когда он вышел к зарослям, рулла уже скрылся в роще. Джемисон его не преследовал. Он выволок из кустов платформу и осмотрел ее.

Поразительно, как рулла сумел воспользоваться ею без каких-либо приборов. «Но раз уж он сделал это,— подумал Джемисон,— почему же он не спустился на ней с горы, в лес внизу?» Там была пища, и не было людей, но ответ на этот вопрос он получил тотчас, едва прикинул на руках вес плиты. Энергии в ней хватало едва на сто футов полета, а до леса была по крайней мере миля. Джемисон сбросил плиту в ближайшую пропасть и вернулся к шлюпке. Там он исследовал пробу лака. Он не был радиоактивен, но превращал свет в радиомагнитные волны такой частоты, на которой работал человеческий мозг. Что же там было записано? Он перевел символы в образы. Казалось, они вышли из кошмарного сна.

Джемисон снял с полки книгу «Символическая интерпретация подсознательных образов» и открыл главу «Запрещающие символы». Найдя там полученные образцы, он прочел: «Не убивай!»

— Пусть я буду...— громко выругался Джемисон.— Надо же было мне попасться!

Он не верил себе. Он ведь и не хотел убивать. Но рулла не мог об этом знать. Символы подавляли сопротивление даже при смертельной угрозе. Странное дело...

Осталось надеяться, что это последняя ловушка. Рисковать он не имел права. Эксперимент следовало отложить до прибытия «Ориона». Иначе рулла угробит его его же собственными руками.

25

В ночь перед возвращением «Ориона» Джемисон не поставил у экрана коробки с едой. Утром он попытался связаться с эсминцем.

Эфир молчал. Наконец он прекратил бессмысленные попытки и вышел наружу, чтобы подготовиться к эксперименту. В начале первого он не выдержал и приступил к опыту, нажав кнопку излучателя волн, действию которых рулла подвергался уже четыре ночи, потом вернулся в шлюпку и снова слушал эфир. Тут он заметил выскользнувшего руллу.

Взревела сирена, и одновременно с ней включился зуммер радиоприемника:

— Тревор Джемисон, говорит «Орион». Мы вас слышали, но не отвечали, так как в окрестностях планеты курсирует целый флот рулловских звездолетов. Через пять минут мы попробуем вытащить вас отсюда. БРОСЬТЕ ВСЕ И ПРИГОТОВЬТЕСЬ.

Краем глаза Джемисон заметил две темные точки в небе. Прямо над ним пронеслись вражеские линкоры. Ураганные ветры повалили Джемисона на землю, и он ухватился за ветви кустов. Линкоры сделали крутой поворот и понеслись прямо на него. Джемисон приготовился к смерти. Но удар был предназначен не ему. Его шлюпка подскочила в воздух и свалилась в пропасть. Ударная волна прижала Джемисона к земле, едва не порвав ему барабанные перепонки.

Появился третий корабль, но, не успел Джемисон определить чей он, корабль исчез. Включился приемник:

— Мы бессильны. Держитесь. Четыре наших линкора и эскадра дерутся с врагом, пытаясь заманить его к ближайшей звезде Бьянке, где находится наш флот, и тогда о...

Вспышка далеко в небе оборвала эту передачу. Прошла минута, прежде чем Джемисон услышал взрыв. Звук постепенно замер. Наступила тишина, в которой таилась угроза.

Джемисон поднялся. Нужно было спасаться. Он и не помышлял раньше о таком исходе. Шлюпки не было. Он был один на краю пропасти. Мозг работал четко. Он понял, что руллы преследовали не его. Они просто делали разведку и заодно уничтожили шлюпку. Пока они не вернулись, ему надо сделать все, чтобы выжить и выполнить задачу.

Шатаясь побрел он к кустам. За ними был рулла. Его рулла обучился тому, чему его хотел научить Джемисон. Теперь Джемисон мог контролировать изображение, отбрасывая ненужную информацию,— времени было мало. Темп фильма то замедлялся, то ускорялся, рулла то отскакивал, то подползал к экрану.

Идея эксперимента была проста. Еще в XX веке русский ученый Павлов создал теорию рефлексов. В его опытах собака получала пищу по звонку, и вскоре пищеварительная система выделяла желудочный сок тоже по звонку, независимо от того, кормили собаку или нет. Сейчас Джемисон, согласно этой теории, обучал существо чужой

расы. Руллу. Раньше руллы не поддавались обучению. И вот — успех, от которого зависела судьба человеческой расы. Но как мало времени отведено ему! Промедление смерти подобно...

Вперед, назад, назад, вперед — диктовал ритм. Рулла не мог обратиться в бегство, так же как собаки Павлова не могли не выделять сок по звонку. Джемисон диктовал руллу задачу, которую предстояло решить им обоим. Трехмерное изображение руллы сменилось изображением человека. Джемисон добился того, что рулла потерял свою агрессивность и не мог убить себя.

Осталась еще одна задача. Хватит ли времени! Но другой такой возможности у него не будет никогда! У Джемисона не было выбора. И он успел. Цель была достигнута. Он потратил десять минут на то, чтобы передать по радио свое сообщение. Но ответа не последовало. Сделав все, что было в его силах, Джемисон вместе с руллом подбежал к обрыву. Он взглянул вниз и содрогнулся. Но... ведь целый флот руллов бродит в окрестностях планеты.

«Быстрее!»— приказал он себе.

Он спустил руллу на первый уступ, обвязался веревкой, вбил крюк в край обрыва, и затем рулла спустил его к себе. Потом Джемисон спустил рулла еще ниже, а тот спустил его, и так далее. Они были соединены одной веревкой, переброшенной через крюк, который Джемисон каждый раз вбивал все ниже.

Начинало темнеть. Джемисон устал. Он уже не надеялся спуститься до ночи. Но рулла смотрел на него все пристальней — гипноз терял над ним власть.

В четыре часа пополудни Джемисон решил сделать привал. Он рухнул на землю. Небо над ним было чисто и безоблачно. Он ни за что не поверил бы, что там, в вышине, развернулась самая крупная битва за последнее десятилетие. Нужно отдать дань земным кораблям — ни один рулловский корабль не спустился на Лаэрт-3 за руллом. Впрочем, возможно, они хотят соблюсти конспирацию...

Джемисон прикинул пройденное расстояние — около двух третей. Рулла смотрел вниз, в долину. Джемисон тоже взглянул туда. Там внизу стоял лес, лес без конца, лишь в одном месте рассекаемый рекой.

И снова спуск. В половине седьмого они оказались в 250 футах от поверхности. Это можно было преодолеть разом, но нужно не пострадать. Джемисон повелительно

махнул рукой вниз и взял в правую руку бластер. Рулла спустился и бросился к ближайшим деревьям.

Он немного подождал, потом спустился тоже, причем сильно поранил руки о веревку. Пальцы стали какими-то серыми и выглядели в полутьме очень нездоровыми. Он побледнел. Это дело рук рулла.

Острая боль пронзила все его тело. Задыхаясь, он выхватил бластер, чтобы застрелиться, но не успел. Рука замерла на полпути. Джемисон потерял сознание. Канат был отравлен.

Иели скользнул к Джемисону, схватил его бластер и спрятался за деревьями. И вот он выиграл, все-таки выиграл! Рулла нашел ключ от шлюпки, и через несколько минут мощная радиостанция передала приказ флоту рулл.

Джемисон лежал на столе внутри странной комнаты с отверстиями на уровне пола и нечеловеческой формы дверьми. Он понял, что находится внутри рулловского звездолета. Но не знал, куда направляется звездолет, скорее всего, не к Земле.

Его ничто не привязывало к столу, но двигаться он не мог. Вверху, на потолке, был расположен источник гравитационных волн, придавливающих его к столу.

Джемисон приготовился умереть. Он представил себе, каким пыткам его подвергнут. Было давно известно, что, если вжиться в образ, представить его пытки наяву, то без особых усилий можно покончить с собой, остановив сердце.

Как раз этим он и занимался, когда над его ухом раздался голос:

— Ну когда же наконец меня вернут домой.

Это снова был плоянин, который уцелел при падении и перебрался в рулловский корабль.

Джемисон спросил тихо:

— Ты можешь сделать кое-что для меня?

— Ну конечно,— ответил плоянин.

— Войди в этот ящик и замкни энергию на себя.

— Готово.

Источник гравитационных волн был выведен из строя.

— Ты ознакомился со звездолетом?

— Да.

— Есть здесь центр, где сходятся все энергоприводы?

— Да.

— Войди туда и снова замкни все на себя. Потом возвращайся.

— Вы так добры ко мне,— ответил плоянин.

Джемисон вскочил на пластмассовый квадрат. 200 000 вольт пронизали корабль.

— Готово,— доложил плоянин.

— Сколько рулл выжило?

— Около ста.

Джемисон объяснил плоянину схему радиорубки и закончил так:

— Замыкай ток каждый раз, когда кто-нибудь подойдет к ней. Ясно? Сообщай мне, если кто-то попытается сделать это. И не замыкай ток без моего разрешения,— добавил он.

— Хорошо,— ответил плоянин.

Джемисон имел преимущество перед выжившими руллами — он мог передвигаться по кораблю и знал, когда нельзя прикасаться к металлу. Он прошел в цейхгауз и поработал там резаком. При выходе к нему присоединился плоянин.

— Сюда идут руллы. Нужно уходить.

Они направились к ближайшей шлюпке и через пять минут были в космосе. Главные орудия судна были выведены из строя, оно было беспомощно. Но на борту своего крейсера он очутился лишь через пять дней.

Иели не было на звездолете, который вез Джемисона, и он уцелел. Ему доложили о происшедшем. Свита считала, что виновники подвергнутся суровому наказанию, но Верховный Айиша сказал:

— Да, это действительно сильный враг. Он слишком опасен,— и вспомнил неделю позора на Лаэрте-3.— Кажется это первый случай, когда Ниин Риа лично посетил линию фронта!

Это было так. Вся Риа с трепетом и ужасом ожидала новостей с передовой.

Верховный Айиша продолжал:

— Мне кажется, что мы ошиблись. Враги скрыли многие свои качества и особенности. Война слишком затянулась. Центральный совет должен пересмотреть стратегический план. Конечно, постепенно, но придется свернуть военные действия и перенести внимание на другие Галактики.

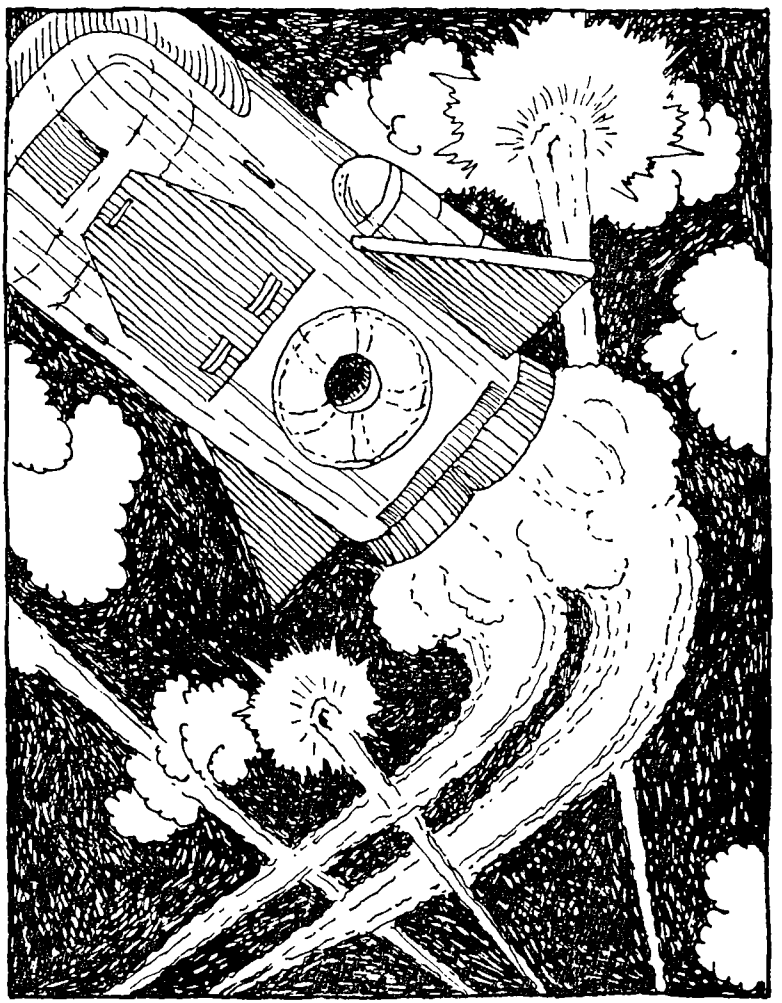
А далеко от него Джемисон в свою очередь рапортовал Галактическому конвенту.

— Это был, вероятно, очень важный деятель среди рулл. Я добился успеха с помощью гипноза. Мне удалось

внушить ему, что руллы нас недооценили и что они должны прекратить войну.

Но прежде чем война кончилась, прошли годы. А пока все были восхищены тем, как эзвал сумел установить контакт с новым союзником — плоянином, оказавшим людям бесценную помощь. Это привело к новым контактам между расами. Решением Конвента за выдающиеся заслуги перед человечеством Джемисону было присвоено звание: «ПОСОЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». Он вернулся на планету Карсона с неограниченными полномочиями. Впоследствии легенды передали слово «посол» так, словно Джемисон был послом человечества у рулл. Но не это было главное. Главное, что галактическая война с руллами была выиграна.

Слэн



Глава 1

Он почувствовал холод руки матери, сжавшей его руку. Они, торопясь, шли по улице, и ее страх передавался частой пульсацией из ее мозга в его. Сотни мыслей, исходивших из кишевшей по обе стороны толпы и изнутри домов, мимо которых они проходили, наполняли его мозг. Мысли его матери были ясными и последовательными, но в них был страх.

— Они следят за нами, Джомми,— передавал ее мозг.— У них нет полной уверенности, но они подозревают. Мы очень сильно рисковали, приехав в столицу, хотя я надеялась, что на этот раз мне удастся показать тебе старый, известный только слэнам, вход в катакомбы, где спрятана тайна, которой владел твой отец. Джомми, если случится худшее, ты знаешь, что делать. Мы достаточно часто прорабатывали с тобой это. И не бойся, не волнуйся. Пусть тебе всего девять лет, но у тебя разум не хуже разума любого пятнадцатилетнего человеческого существа.

«Не бойся... Советовать легко»,— подумал мальчик и спрятал от матери свои мысли. Ей, конечно, не понравился этот барьер, внезапно разделивший их. Но есть мысли, которые не следует никому открывать. Они не должны знать, как он боится!

Все вокруг было неизвестным и потому интересным для него. Он почувствовал волнение, которое охватывало его каждый раз, когда он попадал в сердце Центрополиса с тихой окраины, где они жили. Громадные парки, километры небоскребов, суматошная толчея всегда казались ему

более привлекательными, чем рисовало его воображение, но от столицы мира и следовало ожидать всего в огромных размерах. Здесь размещалось и правительство. Где-то здесь живет Кир Грей — абсолютный диктатор планеты. Когда-то давно, сотни лет назад, в короткий период их возвышения, Центрополис был в руках слэнов. Но это было когда-то, а сейчас здесь обосновался Грей...

— Джомми, ты чувствуешь их враждебность? Ты можешь определять такие вещи на расстоянии?

Он напрягся. Неизменная волна неопределенности, омывавшая его и исходившая от толпы людей, сновавших мимо, переросла в бурлящий водоворот, вынесший случайный обрывок мысли: «Говорят, что в городе до сих пор есть живые слэны, несмотря на то, что приняты все возможные меры. Говорят, что скоро даже выйдет приказ пристреливать их на месте...»,— «...но разве это не опасно?»— возникла другая мысль. Очевидно, вопрос задан вслух, хотя Джомми уловил только мысленный образ. «Я имею в виду, что можно по ошибке убить кого-нибудь невиновного».— «Именно поэтому так редко полиция стреляет на виду. Их стараются сначала поймать и проверить. У них отличные от наших внутренние органы и на головах есть...»— «Но теперь будет издан закон о разрешении стрелять в слэнов не только полиции, но и гражданским лицам. Представляешь, какая может подняться неразбериха?..»

— Джомми, ты чувствуешь их? Они на квартал позади нас. В большом автомобиле. Ждут подкрепления, чтобы перегородить нам путь. Они действуют быстро. Ты можешь уловить их мысли?

Он не мог! Несмотря на все отчаянные попытки расширить восприятие своего мозга, несмотря на то, что он напряг свои способности. Именно здесь возможности взрослых превышали его неокрепшие инстинкты. Взрослые могли легко охватывать большие пространства и выстраивать отдельные элементы в последовательные картины.

Ему хотелось обернуться и посмотреть, но он не отважился. Его небольшие, хотя и длинные ноги так и сверкали, так как ему приходилось почти бежать, чтобы идти вровень со спешащей матерью. Так ужасно быть маленьким и беспомощным, молодым и неопытным, тогда как жизнь требовала зрелой силы, мужественности и настороженности взрослого слэна.

Мысли матери ворвались в его раздумья.

«Теперь кто-то впереди нас, Джомми, а другие переходят улицу. Ты должен уходить, дорогой. Не забывай того, что я тебе говорила. Ты живешь только ради этого: сделать так, чтобы слэны могли жить нормальной жизнью. Я думаю, что ты должен будешь убить нашего злейшего врага Кира Грея, даже если бы для этого тебе пришлось войти в Большой Дворец. Помни, может быть стрельба и суматоха, но не вешай нос. Удачи тебе, Джомми!»

И только тогда, когда она отпустила его руку, наспех пожав ее, Джомми понял, что общее содержание ее мыслей изменилось. Страх исчез. Из ее мозга источалось спокойствие, которое укрепляло его нервы и замедляло биение двух его сердец.

Проскользнув под прикрытие проходивших мимо мужчин и женщин, Джомми украдкой взглянул на устремившихся к его матери, которая выглядела сейчас очень обычно: в своих спортивных брюках и розовой кофточке, с волосами, подобранными вверх, с шарфом на шее, она очень напоминала обычную женщину.

Через улицу шли одетые в гражданское верзилы с мрачными лицами, на которых было выражение неприятной обязанности. Мысль о непривлекательности этого, ненависть, которую они несли с собой, ложилась тенью на их разум, которая падала и на Джомми. Это его ошеломило даже в тот момент, когда он сосредоточился, чтобы убежать. Почему так необходимо, чтобы он умер? Он и его чудесная и такая умная мать! Это было чудовищно несправедливо.

Автомобиль, блестящий на солнце, словно длинный бриллиант, резко затормозил у бордюра. Джомми услышал грубый мужской голос.

— Стой! Тут еще есть парнишка. Не дайте ему уйти! Остановите его!

Прохожие стали останавливаться и оглядываться. Мальчик почувствовал вызывающую замешательство мягкость их мыслей. И тогда он обогнул угол и побежал по Кэпитал-авеню. Какой-то автомобиль отъезжал от тротуара. Ноги Джомми с бешеной скоростью застучали по асфальту. Его необычайно сильные пальцы ухватились за задний бампер. Он подтянулся и повис на нем. Автомобиль устремился в лабиринт уличного движения и стал набирать скорость. Откуда-то пришла мысль: «Будь счастлив, Джомми!» Девять лет она готовила его к этому моменту. Что-то подступило к горлу, когда он ответил: «Будь счастлива, мамочка!»

Автомобиль быстро помчался, накручивая один километр за другим. Очень немногие из прохожих останавливались и смотрели на маленького мальчика, едва удерживающегося на сияющем бампере. Джомми ощутил силу этих взглядов, мысли, которые мелькали в их сознании и заставляли губы издавать робкие, но резкие пронзительные крики, которые водитель автомобиля не мог слышать. Джомми внезапно почувствовал мысли людей, которые забегали в телефонные будки и сообщали в полицию о мальчике, вцепившемся в бампер. Малыш изогнулся, пытаясь уловить момент, когда за ним начнет гнаться полицейская машина, которая очень быстро заставит замедлить ход автомобиля, уносившего его. Встревоженный, он впервые сосредоточил свои мысли на ехавших в автомобиле.

Он уловил вибрацию двух разумов. Как только он поймал их мысли, то содрогнулся и опустился почти до самой мостовой, приготовившись отцепиться. Он взглянул вниз, затем, ошеломленный, только сильнее ухватился за бампер. Мостовая вызывала головокружение, скорость автомобиля почти полностью размывала ее очертания. Очень неохотно его мозг снова стал прощупывать сознание сидевших в автомобиле. Мысли водителя были сосредоточены на управлении машиной. Один раз в его мозгу промелькнула мысль о пистолете, упрятанном в кобуру на плече. Имя его было Сэм Эндерс, он был шофером и телохранителем человека, сидевшего рядом — Джона Петти, шефа секретной службы всемогущего Кира Грея.

Имя Джона Петти, шефа полиции, как-будто электрическим током пронзило Джомми. Печально известный охотник за слэнами сидел, расслабившись, не обращая никакого внимания на скорость автомобиля. У него было задумчивое лицо. Он никуда не торопился.

Какой необычайный мозг! В нем ничего нельзя было прочесть кроме смутных поверхностных пульсаций. «Неудивительно,— подумал Джомми,— что Джон Петти может сознательно оберегать свои мысли». Похоже, что здесь действительно был барьер, столь успешно скрывающий мысли, барьер, почти такой же, как у слэнов. Но в то же время и чем-то отличный. Через него проникали обертоны, которые говорили о безжалостном характере, в высшей степени тренированном и выдающемся уме. Неожиданно через этот барьер пробился обрывок мысли, вынесенной на поверхность шквалом бушевавшей внутри страсти, всколыхнувшей спокойствие Петти.

«...придется убить эту девчонку-слэна Кетлин Лейнтон. Это единственный способ подкопаться под Кира...»

Джомми судорожно старался ухватиться за эту мысль, но она упала в тень, за пределы досягаемости. И все-таки он уловил суть: девочку-слэна, по имени Кетлин Лейнтон, должны были убить, чтобы тем самым подорвать влияние Кира Грея.

— Босс,— донесся голос Сэма Эндерса, который обратился к своему шефу,— включите, пожалуйста, вон тот тумблер. Мигающий красный огонек на панели означает общую тревогу.

Джон Петти остался равнодушным.

— Ну их,— отмахнулся он.— Все эти тревоги лишь для мелких сошек.

— Может быть послушаем, в чем там дело?— сказал Сэм Эндерс.

Автомобиль чуть-чуть замедлил ход, когда он дотягивался к дальнему краю приборной доски, и Джомми, рискованно свесившись с бампера, стал ждать случая спрыгнуть на землю. Взгляд его, скользя над крылом автомобиля, видел только нескончаемую смутную ленту мостовой, не переходящую в травяной газон, твердую и не отпускающую его. Спрыгнуть сейчас — значит разбиться о бетон. Когда он, потеряв надежду, вновь прижался к кузову, на него обрушился шторм мыслей Эндерса, поймавшего сообщение общей тревоги:

«Все автомобили на Кэпитал-авеню и в ее окрестностях должны следить за мальчиком, которого считают слэном по имени Джомми Кросс, сыном Патриции Кросс. Миссис Кросс убита десять минут назад на углу Главной и Кэпитал. Мальчик вскочил на бампер автомобиля, который, по показаниям свидетелей, быстро умчался».

— Послушайте, босс,— сказал Сэм Эндерс,— мы находимся на Кэпитал-авеню. Может, остановимся и поможем поискам? Ведь за каждого слэна дают вознаграждение в десять тысяч долларов.

Взвизгнули тормоза. Автомобиль так резко затормозил, что Джомми буквально вдавило в заднюю часть кузова. Он с трудом превозмог давящую на него силу и как раз перед остановкой автомобиля спрыгнул на мостовую. Ноги сами понесли его. Он бросился мимо старухи, попытавшейся схватить его (ее разум был заполнен жадностью). Затем оказался на пустой автостоянке, за которой громоздился длинный ряд почерневших кирпичных и бе-

тонных зданий — начало района оптовых складов и заводов.

Из автомобиля донеслась до него полная злобы мысль:

«Эндерс, вы понимаете, что мы проезжали перекресток с Главной десять минут назад? Этот малый... а, вот он!!! Стреляй быстрее, болван!»

Чувства этого Эндерса, вытаскивающего пистолет, дошли до Джомми столь отчетливо, что он ощутил даже скребущий звук металла о кожу. Он почти увидел, как этот человек прицеливается, причем мысленная картина была удивительно четкой, будто их не разделяли пятьдесят метров.

Джомми нырнул в сторону, когда раздался резкий хлопок пистолета. Он едва услышал звук, и затем стрелой вскарабкался по ступеням в открытую дверь какого-то просторного, тускло освещенного склада. Сзади до него доносились неясные мысли:

«Не беспокойтесь, босс, сейчас этот малютка выдохнется».

— Вы дважды болван, Эндерс: человеку не дано загнать слэна,— пролаял Петти.— Свяжитесь по радио с управлением и прикажите, чтобы район 57-й улицы был оцеплен. Все полицейские машины должны быть здесь. Позаботьтесь, чтобы солдаты...

Как все вокруг стало неясным! Джомми споткнулся в темноте, думая только об одном: несмотря на то, что его мышцы не знают усталости, мужчина может бежать по крайней мере вдвое быстрее его.

Просторное помещение склада было слабо освещено, заполнено миром неясных очертаний каких-то ящиков и предметов, которые простирались вдаль, насколько мог различить взгляд в этой темноте. Дважды спокойные мысли людей, перемещавших ящики где-то слева от него, вторгались в его сознание. Но они не знали ни о его присутствии, ни о суматохе, поднявшейся снаружи. Далеко впереди и чуть правее он увидел яркий просвет, ворота, и понесся в том направлении. Когда он достиг двери, его изумила ее ветхость. Что-то сырое и липкое прицепилось к его бедру, и мускулы начали цепенеть. Ход его мыслей замедлился, сами мысли стали неуклюжими. Он остановился и выглянул за дверь.

Перед ним была улица совершенно непохожая на Кэпитал-авеню. Она была грязной, с растрескавшейся мостовой. По обеим сторонам ее тянулись дома, выстроенные из

пластика лет сто или даже больше тому назад. Сделанные практически из неразрушаемого материала, с вечной окраской, такие же свежие и яркие на вид, как и в день постройки, они тем не менее несли на себе отпечаток времени. Пыль и копоть, как пиявки, покрывали их некогда респектабельные стены. Газоны вокруг домов были плохо ухожены, всюду валялись груды всякого хлама.

Улица была, кажется, пустынной. Неясный шепот мыслей полз из этих грязных домов. Джомми слишком устал, чтобы удостовериться, что мысли исходят только из-за стен домов. Он соскочил с края разгрузочной платформы склада на твердый бетон улицы. Сильная боль пронзила его бедро, но тело не собиралось покоряться, хотя удар был настолько силен, что пружинящее действие мышц обычного человека вряд ли предохранило бы его от увечья. Однако сотрясение было очень сильным.

Мир потемнел, когда он перебегал улицу. Он потряс головой, чтобы прояснить восприятие, но это не удалось. Он только смог стремглав броситься в переулок между закопченным двухэтажным домом и небесно-голубым кварталом из прямолинейных жилых домов-башен. Он не увидел женщину на балконе над собой и не почувствовал ее, пока она не замахнулась на него шваброй. Это импровизированное оружие пролетело мимо, так как он успел уловить его тень и увернулся.

— Десять тысяч долларов!!!— закричала она вдогонку.— Радио сказало: десять тысяч!!! И они мои, слышите? Пусть никто не прикасается к нему! Он мой! Я увидела его первая!

Он смутно разобрал, что она кричит это другим женщинам, повыскакивавшим из квартир. Слава богу, мужчины были на работе.

Ужас жадных умов цеплялся за него, пока он мчался, гонимый страхом, по узкому тротуару перед жилым домом. Он был скомкан окружающими его отвратительными мыслями и дрожал от самых ужасных звуков в мире — пронзительных криков людей, бедных, доведенных до крайней степени отчаяния в безнадежной погоне за богатством и до крайней степени жадности в своих сокровенных мечтаниях о нем.

Его охватил страх оттого, что его могут забить всеми этими швабрами, метлами и граблями, что ему разобьют голову и переломают кости.

Извернувшись, он обогнул угол дома, с одной стороны

которого были навалены пустые ящики. Груда ящиков возвышалась над ним — темная масса, которую трудно было разглядеть, несмотря на яркий солнечный свет. Бурлящая толпа продолжала преследовать его. Он чувствовал, как они нервничают, судя по потоку их мыслей. Они наслышались рассказов о слэнах, и воспоминания об этом затмевали даже жажду обладания десятью тысячами долларов. Но то, что они были толпой, придавало смелости каждому.

Толпа напирала. В его затуманенном усталостью мозгу мелькнула мысль — и через мгновение он уже взбирался на рукотворную гору ящиков.

Боль от напряжения была подобна боли от зубов хищника, вцепившегося в его бок. Он рискнул пробежать еще немного по ящикам и затем быстро спустился в пустое пространство между двумя старыми рамами для перевозки стекла. Места вполне хватало, чтобы спуститься до самой земли. Почти в полной темноте ему удалось различить отверстие в пластиковой стене жилого дома.

Он вытянул руки и стал ощупывать края отверстия в совершенно гладкой стене. Через мгновение он протиснулся в это отверстие и залег в изнеможении на сырой земле. Острые камни впились в тело, но он был настолько утомлен, что в течение некоторого времени был не в состоянии что-либо предпринять и просто лежал, едва дыша, пока толпа неистовствовала снаружи, обезумев от безуспешных поисков.

Темнота успокаивала его так же, как и слова матери, сказанные при расставании.

Кто-то взбирался по ящикам как раз над его головой, и это прояснило, где он очутился: в небольшой полости под черной лестницей. «Интересно,— подумал он,— почему прочный пластик был разрушен именно в этом месте?»

Даже здесь, оцепенев от страха, он размышлял о матери — теперь уже мертвой, как сообщило радио. Мертвая!.. Она, конечно, не боялась смерти. Джомми давно знал, что она страстно желала дожить до того дня, когда бы смогла воссоединиться со своим мертвым мужем в тишине могилы. «Но я должна прежде всего вырастить тебя, Джомми. Отказаться от жизни так легко, так приятно, но я обязана сохранить тебе жизнь до той поры, когда кончится твое детство. Твой отец и я потратили все, что было у нас в жизни, на работу над его изобретением, и все окажется впустую истрачено, если ты не сможешь продолжить наше дело».

Он отогнал от себя это воспоминание, потому что к горлу подступил комок. После этого его сознание прояснилось. Должно быть, помогла короткая передышка. Но теперь он гораздо острее чувствовал, как досаждают острые камни, на которых он лежал, и терпеть боль стало гораздо труднее. Он попытался изменить положение тела, но место было очень узким.

Машинально он стал щупать камни одной рукой и сделал открытие: это были пластиковые осколки, а не камни. Пластик, который упал внутрь, когда ударили по стене. Так образовалось отверстие, через которое он пролез. Было как-то странно размышлять об этом отверстии, сознавая, что кто-то еще — кто-то там, снаружи,— думает об этом же отверстии. Шок от этой неясной мысли, долетевшей снаружи, пламенем обжег Джомми.

Испугавшись, он стал изолировать эту мысль и разум, который породил ее. Но вокруг было слишком много других разумов, слишком большое волнение. Переулок кишел солдатами и полицейскими, которые обыскивали каждый дом, каждый сарай, каждое строение. И из всего этого хаоса мыслей он уловил отчетливую, хладнокровную мысль Джона Петти.

— Вы говорите, что именно здесь видели его в последний раз?

— Он свернул за угол,— сказала женщина,— и затем как в воду канул!

Трясущимися пальцами Джомми стал извлекать осколки из влажной земли. Усилием воли он заставил успокоиться свои нервы и начал быстро и старательно закрывать отверстие, используя влажную землю для того, чтобы сцементировать ею куски пластика. Хотя он совершенно отчетливо понимал, что эта работа не выдержит никакой проверки.

И все время, в течение которого он работал, он ощущал чью-то мысль снаружи, хитрую и проницательную мысль, которая безнадежно смешивалась с диким потоком мыслей, бурлившим в его сознании. Кто-то там, снаружи, не переставал думать об этом отверстии ни на минуту. Джомми не мог разобрать, кто был там — мужчина или женщина. Но мысль присутствовала все время, как дьявольская вибрация какого-то извращенного ума.

Когда стали оттаскивать ящики в сторону и заглядывать в них, мысль все еще была здесь, а затем постепенно стала удаляться по мере того, как затихали крики и начал

отодвигаться безумный хаос мыслей преследователей. Его искали повсюду. Еще долгое время Джомми мог слышать мысли охотников за ним, но в конце концов все вокруг стало успокаиваться, и он понял, что наступил вечер.

Однако почему-то возбуждение, порожденное дневным происшествием, никак не угасало. Из домов ползли приглушенные мысли: люди в своих квартирах думали о том, что произошло, обсуждали это событие.

Наконец он осмелился. Где-то там, снаружи, был человек, который все это время знал, где он находится, но почему-то промолчал об этом. Этот ум был злонамеренным, что наполнило мальчика нехорошими предчувствиями и побуждало поскорей убраться из этого опасного тайника. Орудуя занемевшими пальцами, он разобрал отверстие, затем, одеревеневший от долгой неподвижности, осторожно протиснулся наружу. Каждое движение вызывало приступ боли в боку, и волна слабости затуманивала сознание, однако он решил не останавливаться. Постепенно он подтянулся на верх ящиков, а затем уже, снаружи их, стал спускаться вниз. Его ноги почти коснулись земли, когда он услышал быстрые шаги и впервые почувствовал личность того, кто так долго ждал его.

Тонкая рука схватила его за лодыжку, и раздался торжествующий голос старухи:

— Вот и хорошо! Спускайся к Гренни. Гренни позаботится о тебе, да, да. Она все время была уверена, что тебе оставалось только залезть в эту дырку и что эти дураки не догадаются об этом. О, да! Гренни очень ловкая. Она ушла, а затем вернулась, и так как слэны умеют читать мысли, она держала свой мозг очень спокойным и думала только о кухонных делах. И это сбило тебя с толку. А сейчас пойдем. Гренни присмотрит за таким хорошеньким мальчиком, ведь она так ненавидит полицию.

От страха у Джомми перехватило дыхание, но он все-таки узнал ум той жадной старухи, которая хотела схватить его, когда он убегал от автомобиля Джона Петти. Тот мимолетный взгляд запечатлел образ этой злой старухи в его сознании. И теперь от нее исходил такой ужас, такими омерзительными были ее намерения, что он взвизгнул и набросился на нее.

Тяжелая палка опустилась на его голову, прежде чем до него дошло, что у старухи может быть такое оружие. Удар был сокрушительным. Мышцы его стали непроизвольно дергаться, тело рухнуло наземь.

Он почувствовал, как ему связывают руки, а затем, наполовину подняв его, старуха оттащила его в сторону. В конце концов она ухитрилась запихнуть Джомми в шаткую тележку и накрыла тряпьем, пропахшим конским потом, машинным маслом и урнами для мусора.

Тележка покатилась по ухабистой мостовой заднего переулка, и сквозь громыхание колес Джомми уловил ворчание старухи:

— Какой же была бы Гренни дурой, если бы позволила поймать тебя, мой мальчуган. Награда десять тысяч, ха! Мне бы ни за что не дали столько. Думаю, что я не получила бы ни цента! Уж Гренни-то знает этот мир. Когда-то она была известной актрисой, а теперь же просто мусорщица. Они никогда не дали бы не то что сотню сотен, но и одну сотню собирательнице тряпья и утиля. Ни за что! Гренни еще покажет им, чего можно добиться с молодым слэном. Гренни наживет огромное состояние с помощью этого дьяволенка...

Глава 2

Опять этот отвратительный мальчишка.

Кетлин Лейнтон застыла в защитной позе, но затем расслабилась. От него нельзя было убежать с того места, где она стояла — на этой почти двухсотметровой зубчатой стене дворца. Но не составило особого труда — после всех этих долгих лет в качестве единственного слэна среди столь большого количества враждебных существ — стоять лицом к лицу с кем угодно, даже с Дэвидом Диномором, которому одиннадцать лет.

Она не обернется. Она не покажет ему, что ей стало известно о его приближении по широкому застекленному коридору-переходу. И упорно старалась не думать о нем, поддерживая едва уловимый контакт, необходимый для того, чтобы он не мог подойти к ней неожиданно. Она должна продолжать смотреть прямо на город, как будто не знает о его приближении.

Город начинался совсем неподалеку. Обширное пространство зданий и сооружений бесчисленных форм и цветов постепенно обволакивалось легкой дымкой сгущающихся сумерек.

Еще дальше чернела зеленая равнина и обычно голубая несущаяся потоком вода реки, извивающейся внутри и за

городом. Она сейчас казалась более темной, лишенной блеска в этом почти лишенном солнца мире. Даже горы в отдалении у покрытого туманом горизонта имели темный оттенок. В них была какая-то печальная задумчивость, которая была подстать грусти в ее собственной душе.

— А-а-а-а! Смотри получше. Это твой последний.

Неприятный голос резанул по нервам, как совершенно бессмысленный звук. Некоторое время впечатление о полностью нечленораздельных звуках было настолько сильным, что значение слов не проникало в ее сознание. А затем, помимо своей воли, она резко повернулась в его сторону.

— Мой последний? Что ты имеешь в виду?

И тут же пожалела о своем поступке. Дэви Диномор стоял менее чем в двух метрах от нее. На нем были длинные шелковистые брюки и желтая рубаха с открытым воротом. На его мальчишеском лице было выражение «ух, какой я хулиган», а губы скривились в усмешке, убедительно напоминая, что она заметила его и это было его победой. Но все же, что заставило его произнести эти слова? Верилось с трудом, что он мог сам додуматься до этого. Ее охватило желание поглубже порыться в его сознании. Она вздрогнула и решила не делать этого. Войти в этот мозг в его нынешнем состоянии означало на добрый месяц почувствовать отвращение к происходящему вокруг.

Несколько месяцев прошло с того момента, как она решила прекратить контакты своего разума с потоком человеческих мыслей — с надеждами людей и их ненавистью, превращавших в ад атмосферу во дворце. Лучше всего презирать этого мальчишку, так же, как и в прошлом. Она повернулась к нему спиной, и даже ничтожнейшее прикосновение к его разуму донесло до нее обертоны неистовства, побуждавшего его к действию. И снова раздался его голос:

— Не-е-е, в последний раз! Я это сказал и это имел в виду. Завтра твой одиннадцатый день рождения, не так ли?

Кетлин не отвечала, притворившись, что не слышит. Однако чувство опасности жалило ее своей неопределенностью. В его голосе было слишком много скрываемого злорадства, слишком много уверенности. Может быть, происходит нечто ужасное, составлены жуткие планы в течение этих месяцев, когда она изолировала свой мозг от мыслей этих людей? Может, она совершила ошибку, замкнувшись

в своем собственном мире? А теперь реальный мир нарушил ее защитную броню.

— Ты думаешь, что очень хитрая?— не унимался Дэви Диномор.— Посмотрим, как ты будешь чувствовать себя завтра, когда настанет твой конец! Может, ты об этом еще не знаешь, но мама говорила, что по дворцу ходит слух, что, когда тебя впервые сюда привели, мистер Кир Грей вынужден был обещать правительству, что велит убить тебя в день твоего одиннадцатилетия. И ты не думай, что это обещание не будет выполнено. Вчера убили женщину-слэна прямо на улице. Вот был спектакль! Мне было бы очень интересно знать, что ты думаешь обо всем этом, а?

— Ты... сошел с ума!

Слова помимо воли слетели с ее уст. Она едва сознавала, что они вовсе не такие, как она думала. Так или иначе, он говорил правду. Это вполне соответствовало нравственности этих убогих людишек. Это было столь логично, что она поверила.

Весьма страшным было упоминание о том, что хранилось в памяти Кетлин. Девушка сразу вспомнила, как три года назад этот мальчишка, пользуясь молчаливым покровительством своей матери, которая находилась рядом, напал на нее с целью запугать и превратить ее в забитое и бессловесное существо. Какое было удивление, какой был крик и брыканье ногами от страха, когда она оторвала его от пола и держала высоко в руках, пока вперед не бросилась его разъяренная родительница, выкрикивая угрозы о том, что она собирается сделать с этим «грязным, подлым слэном».

И затем неожиданно появился Кир Грей, неумолимый, высокий, властный, и миссис Диномор склонилась перед ним.

— Мадам, на вашем месте я бы и рукой не дотронулся до ребенка, который находится перед вами. Кетлин Лейнтон является собственностью государства, и когда понадобится, будьте уверены, государство само сможет от нее избавиться. Что же касается вашего сына, то я видел все, что произошло здесь: он получил то, что полагается каждому забияке, и я надеюсь, что этот урок пойдет ему на пользу.

Как глубоко она была тронута тем, что он ее защитил!.. И после этого она поместила Кира Грея в своем сознании в часть, совсем отличную от той, к которой она причисляла другие человеческие существа. И это несмотря

на его жестокость, на все страшные рассказы о нем! Но теперь она знала правду и то, что он ничего другого не имел в виду, когда говорил, что государство может само избавиться от нее.

Она сбросила с себя состояние горькой задумчивости и увидела, что город внизу меняет свой облик. Вся его огромная масса оделась в свое вечернее великолепие с мириадами мерцающих огней. Сейчас город казался удивительным, он раскинулся перед нею, как какая-то необыкновенная страна зданий, которые величаво вздымались к небесам и ярко сверкали своим великолепием.

Всегда она так хотела уйти в этот таинственный город, воочию увидеть все то, что так волновало ее воображение. Теперь, конечно, она никогда уже не увидит все это, так и не сможет увидеть весь этот мир красоты, попробовать его, насладиться им.

— И-е-е-е,— снова раздался нечленораздельный крик Дэви.— Смотри хорошенько и знай, что смотришь в последний раз!

Кетлин задрожала. Она почувствовала, что не в силах больше вынести присутствие этого... этого гнусного мальчишки, ни секунды более. Не произнеся ни слова, она повернулась и спустилась вниз, во дворец, в одиночество своей спальни.

Было уже поздно, но сон не приходил. Кетлин знала, что уже очень поздно, так как уменьшился шумовой фон, создаваемый мыслями снаружи: люди давно уже были в кроватях... кроме часовых, гуляк и страдавших бессонницей.

Странно, что она не могла уснуть. По сути, она ощутила облегчение, теперь, когда ей стало известно все... Жизнь день ото дня становилась все ужасней, ненависть слуг и большинства других человеческих существ была близка к пределу, который она могла вынести. Она, должно быть, все же задремала, так как жестокая мысль, которую она уловила откуда-то извне в искаженном виде, превратилась в нереальный сон, который она увидела.

Кетлин беспокойно зашевелилась. Усики слэна (тонкие пряди волос, тускло поблескивающие, как полированное золото, на фоне темных волос, которые обрамляли ее точеное детское личико) целиком приподнялись над остальными волосами и слабо колыхались, как будто их обвевал слабый ветерок... Слабо, но настойчиво.

Вдруг эти чувствительные антенны подцепили угрожа-

ющую мысль из мрака окутанного ночью дворца Кира Грея. Кетлин проснулась, дрожа от страха.

Ее мозг выхватил на мгновение мысль, мысль жестокую, отчетливую, выражающую намерение совершить хладнокровное убийство. Подобно холодному душу, эта мысль полностью прогнала ее сон. А затем вдруг исчезла, причем исчезла совершенно, будто ее и не было вовсе. Оставалась смутная неразбериха мысленных образов, которые лились нескончаемым потоком из бесчисленных помещений огромного дворца.

Кетлин лежала очень тихо, и из глубины ее души пришло понимание того, что все это значило. Кто-то не хочет, чтобы я дожила до завтра. Кто-то сомневается, что надо мной совершится казнь. И он намеревается поставить Совет перед свершившимся фактом. Могло быть только одно лицо, достаточно могущественное, чтобы не бояться последствий,— Джон Петти, глава секретной полиции. Фанатик, ненавидящий слэнов, и соответственно и ее, ненавидящий столь люто, что даже в этом центре анти-слэнов его мысли были наиболее яркими и впечатляющими. Убийца, должно быть, один из его приспешников.

Она усилием воли успокаивала свои нервы, и заставила разум зондировать окружающее все дальше и дальше, до самых дальних пределов своих возможностей. Тянулись секунды, но она продолжала лежать, разыскивая мозг, который хоть на короткое мгновение таил бы в себе угрозу ее жизни. Шепот мыслей извне превратился в рев, который потряс ее сознание. Уже несколько месяцев она не обследовала мир неконтролируемых умов. В ее сознании никогда не ослабевала память об этих ужасах. Однако реальность была хуже воспоминаний. Неумолимо, почти со взрослой настойчивостью она удерживала себя в этой буре разумов, изо всех сил стараясь по очереди изолировать индивидуальность каждого. Откуда-то внезапно выплыла фраза:

«О, господи! Надеюсь, что они не обнаружат, что их обманывают. Сегодня на овощах!»

Это, должно быть, была жена помощника повара, несчастная богобоязненная женщина, которая жила в постоянном смертном страхе, в страхе перед днем, когда будет разоблачено вероломство ее мужа.

Кетлин на миг прониклась жалостью к этой испытывающей ужасные муки совести женщине, лежащей без сна в темноте рядом с мужем. Но жалостью не особенно значи-

тельной, так как эта маленькая женщина однажды, повинуясь исключительно злобному импульсу, остановилась, когда Кетлин проходила мимо нее по коридору, и, не раздумывая, с силой ударила ее по лицу.

Разум Кетлин спешил, движимый все более растущим чувством опасности. Разные картинки мелькали в ее голове — настоящий калейдоскоп, причем некоторые из них были настолько яркими, что почти полностью перекрывали все другие. Здесь был целый мир дворца, с его интригами, бесчисленными личными трагедиями, жестоким честолюбием. Здесь были самые сокровенные мечты ворочающихся во сне людей. Здесь присутствовали также и мысли людей, всю ночь занимающихся составлением хитроумных планов.

И вдруг к ней прорвался обрывок грубого желания, жестокой решимости убить ее. В тот же момент он пропал, как неумолимая тень, но тень грозная. Беспощадность этой мысли, подобно шпоре, довела ее до отчаяния. Потому что этот второй проблеск угрожающей ей мысли был таким мощным, что источник ее мог быть где-то рядом в непосредственной близости.

Ее начало лихорадить, и тут она уловила эту мысль в третий раз. Сейчас она смогла определить, откуда она исходит. Девушка поняла, почему этот мозг так долго избегал ее. Его мысли были тщательно рассеяны, умышленно рассредоточены на тысячи различных дел, которые казались просто обертонами в неразборчивом шуме, создаваемом множеством находившихся вокруг разумов.

Он, должно быть, имел практику, но даже если это было так, это был не Петти или Грей, каждый из которых придерживался бы жесткого хода мыслей, подчиненного законам логики, которые ни за что не позволили бы хоть одной искринке задуманного выскользнуть из своего разума. Ее вероятный противник, несмотря на свой ум и изворотливость, выдал себя... И как только он войдет в комнату, она...

Мысль оборвалась. Ее разум был потрясен обрушившейся на нее истиной. Человек был уже в ее спальне и в этот момент подползал на коленях к ее кровати.

Кетлин показалось, что время остановилось. Этому чувству способствовало и то, что вся она, даже руки, была укрыта одеялами. От малейшего движения зашелестят плотно накрахмаленные простыни. Он набросится на нее прежде, чем она успеет двинуться, прижмет ее под одеялами, и она окажется в его руках.

Никакой возможности ни шевельнуться, ни разглядеть что-либо в темноте спальни. Она могла только чувствовать, как нарастает возбуждение в пульсирующем мозгу убийцы. Его мысли стали более быстрыми, и он перестал рассеивать их. Пламя его убийственной ненависти обжигало ее, оно было настолько мощным и неистовым, что ей пришлось отключить часть своего разума, потому что внезапно почувствовала настоящую физическую боль.

И в этом полном откровении его мыслей Кетлин прочла всю предысторию этого покушения. Этот человек был часовым, пост которого был снаружи, за дверью. Но это не был обычный часовой. Странно, что она не заметила подмены. Наверное, ее сделали, когда она спала. Либо когда была полностью погружена в свои мысли.

Она уловила его план действий, когда он поднялся с покрытого ковром пола и склонился над кроватью. Впервые ее глаза уловили неясный отблеск ножа в его руке, которую он отвел для удара.

Оставалось единственное. Единственное, что она могла сделать. Она быстро и решительно вскочила и швырнула одеяла на голову и плечи ошеломленному убийце. Затем спрыгнула с кровати и стала еще одной тенью среди теней.

Позади нее раздался приглушенный одеялами вскрик. В этом приглушенном крике был испуг и страх перед тем, что может случиться.

Она уловила его мысли, услышала шум движения, когда он одним прыжком перепрыгнул кровать и начал молотить руками, стараясь обыскать самые дальние уголки комнаты. В этот момент ей показалось, что не следовало ей вскакивать с кровати. Если завтра все равно наступит смерть, то к чему эта отсрочка? Но ответом была охватившая ее воля к жизни, и в уме вновь шевельнулась мысль, что этот ночной посетитель был доказательством того, что кто-то, кто желал ее смерти, боялся, что казнь не наступит.

Она постаралась перевести дыхание. Ее возбуждение смешалось с презрением, которое она испытывала, глядя на неуклюжие старания убийцы.

— Дурак,— сказала она своим детским голосом, полным издевки, но абсолютно не похожим на детский своим спокойствием и разящей логикой.— Неужели ты и в самом деле надеешься поймать слэна в темноте?

То, как убийца прыгнул в направлении ее голоса и размахивал во все стороны кулаками, было совсем не привлекательно. Это было жалкое и смешное зрелище, так

как мысли этого человека стали теперь совсем гадкими от страха, охватившего его. В этом страхе было что-то нечистое, и Кетлин брезгливо поморщилась, стоя босиком у противоположной стены спальни.

Потом она сказала своим высоким детским голосом:

— Лучше тебе уйти, прежде чем кто-то услышит, как ты здесь брыкаешься. Я не сообщу мистеру Грею о тебе, если только ты уберешься отсюда немедленно.

Она почувствовала, что человек ей не поверил. В нем было слишком много страха, слишком много подозрительности и, что совершенно неожиданно, коварства! Бормоча проклятия, он перестал ее искать и опрометью бросился к двери, где находился выключатель освещения. Она почувствовала, что убийца вытаскивает пистолет и наощупь ищет выключатель. Девушка поняла, что он предпочитает рискнуть, а потом попытается скрыться от часовых, которые обязательно сбегутся на звук выстрела, чем решиться на встречу со своим начальником, которому придется признаться в своей неудаче.

— Ты глупый дурак!— сказала Кетлин.

Она знала, что предпринять, хотя раньше никогда не сталкивалась с такой ситуацией. Она беззвучно прокралась вдоль стены, ощупывая пальцами ее поверхность. Затем открыла обшитую филенками дверь, проскользнула в нее, заперла за собой и побежала вдоль коридора, тускло освещенного, к двери в конце его. Она открылась от прикосновения. Это была дверь в большой, роскошно обставленный кабинет.

Внезапно, испугавшись, Кетлин задержалась в проеме, глядя на человека, который сидел за столом и что-то писал при свете затененной настольной лампы. Кир Грей не сразу поднял голову. Но через мгновение девушка поняла, что он уже знает, кто вошел. И тут у нее хватило смелости наконец-то хорошенько присмотреться к этому могущественному человеку, пока он молчит.

Было что-то величественное в этом повелителе людей, что всегда восхищало ее, и даже сейчас, когда страх навалился всей своей тяжестью, она не могла не отметить этого. Резкие черты придавали его лицу благородное выражение; сейчас он задумчиво склонился над письменным столом, размышляя над очередной фразой письма.

По мере того, как он писал, она была в состоянии следовать по поверхности за его мышлением, но не более. Она обнаружила давным-давно, что Кир Грей также, как

и самый ненавистный человек, Джон Петти, способен мыслить в ее присутствии, не отклоняясь от темы, причем таким образом, что чтение его мыслей становилось практически невозможным. Она могла уловить только скользящие на поверхности мысли, слова письма, которое он писал. Но ее возбуждение, нетерпеливость переборoли всякий интерес к его писанию.

— Там, в моей комнате, какой-то человек,— взорвалась она.— Он хотел меня убить!

Кир Грей поднял голову. Его лицо стало более суровым, когда он полностью перенес на нее свое внимание. Благородные линии его профиля уступили место решительным и властным.

Кир Грей, повелитель людей, холодно смотрел на нее. Когда он заговорил, его ум работал с такой точностью, а голос и разум были так тесно скоординированы, что она не смогла определить, издает ли он вообще какие-либо звуки.

— Какой-то убийца, да? Продолжай!

Кетлин разразилась потоком слов, в которых было все, что случилось с ней с того времени, когда Дэви Диномор насмехался над ней еще на стене дворца.

— Значит, ты думаешь, что за всем этим стоит Джон Петти?— спросил он.

— Только он мог решиться на это. Секретная полиция распоряжается людьми, охраняющими меня.

Грей кивнул, и она почувствовала, что его мозг чуть-чуть напрягся. Однако мысли его продолжали быть глубокими, спокойными и неторопливыми.

— Значит, это случилось,— сказал он, наконец, мягко.— Петти делает заявку на высшую власть. Я почти чувствую жалость к этому человеку. Он слишком слеп к своим собственным недостаткам. Никогда шеф секретной полиции не будет пользоваться доверием народа. Меня боготворят и боятся. Его же — только боятся. А он думает, что это важнее всего.

Карие глаза Грея серьезно смотрели на Кетлин.

— Он намеревался убить тебя до срока, установленного Советом, потому что я ничего уже не смог бы предпринять, поставленный перед свершившимся фактом. И эта беспомощность в противодействии ему — он это точно рассчитал — снизила бы мой авторитет в Совете.— Теперь его голос стал совсем мягким и низким, словно он совсем забыл о Кетлин и размышлял вслух.— И он был прав. Совет был бы только раздражен, если бы я попытался

навязать им какое-то решение относительно смерти ненавистного слэна. И все же они не предприняли бы никаких действий против меня. Они отлично знают, что это было бы началом конца. Распад, раскол на фракции, которые постепенно станут крайне враждебными друг другу, пока так называемые реалисты не воспользуются сложившейся ситуацией и не примкнут к какой-нибудь группе, обеспечив ей победу, или же начнут приятную игру, которая известна, как игра центра против своих крайних направлений.

Он немного помолчал, затем продолжал:

— Как ты можешь видеть, Кетлин, положение очень трудное и опасное, так как Джон Петти, чтобы дискредитировать меня в Совете, был неумолим в распускании слухов, что я намерен оставить тебя живой. Соответственно, и это как раз то, что может заинтересовать тебя,— впервые улыбка озарила это суровое лицо,— соответственно, и мой авторитет и мое положение теперь зависят от того, сумею ли я сохранить тебе жизнь, несмотря на все старания Джона Петти.— Он еще раз улыбнулся.— Ну, а что ты думаешь о нашем политическом положении?

Кетлин презрительно поморщилась.

— Он дурак, если выступит против вас, вот что я думаю. И я буду помогать вам, как смогу. Я смогу помочь читать мысли и намерения.

Широкая улыбка озарила лицо Кира и совсем стерла суровые черты с него.

— Ты знаешь, Кетлин,— сказал он,— мы, человеческие существа, должны казаться слэнам очень странными. Например, как мы обращаемся с вами. Ты знаешь причину этого?

Кетлин покачала головой.

— Нет, мистер Грей. Я часто читала в умах людей об этом. По-моему никто не знает, почему все так ненавидят нас. Что-то — в войне между слэнами и людьми, которая была давным-давно. Но ведь войны были и раньше, но после них люди не ненавидели друг друга. И, кроме того, все эти ужасные истории, настолько абсурдные, что не могут быть ничем, кроме ужасной лжи.

— Ты слышала,— сказал он,— что делают слэны детям людей?

— Это именно одна из тех глупых и лживых историй,— презрительно произнесла девушка.— О, боже, какая низкая ложь!

— Да, вот теперь я знаю, что ты слышала эти истории!— рассмеялся диктатор.— Возможно, это потрясет тебя, но такое действительно случалось с детьми. Что тебе известно об уме взрослого слэна, чьи умственные способности вдвое выше, чем у среднего человека? Все, что ты знаешь, ты знаешь только о себе. Ты бы этого не делала, но ведь ты еще ребенок! Не обращай пока что на все это внимания. И мне, и тебе, пожалуй, придется побороться за свои жизни. Сейчас, наверное, убийца покинул твою комнату, но ты все же должна взглянуть на его мозг, чтобы идентифицировать его. У нас теперь будет откровенный обмен мнениями. Я приглашу сюда Петти и Совет. Им, наверняка, не понравится, что их отвлекут от сладкого сна, но черт с ними! Ты оставайся здесь. Я хочу, чтобы ты прочла их мысли и рассказала, о чем они думали во время этого необычного расследования.

Он нажал кнопку на столе и вежливо сказал в маленький, похожий на коробочку прибор:

— Скажите капитану моей личной охраны, чтобы он зашел в мой кабинет.

Глава 3

Сидеть под ослепительно сияющими лампами было нелегко. На нее смотрели слишком часто. В мыслях у них была смесь нетерпения и безжалостности. Их ненависть угнетала ее и отравляла сознание. Они ненавидели ее лютой ненавистью. Они страстно желали, чтобы она была мертва. Девушка в ужасе закрыла глаза и отвела свое сознание от них, стараясь поудобнее устроиться в кресле, как будто посредством силы воли она могла сделать свое тело невидимым.

Но слишком много было поставлено на кон, чтобы она могла осмелиться упустить какую-нибудь мысль или образ. Глаза и разум ее распахнулись — и снова комната, люди, эта грозная ситуация.

Джон Петти резко встал и произнес:

— Я возражаю против присутствия слэна на этой встрече на том основании, что ее невинная детская внешность может пробудить в ком-нибудь из нас искру милосердия.

Кетлин удивленно взглянула на него. Шеф секретной полиции был коренастым мужчиной среднего роста, похо-

жий скорее на ворону, чем на орла, а на его лице не было ни малейших следов добросердечия. Кетлин подумала: «Неужели он и в самом деле верит в это? Неужели он думает, что кто-то из этих людей по какой-то причине сможет проявить милосердие?»

Она попыталась прочесть то, что было спрятано за этими словами, но его мозг был преднамеренно затуманен, а мрачное, властное лицо лишено какого бы то ни было выражения. Она уловила очень слабый оттенок иронии и поняла, что Джон Петти прекрасно осознает сложившуюся ситуацию. Это было его заявкой на власть, а его тело и ум были готовы к действию и беспощадны.

Кир Грей сухо рассмеялся, и Кетлин уловила отблеск магнетической силы этого человека. Что-то в диктаторе было от тигра, невообразимо захватывающее дух, подобная пламени эманация, которая делала его более сильным и решительным, чем все остальные в этой комнате.

— Не думаю, что нам нужно беспокоиться,— сказал он,— о наших добрых побуждениях, которые могут превозмочь здравый смысл.

— Совершенно верно,— сказал Мерле, министр транспорта.— Судья должен сидеть в присутствии обвиняемого.

Министр остановился, но про себя продолжил: «Особенно, если судья наперед знает, что приговором будет смерть!» Он слегка хихикнул про себя, однако его взгляд оставался бесстрастным.

— Но я хочу, чтобы эту паршивку выставили отсюда!— сердито заворчал Петти.— Вы знаете, что она с л э н, и, клянусь небом, я не хочу, чтобы слэн сидел в одной комнате со мной!

Ответный поток коллективных эмоций на это популярное изречение физическим ударом обрушился на Кетлин.

Присутствующие яростно загалдели:

— Вы чертовски правы!

— Выставьте ее вон!

— Грей, что это вы так разнервничались, если решились посреди ночи разбудить нас...

— Совет уладил это дело одиннадцать лет назад. До недавнего времени я даже не знал этого.

— Приговором была смерть, не так ли?

Поддержка присутствующих заставила Петти с триумфом посмотреть на Грея. Глаза их встретились, как шпаги фехтовальщиков перед решающим уколом. Кетлин сразу поняла, что Петти пытается повлиять на момент. Но если

диктатор чувствовал, что проигрывает, это не отражалось на его бесстрастном лице и ни тени сомнения не промелькнуло на поверхности его разума.

— Господа, все вы заблуждаетесь. Кетлин Лейнтон — слэн, но находится здесь на судебном разбирательстве. Она здесь для того, чтобы дать показания против Джона Петти, и я могу себе отчетливо представить его желание, чтобы ее не было в этой комнате.

Удивление Петти было несколько наигранным, как удалось отметить Кетлин. Его разум оставался слишком спокойным, холодным в то время, как его голос был подобен реву быка.

— Это все ваши нервы! Вы оторвали всех нас ото сна только ради этого, чтобы затащить меня на это ночное разбирательство против меня на основании показаний какого-то слэна!!! Я вижу, что нервы ваши совсем расшатались, Грей. Я предлагаю раз и навсегда разрешить одну юридическую проблему: может ли слово слэна иметь хоть малейший вес в качестве свидетельских показаний?

Этим он снова воззвал к первородной ненависти. Под натиском ответных чувств Кетлин вздрогнула. У нее не было ни малейшего шанса, никакой надежды остаться в живых после этого собрания — только смерть.

Голос Кира Грея оставался таким же бесстрастным, как и прежде.

— Петти, вам, я полагаю, следует помнить, что вы сейчас выступаете не перед толпой крестьян, сознание которых оболванено нашей пропагандой. Ваши теперешние слушатели — реалисты, и, несмотря на ваши очевидные попытки одурачить их, они понимают, что их собственное политическое, а возможно и физическое будущее является ставкой в этом кризисе, который ВЫ, а не я, спровоцировали.

Лицо диктатора стало твердым, в голосе появилась жесткая хрипота.

— Я надеюсь, что каждый из присутствующих полностью придет в себя ото сна, отбросит эмоции и нетерпение и поймет, что Джон Петти бросает вызов, чтобы сместить меня. Но учтите, что, несмотря на результат этой борьбы, независимо от того, кто из нас победит, кое-кто из вас может не дожить до утра.

Теперь на нее уже никто не смотрел. В этой внезапно затихшей комнате у Кетлин появилось чувство, что она стала невидимкой. Как будто какой-то груз покинул ее

разум, и она впервые почувствовала, что может видеть, чувствовать и думать с обычной четкостью.

В этой обитой дубовыми панелями комнате наступила звуковая и мысленная тишина. На некоторое время мысли всех этих людей стали неясными, их интенсивность резко уменьшилась. Как будто возник барьер между их и ее сознанием, так как их мысли скользили на очень глубоком уровне, до которого она не могла достать. Кетлин поняла по выражению их лиц, что члены Совета стали усиленно взвешивать все «за» и «против», анализировать положение, искать пути, чтобы достойно встретить внезапно осознанную смертельную опасность. И тут девушка почувствовала сильный всплеск на фоне неясных мыслей. Четкую команду в уме: «Иди к креслу в углу, где они не смогут тебя видеть. Не поворачивай голову! Ну, быстро!» Кетлин бросила взгляд на Грея, а он мельком посмотрел на нее. Затем она беззвучно соскользнула со своего кресла и повиновалась приказу.

Никто не обратил на это внимания. Вслух Кир Грей сказал:

— Конечно, нет никакой необходимости в экзекуции, при условии, что Джон Петти раз и навсегда выбросит из головы это безумное желание занять мое место.

Было совершенно невозможно разобраться в мыслях присутствующих, пока они размышляли и смотрели на диктатора. Некоторое время их умы были полностью неконтролируемыми. Так же, как и у Джона Петти и Кира Грея, все их сознание было сосредоточено на том, что следует сказать и что сделать, как поступить после такого предостережения.

Кир Грей все так же бесстрастно продолжал:

— Я подчеркиваю, что такое желание безумно. Многим может показаться, что это не что иное, как борьба за власть. Но, поверьте мне, это намного больше, чем простая перебранка. Человек, обладающий верховной властью, представляет стабильность и порядок. Человек, который жаждет властвовать, должен в тот же момент, когда он получит власть, обеспечить безопасность своего положения. Это означает: казни, изгнания, конфискации, тюремные заключения, пытки,— все это, конечно, будет направлено против тех, кто противостоит ему или кому он не доверяет.

Прежний вождь не может просто отступить на роль подчиненного. Его противник никогда по существу не ис-

чезает — свидетельство тому Наполеон или Цезарь,— следовательно, он остается источником постоянной опасности. Претендента на роль вождя можно приструнить и вернуть на прежнее место. Именно такими и являются мои намерения в отношении Джона Петти.

Он, как виделось Кетлин, взывал к их инстинктам благоразумия, их страху перед тем, что могут навлечь на них такие перемены. Размышления ее были прерваны тем, что Петти резко встал. Некоторое время он был совсем беззащитен перед ее способностью, но сила воли его была так велика, что совершенно исключало чтение его мыслей. Было ясно, что и в этот момент он мог всецело владеть собой.

— Я думаю,— взорвался он,— что мне никогда еще не приходилось слушать такое необычное заявление от человека, который находится в здравом рассудке, как считают многие. Этот человек обвинил меня в попытке бросить вызов. Господа, разве вы не понимаете, что у этого человека нет никаких оснований для такого заявления? Мне кажется, что не существует даже предмета спора!.. Все, что мы имеем,— это голословное обвинение и драматическое разбирательство, к которому нас вынудили посреди ночи. Должен признаться, что сам я еще сонный, но, как полагаю, уже достаточно в своем уме, чтобы оценить, что Кир Грей поддался болезни, терзавшей диктаторов всех веков — мании преследования. У меня нет сомнения, что уже несколько лет назад он начал искать в каждом нашем высказывании, в каждом нашем поступке призрачную угрозу своему положению. У меня нет слов, чтобы выразить ужас при мысли, что все это значит. При столь отчаянном положении со слэнами, как может он даже подозревать, что кто-либо из нас будет стремиться к расколу? Я говорю вам, господа, что мы не можем позволить себе в настоящее время и намека на разногласия. Общественность доведена до предела чудовищной деятельностью слэнов в мировом масштабе, направленной против детей. Их намерение превратить в слэнов всю человеческую расу, с ужасными конечными результатами, является величайшей проблемой, с какой только сталкивалось какое-либо правительство.

Он повернулся к Киру Грею, и Кетлин похолодела от совершенства его поступков, его внешней искренности.

— Кир, я хотел бы забыть то, что вы только что наговорили. Я хотел бы забыть это разбирательство, эти угро-

зы, что некоторые из нас могут не дожить до утра. При данных обстоятельствах я могу только предложить, чтобы вы ушли в отставку. У меня нет больше доверия к вам.

— Как видите, господа,— сказал, слегка улыбнувшись, Кир Грей,— сейчас мы подошли к сути проблемы. Петти таки высказался насчет моей отставки!

Высокий, худой, моложавого вида, с лицом ястреба мужчина вступил в разговор.

— Я согласен с Петти. Ваши действия, Грей, доказывают, что вы более не являетесь ответственным лицом. Уходите в отставку!

— В отставку!— раздался еще один голос в поддержку этого предложения, и внезапно, словно хор, кабинет загремел:

— В отставку!

— В отставку!

— В отставку!

Для Кетлин, которая все внимание сконцентрировала на том, чтобы следить за словами Джона Петти, стало ясно, что эти слова приближают ее конец. Однако уже через мгновение она поняла, что этот шум устроили только четверо из десяти.

Выкрикивая непрерывно «В отставку!», они надеялись запугать сомневающихся или трусливых, но им это не удалось. Ее разум и взор обратились к Киру Грею, чье присутствие удерживало остальных от паники. Она смотрела на него, и к ней возвращалась смелость, потому что он продолжал сидеть, как ни в чем не бывало, чуть выпрямившись в кресле, и казался на вид еще более высоким, широкоплечим и сильным. Его лицо выражало иронию и уверенность.

— Разве это не странно,— спросил он тихо,— что эти четверо молодых людей так сплотились, чтобы поддержать молодого лидера Петти? Я надеюсь, что более старшим присутствующим здесь членам Совета совершенно ясно, что все это было организовано. Мне кажется, заранее приготовленные этими молодцами группы боевиков ждут не дождутся утра, ибо эти молодые смутьяны откровенно нетерпимы к нам, старомодным чудакам, и хотя я по возрасту отношусь к их поколению, они на самом деле считают меня отсталым дедом. Они совершенно потеряли самообладание и, конечно, убеждены, что, расстреляв тех, кто постарше, только ускорят то, что природе удается во всех случаях сделать с каждым индивидуумом.

— Расстрелять их,— прорычал Мерле, самый старый из присутствующих.

— Чертовы молодые выскочки!— выкрикнул Лэрикен, министр авиации.

Кетлин было бы очень интересно послушать бормотание тех, кто был постарше, если бы она не осознавала отчетливо, какие побуждения скрывались за этими словами и мыслями. Это были: ненависть, страх, сомнения, высокомерие, крах надежд и решимость,— все было там, в путанице душевного убожества.

Чуть-чуть побледнев, Петти прислушивался к этому ворчанию. Но Кир Грей вскочил с места, сверкая глазами, и, подняв сжатые кулаки, страстно заговорил:

— Да сядьте же вы, невообразимый глупец! Как вы осмелились ввергать нас в этот кризис, когда мы, возможно, должны будем изменить нашу политику в отношении слэнов? Мы проигрываем! Разве вы не видите этого? У нас нет ни одного ученого, который мог бы сравниться со сверхучеными из слэнов. Чего я сейчас не отдал бы за то, чтобы иметь хотя бы одного ученого, который был бы на нашей стороне. Иметь, ну, скажем, такого ученого, как Питер Кросс, который по-дурацки был убит три года тому назад, и все потому, что полицейские, поймавшие его, заразились настроением толпы. Да, я сказал «толпы»! Именно толпой стал наш народ теперь, сегодня. Толпой, зверем, которому мы своей пропагандой помогли стать таким. Они боятся, смертельно боятся за своих детей, а у нас нет ни одного ученого, сравнимого с суперучеными-слэнами, который мог бы объективно исследовать этот вопрос. Фактически у нас вообще нет людей, которых можно было бы назвать учеными. Какие побудительные причины есть у человеческого существа провести всю свою жизнь в исследованиях, если в своем сознании он носит умерщвляющее сознание того, что все открытия, которые он надеется сделать, давно уже сделаны слэнами? Что все эти открытия уже где-то спрятаны в тайных пещерах или зашифрованы на бумаге, готовые к тому дню, когда слэны сделают очередную попытку подчинить себе мир? Наша наука смехотворна, наше образование — сплошной набор небылиц. И с каждым годом крушение стремлений человечества и его надежд становится все более очевидным. Нам ничего не остается, кроме ненависти, но одной ненависти недостаточно. Мы либо должны выкорчевать всех слэнов, либо помириться с ними и покончить с этим безумием.

Лицо Кира Грея потемнело от страсти, с которой он произносил эти слова. И все это время, как отметила Кетлин, его разум был холоден, насторожен и бдителен. Этот повелитель людей был мастером по части демагогии. Его величественный баритон был ровным, чистым и бесстрастным.

— Джон Петти обвинил меня в стремлении оставить в живых эту девчонку. Я хочу, чтобы вы все обдумали то, что происходило в течение последних месяцев. Разве Петти при каждой встрече не говорил вам, смеясь, что я намерен сохранить ей жизнь? Я знаю, что говорил, потому что это дошло до моего слуха. Но вы видите, ради чего он делал это, тайно распространяя яд. Ваши умы политиков подсказали бы вам, что это он принудил меня к этой мере. Убив девчонку, я уступлю ему и, следовательно, выкажу слабость, потеряю свой престиж.

Поэтому я должен сделать вам сейчас одно заявление. Кетлин Лейнтон не будет казнена. Вследствие того, что мы очень мало знаем о слэнах, она будет оставлена в живых для тщательного изучения. Я лично намерен со всей решимостью воспользоваться ее присутствием для того, чтобы понаблюдать за развитием слэна и его взрослением. Я это уже начал проводить и должен сказать, что сделал уже громадное количество наблюдений.

Джон Петти все еще был на ногах.

— Не пытайтесь заставить меня молчать,— огрызнулся он.— Вы зашли слишком далеко. Следующим шагом вы передадите слэнам целый материк, на котором они могли бы делать свои сверхизобретения, о которых мы столько слышали, но никогда не видели. Что же касается Лейнтон, то клянусь небом, вам ее удастся оставить в живых только через мой труп! Женщины-слэны наиболее опасны из всех них. Они производительницы потомства, и они знают свое дело, черт их возьми!

Во второй раз Кетлин почувствовала в своей голове настойчивый вопрос Грея: «Сколько из присутствующих — на моей стороне? Покажи на пальцах!»

Она в изумлении глянула на него, и затем ее разум погрузился в поток эмоций и мыслей, исходивших от присутствующих. Разобраться во всем этом переплетении мыслей было очень трудно, и, кроме того, ее разум был настолько потрясен той правдой, которую она нашла в их мозгах. Она почему-то раньше была уверена, что все те, кто здесь был постарше, остались верны своему вождю. На

деле все было вовсе не так. В их сознаниях были страх, растущее убеждение, что дни Кира Грея сочтены, что лучше переметнуться на сторону молодой, более сильной группировки.

В конце концов она со страхом подняла три пальца. Трое из десяти были за Грея, четверо настроены решительно против него, о трое еще колебались.

Она не могла передать ему две последние цифры, так как он больше ничего не спрашивал. Его внимание было сосредоточено на трех ее пальцах, глаза чуть-чуть расширились, слегка встревожились. На какое-то мгновение показалось, что в его мыслях появилось беспокойство, затем он полностью овладел собой. Грей восседал в своем кресле, как статуя из камня: холодный, суровый, беспощадный.

Она не могла отвести взгляд от него. Ей показалось, что этот загнанный в угол человек заставил свой ум работать в полную силу, в надежде отыскать в своем жизненном опыте приемы, которые позволили бы предотвратить надвигающееся поражение. Она изо всех сил пыталась проникнуть в этот мозг, но железная хватка, с которой он держал свои мысли, создавала непреодолимый барьер между ними.

В тех мыслях, которые все же подымались на поверхность этого разума, были сомнения, чувство неопределенности, но страха в них не было — он просто колебался, что следует предпринять, что он сможет сделать при очередном шаге. Казалось, что он не ожидал кризиса таких размеров, он не ждал, что появилась такая оппозиция, не думал, что появилась такая затаенная ненависть к нему, которая только и ждала, чтобы свергнуть его и уничтожить.

Ее размышления прервал голос Петти:

— Полагаю, что нам следует проголосовать по этому поводу!

Кир Грей разразился смехом, глубоким и долгим, циничным смехом, который закончился на удивительно добродушной ноте.

— Значит, сейчас вы хотите поставить на голосование вопрос, наличие которого я не смог доказать, как вы заявили раньше. Естественно, я отказываюсь взывать к рассудительности присутствующих здесь. Взывать к логике поздно, раз уши были глухи к ней раньше. Только ради занесения в протокол я скажу, что требование голосования в

такое время подразумевает признание вины, несет в себе высокомерную уверенность в том, что результат, без сомнения, был известен заранее, так как имеется поддержка пяти, а может и более членов Совета. Разрешите мне открыть еще одну из моих карт. Я знал об этом мятеже уже давно и успел подготовиться к нему.

— Еще чего!— засмеялся Петти.— Вы просто блефуете. Я следил за каждым вашим шагом. Когда впервые организовали Совет, мы боялись, что один человек будет зависеть от голосов других, и не забудьте, что предпринятые еще тогда меры предосторожности все еще в силе. У каждого из нас есть своя личная армия. Мои собственные телохранители находятся снаружи, патрулируя по коридору. Такие же телохранители есть у каждого члена Совета, готовые по первому слову своего хозяина вцепиться в глотки друг другу. Мы практически готовы издать соответствующий приказ, а там что бог пожелает.

— О,— усмехнулся Грей.— Теперь мы начинаем играть в открытую, а?

Послышалось шарканье ног, леденящая струя мыслей, и затем, к ужасу Кетлин, Мерле, один из троих, кого она считала безоговорочными приверженцами Кира Грея, прочистил горло.

— В самом деле, Кир, вы делаете ошибку, считая себя диктатором. Вы только избраны Советом, и у нас есть право избрать на ваше место кого-нибудь другого. Вероятно, кого-нибудь, кто был бы более удачлив в организации уничтожения слэнов.

Это было ренегатством. Крысы бежали с корабля и старались изо всех сил убедить новых всемогущих, что их поддержка должна быть соответствующе оценена.

— Да, да. Ваши заключения договоров со слэнами — просто измена. Чистейшей воды измена! Это единственно неприкосновенная тема, пока речь идет о наших отношениях с толп... с народом. Мы должны делать что-либо для уничтожения слэнов, и, возможно, более наступательная политика со стороны более решительного человека...

Кир Грей нахмурился, в его сознании все еще оставалась неопределенность — что-то надо делать. Было какое-то смутное предположение о чем-то еще, о еще какой-то возможности... Но все это было покрыто туманом, дымкой, и Кетлин ничего не могла понять в этом умеющем контролировать себя уме.

— Значит,— все так же спокойно подытожил Грей,— вы назначаете председателем этого Совета человека, который всего несколько дней назад позволил Джомми Кроссу, девятилетнему слэну, возможно, самому опасному из живущих ныне слэнов, убежать. Причем убежать, предоставив для этого свой автомобиль!

— По крайней мере,— кивнул головой Джон Петти,— есть еще один слэн, который уже никуда не убежит.— Он бросил зловещий взгляд в сторону Кетлин, затем торжествующе повернулся к остальным.— Я предлагаю следующее, господа. Завтра эта девчонка должна быть казнена. А сейчас, пока мы не разошлись по своим спальням, надо издать заявление, по которому Кир Грей будет смещен со своего поста. А мотивировочка этому... гммм... думаю может быть следующей: он заключил секретное соглашение со слэнами, и его отказ казнить Кетлин Лейнтон является ярким доказательством этому.

Самое странное в мире было сидеть и слушать свой смертный приговор и не испытывать при этом никаких эмоций. Как будто здесь говорят не о ней, а о ком-то другом. Казалось, что ее сознание витает где-то далеко отсюда, обособленно, и что соглашение, которое заключают между собой эти люди, как-то странно искажено расстоянием.

Улыбка сошла с лица Кира Грея.

— Кетлин,— сказал он резко,— мы можем уже прекратить игру. Сколько их против меня?

Она взглянула на него затуманенным взором, и как-то издали услышала свой ответ:

— Они все против вас, сэр. Они всегда ненавидели вас, потому что вы гораздо умнее их и более ловкий, чем они, и потому, что вы думаете гораздо быстрее их. Они понимают, что этим они как бы принижаются, пусть даже невольно, но на фоне значительной личности сами выглядят очень незначительными.

— Значит, он пользуется ею, чтобы шпионить за нами!— загремел Петти, и в его ярости был триумф.— Что ж, приятно знать по крайней мере, что все мы согласны в одном: с Киром Греем надо кончать!!! И я думаю, что с ним уже покончено.

— Ошибаетесь,— коротко бросил Кир.— Я так резко не согласен с вашими выводами, что уже минут через десять вы все, одиннадцать человек, предстанете перед взводом солдат, которому будет отдан приказ расстрелять

вас! Я был в нерешительности, следует ли сейчас предпринимать такие крайние меры, то теперь у меня нет другого выхода и нет пути назад, потому что я только что отдал приказ, отменить который невозможно! Я нажал на кнопку, давая тем самым знать одиннадцати офицерам, командирам вашей охраны, вашим самым доверенным советникам... и вашим преемникам, что настал их час.

Члены Совета изумленно уставились на говорившего, а Грей продолжал:

— Как видите, господа, вы забыли, что полагаться всецело на людей, пользующихся вашим доверием, было непростительной ошибкой. Жажда власти у нижестоящих такая же сильная, как и у вас самих. Разрешение возникшей у нас сегодня ситуации было предложено некоторое время назад, когда помощник мистера Петти вошел ко мне с предложением с превеликой охотой заменить своего хозяина. Я взял это на заметку и с удовольствием обнаружил, что такие же помыслы и у остальных заместителей. О, а вот и новый состав Совета!

Дверь распахнулась, и одиннадцать сурового вида молодых людей с пистолетами наготове вошли в кабинет. Раздался громкий крик Петти:

— К оружию!

Ответом была оружейная пальба, наполнившая комнату.

Люди корчились на полу, давясь своей кровью. Сквозь туман, царивший в ее сознании, Кетлин увидела, что один из членов Совета стоит с револьвером в руке. Она узнала Петти. Он выстрелил первым, и тот, кто думал занять его место, упал замертво на пол. Шеф тайной полиции целился в Кира Грея, твердо держа пистолет.

— Я убью вас прежде, чем доберутся до меня, если только мы не заключим договор. Я буду продолжать сотрудничать с вами, раз уж вы так чисто перевели игру в свою пользу.

Главарь офицеров подозрительно взглянул на Джона Петти, а потом вопросительно посмотрел на Кира Грея.

— Так что, оставим его, сэр?— спросил он.

Это был статный смуглый человек с лицом орла и резким баритоном. Кетлин время от времени встречалась с ним во дворце. Его звали Джем Лорри. Никогда прежде она не пробовала читать его мысли, но сейчас с удивлением обнаружила, что у него тоже есть способность контролировать свои мысли и преграждать путь постороннему

проникновению в свой мозг. Однако на поверхности его сознания было достаточно мыслей, которые указывали на то, что он из себя представляет: жестокий и расчетливый, честолюбивый молодой человек!

— Да,— задумчиво ответил Кир Грей,— я думаю, что Джон Петти будет нам еще полезен. Думаю, что он должен согласиться с тем, что остальные члены Совета были казнены в результате расследования, проведенного тайной полицией. Их вина была в том, что они заключили тайное соглашение со слэнами! И именно таким будет объяснение — оно всегда срабатывает среди бедных, сбитых с толку масс дураков, живущих за стенами дворца. Мы обязаны этой идеей самому мистеру Петти, но могли бы и сами до такого додуматься. Однако его влияние будет неоценимо при обнародовании такой новости. Фактически,— цинично усмехнулся Грей,— я уверен, что лучше всего все заслуги по уничтожению предателей приписывать мистеру Петти. То есть он был настолько потрясен таким вероломством, что начал действовать по собственной инициативе, а затем бросился к моим ногам, испрашивая милосердия, каковое ввиду неопровержимых доказательств, представленных им, было ему даровано. Ну, как?

Джон Петти вышел вперед.

— Прекрасная версия, сэр. А теперь мне хотелось бы, чтобы была внесена ясность в наши взаимоотношения, а я говорю от имени всех наших новых советников. Мы нуждаемся в вас, в вашей устрашающей репутации, в вашем уме, и мы очень бы хотели помочь вам стать богом для народа, иными словами, помочь укрепить ваше положение, сделав его неприступным для попыток нападения на вас, но не думайте, что вам удастся еще раз такая шутка! Второй раз договориться за нашими спинами с нашими старшими офицерами вам вряд ли удастся.

— А это вряд ли будет необходимо,— холодно ответил Кир Грей.— И с вашей стороны глупо говорить мне столь очевидные вещи. Уберите отсюда эту падаль, а затем нужно разработать кое-какие планы. Что касается тебя, Кетлин, ступай в кровать. Ты и так почти спишь!

Идя по коридору в свою спальню, Кетлин не могла успокоиться. Что же он имел в виду? Что? После убийств, свидетельницей которых она была, она не могла быть уверенной в нем, верить ему.

В эту ночь она еще долго, очень долго не могла уснуть.

Глава 4

Для Джомми Кросса наступил длительный период перемежавшейся тьмы и душевной пустоты, которые в конце концов смешивались в серо-стальную паутину реальности. Он открыл глаза, чувствуя страшную слабость.

Он лежал в маленькой комнатке, глядя на грязный потолок с осыпавшейся во многих местах штукатуркой. Стены были шероховатыми, серыми, потемневшими от времени. Стекла в единственном окне были потрескавшимися и пожелтевшими.

Он лежал, укрытый грязными лохмотьями, которые когда-то назывались серым одеялом. Из старого матраса торчала солома, а вся постель была пропитана затхлым, невыветривающимся запахом.

Хотя он был очень слаб, он все же сбросил с себя тряпье и попробовал встать. Угрожающе загремела цепь, и мальчик сразу почувствовал острую боль в правой лодыжке. Он лег на спину, тяжело дыша от напряжения, и застыл. Он был прикован цепью к этой омерзительной кровати!

Тяжелые шаги вывели его из оцепенения. Он открыл глаза и увидел высокую, изможденную женщину в бесформенном платье. Она стояла у двери, и ее черные глаза, похожие на две яркие бусины, были устремлены на него.

— А-а...— протянула она,— новый постоялец Гренни пришел в себя. Теперь, я думаю, мы можем познакомиться. Вот хорошо! Вот здорово!

Она потерла свои маленькие ручки.

— Мы прекрасно уживемся, не так ли, мой мальчик? Но ты сам должен зарабатывать себе на питание. Гренни не потерпит лодыря у себя на шее! Нет, сэр. Нам об этом обязательно надо сердечно побеседовать. Да, да,— она с вожделением взглянула на него,— чистосердечно поговорить.

Джомми смотрел на старуху, как-то отталкивающе очаровывающую. Когда худое, слегка сутулое создание ворча пристроилось у его ног, он постарался как можно дальше отодвинуться от нее. Настолько далеко, насколько позволяла цепь.

Его поразило, что ему никогда прежде не приходилось видеть такое лицо, которое так соответствовало зловредному характеру этой карги, скрываемой за маской старой плоти. Он с отвращением сравнивал ее сморщенную, яйце-

образную голову с вмещающимися в ней мозгами и удивлялся их сходству. Каждая извилина ее ужасного мозга имела свой аналог на лице, и наоборот, черты лица повторяли отвратительные мысли.

Видимо, его мысли проявились в выражении лица, потому что она с неожиданной жесткостью произнесла:

— Да, да, мой мальчик. Посмотришь сейчас на Гренни и никогда не подумаешь, что когда-то она была известной красавицей. Ты и не подозреваешь, что мужчины когда-то боготворили белизну ее тела. Но не забывай, эта старая ведьма все же спасла тебя от казни. Никогда не забывай об этом — или Гренни выдаст неблагодарного полиции. А как они будут рады, когда почувствуют слэна в своих лапах. Как это понравится им! Но Гренни так же «добра» к ним, как и они к ней. Первое правило у Гренни: делать то, что заблагорассудится.

«Гренни? Действительно ли это ее настоящее имя?»

Он порылся в ее памяти, стараясь найти в глубинах ее мозга настоящее имя. Но там были только туманные образы глупой, мечтающей о сцене девчонки, распутной, напропалую торгующей своим обаянием, потерявшей всякую честь, низведенную до уровня улицы, ожесточившейся и уничтоженной несчастьями. Ее истинная сущность была погребена в сточной канаве творимого ею зла и гнусных помыслов. В ее памяти была бесконечная картина мерзости, вереница краж, мрачный калейдоскоп еще более омерзительных преступлений. В ней было даже убийство, совершенное...

Содрогаясь от увиденного, Джомми прекратил исследование этой изломанной души. Старая негодница склонилась к нему, глаза ее как-будто сверлили его.

— Это правда, что слэны могут читать мысли?

— Да,— признался Джомми.— И я могу видеть, о чем вы думаете. Но от этого нет никакой пользы.

Она мрачно рассмеялась.

— Значит, ты не читаешь мысли в мозгу Гренни? Гренни, могу тебя заверить, совсем не дура. Гренни очень умна, и она знает, что нужно придумать, чтобы заставить слэна остаться и поработать на нее. Его надо отпустить на волю, но он должен делать то, что нужно для Гренни. Будучи слэном, он поймет, что до тех пор, пока он не вырастет, эта каморка будет для него самым безопасным местом. Так что же, ну, разве Гренни не умница?

— Я вижу, что у вас на уме, но не хочу с вами сейчас

ни о чем говорить,— зевая, сказал Джомми.— Когда мы, слэны, болеем, хотя это случается нечасто, мы просто спим и спим. То, что я сейчас проснулся, означает, что мое подсознание встревожилось и заставило меня проснуться, потому что ему показалось, что моя жизнь в опасности. У нас много различных защит вроде этого. Но сейчас я должен как можно быстрее заснуть, а встану, скорее всего уже здоровым.

Черные, как уголь, глаза расширились. Он увидел, что ее похотливый разум отступил. Она потерпела поражение в выполнении своей главной цели: немедленно нажиться с помощью своей добычи. Жадность уступила место любопытству, но намерения дать ему выспаться и в мыслях не было.

— Это правда, что слэны делают из детей чудовищ?

Ярость охватила Джомми. Усталость как рукой сняло. Он сел на кровати, весь охваченный гневом.

— Это ложь! Это одна из самых ужасных небылиц, которые распускают о нас люди, чтобы мы казались чуждыми всему человечеству. Чтобы заставить каждого человека ненавидеть нас и убивать первого же встреченного слэна.

Он в изнеможении откинулся назад, ощущая, как приступ ярости покидает его.

— Мои мать и отец были самыми лучшими из всех живых людей,— сказал он, немного помолчав.— И они были ужасно несчастливы. Однажды они повстречались на улице и увидели, что оба слэны. До этого каждый из них вел одинокую жизнь, никому не причиняя вреда. Это вы, люди, являетесь преступниками! Отец не боролся изо всех сил, как он мог, когда его, как собаку, загнали в угол и убили выстрелом в спину. А он мог бы бороться. Он обязан был бороться! Потому что у него имелось самое ужасное оружие, которое когда-либо видел мир,— настолько ужасное, что он не отважился носить его при себе из боязни, что мог бы им воспользоваться. Когда мне будет пятнадцать лет... предполагаю, что я...

И вдруг остановился, испугавшись своей неосторожности. На какое-то мгновение он почувствовал себя таким больным, таким усталым, что его мозг отказался поддерживать бремя видения. Он только сейчас понял, что мог бы выдать величайшую тайну в истории слэнов и, если эта старая карга выдаст его в его нынешнем жалком состоянии, все будет потеряно.

Постепенно он стал дышать спокойно. Он увидел, что его ошибка не нашла реакции в ее уме. Она фактически не слушала Джомми, когда он говорил об оружии, потому что в тот момент ее жадный мозг был занят своими мыслями. А сейчас она занялась своей жертвой.

— Гренни очень приятно узнать, что Джомми такой хороший мальчик. Бедной старой полуголодной Гренни нужен молоденький слэн, который будет делать деньги для нее и для себя, конечно. Ты же не против этого, чтобы немножко помочь старой доброй Гренни, не так ли?— Голос ее стал жестче.— Нашим ведь не приходится выбирать, знаешь ли.

Уверенность в том, что его тайна осталась не раскрытой, подействовала на мальчика, как лекарство. Веки его закрылись.

— В самом деле, я сейчас не смогу с вами даже тихо разговаривать, господа,— прошептал он тихо.— Мне необходимо спать.

Он увидел в ее разуме, что она отнюдь не намерена оставлять его в покое. Его ум уже понял, что она в состоянии оживить пленника. Она резко заговорила, не из-за того, что ей было интересно, а ради того, чтобы не дать ему уснуть.

— Что такое слэн? Что отличает вас от людей? Где впервые появились слэны? Они были сделаны, не правда ли, ну, как делают машины, а?

И мальчику стало забавно, как это могло его рассердить, если он давно понял ее намерения.

Он смутно осознавал, что телесная оболочка лишает его нормального самообладания.

— Это еще одна из ваших выдумок. Я был рожден, как и любой другой человек. И мои родители тоже. Что было раньше — я не знаю.

— Твои родители должны были это знать,— старуха подгоняла его.

Джомми покачал головой. Глаза его закрылись.

— Нет. Мама как-то говорила мне, что мой папа всегда был слишком занят, чтобы исследовать тайну слэнов. А теперь оставьте меня в покое. Я знаю, ради чего вы стараетесь, и знаю, чего вы хотите, но это бесчестно, я не буду этого делать.

— Вот и глупо!— сердито выкрикнула старуха.— Разве нечестно грабить людей, живущих грабежом и обманом? Ты и Гренни будете есть сухие корки хлеба, когда мир

настолько богат, что из каждого банка вот-вот прямо так и посыплется золото?! Разве ты не знаешь, что амбары ломятся от пшеницы, а мед течет по улицам? Твоя честность — полнейшая чушь! И это говорит тебе Гренни! Разве может слэн, за которым охотятся, как за крысой, знать, что честно, а что нет?

Джомми молчал не только из-за того, что остро нуждался в сне. Сам он тоже думал подобным образом.

— Ну куда ты пойдешь?— спрашивала старуха.— Что ты будешь делать? Куда во всем мире может пойти спокойно маленький мальчик-слэн?— Она понизила тон, пытаясь пробудить к себе симпатию.— Твоя бедная дорогая мамочка хотела бы, чтобы ты исполнил мою просьбу. Я уверена, что у нее не было особой любви к человеческим существам. Я сохранила газету, чтобы доказать, что ее пристрелили, как бешеную собаку, когда она пыталась удрать. Хочешь почитать?

— Нет,— ответил Джомми, и в его голове все завертелось.

Грубый голос старухи продолжал назойливо:

— Разве ты не хочешь изо всех сил бороться с миром, который так жесток к вам? Разве ты не хочешь отомстить ему? Заставь этих людишек раскаиваться в том, что они сделали! Ты же не трус!

Мальчик молчал. Старуха заныла:

— Жизнь очень сурова для старой Гренни. Очень сурова! Если ты не поможешь бедной и старой женщине, то она просто вынуждена будет пойти куда надо и... Ты же прочел в ее мозгу, что она сможет сделать это. Но она торжественно клянется не причинять тебе вреда, если ты дашь согласие помогать ей. Подумай хорошенько над этим. Она прекратит свои порочные занятия, которыми вынуждена была заниматься, чтобы выжить в этом жестоком мире.

Джомми почувствовал себя так, словно его долго избивали.

— Вы отвратительная жалкая старая негодяйка,— медленно произнес Джомми.— И я когда-нибудь убью вас.

— Ну и оставайся со мной до этого «когда-нибудь»,— торжествующе сказала старуха.— И делай то, что скажет тебе Гренни, иначе она тут же выдаст тебя полиции... Добро пожаловать в наш маленький дом, дорогой Джомми! Добро пожаловать! Теперь Гренни надеется, что, когда ты проснешься, тебе будет много лучше.

— Да,— слабо кивнул мальчик.— Мне обязательно будет лучше.

С этими словами он уснул.

Через три дня Джомми последовал за старухой через кухню к двери черного хода. Кухней была пустая комнатушка, и Джомми решил не обращать внимания на грязь и беспорядок, царившие кругом. Он подумал, что старуха права. Пусть жизнь здесь и ужасна, но нужно притаиться в этом бараке, в забвении нищеты, это идеальное место для мальчика-слэна, которому нужно лет шесть ждать до тех пор, пока он не сможет посетить место, где хранятся отцовские тайны; которому нужно вырасти, прежде чем он сможет выполнить все, что было ему предназначено отцом и матерью.

Дверь открылась, и он увидел, что было за ней. Он приостановился, ошеломленный зрелищем, которое открылось перед ним. Нигде во всем мире он не ожидал увидеть что-либо похожее на это.

Сначала он увидел двор, заваленный ржавым железом, самым разнообразным хламом. Двор, лишенный травы и деревьев, лишенный всякой красоты; неупорядоченное пространство, замкнутое ржавым покосившимся забором из колючей проволоки на подгнивших столбах. Небольшой ветхий сарай, который, казалось, вот-вот завалится, в самом дальнем конце двора. Из сарая к нему пришла мысленная картина находившейся там лошади. Сама лошадь была видна через открытую дверь.

Но взгляд Джомми быстро понесся дальше, по ту сторону изгороди, за шаткий сарай. Там, дальше, были деревья, небольшая группа деревьев, которая окаймляла зеленый, приятный луг, постепенно спускающийся к широкой речке, тускло поблескивающей в вечерних сумерках.

Но даже луг (как он отметил — часть площадки для гольфа) не задержал его внимания надолго. Земля его мечты начиналась на противоположном берегу реки, истинная волшебная страна, настоящий рай. Так как деревья частью загораживали вид, он мог различить только узкую полоску этого рая, с его сверкающими фонтанами и километрами цветочных клумб на террасах. И в этой узкой, различимой части удивительного сада была дорога.

Дорога! Разум Джомми устремился к ней. Невыразимое чувство охватило его. Дорога шла абсолютно прямо — сверкающая лента, которая с одной стороны пропадала в

туманной дали, а с другой стороны, как раз на пределе его зрения, у самого горизонта, он увидел дворец. Над линией горизонта виднелась только часть основания этого грандиозного, почти невероятного строения. Основание дворца возвышалось на добрых триста метров и переходило в башню, которая устремлялась в небо еще метров на сто пятьдесят. Изумительная башня!

Сто пятьдесят метров бетонного кружева и стекло пластиковых бриллиантов, сверкающее всеми цветами радуги, полупрозрачное фантастическое творение человеческого разума, построенное в благородном стиле древних времен,— оно было не просто украшено, оно само было украшением.

Этот триумф архитектуры, шедевр слэны создали только для того, чтобы он попал в руки победителей после продолжительной и разрушительной войны!

Он был слишком красив, этот дворец.

Он резал глаза, вызывал головную боль от мыслей, которые сами возникали в мозгу. Подумать только, он жил девять лет так близко к этому месту и ни разу не видел такого замечательного достижения своей расы.

Рассуждения матери, согласно которым не стоило показывать ему дворец, были ошибочны. Он понял это, когда эта реальность возникла перед ним. «Это сделает твою жизнь более горькой, Джомми. Сознание того, что дворец слэнов принадлежит сейчас Киру Грею и его мерзкой своре, ляжет тяжелым грузом на твое сердце. Кроме того, против нас в этой части города соблюдаются особые меры предосторожности. Думаю, ты еще успеешь насмотреться на него».

И это «успеешь насмотреться» наступило очень быстро. Но все же чувство, что он что-то упустил и не видел этого благородного памятника его соплеменникам, не покидало его все то время, пока он был с матерью.

Мать говорила: «Человеческие существа никогда не узнают всех тайн этого здания. В нем есть различные чудеса, тайные комнаты и переходы, о которых теперь не знают даже слэны. Кир Грей не осознает этого, но ты должен знать, что все машины и оружие, которые так отчаянно ищут люди, упрятаны непосредственно в этом здании».

Хриплый голос резанул его слух.

Джомми неохотно оторвал взгляд от великолепия, раскинувшегося за рекой, и вспомнил о Гренни, которая в это время запрягала такую же, как и она сама, старую лошадь в свой фургон для хлама.

— А ну, выбрось-ка из головы все фантазии!— скомандовала она.— И не вздумай вбить себе в голову какие-нибудь нелепые идеи. Дворец и все, что вокруг него,— не для слэнов. А теперь, залезай-ка под эти одеяла и притихни. На улице обычно дежурит любящий совать свой нос в чужие дела полицейский, которому лучше не попадаться на глаза. Давай-ка побыстрее! Нам надо поторапливаться!

Джомми бросил в сторону дворца последний жадный взгляд.

Значит, этот прекрасный дворец не для слэнов! Когда-нибудь он обязательно проникнет в него, чтобы встретиться с Киром Греем. И когда этот день наступит... мысль оборвалась, он дрожал от ярости и ненависти к убийцам отца и матери.

Глава 5

Ветхий фургон катился по деловой части города. Он гремел и трясся на выщербленной мостовой переулков и боковых улиц. Джомми полулежал на спине, и ему показалось, что с него беспрерывно сползала одежда. Дважды он пытался приподняться, но каждый раз старуха тыкала в него своей клюкой.

— А ну, оставайся внизу! Гренни не хочет, чтобы кто-нибудь узрел твои великолепные одежды. Смотри, не высовывайся!

Старое тряпье пропахло потом лошади, которую старуха называла Биллом. Этот запах время от времени вызывал у Джомми приступ тошноты и головокружения. Наконец фургон остановился.

— Вылезай,— проскрипела Гренни.— Иди в этот магазин. К твоему пальто я пришила большие карманы. Наполняй их, но так, чтобы было не очень заметно.

Превозмогая головокружение, Джомми ступил на бетон. Некоторое время он стоял, шатаясь, и ждал, когда пройдет слабость. Затем он сказал:

— Я вернусь примерно через полчаса.

Жадное лицо старухи наклонилось к нему. Ее черные глаза блестели от возбуждения.

— Не давай им себя поймать, мой мальчик. Полагайся на свой здравый смысл и внимательно выбирай, что взять.

— Вам не нужно беспокоиться,— уверенно ответил Джомми.— Прежде чем я возьму что-либо, я прозондирую

окружающих и удостоверюсь, что за мной никто не следит. Ведь это так просто!

— Хорошо!— На ее изможденном лице появилась улыбка.— И не беспокойся, если не застанешь Гренни здесь, когда вернешься. Гренни собирается заглянуть в винный магазин, чтобы присмотреть для себя кое-какое лекарство. Теперь, когда у нее есть свой маленький слэн, она может себе это позволить. О, как она нуждается в том, чтобы согреть свои старые кости! Да, Гренни теперь может хорошенько попользоваться лекарствами.

Волна страха обрушилась на него, как только он слился с толпой, снующей вокруг небоскреба, в котором помещался огромный универсальный магазин. Волна ненормального страха чудовищных размеров захлестнула мозг Джомми. Он широко распахнул сознание и какое-то время держал его открытым. Беспокойство, напряженность, тревога, неопределенность и страх, страх всех оттенков, пронизывали его бурным потоком, захлестывая разум. Задрожав, он заставил себя проанализировать причину этого массового всеобщего страха.

И понял причину этой истерии. Казни во дворце. Джон Петти, глава секретной полиции, изобличил десятерых членов Совета в том, что они вступили в сговор со слэнами, и убил предателей. Толпа едва ли верила в это.

Джона Петти боялись все. Ему не доверяли. Хвала небу, что есть еще Кир Грей, непоколебимый как скала, достойный защитник слабых и обездоленных людей от этих чудовищных слэнов и, конечно же, от этого жуткого Джона Петти.

Внутри магазина было еще хуже. Здесь было много людей. Мысли окружавших бомбардировали его все время, пока он пробирался мимо ярко освещенных витрин. Сверкающий мир всевозможных товаров в невообразимых количествах манил его со всех сторон, и взять то, что он хотел, казалось легче, чем ожидалось.

Он прошел до конца длинного ювелирного отдела и присмотрел кулон стоимостью 55 долларов. Однако тут же уловил мысли продавщицы. В них было раздражение и настороженность к тому, что в ювелирной секции появился маленький грязный мальчик. Детям нечего делать в этом мире великолепных самоцветов и благородных металлов.

Джомми вышел из секции и прошел мимо высокого красивого мужчины, не удостоившего его даже мимолетно-

го взгляда. Джомми отошел от него на несколько шагов и остановился. Никогда не испытывал он подобного потрясения. Казалось, ему в мозг воткнули нож, настолько острым и неожиданным было охватившее его чувство. И тем не менее оно не было неприятным. Удивление, радость, изумление промелькнули в его сознании, когда он обернулся и пылко взглянул на удаляющегося мужчину.

Красивый, могучего телосложения, незнакомец был слэном, взрослым с л э н о м.

Это открытие было настолько важным, что после того, как прошло первое чувство новизны, в его голове все закружилось.

Он быстро зашагал за незнакомцем; мысли его устремились к нему, отыскивая контакт с разумом другого слэна,— но все было напрасно. Джомми стало как-то не по себе. Он понимал, что перед ним слэн, но не мог проникнуть глубже поверхностного сознания незнакомца. И в этих поверхностных мыслях не было ничего, связанного с попытками Джомми установить контакт, ни даже малейшего предположения, что его разум подвергается анализу извне.

В этом было нечто таинственное. Несколько дней назад он столкнулся с невозможностью прозондировать мозг Петти. Однако не было никакого сомнения, что Джон Петти мог быть чем-то иным, нежели человеческим существом. Мальчик не мог объяснить себе разницу. Даже когда его мать прикрывала свое сознание от внешнего вторжения, он всегда мог дать ей знать о своих попытках контакта с помощью направленной вибрации.

И тут его ошеломило открытие. Все это означало, что существуют слэны, которые не умеют читать мысли, но которые тем не менее оберегают свой разум от внешнего проникновения. Но от кого, в таком случае? От других слэнов? И что это за слэн, который не умеет читать мысли?

Они оба уже выбрались на улицу, и мальчику не составляло труда следовать за незнакомцем среди толп равнодушных прохожих, которым не было никакого дела до какого-то спешащего обсрванца.

Но вместо того, чтобы уменьшить расстояние, отделяющее его от слэна, Джомми несколько поотстал от него. Все логические предпосылки его существования оказались под угрозой вследствие ситуации, которая возникла в связи с обнаружением этого слэна, и все знания, которые отец

гипнотически запечатлел в его сознании, противились немедленному сближению и уберегали от опрометчивых поступков.

В двух кварталах от универмага слэн свернул на широкую боковую улицу. Джомми недоуменно следовал за ним, соблюдая безопасное расстояние. Он видел, что это тупиковая улица, находящаяся вне жилых кварталов. Еще два-три государственных здания... и мальчик понял, что незнакомец направляется в Центр Воздушных Сообщений, чьи здания, заводы и взлетные площадки простирались на несколько квадратных километров в этой части города.

Это было немыслимо. Потому что никто даже близко не имел права подойти к самолету, не сняв головного убора, чтобы показать, что на голове отсутствуют характерные для слэнов завитки золотистых волос.

Незнакомец направился прямо к огромной сияющей вывеске «Центр Воздушных Сообщений» и, не колеблясь, исчез во вращающейся двери под этой вывеской.

Джомми остановился у двери. Этот Центр господствовал над всей авиационной промышленностью земного шара! Разве мыслимо, что здесь работают слэны! Здесь, в самом центре мира людей, которые ненавидят их столь люто. Ведь это получается, что слэны по существу контролируют величайшую транспортную систему всего земного шара?!

Он прошел в дверь и зашагал по открывшемуся его взору огромному мраморному коридору, в который выходило бесчисленное количество дверей. Какое-то мгновение ничего не было видно, но даже ручеек мыслей, просачивавшихся в коридор, поверг его в изумление и восхищение.

Все помещение кишело слэнами! Их здесь были десятки... сотни!

Как раз впереди открылась дверь и двое молодых людей с непокрытыми головами вышли в коридор и пошли ему навстречу. Они тихо переговаривались и некоторое время не замечали его. Ему хватило времени подцепить их мысли, находившиеся на поверхности их сознания — их спокойную и величественную уверенность, полное отсутствие страха. Два слэна в полном расцвете сил находились перед ним с непокрытыми головами.

Без головных уборов!

Именно это ошеломило его больше, ЧЕМ ЧТО-ЛИБО ДРУГОЕ. С непокрытой головой... и без завитков!

Какой-то миг ему казалось, что зрение обманывает его. Он отчаянно искал взглядом золотистые пряди, которые непременно должны быть у них. Слэны без завитков! Так вот в чем дело!

Это объясняло, почему они не могли читать мысли. Они были всего лишь в трех метрах от него и одновременно остановились, обнаружив его присутствие.

— Мальчик,— сказал один из них.— Тебе нужно уходить отсюда. Сюда детям вход воспрещен. А ну, давай отсюда, марш! Иди играй куда-нибудь в другое место!

Джомми затаил дыхание. Мягкость, с которой ему сделали выговор, успокоила его. Особенно теперь, когда тайна перестала быть тайной. Как замечательно, что, всего лишь убрав эти свои предательские завитки, они могут находиться в самой гуще своих врагов! Размашистым, почти мелодраматическим жестом он стянул с себя кепку.

— Все в порядке,— начал он.— Я...

Слова застряли у него в горле. Он смотрел на них широко раскрытыми от страха глазами. Потому что, после некоторого удивления, их защитные экраны наглухо закрылись. У них остались дружелюбные улыбки, а один от удивления воскликнул:

— Вот так неожиданность!

Другой отозвался эхом:

— Чертовски приятная неожиданность, привет, малыш!

Но Джомми не слушал их. Его сознание было потрясено мыслями, которые пронеслись в их головах в тот момент, когда они увидели блестящие золотистые завитки в его волосах.

«О, боже,— подумал один из них.— Это змеёныш!»

И этой мысли вторила холодная, совершенно безжалостная мысль другого:

«Убить гаденыша!»

Глава 6

Для Джомми, как только он уловил мысли этих двух слэнов, не было никаких сомнений, что он должен делать дальше.

Вопрос был только в том, есть ли у него время. Даже ошеломляющая неожиданность их смертельной враждебности не лишила его сознательной деятельности.

Он знал, что бежать назад по коридору, пытаясь по-

крыть добрую сотню метров по этому мраморному полу, было равносильно самоубийству. Его ноги, ноги девятилетнего ребенка, не могли равняться с лишенными усталости ногами взрослых слэнов. Ему оставалось только одно, и с мальчишеской верткостью он рванулся в сторону, к одной из дверей, выходивших в коридор.

К счастью, она была не заперта. С удивительной легкостью она открылась перед ним, однако он был столь осторожен, что приоткрыл ее настолько, чтобы проскользнуть.

Перед ним мелькнул еще один коридор, в котором было пусто, и, закрывая дверь, он нащупал своими чувствительными пальцами замок. Защелка издала резкий звук, а мгновением позже послышался свирепый удар двух натолкнувшихся на препятствие тел взрослых слэнов. Дверь при этом даже не шелохнулась! На какой-то миг он оказался в безопасности.

Его разум несколько расслабился и попытался соприкоснуться с разумами его преследователей. Сначала показалось, что их сознания наглухо закрыты, но затем его пытливый мозг уловил обертоны досады и беспокойства, причем эти мысли были столь ярко выражены, что казалось, будто нож вспарывает поверхность их серого вещества.

— Боже всемогущий!— прошептал один.— Быстро включай секретную тревогу. Если змеи обнаружат, что мы контролируем воздушные сообщения...

Джомми не стал тратить зря отпущенные ему секунды. Каждая частица любопытства в нем побуждала его остаться и выяснить загадочную природу ненависти слэнов, лишенных завитков, к настоящим слэнам. Но под напором простого здравого смысла любопытство отступило. Он побежал как можно быстрее, зная, что должен предпринять.

Мальчик понимал, что никакая логика не убедит его в безопасности этого коридора. В любое время могла открыться какая-нибудь дверь — обрывки мыслей предупреждали его о людях, направляющихся по этому коридору. Он решительно замедлил свой бег и попробовал открыть несколько дверей. Четвертая поддалась его нажиму, и Джомми, торжествуя, пересек порог, так как в дальнем конце коридора он увидел высокое и широкое окно.

Мальчик распахнул окно и вскарабкался на широкий подоконник. Низко согнувшись, он посмотрел вокруг. Из других окон здания исходил тусклый свет, позволивший разглядеть узкий проезд между двумя обрывистыми кирпичными стенами.

Он поколебался всего лишь мгновение, а затем, уподобившись мухе, стал взбираться вверх по кирпичной стене. Подъем был делом несложным, его чрезвычайно сильные пальцы уверенно отыскивали шероховатости стены.

Сгущающаяся тьма стала затруднять подъем, но с каждым шагом уверенность все больше наполняла его. Впереди была крыша длиной в несколько километров, и если ему не изменила память, здание аэропорта соединялось с другими зданиями. Какие шансы были у слэнов, неспособных к чтению мыслей, поймать слэна, который может ускользнуть из любой засады?

Вот и тридцатый, самый верхний этаж. Со вздохом облегчения Джомми подтянулся, держась за карниз, и побежал по плоской крыше. Было уже почти темно, но он мог еще различить верхнюю часть соседнего здания, которая почти соприкасалась с крышей, на которой он находился. Двухметровый прыжок не представлял никакого затруднения. С громким металлическим звуком часы на соседней башне начали отсчитывать удары. Один... два... пять... десять! А затем, вместе с последним ударом часов низкий скрежещущий звук резанул по ушам Джомми, и внезапно в центре находящейся сейчас в тени противоположной крыши разверзлось широкое черное отверстие. Ошеломленный мальчик застыл, едва дыша.

Из этого темного отверстия в усыпанное звездами небо устремилось какое-то неясное, похожее на торпеду тело. Оно двигалось все быстрее, и, прежде чем совсем скрылось из виду, он увидел ослепительную вспышку в нижней части этого неизвестного объекта. Огонек какое-то время продолжал мерцать в небе, пока не пропал из виду.

Джомми, как зачарованный, наблюдал за траекторией этого необычного объекта. Космический корабль! Конечно же, космический корабль! Неужели эти слэны, слэны без завитков, осуществили вековую мечту человечества — полеты к другим планетам? Если это так, то как им удается держать такое в тайне?

Он снова услышал скрежет. Мальчик подполз к краю крыши и начал всматриваться в темноту, на крышу соседнего здания. И смог различить, как зияющая чернота постепенно сходит на нет, закрываемая двумя огромными металлическими плитами. Через мгновение крыша стала такой же цельной и плоской, как и раньше.

Джомми подождал еще какое-то время, затем собрался с духом и перепрыгнул через двухметровую щель на сосед-

нюю крышу. Теперь у него была только одна цель — быстрее вернуться к Гренни, и причем окольными путями.

По параллельным улицам, переулкам, через дворы — таким должен быть его маршрут. Потому что легкость, с которой он убежал от своих преследователей, показалась ему очень подозрительной. Если только они, конечно, не хотят подымать шум из предосторожности, что тогда их тайна обязательно станет достоянием людей.

Однако из любых соображений было совершенно ясно, что ему нужна безопасность жалкой лачуги Гренни. У него не было желания пытаться разрешить такую сложную и крайне опасную проблему, которую представлял собой треугольник взаимоотношений между людьми, слэнами и слэнами без завитков.

Во всяком случае, до тех пор, пока он не станет взрослым и не достигнет такого умственного развития, как те острые умы, которые вели эту непрекращающуюся и жестокую борьбу.

Да, назад к Гренни, и по дороге добыть еще приношения, которыми можно было бы умилостивить старую каргу. Пока еще не поздно. Ему нужно спешить, магазин закрывается в одиннадцать.

В универмаге Джомми не рискнул проникнуть в ювелирную секцию, так как там все еще работала та продавщица, которой были не по нраву оборванцы в ее владениях. Впрочем, здесь было достаточно и других богатых прилавков, и он быстро снял сливки с менее ценных товаров. Однако взял себе на заметку, что если еще раз придется в будущем побывать в этом магазине, то нужно быть на месте действий до пяти часов. То есть тогда, когда заступает вечерняя смена и подозрительная девушка не будет досадной помехой.

Решив, что похищенного вполне хватит, мальчик осторожно двинулся к ближайшему выходу, но тут же остановился. Мимо него прошел задумчивый толстяк средних лет. Это был бухгалтер универмага, он думал о четырехстах тысяч долларов, которые будут оставлены в сейфе на ночь. В мозгу бухгалтера был также и шифр замка сейфа.

Джомми поспешил к выходу, испытывая внутреннее недовольство своей близорукостью. Как глупо красть товары, которые потом еще предстоит продавать, что рискованно, когда полно более простых приемов добывания денег.

Гренни была все еще там, где он расстался с ней, но в ее мозгу был такой ералаш, что Джомми пришлось подождать, когда она заговорит, и он сможет понять, чего она хочет.

— Быстро!— проговорила она.— Забирайся под одеяло. Только что полицейский предупредил Гренни, чтобы она убиралась отсюда.

Они отъехали по крайней мере на два километра от универмага, прежде чем старуха остановила фургон и проворчала, содрав с него одеяло.

— Ну, неблагодарный негодник, где это ты пропадал?

Джомми не надо было говорить. Он съежился, глядя на жадность, с которой она ухватилась за сокровища, которые он выложил ей на колени. Она быстро оценивала каждый из предметов и, когда закончила это занятие, тщательно спрятала добычу в тайник, удачно оборудованный в настиле фургона.

— Не меньше двухсот долларов для старой Гренни,— радостно хрюкнула она.— Именно столько даст за это сокровище старик Финн. Ай да умница, старушка Гренни, что догадалась поймать молодого слэна. Он ей заработает не десять тысяч, а все двадцать в первый же год. Подумать только, они, эти болваны, обещают в награду какие-то десять тысяч! Да наградой должен быть миллион!

— Я могу достать гораздо больше,— вызвался Джомми. Ему показалось, что самое время рассказать старухе о сейфе в универмаге, и о том, что появилась возможность больше не воровать по ночам.— Сейчас в сейфе четыреста тысяч,— закончил он.— И я могу добыть их сегодня же ночью. Я залезу по тыльной стороне здания, кстати, оно почти не освещается, вырежу в стекле дыру... У вас есть где-нибудь стеклорез?

— Гренни все достанет, мой мальчик!— трясясь от радости, воскликнула старуха.— Как Гренни рада, как рада! Теперь Гренни понимает, почему это люди так ненавидят слэнов! Они слишком опасны. Да ведь слэны вот так, одним махом, могут украсть весь мир. Они, правда уже пробовали это сделать, как ты знаешь...

— Я... не знаю... об этом ничего,— медленно вымолвил мальчик. Ему отчаянно хотелось, чтобы Гренни все рассказала об этом, но через мгновение понял, что ей толком ничего не известно и она просто пользуется слухами. В ее мозгу была весьма туманная информация о том, далеком времени, когда слэны, судя по обвинениям людей, пыта-

лись покорить весь мир. Ей было известно не больше, чем ему, и не больше, чем всей этой огромной невежественной массе людей.

Какова же была истина? И была ли она на самом деле — война между слэнами и людьми? Или это такая же пропаганда, как и бредни о том, что слэны делают с детьми? Джомми увидел, что ум Гренни снова вернулся к деньгам в магазине.

— Целых четыреста тысяч!— резко сказала она.— Разве... Хотя ежедневно должно быть не менее нескольких сотен тысяч, а может быть и миллионов!

— Они не хранят все деньги в магазине,— солгал Джомми и к своему облегчению увидел, что старуха согласилась с этим объяснением.

Пока фургон грохотал по выбоинам мостовой, он размышлял о своей лжи. Он солгал почти машинально. Теперь же он понял, что это была своего рода самозащита. Если он сделает старуху слишком богатой, то она скоро станет думать о том, как бы его предать.

Было абсолютно необходимо, чтобы в течение последующих шести лет он безопасно прожил в лачуге Гренни. Отсюда напрашивался вопрос: какой наименьшей суммой она может удовлетвориться? Он должен был определить золотую середину между ее ненасытной жадностью и собственной безопасностью.

Не было никакого сомнения, что старуха настолько эгоистична, что может легко впасть в панику и уничтожить его прежде, чем он сможет уловить грозящую ему опасность. Поведение старой ведьмы становилось наиболее опасным и наименее предсказуемым фактором в течение тех шести лет, которые отделяют его от могущественного открытия, сделанного его отцом.

Глава 7

Быстрое обогащение развратило Гренни. Она часто исчезала на несколько дней, и, судя по ее бессвязным словам, наконец-то получила возможность посещать те увеселительные заведения, которые занимали основное место в ее мечтах.

Когда она бывала дома, ее почти неразлучной спутницей была бутылка. Поскольку Джомми хотел, чтобы старуха как можно больше времени оставалась поблизости, он

стал готовить ей пищу и тем самым поддерживал ее жизнь, несмотря на все ее излишества. Когда она оставалась без денег, было необходимо время от времени делать набеги вместе с ней, во всех других случаях ему удавалось не путаться у нее под ногами.

У мальчика было достаточно много свободного времени, и он посвящал его улучшению своего образования, а сделать это было довольно нелегко. Он жил в районе, особенно сильно пораженном крайней нищетой. Большинство обитателей этих мест были людьми необразованными, даже неграмотными, но и тут попадались индивидуумы с пытливым умом. Джомми узнал их и очень часто расспрашивал обо всем, что они знали. Для всех он был внуком Гренни. И как только это стало общепризнанным, большинство затруднений исчезло.

Были, конечно, люди, которые осторожно вступали в контакт с внуком старьевщицы, считая его не заслуживающим внимания, доверия. Некоторые, испытавшие на себе уколы резкого языка Гренни, были ее врагами, а что касалось Джомми, то они просто не замечали его. Третьи же были настолько заняты, что их мало беспокоили Гренни и ее грязный мальчишка.

Джомми энергично приковывал к себе внимание некоторых, хотя старался не показаться слишком назойливым. Один молодой студент, будущий инженер, назвал его както «чертовой занудой», но все-таки продолжал объяснять ему основы научных знаний. Джомми прочел в его мозгу, что тот при объяснении приводит в систему свои знания и более глубоко усваивает предмет. Кроме того, Джомми как-то услышал, что студент хвастался перед своими друзьями, что может свободно объяснять ее основы даже десятилетнему мальчику.

И он ни разу не догадался, насколько не по годам развитым был Джомми. Одна женщина, которая до своего замужества много путешествовала, но теперь была в затруднительном материальном положении, жила на этой улице в следующем квартале и подкармливала его пирожками, заодно с пылом рассказывая о мире и его обитателях, которых ей удалось когда-то увидеть. Было необходимо принимать от нее эту плату за разговорчивость, так как если бы он отказался от пирожков, она могла бы задуматься над этим странным фактом. А так он был самым благодарным слушателем миссис Шарди. Изможденная, ожесточившаяся женщина, муж которой проиграл

все ее состояние, в юности много путешествовала по Европе и Азии, и ее острое зрение отмечало огромное количество подробностей. Более смутно она знала прошлое тех стран.

Некогда, так она слышала, Китай был густо населенной страной. Затем серия кровавых войн много лет тому назад опустошила страну. Те войны, кажется, не имели никакого отношения к слэнам. Только в последние сто лет слэны обратили свое внимание на детей китайского происхождения, а также из других стран Востока, и тем самым обратили против себя те народы, которые до этого терпимо относились к существованию слэнов.

По словам миссис Шарди, это оказалось еще одной бессмысленной акцией со стороны слэнов. Джомми впитывал молча всю информацию, глубоко убежденный, что вряд ли это объяснение соответствовало действительности. Он страстно желал узнать, в чем же состояла истина, и был уверен, что когда-нибудь ему все же удастся пролить свет на эти ужасные бредни. Студент-машиностроитель, миссис Шарди, бывший пилот ракеты, мастер по ремонту радиоприемников и телевизоров, старик Даррет — вот те люди, которые окружали Джомми и от которых он черпал свои знания в течение первых двух лет, проведенных у Гренни. Из всех них Даррет был наиболее ценным знакомым мальчика. Это был крупный, коренастый старик семидесяти с лишним лет, приличный циник, который некогда был профессором истории, но история была не единственным предметом, о котором он имел почти неистощимые запасы информации.

Было очевидно, что рано или поздно старик расскажет о войне со слэнами. Это было настолько очевидно, что Джомми сдержанно не спешил с расспросами. И однажды зимой, когда старик заговорил о прошлом, Джомми сказал:

— Вы часто говорите о войнах, сэр. А ведь их могло бы и не быть. Люди, которые устраивают подобное, должны находиться вне закона. Тогда бы вы не воевали с изгоями, а просто уничтожили бы их и все!

Даррет стал решительно возражать.

— Изгои?— подняв бровь, спросил он.— Молодой человек, это были великие времена. Эти изгои-слэны, а их было что-то около ста тысяч, практически прибрали к рукам весь мир. Это была красивая работа — шедевр планирования, выполненный с предельной дерзостью. Что вы должны себе уяснить, так это то, что люди в своей

массе всегда пляшут под чью-то дудку, а не действуют по своей воле. Они попадаются в силки, из которых больше не в силах выбраться. Они принадлежат к разным группам, они являются членами разных организаций, они преданы идеям, отдельным личностям, географическим понятиям. Но если вы сможете прибрать к рукам учреждения, которые они поддерживают,— вот вам и способ овладеть ими.

— И слэнам это удалось?— спросил Джомми с таким пылом, что сам удивился. Это слишком обнажило его собственные чувства. Поэтому он поспешил добавить небрежным тоном: — Этому трудно поверить. Похоже, это вымысел. Или же просто пропаганда, чтобы напугать нас — ну, вроде того, о чем вы часто говорили в отношении других событий.

— Пропаганда!— взорвался Даррет, но тут же замолчал. Его большие выразительные глаза были наполовину скрыты за длинными темными ресницами. Наконец он сказал: — Мне хочется, чтобы ты зрительно представил себе это, Джомми. Весь мир был в замешательстве, сбит с толку. Повсюду дети людей были втянуты в потрясающую кампанию слэнов с целью воспроизводства этих монстров. Цивилизация начала разрушаться. Последовал непомерный рост безумия. Самоубийства, убийства, преступления — кривая хаоса вздымалась все выше и выше. И в одно прекрасное утро, даже не представляя себе, человеческая раса обнаружила, что за ночь противник взял власть в свои руки. Слэнам удалось захватить бесчисленное множество ключевых организаций. Когда ты, мальчик, узнаешь о неповоротливости и отсутствии гибкости государственных структур нашего общества, ты поймешь, насколько беспомощными ощутили себя люди в первое время. Мое глубокое личное убеждение, что слэны могли бы выйти сухими из воды, если бы не одно «но».

Джомми ждал, затаив дыхание. У него было предчувствие, что должно последовать дальше. Старик Даррет продолжал:

— Они продолжали свои бессердечные попытки превратить в слэнов детей обычных людей. И это оказалось довольно глупой затеей.

Даррет и другие были только началом. Джомми продолжал изучать людей, окружающих его, стараясь постоянно быть в курсе того, что у них в уме. Он прятался поблизости от лекционных площадок, телепатически про-

слушивая лекции. У него появилось множество книг, но знаний, почерпнутых из них, было недостаточно. Их еще нужно было интерпретировать, объяснять. Его интересовала физика, химия, астрономия — в общем все точные науки. Его жажда знаний не имела предела.

За шесть лет, между девятью и пятнадцатью годами, он приобрел начала знаний, которые его мать описывала, как основополагающие для каждого слэна.

В течение этих лет он осторожно, с почтительного расстояния, наблюдал за слэнами без завитков. По ночам, в десять часов, их корабли взмывали в небо; их служба работала точно, по расписанию. Каждую ночь, в полтретьего, очередной акулообразный монстр выныривал с неба. Безмолвный и темный, он, как призрак, исчезал в верхней части того же здания.

Только дважды в течение всех этих лет движение прерывалось, и каждый раз на один месяц. И в обоих случаях Марс, следуя по своей эллиптической орбите, находился в максимальном удалении от Солнца.

Джомми старался держаться подальше от Центра Воздушных Сообщений, так как с каждым днем росло его уважение к слэнам без завитков. И ему становилось ясно, что только какая-то случайность спасла его в тот день, когда он открылся перед двумя взрослыми. Случайность и изумление.

Однако он ничего не узнал о главной тайне слэнов. Для того чтобы убить время, он развивал бурную активность. Прежде всего ему нужен был потайной путь к бегству,— тайный для Гренни и окружающего мира. Кроме того, он не мог больше так жить в этой жалкой лачуге. Требовались месяцы, чтобы прорыть сотни метров туннеля, месяцы, чтобы перестроить интерьер их жилища, обшить панелями стены, очистить потолки и настелить новые пластиковые полы.

Тайком от Гренни он начал по ночам приносить в дом новую мебель, различные стройматериалы, и делал, делал ремонт. Только это отняло у него целый год — и все из-за Гренни и ее пристрастия к бутылке. Нет, она не мешала ему, но вечно пьяная болтовня сводила его с ума.

* * *

Сегодня ему исполнилось пятнадцать лет. В два часа Джомми отложил книгу, которую читал и надел башмаки. Сегодня он должен пойти в катакомбы и вступить во вла-

дение отцовской тайной. Из-за того, что ему не были известны секретные входы, которыми пользовались слэны, он должен будет рискнуть, воспользовавшись общеизвестными.

Он совсем не думал о возможной опасности. Это был именно тот день — давным-давно эта дата была гипнотически введена в его мозг отцом. И тем не менее было очень важно, чтобы он ускользнул из дому как можно быстрее и тише: старуха не должна была ничего услышать.

На короткое время он позволил разуму вступить в контакт с ее мозгом и без малейшего чувства неприязни ознакомился с потоком ее мыслей. Она не спала и ворочалась в постели. Из ее мозга сумбурно и неистово извергались удивительно злые мысли.

Джомми Кросс неожиданно нахмурился. В сущем аду воспоминаний старухи — когда она была пьяна, то жила почти полностью в своем воображаемом прошлом,— возникла мимолетная коварная мысль: «Пора избавляться от этого слэна... опасно стало для Гренни... опасно... а если отберут деньги?.. Нельзя позволить, чтобы он узнал об этом... держать его подальше... не думать... не думать...»

Джомми Кросс невесело улыбнулся. Не впервые он улавливал в ее мозгу мысли о предательстве. С неожиданной целеустремленностью он завязал шнурки, встал и вошел в ее комнату.

Гренни лежала, неуклюже развалясь под побуревшей от коньяка простыней. Ее глубоко посаженные глаза тускло мерцали на фоне сморщенного пергамента лица. Взглянув на нее, Джомми ощутил невольную жалость к этой старой женщине. Хоть и ужасной и омерзительной была прежняя Гренни, но все же он предпочитал ту, которую знал шесть лет назад, а не эту старую и слабую пьяницу, которая, словно средневековая ведьма, чудесным образом получила незаслуженное богатство.

Ее глаза уставились на него. С языка сорвался поток отборных ругательств, только потом она смогла выдавить из себя:

— Что тебе нужно, негодник? Гренни хочет побыть одна!

Вся жалость к этому уродливому созданию мигом пропала. Он холодно взглянул на нее и произнес:

— Я просто хотел предупредить вас, я скоро покину этот дом, и вам не придется попусту тратить время на разработку планов выдачи меня полиции. Но учтите, что

любой способ будет небезопасен. Это ваше старое заваленное сокровищами логово не будет стоить и медного гроша, если меня поймают.

Черные глаза старухи хитро глянули на него.

— Ты думаешь, что очень ловкий, да?— проворчала она.— Ловкий...— задумчиво повторила она, несколько злорадно.— Самое ловкое, что когда-нибудь сделала Гренни, это знаешь что? Нет? Это то, что она поймала шесть лет назад одного маленького слэна. Хотя это для нее и стало сейчас опасно...

— Старая дура,— бесстрастно прервал ее Джомми.— Не забывай, что всякий, кто укрывает слэна, автоматически подлежит смерти. И тебе придется хорошенько подергать своими костлявыми ножками, когда на эту вот костлявую шею набросят петлю.

Он повернулся и вышел из комнаты. Постояв немного на пороге дома, он принял решение и направился на остановку автобуса.

«Мне нужно проследить за ней,— подумал он,— и постараться побыстрее покинуть этот жуткий дом. Всякий, кто мыслит категориями вероятности, не смог бы доверять ей».

Даже в деловой части города улицы были безлюдны. Джомми вышел из автобуса, ощущая непривычную тишину там, где обычно царил сущий бедлам. Город был слишком тих, как будто в нем начисто отсутствовала жизнь и движение. Он стоял в нерешительности у бордюра, совершенно забыв в данную минуту о Гренни, и широко распахнул свой разум. Сначала он не уловил ничего, кроме обрывков мыслей водителя автобуса, который удалялся по пустынной дороге. Солнце ярко освещало мостовую. Несколько человек поспешно прошмыгнули мимо юноши. В их сознании был только лишенный содержания страх, причины которого Джомми никак не мог выяснить.

Тишина все более углублялась, тревога стала проникать в сознание Джомми. Он попробовал прозондировать ближайшие здания, но не смог обнаружить в них какие-либо мысли. С боковой улицы послышался шум двигателя, и в двух кварталах от него появился трактор, таща за собой огромное орудие, дуло которого угрожающе смотрело в небо. Трактор с грохотом выехал на середину улицы, от него отцепили орудие, и он вернулся на ту же улицу, откуда появился. Вокруг пушки засуетились люди, очевидно подготавливая ее к выстрелу. Через несколько мгнове-

ний они закончили приготовления и напряженно всматривались в небо.

Джомми захотелось подойти поближе, чтобы прочесть их мысли, но он не осмеливался. Чувство, что он находится в опасном и незащищенном месте, переросло у него в непреодолимую болезненную уверенность. В любую минуту могла подкатить военная или полицейская машина и его спросят, что он здесь делает в эту минуту. Его могут арестовать или заставить снять кепку — и тогда будут видны золотистые пряди его антенн.

Определенно происходило что-то очень важное, и наилучшим местом для него сейчас будут катакомбы, где он не будет на виду, хотя возникает опасность другого рода.

Мальчик поспешил к входу в катакомбы, что и было его целью, как только он ушел из дома старухи. Он свернул на боковую улицу, когда с ревом ожил громкоговоритель на углу:

«Последнее предупреждение!!! Всем очистить улицу! Всем жителям оставаться в домах! Таинственный воздушный корабль слэнов в настоящее время с огромной скоростью приближается к городу. Предположительно, он направляется ко дворцу. На всех радиодиапазонах включены радиоглушители, чтобы не допустить лживых заявлений слэнов по радио. Всем очистить улицы! Корабль приближается!!!»

Джомми замер. В небе сверкнуло серебро, и прямо над ним пролетела длинная сверкающая торпеда из белого металла. Он услышал короткий отрывистый выстрел орудия на улице, ему вторило эхо орудий, а затем корабль превратился в мерцающую точку, движущуюся ко дворцу.

Крылатый корабль! Сколько ночей за последние шесть лет он следил за космическими кораблями, которые вылетали из здания Центра Воздушных Сообщений, контролируемого слэнами без завитков. Бескрылые ракетные корабли и кое-что еще. Нечто, делающее огромные металлические машины легче воздуха. Реактивные двигатели использовались, казалось, в этих машинах только как источник движущей силы. То, как они взмывали вверх, наводило на мысль, что эти полуслэны открыли антигравитацию! Но это было лишь в тех машинах. А здесь был обычный крылатый корабль со всем оборудованием, которое было присуще ему: реактивные двигатели, система управления и тому подобное. Если это было наилучшее, что смогли сделать настоящие слэны, то тогда...

Глубоко разочарованный, Джомми повернулся и по длинной лестнице спустился в общественный туалет. Там никого не было и царила такая же тишина, как и на улицах города. Для него, который сумел пройти через много запертых дверей, было совсем не сложно открыть замок решетчатой двери, ведущей в катакомбы.

Он ощутил, как напрягся его разум, когда он взглянул на прутья дверной решетки. Впереди был виден бетонный пол, и несколько дальше — темнота, которая означала начинающуюся лестницу. Он открыл дверь и бросился вперед по темным сырым ступенькам с максимальной скоростью.

Где-то впереди начал монотонно дребезжать звонок, включенный фотоэлектрическим датчиком, который пересек Джомми, войдя в дверь,— мера предосторожности, предпринятая много лет назад против слэнов и других преступников.

До звонка оставалось теперь совсем небольшое расстояние, однако он чувствовал присутствие какого-то мозга в коридоре, простиравшемся перед ним. По-видимому, кто-то из охранников катакомб. Джомми увидел укрепленный на стене звонок — тускло поблескивающий кусок металла, издающий дребезжащий звук. Стена была гладкой, как стекло, вскарабкаться по ней было нелегко, точнее, совсем невозможно, если учитывать, что звонок висел на высоте примерно двухсот футов от пола. Он все звенел и звенел, но никаких отрывков мыслей больше Джомми не обнаруживал.

«Это не может служить доказательством, что сюда никто не спешит,— напряженно думал он.— Возможно, эти стены рассеивают волны, которые несут мысль».

Джомми с разбегу устремился к стене и отчаянно подпрыгнул вверх, к звонку. Его вытянутая рука чиркнула пальцами по мраморной стене на добрый фут ниже этого дьявольского устройства. Он потерпел поражение. Звонок продолжал звенеть, когда он обогнул изгиб коридора. И звук его становился все слабее и слабее по мере удаления от него. Но даже когда он уже не был слышен, в сознании Джомми звенело эхо, предупреждая об опасности.

Странно, но предупреждающий звон в голове стал звучать сильнее. Наконец ему показалось, что он звенит на самом деле, а его слабость объясняется большим расстоянием от источника. Ощущение становилось все сильнее по мере продвижения вперед, и тогда Джомми понял, что это

другой звонок, звенящий также сильно, как и первый. Это означало — Джомми был близок к панике,— что здесь установлена длинная цепь таких звонков, и в обширной сети туннелей должны быть уши, которые слышат их... люди, которые настораживаются и вопросительно переглядываются.

Джомми Кросс продолжал свой бег. Он не знал маршрута, по которому должен бежать. Он знал только, что в его мозг отец вложил все необходимое для того, чтобы он следовал в нужном направлении, и ему надо просто подчиняться импульсам, диктуемым подсознанием. Эти импульсы приходили крайне неожиданно, как, например, сейчас резкая команда «направо!».

Он выбрал более узкий из проходов и наконец оказался в убежище. Все было достаточно просто: под воздействием его рук одна из мраморных плит скользнула в сторону, открыв темную полость. Он бросился туда...

Его пальцы коснулись металлического ящика. Он подтянул его к себе. Пальцы дрожали. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, изо всех сил пытаясь вернуть себе самообладание, стараясь нарисовать мысленную картину, как отец стоял перед этой плитой, пряча великие тайны ради сына. Джомми удостоверился, что все идет так, как и предполагалось. И почувствовал, что, возможно, это один из самых величайших моментов в истории слэнов. Это мгновение, когда труды умершего отца передаются пятнадцатилетнему сыну, который так долго дожидался этого момента.

Грусть мгновенно исчезла, как только он уловил шепот в своем мозгу:

«Вот чертов звон,— думал некто.— Кто-то явно бросился вниз, когда в небе появился корабль,— похоже, решил переждать здесь бомбардировку».

«Может быть, но нельзя полагаться на это. Ты ведь знаешь, какие строгие правила относительно катакомб и их посещения. Кто бы ни активизировал этот звонок, не забывай, что он еще внутри. Пожалуй, нам необходимо передать сигнал тревоги в полицейское управление».

«Может быть заблудился?»— донеслась третья мысль.

«Вот пусть сам и объясняется!— сказал первый.— Я предлагаю пойти к первому звонку и держать оружие наготове. Если слэны в этот день открыто летают по небу, возможно, кому-нибудь из них захочется забраться сюда, вниз».

Джомми стал поспешно исследовать металлический ящик, чтобы определить, как он открывается. В его мозгу была гипнотическая команда забрать содержимое этого ящика, оставив сам ящик на месте. В свете этого приказа ему даже в голову не пришло забрать с собой весь ящик и убежать.

Казалось, что здесь не было ни замка, ни защелки. И все же что-то должно было удерживать крышку. Быстрее! Быстрее! Через несколько минут охранники будут здесь.

Тусклое освещение длинных бетонных и мраморных коридоров, затхлый запах, сознание того, что над головой проходят толстые кабели, перемещающие в город миллионы киловатт электроэнергии, весь мир, окружающие его катакомбы и даже воспоминания из прошлого — все эти мысли проносились в мозгу Джомми, когда он внимательно рассматривал металлический ящик. Были мысли и о пьяной Гренни, и о таинственных полуслэнах, и все это смешалось с приближающимися торопливыми шагами. Он теперь отчетливо слышал их, три пары ног, тяжело шлепающих по бетонному полу все ближе и ближе.

Мальчик схватил крышку, напрягся и рванул изо всех сил — и едва не потерял равновесие — так легко отскочила оказавшаяся незакрепленной крышка.

И вот он уже смотрит на толстый металлический стержень, лежащий на кипе бумаг. Удивления при этом зрелище Джомми не испытал. Он ощутил лишь облегчение, увидев нетронутым то, что, как он знал, должно быть здесь. Очевидно, это было частью гипнотического инструктажа.

Металлический стержень был выпуклым, шириной в два дюйма посередине и сужающийся на концах. Один из концов имел насечку, что безошибочно указывало на возможность хорошо держать его в руке. У начала вздутия, посередине, была кнопочка, которую удобно было нажимать большим пальцем. Стержень очень слабо светился. Этого и рассеянного света из коридора было вполне достаточно, чтобы прочесть надпись на листе бумаги, который лежал тут же, под стержнем.

«ЭТО ОРУЖИЕ!!! ПОЛЬЗУЙСЯ ИМ ТОЛЬКО В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ»

На мгновение Джомми так отвлекся от всего, что не сознавал, что преследователи очутились рядом с ним. Вспыхнул луч карманного фонаря.

Разговор продолжался несколько часов, и потом Карлес распрощался и ушел.

— Ну?— спросил Ганновей, проводив гостя.

— О, Боже! — воскликнул Коскинен.— Конечно, да!

XIV

«Зодиак» в Манхэттене казался странным местом для штаб-квартиры местной организации эгалитарианцев. Это было очень модное и дорогостоящее место. Много людей посещали его. Поэтому сюда можно было прийти в любое время, не привлекая внимания. Кроме того, многие входили сюда в масках. А обилие помещений давало возможность проводить тайные встречи.

Коскинен шел вместе с сопровождающими по гулким коридорам, погруженным в полумрак. Генератор давил на плечи. Коридор привел их к окованной двери, которая открылась после того, как Ганновей всунул в щель сканнера какую-то карточку.

Они вошли в небольшую комнату, где не было ничего, кроме стульев и небольшого стола. Здесь уже находилось человек пять или шесть. Их встретили настороженно. В них не было ничего от тех мятежников, которых показывали по телевидению. Возраст их колебался от тридцати до шестидесяти лет, одеты они были как люди среднего достатка, и все они были представлены Коскинену просто, без излишних формальностей — Томсон, Уошбурн, Ланфьер, Брорсен, Хилл, Риколетти. Но Коскинен чувствовал их напряженность. У некоторых на лбу выступили капельки пота.

— Наш Совет собрался потому, что каждый из присутствующих имеет возможность выехать для встречи в случае необходимости,— объяснил Ганновей.

— Однако слишком часто мы не можем этого делать,— резко заявил Брорсен.— Надеюсь, что сегодня причина для встречи действительно важная.

— Да, конечно,— ответил Ганновей и коротко изложил причину столь экстренного совещания.

После этого говорил Коскинен, и когда он закончил и ответил на многие вопросы, он сел, задыхаясь и чувствуя, что у него пересохло в горле. Он жадно выпил кофе, предложенный ему Трембецким, который говорил немного. Чле-

ны Совета по очереди осматривали генератор и возвращались на места. Дым сигарет плавал в воздухе.

Ганновей нарушил тишину.

— Как мы можем использовать этот прибор — ясно,— сказал он,— особенно если проделать кое-какую предварительную работу. Если сделать, чтобы прибор создавал экран, непроницаемый для лучей лазера, то это будет нечто потрясающее. Достаточно будет небольшой армии в тысячу человек, чтобы контролировать всю страну.

— Подождите,— вмешался Трембецкий.— Мы с Питом еще ни на что не согласились. Особенно на революцию.

— А что вы хотите делать?— с вызовом спросил Уошбурн.

Трембецкий изложил план Абрамса.

— Прекрасно,— фыркнул Ланфьер.— А теперь расскажите мне что-нибудь более реальное.

— А этот план нереален?

— Начать с того, что план очень рискованный. Даже если предположить полное сотрудничество с вами президента, неужели вы думаете, что Маркус будет спокойно сидеть и ждать своей участи? У него в Вашингтоне много сторонников и своя пропагандистская машина. Он будет говорить, что тайну прибора невозможно сохранить, что в других странах этот прибор рано или поздно будет создан. Следовательно, скажет он, Служба Безопасности нуждается в укреплении, а не в ослаблении.

— Но ему придется иметь дело с национальным героем, Питом Коскиненом, который передал прибор правительству Соединенных Штатов.

— Ха! Героев легко свергнуть с пьедестала.

— Но против Службы Безопасности могут быть выдвинуты обвинения в похищениях, незаконных арестах, даже в попытке убийства.

— На это обвинение вам скажут, что мистер Коскинен просто лжец или же он неправильно понял ситуацию и запаниковал. И что его товарищи по экспедиции были изолированы для их же блага — чтобы защитить их от китайцев, что частично будет правдой, если вспомнить о капитане Твене. А психологические исследования были необходимы, так как возникла чрезвычайная ситуация и Служба Безопасности должна была быстро получить необходимую информацию.

Ланфьер пожал плечами.

— В конце концов Маркус может пожертвовать несколькими незначительными агентами, обвинив их в том, что они превысили полномочия и действовали по собственной инициативе. Во всяком случае, сам он выйдет сухим из воды.

— Даже если президент будет против него?

— Даже в этом случае. Вы недооцениваете ту роль, которую Служба Безопасности играет в формировании общественного мнения. Американский народ уверен, что доктрина Нерриса — это единственная альтернатива ядерной войне. А эта доктрина автоматически требует существования Службы Безопасности.

— Теперь вы видите,— сказал Ганновей,— что, даже если ваш план сработает, он ничего не изменит в структуре Протектората?

— Пожалуй,— признал Трембецкий.— Но при всех обстоятельствах США долгое время будут единственным обладателем прибора. Ведь в основе его лежат эвристические идеи, которые трудно осознать человеческому разуму. Пройдут долгие годы, прежде чем человек разработает второй такой прибор без помощи марсиан. И значит, долгие годы наша страна будет в полной безопасности. Страх покинет людей. Он уступит место разуму и здравому смыслу. Идеи эгалитарианства проникнут в сердца людей. Я могу обещать, что мой босс бросит все силы в поддержку вашей организации. И это будет нечто большее, чем просто огромные деньги. Многие влиятельные люди прислушиваются к мнению Натана Абрамса.

— Если вспомнить, сколько всего вы видели за свою жизнь,— сказал Ганновей,— просто удивительно, как высоко вы цените здравый смысл людей.

— Я ценю его ниже, чем вы.— Трембецкий печально улыбнулся.— Но все же надеюсь, что события будут протекать именно так, хотя никто ничего не может гарантировать в этой жизни.

Члены Совета переглянулись. Наконец Ганновей закурил сигарету, медленно выпустил дым и ответил:

— Вы правы, любые действия рискованны. Проблема в том, как минимизировать риск. Это вы должны знать, Ян: единственный способ уменьшить число неизвестных факторов — познакомиться с ними. Я прекрасно понимаю себя,

своих друзей, вас двоих и Ната. Но я не знаю президента, не могу предсказать его действий. Да и вы тоже. Кроме того, существуют еще многочисленные чиновники его аппарата, бизнесмены, военные, все те, кто составляет структуру общества. Мы тоже не знаем, как будут реагировать они. А вспомните о миллиардах простых американцев! С их страхами, надеждами, убеждениями, привязанностями! Ведь все они живут в условиях существующего общества. Как поступят они? Все это неизвестные, которые действуют помимо нас, и поэтому результат совершенно непредсказуем. Значит, вы предлагаете просто надеяться на лучшее?

— А вы считаете, что единственный предсказуемый фактор — это сила?— Трембецкий прищурился.

— Да,— ответил Ганновей.— Разве не так? Когда я прошу незнакомого человека сделать что-то, он либо делает, либо нет, но если я наставлю на него пистолет, он обязательно сделает.

— Хмм. Я мог бы назвать вам несколько примеров исключений. Но оставим это. Как вы предлагаете поступить сейчас?

— Подробно я не могу сказать, нет времени. Но ясно одно: аппарат должен быть в наших руках и мы должны научиться работать с ним. Кроме того, следует вести разработки для создания более усовершенствованной модели.

— Минутку,— возразил Коскинен.— Это потребует много времени. А что будет с моими товарищами?

— Верно,— согласился Ганновей.— И Нат не пойдет на то, чтобы его сын долго томился в тюрьме. Кроме того, его следует убедить, чтобы он не ходил к президенту... Сделаем несколько аппаратов существующей модели,— это можно сделать быстро?— и тогда мы сможем освободить ваших друзей. И некоторых наших товарищей, которые тоже сидят в тюрьме.

— Прямое нападение?— Уошбурн сжал кулаки.— Наконец. Экран закроет небольшой флайер. Мы захватим несколько агентов Службы Безопасности, психологическим исследованием узнаем от них, где содержатся пленники, и затем ударим.

— А когда мы сделаем усовершенствованные аппараты, мы проведем следующую стадию нейтрализации Службы Безопасности,— сказал Ганновей.

— Будете убивать агентов?— спросил Трембецкий.

— Иногда. В основном мы будем просто изолировать их, чтобы не мешали.

— Служба Безопасности — орган государственной власти. Значит, вы посягаете на основы государства?

— Да.

— А вы думаете над тем, что в дело может вмешаться армия? Полагаете ли вы, что Конгресс и президент одобрят все это?

— Нет.

— А как отнесется народ к вашим действиям?

— Разумеется, мы проведем большую пропагандистскую кампанию.

— Этого мало, если вы решили поднять оружие против государства. Согласно Конституции это измена.

— Джорджа Вашингтона тоже называли изменником, когда он делал революцию.

— Я не говорю просто так. Если вы сказали «А», вам придется говорить и «Б».— Трембецкий обвел взглядом всех сидящих за столом.— Вам придется признать, что ваша цель — свержение правительства Соединенных Штатов.

— Пусть так,— свирепо заметил Риколетти.— Другого пути нет.

— Значит, какая-то полувоенная хунта захватит власть и будет править силой оружия. Мир исчезнет с Земли. Что тогда произойдет?

— Ничего особенного,— ответил Ганновей.— Мы детально изучили эту проблему. Не забывайте, что мы не замшелые анархисты, изобретающие бомбы в подвалах. Мы изучали теорию игр, стратегический анализ, политическую антропологию не хуже, чем в Вест-Пойнте. Мы целые годы разрабатывали свой план.

— Нельзя забывать о зарубежных гарнизонах. Даже когда не будет Службы Безопасности, они могут долгое время контролировать территорию этих стран. Обширное восстание нельзя подготовить за короткое время. На нашей стороне преимущества, которые всегда на стороне тех, кто производит переворот,— быстрота и решительность. Как только порядок в стране будет восстановлен, мы созовем всеобщую конференцию. Мы уже знаем делегатов, которые будут присутствовать на ней. Мы ознакомим их с планом Карлеса, ратифицируем его, затем вызовем домой амери-

канские войска. После этого люди будут наслаждаться жизнью на новой планете, на которой никогда не возникнет угроза войны!

XV

Было раннее утро, когда Коскинен и Трембецкий вернулись. Но ни тот, ни другой не могли спать.

Коскинен положил генератор на пол, уселся на стул, затем вскочил, выпил воды и подошел к окну. Темная громада города раскинулась перед ним. Коскинен ударил себя кулаком по ладони и выругался. Трембецкий закурил. Лицо его не выражало ничего.

— Что же делать, Ян?— спросил Коскинен.

— Бежать отсюда,— сразу отозвался Трембецкий.— Правда, я не знаю, куда. Вероятно, Служба Безопасности уже взяла под контроль все убежища Натана.

Коскинен повернулся к нему.

— Так куда же?

— Если мы пойдем с эгалитарианцами, нам придется уговорить их придерживаться умеренного курса.

— Они... может, они правы?

Трембецкий хмыкнул.

— Я имею в виду, что они вполне искренни.

— Искренность не самое лучшее достоинство.

— Я не знаю... Когда я отправлялся в экспедицию, я подписал клятву, что всегда буду поддерживать Конституцию. Может, это звучит по-детски, но я все еще серьезно отношусь к этой клятве. А эгалитарианцы призывают меня нарушить эту клятву.

— Да.

— Но с другой стороны — ведь все революции в прошлом были справедливыми.

— Я в этом сомневаюсь.

— А наша революция?

— Это совсем другое дело. Вспомни, она началась с того, что Англия решила превратить Америку в свою колонию на основании того, что большинство колонистов — выходцы из Англии. Но они уже давно перестали быть англичанами. Борьбу против иностранного вторжения легко назвать справедливой.

— О, я даже не знаю,— холодно ответила Кетлин. Она хотела бы быть предельно искренней с этим человеком.— Большое спасибо за помощь, но думаю, что ваше пристальное внимание к моей особе в равной степени отталкивает меня.

— Гммм!— он встал рядом с девушкой, и она увидела его твердый профиль, когда он склонился над перилами.

— Да, на самом деле никакого различия,— настойчиво произнесла Кетлин.— Вы оба хотите одного и того же.

Мужчина некоторое время молчал, но его мысли были такими же неуловимыми, как и у Кира Грея. Со временем он станет таким же мастером скрывать свои мысли от возможного прочтения.

Когда Лорри наконец заговорил, его голос изменился. В нем появилась нотка жестокости.

— Без сомнения, ваша точка зрения на эти вещи станет другой после того, как вы станете моей возлюбленной.

— Этого не будет никогда!— отрезала Кетлин.— Мне не нравятся люди. И, соответственно, не нравитесь вы!

— Ваши возражения не имеют значения,— хладнокровно парировал молодой человек.— Единственная проблема, это как мне овладеть вами, не подвергая себя обвинению, что я вступил в тайный сговор со слэнами. Пока я не решу данной проблемы, вы можете быть спокойны за себя.

Его уверенность заставила Кетлин вздрогнуть.

— Вы глубоко ошибаетесь,— сказала она твердо.— Ваши намерения не увенчаются успехом по той простой причине, что Кир Грей является моим опекуном. И вы не осмелитесь открыто выступить против него.

Джем Лорри задумался над этим. Затем:

— Ваш опекун, да. Но у него нет никаких сдерживающих факторов, когда дело доходит до женских прелестей. Я не думаю, что он будет возражать против того, чтобы вы стали моей любовницей. На одном только он будет настаивать: чтобы я нашел какую-либо причину, за которую могла бы уцепиться наша пропаганда. Не забывай, моя девочка, что твой опекун, Кир Грей, за последние несколько лет стал наиболее ревностным антислэнистом. Раньше мне казалось, что у него были какие-то прослэновские настроения, но теперь он совершенно уверен, что с ними, с этими нелюдьми, нечего церемониться. Он и Джон Петти очень близки друг другу в этом вопросе. Ближе, чем когда бы то ни было. Забавно...

На мгновение он над этим задумался.

— Но вам нечего беспокоиться, моя милая. Я отыщу формулировку и...

Голос Лорри заглушил рев громкоговорителя:

«Всеобщее предупреждение! Несколько минут назад наблюдали неопознанный летающий объект, пересекающий Скалистые горы и направляющийся на восток. Он быстро оторвался от преследовавших его самолетов и предположительно направляется прямо к Центрополису. Все должны немедленно разойтись по своим домам, поскольку корабль — есть уверенность, что он построен слэнами,— будет здесь через час, исходя из его нынешнего положения и скорости. Улицы освободить для военных целей. Расходитесь по домам!»

Громкоговоритель умолк. Улыбаясь, Джем Лорри повернул к Кетлин свое красивое лицо:

— Не думайте, моя милая, что появилась надежда на спасение. Один корабль не может нести на себе сколько-нибудь опасных вооружений, если за ним не стоит массовое производство. Старомодную атомную бомбу невозможно изготовить в пещере. И, кроме того, если быть до конца честным, слэны не использовали ядерное оружие в своей войне с людьми.

Лорри на мгновение приостановился, затем продолжал:

— Все думают, что те первые бомбы полностью разрешили тайну атомной энергии. Как мне кажется, этот полет направлен на то, чтобы посеять панику среди простодушных людей перед тем, как будет сделана попытка прямых переговоров.

Через час Кетлин снова стояла рядом с Лорри, когда серебристый корабль скользнул по небу ко дворцу. Он приближался с огромной скоростью. Ее сознание устремилось к этому странному объекту, пытаясь войти в контакт с существами, находящимися внутри него.

Корабль все ближе, все ниже, но не было ответных мыслей его повелителей. Неожиданно от него отделилась металлическая капсула и упала на садовую дорожку где-то там, в глубине сада, но все же в зоне прямой видимости. Она блестела, как бриллиант, на фоне газона в лучах полуденного солнца.

Девушка снова подняла голову, но корабль уже исчез. Нет, ей все же удалось увидеть серебристую черточку далеко вверху, прямо над дворцом.

Она некоторое время мерцала, словно звезда, а потом исчезла. Ум Кетлин вернулся с небес на землю, и она

вновь почувствовала присутствие Джема Лорри. Он откровенно ликовал.

— Что бы это ни значило, это как раз то, что я так долго ждал — возможность предъявить аргумент, который позволил бы мне уже сегодня вечером забрать вас к себе. Сейчас немедленно соберется Совет, по крайней мере, мне так кажется.

Кетлин сделала глубокий вдох. Теперь она поняла, каким образом он может все устроить, и, следовательно, настало время начать с ним борьбу любым оружием, которое может быть доступно ей. Она с достоинством проговорила, гордо откинув назад голову и сверкая глазами:

— Я попрошу, чтобы мне разрешили присутствовать на этом заседании на том основании, что у меня была мысленная связь с капитаном слэнов, находившимся на борту корабля.— Затем уже спокойно завершила свою ложь: — Я могу пролить свет на содержимое послания, которое найдут в капсуле.

Она в отчаянии подумала о том, что могла бы прочесть в умах советников то, о чем шла речь в послании. И исходя из этого, могла бы сочинить логичное построение того, о чем якобы говорил с ней предводитель слэнов. Если ее уличат во лжи, может возникнуть опасная реакция со стороны этих слэноненавистников. Но она должна всеми силами препятствовать их согласию передать ее Джему Лорри.

Когда она вошла в комнату, где должно было проходить заседание Совета, ее поразила мысль о предстоящем поражении. Включая Кира Грея, их было всего семеро. Она оглядела всех по очереди, стараясь как можно больше выудить информации из их мыслей, и почувствовала себя беспомощной.

Четверо из членов Совета, которые присутствовали,— друзья Джема Лорри. Шестой — Джон Петти, всего лишь раз взглянул на нее, и в этом единственном взгляде была леденящая враждебность. После этого он равнодушно отвернулся от нее.

Взгляд девушки невольно обратился к Киру Грею. Легкий трепет удивления пробежал по ее нервам, когда она увидела, что он тоже смотрит на нее, красноречиво подняв одну бровь и усмехаясь. Он уловил ее взгляд и нарушил тишину:

— Значит, вы были в мысленной связи с представителем слэнов, не так ли, моя милая?— сурово спросил он и

рассмеялся.— Я предлагаю на некоторое время пропустить мимо ушей это утверждение.

В его голосе было столько недоверия, столько враждебности, что Кетлин почувствовала облегчение, когда он отвернулся от нее и обратился к членам Совета.

— Очень жаль, но пятеро остальных наших товарищей находятся в отдаленных точках земного шара. Я лично не считаю слишком разумным отдаляться на большое расстояние от штаб-квартиры. Путешествовать должны подчиненные. Тем не менее мы не можем откладывать обсуждение этой проблемы. Если семеро из нас придут к соглашению, нам не нужно будет спрашивать согласия остальных пяти. Большинство будет на нашей стороне. Если же мы зайдем в тупик в поисках решения, придется связываться с каждым из них по радио.

Суть содержимого металлической капсулы, сброшенной с корабля, заключается в следующем: они заявляют, будто бы имеется миллион слэнов, организованных в единое целое и разбросанных для конспирации по всей планете...

Джем Лорри язвительно заметил:

— Мне кажется, что глава нашей тайной полиции запустил свою работу. И это несмотря на столь превозносимую ненависть к слэнам.

Петти огрызнулся, бросив на Лорри недобрый взгляд:

— Может, вы хотите на год поменяться со мной работой, а? Я не против того, чтобы ради перемены поля деятельности взять на себя несложные обязанности государственного секретаря!

Кир Грей прервал перепалку между советниками.

— Позвольте мне закончить, господа. Они говорят, что существуют не только миллион организованных слэнов, но и огромное количество слэнов, как мужчин, так и женщин, не присоединившихся к организации, и что их количество оценивается по меньшей мере в десять миллионов. Что вы можете на это сказать, Петти?

— Без сомнения, существует некоторое количество неорганизованных слэнов,— осторожно признал шеф тайной полиции.— Мы вылавливаем около сотни этих ублюдков каждый месяц по всему миру. Скорее всего, они не входят ни в какую организацию. В обширных районах менее развитых территорий земного шара трудно возбудить в народе антипатию к слэнам. Фактически их там продолжают считать людьми. И нет сомнения, что в наиболее труднодоступных районах Азии, Африки, Южной Америки и Авст-

ралии возможны большие колонии этих существ. Прошли годы с тех пор, как мы перестали находить такие поселения, но отвергать из-за этого предположение, что они существуют, мы не вправе. И можно только уповать на то, что за эти годы они не смогли выработать в высшей степени эффективных методов самозащиты. Но я, тем не менее, готов принимать во внимание деятельность этих очагов сопротивления. Цивилизация и наука — это надстройка, опирающаяся на достижения промышленности и интеллекта сотен миллионов существ. Как только эти слэны ушли в отдаленные, оторванные от цивилизации районы, они тем самым обрекли себя на поражение, так как отрезали себя от книг, от контактов с высокоразвитым уровнем интеллекта, что является, возможно, единственным базисом для дальнейшего развития.

Эти слэны не являются и никогда не являлись опасностью. Главная угроза исходит от слэнов, живущих в больших городах, где у них есть возможность вступить в контакт с разумом наиболее выдающихся людей и, несмотря на все наши предосторожности, некоторый доступ к книгам. Очевидно, этот корабль, который мы видели сегодня, построен слэнами, живущими в центрах цивилизации, хотя это и крайне опасно для них.

Кир Грей, соглашаясь, кивнул головой.

— Да, многие из ваших предположений соответствуют истине, но вернемся к письму. Далее в нем говорится, что эти несколько миллионов слэнов слишком стремятся положить конец периоду напряженности, существующему во взаимоотношениях между ними и людьми. Они осуждают замыслы мирового господства, которыми были охвачены ранние слэны, объясняя эти амбиции ложной концепцией превосходства над людьми, не подтвержденные последующим жизненным опытом. Они убедились, что не превосходят людей, а просто отличаются от них. Они также обвиняют Самюэля Ленна, человека по происхождению, в том, что он впервые создал слэнов, по имени которого они и были названы: Самюэль Ленн, С. Ленн, слэн... и который взлелеял в своих творениях веру в то, что они должны править миром. И что лишь эта вера, а не внутреннее, присущее слэнам стремление к господству была источником опасных амбиций ранних детей Ленна.

Развивая эти идеи, они далее указывают на то, что ранние изобретения слэнов были просто незначительными усовершенствованиями уже существующих принципов.

Как они заявляют, слэнами не было проявлено истинное творчество в деле развития физики. Они также утверждают, что их философы пришли к заключению, что мозги слэнов не являются научными в любом из истинных смыслов этого слова, отличаясь от мозгов нынешних людей точно так же, как отличаются наши мозги от мозгов древних греков и римлян, которые не развивали эту науку, которую мы принимаем в нынешнем значении этого слова.

Он продолжал говорить, но после какого-то момента Кетлин слушала его только частью своего сознания. Возможно ли, чтобы это было правдой? Мозги слэнов не имеют научной ориентации? Немыслимо! Наука — просто накопление фактов и дедуктивные заключения на этой основе. А кто мог бы лучше навести божественный порядок в запутанной действительности, как не могучий умом, взрослый, зрелый слэн? Она заметила, что Кир Грей поднял со стола лист серой бумаги и сконцентрировала снова свое внимание на том, о чем он говорит.

— Я намерен прочитать вам последнюю страницу,— произнес он сухо.

«Мы не можем придавать слишком большое значение возможности этого. Это значит, что слэны никогда не бросали серьезный вызов военному могуществу людей. Какие бы усовершенствования мы ни делали в существующих машинах, они не могут оказать решающего значения на исход борьбы, если опасность войны появится снова.

По нашему мнению, нет ничего более бесполезного, чем нынешнее безысходное положение, которое, ничего не разрешая, преуспевает только в поддержании беспорядка и постепенно создает экономический хаос, от которого люди страдают во все большей степени.

Мы предлагаем почетный мир. Единственным условием для преодоления трудностей является предоставление слэнам законных прав на существование, свободу и стремление к счастью».

Кир Грей положил бумагу на стол, холодно обвел взглядом всех присутствующих, и сказал ровным суровым голосом:

— Я категорически против любого какого бы то ни было компромисса. Когда-то я верил, что можно что-то сделать, но не сейчас! Каждый слэн здесь,— он взмахнул рукой, многозначительно намекая на глобус,— должен быть уничтожен.

Кетлин показалось, что какая-то тень пала на эту и

без того неясно освещенную комнату. В наступившей тишине мысли негромко отдавались в ее мозгу, подобно далекому прибою на первобытном берегу. Она была потрясена. Потрясена глубокой переменой, происшедшей в Кире Грее.

А была ли эта перемена вообще?

Можно предположить, что этот человек всегда был столь же безжалостен, как и Джон Петти. Причина, по которой он даровал ей жизнь, могла иметь и в самом деле, как он говорил, чисто познавательные цели. И, конечно, было время, когда он верил, правильно или неправильно, что его политическое будущее неразрывно связано с продолжением ее существования. Но ничего более. Не было чувства сострадания или жалости, не было интереса к беспомощному юному созданию, желания помочь ему. Ничего, кроме в высшей степени прагматического взгляда на жизнь. Ведь это правитель людей, которым они восхищались, почти боготворили его в течение многих лет. Ведь он ее опекун!

Конечно, по правде говоря, слэны лгали. Ну что они еще могли сделать, имея дело с людьми, которые были полны только ненавистью и ложью? По крайней мере они предлагают мир, а не войну. И этот человек отвергает без всяких размышлений предложение, которое покончило бы с многолетним уголовным преследованием ее расы.

Она ощутила, что взгляд Кира Грея устремлен к ней. С саркастической улыбкой он произнес:

— А теперь давайте послушаем так называемое послание, принятое этой... девушкой во время... э-э... мысленного контакта с командиром корабля слэнов.

Кетлин с отчаянием посмотрела на него. Он не верил ни одному ее слову, и перед лицом его уничтожающего скептицизма она знала, что самое лучшее — это предложить какое-нибудь тщательно подготовленное ею в уме заявление на суд безжалостной логики этого человека. Ей нужно было время.

— Я...— начала она.— Это было...

И неожиданно увидела, что Джем Лорри нахмурившись, вскочил со своего места.

— Кир,— обратился он к председателю Совета.— Похоже, что ты избрал очень крутую линию. Вопрос очень важный, и ты делаешь очень большую ошибку, не дав Совету даже возможности обсудить это предложение. В свете твоих действий, Кир, у меня не остается другой

альтернативы, как заявить, что я, с оговорками, однако, склоняюсь к тому, чтобы принять это предложение. Главная моя оговорка состоит в том, что слэны должны слиться с людьми. Они должны ассимилироваться! Для этого слэны не должны вступать в брак друг с другом, а должны принудительно сочетаться с людьми, без всяких на то исключений.

Кир Грей без всякой враждебности посмотрел на него.

— Что заставляет тебя думать, что выход заключается в перекрестных браках людей со слэнами?

— Именно это я и собираюсь сделать.— Джем Лорри кивнул головой настолько спокойно, что только Кетлин смогла уловить в его голосе скрытую напряженность.

Она подалась вперед, затаив дыхание.

— Я решил взять Кетлин Лейнтон в качестве своей возлюбленной, и все мы вскоре увидим, что из этого может получиться. Я надеюсь, что против этого никто не станет возражать.

Молодые члены Совета пожали плечами. Кетлин даже не требовалось читать их мысли, чтобы понять, что у них нет ни малейших возражений по этому поводу. К тому же она заметила, что Джон Петти вообще не обращает внимания на этот разговор, а Кир Грей, казалось, углубился в собственные мысли, словно он тоже ничего не замечал.

Она попробовала разжать зубы, чтобы заговорить, но в последний момент сдержалась. В ее мозгу внезапно возникла новая мысль. Предположим, что перекрестные браки в самом деле могут решить все проблемы слэнов. Предположим, что Совет примет предложение Лорри. Даже если она понимала, что оно основано на его страсти к ней, могла ли она осмелиться защищать себя от него, если бы была малейшая вероятность того, что другие слэны согласятся с этим планом и таким образом завершатся сотни лет жалкого существования и убийств?

Она еще глубже опустилась в свое кресло, едва ли сознавая иронию своего положения. Она пришла на заседание Совета, чтобы бороться за себя, а теперь не осмеливается даже слова вымолвить.

Кир Грей заговорил снова:

— В решении, предложенном Джемом Лорри, нет ничего нового. Сам Самюэль Ленн был весьма заинтересован в таких бракосочетаниях и убедил одно из своих созданий выйти замуж за человека. От такого союза не было детей.

— Я обязан доказать это сам,— упрямо проговорил

Лорри.— Это слишком важно, чтобы полагаться на результат только одной пробы.

— Их было более чем достаточно,— мягко заметил Кир Грей.

В разговор вмешался еще один член Совета:

— Важным во всем этом является то, что ассимиляция действительно может быть неплохим решением. Исходя из слов нашего председателя, можно не сомневаться, что в конце концов человеческая раса станет на планете доминирующей. Нас более трех миллиардов против, скажем, пяти миллионов слэнов. И даже если в результате таких браков не будет детей, все равно мы добьемся своего в течение ста пятидесяти — двухсот лет, если принимать нормальную продолжительность жизни слэна за сто пятьдесят лет. Через двести лет на планете не останется ни одного живого слэна.

Кетлин была потрясена тем, что Джему Лорри удалось отстоять свою точку зрения. Она видела, судя по неясным отрывкам на поверхности его разума, что у него не возникало больше намерений снова поднимать этот вопрос. Похоже, все уже решено. Сегодня вечером он пришлет за нею солдат, и никто потом не скажет, что Совет не пришел к соглашению. Молчание было признаком одобрения.

В течение нескольких минут она очень смутно воспринимала голоса, а тем более мысли. Наконец ее мозг смог уловить какую-то фразу. Усилием воли она опять обратила свое внимание к собравшимся. Фраза «...можно было бы покончить с ними таким образом!» полностью высветила, насколько далеко они ушли от первоначальных взглядов за прошедшие несколько минут.

— Давайте внесем ясность,— оживленно произнес Кир Грей.— Идея использования некоторого кажущегося соглашения со слэнами для окончательного их искоренения вызвала среди вас, насколько я вижу, соответствующий отклик, который... снова... внешне, кажется, ослабил всякие помыслы об истинном и честном соглашении, основанном, например, на идее ассимиляции.

Короче говоря, существуют следующие проекты. Номер один: позволить им смешаться с людьми, пока они не будут окончательно выявлены, а затем согнаны вместе. Большинство из них будет захвачено врасплох, а остальных выследят в течение небольшого промежутка времени.

Проект номер два: принудительно собрать всех слэнов

на каком-нибудь острове и уничтожить их там, используя военные корабли и самолеты.

Проект номер три: с самого начала обращаться с ними сурово. Настоять на их фотографировании и снятии отпечатков пальцев. Кроме того, необходимо, чтобы все слэны через определенные промежутки времени проходили регистрацию в полицейских участках.

Эта третья идея может прийтись по нраву слэнам, если будет выполняться в течение некоторого промежутка времени, так как покажет им, что в этом плане присутствует как элемент строгости, так и элемент справедливости.

Равнодушный голос продолжал что-то говорить, но почему-то всей этой сцене не хватало реальности. Разве можно просто так сидеть здесь, обсуждая предательство и убийства в таком большом масштабе,— семеро людей, решающих за всю расу людей вопросы более важные, чем жизнь и смерть.

— Ну и глупые же вы все,— с горечью вымолвила Кетлин.— Неужели вы хоть на одну минуту можете представить себе, что слэнов можно втянуть в ваши дурацкие проекты? Слэны могут читать мысли, а кроме того, каждый из ваших проектов настолько ясен и ничем не прикрыт, что я удивляюсь, как это можно считать вас умными и трезво мыслящими людьми!

Они молча и холодно стали разглядывать ее. Легкая ироническая усмешка мелькнула на губах Кира Грея.

— Боюсь, что ты заблуждаешься, моя девочка. Мы допускаем, что они умны и подозрительны! Вот поэтому мы и предлагаем столь несложные идеи. А это, конечно, первый момент успешной пропаганды. Что же касается чтения мыслей, то мы здесь никогда не встретимся с руководителями слэнов. Мы передадим мнение большинства остальным членам Совета, которые будут вести переговоры, будучи твердо уверенными, что ведут честную игру. Ни один из наших подчиненных не будет иметь никаких других инструкций, кроме тех, которые требуют, чтобы вопрос решался справедливо. Так что, понимаешь ли...

— Одну минуту,— прервал диктатора Джон Петти, и в его голосе была такая удовлетворенность, такое ликование, что Кетлин сразу же повернулась к нему.— Наша главная опасность — это то, что эта девушка-слэн знает о наших планах. Она только что сказала, что у нее была телепатическая связь с командиром слэнов. Иными словами, они теперь знают, что она находится здесь, и, когда поблизо-

сти появится еще один корабль, ей представится возможность уведомить наших врагов о планах Совета. Поэтому я предлагаю, чтобы эта девчонка была сейчас же убита!

Кетлин обуял ужас. Логику такого аргумента невозможно было отрицать. Она увидела, как в мозгу других членов Совета растет понимание этого. Пытаясь безрассудно избежать внимания Джема Лорри, она сама себя завлекла в ловушку, которая скорее всего приведет ее к смерти.

Кетлин зачарованно смотрела на лицо Джона Петти. Оно раскраснелось от удовольствия, которое доставили ему собственные слова, и он не пытался скрыть этого. Не было сомнения в том, что он даже не помышлял о такой победе. И от этого его глубокое волнение стало еще большим.

С трудом девушка оторвала свой взор от Петти и сосредоточилась на других. Неясные мысли, которые ей удалось уловить, стали принимать более отчетливые очертания. Это решение не доставляло им большого удовольствия, поскольку, в отличие от Джема Лорри, они были совершенно безразличны к ней. Но их убеждения были неизменными. И поэтому ее ждала смерть!

Кетлин показалось, что окончательность этого приговора встревожила Джема Лорри. Его поведение подтвердило это, как только он повернулся к ней. Все его естество было пронизано страхом.

— Вот чертова дурочка!— сказал он. И от досады закусил нижнюю губу, откинувшись на спинку кресла.

У нее закружилась голова. Она посмотрела на Кира Грея. С ужасом следила она, как он нахмурился, как в его глазах появилось такое выражение, будто его ударило током. Это придало ей храбрости. Он не хотел, чтобы она погибла, иначе бы он не встревожился так.

Храбрость и вместе с ней появившаяся надежда тотчас же испарились, как только она поняла, что его испуг означает, что у него не было решения этой проблемы, которая, подобно бомбе, взорвалась только что в зале... Постепенно выражение лица диктатора вновь стало безразличным, и она не ощущала никакой надежды до тех пор, пока он не заговорил:

— Смерть была бы безусловно необходима, если бы ее утверждение соответствовало истине. Она солгала, что имела телепатическую связь с командиром корабля слэнов. На этом летательном аппарате не было ни одного слэна. Это был корабль-робот.

Кто-то возразил:

— Я полагаю, что управляемые автоматические корабли могут быть легко выведены из строя посредством радиопомех. Вы пытались воздействовать на...

— Да, это возможно,— перебил говорившего Кир Грей.— Вы, наверное, помните, как этот корабль взмыл прямо вверх перед тем, как исчезнуть в небе. Слэн, который управлял им по радио, дал команду на этот маневр, так как неожиданно понял, что мы вмешались, притом успешно, в действие механизмов их корабля.

Он сурово улыбнулся.

— Хочу сейчас сообщить вам, что мы сбили этот корабль в ста пятидесяти милях отсюда к югу. К сожалению, это произошло над Мэнчирскими болотами и его до сих пор не вытащили. Однако после того, как его извлекут, он будет отправлен на заводы Кадайна, где, без сомнения, наши специалисты легко разберутся в принципе работы его механизмов. Причина, по которой установка соответствующих радиопомех отняла у нас так много времени, заключается в том, что автоматика этого корабля несколько отличается от стандартной, и потребовалась новая комбинация радиоволн, с помощью которых можно было бы осуществить вмешательство в ее действие.

— Все это несущественно,— нетерпеливо бросил Джон Петти.— Существенно только то, что этот слэн,— и он указал пальцем на Кетлин,— находился все это время в одной с нами комнате, знает все наши планы по уничтожению ее соплеменников, и, следовательно, она может быть опасной, если сделает попытку сообщить другим слэнам о наших соображениях. Ее необходимо убить!

Кир Грей медленно встал. Лицо его было сурово. В голосе диктатора послышались металлические нотки:

— Я уже сказал вам, сэр, что провожу социологические исследования этого слэна и буду очень благодарен вам, если вы воздержитесь от дальнейших высказываний о ее смерти. Вы только что сказали, что ежемесячно ловят и казнят по нескольку сотен слэнов. Слэны же заявляют, что их все еще около одиннадцати миллионов. Я надеюсь,— и в голосе вождя прозвучал неприкрытый сарказм,— что мне будет дана привилегия сохранить в живых одного слэна для научных целей. Одного слэна, которого вы ненавидите, по-видимому, больше, чем всех остальных, вместе взятых...

Джон Петти перебил Грея:

— Все это очень хорошо, Кир. Но мне очень хотелось бы узнать, для чего Лейнтон солгала о том, что она вступила в телепатический контакт с кораблем слэнов?

Девушка перевела дыхание. Она почувствовала, как оцепенение, в котором она находилась все эти жуткие минуты, сменяется облегчением и радостью, что самое страшное, похоже, уже позади. Она сама не поняла, что помимо своей воли вскрикнула от негодования:

— Потому что я знала, что Джем Лорри собирается сделать меня своей любовницей, и просто хотела, чтобы вы знали, что я возражаю против этого!

— Ради бога, Джем,— сказал один из советников.— Вы что, не можете держать свои любовные дела подальше от Совета?

— При всем уважении к Киру Грею,— сказал другой,— я должен все-таки заявить, что этого нельзя терпеть от слэна. Как она смеет возражать человеку, наделенному определенной властью, которому она нужна для определенных исследований! Мне очень интересно взглянуть, каким будет результат этой забавной связи. Ваши возражения, Грей, действительными быть не могут. И потому я советую вам, Джем, не обращайте ни на кого внимания. Велите-ка лучше своей охране схватить девчонку и доставить ее в вашу комнату. Думаю, что на этом можно было бы и закончить наше совещание.

Впервые за свои семнадцать лет Кетлин ощутила, что есть предел напряжения даже для слэнов. Как будто что-то натянулось у нее внутри. Словно что-то очень важное готово было вот-вот оборваться. Она до боли сжала пластиковые поручни кресла и неожиданно уловила мысль Кира Грея:

«Глупышка! Как же это тебя угораздило угодить в такую кашу?»

Она взглянула на него, жалкая и подавленная. И впервые увидела, что он сидит, откинувшись в кресле, наполовину прикрыв глаза и плотно сжав губы. Затем он тихо процедил сквозь зубы:

— Все это было бы прекрасно, если бы результаты такой связи требовали проверки. Но этого не требуется. Зарегистрированы случаи более чем сотни попыток людей и слэнов воспроизвести детей, которые занесены в картотеки под заголовками «Ненормальные браки». Причины стерильности трудно определить, потому что люди и слэны не отличаются особенно друг от друга. Удивительно крепкая

мускулатура слэнов объясняется не новым типом мышц, а ускоренным прохождением нервных импульсов, активизирующих эти мышцы. Увеличено также число нервов в каждой части тела. Что и делает слэнов гораздо более чувствительными ко всем внешним раздражителям.

Два сердца не являются по-настоящему двумя сердцами, это просто одно комбинированное сердце, каждая секция которого действует независимо друг от друга. Вместе оба сердца были бы ненамного больше человеческого. Так что это всего лишь более качественный насос!

И, наконец, завитки-антенны, которые посылают и принимают мысли. Как показали наши исследования, они выросли из слабо изученных образований в верхней части коры головного мозга и должны, очевидно, быть источником неустойчивого телепатического обмена мыслями, известного у более ранних народов и все еще практикующегося людьми.

Так что вы должны понять, что то, что сделал Самюэль Ленн своей жене с помощью изобретенной им мутационной машины, ничего нового не добавило к человеческому организму, а только изменило или побудило к мутации то, что уже существовало. Кстати, вы и без меня знаете, что первых детей-слэнов было всего трое.

Кетлин показалось, что он говорит только для того, чтобы выиграть время. Она чувствовала, что он полностью понимает сложившуюся ситуацию, что никакие логические аргументы не смогут разубедить такого человека, как Джем Лорри.

— Кетлин... Впрочем, я сообщал вам всю эту информацию,— продолжал дальше свой рассказ Кир Грей,— по той причине, что, по-видимому, никто из нас до сих пор не удосужился исследовать истинное положение дел и сравнить с распространенным в основной массе народа убеждением относительно слэнов. Взять хотя бы так называемое умственное превосходство слэнов, на которое есть ссылка в полученном сегодня послании. Имеется одна старая иллюстрация по этому вопросу, на сегодня уже почти забытая всеми: эксперимент, во время которого Самюэль Ленн, этот в высшей степени незаурядный человек, вырастил детеныша обезьяны, ребенка-человека и ребенка-слэна под строгим научным наблюдением. Обезьяна была наиболее не по годам развитой, научившись в течение нескольких месяцев тому, что потребовало от остальных двоих гораздо большего времени. Затем человек и слэн научи-

лись разговаривать, а обезьяна безнадежно отстала. Слэн и человек продолжали развиваться практически нога в ногу, до тех пор, пока в возрасте 4 лет не начали проявляться способности слэна к телепатии. С этого момента ребенок-слэн стал постепенно обгонять человека.

Тем не менее доктор Ленн позже обнаружил, что интенсификация обучения человека-ребенка позволяет догнать слэна и оставаться примерно на одном уровне развития со слэном, в особенности по быстроте мышления. Большим преимуществом слэнов была возможность чтения мыслей, что давало им непревзойденную проникаемость в психологию и более готовый доступ к образованию, тогда как человеческий ребенок мог впитывать информацию только посредством зрения и слуха...

Джон Петти грубо прервал плавную речь председателя.

— То, о чем ты говоришь, Кир, мне давно известно, и в этом главная причина, почему мы не можем начать мирные переговоры с этими... этими чертовыми искусственными существами. Для того, чтобы человек мог сравняться со слэном, ему нужно напрягаться многие годы из последних сил, чтобы получить то, что с такой легкостью достается слэнам. Другими словами, все, кроме ничтожной части человечества, неспособны быть ничем иным, как рабами в сравнении со слэнами. Господа, здесь не может быть мира, а только интенсификация методов искоренения чудовищ. Мы не можем рискнуть выполнить ни один из этих планов, достойных Макиавелли, потому что опасность слишком велика, если все пойдет не так, как мы бы хотели.

Один из членов Совета заметил:

— Он прав!

Несколько голосов одобрили это утверждение, и стало очевидным, каким будет приговор. Кетлин поймала жестокость во взгляде Кира Грея, когда он по очереди оглядел всех членов Совета.

— Если таким должно быть ваше решение... я считаю смертельной ошибкой любого из нас взять этого слэна себе в качестве любовницы. Это может создать у народа неверное впечатление, домыслы и невыгодную нам реакцию.

Последовавшая за этими словами тишина была тишиной одобрения, и Кетлин бросила быстрый взгляд на лицо Джема Лорри. Он хладнокровно встретил ее взгляд, томно встал и, подождав, пока она встанет и подойдет к двери, пошел рядом с ней.

Он открыл перед ней дверь и сказал:

— Это ненадолго, моя госпожа. Так что не стройте лишних иллюзий.

И он уверенно улыбнулся, глядя на ее стройную фигурку.

Но не об этой угрозе думала сейчас Кетлин, медленно двигаясь по коридору. Она заметила, как изменилось лицо Кира Грея, когда Джон Петти потребовал ее смерти.

Это было очень странно. Особенно те минуты, когда им были сказаны мягкие слова о том, что корабль слэнов управлялся по радио и, сбитый, валяется в болотах. Если это так, то почему же он был так перед этим ошеломлен? Если это ложь, то зачем Кир Грей взял на себя ужасный риск солгать ради нее и, наверное, даже теперь беспокоится об этом?

Глава 9

Джомми Кросс в упор посмотрел на эту пародию на человека, которую представляла собой Гренни. Он не ощущал ярости от того, что она предала его. Результатом была беда. Его будущее стало пустым и непредсказуемым.

Первое: решить, что делать со старухой?

Она сидела в кресле, в необычайно дорогом и цветастом вечернем платье, туго спеленавшем ее нескладную фигуру.

Хихикая, она обратилась к нему:

— Гренни что-то знает, да. Гренни знает кое-что.

Ее слова превратились в бессвязное бормотание, но вскоре, на удивление, опять стали различимыми:

— Деньги! О, всемогущий боже, да! Гренни нахапала кучу денег себе на старость. Смотри!

С доверчивой невинностью старого пропойцы она вынула из-за пазухи пухлую черную сумку. Но тут же здравый смысл заставил ее возвратить сокровище на прежнее место.

Джомми Кросс был поражен. Впервые он увидел ее деньги, хотя всегда знал ее укромные места. Но держать их так перед приходом полиции — такая тупость заслуживала самого большого наказания.

Но он все еще стоял в нерешительности. Напряженность возрастала по мере того, как давление мыслей людей снаружи становилось все более невыносимой тяжестью для его сознания.

Десять человек... все ближе и ближе... с тупорылыми автоматами... У него было полное моральное право оставить предательницу перед лицом разъяренных охотников, оставшихся без добычи. Оставить перед лицом закона, который гласит, что любой человек, без какого-либо исключения, должен быть повешен за укрывательство слэна.

В мозгу юноши промелькнула кошмарная картина: Гренни на пути к виселице, Гренни, умоляющая о милосердии, Гренни, пытающаяся сбросить веревку с шеи, дрыгающая ногами, царапающая своих палачей.

Он нагнулся и схватил ее за плечи. Несколько раз встряхнул ее так, что она застучала зубами и стала всхлипывать от боли, и в ее глазах мелькнул здравый смысл.

Он резко сказал:

— Если ты останешься здесь, то скоро умрешь. Разве ты не знаешь закон?

— Да!— Она приподнялась, несколько очнувшись, затем снова соскользнула в сточную канаву своего сознания.

«Спеши, спеши»,— подумал он и принудительно погрузил свой разум в нечистоты ее сознания, стараясь словами разбудить последние остатки здравого смысла в ее голове. И когда он готов был уже отступить, перед ним внезапно открылся крохотный уголок ее мозга, в котором еще были страх и надежда, почти погребенные под тяжестью массы бессвязных, расплывчатых мыслей.

— Хорошо,— пробормотала она.— У Гренни много денег. Богачей не вешают. Подумай над этим.

Джомми отступил в нерешительности. Преследователи были все ближе и ближе, замыкая круг со всех сторон убогой лачуги. Его поразило их количество. Даже грозное оружие у него в кармане может оказаться бесполезным, если град пуль изрешетит заплесневелые стены комнаты. А для того, чтобы разрушить все мечты отца, достаточно было одной.

— Тьфу, черт!— вслух выругался он.— Какой же я дурак! Что я буду делать с тобой, даже если вытащу отсюда? Все дороги из города перекрыты. Есть только одна реальная надежда на спасение, но она безнадежна трудна. А если еще и старая пьяница будет мешать, то...— Джомми мысленно покачал головой.— Я не представляю, как смогу взобраться на тридцатиэтажное здание с ней на шее.

Логика говорила ему, что не следует обращать внимания на старуху. Он сделал полоборота, но затем мысль о том, что Гренни повесят, повергла его в ужас. Каковы бы

ни были ее пороки, само ее существование обеспечило ему возможность оставаться в живых все эти годы. Это был долг, который следовало оплатить!

Одним резким движением он вытащил из-под платья Гренни черную сумку. Она что-то хмыкнула спьяну, а затем ее сознание вернулось к ней, когда он помахал сумкой перед ее глазами.

— Смотри,— понукал он ее.— Здесь все твои деньги, которые ты собрала. Без этого ты будешь голодать. Без этого ты будешь скрести полы в ночлежке для бедняков! Тебя будут избивать, а может когда-нибудь и убьют!

Через несколько секунд старуха была уже почти трезвой, настолько трезвой, что смогла оценить последствия того, что она натворила до этого!

— Гренни повесят!— вскрикнула она.

— Мы должны поскорее убраться отсюда,— кивнул Джомми.— Вот, возьми свои деньги.

Он грустно улыбнулся, глядя, как старуха с жадностью вырвала сумку из его рук.

— У нас есть подземный туннель, который ведет из моей спальни в частный гараж на углу 476-й улицы. Ключ от автомобиля я достал. Мы поедем на нем к Центру Воздушных Сообщений и украдем один из...

Он запнулся, представив уязвимость последней части своего плана. Казалось невероятным, что у слэнов без завитков такая плохая организация, что ему удастся заполучить один из тех загадочных кораблей, которые они запускают в небо каждую ночь. Правда, один раз он уже сумел убежать от них с необыкновенной легкостью, но...

* * *

Тяжело дыша, Джомми усадил старуху на плоскую крышу здания, внутри которого помещались космические корабли. Он тяжело бухнулся рядом с ней и лежал, стараясь перевести дух. Второй раз в жизни он чувствовал такую физическую усталость.

— Бог ты мой!— прошептал он.— Кто бы мог подумать, что старуха такая тяжелая!

Гренни же никак не могла прийти в себя, потрясенная ужасом этого страшного подъема. Его мозг поймал первые предупреждения о взрыве брани, которая уже готова была сорваться с ее уст. Его усталые мышцы сработали мгновенно — одним быстрым движением он захлопнул ладонью ее рот.

— Заткнись!— тихо произнес он.— Или я спущу тебя вниз, как мешок с картошкой. Ты — главная причина возникшего затруднения, и тебе придется стоически переносить все последствия.

Его слова подействовали, как ушат холодной воды. Джомми был вынужден признать и прямо-таки восхититься, как быстро она отошла. Она оттолкнула его руку и угрюмо спросила:

— Теперь что?

— Нам нужно найти какой-нибудь путь внутрь здания, и как можно быстрее.

Он взглянул на свои ручные часы, встрепенулся и вскочил на ноги. Без двадцати десять! Через 20 минут можно будет увидеть взлет очередного корабля. И 20 минут, чтобы попытаться овладеть этим кораблем!

Он приподнял Гренни, легко перебросил ее через плечо и побежал к центру крыши. Не было времени искать двери, да и к тому же на них наверняка были еще и датчики, тревожная сигнализация, на изучение и ликвидацию которых тоже необходимо время. Оставалось только одно. Где-то должен быть вертикальный ствол, по которому корабли устремляются в неизвестную даль.

Он почувствовал под ногами какое-то возвышение — небольшую плавную выпуклость.

Юноша на мгновение остановился и на ощупь определил точную форму всего выпуклого места. По всей вероятности, это и есть крыша шахты. Джомми быстро выхватил отцовское оружие из кармана и направил дезинтегрирующее пламя вниз.

Он заглянул через отверстие чуть больше метра в тунель, который шел глубоко вниз точно под углом в шестьдесят градусов. Сто, двести, триста метров сверкающей металлической стены, и, когда глаза Джомми привыкли к полумраку, постепенно стали вырисовываться контуры корабля, стоящего внизу. Он видел заостренный нос и ракетные двигатели. У корабля был внушительный вид, хотя он был еще неподвижен и беззвучен.

Мальчику показалось, что он смотрит в ствол огромной пушки, на снаряд, который вот-вот выстрелит. Сравнение произвело на него настолько сильное впечатление, что некоторое время его мозг отказывался от мысли исполнить задуманное.

Его охватило сомнение.

Осмелится ли он соскользнуть вниз по этому гладкому

склону, когда в любой момент корабль может устремиться в небо, размолов его в пыль.

Мороз прошел по телу Джомми. Он с трудом оторвал взгляд от парализующей глубины туннеля и перевел его на отдаленное, смутно вырисовывающееся великолепие дворца, который он сначала не заметил, но затем стал смотреть со все возрастающим восхищением. Все его мысли отвлеклись только на это зрелище. Тело расслабилось. В течение нескольких секунд он просто стоял, упиваясь красотой гигантского изысканного бриллианта, которым этот дворец представал ночью. Он был хорошо виден с этой высоты, расположенный чуть позади двух небоскребов, он сверкал, как алмаз. Но это не было сияние, ошеломляющее разум и туманящее взор. Он светился изнутри мягким, живым, чудесным пламенем, цвет которого менялся каждую секунду, переливаясь тысячами различных комбинаций, и каждая из них была не похожа на предыдущую.

Тысячи вечеров он согревал свою душу красотой этого огня, и сейчас это чудо снова было перед ним, вливая в него силу и смелость. Он сжал губы и непреклонно взглянул в глубину гладкого и скользкого туннеля.

Опасность спуска в него символизировала его будущее, неясное и наименее предсказуемое, чем когда-либо. Здравый смысл подсказывал, что слэны без завитков уже осведомлены о том, что он здесь, на этой крыше. Здесь должна была быть сигнализация, обязательно должна была быть.

— Что ты смотришь все время в эту дыру?— заскулила Гренни.— Где нужная дверь? Время...

— Время!— повторил Джомми.

На его часах было без четырех минут десять. Оставалось всего четыре минуты на то, чтобы овладеть цитаделью.

Он уловил мысль Гренни, догадавшейся о его намерении, и ладонью зажал ей рот, чтобы не слышать ее трусливого визга. Еще секунда — и они стали падать вниз, безвозвратно предав свои тела силе тяготения и судьбе. Они почти не ощущали движения, но мозг и глаза Джомми нельзя было ввести в заблуждение. Нос корабля стремительно приближался к ним, и это создавало иллюзию того, что корабль начинает надвигаться на них. Иллюзия была настолько сильна, что мальчик едва сдерживал себя от паники.

— Быстро!— прошипел он Гренни.— Тормози ладонями! Тормози!

Старуху не надо было долго уговаривать. Из всех инстинктов в ее потрепанном теле самым сильным был инстинкт самосохранения. Она цеплялась ладонями за металл, прижимаясь всем телом, стараясь как можно дальше раскинуть руки и ноги. Она боролась из всех сил за свою жизнь, и какими бы жалкими ни были эти попытки, ей удалось почти приостановить это безумное падение.

И вот им уже удалось проскользнуть мимо гигантского носа. В пространстве между корпусом корабля и стеной туннеля тело проходило почти свободно, но, опускаясь все ниже, они бились больно о выступы на корпусе корабля и о какие-то непонятные рычаги на стене.

Потом Джомми увидел пятно света как раз под огромным корпусом, на металлическом полу, на котором покоилась хвостовая часть корабля. Откидная дверь! Отверстие диаметром более полуметра в четвертьметровой толще корпуса. Он без колебаний подтянулся к отверстию, сжимая в кармане свое грозное оружие, готовый пустить его в ход при малейшем подозрении. Но внутри никого не было. С первого же взгляда он понял, что это рубка управления. В ней было несколько кресел, приборная панель и какие-то огромные, изогнутые светящиеся пластины по обе стороны от нее. И здесь тоже была открытая дверь, ведущая во второй отсек корабля. Мгновение — и он уже внутри, таща за собой онемевшую от ужаса старуху. Затем он бросился ко второй двери.

У входа он остановился и взглянул за порог. Этот второй отсек был частично заставлен креслами, такими же удобными и глубокими, как и в рубке управления. Но почти половина его была заставлена какими-то ящиками. Здесь тоже было две двери. Одна вела, по всей вероятности, в третий отсек этого корабля. Она была приоткрыта, и в этом третьем отсеке виднелись такие же ящики и дверь, ведущая в соседнее помещение. Но именно взгляд на эту дверь в третьем отсеке заставил Джомми Кросса неподвижно застыть.

Из четвертого отсека падал яркий свет, и на его фоне виднелись фигуры людей. Джомми напряг свой мозг и сейчас же погрузился в их мысли. И хотя ничего существенного он не смог обнаружить из-за того, что их мышление было закрыто защитными барьерами, у него сложилось впечатление, что эти слэны без антенн со страхом ждут чего-то.

Джомми стряхнул с себя обрывки их мыслей и метнул-

ся к приборной панели, которая занимала всю переднюю часть рубки управления. На ней были десятки рядов каких-то измерительных приборов, масса неизвестных ему рукояток управления.

Он, конечно, не мог разобраться во всем этом за те несколько секунд, которые у него имелись. Плотно сжав зубы, он уселся в ближайшее кресло и плавно, не спеша, включил все выключатели и рукоятки. Дверь за его спиной издала металлический звук. Наступило внезапное, удивительное чувство легкости, быстрого движения вперед, прижимающее тело к спинке кресла.

Затем раздался низкий пульсирующий рев. Теперь сразу же стало ясно назначение двух изогнутых пластин. На одной из них, правой, появилась картина неба впереди. Были видны огни и земля далеко внизу, но корабль поднимался так круто, что земля была видна только в самом низу экрана.

А вот на левом экране было видно все великолепие огней гигантского города, размеры которого поражали воображение и который все больше отдалялся от корабля.

А затем город исчез, оставшись за полем зрения левого экрана. Джомми по очереди выключил все ранее включенные им механизмы, следя за происходящими при этом явлениями. За две минуты он в общем разобрался в принципах управления этим кораблем. Оставалась неясной роль всего лишь четырех тумблеров, но это могло и подождать.

Он вывел корабль в горизонтальный полет, так как у него не было намерения уйти в глубокий космос. Это потребовало бы обширных знаний в деле общения с кораблем, а его ближайшей целью должно было стать оборудование новой, безопасной базы для изучения корабля. Только после этого он смог бы заставить корабль отвезти его в любое место, куда он только захочет...

Его мозг захлестнули мечты. Он почувствовал себя на воле, почувствовал необычайную власть. Оставалось, конечно, сделать еще тысячу всяких вещей, но все же он был на свободе, достаточно взрослый и достаточно сильный как умом, так и телом и мог бы сам о себе позаботиться. Впереди у него было еще много лет, много долгих лет зрелости; за это время он изучит все то, что оставил ему отец, и научится пользоваться этими знаниями. Но прежде всего необходимо вступить в контакт с настоящими слэнами! Нужно хорошенько поразмыслить и разработать план их поисков.

Мечты его прервались, так как он переключил внимание на разум Гренни. Мысли старухи все время не выходили у него из головы, но только сейчас он обратил внимание, что она вошла в соседний отсек.

В мозгу Джомми появилась картина того, что она видит. Но внезапно эта картина стала затемняться, словно старуха начала закрывать глаза.

Юноша схватил свое оружие одновременно повернувшись, и метнулся в сторону. Сноп пламени из двери пересек то место, где только что находилась голова Джомми. Пламя коснулось приборной панели и погасло. Высокая взрослая женщина-слэн, без прядей, конечно, стояла на пороге, направив на него дуло своего маленького серебристого пистолета. Она вся окаменела, когда увидела направленное на нее оружие Джомми. Глаза женщины были сверкающим омутом.

— Ты, змея проклятая!

Но несмотря на гнев, а может быть, именно благодаря ему, голос женщины был необычайно красив, и Джомми почувствовал свое поражение. Вид этой женщины, ее голос внезапно воскресили в его памяти воспоминания о матери, и тут он понял, что не сможет обратить свое оружие против этого восхитительного создания, так же, как не смог бы поднять руку на свою мать. Несмотря на то, что его оружие угрожало ей, точно так же, как и ее пистолет угрожал ему, по существу он был беззащитен перед ней. А то, как она выстрелила ему в спину, указывало на ее непреклонную решимость.

Убийца! Безумна ненависть этих неполноценных слэнов к истинным сверхлюдям...

И все же несмотря на свой испуг и нерешительность, Джомми смотрел на нее и все больше восхищался. Стройная, сильная, гибкая, она стояла, чуть подавшись вперед, словно бегун, изготовившийся к бегу. На ней было простое прямое платье, слегка подобранное в талии. Прекрасное чувственное лицо с чуть припухлыми губами венчала корона из спадающих волнами волос каштанового цвета. Тонкий нос и слегка выдающиеся скулы придавали ее лицу выражение энергии и интеллектуальной силы. У нее была нежная безупречная кожа и серые, как бы светящиеся изнутри глаза.

Нет, он не смог бы выстрелить. Он был просто не в состоянии уничтожить эту женщину, наделенную такой утонченной красотой. Ее разум был отгорожен таким же

барьером, как и у других недослэнов, но барьер этот не охватывал всю интеллектуальную деятельность их мозга, поскольку лишенные способности чтения мыслей, они не понимали, каким должно быть экранирование собственных.

Первое время Джомми не осмеливался отвлечься, чтобы проанализировать вибрацию, излучаемую сознанием этой женщины. Он не сводил глаз с этой чрезвычайно опасной особы. Их оружие было направлено друг на друга. Каждая мышца и каждый нерв их тел находились в состоянии крайнего напряжения.

Женщина заговорила первой.

— Все это очень глупо,— сказала она.— Мы могли бы сесть, положить наше оружие на пол и спокойно обсудить создавшееся положение. Это ослабило бы невыносимую напряженность, но наши позиции остались бы практически неизменными.

Джомми почувствовал недоумение. Это предложение указывало на ее слабость перед лицом опасности, однако это совсем не отражалось на смелом выражении ее лица. С одной стороны, это усиливало его положение психологически, но с другой — у него оставалось подозрение, даже убежденность, что, приняв ее предложение, он только усилит грозящую ему опасность.

— Преимущество тогда будет на вашей стороне,— медленно произнес он.— Вы — взрослый слэн, ваши мышцы лучше скоординированы, и вы можете быстрее, чем я, подхватить ваше оружие.

Она кивнула, по сути соглашаясь с ним.

— Да, это верно. Но фактически преимущество на вашей стороне, поскольку у вас есть возможность следить за моими мыслями.

— Совсем наоборот,— солгал он без запинки.— Когда ваш мозг прикрыт, то барьер настолько сильный, что я не могу предугадать ваши намерения, а когда это сделаю, боюсь, что будет поздно.

После этих слов он понял, насколько несовершенно экранирование ее мыслей. Несмотря на то, что он в основном был сосредоточен на грозящей опасности и поэтому старался предупредить возможный обман с ее стороны, ему удалось все же извлечь из ее сознания краткую, но достаточно яркую информацию о жизни этой женщины.

Ее имя было Джоанна Хиллори. Она была профессиональным пилотом на линии Земля — Марс и это был по-

следний полет перед перерывом на много месяцев. Причиной этому было то, что она недавно вышла замуж за инженера, который работал на Марсе, и сейчас они ждали ребенка, так что ее переведут на другую работу, которая будет не столь тяжелой, если сравнивать с теми перегрузками, которые она испытывала во время путешествий в космосе.

Джомми почувствовал облегчение. Женщина, ждущая ребенка, вряд ли пойдет на отчаянный шаг.

— Ну, хорошо. Давайте одновременно положим оружие и сядем.

Как только оружие оказалось на полу, юноша посмотрел на лицо женщины, и ухмылка, искривившая ее губы, ошеломила его. Стало ясно, что женщина смеется над ним.

— А теперь, когда ты себя обезоружил,— холодно сказала женщина,— приготовься к смерти!

Охваченный ужасом, Джомми оцепенел, глядя на крошечный пистолет, сверкнувший в ее левой руке. Должно быть, она все время прятала его, дожидаясь возможности пустить в ход. В ушах Джомми звенел ее музыкальный голос:

— Вот ты и принял на веру всю эту историю о бедной маленькой невесте, ожидающей ребенка и спешащей к любимому мужу! Взрослая змея ни за что не была бы такой легковерной. А молодой змееныш, на которого я смотрю, сейчас умрет из-за своей невероятной глупости!..

Глава 10

Женщина-слэн держала свой пистолет твердо и, не колеблясь, готова была пустить его в ход. Но несмотря на весь свой гнев и досаду, Джомми заметил, как плавно и необычайно быстро движется корабль. Ускорения не было, просто безостановочное, бесшумное движение, и нельзя было определить, вращаются ли они вокруг Земли, или корабль уже вышел в глубокий космос.

Но как ни был он напуган, в его мозгу не было паники. Однако не было и какого-либо плана действий. Он понял, что женщина одурачила его. Она, должно быть, догадалась о несовершенстве экранирования собственных мыслей и поэтому с коварством хищника подкинула эту патетическую историю, чтобы внушить ему, что у нее не хватит смелости драться до конца. Теперь же он отчетливо

видел, что в ее смелости было нечто холодное, равного чему он и не помышлял когда-либо увидеть.

Он послушно подошел к одной из стенок, повинуясь угрожающему движению пистолета, и с горечью увидел, что она нагнулась и подняла с пола оружие. И свое и его! Но ни на секунду не отводила от него глаз, и рука ее, направляющая пистолет, ни разу не дрогнула.

Она отложила в сторону свой маленький пистолет и, взяв в правую руку прежний, спрятала его в маленький ящик под приборной панелью.

Ее настороженность не оставляла надежд на то, что он мог бы каким-то образом заставить ее отвести свое оружие в сторону. То, что она не пристрелила его немедленно, означало, что вначале она хотела поговорить с ним. И он не мог не использовать эту возможность и поэтому хрипло спросил:

— Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов, прежде чем вы меня застрелите?

— Здесь я буду задавать вопросы!— сухо ответила она.— Какой мне смысл удовлетворять твое любопытство? Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Значит, ты уже на той стадии умственного и эмоционального развития, что с радостью воспримешь пятиминутную задержку перед смертью, чтобы продлить существование хотя бы настолько, и, подобно любому взрослому человеку, вероятно, будешь доволен, когда узнаешь, что, пока будешь отвечать на мои вопросы, я не нажму на курок этого электролучевого пистолета, хотя в конце концов тебя все же ожидает смерть.

Джомми не стал тратить времени зря, обдумывая ее слова.

— А как вы узнаете, что я говорю правду?

— Правду можно извлечь из самого умного вранья,— она самоуверенно улыбнулась.— Мы, слэны, не умеющие читать ваши мысли, были вынуждены развить психологию до крайних пределов. Но какое тебе до этого дело? Тебя послали украсть этот корабль?

— Нет.

— Тогда кто же ты?

Он вкратце рассказал ей историю своей жизни, опуская подробности. И по мере того, как он рассказывал о своих злоключениях, лицо женщины становилось все более удивленным.

— Значит, ты хочешь сказать,— резко прервала она его,— что ты и есть тот мальчишка, который в свое время пробрался в помещение Центра Воздушных Сообщений?

Джомми кивнул.

— Меня ошеломило, что эти двое слэнов без завитков были настолько пропитаны ненавистью, что не остановились бы даже перед убийством ребенка.

Он замолчал, так как увидел, как загорелись глаза женщины.

— Наконец-то это прояснилось,— медленно сказала она.— В течение шести долгих лет мы обсуждали этот вопрос. Анализировали, сомневаясь, правильно ли поступили, позволив тебе убежать.

— Вы... позволили мне... убежать?

Она не обратила на его слова никакого внимания и продолжала:

— С той поры мы с беспокойством ждали следующего шага со стороны змей. Мы были совершенно уверены, что они не предадут нас, так как не захотели бы, чтобы наше величайшее изобретение — космические корабли — попало в руки людей. Главное, что нас интересовало,— что последует за этим пробным шагом. Теперь же, после твоей попытки украсть корабль, мы наконец получили ответ.

Джомми Кросс молча слушал эти умозаключения, и страх все больше охватывал его, страх, который не имел ничего общего с личной опасностью для него. Это был ужас перед немыслимым безумием войны слэнов против слэнов. Ужас вне всяких рамок воображения. А в сочном голосе Джоанны Хиллори вибрировали нотки триумфа.

— Очень хорошо, что мы теперь с уверенностью знаем то, что так долго подозревали. Мы обследовали Луну, Марс, Венеру. Мы уже добрались до спутников Юпитера, но ни разу не повстречались ни с чужими кораблями, ни с кораблями змей, ни с кораблями людей.

Вывод неизбежен. По некоторой причине, возможно из-за того, что локоны слэнов выдают их и им все время приходится быть в движении, меняя места укрытий, змеи так и не смогли изобрести антигравитационные экраны, дающие возможность выйти в космическое пространство. Но каковы бы ни были логические причины, реальные наблюдения привели нас к выводу, что межпланетные путешествия змеям не под силу.

— Вы и ваша логика, мисс,— заметил Джомми,— становятся все более скучными... Совершенно невероятно,

чтобы слэны могли так заблуждаться. Только на одну секунду, всего на одну, попытайтесь быть благоразумной и представьте, что моя история правдива, просто представьте себе.

Легкая усмешка коснулась ее губ.

— С самого начала существовали только две возможности. Первую я уже обрисовала. Вторая — что ты и в самом деле не контактировал со слэнами — очень беспокоят нас, особенно в последние годы. Если ты подослан слэнами, значит, они уже знают, что мы контролируем Воздушные Сообщения. Но если ты — слэн сам по себе, значит, ты владеешь секретом, который рано или поздно станет змеям известен, когда ты волей или неволей вступишь с ними в контакт. Короче, если твоя история правдива, мы обязаны убить тебя, чтобы в дальнейшем помешать раскрытию наших секретов. И поскольку наша политика по отношению к змеям такова, что мы стараемся исключить возможность хоть малейшей ошибки, ты в любом случае можешь считать себя мертвецом.

Слова ее были жестокими, и произнесены они были ледяным тоном; но еще более угрожающим было то, что эта женщина-слэн была выше таких категорий, как «добро» и «зло», «истина» или «ложь». Его внутренний мир был потрясен тем, что, если эта аморальность была моралью и мировоззрением слэнов, значит им нечего предложить миру, ибо что могло бы сравниться с состраданием, добротой и душевной чуткостью, которые он так часто видел в сознании самых плохих и низких людей. Если все взрослые слэны были такими же циниками, то тогда не оставалось никакой надежды, что благоразумие восторжествует.

Его разум был потрясен этой ужасной, ошеломляющей бездной бессмысленной междоусобицы между настоящими слэнами, людьми и этими недослэнами, а также более личной, но более мрачной и ужасной мыслью — неужели в самом деле все мечты его отца были бессмысленными перед лицом этого безумного братоубийства? Неужели все его тяжкие труды будут уничтожены и развеяны в прах? Бумаги с секретными записями отца — результатами его научных исследований, которые он совсем недавно извлек из катакомб, лежали в его карманах. Они будут использованы и обесчещены этими жестокими, безжалостными недослэнами... если только эта женщина доведет свою угрозу до конца. Несмотря на эту убийственную логику, несмотря

на полнейшую невозможность ослабить бдительность взрослого слэна, он обязан остаться в живых, чтобы предотвратить эти ужасные последствия.

— Я тщательно рассмотрела твой случай,— сказала женщина.— У меня, конечно, есть достаточно власти, чтобы уничтожить тебя, не консультируясь с нашими предводителями. Весь вопрос в том, заслуживает ли твоя проблема внимания Совета? Или достаточно будет просто краткого сообщения потом? О каком-либо сострадании не может быть и речи, так что надеяться тебе не на что.

Но надежда все-таки появилась. Представив его случай на суд Совета, она предоставит ему время, а сейчас время было жизнью.

— Должен признаться, что я потрясен междоусобицей слэнов. Разве ваши люди не понимают, что положение слэнов в мире намного улучшилось бы, если бы вы стали сотрудничать с теми, кого вы так презрительно называете «змеями»? Надо же придумать такое — «змея». Само это слово является доказательством вашего интеллектуального банкротства, вызывая мысли о пропагандистской кампании, изобилующей лозунгами и эмоциями.

— Немного истории, возможно, просветит тебя в вопросе о сотрудничестве слэнов,— улыбнулась женщина.— Слэны без завитков существуют уже почти четыреста лет. Единственное отличие их от истинных слэнов в том, что они развиваются без завитков. Ради безопасности мы организовали общины в отдаленных районах земного шара, где опасность обнаружения сведена к минимуму. Мы были готовы протянуть руку дружбы истинным слэнам, объединившись с ними перед лицом общего врага — людей!

Каков же был наш ужас, когда на нас самих стали нападать и убивать истинные слэны! Наша тщательно возведенная, изолированная цивилизация была уничтожена самым безжалостным образом этими змеями. Мы делали отчаянные попытки установить с ними контакт, стать друзьями, но все оказалось безрезультатно. В конце концов мы обнаружили, что только в таких в высшей степени опасных местах, как города людей, можно обрести относительную безопасность. Там, где настоящие слэны не отваживаются появляться из-за выдающих их антенн.

Змеи! А какое еще слово может им подойти? У нас нет к ним ненависти, но есть чувство недоверия и горечи по поводу крушения наших планов. Наша тактика уничтожать слэнов на месте основана на самозащите, которая

постепенно переросла в безжалостное, бескомпромиссное отношение к ним.

— Но ваши лидеры, конечно, могли бы вступить в переговоры со слэнами?

— Переговоры? С кем? За последние триста лет мы не обнаружили ни единого прибежища настоящих слэнов! Да, случается, что мы ловим нескольких слэнов, нападавших на нас. Убиваем некоторых в небольших стычках. Но сейчас мы ничего не знаем о них! Они существуют. Но где и как? И какова их цель — об этом у нас нет ни малейшего представления. На всей Земле нет большей тайны, чем эта!

— Если только это правда,— перебил ее Джомми,— если вы, простите сударыня, не врете, уберите на мгновение барьер, чтобы я смог удостовериться в правдивости ваших слов. Я тоже считаю, что междоусобица среди двух разновидностей слэнов бессмысленна и безумна. Если бы я мог убедиться, что это безумие одностороннее, что это истинные слэны повинны в братоубийственной войне, что ж, я мог бы...

— Я мог бы!..— перебила его женщина.— А что бы ты сделал? Помог бы нам? Неужели у тебя сложилось впечатление, что мы поверим в такую сказочку и отпустим тебя на свободу?! Чем больше ты говоришь, тем более опасным я тебя считаю. Мы уже давно поняли, что змеи, вследствие того, что умеют читать мысли, превосходят нас тактически, и поэтому не можем позволить себе хотя бы ничтожный риск в отношениях между нами и ими. Твоя молодость удлинила тебе жизнь на десять минут, но теперь, когда я не вижу целесообразности оставлять тебя в живых и все о тебе стало известно... Более того, похоже, что нет необходимости выносить на Совет вопрос о том, как поступить с тобой. Итак, еще один вопрос к тебе, а потом — смерть!

Джомми Кросс гневно взглянул на женщину. В нем уже не было ни дружелюбия, ни чувства родства между этой женщиной и его матерью. Если эта маньячка говорит правду, значит положение очень опасное. Хуже некуда, если после его смерти самое мощное оружие, которое когда-либо знал мир, попадет в этот адский котел взаимной ненависти. И поэтому он должен, да, должен, нанести поражение этой женщине. Он должен спасти себя! Обязан!..

— Прежде чем вы зададите мне последний вопрос,— сказал он,— подумайте серьезно, какая беспрецедентная

возможность предоставилась вам. Неужели ваш разум полностью искажен ненавистью? Если верить этому утверждению, впервые в истории слэнов без антенн вы ведете долгий разговор со слэном, с настоящим слэном, который хочет помочь вам, который абсолютно убежден, что два типа слэнов должны мирно сотрудничать, а не убивать друг друга в братоубийственной войне.

— Не будь дураком,— резко сказала она.— Любой слэн, когда мы его ловили, готов был наобещать чего угодно.

Слова эти подействовали на Джомми подобно удару. Он весь съежился, чувствуя бессилие и недостаточность своих аргументов. В его самых сокровенных мыслях взрослые слэны всегда рисовались ему как благородные существа, преисполненные величия, презирающие своих гонителей и от этого сознающие свое превосходство. Но готовых наобещать что угодно ради спасения своей жизни!.. Он поспешил вернуться на утраченные позиции:

— Это нисколько не мешает и не меняет положения. Вы можете проверить все, что я рассказал о себе. О моих убитых отце и матери. То, что я вынужден был спасаться бегством из дома старьевщицы, которую вы ударили по голове в соседней комнате. Я с ней прожил несколько лет. Все это доказывает, что я говорю истинную правду. Я в самом деле настоящий слэн, который никогда не имел никаких контактов с тайной организацией слэнов. Разве можно так просто игнорировать возможность, предоставленную вам провидением? Во-первых, вы и ваши люди могут помочь мне отыскать настоящих слэнов. Затем я взял бы на себя роль связного, установив тем самым контакт между двумя видами слэнов впервые в истории этих рас. Скажите, а вам, по крайней мере, известно, почему настоящие слэны ненавидят ваших соплеменников?

— Нет...— В голосе Джоанны звучало сомнение.— У нас есть любопытное утверждение по этому поводу пленных слэнов. Так вот, они заявляют, что истинные слэны терпеть не могут существования любой другой разновидности слэнов. Только в высшей степени совершенный продукт машины Самюэля Ленна должен жить на Земле!

— Машины... Самюэля... Ленна?— Джомми Кросс почувствовал, как что-то внутри у него оборвалось.— Вы и в самом деле считаете, что это правда? Неужели вы думаете, что первоначальные слэны были произведены машиной?

Он увидел, что женщина удивленно посмотрела на него.

— Я уже почти верю в правильность твоей истории. Я считала, что каждый слэн знает, что Самюэль Ленн воздействовал на свою жену с помощью мутационной машины. Позже, в течение безымянного периода, который последовал после войны со слэнами, использование мутационной машины вызвало появление новой разновидности — слэнов без завитков. Разве твои родители не знали этого?

— Предполагалось, что это сделаю я,— печально сказал Джомми.— Я должен был провести расследование, наладить контакты, в то время как отец и мать подготавливали...

Он остановился, чувствуя досаду на самого себя. Сейчас не время признаваться в том, что его отец посвятил всю жизнь науке и не потратил ни единого дня на то, что считал длительным и пока необязательным делом. Первое же упоминание о науке могло привести к тому, что эта проницательная женщина проверит его оружие. По всей вероятности, она считает, что это одна из разновидностей ее электрического пистолета.

— Если эти машины все еще существуют,— продолжал Джомми,— значит, все эти обвинения людей в том, что слэны превращают детей в чудовищ, правдивы.

— Я видела некоторых из этих монстров,— кивнула Джоанна Хиллори.— Это были, конечно, неудачные экземпляры. Дефекты при работе машин случаются, к сожалению, очень часто.

Все, во что он так долго верил, верил так страстно и с гордостью, сейчас рушилось, как карточный домик. Все, что он считал безобразной ложью, отнюдь не было выдумкой. Борьба с людьми шла с совершенно непостижимой бесчеловечностью.

— Должна признаться,— заметила женщина,— что несмотря на мою уверенность в том, что Совет примет решение уничтожить тебя, представленные тобой сейчас доводы несколько изменили положение. Я решила, что ты д о л ж е н предстать перед Советом.

Как только до него дошел смысл фразы, он почувствовал необычайное облегчение. Наконец-то у него появилось то, в чем он так отчаянно нуждался: время, драгоценное время! Будет время — и какая-нибудь случайность поможет ему спастись.

Женщина осторожно подошла к большой приборной панели и нажала на кнопку.

— Вызываю членов Совета... срочно... Пожалуйста, настройтесь на волну 7481 для немедленного принятия решения, связанного со слэнами.

Немедленное решение!.. Он был сердит на себя за то, что позволил надежде проникнуть в его душу. Ему следовало бы догадаться, что наличие радио делало необязательным его фактическое присутствие на заседании Совета. Если только у членов Совета не возникнет выводов, отличных от выводов Джоанны Хиллори. В противном случае его ждет смерть!

В наступившем молчании был слышен только приглушенный гул двигателей. Судя по свисту воздуха в рассекателях, корабль все время находился в земной атмосфере. Но самое главное — Джомми вдруг обнаружил настойчивый поток мыслей Гренни. Активную, сознательную деятельность Гренни. Старая женщина пришла в себя после удара по голове, нанесенного женщиной-слэном, удара, который, похоже, только оглушил ее. Но занявшись Джомми Кроссом, Джоанна Хиллори совершенно выпустила из виду старуху. А та довольно трезво оценила создавшуюся ситуацию. Джомми широко распахнул свой мозг перед потоком мыслей Гренни.

«Джомми, она убьет нас обоих! Но у меня есть план. Подай какой-нибудь знак, что ты слышишь меня. Постучи тихонько ногой, Джомми, у Гренни есть план, как помешать ей расправиться с нами».

Это послание повторялось раз за разом, хотя и не всегда отчетливо и вразумительно. Но главное было в том, что Гренни была жива и что она сознавала опасность. И, что еще было главным, она готова сотрудничать, чтобы любым способом остаться в живых.

Джомми как бы невзначай стукнул ногой о пол. Раз... другой... громче... сильнее...

«Гренни поняла».

Он перестал стучать.

«У Гренни есть два плана. Первый — Гренни начнет громко кричать. Это отвлечет внимание женщины, и ты сможешь броситься на нее. А Гренни кинется тебе на помощь... Второй — Гренни подымется с пола, прошмыгнет к двери, а затем прыгнет на женщину, когда она будет проходить мимо двери. Вот тогда ты и набросишься на нее. Гренни передаст тебе «один», а затем «два». Стукни ногой после того номера плана, который тебе покажется лучшим. Только подумай немного перед тем, как сделать свой выбор».

Раздумывать долго не приходилось. Первый план он сразу отверг. Вряд ли громкий шум или крик может подействовать на стальные нервы женщины-слэна. Физическое нападение было для них единственной надеждой.

«Один!» раздалась мысль Гренни в его голове. Он подождал, пока исчезнет напряженное беспокойство в мозгу Гренни, и ее простодушная надежда, что он посчитает первый план удовлетворительным и тем самым ей не придется рисковать своей жизнью, претворяя второй план. Но все же она была очень опытной старой пройдохой, и сама была убеждена в слабости первого варианта. Наконец ее мозг прислал слово «два».

Джомми Кросс постучал ногой и одновременно с этим понял, что Джоанна Хиллори говорит в микрофон, излагая его историю и его предложение сотрудничать, а затем и собственное мнение о необходимости его уничтожения.

Из скрытого динамика он услышал глубокие голоса мужчин и сочные вибрирующие голоса женщин. Он почти не был в состоянии уловить нить их рассуждений, хотя и догадался, что между членами Совета есть разногласия.

Одна из женщин захотела узнать его имя.

— Ваше имя!— раздалось из динамика.

Джомми стоял молча, не понимая, что вопрос относится непосредственно к нему.

— Ты что, оглох?— резко сказала Джоанна Хиллори и отошла от передатчика в направлении двери.— Она хочет узнать твое имя.

— Имя?— удивился Джомми, и часть его сознания отметила неожиданность этого вопроса. Но в этот момент ничто не могло отвлечь его по-настоящему. Сейчас или никогда! Как только он постучал ногой, все посторонние мысли вылетели у него из головы. Он знал только, что Гренни стоит сейчас за дверью. Он ощущал вибрацию ее мозга, в которой были и напряженность тела, и удерживающий ее на месте инстинкт самосохранения, и просто страх. Он беспомощно ожидал, когда старуха сможет преодолеть сковавший ее паралич.

Но именно память о тысячах незаконных вылазок в течение всей ее долгой темной «карьеры» придала ей силы. Она ворвалась в комнату с горящими глазами, оскалив зубы, и бросилась на спину Джоанны Хиллори. Она обхватила обеими руками тело женщины-слэна и громко завизжала.

Из пистолета Джоанны Хиллори блеснуло пламя, но

оно пришлось на пол. Затем, как зверь, молодая женщина вырвалась из объятий и обрушила всю свою неотразимую мощь на старуху.

Какое-то время Гренни еще отчаянно сопротивлялась, цепляясь за ее плечи. Но именно этого мгновения так не хватало раньше Джомми Кроссу. Но вот раздался пронзительный крик Гренни, когда женщина-слэн сумела вырваться из цепких как клещи пальцев старухи и швырнула ее на пол.

Джомми не стал зря тратить время. Он понимал, что его сила не идет ни в какое сравнение с силой этой женщины. И когда она, как тигрица, бросилась на него, он нанес ей сильный резкий удар по горлу тыльной стороной кисти. Это был опаснейший удар, требовавший предельной концентрации мышц и нервов. Он легко мог бы сломать ей шею, но при искусном выполнении мог на некоторое время лишить сознания. Джомми подхватил женщину, чтобы она не упала, и даже тогда, когда он осторожно опускал ее тело на пол, его мозг настойчиво пытался проникнуть в ее разум через брешь в барьере. Но биение ее мозга было очень слабым — ведь она потеряла сознание, и юноше был слишком неясен застывший калейдоскоп картин ее разума.

Он начал осторожно трясти Джоанну Хиллори, следя за ходом ее мыслей; затем почувствовал изменения в ее сознании в соответствии с изменениями в состоянии ее тела. Однако для выяснения всех подробностей времени не было, и когда общая картина происходящего стала более ясной для него, он неожиданно оставил ее и поспешил к радио. Несколько раз глубоко вздохнув, он заговорил ровным голосом:

— Я все еще изъявляю желание обсудить с вами вопрос об отношениях дружбы. Я бы мог оказать вам значительную помощь.

Ответа не было.

Джомми повторял свои слова снова и снова и, кроме того, добавил:

— Я стремлюсь заручиться поддержкой такой могущественной организации, как ваша. Я даже верну вам этот корабль, если вы логически убедите меня, что я не попаду в засаду, сделав такую любезность.

Тишина! Он выключил радио и, повернувшись, угрюмо взглянул на Гренни, которая полусидела-полулежала на полу.

— Похоже, что все это зря,— устало заметил Джомми.— Все это: этот корабль, эта женщина-слэн — лишь часть западни, в которой не оставлено места для случайности. В этот самый момент нас преследуют. В сознании Джоанны этот факт отмечен: семь тяжеловооруженных крейсеров шестьдесят тысяч тонн каждый. Их поисковые приборы реагируют на наши антигравитаторы, так что никакая тьма нас не прикроет. Нам конец!

Проходили часы, и с каждым уходящим моментом их положение становилось все более отчаянным. Фантастическая ночь! С одной стороны — предположение, что в любую минуту их могут сокрушить, а с другой — Джомми Кросс как зачарованный смотрел на видеоэкран, где перед ним раскрывалась удивительная картина. Мир огней, ярко разбегающийся во все стороны, озера, моря, океаны огней ферм, сел, маленьких и больших городов и многомильных колоссов-мегаполисов.

В углу, где лежало тело женщины-слэна, послышалось какое-то шуршание. Джомми оглянулся и увидел, как Гренни деловито затягивает узлы на руках и ногах женщины. Старуха закончила свое дело и отошла немного в сторону полюбоваться произведением своих рук, покачала от удовольствия головой и села в ближайшее кресло.

Джомми опять посмотрел на женщину-слэна и увидел, что она пристально смотрит на него. Прежде чем он успел открыть рот, она спросила:

— Ну, ты уже решил?

— Что именно?

— Когда убьешь меня, конечно!

Джомми медленно покачал головой.

— Для меня,— сказал он,— самым страшным в ваших словах является непреклонная уверенность, что следует либо убивать, либо быть убитым самому. Я не намерен убивать вас, а вот насчет того, чтобы освободить, это еще надо подумать!

— В моем отношении к жизни,— спокойно заметила Джоанна,— нет ничего удивительного. В течение сотен лет настоящие слэны убивали всех попадавшихся им на глаза моих соплеменников! Несколько сотен лет мы платим им той же валютой! Что может быть более естественным?

Джомми Кросс нетерпеливо пожал плечами. Слишком много неопределенного было в его знаниях о настоящих слэнах, чтобы он позволил себе ввязываться в дискуссию,

особенно когда его мысли были направлены на то, чтобы спастись.

— Меня не интересует эта трехсторонняя война между людьми и слэнами. В данную минуту более важно, что нас преследуют семь боевых кораблей.

— Жаль, что тебе удалось обнаружить это,— заметила Джоанна.— Теперь все твое время займет беспокойство и составление планов спасения. Было бы намного менее жестоким, если бы ты обнаружил их, когда ничего уже нельзя было бы поделать. Через мгновение наступила бы смерть.

— Но я еще не мертвец!— вскинул голову Джомми, и его голос стал неожиданно резким.— Я не сомневаюсь в том, что для полувзрослого слэна я слишком уж самонадеян, и считаю, что всегда есть какой-нибудь выход из каждой ситуации. При всем моем уважении к уму взрослых слэнов, я не забываю о том, что ваши соплеменники не имеют опыта поражений. Почему, например, раз уж мое уничтожение является столь несомненным, почему так тянут крейсера с этим? Почему не нападают?

Джоанна улыбнулась, и ее сильное, красивое лицо немного расслабилось.

— Ты ведь не ожидаешь, что я отвечу на твой вопрос, не так ли?

— Да,— кивнул Джомми, не понимая причину ее веселья.— Вы должны понять, что за те немногие часы, проведенные на этом корабле, я немного повзрослел. До этого я был на самом деле слишком наивным, был идеалистом. Например, в те несколько минут, когда мы целились друг в друга, вы могли бы уничтожить меня без всякого сопротивления с моей стороны. Для меня вы были представителем расы слэнов, а все слэны должны объединяться. Я не мог бы нажать на спуск, не загубив этим свою душу. Вы же ждали лишь для того, чтобы допросить меня. Но теперь положение изменилось.

— Я, кажется, понимаю, что ты хочешь...

— Все действительно очень просто,— угрюмо кивнул Джомми.— Вы или отвечаете на мои вопросы, или же я, шарахнув вас по голове, получу всю необходимую информацию прямо из вашего мозга, пока вы будете валяться здесь без сознания. Это будет, конечно, труднее, но я постараюсь...

— Как же ты будешь узнавать, что я говорю правду...— Женщина остановилась, широко раскрыв глаза.— Ты ожидаешь...

— Да!— он иронически взглянул в ее сверкающие ненавистью глаза.— Вы уберете экран из сознания.

— Никогда!

— Конечно, я не думаю,— продолжал Джомми, сделав вид, что не слышал реплики молодой женщины,— что у меня будет абсолютно свободный доступ к вашему сознанию. Я не возражаю против того, что вы будете контролировать свои мысли в узком диапазоне предмета разговора. Но ваш экран должен быть снят — и немедленно!

Она с отвращением смотрела на него.

— Что меня удивляет, так это то, какие странные комплексы развиваются в умах тех, кто не имеет прямого телепатического контакта с другими людьми. Может быть, недослэны построили внутри себя неприкосновенный, тайный внутренний мир и, подобно человеческим существам, ощущают стыд, когда кому-нибудь удается заглянуть в него? Вот материал для психологических исследований, которые могли бы пролить свет на тайные причины войны слэнов против слэнов. Однако вернемся к нашей прерванной теме. Запомните, что я уже побывал в вашем мозгу. Запомните также, что в соответствии с вашей собственной логикой мы все на этом корабле через несколько часов перестанем существовать!

— Конечно!— быстро ответила женщина.— Это верно. Ты умрешь, в этом я не сомневаюсь. Поэтому я смогу ответить на все твои вопросы!

Разум Джоанны Хиллори был подобен книге, толщину которой нельзя было измерить. Приходилось проверять бесконечное множество страниц, немыслимо богатую, невероятно сложную структуру миллиардов переплетенных между собой понятий и представлений, накопленных и рассортированных в течение многих лет работы острого наблюдательного интеллекта. Среди самых недавних впечатлений Джомми обнаружил картину невыразимо тусклой планеты, покрытой невысокими горами, засыпанной песком, где все, абсолютно все было заморожено,— Марс! Картину великолепного, закрытого стеклопластиком купола огромного города, каких-то землеройных машин, копающих грунт в свете мощных прожекторов.

Путаница мысленных образов несколько уменьшилась, как только Джоанна заговорила. Она говорила не спеша, но Джомми не пытался подгонять ее, несмотря на то, что счет времени идет уже на секунды, что каждую минуту их может настичь смерть.

Недослэны поняли с самого начала, что кто-то хочет вмешаться в их дела, как только он начал подыматься по стене здания. Пытаясь выяснить его основную цель, они решили не останавливать его, хотя могли бы без труда уничтожить. Ему предоставили несколько возможностей добраться до корабля, и он использовал одну из них, хотя здесь вмешался один неожиданный фактор — не сработала сигнализация.

Причина, по которой боевые корабли медлили с его уничтожением, заключалась в том, что они не решались воспользоваться оружием над столь плотно заселенным материком. Если бы их корабль поднялся выше или летел над морем, нападение было бы осуществлено тотчас. С другой стороны, если бы он и дальше продолжал кружить над этим материком, у него через дюжину часов закончится топливо, но перед этим взойдет солнце и в его лучах недослэны смогут применить свои смертоносные электролучевые орудия.

— Предположим,— сказал Джомми,— что я приземлюсь где-нибудь в центре большого города. Я мог бы убежать и затеряться среди множества домов и людей.

Джоанна покачала головой.

— Если скорость корабля снизится до двухсот километров в час, он будет немедленно уничтожен, пусть даже с риском обнаружить себя в небе. И не забывай, мой мальчик, что мои товарищи все же надеются спасти мне жизнь, захватив корабль неповрежденным. Теперь ты видишь, что я совершенно искренне рассказываю тебе обо всем.

Джомми замолчал, убедившись в существовании такой огромной опасности. Они полагались только на грубую силу своих тяжелых орудий и их количество. И все это против одного несчастного слэна, одного корабля. Как же велик их страх, если они тратят столько усилий и средств, так мало получая взамен.

— Мы ставим змей вне наших законов,— как бы прочла его мысли женщина, и ее серые глаза загорелись холодным огнем.— То, что ты украл, является настолько драгоценным, что, если ты сбежишь, это будет величайшим бедствием за всю историю нашего существования.

— Вы слишком полагаетесь на допущение, что у настоящих слэнов нет пока антигравитационных устройств. Моя цель на ближайшие годы — отыскать убежище слэнов; и скажу вам честно, что все, что вы наговорили мне здесь,

звучит малоубедительно. Сам факт, что они так спрятались, указывает на их неизмеримую изобретательность.

— Ход наших рассуждений очень прост,— заметила Джоанна,— мы не видим ракетных кораблей слэнов потому, что у них нет таковых. Даже вчера, этот нелепый полет ко дворцу... Их самолет, пусть даже очень красивый, приводился в движение многотактными реактивными двигателями, от которых мы отказались еще сто лет назад. Логика, как и наука, делает обобщения на базе наблюдений, так что...

Джомми Кросс был подавлен. Все, что он думал раньше о слэнах, оказалось неверным. Они были глупыми убийцами. Они затеяли идиотскую, безжалостную, братоубийственную войну; они рыскали по стране, воздействуя на человеческих женщин своими дьявольскими машинами — и уроды, которые рождались в результате этого, немедленно уничтожались. Безумное, бессмысленное убийство!

Все это совершенно не соответствовало его прежним убеждениям. Это как-то не вязалось с благородными характерами его отца и матери. Это также не вязалось с гениальностью отца и с тем фактом, что, несмотря на то, что он сам шесть лет прожил под влиянием омерзительной Гренни, он остался нетронутым и неиспорченным всеобщим сумасшествием. И, наконец, это не вязалось с тем, что он, полувзрослый слэн, храбро шел навстречу западне, устроенной специально для него и, благодаря единственной лазейке в их сети, одному неучтенному фактору, до сих пор избежал возмездия.

Его оружие! Еще один фактор, о котором никто не подозревает. Оно, конечно, бесполезно против военных крейсеров, идущих по пятам за ними. Уйдет не меньше года на то, чтобы построить другой, гораздо более мощный проектор, который мог бы достать эти корабли на таком удалении и разнести их в клочья... Но одно дело оно в состоянии совершить! Чего бы его луч ни коснулся, он дезинтегрирует этот предмет на составляющие его частицы. И ей-богу, подумал он, дайте только мне немного времени и чуть-чуть удачи!

Огонь прожектора залил видеоэкран. Одновременно с этим корабль подпрыгнул, как игрушка, от сильного удара. Заскрежетал металл, затряслись стены, замигали на пульте сигнальные огоньки и затем наступила мертвая тишина. Джомми рванулся к ракетным активаторам.

Корабль рванулся вперед с головокружительным ускорением. Преодолевая невыносимое давление перегрузки, он подался вперед и включил передатчик.

Если только он не убедит их повременить с уничтожением, ему так и не удастся воплотить в жизнь имеющийся у него план.

Богатый, резонирующий голос Джоанны Хиллори был эхом его собственных мыслей.

— Что ты намерен делать? Отговорить их от того, что они уже предпринимают? Ну, не будь же таким глупцом. Если уж они в конце концов решили пожертвовать мною, то за твою жизнь не дадут и медяка!

Глава 11

Снаружи ночное небо было темным. Вокруг не было признаков вражеских кораблей. Внутри корабля напряженное молчание было взорвано хриплым криком и шквалом ругательств расширенного ассортимента. Гренни проснулась.

— В чем дело? Что происходит?

Короткая пауза, затем гнев ее остыл и началась безумная паника. Порожденные этим ругательства и проклятия сотрясли воздух. Гренни не хотела умирать. Пусть эти чертовы слэны передерутся между собой, но при чем же здесь Гренни? К тому же у нее есть деньги, и если...

Она была пьяна. Сон, в котором она находилась, позволил спиртному овладеть ее организмом. Джомми немедленно отгородился от потока ее мыслей и слов и сказал в микрофон:

— Вызываю командира группы крейсеров! Вызываю командира! Джоанна Хиллори жива! Я готов освободить ее на заре, при одном условии, что мне позволят снова подняться в воздух.

Наступила тишина. Затем раздался спокойный голос женщины:

— Джоанна, ты в порядке?

— Да, Мариан.

— Очень хорошо,— продолжал тот же спокойный голос.— Мы принимаем предложение со следующими условиями: вы сообщите за час до посадки, где ее осуществите. Пункт приземления должен быть по меньшей мере километров за сто от ближайшего города. Если вы допускаете,

что сумеете скрыться, что ж, в вашем распоряжении будет два часа. А у нас будет Джоанна Хиллори. Честный обмен!

— Я согласен,— сказал Джомми.

— Подождите!— закричала пленница.

Но Джомми был намного быстрее, чем она. За секунду до того, как слово слетело с ее губ, он выключил передатчик.

— Вам не следовало вновь устанавливать экран в своем мозгу. Этого предупреждения мне было вполне достаточно. Но, конечно, я опередил бы вас в любом случае. Если бы вы не воздвигли барьер, я бы уловил ваши мысли.— Он подозрительно взглянул на нее.— К чему это безумное желание пожертвовать собой только ради того, чтобы лишить меня двух лишних часов жизни?

Она молчала. На лице ее было такое задумчивое выражение, какого он у нее еще не видел.

— Может ли случиться так, что вы действительно подарите мне возможность бегства?

— Меня все еще интересует,— наконец вымолвила женщина,— почему это сигнальное устройство там, в здании, где находился корабль, не известило нас о том, с какой стороны ты приближаешься к кораблю? По-видимому, сработал фактор, который мы не брали в расчет. Если ты умудрился сбежать на этом корабле...

— А я и сейчас сбегу,— тихо сказал Джомми Кросс.— И буду жить наперекор людям, наперекор Киру Грею и Джону Петти, назло всей этой банде убийц, живущих во дворце. Я буду жить наперекор этой огромной организации недослэнов с их жаждой крови! И когда-нибудь я отыщу настоящих слэнов! Не сейчас, потому что нечего юноше надеяться на успех там, где потерпели поражение тысячи ваших сородичей. Но я отыщу своих единокровников, и в тот день...— он замолчал на мгновение.— Мисс Хиллори, мне хочется заверить вас, что ни этот, ни какой-либо другой корабль не будет использован против вас.

— Твои слова опрометчивы,— ответила женщина, и в ее голосе прозвучала неожиданная горечь.— Как ты можешь заверять меня в чем-либо от имени тех, кто верховодит в руководстве змей?

Джомми Кросс внимательно посмотрел на пленницу. В ее словах была правда. Но тем не менее он осознал свое величие и свое предначертание. Он сын своего отца, наследник отцовского гения. Дайте только время, и у него будет неодолимая сила.

— Сударыня, при всей моей скромности, я все же могу сказать, что из всех слэнов, живущих сейчас, нет более значительного, чем сын Питера Кросса. Чем бы я ни занимался, всегда мне помогали мои слова и воля. В тот день, когда я разыщу настоящих слэнов, навсегда закончится война между нашими народами. Вы сказали, что мое бегство было бы несчастьем для ваших соплеменников, скорее, это будет их величайшая победа. Когда-нибудь и вы, и они поймут это.

— Между прочим,— женщина-слэн печально улыбнулась,— у тебя будет всего два часа, чтобы уйти от семи тяжелых крейсеров, принадлежащих истинным владельцам Земли. Ты, кажется, до сих пор не осознал, что мы фактически не боимся ни людей, ни змей. Наша организация настолько обширна, что трудно даже вообразить ее размеры. В каждой деревне, в каждом большом и маленьком городе есть своя подпольная ячейка недослэнов. Мы знаем свое могущество, и в один прекрасный день выступим открыто, для того чтобы взять власть над планетой в свои руки. И...

— И это будет означать войну!— вспыхнул Джомми.

— Мы сокрушим любое сопротивление,— хладнокровно сказала Джоанна.— На это уйдет максимум два месяца!

— И что же после этого? Вы намерены обречь на вечное рабство все население Земли, все четыре миллиарда людей?

— Мы неизмеримо превосходим их. Нам ли жить, вечно таясь, жить в уединении холодных планет, когда сама зеленая Земля предназначена нам? Нам надоела вечная борьба с враждебной природой других планет. Мы жаждем независимости от людей, которых ты так доблестно защищаешь! Думаю, что с тобой они разбираться не стали бы. Прихлопнули бы, как муху, и все! Ты должен понять, что мы этим людишкам ничем не обязаны, кроме тех страданий, что они несут нам. Обстоятельства вынуждают нас отплатить им сторицей.

— И это будет несчастьем для всех.

— Фактор, который работал на тебя там, в Центре Воздушных Сообщений, когда мы просто ожидали, как повернутся события, не может теперь помочь тебе, когда мы преисполнены решимости покончить с тобой. Покончить с помощью наиболее сильных средств, имеющихся у нас. За минуту от этой машины останется только горсть пепла, которая упадет на Землю, как облачко сверкающей пыли!

— За одну минуту!— воскликнул Джомми.— Хватит этих проклятых разговоров. Я должен перенести вас в соседнюю комнату. Я должен кое-что смонтировать в носовой части, и поэтому не хотел бы, чтобы вы видели, что я собираюсь предпринять.

...За мгновение до того, как Джомми Кросс перенес Джоанну Хиллори через рубку к шлюзовой камере и опустил ее на пол, она увидела огни города на западе через смотровой экран. Корабль стоял на земле. Джомми открыл шлюз и развязал женщину.

Держа в руке ее электропистолет (свой собственный аппарат он укрепил в носовой части корабля, как и задумал), он внимательно следил за женщиной, которая на мгновение задержалась в дверях. Заря на востоке четко обрисовала силуэт ее сильного красивого тела. Ничего не сказав, она спрыгнула на землю.

— Ну, как ты себя чувствуешь?— помедлив, сказала она. Ее лицо было на уровне нижней части двери.

Юноша пожал плечами.

— Не совсем понимаю, о чем идет речь, но смерть мне кажется весьма отдаленной.

— Более того,— последовал честный ответ.— Нервная система слэна — почти неприступная крепость. Она не может быть задета безумием нервов или страхом. Когда мы убиваем, то это просто продолжение политики, продиктованной холодной логикой. Когда смерть приближается к нам самим, мы спокойно встречаем ее, борясь до последнего, в надежде, что какой-нибудь фактор еще может спасти нас, и, в конце концов, неохотно уступаем необходимости, сознавая, что мы жили не зря.

Он с любопытством взглянул на нее, удивившись неожиданному дружелюбию ее слов и мыслей, заполнивших ее разум. Какую цель она преследовала?

— Джомми Кросс, возможно это и удивит тебя, но я поверила твоей истории, в то, что ты не просто заявляешь, что имеешь идеалы, которым стремишься следовать. Ты — первый слэн, с которым мне довелось встретиться, и впервые в жизни я испытываю чувство облегчения, как будто после всех веков борьбы исчезает страшная тьма. Если тебе удастся избегнуть наших орудий, я прошу сохранить свои идеалы и тогда, когда ты станешь старше. Еще об одном я хотела бы попросить тебя — не предавай нас! Не становись слепым орудием смерти у созданий, которые се-

ют смерть и разрушения вот ужс много веков подряд! Ты всегда будешь в моем сознании, и знаешь, что я не лгу тебе сейчас. Не становись змеей — вот о чем я тебя прошу! Какой бы ни была их философия, она неправильна, потому что бесчеловечна. Она была неправильной, так как породила эти нескончаемые страдания.

Если ему удастся спастись!.. Если ему это удастся, они будут зависеть от его доброй воли, и поэтому она старается заслужить хорошие воспоминания о себе.

— Но помни одно,— продолжала Джоанна,— ты не можешь ожидать помощи от нас. Мы должны во имя своей безопасности считать тебя противником. Слишком многое зависит от этого. Так что не ожидай в ближайшем будущем милосердия за то, что освободил меня. Не пытайся проникнуть к нам, потому что, я предупреждаю тебя, это будет означать верную смерть.

Ты ведь понимаешь, что мы уверены в превосходстве разума истинных слэнов, вернее, в более высоком развитии интеллекта, что обусловлено способностью к чтению мыслей. Нет такого коварства, на которое они не способны, так же, как и нет такой жестокости, которую они бы не проявляли. Твои планы могут отнять тридцать, а то и все сто лет. Следовательно, хотя я и верю тому, что ты мне говоришь, неопределенность того, каким ты станешь, когда вырастешь, заставила бы меня тут же тебя убить, будь это в моих силах. Никогда не доверяй нашей доброй воле. Не терпимость, а подозрение правит нами. А теперь — прощай и, как бы парадоксально это не звучало,— удачи тебе!

И она пошла быстрым шагом на запад, по дороге, ведущей в город. Когда она скрылась из виду, Джомми закрыл шлюз, ринулся в кладовую и снял со стены два космических скафандра. Старуха что-то протестующе лепетала, когда он запихивал ее в один из них. Одев второй, он пошел в рубку управления.

Его пальцы коснулись выключателей пластин антигравитатора, но он вдруг засомневался: действительно ли его простой план осуществится?

В небе над ними показались темные точки кораблей. Там уже сияло солнце, заливая своим светом узкие сигарообразные корпуса кораблей на фоне невообразимо голубого небосвода. Над маленькой долиной рассеивался туман и исчезали облака, и теперь Джомми понял, что даже погода против него. Через несколько минут види-

мость станет такой, что у него почти не останется шансов спастись.

Его разум был настолько поглощен этим, что, когда он уловил чью-то расплывчатую мысль, ему показалось, что она родилась в его собственном мозгу.

«...не надо беспокоиться. Старая Гренни избавится от слэна. Достанет грим и изменит свое лицо. Да не будь она бывшей актрисой, если не сможет изменить свою внешность! Гренни сделает себе красивое тело, какое когда-то было у нее, и изменит свое старое лицо. Ха!»

Эти мысли многое напомнили Джомми. Его родители часто применяли поддельные волосы, но необходимое при этом уничтожение собственных волос приводило к тому, что завитки-антенны приходилось тоже уничтожать. Тем не менее настоящим слэнам приходилось все время заниматься своими волосами, а опыт и помощь Гренни могут оказаться неоценимыми.

Теперь, когда начал вырисовываться четкий план последующих действий, исчезла его прежняя нерешительность.

Легко, как мотылек, когда ожили ракетные двигатели, корабль оторвался от земли и с огромной скоростью взмыл в небо. Пять минут на ускорение и торможение — вот что было у него, как сказал позже командир эскадры крейсеров. Джомми улыбнулся. Он не собирался замедлять скорость. С той же скоростью он швырнул корабль к реке, которая протекала в окрестностях города, выбранного именно потому, что рядом протекала именно такая река. И только в последний момент он включил полное торможение.

Именно в этот момент, когда было уже слишком поздно, в этот последний момент была поколеблена самоуверенность командира эскадры. Они словно позабыли и свою прежнюю нерешительность, и боязнь быть обнаруженными, и использовали на виду у всех тяжелые орудия. Как ястребы, они устремились вниз; из всех семи крейсеров засверкали вспышки огня... Джомми тихонько потянул за провод, который шел к спуску его собственного оружия, укрепленного на носу корабля.

Яростный удар снаружи добавил его кораблю скорости дополнительно к имеющимся тремстам милям в час. Он едва обратил внимание на этот единственный удар противника. Его внимание было прикован к собственному оружию. Как только он потянул за провод, сноп огня проде-

лал в обшивке носовой части отверстие диаметром более полуметра, и, подобно урагану, ринулся вниз, рассекая воду перед сигарообразным корпусом. В образованный таким образом туннель проскользнул корабль под аккомпанемент ужасных взрывов тормозных ракет, расположенных в передней части.

Видеоэкраны потемнели, как только со всех сторон оказалась вода. Они стали еще темнее, когда вода кончилась и дезинтегратор с невообразимой свирепостью стал высверливать туннель в грунте, все глубже и глубже.

Это было похоже на полет в воздухе, только здесь почти не ощущалось сопротивление — только рев тормозных двигателей напоминал о движении вперед. Было похоже, что дизинтегратор не просто разлагал вещество, а вообще превращал его в неизвестно что, точнее говоря, в ничто. Чтобы разобраться в записях отца, Джомми требовалось время.

Прошло двадцать... тридцать секунд... минута. Джомми Кросс стал постепенно выравнивать курс корабля. Через две с половиной минуты подземного «полета» корабль остановился. Он должен был находиться вблизи центра города, а за ним остался туннель длиной в двадцать километров, в который за ним хлынула вода из реки. И хотя в воде следов не остается, у Джомми не было сомнений, что недослэны поняли, что произошло, и имеют в своем распоряжении приборы, которые смогут в любую минуту определить местонахождение корабля.

Джомми Кросс рассмеялся. Ну и пусть знают! Что они могут теперь с ним сделать? Конечно, впереди еще много опасностей, особенно когда они с Гренни достигнут поверхности. К этому времени будет оповещена вся организация недослэнов. Но это все в будущем. Пока что победа за ним, и это было приятно после всех отчаянных, утомительных часов неопределенности. Теперь черед за планом Гренни, согласно которому им нужно разделиться друг с другом и замаскироваться.

Черная сумка с деньгами, которые были так нужны ему, лежала на коленях старухи под защитой похожей на клешню руки. Прежде, чем она успела разгадать его намерение, он выхватил это сокровище. Гренни дико завизжала и набросилась на него. Он хладнокровно не подпускал ее к себе.

— Не волнуйтесь. Я решил принять ваш план. Я попытаюсь замаскироваться под человека, и мы разделимся.

Сейчас я намерен дать вам пять тысяч. Остальное получите обратно через год. И вот что вы обязаны сделать. Мне нужно какое-нибудь место, где я смог бы жить; поэтому вы должны подняться в горы и купить какое-то ранчо или что-то вроде этого. Когда вы устроитесь на новом месте, дайте объявление в газете. Я дам ответное объявление, и мы снова будем вместе. Я забираю на это время деньги для того, чтобы вы не могли меня предать. К сожалению, вы сами когда-то поймали меня, и теперь вам придется вместе со мной переносить все невзгоды, так как нам теперь грозит равная опасность. А сейчас мне нужно пойти закупорить туннель. Когда-нибудь я надеюсь оборудовать этот корабль атомными двигателями и не хочу, чтобы он сейчас достался противнику.

Ему, конечно, нужно быстро уйти из этого города и начать путешествовать через континент. Он обязан найти настоящих слэнов. Так же, как случайно встретились его отец и мать, он, возможно, встретит еще одного настоящего слэна. И, кроме того, нужно еще провести различные исследования прежде, чем приступить к осуществлению еще туманного, но грандиозного плана, который постепенно начал обрастать очертаниями в его голове.

Плана, который позволит найти путь к сердцам настоящих слэнов, к их благоразумию. Плана, который осуществит мечту его отца, приложившего столько усилий в этом деле и сложившего голову в борьбе за будущее.

Глава 12

Он искал — и он трудился.

В тихой цитадели своей лаборатории на ранчо в горах, купленном Гренни, он постепенно претворял в жизнь планы и проекты, завещанные отцом. Сотнями различных способов он научился управлять неограниченной энергией, которую он должен был передать в равной степени как людям, так и слэнам.

Он открыл, что эффективность изобретения отца основана на двух главных факторах: что источником энергии может быть даже крохотная частичка материи и что выход этой энергии не обязательно должен быть в форме тепла.

Эта энергия может быть направлена в электромагнитной форме или в виде движения, вибрации или радиации.

Он начал сооружать свой собственный арсенал. Он превратил ближайшую к ранчо гору в крепость, хотя и понимал, что она не выдержит совместной атаки людей и слэнов. Но это было уже что-то. Опираясь на предпринятые им меры по самообороне, он стал еще более решительным в своих поисках.

Казалось, что он всегда был чужаком в каждом из городов с бесчисленным скоплением людей. И хотя он всегда был один, одиночество мало трогало его. Его всепоглощающая, ненасытная душа, казалось, всегда была наполнена живым интересом к грандиозной драме, ежечасно разворачивающейся перед ним. Куда бы он ни направился, повсюду натыкался на различные следы деятельности организации недослэнов, и с каждой неделей все больше и больше недоумевал: где же настоящие слэны?

Загадка эта казалась просто необъяснимой. Она никогда не покидала его. Она преследовала его, когда он бродил по улицам десятков, а может быть, и сотен городов.

В каждом городе он дожидался наступления вечера, шел к ближайшему газетному киоску, покупал все местные газеты и возвращался к своему автомобилю. С виду это был самый обычный автомобиль; на самом же деле это была боевая машина на колесах, от которой он старался не отходить дальше, чем на сотню метров. Прохладный вечерний ветер шуршал в переворачиваемых страницах, которые он быстро пробегал взглядом.

На этот раз ветер стал еще более холодным, неся с собой влажный запах дождя. Он сложил газеты и влез в салон автомобиля, а через час швырнул семь ежедневных газет в урну на тротуаре. Углубленный в собственные мысли, он тяжело облокотился на руль своей машины.

Все та же старая история. Две газеты были явной собственностью недослэнов. Мозг Джомми легко узнавал особый стиль статей, особое словоупотребление, которое отличало газеты недослэнов от газет людей. Две из семи! Но именно эти газеты имели наибольший тираж. И в каждом из городов это можно было считать за правило.

Вот и все. Люди и недослэны.

И никакой третьей группы, никаких отличительных признаков, которые могли бы подсказать ему, что газета выпущена настоящими слэнами. Юноша начал сомневаться в правильности своей теории розыска. Оставалось только изучить еще еженедельники и проводить все вечера, так же, как и дни до этого, проезжая по улицам, осмат-

ривая каждый дом и прощупывая мозг каждого прохожего.

Наконец Джомми мысленно встряхнул себя и поехал на восток, уходя от бури, которая поглотила оставленный им город. Еще один город, еще одна неудача.

* * *

Когда, наконец, на третий год Джомми Кросс вернулся, корабль в туннеле окружала темная и спокойная вода. Копошась в грязи, он стал ремонтировать раненую его оружием машину. Сначала он заделал отверстие в носу корабля десятидюймовыми стальными трубами. Затем в течение целой недели он был занят перестройкой атомной структуры обшивки корпуса с помощью своих разнообразных уникальных инструментов. Атом за атомом он превращал корабль в сверхпрочную крепость.

Еще несколько недель заняло изучение антигравитационных пластин и изготовление их точных копий. Стремясь поиздеваться над недослэнами, он оставил эту копию здесь, в туннеле, так как именно пластины, как он смог определить, обнаруживаются детекторами недослэнов. Пусть продолжают считать, что корабль по-прежнему находится на месте.

Наконец, еще одна неделя прошла в монтаже атомного привода, и вот, после трех месяцев каторжного труда, в конце холодной октябрьской ночи, корабль вернулся по туннелю назад, движимый не знающими усталости двигателями, и вынырнул под завесой ледяного дождя.

Дождь превратился в колючий снег, но Джомми был уже над облаками, вне жалкой ярости земной стихии. Над ним простирался необъятный купол небес, на котором ярко горели бесчисленные звезды. Вот Сириус, самый яркий бриллиант в небесной диадеме. Вот красный, зловещий Марс. Но сегодня он не намеревался направляться туда. Пока еще Марс может подождать. Сегодня он намеревался совершить только небольшой пробный полет — осторожная вылазка на Луну. Полет, который вкупе с его логикой, должен дать необходимый опыт для последующего долгого и опасного путешествия, которое с каждым месяцем становилось все более неизбежным по мере его совершенно бесплодных поисков. Когда-нибудь ему все же придется отправиться на Марс!

Его размышления были прерваны сигналом тревоги. На переднем обзорном экране заплясала светящаяся точка.

Притормозив, Джомми стал наблюдать, как меняется положение огонька, и когда тот приблизился, с удивлением обнаружил, что это большой корабль.

К этому времени уже начало светать, и было четко видно, что корабль не направляется в его сторону. Он прошел мимо, купаясь в лучах восходящего солнца, менее чем за сотню миль от него — громадное сооружение длиной триста метров из гладкого черного металла. Через мгновение неизвестный корабль нырнул в тень Земли и тут же исчез. Еще через полминуты звонок прекратился.

А затем, всего лишь через десять минут, он зазвенел снова. Второй корабль был еще дальше, идя под прямым углом к траектории первого. Это был значительно меньший корабль, и двигался он не по прямой, а рыскал из стороны в сторону.

Когда он исчез в отдалении, Джомми Кросс стал быстро снижаться, охваченный ужасом. Крупный боевой корабль и истребитель! Зачем? Похоже, что это патруль. Но не против же людей! Они и не подозревают о существовании недослэнов и их кораблей.

Джомми замедлил ход своего корабля и задумался. Он еще не был готов рисковать, бросая вызов хорошо оснащенным боевым машинам. Юноша осторожно начал поворачивать свой корабль, и во время поворота опять раздался сигнал тревоги. Бросив внимательный взгляд на экран переднего обзора, Джомми обнаружил прямо по курсу небольшой темный предмет, похожий на метеорит. Джомми резко бросил корабль в сторону, но неизвестный предмет, словно какое-то живое чудовище, рожденное в глубинах космоса, повернул вслед за ним. Предмет становился все больше, пока не превратился в небольшой металлический шар примерно полметра в диаметре. Джомми поспешно попытался изменить траекторию корабля, но, прежде чем ему удалось совершить новый маневр, раздался оглушительный взрыв, швырнувший его на пол. Сотрясение не давало ему возможности подняться с пола. Он был ошеломлен, все его тело болело, но он с радостью осознавал, что жив и что стены его корабля смогли выдержать этот чудовищный по своей мощности взрыв.

Корабль трясся с головокружительной амплитудой. Джомми все-таки взял себя в руки и сел в кресло пилота. Да, он наткнулся на мину! На плавающую в космосе мину! Какие жуткие меры предосторожности — но от чего или, может быть, от кого?

Он осторожно направил свой корабль в новое убежище, построенное им под ранчо Гренни. У него не было ни малейшего представления, сколько времени придется держать его спрятанным. Он не был еще готов к противоборству со своими вероятными противниками...

* * *

В течение первых нескольких месяцев с того времени, как он впервые попал на эту ферму, которую купила для него Гренни, он постарался добиться контроля над мыслями каждого из нескольких сотен людей, населявших идиллическую долину с ее вечнозелеными подножиями холмов. Сначала ему требовались для этого колоссальные усилия, но по мере того, как росло его знание человеческой психики, он обнаружил, что может с большим успехом воздействовать на мозг этих не очень интеллектуальных людей.

Поэтому теперь он не боялся появляться в дневном небе над долиной, чтобы потом скрыться в своем убежище под ранчо. Гипнотически обработанные жители все равно не обратят внимания на странный объект, промелькнувший в небе...

Глава 13

Она была в западне. Кетлин сразу же напряглась и выпрямилась над открытым ящиком письменного стола Кира Грея, содержимое которого она изучала.

Она уловила вибрацию разума Кира Грея и еще одного человека, которые были уже в коридоре, ведущем в кабинет правителя.

Ей стало досадно. Уже несколько недель она ждала заседания Совета для того, чтобы проникнуть в кабинет и просмотреть кое-какие документы. Наконец Совет отправился на заседание, но кто бы мог подумать, что оно так быстро закончится...

Она была в западне! И все же не раскаивалась, что вошла сюда. Ее положение все более и более осложнялось. Быть пойманной!.. Она перестала укладывать бумаги назад в ящик и выпрямилась. Уже не было времени — Грей открывал дверь своего кабинета.

Она села в кресло и повернула голову навстречу вошедшим. При виде девушки, красивое лицо шефа тайной

полиции потемнело, глаза прищурились, он резко повернулся к правителю. Кир Грей насмешливо приподнял бровь, в его улыбке сквозил едва уловимый намек на иронию.

— Хэллоу, девочка,— сказал он.— Что привело тебя сюда?

Кетлин пришла к выводу, что ей надо что-то сказать, однако Джон Петти опередил ее:

— Да она шпионит за вами, Кир!

Казалось, что присутствие шефа тайной полиции в критические моменты ее жизни всегда было мрачным предзнаменованием для нее. Сейчас девушка почувствовала, что это именно один из таких моментов, а из всех людей на Земле никто не питал к ней такую ненависть и не прилагал столько усилий, чтобы увидеть ее мертвой. Тем временем Джон Петти продолжал:

— И в самом деле, Кир. Мы опять драматически возвращаемся к тем вещам, о которых спорим. На следующей неделе этому слэну будет 21 год, и у нее будут все устремления и мысли, присущие слэнам. Будет ли она и дальше жить здесь, пока в конце концов не умрет от старости в возрасте 150 лет — это ведь такой фантастический срок,— или...

— Кетлин, разве ты не знала, что я на заседании Совета?

— Держу пари, что знала,— вмешался Петти,— а его преждевременное окончание стало для нее неприятным сюрпризом.

— Я отказываюсь отвечать на любые вопросы,— холодно изрекла Кетлин,— в присутствии этого человека. Он старается выглядеть спокойным и рассудительным, однако несмотря на странный способ, с помощью которого он прячет свои мысли, есть отчетливая струя беспокойства, исходящая от него. А на поверхности его сознания мгновение назад выплыла мыслишка, что наконец-то он сможет убедить вас, сэр, что меня необходимо уничтожить.

Лицо диктатора стало задумчивым, потом на нем появилось выражение враждебности. Она слегка дотронулась до поверхности его разума и ощутила барьер, воздвигнутый на пути его мыслей, который стал еще более плотным.

— Если припомнить историю,— хмуро хмыкнул Кир Грей,— ее обвинение против вас, Джон, вполне обоснованно. Ваше желание ее смерти... основано, конечно, на ва-

шем антислэновском рвении, однако такой фанатизм странно видеть в столь чрезвычайно способном и умном человеке.

Джон Петти, казалось, отмахнулся от этих слов нетерпеливым жестом.

— Да, это правда, я хочу ее смерти. Но одновременно и не хочу. Что касается меня, то этот слэн представляет серьезную угрозу для государства, когда, находясь здесь, во дворце, читает мысли членов Совета. Я просто хочу, чтобы ее убрали с дороги. И совсем не будучи сентиментальным по отношению к слэнам, я считаю смерть наиболее действенным способом добиться этого. Тем не менее я не настаиваю на таком приговоре. Но я серьезно думаю, что мое предложение должно заслуживать внимания. Ее следует о б я з а т е л ь н о перевести в какое-нибудь другое место.

По мыслям Кира Грея, которые были на поверхности его разума, трудно было судить о том, что он думает по этому поводу.

— В тот самый момент, когда меня переведут из этого дворца,— язвительно заметила Кетлин,— меня можно считать покойницей! А как сказал один раз десять лет назад мистер Грей, когда ваш, Джон Петти, наемник пытался меня убить: «Раз уж слэна убили, то всякие расследования по этому поводу могут повлечь за собой нежелательные подозрения...»

Она остановилась, потому что Кир Грей заговорил тихим, мягким голосом, какого ей еще не доводилось от него слышать:

— Слишком быстро ты уверила себя в том, что я не смогу тебя защитить. А вообще я думаю, что предложение Джона не лишено здравого смысла.

Она взглянула на него, застыв от ужаса. Грей продолжал:

— Ты должна собрать свою одежду и имущество и быть готовой отправиться в течение ближайших 24 часов.

Первое потрясение прошло, разум ее стал гораздо спокойнее. Знание того, что Кир Грей ее больше не защитит, пришло очень быстро, не нуждаясь в каких-либо дополнительных аргументах.

Что ошеломило ее, так это отсутствие улик, на которые он мог бы опереться, вынося такое бесчеловечное решение. Он даже не взглянул на деловые бумаги, которые она в спешке собрала в кучу на столе. Следовательно, его

решение было обосновано только на факте ее присутствия здесь и на обвинениях Джона Петти.

А это вызвало удивление, потому что в прошлом он не раз защищал ее от Петти при гораздо более зловещих обстоятельствах. А она безнаказанно входила в этот кабинет по крайней мере уже с десяток раз, причем он не раз заставал ее здесь.

Это означало, что решение было принято заранее и, следовательно, было вне всякой аргументации, которую она могла бы надеяться выдвинуть. Она ощутила также чувство большого удивления в сознании Джона Петти перед такой легкостью, с какой далась победа. На поверхности его сознания было чувство неудовлетворенности и желание продолжать схватку. Он внимательно оглядел комнату и остановился перед столом.

— Весь вопрос в том, что она искала в вашем кабинете, Кир! Что это за бумаги?— Он не страдал излишней скромностью и внимательно стал перекладывать списки, листы и подшивки документов.

— Гмм... Это список старых убежищ слэнов, которые мы все еще используем как ловушки для неорганизованных слэнов. К счастью, этот список настолько велик, что вряд ли у нее было достаточно времени запомнить их расположение.

Ошибочность такого предположения не слишком беспокоила Кетлин. Очевидно, Петти и не подозревал, что в ее памяти мгновенно запечатлелись не только места расположения каждого из тайных убежищ слэнов, но и почти полностью фотографический отпечаток системы сигнализации, которую установила полиция в каждом из убежищ с целью своевременного предупреждения о том, что в него проник ничего не подозревающий слэн.

В соответствии с анализом одного из отчетов должен быть какого-то рода мыслепередатчик, который давал бы возможность одиноким и чужим слэнам обнаруживать эти убежища. Но все это было не столь важным в данный момент.

Что действительно встревожило девушку, так это разительная реакция Кира Грея. Диктатор как-то странно смотрел на бумаги.

— Это более серьезно, чем я предполагал.— Это было произнесено медленно, и сердце Кетлин оборвалось.— Она рылась в ящиках моего стола.

Кетлин напряженно думала: «Совсем не обязательно

было говорить это Джону Петти». Прежний Кир Грей никогда бы не снабдил ее смертельного врага подобной информацией, которая будет направлена против нее.

У Кира Грея были холодные глаза, когда он повернулся к ней, рассматривая. Странно, но его глаза соответствовали его разуму. Разум его был таким же хладнокровным и спокойным, как и раньше. Он, поняла Кетлин, совсем не разгневан. Просто он с ледяной решимостью порывал с ней.

— Тебе следует пойти в свою комнату, чтобы собраться, и ждать дальнейших указаний.

Она отвернулась и услышала, как Джон Петти сказал:

— Вы неоднократно говорили, сэр, что сохраняете ей жизнь только для того, чтобы изучать ее жизнь. Ежели она уедет отсюда, то эта цель не может быть достигнута. Следовательно, я надеюсь, она будет помещена под надзор тайной полиции.

Кетлин закрыла за собой дверь и побежала в свою комнату по коридору, отключив свой ум от наблюдения за мыслями, которые таились в головах этих двух людей.

У нее не было ни малейшего интереса к подробностям любого плана по ее убийству. Плана, который, возможно, сейчас разрабатывают диктатор и его приспешник. Ей было ясно, что надо принимать какие-то действия. Она открыла дверь, ведущую из ее комнаты в один из главных коридоров, поздоровалась с часовым, который едва ответил на ее приветствие, и спокойно направилась к ближайшему лифту.

Теоретически ей было позволено подниматься только до высоты сто пятьдесят метров, а ангары для самолетов и вертолетов находились выше еще на сто пятьдесят метров. Но молодой коренастый солдат, обслуживающий лифт, не выдержал бокового удара в челюсть. Как и большинство других людей, он никак не ожидал, что эта высокая, молодая девушка столь опасна для тренированного мужчины в расцвете сил весом девяносто килограммов. Он оказался без сознания раньше, чем обнаружил свою ошибку. Это было жестоко, но она связала ему руки и ноги проводом, и этот же провод использовала, чтобы закрепить кляп, который затолкнула ему в рот.

Прибыв на крышу, она тотчас же произвела мысленную разведку пространства у лифта, затем открыла дверь ангара и быстро прикрыла ее за собой. Менее чем в десяти метрах от нее стоял боевой самолет. Чуть дальше стоял

еще один аппарат, возле которого возились три механика. Какой-то солдат разговаривал с ними.

За десять секунд она подбежала к самолету и взобралась в его кабину. За долгие годы она многому научилась, читая мысли офицеров-летчиков. Взревели реактивные двигатели, огромная машина покатилась вперед и взмыла в воздух.

— Ого!— донеслась вслед мысль одного из механиков.— Опять полковник вылетает.

— Скорее всего, еще за одной юбкой,— заметил солдат.

* * *

Через два часа она достигла выбранного ею убежища слэнов. Она перевела самолет на автопилот, произвела посадку, вылезла из машины и отправила аппарат в полет на восток.

В течение последующих дней она жадно высматривала какой-нибудь автомобиль, но только на пятнадцатый день из-за деревьев, окаймляющих старинное шоссе, показалась длинная черная машина, которая явно шла в ее сторону. Девушка напряженно ждала. Она должна заставить водителя остановиться. Ей просто необходимо захватить этот автомобиль. Каждую минуту сюда может нагрянуть полиция! Она ждала, не сводя взгляда с автомобиля.

Глава 14

Наконец-то холодные прерии оказались позади. Джомми Кросс свернул почти точно на юг, затем на восток. И заехал... по-видимому, в бесконечную серию полицейских заслонов. Однако никто не делал попыток остановить его, и в итоге он наткнулся в мыслях нескольких человек на то, что разыскивается девушка-слэн!

В первый момент он с трудом воспринял этот факт — настолько сильной была вспыхнувшая в нем надежда. И, конечно, это не могла быть девушка-недослэн. Люди, отличающие слэнов от людей только по завиткам, знали, кого искать! Его мечта наконец-то могла осуществиться!

Он умышленно направился в том направлении, которое они должны были особо тщательно проверить. Для этого пришлось съехать с основной дороги и поехать по второстепенной, которая вилась по лесистым долинам и пересекала высокие холмы. С утра день был пасмурным, но к

полудню выглянуло солнце и засияло в бирюзово-голубом небе.

Его четкое ощущение, что он близок к самому сердцу опасной зоны, внезапно еще более усилилось, как только какая-то мысль извне коснулась его сознания. Пульсация этой мысли была слабой, однако смысл ее был так важен, что Джомми встрепенулся.

«Внимание, слэны! Передает Норгрейвская мыслепередающая машина. Пожалуйста, сверните на боковую дорогу в полумиле впереди. Дальнейшая инструкция будет передана позже».

Джомми нажал на тормоз и остановил машину. Нежная и настойчивая, эта мысль пульсировала в нем, как ласковый летний дождь.

«Внимание, слэны! Сверните, пожалуйста...»

Он продолжал сидеть в машине добрых пять минут, пока не пришел в себя от радостного известия и не продолжил свой путь. Чудо свершилось! Слэны где-то поблизости! Возможно, такой передатчик мог бы сделать и одиночка, но что-то в этом послании говорило о наличии общины... Слэны...

Однако тут же ему в голову пришла мысль, что это могло быть и западней. Может быть, это просто устройство, оставшееся от давно не существующих слэнов. Существенной опасности для него, конечно, не было — у него был его чудо-автомобиль и оружие, способное парализовать любую силу противника. Но не следует отвергать возможность того, что эту мыслепередающую машину придумали люди в качестве приманки и теперь окружают примыкающую к ней местность в надежде, что кое-кто все-таки попадется.

Через полмили пришел еще один мысленный приказ и, повинуясь ему, Джомми свернул на проселок, петлявший по лесной чаще. Через пять километров следующее послание заставило его остановиться.

«Говорит передатчик Норгрейва. Он ведет вас, настоящего слэна к небольшой ферме, на которой имеется вход в подземный город. Город, который имеет заводы, парки и здания для жилья. Добро пожаловать в наш город! Говорит передатчик...»

Еще немного, и Джомми Кросс очутился в заросшем сорняками дворе, образованном покосившимся зданием фермы и двумя обветшавшими строениями — сараем и гаражом.

Непокрашенный, шаткий двухэтажный дом с выбитыми окнами смотрел на него невидящим взором. Дверь в сарай висела всего на одной петле, и угол ее был давно засыпан землей.

Однако гараж имел и другой, скрытый вид, хотя с первого взгляда он казался таким же мертвым. Создавалось впечатление, что он вот-вот разрушится, но более внимательный осмотр показал, что первое впечатление достигнуто его формой, а не ветхостью стен. Стены были во многих местах укреплены металлическими полосами бандажей.

Сломанная на вид дверь внезапно легко отворилась, и из гаража вышла гибкая стройная девушка в сером платье. Она смотрела на него, ослепительно улыбаясь.

У девушки были сверкающие глаза и нежное, чуть-чуть загорелое лицо, и, так как его мысли всегда были сконцентрированы в очень узком диапазоне, она сначала решила, что он просто человек.

Но она была с л э н о м!

Но ведь и он был с л э н о м!

Для Джомми Кросса, который уже так много лет тщательно обыскивал мир, с его всегда собранными мыслями, потрясение и обретение себя после этого потрясения произошли почти одновременно. Он знал, что когда-нибудь это должно было произойти. Он знал, что когда-нибудь обязательно встретит девушку-слэна. Но для Кетлин, которой никогда не нужно было прятать свои мысли, изумление было всепоглощающим. Она пыталась взять себя в руки, но так и не смогла этого сделать.

Редко используемый барьер в ее мозгу рухнул под тяжестью давления дисциплинированного, собранного интеллекта Джомми.

В обычном потоке ее мыслей была благородная гордость. Мозг ее был подобен открытой книге. Гордость и скромность. Скромность, основанная на глубокой нежности, на неизмеримом понимании, которое было таким же, как и у него, но лишенное закалки в бесконечной борьбе с опасностями. В ней была теплая добросердечность, несмотря на то, что она познала обиды и слезы и сталкивалась с неприкрытой ненавистью.

А затем ее мозг плотно закрылся, и она продолжала стоять молча, глядя на него широко раскрытыми глазами. Через некоторое время она снова открыла барьер, и до Джомми дошла ее мысль:

«Нам нельзя здесь оставаться. Я и так уже долго здесь сижу. Вы, вероятно, увидели в моем мозгу все, что касается полиции. Лучшее, что можно сделать, это как можно быстрее уехать отсюда».

Он продолжал стоять, глядя на нее сияющими глазами. С каждой секундой его сердце ощущало все большую радость встречи. Казалось, что с его плеч свалилась невыносимая тяжесть. Все эти годы многое зависело только от него самого. То грозное оружие, которое он хранил для грядущих дней, казалось ему прежде всего дамокловым мечом, занесенным как над человечеством, так и над расой слэнов и висящим на одной-единственной хрупкой нити его жизни. Теперь же будут две жизни, способные предотвратить надвигающуюся опасность.

Это была обычнейшая эмоция!

Мужчина и женщина, одни в мире, встретившиеся так же, как его отец и мать!

В ответ на ее мысли он покачал головой.

«Нет, не сразу. Я уловил в вашем мозгу что-то о машинах, находящихся в пещерном городе. Мне хотелось бы взглянуть на них.— Он успокаивающе улыбнулся.— Не беспокойтесь слишком сильно об опасности. У меня есть кое-какое оружие, равного которому нет у людей. Этот автомобиль является очень удобным средством для бегства. Он может пройти практически повсюду. Думаю, что в пещере ему найдется место».

«О, да. Сначала мы спустимся на нескольких лифтах, а затем сможем ехать на машине по городу куда угодно. Но мы не должны там слишком долго задерживаться. Мы...»

«Никаких «но»!»— счастливо засмеялся Джомми.

«Я действительно не думаю, что нам следует оставаться в этом месте. Я вижу в вашем уме, что у вас есть чудодейственное оружие и что ваш автомобиль сделан из металла, который вы называете десятикратной сталью. Но у вас есть слабость недооценивать людей. Вы не должны этого делать! В своей борьбе против слэнов люди, подобные Джону Петти, развили свой интеллект почти до нашего уровня. Кроме того, вы должны знать, что Петти не остановится ни перед чем, пока не уничтожит меня. Сейчас его розыскная сеть систематически сужается вокруг различных потайных убежищ слэнов, где я могу, по его предположению, оказаться».

Вокруг Джомми простиралась тишина пещерного горо-

да. Когда-то здесь жили слэны, но были изгнаны своими безжалостными врагами. По всем признакам, это было лет тридцать — пятьдесят назад, но угрожающая атмосфера борьбы, казалось, все еще продолжала висеть здесь. Оглядевшись, Джомми невольно поежился.

«По логике, мы должны внимательно следить за мыслями извне и не должны отходить слишком далеко от нашего автомобиля,— передал он.— Но меня все больше беспокоят ваши страхи. Постарайтесь найти в своем мозгу основания для таких страхов. Я не могу сделать это лучше, чем вы сами».

Некоторое время она молчала, а потом вдруг спросила вслух:

— Скажите мне, что такое десятикратная сталь?

— О,— удовлетворенно кивнул Джомми,— я начинаю понимать, какие психологические факторы здесь замешаны. Мысленная связь имеет много преимуществ, но не может донести степень разрушительной силы или другое абстрактное понятие, и не всегда так же точно может передать значение чего-либо, как это может сделать разговорная речь. Размеры, мощность, сила и другие параметры передаются не совсем хорошо.

— Продолжайте.

— Все, что я сделал,— продолжал Джомми,— это развил открытие отца. Открытие первого закона атомной энергии — концентрации, как средства, противоположного старому методу диффузии. Насколько мне известно, отец никогда не подозревал о возможностях изменения структур и свойств металлов. Подобно всем исследователям, которые идут вслед за великим ученым и его основным открытием, я сосредоточился на деталях его открытия. Так вот, применяя различные методы воздействия на структуру атомов и характер их взаимодействия в кристаллических решетках или в аморфном виде, мне удалось получить называемую мной десятикратной сталь, которая по прочности и некоторым другим характеристикам превосходит обычную сталь в десять раз. Три миллиметра такой стали предохраняют от воздействия наиболее мощных средств, известных как людям, так и недослэнам.

Он коротко описал свою попытку путешествия на Луну и столкновение с миной, которое заставило его отказаться от дальнейших полетов.

— Существенным является то, что даже атомная бомба, которая в состоянии взорвать гигантский корабль не-

дослэнов, не может разрушить тридцати миллиметровую броню из Д-стали моего корабля, как это и произошло в случае с миной в космосе, хотя на корпусе остались огромные вмятины, а от сотрясения были повреждены многие жизненно важные части корабля.

— Какая же я глупая,— тихо произнесла Кетлин.— Я повстречала величайшего из ныне живущих слэнов и стараюсь напичкать его страхом, который набрался за время моего долгого двадцатилетнего соприкосновения с людьми, с их ничтожными возможностями и способностями.

— Великий не я,— улыбаясь, покачал головой Джомми,— а мой отец, хотя и у него были свои недостатки, из которых самый большой — отсутствие надлежащей самозащиты.

Улыбка сбежала с его лица.

— Думаю, что нам придется слишком часто посещать эту пещеру, и хочу надеяться, что последующие поездки в этот район будут менее опасны, чем эта. Я очень недолго видел Джона Петти, но находящееся в его мозгу говорит о том, что это абсолютно безжалостный человек. Я знаю, что он ведет наблюдение за этим местом, но нам не надо бояться этого. Мы останемся здесь только до наступления темноты. И времени будет вполне достаточно, чтобы ознакомиться с имеющимся здесь оборудованием. В автомобиле есть немного еды, поэтому мы сначала поедим, а потом я отправлюсь для детального изучения этих мест.

— Ваша машина может летать?— спросила Кетлин.— Похоже, я что-то подобное прочитала в вашем мозгу.

— Может,— спокойно ответил Джомми.— До наступления темноты еще несколько часов. Можете себе представить, что радировали бы летчики на ближайший военный аэродром, увидев летящий по воздуху автомобиль. А если бы мы поднялись выше, нас непременно заметил бы патрульный корабль недослэнов, начиная, скажем, с семидесяти километров.

Любой командир тотчас же понял бы, кто находится в этом автомобиле, и непременно, не раздумывая, напал бы на нас. У меня есть оружие, чтобы уничтожить его, но я вряд ли смогу уничтожить десятки кораблей, которые прилетят позже. К тому же взрывная волна покончила бы с нами сразу после первого ракетного залпа, оставив автомобиль неповрежденным. Кроме того, я не могу добровольно поставить себя в положение, когда мне придется убивать

кого-нибудь. За всю свою жизнь я убил только троих людей, и с тех пор во мне постоянно росло отвращение к убийствам, пока в настоящее время оно не стало одним из самых сильных моих убеждений. Настолько сильным, что весь мой план поисков настоящих слэнов был построен на основе этой доминирующей черты.

— У вас есть план, как отыскать настоящих слэнов?

— Да. Фактически это очень просто. Все настоящие слэны, которых я знал — это мои мать и отец, я сам, а теперь и вы,— были добросердечными, хорошими людьми, людьми в хорошем понимании этого слова. И это несмотря на ненависть человеческих существ, их попытки уничтожить нас любыми средствами. Не могу поверить, что все мы, все четверо, являемся исключением. Следовательно, должно существовать какое-то логическое объяснение всех этих чудовищных актов, которые приписывают настоящим слэнам. Вполне может быть, что в этом деле замешаны недослэны, не знаю... Во всяком случае, мне нельзя делать какие-либо решительные ходы в игре, пока я не предприму дополнительных мер защиты от недослэнов.

— Теперь я понимаю, почему мы должны до темноты оставаться здесь.

Странно, но ему очень не хотелось, чтобы она затрагивала эту тему. Потому что — и он укрыл эту мысль от девушки — у него возникло предчувствие близкой опасности. Настолько близкой, что логика отметала ее. Но оставшийся мутный осадок заставил его сказать:

— Оставайтесь рядом с автомобилем и будьте все время начеку. Ведь мы способны нащупать человека на расстоянии в полкилометра от себя, даже если спим.

Но, как это ни странно, он не почувствовал успокоения.

— Я хочу осмотреть ваш автомобиль, можно?— спросила девушка.

— Ну конечно же!— рассмеялся Джомми и приглашающим жестом распахнул дверцу машины.

* * *

Причудливая, радостная мысль пришла из глубины его сознания: «Как замечательно, что он нашел еще одного слэна, такую чудесную и красивую девушку».

«И такого отличного молодого парня».

Была ли это его мысль, или ее? Это очень заинтересовало его.

«Это моя мысль, Джомми».

Как радостно переплести свой разум с другим привлекательным разумом настолько тесно, что поток мыслей кажется общим. И вопрос, и ответ, и все переговоры мгновенно вмещают в себя самые тонкие оттенки мыслей, которые нельзя передать посредством слов.

Возникла ли между ними любовь?

Как могут двое просто встретиться и полюбить друг друга тогда, когда, насколько им известно, в мире есть еще миллионы слэнов, среди которых есть, наверное, десятки других мужчин и женщин, которые при других обстоятельствах были бы выбраны в мужья или жены с большой охотой?

«Это не так, Джомми. Всю свою жизнь мы были одиноки в мире среди чужих нам людей. Найти наконец кровного родственника — это большая радость, а вот встреча с другими, даже со всеми слэнами где-то в будущем — это не то же самое. Мы собираемся вместе делить все наши надежды, сомнения, опасности и победы. Разве это не любовь?»

Он подумал, что это действительно так, и сознание его заполнило неизмеримое счастье.

Они сидели в машине уже больше часа, и только сейчас Джомми понял, как он устал. Все эти дни он был почти на пределе своих сил, он почти не спал вот уже несколько дней, а сейчас, похоже, засыпает...

Ему показалось, что все переполнявшее его счастье внезапно исчезло из сознания, осталась только черная пустота, которая стала бездонной пропастью, когда он взглянул в ее невообразимые глубины.

Проснувшись от испуга, он бросил тревожный взгляд туда, где должна была сидеть Кетлин. Откидное кресло было пустым. Его разум, еще не сбросивший остатки сновидений, устремился наружу.

«Кетлин!»

Девушка подошла к двери автомобиля.

— Я решила взглянуть на кое-какие приспособления, стараясь придумать, что бы из них пригодилось тебе в первую очередь.

Она запнулась, улыбнулась и поправилась:

— Нам в первую очередь.

Да, он не на шутку всполошился, когда она на минуту покинула машину. Он сделал предположение, что Кетлин привыкла жить в менее напряженной обстановке, чем он.

У нее была свобода передвижения и была, несмотря на угрозы, определенность положения, на которую она могла бы положиться. В его же печальном существовании постоянной присущей реальностью было то, что результатом малейшего ослабления бдительности была смерть. Каждый его шаг включал в себя определенную степень риска.

Теперь Кетлин придется приспособиться именно к такому образу жизни. Смелость в осуществлении своей цели перед лицом опасности — это одно. Небрежность — это совсем другое.

— Пока ты пойдешь в город для того, чтобы отобрать себе некоторые особенно необходимые тебе вещи, я приготовлю немного еды,— сказала Кетлин.

Джомми Кросс взглянул на хронометр и кивнул. До наступления темноты времени было вполне достаточно, чтобы совершить небольшую прогулку по городу.

— А где здесь ближайшая кухня?— поинтересовался он.

— Вон там,— она показала на длинную линию дверей, сделав жест рукой.

— Как далеко?

— Примерно сотня метров,— она нахмурилась.— Джомми, я ощущаю твое сильное беспокойство. Но если мы собираемся быть в одной упряжке, один из нас всегда должен что-нибудь делать одно, в то время как другой будет делать что-то другое.

Он с тяжелым сердцем посмотрел ей вслед, стараясь понять, будет ли приобретение партнера благоприятным для его нервов. Ему, который закалял себя в преодолении трудностей, нужно будет привыкать к мысли, что и ей тоже придется рисковать.

Правда, в данный момент никакой опасности не было. В городе слэнов стояла тишина. Ни звука, ни шелеста мыслей, если не считать Кетлин.

Разведчики, охотники и монтажники заграждений, которых он видел днем, сейчас, должно быть, в своих домах спят или отдыхают.

Он увидел, в какую дверь вошла Кетлин, и оценил расстояние метров в сто пятьдесят.

Джомми уже вылезал из машины, когда принял резкую, страшную, отчаянную мысль.

«Джомми, стена отворяется! Кто-то...»

Неожиданно ее мысли прервались, и она начала передавать слова какого-то человека.

«Ну, вот. Разве это не Кетлин?»— раздался удовлетворенный голос незнакомца.

«Это Джон Петти»,— отметило сознание Кетлин.

«И всего лишь в пятьдесят седьмом убежище, которое мне пришлось посетить. Я был во всех, потому что немногим из людей удается так скрывать свои мысли, что они не предупреждают слэнов о своем приближении. И, кроме того, разве можно доверить кому-нибудь такое важное поручение? Кстати, Кетлин, что ты думаешь о психологии строителей этого тайного хода в кухню? По-видимому, слэны тоже не очень доверяют друг другу, а?»

Повинуясь быстрым движениям пальцев Джомми, машина рванулась вперед. Он поймал ответ Кетлин, хладнокровный и неторопливый:

«Значит, вы все же нашли меня, мистер Петти. И что, я должна сейчас испрашивать у вас милосердия?»

Ледяной ответ устремился из ее мозга к Джомми Кроссу.

«Милосердие не является преобладающей чертой моего характера. К чему откладывать, раз уж представилась такая возможность!»

«Джомми, быстрей!»

Выстрел эхом прокатился из се мозга в его. На какой-то ужасный момент за счет невыносимого напряжения ее разум задержал наступление смерти, которую обрушила на ее тело крупнокалиберная пуля.

«О, Джомми, ведь мы могли быть такими счастливыми... Прощай, мой самый дорогой...»

С отчаянием и ужасом юноша почувствовал, как жизненная сила вспыхнула в последний раз в ее мозгу и погасла. Темная завеса смерти отгородила его разум от разума, принадлежавшего ранее Кетлин.

Глава 15

В мозгу Джомми Кросса не осталось места ни для мыслей, ни для надежд — его мозг сейчас воспринимал впечатления, а тело реагировало подобно совершенной телесной машине. Его автомобиль затормозил, и он увидел Джона Петти, стоявшего над неподвижным телом девушки.

«О, небо!— вспыхнули на поверхности мозга этого человека мысли.— Еще один из них!»

Полетели искры от непробиваемой брони машины. Ошеломленный неудачей, шеф тайной полиции отскочил назад. С его губ сорвался яростный крик. На какое-то мгновение вся лютая ненависть человечества к покушающемуся на его права противнику-слэну как в зеркале отразилась в жестоком выражении лица и в той напряженности, с которой его тело ожидало неминуемой, казалось, гибели.

Одно прикосновение к кнопке, и он превратится в ничто, исчезнет без следа. Но Джомми Кросс не шевельнулся и не издал ни единого звука. Его разум стал еще более холодным и безразличным. Его взгляд тускло устремился сначала на Петти, затем на тело мертвой Кетлин. И в конце концов пришла тщательно обдуманная мысль: единственный обладатель тайны атомной энергии — он, и поэтому он не имеет никакого права ни на любовь, ни на нормальную жизнь. Во всем этом мире дико ненавидящих друг друга людей и слэнов его удел — неотступная настойчивость в осуществлении своего высшего предназначения.

Из потайного хода стали выскакивать другие люди. Их автоматные очереди не причиняли никаких повреждений автомобилю. Среди ворвавшихся он обнаружил двух недослэнов, так как ощутил экранирование их мыслей. И заприметил, как один из них отбежал в угол и прошептал быстрое сообщение в радиопередающее устройство, прикрепленное к его запястью. Его слова заскользили по поверхности его сознания:

«...модель 7500, база — 5 метров, общий физический тип — 7, голова — 4, шея — 4, рот — 3, глаза — карие, брови — 13, нос — 1, скулы — 6... Конец!»

Он с легкостью мог бы сокрушить всех их, всю эту продажную мерзкую свору. Но в застывшую туманную область, в которую превратился его мозг, не могли проникнуть мысли о возмездии. В этом безумном мире он мог положиться только на безопасность своего вооружения и уверенность, которую оно придавало ему.

Он дал машине задний ход и со скоростью, превышающей скорость передвижения человека, направился к туннелю, который вел к подземному ручью, используемому для орошения подземных садов. Используя дезинтеграторы, он пробил проход почти до самой поверхности земли. Подниматься на поверхность он не решился, так как был уверен, что наверху его поджидают крейсера недослэнов.

Черные тучи опустились над ночным миром, когда

Джомми Кросс наконец появился на склоне холма. Он остановился, аккуратно замаскировал отверстие в земле, и взмыл в небо. Во второй раз за эти сутки он подключился к радиосети недослэнов.

«...только что появился Кир Грей и забрал тело. Получается, что организация змей опять позволила уничтожить одного из своих членов, не пошевелив пальцем для его спасения. Самый раз сделать соответствующий вывод из их неудач и прекратить рассматривать любые противодействия, которые они могли бы оказать осуществлению наших планов, как важный и значительный фактор. Тем не менее существует непредвиденная опасность, которую представляет собой этот самый Джомми Кросс. Нужно сразу же объяснить, что наши военные действия против людей должны быть отсрочены до тех пор, пока он не будет уничтожен.

Его неожиданное появление сегодня на сцене, однако, позволило нам извлечь выгоду из этого происшествия. Теперь у нас есть описание его машины и очень полное описание его физического типа. Как бы он ни пытался изменить свою внешность, он не сможет изменить структуру костей своего лица, и даже немедленное уничтожение им своей машины не уничтожит учетных данных о ней. Автомобилей модели 7500 было продано всего несколько тысяч. И хотя этот автомобиль был наверняка украден, его можно легко проследить.

Джоанне Хиллори, которая очень подробно изучила этого змея, поручено возглавить это расследование. Под ее руководством будут работать агенты, которые проникнут в каждый район Земли. На этой планете существуют такие местности, куда мы еще не проникали: маленькие долины, узкие полосы джунглей, обособленные сельскохозяйственные районы. Такие места должны быть закрыты, и на выходе из них должны быть поставлены заслоны.

У змей нет никаких шансов выйти с ним на связь, поскольку мы контролируем все средства коммуникации. И, начиная с этого дня, наши агенты начинают тщательную проверку каждого, кто имеет похожий физический тип лица и строение тела с разыскиваемым.

Это заставит Кросса держаться подальше от дорог и предотвратит случайное обнаружение им змей, а нам предоставится время, необходимое для поисков. Сколько бы это не отняло времени, мы обязаны найти убежище этого слэна. Неудача должна быть исключена.

Генеральный штаб заканчивает передачу».

Значит, война с миром людей тесно повязана с его судьбой и пока что для обоих наступила короткая передышка. Недослэны, конечно, найдут его. Один раз их уже подвел неучтенный фактор — его оружие, но теперь они знают об этом. И, кроме того, этот фактор нисколько не сможет повлиять на результаты поиска. На несколько минут он представил себе, как они вторгаются в его долину, и пришел к окончательному выводу, что только один факт говорит в его пользу. Скорее даже вопрос. Да, они обнаружат его, но сколько времени уйдет на это?

Глава 16

На это ушло 4 года. Джомми Кроссу было 23 года и 4 месяца, когда организация недослэнов неожиданно обрушилась на него с невообразимым неистовством.

Глядя на экран заднего обзора своего корабля, он увидел, что в долине полыхает пламя. Там был сущий ад, создаваемый не столько огневой мощью противника, сколько атомными минами Джомми. Взрывалось оборудование, стальные перекрытия, под неистовым потоком энергии плавился металл.

Пусть теперь пороются в этом оплавленном, искореженном месиве. Пусть теперь в их лабораториях потрудятся над тайной, к которой они так хищно стремились и, чтобы овладеть ею, даже рискнули выйти из подполья и продемонстрировать перед людьми часть своих достижений. Но в долине они ничего не смогут обнаружить!

Его заметили.

Четыре черных, как сама смерть, крейсера недослэнов одновременно повернулись в его сторону, а затем неожиданно зависли на месте, потеряв противника из вида. Дело в том, что сразу же после обнаружения ими своего корабля Джомми включил устройство невидимости. Заработали мощные генераторы, и вокруг его корабля создалось зеркальное поле.

Однако у недослэнов были детекторы атомной энергии, и они после некоторой заминки все же последовали за ним. Джомми заметил, что приборы отметили появление впереди еще нескольких кораблей противника, пытающихся перехватить его.

Только его не имевшие равных двигатели спасли его от

преследования этого огромного космического флота. Кораблей было так много, что он даже не смог подсчитать их. Противник произвел залп, скорректированный детекторами энергии, но промахнулся, так как в течение тех мгновений, когда он производил расчет данных стрельбы, Джомми молнией рванулся вперед и оказался вне зоны поражения.

Совершенно невидимый, двигаясь со скоростью около нескольких тысяч километров в секунду, его корабль держал курс на Марс! Впереди его ожидали минные поля, но они уже не могли остановить его. Прожорливые лучи дезинтеграторов, испускаемые из корабля, уничтожали мины до того, как они могли взорваться, и одновременно уничтожали все световые волны, которые могли бы выдать полет его корабля настороженным наблюдателям.

* * *

На его видеоэкране с расстояния в несколько миллионов километров Марс был уже крупным, сверкающим шаром, такой же величины, как Луна, наблюдаемая с Земли. Он рос, как раздувающийся баллон, пока его темная сторона не заслонила половину неба и потеряла свой красноватый оттенок.

На поверхности этой планеты уже можно было различить материки, горы, нагромождения скал, голые пространства равнин. Картина становилась все более унылой: в телескоп было видно, что это мертвая планета, изрытая оспой и, подобно старому человеку, покрыта морщинами, вся высохшая, безобразная, отталкивающая.

Темная местность, известная под названием Киммерийского моря, оказалась равниной, усеянной россыпями скал. Весь вид «моря» нагнетал невыразимую тоску.

Внезапно Джомми увидел город. Странную мерцающую картину под огромным мерцающим куполом... Вскоре показался еще один, затем третий...

Он пролетел далеко за орбиту Марса и отключил двигатели, чтобы низкая избыточная энергия не исходила ни из одной части его корабля. Это была простейшая мера предосторожности, продуманная им заранее. Постепенно гравитационное поле планеты стало оказывать все большее влияние на полет. Как бы нехотя огромный аппарат уступал неистощимому притяжению планеты и начал спускаться в направлении ее ночной стороны, вращаясь вокруг планеты по все более низкой орбите. Прошло несколь-

ко земных недель, прежде чем он включил антигравитационные пластины, которыми пользовался с тех пор, как установил на своем корабле усовершенствованные атомные двигатели.

* * *

День за днем он сидел без сна, наблюдая за видеоэкраном. Пять раз страшные шары из черного металла, атомные мины недослэнов, устремлялись к его кораблю, и каждый раз на долю секунды он оживлял свои дезинтеграторы, а затем с напряжением ожидал приближения патрульных кораблей, что могло бы случиться, если бы они засекли кратковременную вспышку энергии. Добрый десяток раз раздавался звонок предупредительной сигнализации, и на экранах вспыхивали огоньки, но вблизи его корабля патрульные крейсера не появлялись.

Внизу планета становилась все больше и больше, заслоняя всю нижнюю часть неба. Кроме городов, на ночной стороне планеты не было видно ничего.

Однако то тут, то там вспышки света указывали на какую-то деятельность, и наконец он нашел то, что искал. Просто одиночную точку огня, похожую на свечу, тускло мерцающую в бархатной мгле ночи.

Свет исходил из небольшого домика, в котором жили четверо недослэнов, обслуживающих автоматизированную шахту. В домике уже погас свет, когда Джомми вернулся на свой корабль, удовлетворенный тем, что это было как раз то, что ему нужно.

Темная мгла, как черная шаль, покрывала планету на следующую ночь, когда Кросс еще раз посадил свой корабль в ущелье, которое вело к шахте. Он осторожно приблизился к ее входу и вмонтировал в расщелину расположенной рядом скалы гипнокристалл.

Затаившись во тьме, Кросс стал ждать, когда кто-нибудь выйдет. Через двадцать минут дверь дома отворилась. Поток света изнутри высветил контуры высокого человека. Дверь закрылась, и человек с фонариком в руке направился к шахте. Внезапно он остановился, привлеченный светом, который отбрасывал кристалл, когда на него упал узкий луч света. Человек подошел ближе и нагнулся. Мысли его скользнули по поверхности сознания.

«Забавно! Утром этого кристалла здесь не было.— Он пожал плечами.— Видимо, откололся кусок скалы, за которым и находился этот кристалл».

Свет, отраженный кристаллом, завораживал человека, поэтому у Джомми было достаточно времени, чтобы тщательно прицелиться и выстрелить в темную фигуру из парализующего пистолета.

Сразу же после выстрела он бросился вперед, и уже через несколько минут оттащил человека далеко во тьму ущелья, чуть ли не к самому кораблю.

Начиная с этих минут, он проник в сознание поверженного недослэна, расшатывая существующий барьер. Это было медленным и нелегким делом, так как блуждать мыслью в мозгу потерявшего сознание человека напоминало ходьбу под водой — таким большим было сопротивление. Но все же он нашел то, что искал — коридор в сознании, проделанный лучом гипнотического кристалла.

Джомми быстро проследил этот коридор до самого его конца. Тысячи путей беспрепятственно открылись перед ним. Спокойно и тщательно он исследовал их все, не обращая внимания на маловероятные комбинации.

Восемь ключевых тропинок, пятнадцать минут — и в его руках шифр мозга недослэна! Кросс как бы щелкнул выключателем, набирая этот код, и недослэн по имени Мюллер, пришел в себя. Он тотчас же заблокировал свое сознание, но Джомми только рассмеялся.

— Не будьте нелогичны, Мюллер. Уберите экран!

Блокировка была снята, и недослэн с удивлением уставился на Джомми.

— Не понимаю, как вам это удалось,— сказал он нерешительно.— Должно быть, гипноз?

— Это довольно трудно объяснить,— холодно отозвался Кросс.— Этот метод может использовать только настоящий слэн.

— Настоящий слэн?!— потрясенно вымолвил Мюллер.— Значит, вы — Кросс???

— Да, так меня зовут.

— Вы, должно быть, знаете, что делаете, но ей-богу, я не могу себе представить, что вы ожидаете получить от контроля надо мной.

— Хватит ненужной болтовни,— резко прервал его Кросс.— Слушайте меня внимательно, Мюллер. Завтра у вас выходной день. Вы пойдете в статистическое бюро и выясните фамилии и местопребывание всех недослэнов с моими физическими данными...

Он прервал свою речь, потому что пленник рассмеялся.

— Дружище, я могу сказать это прямо сейчас. Эти люди были зарегистрированы в соответствии с описанием ваших данных еще несколько лет тому назад. Они постоянно находятся под наблюдением. Их всего 27 человек, которые до мелочей похожи на вас. Правда, все они женаты, так что не вижу, чем это может вам помочь. Но постойте... Один из них женат на женщине, которая недавно очень пострадала во время аварии на космическом корабле. Она, конечно, будет возвращена к жизни, но...

— Но на это уйдет несколько недель,— закончил за него Кросс.— Имя этого человека Бертон Корлисс. Он живет неподалеку от Киммерниума, столицы Марса, и работает на заводе космических кораблей. Так же, как и вы, Мюллер, он каждый четвертый день имеет выходной и навещает тело своей жены в госпитале.

— Люди совершенно правы, когда пытаются вырубить под корень всю вашу породу,— угрюмо произнес Мюллер.— Ведь должны же быть какие-то этические нормы в деле чтения мыслей. К счастью, приемники Норгрейва тут же обнаружат ваше присутствие, как только вы рискнете проникнуть в Киммерниум-сити!

— Да?— резко спросил Кросс.

Мюллер заговорил немного спокойнее, и мысли подтверждали каждое его слово.

— Передатчик Норгрейва генерирует мысли, а приемник Норгрейва их принимает! В Киммерниуме они установлены на каждом шагу. Это наша защита от шпионажа со стороны змей. Одна неосторожная мысль, Кросс, и тебе крышка!

— Еще один вопрос, Мюллер,— немного помолчав, сказал Джомми.— Я хотел бы знать, что вы собираетесь делать с людьми, когда начнете боевые действия с целью захвата власти на Земле?

— К черту этих муравьев,— равнодушно откликнулся недослэн.— Когда речь идет о нашем собственном существовании, какое нам до них дело?!

По мере того, как Джомми проникал в смысл произнесенных пленником слов, на душе у него становилось все тяжелее. Война!

«Только с помощью настоящих слэнов можно было бы предотвратить предстоящую бойню,— подумал с ожесточением Кросс.— И я должен, обязан их отыскать!..»

* * *

Ему не составило большого труда занять место Корлисса. Через несколько дней один Бертон Корлисс остался в пещере, погруженный в гипнотический сон, а другой сел в небольшой, покрытый красными полосами летательный аппарат и направился в Киммерниум-сити.

Через двадцать минут в небе сверкнул крейсер.

— Корлисс,— раздался голос по радио.— В ходе обычного наблюдения за слэнами, похожими на змею Джомми Кросса, мы ждали вас в этом пункте, и оказалось, что ваше опоздание от обычного графика полета по этому маршруту составляет около пяти минут. Поэтому приказываю вам последовать за крейсером до Киммерниум-сити, где вам предстоит пройти внеочередную проверку личности.

Глава 17

Вот так просто и нагрянула катастрофа. Нелепая случайность, хотя и неожиданная, но все же обидная. Шесть раз до этого Бертон Корлисс опаздывал, причем иногда даже на двадцать минут, и это оставалось незамеченным. Сейчас же пять минут неизбежной задержки — и длинная рука случайности ударила по последней надежде всего сущего на Земле.

Джомми Кросс уныло посмотрел на экран. Под ним были только скалы, в которых негде спрятаться от сопровождавшего его крейсера.

Конечно, какая-то надежда у него все же оставалась. Был пистолет-дезинтегратор — точная копия энергетического ружья настоящего Корлисса, а на руке блестело обручальное кольцо, в которое был вмонтирован атомный микрогенератор, который в нужный момент мог излучать смертоносную энергию. Два вида оружия, дюжина гипнокристаллов — вот и все, что было у него для того, чтобы остановить войну.

* * *

Сто пятьдесят километров непреодолимых нагромождений скал, зазубренных хребтов — и вот уже впереди засверкал купол Киммерниум-сити.

Город был не очень большим — да и вряд ли мог существовать большой город в этой страшной пустыне. Его купол имел форму полуэллипса с диаметром около пяти и трех десятых километра. Согласно данным, полученным от

Мюллера и Корлисса, в нем жило около двадцати тысяч недослэнов.

Посадочная площадка была там же, где ей и полагалось быть. Это была громадная металлическая плита, выступающая из края купола, достаточно широкая для приема большого крейсера. Она вся была изрезана сверкающими полосами рельсов, которые по высоте не превышали нескольких сантиметров. Его аппарат без труда сел на одну из тележек под номером 9974. Одновременно с этим огромный корпус сопровождающего боевого корабля устремился в сторону моря и исчез из виду за громадой купола.

Автоматически управляемая тележка покатилась к большим стальным воротам, которые на мгновение раскрылись перед нею.

Кросс остановился посреди огромного ангара, небрежно вылез из аппарата и вежливо поклонился трем недослэнам, которые уже ожидали его. Старший из них вышел вперед, улыбаясь.

— Ну, что ж, Бертон, вот вы и заработали себе еще одну проверку. Правда, можете не беспокоиться, все будет сделано очень быстро. Обычные продолжительные процедуры — отпечатки пальцев, рентгеноскопия, анализы крови, химическая реакция кожи, исследование волос под микроскопом — проводиться не будут.

Среди едва различимых мыслей в его мозгу Кросс уловил предвкушение чего-то необычного. Но ему не требовалось знать их мысли. Никогда раньше он не был столь собранным, способным различать малейшие оттенки в окружающей действительности. Он только коротко спросил:

— Разве теперь химическая реакция кожи вошла в объем обычной проверки?

Никто из них и не подумал извиняться за этот маленький подвох, не появилось в мыслях и следа разочарования и неудачи. Да и Джомми совсем не радовался этой своей первой победе. Что бы ни случилось на этой первой стадии, он все равно не смог бы в дальнейшем пройти тщательную проверку личности, используя только те данные, которые получил, основываясь на анализе информации, извлеченной из мозга Мюллера и Корлисса.

Один из недослэнов, по имени Прентис, произнес:

— Прошу сдать ваше оружие, Бертон.

Кросс беспрекословно повиновался. И они опять застыли в ожидании — старший, Ингрэхем, вежливо улыбаясь, Брэдшоу, младший, глядя на него немигающими серыми

глазами. И только Прентис, казалось, выглядел равнодушным, засовывая в карман пистолет Джомми. Но именно их молчание, а не действие, обеспокоило Джомми. Не было слышно ни звука, ни проблеска разговора или мысли. Весь ангар был похож скорее на кладбище, и на какое-то мгновение показалось совершенно невероятным, что за этими стенами весь город гудит, готовясь к войне. Джомми набрал нужный шифр и увидел, что тележка с его аппаратом беззвучно заскользила по горизонтальным направляющим, а затем далеко вверх, под самый потолок. Раздался металлический щелчок, раскрылись дверцы секции и корабль занял свое место в этом импровизированном гараже. Дверцы закрылись, и в ангаре снова наступила тишина.

Внутренне смеясь над тем, как они следили за ним, ожидая хотя бы малейшей ошибки в процедуре, Кросс двинулся вперед к выходу. Он открыл дверь в ярко освещенный коридор и, обернувшись, спросил:

— Надеюсь, вы позвонили в госпиталь и предупредили врачей, что я немного задержусь?

Ингрэхем засмеялся и покачал головой:

— Никакой задержки не будет, Бертон. Мы тоже хотим как можно быстрее доставить вас в госпиталь. Сущность нашей проверки проста: если Корлисс — замаскированный Кросс, то оживление мисс Корлисс тотчас же после прихода в сознание в его присутствии может иметь трагические последствия. Причина, по которой истинный Корлисс должен находиться в операционной,— элементарна. Он легко может распознать что-то неладное в ходе восстановления разума жены, так как между ним и ею всегда присутствовал эмоциональный контакт. Сигнализируя об этом хирургам, он может предотвратить нежелательные последствия. Но это также означает, что мисс Корлисс тотчас же после прихода в сознание может определить, кто перед ней — муж или просто физический двойник.

— Что-то вы перемудрили с этой проверкой,— усмехнулся Джомми.— А если лже-Корлис, читая мысли этой женщины, будет активно вмешиваться в ее действия?

— Вы, кажется, забыли, Бертон,— оскалил зубы Ингрэхем,— что существует аппаратура Норгрейва. Думаю, что она остановит даже Кросса!

Джомми промолчал. Он всецело проанализировал проблему, связанную с аппаратурой Норгрейва, только что упомянутой. Наличие ее, конечно, представляло определенную опасность, но ведь это всего-навсего машина.

Строжайший контроль над своими мыслями может значительно уменьшить опасность с этой стороны.

А вот встреча с мисс Корлисс — совсем другое дело. Родство душ между восприимчивыми мужем и женой легко можно было понять. Для него была ужасна мысль, что он может стать причиной гибели мозга этой женщины-слэна. Он должен каким-то образом спасти ее рассудок, однако при этом он должен спасти и себя!..

Огромные толстые стальные стены коридора, по которому они шли, показывали, с каким почтением здесь относятся к настоящим слэнам. Мир людей будет атакован только из-за страха этих недослэнов, и в этом была ирония грядущей трагедии.

«Если я прав,— подумал Джомми,— и в настоящее время слэны живут среди недослэнов так же, как недослэны в свою очередь живут среди людей, то тогда все эти приготовления направлены против врага, который уже одолел эту массированную оборону».

Они остановились у ниши в стене, куда выходила дверь лифта. Находясь в лифте, который стремительно мчался вниз, Джомми незаметно вынул из кармана один гипнотический кристалл и бросил в урну для мусора, которая была укреплена в одном из углов кабины. Юноша заметил, что недослэны заинтересованно смотрят на него.

— Набрал дюжину этих штуковин,— со смехом объяснил он,— но теперь думаю, что они мне ни к чему. Все сразу выбросить жаль, вот и приходится бросать по одной, чтобы не было так жалко.

Ингрэхем наклонился и поднял один кристалл.

— Что это?

— Причина моей задержки...

Недослэн задумчиво посмотрел на Кросса и уже собрался было снять с кристалла защитную оболочку, предохраняющую владельца от воздействия гипноизлучателя, но тут лифт внезапно остановился и Ингрэхем решительно засунул занимательный на вид кристалл в карман.

— Я сохраню это,— сказал он.— Корлисс, вам выходить первому.

Кросс не колеблясь вошел в широкий мраморный коридор. К нему подошла женщина в белом халате.

— Вас вызовут через несколько минут, мистер Корлисс. Пожалуйста, подождите здесь,— и она исчезла за дверью.

— Это дело с мисс Корлисс меня очень беспокоит,— сказал Ингрэхем своим товарищам.— Был бы я на месте

Джоанны Хиллори, я бы сначала провел с этим типом процедуры обычных испытаний.

Прентис покачал головой.

— Неужели ты думаешь, что обычные процедуры дадут результат? Ведь в уме-то Кроссу не откажешь. Так не думаешь ли ты, что за те долгие годы, пока мы подбирались к его убежищу, он не нашел лучшего способа скрыть свои завитки, как только надеть парик? А?

— И все же я хотел бы попробовать на прочность его волосы,— настаивал Ингрэхем.

Кросс рассмеялся.

— Пожалуйста! Я уверен, что вы убедитесь, что это мои подлинные волосы, а не парик.

Конечно, это было так. Он нашел довольно простое и эффективное средство, способное расправлять его завитки-антенны. Правда, применение этого вещества требовало дозированной периодичности. От чрезмерного употребления этого химического средства могло произойти непоправимое — сгореть корни завитков.

— По сути дела это ничего не меняет,— вмешался в разговор Брэдшоу.— Я согласен с Прентисом. А вот и доктор. Ну, как, доктор? Все в порядке?

Палата была большая, серая, заполненная тихо работающими механизмами. Пациент не был виден, но внутри палаты был расположен продолговатый металлический ящик: что-то вроде обтекаемого саркофага, один из концов которого был направлен к двери. Другого конца Кросс не мог видеть, но догадывался, что из той дальней грани должна торчать человеческая голова.

К крышке ящика было прикреплено множество различных трубок и проводов. Рядом с головой женщины был расположен богатый выбор хирургических инструментов.

С того места, где врач велел ему остановиться, Кросс мог видеть голову женщины на фоне аппаратуры Норгрейва. Даже не ее голову, а бинты, которыми она вся была обмотана. И в эту толщу бинтов шел толстый кабель от пульта управления.

Ее мозг был неэкранированным. Он еще не достиг степени интеграции, но Джомми все же решил начать осторожное сканирование этого несчастного разума. Обрывки мыслей шевелились в мозгу женщины:

«Борьба... оккупация...»

Происхождение слов легко объяснялось тем, что она

была военным командиром, но этого было не вполне достаточно, чтобы полностью уловить смысл.

«Июнь... определенно июнь... сможем расчистить до прихода зимы и тем самым... уменьшить ненужные потери от мороза... неурядицы... десятого июня... значит, договорились...»

Он мог бы восстановить пробелы в ее памяти с помощью гипнотического внушения, но это повлекло бы за собой вероятность его обнаружения аппаратурой Норгрейва. Приходилось довольствоваться тем, что имелось.

Итак: десятого июня — день нападения на Землю! Сейчас, по земному календарю — четвертое апреля. Два месяца!.. Месяц для перелета на Землю, и месяц для... Для чего?

Он вновь сосредоточился. Через несколько минут начнется проверка! Несмотря на успешную попытку задержать проверку, несмотря на частичный успех, когда ему удалось передать в руки одного из конвоиров гипнокристалл, полоса везения на этом, похоже закончилась. Ингрэхем оказался недостаточно любопытным, чтобы извлечь кристалл из кармана и раскрыть его обертку. Он, конечно, мог бы осуществить еще одну попытку, но это будет уже от отчаяния: любой недослэн станет подозрительным, увидев вторую попытку, под каким бы предлогом она ни была сделана. Мозг его застыл в состоянии чистого восприятия, когда почти неслышный голос раздался из приемника на руке Ингрэхема:

«Независимо от того, завершена проверка или нет, препроводите Бертона Корлисса немедленно ко мне. Все ранние приказы этим отменяются».

— О'кей, Джоанна!— громко ответил Ингрэхем и повернулся.— Вас сразу же отведут к Джоанне Хиллори, Бертон, к специальному военному комиссару.

— А как же моя жена?— делая растерянный вид, изумился Кросс.— И зачем это я ей понадобился?

— Джоанна — единственная из нас,— сказал Прентис,— кто провел несколько часов с этим хитрым змеем Кроссом. Благодаря опыту она и получила назначение на этот пост. Хиллори руководила поисками укрытия Кросса и, хотя они и увенчались успехом, в самом начале предсказала их неудачу взять в плен этого слэна. В дополнение ко всему, она написала объемистый отчет, где с мельчайшими подробностями описала часы, проведенные в его обществе. Если вы Кросс, она ровно за минуту узнает об этом.

Джомми пока что не смог оценить замечание недослэна, но почувствовал, что, по всей вероятности, он говорит правду.

* * *

По пути в военный комиссариат Джоанны Хиллори он был занят только одним. Город, его архитектура, планировка юношу не интересовали. Ему были интересны только люди. Их здесь были тысячи — в домах, в автомобилях, на улицах. Тысячи разумов в пределах досягаемости одного, ничего не упускающего ума, который искал одного настоящего слэна.

Но их здесь не было. Ни одного обнадеживающего обрывка мысли. Ни одного разума, который не был бы уверен в том, что его носитель не является недослэном. Надежда Джомми, что здесь могут быть настоящие слэны, была поколеблена. А может быть, где бы ни были настоящие слэны, их защита настолько сильна, что ее не может преодолеть даже специально тренированный настоящий слэн? Зачем же тогда все усилия?

— Здесь,— тихо сказал Ингрэхем.

— Заходите, Корлисс,— сказал Брэдшоу.— Мисс Хиллори хочет сейчас поговорить с вами!

Ее кабинет был просторным и уютным и напоминал больше жилую комнату, чем деловой оффис. На полках было множество книг. Возле одной из стен располагался небольшой электрифицированный бар, на полу лежал пушистый ковер. У другой стены — диван скромной расцветки. И, наконец, большой полированный стол, за которым сидела гордая, улыбающаяся, пышущая молодостью и красотой женщина.

Он с удивлением заметил, что ее глаза нетерпеливо блестели, и это показалось юноше неуместным. Джомми сосредоточился. Скоординированная сила его восприятия постепенно выявила в выражении ее лица торжество и подлинную радость. Его мозг стал осторожно проникать в ее разум, отыскивая узкие щели в защитном барьере, поглощая любую утечку мыслей, анализируя каждый оттенок, и с каждой секундой росло его изумление. Ее улыбка расплылась в истинной радости, а затем барьера вообще не стало. Ее разум лежал перед ним, открытый его взору. Одновременно с этим в мозгу женщины сформулировалась мысль:

«Вникай глубже, Джон Томас Кросс, и прежде всего знай, что все аппараты Норгрейва в этой комнате и побли-

зости от нее отключены! Знай также, что я твой единственный друг в мире и что я велела привести тебя ко мне, предвидя, что такой проверки тебе не пройти. Я наблюдала за тобой с помощью приемников Норгрейва, и в конце концов поняла, что это ТЫ. Не спеши, изучи тщательно мой мозг и удостоверься, что намерения мои истинно дружеские. Но не забывай, что для того, чтобы спасти тебе жизнь, нам необходимо действовать быстро!»

Его сознанию была чужда доверчивость. Несколько минут он пытался выяснить те главные причины, которые могли бы объяснить это чудо. Наконец он тихо произнес:

— Значит, вы поверили в идеалы пятнадцатилетнего юноши... приняли огонь из рук юного эгоцентриста, который предлагал только...

— Надежду!— закончила она.— Ты принес надежду перед тем, как я достигла той точки, когда большинство слэнов становятся суровыми и безжалостными. «Человеческие существа,— говорил ты.— А что же будет с людьми?» И потрясение от этого и от многого другого повлияло на оздоровление моих взглядов и на отношение к людям. Я умышленно исказила описание твоей внешности и психики. Ты, возможно, удивишься, как мне удался такой обман? Он удался, потому что я не являюсь экспертом в области психологии. Я, конечно, им не была, но по памяти могла бы дать твою точную копию. Считалось, что я стала изучать все, что имело хоть малейшее отношение к проблеме Кросса. Поэтому считай, что с этого мгновения у тебя есть компаньон для осуществления твоей миссии. Как тебе помочь?

— Все, что мне сейчас нужно,— кивнул Джомми,— это немного времени и способ передать некоторое количество кристаллов в руки Ингрэхема и его друзей.

— Что это за кристаллы?— поинтересовалась Джоанна.

— Прошу вас, не перебивайте меня,— нетерпеливо мотнул головой Джомми.— И то, и другое дали мне вы. Нам также нужен парализующий пистолет из ящика в вашем столе. А затем позовите моих сопровождающих сюда, по одному.

Одним быстрым движением она выхватила пистолет.

— Стрелять буду я!— сказал она.— Что теперь?

Кросс мягко улыбнулся ее горячности и почувствовал странное изумление перед тем, как все обернулось. Неожиданно частица огня передалась и ему. Глаза юноши заблестели.

— Скажите, мисс, существует ли способ, которым я мог бы пробраться на Землю? Я прочел в мозгу настоящего Корлисса что-то о проекте переброски на Землю всех недослэнов, похожих на меня. Это может быть сделано?

— Да, решение зависит только от меня.

— Тогда,— печально сказал Кросс,— настало время для решительных действий. Мне необходимо быть на Земле. Я должен встретиться с Киром Греем!

Ее красивый рот озарила улыбка, но в прелестных глазах сквозила печаль.

— Как же ты намереваешься приблизиться ко дворцу?

— Моя мать часто рассказывала о секретных подземных ходах под дворцом. Возможно, ваша статистическая машина знает расположение некоторых ходов.

— Машина!— воскликнула женщина.— Да, она многое знает! Действительно, это идея. Пойдем со мной.

Он последовал за ней в другую комнату, стараясь не отставать от нее среди стеллажей, заполненных толстыми блестящими металлическими пластинами. Это было Статистическое бюро и эти пластины были запоминающими устройствами, выдававшими сведения при нажатии соответствующей комбинации кнопок. Никто не знал — по крайней мере, как информировал его Корлисс,— сколько бит информации было в этом хранилище. Его привезли на Марс с Земли, а информация, заложенная в нем, простиралась в глубь истории до самых первых дней существования слэнов.

— Я хочу тебе кое-что показать,— сказала Джоанна.

Она взяла пластину с надписью «Самюэль Ленн», а также вторую — «Естественная мутация», и, вставив их в воспроизводящее устройство, нажала кнопку включателя. На мерцающем экране появился текст:

«Выдержки из дневника Самюэля Ленна... 1 июня 2071 года. Сегодня я еще раз осмотрел троих детей и, нет сомнения, что это совершенно необычная мутация. Мне доводилось видеть людей с хвостами. Я осматривал кретинов и идиотов, а также уродов, которых так много появилось в последнее время. И я внимательно изучал эти удивительные, иногда чудовищные отклонения от общечеловеческой нормы. Но здесь нечто полностью обратное этим ужасам. Это улучшение человеческой породы!

Две девочки и мальчик. Какая грандиозная и великая случайность! Если бы я не был хладнокровным рационалистом, правомерность того, что произошло, сделало бы меня

лепечущим поклонником в храме метафизики. Две девочки для воспроизводства их рода, и один мальчик — их будущий муж. Мне нужно воспитать их так, чтобы они с детства прониклись этой мыслью».

«2 июня 2071 года»,— появилось на экране, но Джоанна Хиллори нажала на другую кнопку, сделала какие-то переключения, и на экране появилось:

«7 июня 2073 года.

Проклятый журналист сегодня опубликовал статью о моих подопечных. В своей писанине этот невежда заявил, что я испытал на их матерях какую-то машину. О, боже, я ведь даже не знал этих женщин до тех пор, пока у них не родились дети. Похоже, что мне придется убедить эти семьи уехать куда-нибудь в провинцию. Может случиться что угодно, когда существуют такие люди, подверженные эмоциям, суеверные ослы».

Джоанна еще раз переключила кнопки на пульте.

«31 мая 2088 года.

Сегодня им исполнилось по 17 лет. Девочки всецело приняли идею брака со своим братом. Что ж, это еще раз подтверждает, что мораль в конечном итоге зависит от воспитания. Я хочу, чтобы этот брак состоялся, хотя в прошлом году я обнаружил еще нескольких таких же подростков. Считаю, что было бы неразумно дожидаться, когда они повзрослеют. Перекрестные браки можно начать и позже».

«18 августа 2090 года.

Каждая из девочек родила тройню. Замечательно! При таком темпе воспроизводства период, когда случайность может уничтожить эту мутацию, вскоре будет сведен до едва различимого минимума. Несмотря на то, что такие же случаи произошли во многих местах, я постоянно внушаю детям, что их потомки будут будущими властелинами мира...»

* * *

Вернувшись в кабинет, Джоанна Хиллори взглянула в его лицо и сказала:

— Теперь ты видишь, что нет и никогда не было мутационной машины, воспроизводящей слэнов. Все слэны являются результатом природной мутации.

Затем она резко перескочила на другую тему.

— Наиболее удобный вход во дворец расположен в том месте, где находятся знаменитые скульптуры. В парке, в

двух милях от внешней границы дворца. Но это место всегда ярко освещено и находится под прицелом орудий первой линии охраны. Первые же две мили парка контролируются пулеметными точками и танковыми патрулями.

— А как насчет пистолета? Мне разрешат иметь его при себе?

— Нет! План перемещения на Землю людей, похожих на тебя, включает их разоружение!

Кросс нахмурился.

— Что же из себя представляет Кир Грей по вашим наблюдениям?

— Необычайно одарен по человеческим меркам. Тайное наблюдение за ним показало, что это человек, так как у него только одно сердце! Меня интересует только одно — как ты расцениваешь свои шансы попасть во дворец?

Джомми покачал головой и невесело улыбнулся.

— Когда ставка велика, соответствующим ей должен быть и риск. Естественно, я пойду один. А вам, мисс,— он хмуро взглянул на нее,— я оказываю великое доверие, указав, в какой пещере находится мой корабль. Он должен до десятого июня быть отправлен на Землю. Корлисс также должен быть освобожден; а теперь, пожалуйста, велите Ингрэхему войти сюда.

Глава 18

Река показалась шире по сравнению с тем временем, когда Кросс в последний раз видел ее. С тяжелым сердцем смотрел он на пятисотметровую ширину бурлящих вод. В быстром течении реки плясали отражения удивительных огней дворца. В кустах, где он снял одежду, был еще запоздалый весенний снег, и он пощипывал его голые ноги, пока юноша раздевался.

Он старался очистить свой разум от каких-либо мыслей. Внезапно он ощутил всю трагичность своего положения. У него было много всякого оружия, но он совершенно не использовал его, хотя и мог. Теперь же только кольцо на пальце с крохотным атомным генератором и жалким радиусом действия около одного метра — это все, что осталось у него от всех усилий за многие годы.

Тени деревьев на том берегу закрыли почти половину реки. Тьма испещрила полосами рябь на поверхности реки, которая отнесла его ниже по течению метров на пять-

десят, пока последние мощные гребки не вынесли его на мелководье.

Он залег, отметив в своем сознании мысли, пришедшие от двух пулеметчиков, спрятавшихся за деревьями. Он осторожно вылез под покров прибрежного кустарника и натянул одежду. Затем снова лег, терпеливый, как старый тигр, подкрадывающийся к добыче. Нужно было пересечь прогалину. Но вот появилось мгновение, когда бдительность охраны ослабла. Он покрыл полсотни метров за три с половиной секунды. Один из них так никогда и не узнает, что ударило его. Другой резко повернулся, но не смог избежать удара в челюсть, который поверг его наземь. Пятнадцать минут гипноза при помощи кристалла — и вот оставшийся в живых уже под контролем Джомми.

Кросс саркастически хмыкнул про себя. Пятнадцать минут! Четыре человека в час. Это исключает любую возможность овладеть дворцом, где находятся не менее десяти тысяч человек.

Он отдал приказ пленнику. Тот взял пулемет и лег позади него. Ему был известен каждый дюйм этого парка. Солдат знал также, когда танковый патруль будет делать объезд. В армии не было лучше солдат, чем в дворцовой охране. За два часа под его командой оказалась дюжина опытных бойцов, скользящих, как тени, бесшумно делающих свое дело, вымуштрованных так хорошо, что им нужна была лишь негромко сказанная команда.

Еще три часа и у него семнадцать человек. Среди них полковник, капитан и лейтенант. Впереди еще длинный кордон из изысканных скульптур, искрящихся фонтанов и сверкающих огней, которые означают одновременно и его цель и конец сравнительно простой фазы операции.

Первый проблеск зарождающейся зари показался в восточной части неба, когда Джомми залег со своей маленькой армией в тени кустов в четверти мили от ярко освещенного пространства. Он видел темную линию деревьев на другой стороне, где были скрыты укрепления.

— К несчастью,— сказал полковник,— нет ни единого шанса провести их. Юрисдикция нашего подразделения заканчивается здесь. Без пропуска запрещено выпускать людей из десятка ограниченных округов, и даже пропуском можно воспользоваться только в дневное время.

Кросс нахмурился. Он не ожидал таких мер предосторожности и понял, что их строгость недавнего происхождения. Атака недослэнов на его долину, хотя никто и не

поверил диким крестьянским фантазиям, что это космические корабли, усилила осторожность и бдительность охраны. Но это уже не могло остановить его.

— Капитан!

— Да?— высокий офицер подполз к нему.

— Капитан, вы больше других похожи на меня. Вы должны поменяться со мной одеждой. А потом прикажите всем присутствующим здесь вернуться к своим прежним обязанностям.

Он подождал, пока все они не исчезли во мраке, а затем встал и со строгой выправкой капитана вышел на свет. Десять шагов, двадцать, тридцать...

Фонтаны были уже почти рядом, однако вокруг было слишком много искусственного света и слишком много пульсаций различных разумов, которые мешали ему нащупать ту единственную волну, к которой он так страстно стремился. Конечно, если только эта чертова штука была все еще здесь после сотен бурных лет. Если же ее не стало, только бог сможет ему помочь.

Сорок шагов, пятьдесят, шестьдесят... Затем его возбужденный мозг уловил шепот. Вибрацию крохотного устройства.

«Любому слэну, который смог добраться сюда: здесь тайный вход во дворец. Скульптура, изображающая букет из пяти цветов, на белом фонтане, точно на северной стороне имеется кнопка, которая приводит в действие потайную дверь. Шифр кнопки...»

Он знал, точнее знала статистическая машина, что привод входа находится в фонтане, но не более того; теперь же...

Грубый голос из громкоговорителя, спрятанного среди больших деревьев, разорвал тишину:

— Кто там шатается? Что вам нужно, капитан? Возвращайтесь к своему командиру, получите пропуск и возвращайтесь утром. Выполняйте!

Но он был уже у фонтана. Его проворные пальцы коснулись северного цветка. Еще несколько мгновений — и он набрал нужный код. И тут же из другого передатчика Норгрейва раздалась следующая инструкция.

«Дверь уже открыта. Это необычайно узкий туннель, идущий в кромешной тьме. Вход в него находится в центре группы конных скульптур в ста метрах к северу. Смелее!»

Но храбрости Кроссу было не занимать. Не хватало

времени. Сто метров севернее, в направлении дворца, в сторону грозных укреплений.

Кросс коротко нервно рассмеялся.

Древний скульптор дворца не мог догадаться, в какой ад превратятся эти сто метров всего лишь через сто лет. Юноша продолжал продвигаться вперед, не обращая внимания на грубый голос из динамика.

— Эй, ты, там... остановись сейчас же, или мы стреляем! Возвращайся в свое подразделение и передай командиру, чтобы он арестовал тебя! Живо!

— У меня очень важное донесение,— отозвался Кросс, стараясь подражать голосу капитана.— Крайняя необходимость заставила меня пойти на такое грубое нарушение.

Они все же не считают, что один человек может быть существенно опасен. Только этим можно объяснить тот факт, что он до сих пор жив и продолжает идти.

— Никакая крайняя необходимость не оправдывает такое вопиющее нарушение порядка. Возвращайтесь немедленно к своему подразделению! Предупреждаю вас в последний раз!

Но он продолжал идти вперед! Уже стало видно маленькое черное отверстие потайного хода.

Внезапно до него донесся из-за деревьев слабый отрывок мысли. Кто-то сказал:

— Сержант, проверь-ка на нем прицел своей винтовки.

— Слушаюсь, сэр.

— Целься сначала в ноги, а потом в голову!

Сцепив зубы, Джомми прыгнул ласточкой над землей, подняв руки над головой... и приземлился точно в туннеле. Вертикальные стены хода всего несколько секунд касались его одежды, когда он ногами вперед съезжал вниз.

Под ногами пол был гладким как стекло, и только после того, как он упал несколько раз подряд, Джомми решил отказаться от вертикального положения при ходьбе. Как только он стал на четвереньки, трение возросло и он почувствовал, что начал скользить вперед по наклонному полу туннеля. Впереди показался свет, и он неожиданно оказался в низком, тускло освещенном помещении, точнее коридоре.

Он все еще продолжал скользить вниз, но по замедлению скорости понял, что пол выравнивается. Его путешествие подходило к концу. Свет исходил из маленькой, единственной лампочки, светившей так слабо, что ее свет едва достигал пола, смешиваясь с тьмой. Кросс встал и

увидел надпись, которая была на такой высоте стены, где ее можно было прочесть, хоть и с большим трудом.

«Сейчас вы находитесь в трех километрах от поверхности земли. Туннель позади вас блокирован стальными и бетонными плитами, которые опускаются по очереди после того, как вы проходили контрольные датчики. Для того, чтобы попасть во дворец, нужно не менее часа. Под страхом суровых наказаний слэнам запрещено появляться во дворце. Остерегайтесь!»

У него запершило в горле. Несмотря на все старания, он все же чихнул. Слезы побежали по щекам. Освещение стало более тусклым. Кросс нагнулся и провел рукой по полу. На нем лежал толстый мягкий ковер пыли. Джомми взглянул вперед по коридору, стараясь заметить какие-нибудь следы, но повсюду была только пыль. За многие годы ее накопилось не менее дюйма.

Прошли бесчисленные годы с тех пор, как здесь была установлена эта предупреждающая надпись с туманной угрозой. Теперь опасность стала гораздо более явной. Люди знали, где искать потайной ход. Но прежде чем они обнаружат человека, воспользовавшегося им, он должен пренебречь этой надписью слэнов и проникнуть во дворец, чтобы добраться до Кира Грея!

Не обращая внимания на постоянную щекотку в носоглотке, Джомми Кросс двинулся вперед через бесчисленное множество дверей, коридоров и больших, величественных залов.

Вдруг он услышал тихий металлический щелчок позади себя. Резко повернувшись, он увидел, как цельный лист металлической двери мягко опускается в том месте, где он только что прошел, образуя гладкую прочную стену.

Кросс на мгновение окаменел, превращаясь в чувствительный механизм, воспринимавший все внешние раздражители и впечатления. Коридор был узким и длинным и впереди заканчивался тупиком, таким же монолитным. В тишине резко прозвучал еще один щелчок и стены коридора стали постепенно приближаться одна к другой, угрожая расплющить попавшего в эту мышеловку человека.

Кросс стал хладнокровно осматривать западню, понимая, чем она ему грозит. На противоположных стенах он внезапно увидел углубления до двух метров высотой, каждое из которых было выполнено в виде человеческой фигуры и могло вместить только одну его половину.

Джомми печально улыбнулся, следуя своим мыслям.

Через несколько минут стены сомкнутся, и единственным для него спасением будет место, где смыкаются два углубления. Очень искусная ловушка. Портативная тюрьма для слишком нахальных посетителей.

Правда, энергия кольца на пальце, возможно помогла бы ему расчистить путь через эти смыкающиеся стены, но что-то удерживало его от этого шага и заставило ждать до конца.

Как далеко будет он перемещен в этой «кабине»? Как дальше будет вести себя автоматическая ловушка? Он более внимательно осмотрел выемки в стенах. Дважды его кольцо вспыхнуло яростным пламенем. В первый раз пламя уничтожило захваты для рук, которые должны были сработать после смыкания стен, а во второй — значительно расширило оба углубления, дав возможность более свободно чувствовать себя в металлическом саркофаге.

Когда между стенами остался зазор всего сантиметров тридцать, в полу открылась щель шириной в ладонь. Еще несколько минут, и обе стены с лязгом сомкнулись.

Наступила тишина. Затем раздался слабый звук включившихся двигателей, и Кросс почувствовал быстрое движение вверх.

Оно длилось несколько минут, затем скорость подъема стала уменьшаться и движение совсем прекратилось. Еще секунда — и небольшой отгороженный отсек, в котором он стоял, начал медленно вращаться. Когда вращение прекратилось, на уровне лица юноши открылось прямоугольное отверстие, через которое было видно какое-то помещение.

За письменным столом сидел мужчина могучего телосложения с поседевшими висками и морщинистым от возраста лицом. Но не было в мире никого, кто не узнал бы это вытянутое лицо, этот пронизывающий взгляд, жесткость, которую нельзя было ничем смыть с контура носа и выдающейся нижней челюсти. Это лицо было слишком решительным и слишком суровым, и потому его вряд ли можно было считать приятным. Однако оно было не лишено благородства. Это был прирожденный вождь человечества.

Кросс почувствовал, что грозный и острый взгляд этого человека рассекает его на части, осматривая содержимое мышеловки.

— Значит, вы все же дали себя поймать,— насмешливо произнес Кир Грей.— Не очень-то умно с вашей стороны.

Именно эти слова и выдали его. Вместе с ними Кросс уловил скользящие по поверхности мозга мысли, абсолют-

но совпадающие с этими словами, что говорило о том, что внутренний экран мозга этого человека был таким же непроницаемым, как и его собственный. Дырявый экран слэнов без антенн не шел ни в какое сравнение. Кир Грей, вождь людей, был человеком, который был абсолютно уверен, что он — ИСТИННЫЙ СЛЭН!

Только этому единственному предположению удивился Кросс, а затем его мозг застыл, как замерзший поток. Сколько лет Кетлин Лейнтон жила рядом с этим человеком и не подозревала об этом. Конечно, у нее не было опыта обращения с экранированным мышлением, да и к тому же этот Джон Петти, который, имея примерно такой же барьер, спутал все предположения, потому что, вне всяких сомнений, уж он-то был обыкновенный человек. Но как идеально диктатор имитировал человеческий тип мышления!..

Кросс взял себя в руки и произнес:

— Значит, вы — слэн!

Лицо диктатора дернулось в язвительной усмешке.

— Вряд ли это правильное определение, но все же я — слэн! Хотя и не умею читать мысли, так как не имею антенн-завитков. В течение сотен лет мы, которым была известна истина, существуем только ради того, чтобы помешать недослэнам захватить мир обычных людей. Что может быть более естественным, чем то, что нам следовало незаметно взять в свои руки правление миром людей? И разве мы не обладаем исключительными способностями на этой планете?

Джомми кивнул. Именно так оно и было, конечно. Его собственное умозаключение подтверждало это. Как только он обнаружил, что настоящие слэны не являются тайными правителями недослэнов, неизбежно возникал вывод о том, что они правят миром людей, несмотря на уверенность Кетлин и рентгеновские снимки недослэнов, которые показывают, что у Грея обычное человеческое сердце и другие человеческие органы, соответствующие анатомии людей, а не слэнов. В этом таилась какая-то чудовищная загадка.

— Я все же ничего не могу понять. Я почти ожидал этого. Слэны господствуют над людьми! Но зачем тогда вся эта антислэновская пропаганда? Что это был за воздушный корабль, который несколько лет назад передавал какие-то послания слэнов? Почему настоящих слэнов травят и убивают, как крыс? Почему нет договоренности между людьми и недослэнами? И еще много почему...

Диктатор задумчиво посмотрел на него.

— Мы время от времени пытались вмешаться в антислэновскую пропаганду. Как раз одной из таких попыток и был тот самый корабль, на который вы ссылаетесь. По некоторым соображениям я был вынужден отдать приказ, чтобы он опустился в болото. Но, несмотря на кажущуюся неудачу, мы достигли основной цели, которая была в том, чтобы убедить недослэнов, определенно замышлявших нападение, что мы все еще представляем силу, с которой приходится считаться.

И именно очевидная слабость того серебряного воздушного корабля убедила недослэнов, что мы никак не можем быть такими бессильными и, поэтому они снова стали колебаться и тем самым упустили шанс на победу.

Всегда существовало много несчастных слэнов, которых убивали в различных районах мира. Это были потомки слэнов, которые были рассеяны после Войны Бедствий и так и не воссоединились с организацией слэнов. После того, как на сцену вышли недослэны, было уже поздно что-либо предпринимать. У наших противников было положение, предписывающее подавлять любые устройства связи, которыми мы располагали.

Мы, естественно, стараемся помочь рассеянным слэнам. Однако помощь получают только те, кто проникает во дворец с целью убить меня. Вот и вы проникли во дворец, хотя и воспользовались для этого очень трудным путем. А в общем, это хорошо. В нашей организации всегда найдется место для еще одного отважного молодого человека.

Кросс холодно посмотрел на Грея. Диктатор, очевидно, не знал, кто находится перед ним. Он не знал, насколько близок час нападения недослэнов. Стараясь придать вес моменту, Джомми вызывающе произнес:

— Я поражен, что вы позволили захватить себя врасплох!

Улыбка сошла с лица Кира Грея. Он сурово произнес:

— Ваше замечание очень колкое. Вы считаете, что поймали меня. Или вы глупец, в чем я очень сомневаюсь, или на самом деле ваши руки свободны. Существует только один человек в мире, который способен уничтожить прочнейшую сталь наручников в этой камере.

Жестокое лицо императора расслабилось, исчезли морщины на лбу, но зато загорелись глаза. В них была радость, энергия, нескрываемое торжество.

— Ты... ты сделал это!— Его голос сорвался и почти

перешел на шепот.— Несмотря на невозможность чем-нибудь помочь тебе с моей стороны... наконец-то стала доступна в любой форме атомная энергия!

Голос его опять зазвенел, чистый и торжествующий:

— Джон Томас Кросс, я приветствую тебя и открытие твоего отца. Входи и садись. Я освобождаю тебя из этой мышеловки. Мы можем спокойно говорить в моем рабочем кабинете. Сюда не допускается ни одно человеческое существо.

— ...Конечно,— говорил Кир Грей,— в твоем открытии, что слэны — продукт естественного развития, а не воздействия машины, для нас нет ничего нового. Мы — очередная мутация в эволюции разума, следующая ступень развития человеческого существа. Должен сказать, что эта мутация действовала задолго до того дня, как ее заметил великий Ленн и понял, в чем состоит ее сущность. Только после этого стало известно, что природа в своей созидательной деятельности время от времени взрывается попытками изменения. Угрожающе растет число уродств, во много раз подскакивает число слабоумных. Удивительной является та быстрота, с которой биологические силы покрывают своей сетью Землю.

В течение всей истории человечества нарастала напряженность. А затем за одну четверть тысячелетия были зарегистрированы миллиарды ненормальных случаев деторождения. Человеческая природа взбунтовалась. Правда была потеряна в волне террора, который поверг мир в кошмарные разрушения. Все более поздние попытки восстановить истину были залиты потоком невероятной массовой истерии... даже сейчас, через тысячу лет!... Только мы, настоящие слэны, знаем, что безымянный период войны длился без малого 500 адских лет. И что дети-слэны, открытие Самюэля Ленна, были рождены около полутора тысяч лет тому назад. В течение первых десятков, а может быть и сотен лет почти все слэны рождались близнецами, обычно по три, реже по два.

Теперь редко рождаются близнецы. Правилом является один ребенок. Природа, выполнив свою часть работы, исчерпала себя. Дальнейшее должен был сделать разум. Но именно здесь-то и начинаются трудности.

Во время пребывания в безымянности на слэнов охотились как на диких зверей. Сейчас даже невозможно себе представить, какую жестокость проявляли люди в обращении с теми, которых они считали ответственными за на-

ступившие бедствия. По существу, слэны не имели никакой возможности по-настоящему организоваться. Наши далекие предки использовали все: подземные убежища, хирургическое удаление завитков, пересадку обычных сердец вместо слэновских сдвоенных. Но все оказалось зря.

Подозрение пресекало любые попытки сопротивления. Люди доносили на своих соседей и требовали, чтобы их проверили. По малейшему поводу полиция устраивала облавы. Наиболее тяжкие затруднения были связаны с деторождением. Если до этого родителям удавалось удачно замаскироваться, то появление ребенка всегда, почти всегда, приводило к смерти и матери, и отца, и ребенка.

Постепенно самые выдающиеся слэны начали понимать, что новая раса людей выжить не может. Разбросанные остатки слэнов сосредоточили в конце концов свои усилия на том, чтобы научиться управлять силами мутации. Наконец было обнаружено, как можно влиять на форму больших молекул, из которых состоят гены. Это было то жизненное вещество, которое управляло генами, как сами гены в свою очередь обуславливали формы различных органов и развитие тела.

Оставалось только экспериментально проверить это, на что ушло двести опасных долгих лет. Расой никак нельзя было рисковать, хотя отдельные индивидуумы рисковали своей жизнью и здоровьем. Наконец нашли, каким образом сложные группы молекул могут обуславливать форму каждого органа не только в одном поколении, но и в последующих. Стоило только немного изменить эту группу — и затронутый орган изменялся, проявляясь в прежнем виде только в последующих поколениях. Вот таким образом была изменена базовая структура генофонда слэнов, сохраняя то, что было полезным и ценным для выживания рода, и устраняя то, что оказалось опасным. Были изменены гены, обуславливающие рост завитков-антенн, таким образом удалось переместить способность к чтению мыслей во внутренние органы мозга, обеспечив то, что эта возможность не проявляется в течение многих поколений.

— Подождите!— прервал правителя Кросс.— Когда я впервые стал искать истинных слэнов, логика мне подсказывала, что они должны были проникнуть в организацию недослэнов. А сейчас вы хотите сказать, что эти недослэны и есть истинные слэны, которыми они станут через некоторое время?

— Менее чем через пятьдесят лет у них появится воз-

можность читать чужие мысли. Можем ли мы закрепить какие-либо изменения в организме навсегда, мы еще не знаем.

— Но почему их лишили этой способности к чтению мыслей, причем именно в эти решающие годы?

— Я вижу, что ты так и не понял жизнь наших предков. Мы, лидеры слэнов, изменяли так много из наших отличительных признаков, чтобы защитить будущую расу от людей.

— Поэтому вы защитили недослэнов от ярости людей, а потом изгнали, убрали у них мысль о принадлежности к истинным слэнам? Но почему вы не открыли перед ними истину?

Грей печально развел руками.

— Мы пытались, но те, кого мы выбрали в качестве доверенных лиц, подумали, что это какой-то подвох с нашей стороны. Их логика тут же погнала их в места наших тайных убежищ. Мы вынуждены были убить их всех. Нам ничего не оставалось, как ждать, когда у них восстановятся телепатические способности. А теперь, судя по тому, что ты мне рассказал, мы должны действовать быстро. Твои гипнотические кристаллы, конечно, могут быть окончательным решением проблемы антагонизма со стороны людей. Как только у нас будет достаточно много слэнов, умеющих с ними обращаться, эта трудность, скорее всего, будет преодолена. Что же касается грядущего нападения...

Он протянул руку к кнопке и, нажимая на нее, объяснил Кроссу:

— Сейчас подойдут еще несколько моих коллег. Мы должны провести срочное совещание.

— Слэны, не опасаясь людей, могут устраивать свои совещания прямо во дворце?— изумился Джомми.

— Друг мой, мы основываемся при своих операциях на ограниченности отдельных человеческих индивидуумов.

— Не уверен, что правильно понял вас.

— Все очень просто. Много лет назад очень много людей знали почти все о тайных помещениях дворца. Одним из первых мероприятий при первой же возможности было засекречивание этих знаний. Затем людей, которым было хоть что-то известно об этом, я перевел на другую работу в другие части света. Там, изолированные в отдельных правительственных учреждениях, все они были через некоторое время убиты,— он печально покачал головой.— Это заняло совсем немного времени. И как только была

установлена такая секретность — сама необъятность этого дворца, строгий военный контроль над каждой дорогой к нему предохраняли от раскрытия этих секретов. Большинство из них — истинные слэны, хотя некоторое количество недослэнов являются потомками, подобно мне, тех ранних добровольцев, которые согласились на эксперименты по трансформации своих генов настолько, чтобы выжить, и они уже знают всю правду и являются частью нашей организации. Мы могли бы, конечно, прооперировать истинных слэнов и обеспечить им беспрепятственный выход из дворца наружу, но мы достигли уже такой степени развития, когда нам нужно иметь поблизости именно настоящих слэнов, чтобы остальные могли видеть, какими будут их потомки через несколько поколений. Ведь мы же не хотим, чтобы наступила паника.

— А кем была Кетлин?— медленно спросил Кросс. У него вдруг перехватило дыхание.

Диктатор долго оценивающе смотрел на юношу и потом сказал:

— Кетлин — это эксперимент. Я хотел посмотреть, могут ли люди, которые растут вместе со слэнами, прийти к сознанию внутреннего родства с ними. Когда стало окончательно ясно, что достичь этого нельзя, я решил перевести ее в эти тайные помещения, где она могла бы развиваться с другими слэнами и стать активной помощницей. Но она оказалась проворнее и изобретательнее, чем я предполагал. Но тебе уже известно все об этой эскападе.

Слово «эскапада» было не применимым к одной из самых главных трагедий в жизни Кросса. Очевидно, этот человек в несоизмеримо большей степени привык к смертям других, чем он. Но прежде, чем он успел открыть рот и что-то произнести, Кир Грей сказал:

— Моя собственная жена, которая была настоящим слэном, пала жертвой тайной полиции, когда я...— он остановился.

Некоторое время Грей сидел с закрытыми глазами, и на его лице стало отчетливо видно страдание. Затем он встрепенулся и резко сказал:

— Я слишком заговорился. В чем же все-таки секрет твоего отца?

— О подробностях я расскажу несколько позже. Если же говорить кратко, то мой отец отверг понятие критической массы как способа использования атомной энергии. Если критическая масса приводит к атомному взрыву, то

мой отец нашел способ использования энергии атома путем нецепной реакции.

Он остановился и взглянул в открывшуюся дверь. Вошли трое мужчин с золотыми локонами в волосах. Увидев его, они убрали экранирование своих мыслей. Мгновением позже Кросс тоже убрал свой барьер, произошел как бы обмен мысленными молниями между всеми: имена, предыдущая жизнь, цели,— разного рода данные, необходимые для более полного постижения друг друга. Процесс этот ошеломил Кросса, который за исключением короткого контакта с неопытной Кетлин и своих детских взаимоотношений с родителями до этого мог только в своем воображении представлять, насколько эффективным может быть такое взаимообогащение. Он был настолько ошеломлен свалившимся на него счастьем, что был застигнут врасплох, когда дверь снова открылась.

В кабинет вошла высокая молодая женщина. У нее были лучистые глаза и волевое, зрелое, полностью сформировавшееся и нежное лицо. Взглянув на нее, Джомми окаменел, все его тело охватила холодная дрожь. И только какие-то остатки мыслей на самом дне его сознания подсказывали ему, что об этом давно следовало догадаться... Особенно тогда, когда он присутствовал при возвращении миссис Корлисс к жизни в марсианской операционной. Он мог бы понять это и тогда, когда узнал, что Кир Грей был слэном. Он должен был догадаться, зная ненависть и зависть, процветавшие во дворце, что только смерть и тайное воскрешение из мертвых могли окончательно и бесповоротно обезопасить Кетлин от Джона Петти. И именно в этот момент его мысли прервал голос Кира Грея, в котором чувствовались гордость и многолетнее ожидание этого момента.

— Джомми Кросс, разреши представить тебе Кетлин Лейнтон-Грей... мою дочь! Да, да, Джомми, эта девушка — моя дочь!

СОДЕРЖАНИЕ

Библия Пта 5
Империя атома 141
Война против рулл 279
Слэн 379

ВАН-ВОГТ А. Э.
БИБЛИЯ ПТА
Клуб «Золотое перо»
Выпуск 14

Редактор Н. М. Федоренко
Технический редактор А. Б. Кольчик
Корректор А. И. Асланянц

Подписано в печать 28.04.93 г. Формат 84 × 108/32. Бумага тип. № 1. Печать высокая. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2161.

Фирма «Топикал Ltd». 109390, Москва, 1-я ул. Текстильщиков, 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московском предприятии «Первая Образцовая типография» Министерства печати и информации Российской Федерации, 113054, Москва, Валовая, 28.

14

А.Э. ВАН–ВОГТ